

4

НОВОБЫИ
МИИР

НОВОБЫИ МИИР

1966

4

1966

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XLII

№ 4

Апрель, 1966 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПО ПУТИ, ПРЕДНАЧЕРТАННОМУ ПАРТИЕЙ. Беседы с Н. К. Байбаковым, С. Т. Бабаянцем, Н. А. Разумовым	3
НИКОЛАЙ ДУБОВ — Беглец, повесть	17
ДМ. СЕРГЕЕВ — В сорок втором, рассказ	96
МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ — Два стихотворения. Перевели с грузинского Юрий Левитанский и Белла Ахмадулина	111
В. САВЧЕНКО — Письмо, рассказ	113
ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР — Детство, Ода апельсину, стихи	122
АЛЕН БОСКЭ — Два стихотворения. Перевел с французского Михаил Кудинов	124
И. ИСАКОВ — Из давних былей	125
ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ	
ПОЛИНА ВИНОГРАДСКАЯ — Октябрь в Москве	143
ПУБЛИЦИСТИКА	
Н. ВЕРХОВСКИЙ — Влага и урожай	187
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Л. АРУТЮНОВ — Акоп Акопян (К 100-летию со дня рождения)	206
ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ — Книга Марины Цветаевой	213
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
Из писем А. А. Фадеева. К 10-летию со дня смерти писателя (Публикация и вступительная статья С. Преображенского)	225

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
А. Турков. Книга очерков.— Н. Гей, В. Пискунов. О новом романе В. Кожевникова.— А. Кондратович. Мера всех мер.— В. Жданов. Добролюбовский сборник.— А. Шаров. Сказочник и сказка.	234
<i>Политика и наука</i>	
Д. Аллахвердян, Г. Герцович. Энциклопедия экономических знаний.— В. Ольшанский. Важная проблема.— Наталья Ильина. Сомнительная свежесть.— Г. Иванов. Это интересно многим.	249
ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ	
К. Маштакова. Книги, подаренные Ильичу.— М. Рабинович. Археология, этнография и художественная литература.— П. Бойко. Конфликт не состоялся...	263
КОРОТКО О КНИГАХ — Человеку, другу, вождю. Сборник документов.— История исторической науки в СССР.— Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества.— Слово о земляках. Сборник.— Юрий Оклянский. Шумное захолустье.— О. Б. Шпаро. Освобождение Греции и Россия (1821—1829).— Вен. Тихомиров. Небо закрыто льдами.— Вл. Санги. Первый выстрел.— Олег Куваев. Чудаки живут на востоке.— Толстой-редактор.— А. Образцова. Драматургический метод Бернарда Шоу.— И. А. Тертерян. Бразильский роман XX века.— Г. Крыжицкий. Мамонт Дальский.— Аль-Джахиз. Книга о скупых.— Курт Рюкман. Сенсация: убийство! — В. В. Шеворошкин. Исследования по дешифровке карийских надписей.— Ю. С. Мусабеков. Марселен Бергло. 1827—1907.— Олег Игнатъев. Амазонка глазами москвича.— В. Неговский, Н. Уманец. Рассказ о побежденной смерти.— А. М. Гусев. Климат и погода.— А. Ф. Хорошев. Это от тебя зависит, человек.	275
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

ПО ПУТИ, ПРЕДНАЧЕРТАННОМУ ПАРТИЕЙ

ПОРУКА УСПЕХА — НАУЧНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

*Беседа с заместителем Председателя Совета Министров СССР,
председателем Госплана СССР Н. К. Байбаковым*

Большие перемены в народном хозяйстве страны, predeterminedенные решениями мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС, коснулись сельского хозяйства, промышленности, всей экономики страны. В новых условиях сильно возросла роль плановых органов. От них потребовались перемены и в стиле, и в методах работы.

Одна из главных задач плановых органов — улучшение перспективного планирования и повышение роли пятилетнего плана как важнейшего условия широкого внедрения достижений науки и техники, непрерывного роста производства и обеспечения правильных пропорций в развитии народного хозяйства. Естественно, что большие по своим масштабам народнохозяйственные задачи не могут быть решены в течение одного года. Правильное их решение возможно лишь в перспективном плане. Между тем многие годы в нашей хозяйственной жизни перспективные планы не занимали должного места, не носили адресного характера и не доводились до каждого предприятия. Это порождало возможность необоснованного, волюнтаристского решения сложных хозяйственных проблем.

Известно, что в процессе выполнения семилетнего плана были приняты решения о более быстром, чем это предусматривалось контрольными цифрами семилетки, развитии некоторых отраслей промышленности. Эти дополнительные решения требовали перегруппировки уже распределенных перспективным планом средств, вызывали серьезное напряжение в экономике страны, порождали диспропорции и приводили к большим потерям в народном хозяйстве.

Сейчас положение изменилось в корне. Директивы по новому пятилетнему плану, утвержденные XXIII съездом КПСС, разработаны на научной основе и подтверждены технико-экономическими расчетами. И в этих-то условиях ответственность плановых органов за гармоническое развитие всего народного хозяйства выросла чрезвычайно.

В этой беседе мы не будем касаться многих тонкостей. Думается, гораздо важнее обрисовать общую картину, сказать о главных тенденциях в развитии народного хозяйства.

Главным направлением пятилетнего плана является повышение эффективности всего общественного производства, всемерное использование достижений науки и техники. Только на этой основе можно обеспечить решение крупных задач, предусмотренных в пятилетнем плане по значительному росту промышленности, достижению высоких темпов развития сельского хозяйства, существенному подъему уровня жизни народа.

Особенность нового пятилетнего плана — быстрое техническое перевооружение всего народного хозяйства, прогрессивное изменение его структуры, индустриальное развитие всех отраслей общественного производства.

Важнейшая роль в техническом перевооружении народного хозяйства в предстоящей пятилетке будет принадлежать тяжелой индустрии. Ее ведущие отрасли, обеспечивающие технический прогресс, а следовательно, и эффективность производства, — электроэнергетика, машиностроение, особенно радиоэлектроника, химия, нефтяная и

газовая промышленность получат опережающее развитие по сравнению с промышленностью в целом. Доля этих отраслей в общем объеме промышленного производства увеличится с тридцати семи процентов в 1965 году примерно до сорока двух процентов в 1970 году.

Новой чертой развития нашей экономики в предстоящем пятилетии будет повышение технического уровня производства тех отраслей, которые теснейшим образом связаны с удовлетворением потребностей населения и его обслуживанием — сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность, торговля, общественное питание, бытовое обслуживание.

У Госплана СССР и Госпланов республик сейчас появились хорошие возможности для улучшения балансовой работы. Планы должны базироваться только на экономических расчетах и должны быть весьма тщательно сбалансированы. Этому нужно уделять максимум внимания.

Для повышения уровня научного планирования весьма важно составлять не один вариант народнохозяйственного плана, а несколько. Именно по этому пути мы и идем: перед нами стоит задача — разработать несколько вариантов плана, а затем тщательно изучать их и сравнивать. Это позволяет выбрать наиболее оптимальный вариант.

Известные трудности есть в организации нормативного хозяйства. Например, ни в одной из отраслей народного хозяйства нет еще единой стройной системы технико-экономических нормативов. И именно отсюда происходят многие ошибки при составлении планов. Ведь технико-экономические нормативы — не что иное, как первичная информация. Любая вычислительная машина, если в нее заложить неправильную первичную информацию, даст неверный ответ.

Сейчас серьезные усилия плановых органов и ведомств должны быть направлены на приведение в порядок нормативного хозяйства.

В связи с новыми задачами изменилась и структура Госплана СССР. К нам пришло много новых людей, хорошо знающих экономику производства и планирование. Среди них немало научных работников, специалистов по вопросам развития той или иной отрасли.

Появилась возможность организовать структурные подразделения по всем отраслям народного хозяйства. Например, для улучшения балансовой работы создано шесть специализированных отделов. Вопросами территориального планирования также будет заниматься созданный для этого отдел.

В пятилетнем плане серьезное внимание уделено вопросам внедрения достижений науки и техники в народное хозяйство. Этим в Госплане СССР будет заниматься специальный отдел. Созданы службы, которые планируют использование в народном хозяйстве вычислительной техники, новых методов экономического стимулирования.

Мы полагаем, что вся эта внутренняя перестройка поможет нам работать с большей четкостью и обеспечит научно-экономическое планирование развития народного хозяйства страны. Научное планирование — наиважнейшая задача, которая должна решаться не только в Госплане СССР, но и на каждом предприятии, в каждом ведомстве и министерстве.

Разумеется, весь комплекс предполагаемых работ немисливо провести без помощи вычислительной техники. Ведь предстоит сделать колоссальные по трудоемкости работы. Госплан СССР придает большое значение развитию производства всевозможных вычислительных машин. Они понадобятся всюду: и на заводах, и в министерствах. Вот почему за пятилетку выпуск электронно-вычислительной техники для планирования и управления, а также для других нужд народного хозяйства увеличится почти втрое. Мы уже сейчас многие расчеты делаем с помощью электронно-вычислительных машин. Предполагается механизировать такие расчеты, как баланс общественного продукта и национального дохода, баланс денежных доходов и расходов у населения, баланс трудовых ресурсов... Таким образом, основную массу расчетов будут делать машины.

Мы уже говорили о преимущественном развитии тяжелой индустрии. Это позволит ускоренными темпами перевооружить всю промышленность, оснастить ее прогрессив-

ным оборудованием, экономически эффективнее вести производство. Например, намеченный планом уровень производства электроэнергии повысит электровооруженность труда в промышленности в полтора раза, а в сельском хозяйстве — в три раза. Следовательно, появится возможность внедрять наиболее совершенные технологические процессы. Производство химической продукции будет расширено вдвое. Мы будем выпускать, например, пластмасс в 2,8 раза больше. Производство минеральных удобрений и химических волокон удвоится. Все это скажется на экономике страны. Казалось бы, ну какая выгода от того, что хлопок будет заменен в ряде случаев искусственным волокном? На самом же деле выгода огромная. В конце пятилетки мы, применяя искусственные волокна, должны сэкономить два с половиной миллиона тонн хлопка. Но это лишь один пример. Таких примеров много. Так вот, экономя во всем, организуя рационально производство, мы создадим все возможности для улучшения жизни людей.

Хочу привести еще один пример. За пятилетие планом предусмотрено снизить расход стали в прокатном производстве на три—пять процентов, а проката черных металлов в машиностроении — на двадцать два — двадцать пять процентов. Человек, не подумавший серьезно, может сказать: «Ну и что? Какая мне лично выгода, если металлурги и машиностроители будут экономить металл?» На самом же деле выгода очень большая. И каждый так или иначе ощутит ее. Поясню, в чем тут дело. В себестоимости промышленной продукции материальные затраты составляют примерно две трети. И если удастся уменьшить расход материалов всего на один процент по стране — государство получает более полутора миллиардов дохода в год. Как известно, доход этот идет на развитие всего народного хозяйства и в значительной мере на удовлетворение непосредственных нужд населения, на улучшение его жизни.

Еще одной характерной тенденцией нового пятилетнего плана нужно считать сближение темпов развития сельского хозяйства и промышленности, сближение темпов роста средств производства с темпами производства предметов потребления. Если в прошлом пятилетии темпы роста средств производства превышали темпы роста средств потребления на пятьдесят два процента, то теперь они будут выше лишь на одиннадцать процентов. Это весьма показательно для нового пятилетнего плана. Дело в том, что благодаря наиболее рациональному хозяйствованию удастся направить громадные средства на расширение производства средств потребления: пищи, одежды и прочих товаров.

В текущем пятилетии предполагаются серьезные сдвиги в размещении производительных сил. В восточных районах страны, обладающих дешевыми энергетическими ресурсами, будут развиваться быстрыми темпами всевозможные энергоемкие производства. Там будут построены новые металлургические и химические заводы, предприятия лесной и деревообрабатывающей промышленности. В Западной Сибири открыты огромные запасы нефти и газа — этого прекрасного топлива. И, естественно, здесь должны возникнуть большие промышленные комплексы. Здесь вырастут современные и красивые города. Здесь будут проложены новые железные и шоссейные дороги, будут построены новые аэродромы. Громадная территория восточнее Урала — с ее дикой тайгой и полноводными реками — станет районом с высокоразвитой промышленностью. И люди там будут жить ничуть не хуже, нежели в обжитых районах европейской части страны.

Но все это будет. А пока нам нужно для осуществления этого работать не покладая рук. Ведь никто, кроме нас самих, не построит нам жизнь такую, какую мы хотим. Сейчас, после XXIII съезда партии, наши очередные задачи четко определены. Теперь нужно действовать. Всем ясно, что экономическая политика, которую проводит наша партия и правительство, выражает коренные интересы советских людей, и они сделают все от них зависящее, чтобы наши планы стали реальной действительностью.

Беседу записал Е. Темчин.

В НОВУЮ ПЯТИЛЕТКУ — С НОВЫМ ОПЫТОМ

*Беседа с делегатом XXIII съезда КПСС, директором Московского
игльно-платинового завода С. Т. Бабаянцем*

— Большой идейный, поистине творческий заряд, полученный на съезде, — говорит С. Т. Бабаянц, — вся его деловая атмосфера невольно заставляет каждого из нас еще энергичнее и вдумчивее, без парадной шумихи и торжественных обещаний, приниматься за вверенное дело.

Цифры утвержденных съездом Директив по пятилетнему плану — результат трезвого научного расчета; новые рубежи развития нашей экономики реальны, вполне осуществимы, и все мы ждем их окончательного воплощения в конкретные планы.

Почему столь важно для нас, работников промышленности, своевременно иметь пятилетний план — не только для отрасли, но и для каждого предприятия? Почему с таким нетерпением ждали мы проекта Директив, так активно и заинтересованно обсуждали его? Я вспоминаю разговор со своим собратом, директором одного машиностроительного предприятия, состоявшийся у меня незадолго перед съездом. Он рассказывал о том, как ему в прошлом году в течение одного квартала несколько раз меняли план прибыли. Только-только завод, напрягая силы и мобилизуя резервы, добивался сверхплановых накоплений и уже начинал подсчитывать, какую их часть он сможет отчислить в фонд предприятия — на премирование людей, на строительство жилья, — как очередное указание сверху разрушало все эти надежды, внося изменения в план.

Естественно, что в таких условиях коллектив не был заинтересован в выявлении резервов, постоянно жил под угрозой, что ему «срежут» сверхплановые накопления, не имел ориентира. У завода не было раз навсегда установленного семилетнего плана, не было перспективы, ее отсутствие и позволяло вносить произвольные изменения в план, лишало людей заслуженного поощрения.

Слушая доклад А. Н. Косыгина, голосуя за утверждение Директив по пятилетнему плану, я прежде всего думал о том, что пятилетка, доведенная до каждого предприятия, должна положить конец произволу в заданиях, такому вот «срезанию» накоплений. Она дает возможность работать спокойно и с перспективой.

Я думал и о том, что ровно год назад впервые были установлены для колхозов размеры продажи сельскохозяйственной продукции государству на пять лет вперед. А ведь это два явления одного порядка. Оба они порождены стремлением партии оградить производственную ячейку — будь то колхоз или завод — от субъективизма, от произвольных, ничем не подкрепленных указаний, стремлением дать четкое, обоснованное задание.

Но, давая пятилетним планом ответ на вопрос, сколько и что производить, партия одновременно отвечает и на вопрос, как производить, решая проблему планирования и экономического стимулирования производства.

«Важнейшим условием выполнения намеченного плана развития промышленности, — сказано в докладе А. Н. Косыгина, — является внедрение на промышленных предприятиях экономической реформы, утвержденной сентябрьским Пленумом. На новую систему уже переведен ряд крупных предприятий с общей численностью рабочих и служащих более 300 тысяч человек».

В числе этих предприятий был и наш Московский игльно-платиновый завод.

Когда у нас спрашивают, почему именно ваш завод оказался в списке первых промышленных коллективов, переведенных на работу по новым экономическим показателям, ведь в Москве лишь тринадцать таких предприятий и попасть в их число было не так-то просто (специальная отборочная комиссия Госплана, всесторонняя проверка), мы отвечаем: конечно, прежде всего потому, что у завода были неплохие производственные показатели — уровень рентабельности, гарантированный сбыт продукции, сравнительно высокое ее качество. Но есть еще и другая причина — в течение последних лет в цехах велась экономическая работа, в известной мере подготовившая нас к экономической реформе.

В начале семилетки нужда в нашей продукции — технологической оснастке для текстильных и трикотажных фабрик, заводов искусственного волокна — была велика, как никогда. Для того, чтобы обеспечить потребности заказчиков, нам предстояло за семь лет на тех же площадях почти вдвое увеличить выпуск продукции. Откровенно говоря, эта задача тогда нам казалась трудноразрешимой.

Мы, разумеется, понимали: выход один — реконструкция. Объединение разрозненных механических операций в единые технологические потоки, замена стареньких станков и прессов современными и высокопроизводительными автоматическими линиями. Но производство у нас уникальное. А значит, опыта создания таких линий нигде нет и помощи ни от проектного института, ни от станкостроительного завода ждать не приходится. Автоматизировать своими силами? Строить оборудование в своих вспомогательных цехах? Легко сказать. Вспомогательные цехи и так загружены до предела, постоянно выручают основное производство, работают непосредственно на программу. Из-за этого, естественно, не хватает запасных частей, не всегда соблюдаются сроки профилактического ремонта оборудования, что в свою очередь отражается на ритме (станки выходят из строя, простаивают) и на точности обработки деталей.

Одна беда тянула за собой другую, и все они смыкались в один круг — традиционный «порочный круг», — что всегда бывает на плохо организованном производстве. Разорвать этот круг можно было лишь хорошо продуманным и подготовленным производственным маневром с помощью хорошо взаимодействующих экономических рычагов.

Игольно-платиновый завод, конечно, далеко не единственное предприятие, на котором в последние годы произошла реконструкция. Но здесь вместе с техническим переоснащением производился глубокий экономический анализ производства.

Техника доставалась коллективу дорогой ценой — сами строили, сами осваивали, — но и использовать ее стремились с максимальной отдачей. Так пришли к мысли об оценке деятельности цехов не только по объему выпуска, но и по коэффициенту использования оборудования, исходя из стоимости основных фондов. Руководствовались принципом: «Кому больше дано, с того больше и спросится» — в самом прямом его смысле.

Для каждого цеха и участка были разработаны специальные экономические паспорта. В них фиксировали число станков и линий и их стоимость, выпуск продукции на один рубль основных фондов, резервы производственной площади и ряд других показателей. Иметь такие паспорта — значит работать с открытыми глазами. И если раньше некоторые руководители цехов стремились объяснить свои неурядицы недостатком оборудования, то теперь они уже начинали опасаться, как бы излишек техники не сказался на экономических показателях цеха.

Экономические паспорта получили и многие станочники. Эти документы легли в основу соревнования за лучшее использование основных фондов. Но один рычаг подъема производства приводил в действие другие.

Освоение первой же автоматической линии потребовало перепланировки цеха. В закуток эту линию не поставишь. Значит, долой перегородки и клетушки. И сам облик цеха меняется. Вместо асфальтовых, размякших от масла полов — кислотостойкие, вместо старых оконных блоков — новые, более светлые и удобные по конструкции. Вместо старых привычных верстаков — столы с мягкими подлокотниками и специальными подножками, вместо табуреток — стулья с регулирующими устройствами спинки и сиденья.

Экономисты подразделяют основные фонды на две категории: активные (те, с помощью которых производится продукция) и пассивные (здания, сооружения). На заводе на собственном опыте убедились, насколько условна такая терминология. Когда в цехах стало светло и чисто, когда людям стало удобно и легко работать, когда начали вступать в строй жилые дома, появилась новая просторная столовая, детский сад, пионерлагерь — вот тогда-то в коллективе в полной мере ощутили, насколько активными могут быть эти пассивные фонды. Их активность проявилась и в резком росте производительности (за семилетку вдвое), и в снижении текучести кадров, и в улучшении настроения людей.

Здесь опять-таки проявил себя закон взаимодействия всех сторон производства. Тот же круг, только теперь уже порочным его не назовешь. Но и на этом круг не замы-

кался. Уже в последний год семилетки на заводе начал находить распространение индивидуальный хозяйственный расчет. Впервые такая мысль зародилась в одном из цехов завода, в партгруппе наладчика А. Антоновича. Она была закономерным продолжением той экономической работы, что проводилась на предприятии из года в год.

В самом деле, люди учились считать основные фонды, планировать отдачу от автоматических линий, беречь оборудование и как можно эффективнее его использовать. Ну, а сырье, инструмент, материалы — все то, что составляет оборотные фонды? Естественно было подумать об их рациональном использовании.

С помощью экономических служб были разработаны специальные хозрасчетные карты на каждую автоматическую линию. Наладчики получили так называемые заборные книжки, в которых фиксировалось количество полученных и израсходованных материалов. Таким образом, легко подсчитать себестоимость продукции, выпускаемой каждым рабочим. В конце квартала подводился итог и люди получают премию в виде определенного процента от сбереженных ими ценностей. И хоть невелики были те премии (они выдавались из фонда предприятия), но вкус к материальному стимулированию прививали.

— Значит, и в прежних условиях завод мог в какой-то мере использовать экономические рычаги?

— Конечно. Да и потом, вы же понимаете, положения экономической реформы не возникли из воздуха, не были плодом досужих размышлений наших экономистов. За ними стоял опыт многих предприятий, экспериментальная проверка. Интересные эксперименты проводились в промышленных коллективах разных отраслей: в объединении «Большевичка», на заводе имени Владимира Ильича, на Первом автокомбинате. Мы тоже внесли свой вклад в этот коллективный эксперимент. Потому и подошли к переходу на новую систему, уже накопив опыт внедрения хозяйственного расчета, борьбы за эффективное использование основных фондов. Конечно, этот опыт не избавил нас от трудностей.

Трудность № 1, с которой сталкивалось, наверное, каждое из предприятий, перешедших в этом году на работу по-новому,— проблема «пускового импульса». И каждое решало ее по-своему.

— Из чего складывается баланс завода? — продолжает С. Т. Бабаянц.— Объем реализованной продукции минус затраты на производство. Так образуется прибыль. По существующему нормативу шесть процентов прибыли завод платит государству за производственные фонды. Определенную сумму отчисляет банку за пользование кредитом. Какую-то часть остатка он может взять себе в фонды поощрения. А какую? Нормативов еще не установлено, да и отчисления в бюджет уже предусмотрены на весь год финансовым планом, утверждены совнархозом, так что вновь созданное министерство не может вносить изменения. Но средства на фонды поощрения где-то брать надо. Эти фонды — основа системы, без них механизм работы по-новому запустить трудно. Итак, перед руководителями завода встали два вопроса. Каков должен быть фонд материального поощрения и откуда его взять?

На первый вопрос ответить было сравнительно легко. Конечно, уровень премирования в течение года следует сделать уж не меньше прежнего. Помимо всего прочего, надо как-то поощрить людей в конце года по результатам их работы. Решили, что эта премия должна быть не меньше десятидневного заработка рабочих.

Теперь откуда взять эти деньги, так же как средства для развития производства, социально-бытовых мероприятий и жилищного строительства? Какую-то часть фонда составят отчисления от сверхплановой прибыли по результатам прошлого года — старый фонд предприятия. А остальное приходится находить самим за счет изыскания дополнительных резервов производства.

— Прибегли к испытанному средству, — говорит С. Т. Бабаянц.— Решили своими силами построить за год шесть автоматических линий и несколько десятков специальных станков. Такая автоматизация даст возможность на два процента увеличить объем выпуска. А это соответственно означает дополнительную прибыль.

Но сформированные фонды еще не рычаг дальнейшего подъема производства.

Рычагом они становятся, когда определена доля личного участия в общем деле. И тут на сцену выходит хозрасчет.

— Как же изменился внутриводской хозрасчет в новых условиях?

В ответ на этот вопрос С. Т. Бабаянц достает из ящика стола географическую карту страны. Условными значками на ней обозначены текстильные, трикотажные и химические предприятия, получающие из Москвы технологическую оснастку.

— Предприятий несколько тысяч, и отношения у них с заводом складывались до сих пор по-всякому. В первую очередь стремились удовлетворить нужды тех, кто поближе, понастойчивее. И совнархоз свой, и связи покрепче. Впрочем, сбыт не был перво-степенной заводской проблемой. Не так уж важно, когда потребитель получит изделия. Главное — сдать продукцию на склад.

В нынешнем году появился новый показатель — объем реализованной продукции. Реализованной — не сданной на склад, а отправленной к заказчику, дошедшей до него и оплаченной.

Новый показатель получил завод, получили и цехи. Его положили в основу цехового хозрасчета. Ежели завод отчитывается перед государством за реализованную продукцию — значит, и цех отчитывается перед заводом, тем более что изделия основных производственных цехов идут непосредственно к потребителю.

Теперь уже не отчитаешься, выпустив столько-то десятков тысяч нгп. План выполнен лишь тогда, когда изделия получил потребитель, получил и оплатил, когда средства совершили оборот.

— Понимаете, что выходит, — говорит С. Т. Бабаянц. — Теперь географию распределения нашей продукции изучает не только отдел сбыта, но каждый начальник цеха и даже мастер. Он думает о том, чтобы его изделия дошли, скажем, до Владивостока, чтобы за них заплатили. Только тогда он выполнит план. Мастер и начальник цеха становятся коммерсантами в самом лучшем смысле этого слова. Они заботятся и о самых дальних своих партнерах.

Замена пресловутого вала объемом реализованной продукции сказала не только на взаимоотношениях с заказчиками, но и на ритме работы — этом самом чутком барометре производства. Вместе с директором мы рассматриваем диаграмму ритмичности производства. Вот январь — первый месяц работы по новым показателям. В первую пятидневку выполнено лишь пять процентов месячной программы. Традиционная раскачка. Дальше линия то идет вверх, то круто падает вниз. В последние пять дней треть месячного задания. Штурм. А вот март. Первая пятидневка — шестнадцать процентов. Последняя — пятнадцать. Линия становится почти параллельной прямой.

Постепенно наш разговор уходит от тем чисто производственных. С. Т. Бабаянц делится своими размышлениями о последствиях экономической реформы. Ее воспитательных последствиях. А они велики, значительны и многообразны.

— Вы никогда не задумывались, — говорит он, — над тем, почему у нас часто так сухи, казенны и парадны обязательства рабочих бригад? В самом деле, трудятся люди по-разному и чаще всего неплохо, а сказать им о своей работе словно бы и нечего. У всех одно и то же: «перевыполнить», «добиться», а как перевыполнить, как добиться? Мы столкнулись с этим впервые, вводя экономические паспорта, индивидуальный хозрасчет, и поняли: объяснить надо человеку, что от него требуется, объяснить толково и спокойно и показать, что он получит, если работать будет лучше.

За словом «объяснить» стоит многое. Собственно, приведение в действие всех рычагов подъема производства на заводе начиналось с экономической учебы. Ее особенностью была предельная конкретность. Занятия проводили руководители служб, отделов, сам директор. Стремилась, чтобы экономические понятия становились осязаемыми. Все на примере цеха, участка, станка. Кстати, после одного из таких занятий и появилась в партгруппе наладчика А. Антоновича мысль об индивидуальном хозрасчете, о сбережении оборотных фондов...

В завкоме профсоюза мне показывали обязательства наладчиков первого цеха. Они деловиты, просты, составлены на основе экономических расчетов. Смысл обязательств таков. Моя автоматическая линия стоит столько-то рублей, занимает столько-то квадратных метров площади. В прошлом году съем продукции был такой-то. Обя-

зуюсь за счет сокращения времени на переналадку, уменьшения потерь от брака увеличить съем продукции на столько-то. За счет снижения расхода вспомогательных материалов сберечь столько-то рублей. Это уже обязательства людей, мыслящих экономическими категориями!

Там же, в завкоме, мне рассказали любопытную и характерную подробность. В последние месяцы, сразу же после перехода на новую систему, в профсоюзном комитете резко возросло число жалобщиков.

— Да-да, жалобщиков,— говорила предзавкома.— Понимаете почему? Раньше дадут человеку выговор, скажем, за прогул. Он только рукой махнет — одним выговором больше! Не уволят же — люди-то нужны! А теперь административное или общественное порицание приобрело материальный вес. В конце года можешь получить как премию не десятидневный заработок, а только пятидневный или даже совсем лишиться премии. И теперь оспаривают люди каждое такое взыскание, идут в завком.

Размышляя над этим фактом, С. Т. Бабаянц говорит о том, насколько материальные стимулы расширяют сферу воздействия коллектива на отдельного человека.

Получалось так, замечает он, что в течение долгого времени мы как бы стеснялись говорить о зарработке, пытались воспитывать в человеке своего рода презрение к материальным благам. Да и к тому же считалось, что зарплата далеко не всегда определяет ценность работника. А почему, собственно, не определяет? Должна определять. К этому надо стремиться. «Каждому по труду». Строго по труду.

Пусть не упрекут меня в примитивном меркантилизме, пусть не подумают, что в заботе о материальном поощрении мы забываем о моральных стимулах, тем более что оба вида стимулирования неразрывно связаны между собой и каждый процент увеличения заработка рабочего при правильной организации дела приносит два процента повышения производительности.

Мы убеждались в этом даже в тех сложных условиях, в которых предприятие работало до проведения экономической реформы. Люди же, побывавшие на Первом московском автокомбинате — хозяйстве, первым в Москве получившем экономическую самостоятельность,— приводят любопытные цифры. Средняя зарплата шоферов увеличилась за первые четыре месяца работы по-новому на тринадцать процентов, а производительность возросла на двадцать пять процентов. Каждый процент роста заработка дал два процента увеличения производительности. Вот результат доверия к людям, правильного морального воздействия!

О том, что далеко не все измеряется рублем, свидетельствует и такой факт. Года два назад московские социологи провели опрос на нескольких станкостроительных заводах столицы. Они стремились выяснить причины текучести рабочей силы, задавая разным группам станочников вопросы: «Что вам нравится и что не нравится в вашей работе?» Оказалось, что в причинах ухода людей зарплата стоит на седьмом месте. На первом — условия труда, уровень культуры производства. Ценят же более всего «товарищеские отношения в коллективе». Примечательное явление. Значит, главное: отношения в коллективе — один из основных моральных стимулов.

Поднимая разговор на эту тему, мы, казалось бы, вступаем в область неосознаваемую, далекую от экономических рычагов производства. Но так только кажется. На заводе поняли это в период реконструкции производства, развивая собственное станкостроение. Главной опорой в создании новой техники были заводские рационализаторы, слесари, наладчики, инженеры из отделов. Их, естественно, всячески поощряли и стремились создать им самые благоприятные условия для работы. Постепенно стали возникать своеобразные творческие группы, состоящие из рабочего и инженера. Эффект они давали огромный. И что интересно: работая раньше, сам по себе наладчик кое-что придумывал, кое-что внедрял; работал и инженер неплохо, но вот объединение их дало плоды богатейшие: высокопроизводительные автоматические линии, оригинальные приспособления. Стали выяснять, кто что делал: может, инженер чертил, рабочий в металле изготавливал? Ничего подобного. Все вместе. Все неразделимо. Произошла психологическая совместимость двух индивидуальностей. Совершенно своеобразное явление. И надо сказать, что коэффициент полезного действия такой совместимости необычайно высок. У нас самые эффективные автоматические линии созданы наладчиком А. Шор-

нниковым и инженером И. Царицыным, слесарем А. Афанасьевым и конструктором А. Могилевским, братьями Талаевыми, один из которых наладчик, а другой конструктор.

Если взглянуть на это явление поглубже, то начинаешь понимать: психологическая совместимость нужна не только при создании нового станка, но и вообще в изготовлении любого изделия. Она необходимое условие жизни всякого активно действующего коллектива. Следствие подъема производства, она сама влечет за собой этот подъем, принося ощутимые материальные выгоды.

Хозяйственная реформа открыла перед нашим заводом, да и перед всеми остальными возможности морального и материального стимулирования людей, она приводит в действие новые экономические рычаги подъема производства.

Теперь куда реалистичнее и увереннее мы смотрим на наш новый пятилетний план. Он определяется прежде всего пятилетними планами наших потребителей. В два раза намечено увеличить за пятилетие выпуск химического волокна, более чем в полтора раза — производство трикотажа, значительно растет выпуск тканей. Эти цифры и определяют темпы роста завода.

В ближайшие годы нам опять-таки предстоит резко увеличивать объем продукции, а значит, еще шире механизировать производство, создавать новые и новые автоматические линии (благо опыт их строительства есть), добиваться еще большей отдачи от производственных фондов. Но теперь эта работа будет проводиться в условиях хозяйственной реформы.

— Предприятие получило механизм материального стимулирования, — говорит директор, — нужно его совершенствовать, дорабатывать. Будем еще глубже внедрять хозяйственный расчет, доводя его до каждого рабочего. Будем совершенствовать отношения с заказчиками, тщательнее изучая их требования, шире пользоваться банковским кредитом для строительства новой техники.

Пока позади лишь несколько месяцев работы по-новому. Окончательные выводы делать рано. Ясно лишь одно: новая система хозяйствования, принятая партией, жизнеспособна и действенна.

Беседу записал М. Румер.

ГЛАВНАЯ ЗАБОТА

*Беседа с членом Государственного комитета стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР
Н. А. Разумовым*

Я хочу начать с цитаты. В докладе А. И. Косыгина на XXIII съезде партии есть такая фраза: «Научно-технический прогресс неразрывно связан с повышением качества продукции». Для меня — и, думается, для любого инженера, какую бы должность он ни занимал в промышленности, — она означает, что повышение качества продукции наряду с повышением эффективности производства становится отныне нашей главной заботой.

Почему?

Прочтите внимательно Директивы съезда по пятилетнему плану — и вы увидите, что это план научно-технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства. Планируется в широких масштабах дальнейшее развитие электроники, вычислительной техники, автоматизация и механизация основных и вспомогательных процессов в сфере производства, распределения и бытового обслуживания.

Добиваясь роста производительности труда, мы стремимся заменить, где это возможно, надежные руки и даже мозг человека быстродействующими машинами. И если машины оказались бы ненадежными, был бы загублен не только труд, вложенный в создание техники, но и труд, который предстоит затратить в будущем.

Современное интенсивное промышленное производство, в основе которого лежат принципы непрерывности процессов и автоматизации управления ими, невозможно

без высококачественных машин, приборов и материалов. В наши дни проблема технического совершенства продукции рассматривается по-новому. Еще недавно мы оценивали качество изделий, сопоставляя их параметры с нормами и стандартами, которые сами для себя установили. Теперь речь идет о том, что продукция советских предприятий должна соответствовать наивысшему научно-техническому уровню мировой промышленности.

Поэтому чрезвычайно важно определить сам термин «качество промышленных изделий» в его современном понимании. И еще важнее внедрить его в сознание людей.

Так что же это такое — качество промышленной продукции?

Все мы часто пользуемся словом «качество» как простым синонимом слова «добротность». Но это понятия далеко не идентичные, и «качество» как технический термин вмещает в себя десятки понятий, которые в свою очередь складываются из многих элементов.

Основными признаками понятия «качество продукции» теперь принято считать: технические эксплуатационные и потребительские особенности; степень надежности и долговечности; технологические показатели; художественно-конструкторские достоинства; удельный вес стандартизации, нормализации и преемственность конструкции. Хочу предупредить, что было бы ошибкой, оценивая любое промышленное изделие, применять к нему весь перечень признаков высокого качества. Это дело тонкое, и отбирать признаки, чтобы оценка в результате получилась объективной, должны люди весьма компетентные.

Попытаемся раскрыть смысл хотя бы первых двух групп показателей.

Технические эксплуатационные и потребительские особенности должны определить возможности применения и область применения изделия. Нам важно, например, знать, универсально оно или имеет узкоспециальное назначение. Скажем, завод представляет к оценке автоматическую линию, которая предназначена для обработки сложной корпусной детали. Линия может быть «жесткой», то есть переналадить ее на другой объект невозможно. В этом случае, если снять деталь с производства, нужно снимать с фундамента и линию. Но она может оказаться и «гибкой» — переналаживаемой. И это в определенных условиях заметно повышает ее ценность.

Разумеется, необходимо учитывать и такие показатели, как производительность, коэффициент полезного действия, габариты, вес.

Наиболее точно оценивают изделие в этой группе отличительных признаков качества удельные показатели. Скажем, владельцу автомобиля вовсе не безразлично, сколько литров бензина «съест» двигатель его машины за сто километров пробега. А в самом двигателе важен его собственный вес, отнесенный к единице мощности. Взять хотя бы самый общедоступный пример из области спортивного быта: долгое время наша промышленность выпускала подвесной лодочный мотор «стрела» мощностью в пять лошадиных сил. Весил он двадцать шесть килограммов. Новый мотор «ветерок» при восьмисильной мощности весит двадцать четыре килограмма. Для переносного подвесного двигателя каждый килограмм — лишний, а каждая лошадиная сила — желанна.

Вот так на практике выглядит удельный показатель первого признака качества: «вес на единицу мощности».

Для оценки изделия применяются еще, например, показатели, отнесенные к единице времени. Вот старый строгальный станок. Резец на нем снимает стружку, только идя вперед. Обратный ход — холостой. Новые строгальные станки режут металл и при поступательном, и при возвратном движении. Они почти все время делают полезную работу. Стало быть, отношение рабочего хода к холостому у них благоприятное, они заслужат более высокую оценку по первому признаку качества.

Нет надобности перечислять далее все элементы, которые нужно учитывать, оценивая технические эксплуатационные и потребительские особенности изделия. Их еще добрых полтора десятка. Важно подчеркнуть, что все они легко или относительно

легко измеряются объективными и непогрешимыми приборами, для всех есть освященные мировыми стандартами единицы измерения.

Однако нет правил без исключений. Ряд свойств изделий, особенно потребительских, можно оценить только органолептически. То есть качество определяет наш вкус — физический и эстетический, наше зрение и обоняние. Как известно, на вкус да на цвет товарищей нет, и тут уж на первый взгляд ни о какой объективности речи быть не может. Но только на первый взгляд. На самом деле субъективные оценки специалистов можно и необходимо «осреднить». Кстати сказать, вековой опыт дегустации и товароведения выковал железные правила объективной оценки испытуемого изделия по системе баллов — так же, как, скажем, определяется чемпион и аутсайдер в спорте.

Тогда возникает справедливый вопрос: почему же некоторые потребительские товары, оцененные высшим сортом, оказываются все-таки нехороши на вкус, или тусклы по цвету, или некрасивы, или не пользуются спросом из-за своей старомодности? В чем тут дело? Дело в методике «осреднения» субъективных оценок. Эта методика, действующая и по сей день в промышленности потребительских товаров, на наш взгляд, абсолютно непригодна.

Вот как, например, оценивают сейчас качество пива. Из ста баллов, означающих безукоризненное качество, десять приходится на прозрачность и блеск, тридцать — на пену и насыщенность углекислотой, пятьдесят — на вкус и запах, десять — на упаковку и ее оформление. Инструкция дегустаторам рекомендует такой порядок конкурса.

Пиво прозрачное с блеском — десять баллов, прозрачное без блеска — восемь баллов, мутноватое — четыре-пять баллов.

По второму признаку дают от тридцати до восьми баллов, в зависимости от результата специальных испытаний.

По третьему, самому главному, дают от сорока девяти — пятидесяти (отлично!) до тридцати восьми — сорока одного (плохо, брак!).

По четвертому — брак семь—девять баллов.

Посчитайте. Если брать самые высокие оценки по второстепенным показателям и самую низкую по главному, пиво, которому место только в канализации, набирает при такой системе восемьдесят пять баллов. Значит, из ста возможных — только пятнадцать баллов «работают».

Такая же методика действует, к сожалению, для всех почти пищевых продуктов. А ткани, обувь, одежда не имеют даже и этой несовершенной системы показателей качества.

Дважды на протяжении пяти лет партийные организации московской промышленности, общественность предприятий, исследовательских и проектных институтов, городской совнархоз устраивали смотры выпускаемым изделиям. В период этих смотров была создана новая методика объективной оценки органолептических признаков качества. Прежде всего установили, что плохому качеству должен соответствовать ноль баллов. Этим мы подтверждаем, что нас интересует степень и уровень качества, а не степень и уровень непригодности изделия. Затем решили, что достаточно иметь лишь реально необходимые оценки «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо» для каждого признака качества, а не для изделия в целом. И наконец сократили «длину» оценочной шкалы, оставив в ней после тщательного отбора только показатели, поддающиеся разграничению.

Такая методика позволила с максимальной возможной достоверностью оценить по достоинству десятки видов потребительской продукции, а в той, что получила невысокий средний балл, удалось определить именно те признаки качества, которые должны быть улучшены в процессе производства.

Однако за пределами Москвы все еще продолжает действовать прежняя методика, открывающая путь на внутренний рынок для продукции далеко не завидного качества, неспособной конкурировать с лучшими отечественными и зарубежными изделиями, потому что такая методика дает возможность компенсировать, скажем, низкую производительность станка высокой его точностью или небольшими габаритами, а плохой вкус продукта питания — отличным «товарным» видом.

Конечно, такой способ оценки ни в коем случае нельзя брать с собой в новую пятилетку.

Ко второй группе признаков качества, как я говорил, относится степень надежности и долговечности изделия. Здесь различаются пять основных показателей. Безотказность как свойство системы или изделия непрерывно работать в определенных режимах и условиях эксплуатации. Коэффициент технического использования, который выражается в отношении времени полезной работы к полному времени, включая сюда ремонт, профилактические осмотры и т. п. Ресурс — сумма времени безотказной работы (до разрушения или иного предела). Полный срок службы. И наконец гарантированный срок службы, за который изготовитель несет материальную ответственность.

Это чрезвычайно важные показатели. Для многих изделий надежность и долговечность — едва ли не самые ценные потребительские свойства. Нужно ли объяснять почему?

Расскажу о таком характерном случае.

Московский карбюраторный завод получил из Италии изготовленную фирмой «Оливетти» автоматическую линию. Она была сделана безукоризненно и могла бы действовать безостановочно месяцами, но больше стояла, чем работала. И, в сущности, казалось бы, из-за пустяка. Тупилось то одно, то другое из десятков сверл. Чуткий контрольный прибор мгновенно это обнаруживал, а так как станки линии связаны в одну автоматическую цепь, то выключались сразу все моторы. Через две минуты линия пускалась в ход, но через десять минут снова останавливалась: тупилось другое сверло. Автоматическая линия отказывалась работать в заданных ей режимах и условиях, потому что ресурс сверл был смехотворно мал. В среднем и наши, отечественные, и привозные, итальянские, выдерживали не более двадцати минут непрерывной работы. Просчитались конструкторы: интенсивный режим резания, который они предусмотрели еще в чертежах и расчетах, вошел в противоречие со структурой обрабатываемого металла и стойкостью инструмента. Тогда итальянская фирма прислала два комплекта американских инструментов. Они дорого обошлись ей, потому что были сделаны из особо твердого сплава, отполированы и заточены алмазными дисками. Эти сверла не перетачивали около года, и все это время автоматическая линия работала безотказно и надежно.

Есть прямая зависимость качества продукции от ее стоимости, и это отчетливо видно в примере со сверлами. Надо сказать, что, развивая отечественную инструментальную промышленность, наши экономисты стремились делать самый дешевый в мире режущий инструмент и достигли этой цели: стоимость ручного метчика, например, если сбросить со счетов разницу в цене материала, не превышает стоимости болта того же размера. Мы снижали цену, сокращая трудоемкость в ущерб качеству, и дошли в этом до того, что сверло дешевле выбросить, чем заточить. А работает такое сверло при современных интенсивных режимах минуты.

Видимо, поднять качество, повысить надежность продукции невозможно без использования экономических рычагов.

Что же будет предпринято в этом направлении?

Разумеется, изделие повышенного качества из особо прочных материалов с улучшенной отделкой, тщательно проверенное и испытанное на предприятии-изготовителе, должно получить надбавку к оптовой цене. И в политике цен нужно исходить из реальной выгоды, которую может получить государственная экономика от повышения качества изделия. Наши экономисты сломали много копий в долгих дискуссиях на этот счет, и на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС была принята одна из предложенных ими систем разработки оптовых цен.

Сейчас главный вопрос: каким образом определить, достойно или не достойно изделие надбавки к цене? Иными словами, как лучше поощрять непрерывное повышение качества продукции и как гарантировать народное хозяйство от неожиданного ухудшения качества даже в одном из всего многообразия его признаков?

Мы считаем, что то и другое может дать государственная аттестация промыш-

ленных изделий и система мер, преграждающих возможность проникновения в сферу производства недоработанных конструкций, моделей и рецептов, технологического брака, часто возникающего в процессе изготовления.

Начинать эту невероятной сложности работу следует с глубокого обследования всей выпускаемой в нашей стране промышленной продукции. Каждое изделие нужно проверить по всем присущим ему признакам качества, сравнить с лучшими аналогичными в мировой промышленности и с требованиями государственных стандартов СССР.

Законный вопрос: можно ли это сделать и как сделать? На оба вопроса отвечает опыт Московского, Приволжского и Ленинградского экономических районов, где такое обследование было предпринято и закончилось весьма успешно. В Москве, например, компетентные комиссии инженеров и ученых при широкой поддержке партийных организаций оценили уровень качества десяти с лишним тысяч изделий — почти всю продукцию столичной промышленности.

В результате удалось составить развернутые планы совершенствования системы конструирования, производства, испытания изделий. Выявились машины, приборы, материалы и потребительские товары, получившие оценку «на мировом уровне» и «выше мирового уровня». Их уже теперь можно представлять к государственной аттестации.

Но в целом такая проверка в промышленности всей страны еще не проводилась, а материалы закончившихся обследований никем не собраны и не изучены. Сейчас, при отраслевой структуре управления промышленностью, есть полная возможность довести до конца начатое дело. И надо полагать, министерства сделают это в ближайщие год-два. Потому что дальше начнется подготовительная работа к организации производства изделий на мировом уровне, и она, как свидетельствует наш и зарубежный опыт, может растянуться еще на два—четыре года.

Мне хочется привести одну поучительную историю.

По заказу Московского завода координатно-расточных станков экспериментальный научно-исследовательский институт сделал очень точный прибор для разметки линеек, предназначенных для отсчета координат. Особая климатическая установка, казалось, надежно оберегала его от атмосферных превращений, а толстые стены и глубокий подвал — от колебаний почвы. Прибор включили, и он начал исправно фиксировать... движение поездов по близлежащей Павелецкой железной дороге. Прибор перенесли на другой конец заводской территории. Но и тут он годился только что для ОРУДА, так как с высокой точностью отмечал каждый грузовик, проезжающий по Павелецкой набережной.

Прибор увезли обратно, чтобы не загубить, а между тем без него завод не может преодолеть всего один микрон повышения точности, которого ему не хватает, чтобы достигнуть мирового уровня в прецизионном станкостроении. И сегодня на заводе хлопочут ни больше ни меньше, как о переводе предприятия на новое место.

Вот так. Чтобы получить микрон, нужно установить прибор, а чтобы установить прибор, нужно заново строить завод. Конечно, это особый случай. Но во всех случаях любому заводу предстоит, может быть, менее дорогая, но не менее длительная подготовка к выпуску изделий на мировом уровне.

Сначала необходимо создать конструкцию, модель или рецепт. Нужно непрерывно контролировать технический уровень проектируемых изделий, чтобы они всегда либо опережали лучшие достижения мировой промышленности, либо соответствовали им. Нужно, чтобы каждое новое изделие имело техническое задание на проектирование, согласованное с головным исследовательским институтом отрасли или конструкторским бюро, с заказчиком и министерством. Главный критерий изделия — преимущество перед лучшими аналогичными.

Изделие, спроектированное наилучшим образом, поступает на завод в сопровождении «Свидетельства на право серийного выпуска». Оно действует от одного до трех лет, а затем, чтобы продлить его, нужно заново переоценить достоинства изделия, сравнивая его опять-таки с лучшими.

Но и этого, мы считаем, недостаточно. Нужно в течение всего времени действия «свидетельства» повышать качество и совершенствовать конструкцию изделия. Каждое предприятие обязано иметь на этот счет четкий план технических, организационных и

обязательно воспитательных мер, которые должны гарантировать соблюдение технологической дисциплины на производстве. План охватывает весь комплекс работ, включая требования к поставщикам материалов и деталей, регламент контроля за выполнением технологии, внедрение государственных стандартов и т. д.

О стандартах следует сказать особо. Продукция, имеющая широкий круг потребителей в различных отраслях промышленности, как правило, должна выпускаться по государственным стандартам. Нередки случаи, когда руководители предприятий всеми правдами и неправдами стараются выхлопотать себе «свободу» от технических и эстетических норм, введенных в ранг закона, предпочитая ГОСТу технические условия, утвержденные одним заказчиком и своим ведомством. Напомню давнюю историю с полистиролом. Карачаровский завод пластмасс получил большую партию полистирола с одного из донецких предприятий. Пластмасса требовалась на изготовление посуды для пассажирских самолетов. Производство на заводе — массовое, сырья не хватало, и полученный полистирол сразу же пустили в прессы, еще до получения пробы из лаборатории. Прессы остановили, когда посуда начала прибывать к заказчику. В полистироле оказалось много «свободного» мономера стирола — вещества ядовитого. Готовую продукцию изъяли, на сырье наложили «табу», и завод «завалил» план. Но когда были предъявлены претензии поставщику, он отвел их без тени смущения. «Пожалуйста. Вот вам технические условия. С заказчиком (другим заводом, выпускающим технические изделия) согласованы, совнархозом утверждены. Подписи и печати на месте».

Так вот, стандарты — это прочный заслон от подобного рода случаев. И вместе с тем эффективное средство государственного влияния на повышение качества продукции. Ведь ГОСТ всегда фиксирует высшее достижение в данной отрасли промышленности. Но стандарты не только средства контроля. Они еще оказывают серьезное положительное влияние на рентабельность производства. Ну, достаточно хотя бы такого примера. По данным Московского станкостроительного завода имени Орджоникидзе, применение нормализованных (стандартных) узлов, из которых собирают автоматические линии и агрегатные станки, позволяет снизить стоимость продукции в полтора раза, трудоемкость — в два с половиной, сроки изготовления — в полтора-два раза. Как видите, игра стоит свеч. И всякое предприятие, переходя на новую систему планирования и материального стимулирования, намечая повышение эффективности производства, не сможет ни от чего другого получить таких благоприятных возможностей к достижению главной цели начавшейся пятилетки.

А теперь мы с вами приблизились вплотную к экономике высокого качества продукции, к определению тех выгод, которые может получать коллектив промышленного предприятия при положительной аттестации его изделий.

Если завод или фабрика соблюдает все условия подготовки производства и собственно производства продукции и если комиссия авторитетных и объективных специалистов сочла гарантии сохранения качества, которые дает предприятие, достаточно прочными, изделию присваивается «знак качества» и вместе с ним дается достаточно веская надбавка к оптовой цене. Таким образом, коллектив имеет возможность дополнительной прибылью окупить затраты на повышение качества изделий. Он вместе с тем получает пополнение фондов материального поощрения и социально-культурных мероприятий, приобретает возможность прямо поощрять дальнейшую работу над совершенствованием технических и эстетических свойств своей продукции.

Система контроля, если она будет принята всеми промышленными министерствами, и система материального стимулирования повышения качества продукции вместе, в комплексе, должны решить эту проблему. С ее решением, повторяю, будет решена другая, самая важная — научно-технический прогресс. Качество продукции и технический прогресс неразделимы, и потому Директивами XXIII съезда партии они заложены в основу пятилетнего плана.

Беседе записал Г. Қозлов.

НИКОЛАЙ ДУБОВ

★

БЕГЛЕЦ

Повесть

1

Рано утром Сенька Ангел привез воду. Вообще-то он не тракторист, а шофер и водит то бортовую, то молоковоз, когда что надо, но тракторист заболел, а Сенька Ангел на все руки, и его посадили на трактор. На берегу лимана — колхозный птичник, уткам там благодать, но пресной воды нет, и каждое утро трактор тащил туда пузатую желтую цистерну. По дороге он заезжал к ним во двор, и все запасались пресной водой — наливали в бачки, кастрюли, бутылки, ведра. За огородом, на полдороге к морю, есть колодец, но там вода солоноватая. Если привыкнуть, ничего, пить можно. Только зачем пить соленую, когда возят пресную?

Максимовна, мамка и Нюшка подставляли бидоны и кастрюли, дед и Федор отгаскивали их в сторону, а Сенька Ангел наставлял ребристую брезентовую кишку, пускал воду, на всех покрикивал и посмеивался, как всегда в таких случаях, стоял веселый галдеж и ко всему еще непрерывно тарыхтел трактор. Сенька Ангел никогда его не глушил — у трактора не было аккумулятора. Аккумулятор раньше был, и даже новый, но бывший председатель колхоза и кладовщик его пропилили. Они хотели свалить на Сеньку — мол, он и пропилил, только из этого ничего не вышло, потому что Сенька совсем не пьет, даже кислого вина и пива. Доказать они ничего не доказали, а трактор оказался без аккумулятора, и после этого Сеньке каждое утро приходится «прикуривать» от грузовика, заводиться его аккумулятором. «Прикурит» и целый день тарыхтит, пока работа не кончится.

Юрка и Славка таскали пустую посуду, а папка — ему тяжестей носить нельзя, он больной — стоял в стороне, командовал и давал советы. Все были так заняты, что не сразу заметили, как к воротам подъехала голубая «волга». Из нее вышел высокий худой мужчина, вошел во двор и поздоровался, но в галдеже и тракторном рычании его никто не услышал. Юрка увидел первый и, забыв о десятилитровой бутылки в руках, уставился на него. На нем была синяя спецовка, только не такая, как у Сеньки Ангела — простая, мятая и грязная, — а чистенькая, вся в молниях и блестящих кнопках. Папка тоже его увидел, подошел и поздоровался — наклонил немножко голову, правую руку поднес к козырьку кепки, потом протянул приезжему. (Очень красиво у него это получается. Юрка сам сколько раз пробовал перед зеркалом, но так фасонно не выходило.) Поговорить они не смогли, потому что в это время Сенька Ангел закинул брезентовую кишку на цистерну, сел на свое место, закричал: «Привет, привет!» — и включил скорость. Трактор зарычал еще громче и поволок пузатую цистерну со двора.

Тогда приезжий снова поздоровался, и ему вразной ответили. Все уже заметили его, смотрели во все глаза и гадали, что за человек и что ему нужно.

— Кто у вас тут хозяин? — спросил он.

— Это смотря какого хозяина вам надо, — ответил Юркин папка. Он жил и в городе и везде и умел разговаривать со всякими людьми.

— У вас на доме вывеска: «Дорожный мастер». Должно быть, мастер и есть хозяин.

— Мастер я, — сказал дед, и его морщинистое лицо стало еще морщинистее, а выцветшие глазки спрятались в узкие щелочки, как всегда, когда он ожидал каких-нибудь неприятностей.

— Объехал я весь Тарханкут, — сказал приезжий, — а места лучше вашего не видел. Как оазис в пустыне.

Дед не понял и еще больше сморщился.

— Что ж у нас тут такого особенного? Место как место.

— Что имеешь, никогда не ценишь, — непонятно сказал приезжий. Он и потом то и дело говорил что-нибудь непонятное. — А нам очень понравилось. Нельзя ли у вас тут остановиться и пожить некоторое время?

Морщины на лице деда немного распустились. Значит, приезжий не начало и неприятностей не будет.

— Так где у нас? Тесновато живем. Четыре комнаты — три семьи, в четвертой мастерская. Да уж коли вам такая охота, потеснимся как-нибудь...

— Вы меня неправильно поняли. Мы не собираемся вас затруднять. Если не возражаете, мы вон там, — он показал на бугор, заросший тамариском, — поставим палатку и будем жить.

Дедово лицо совсем прояснилось.

— А живите на здоровье, места не просидите.

Хлопнула дверца «волги», все посмотрели туда, приезжий тоже посмотрел, улыбнулся и сказал:

— Не выдержала.

Во двор вошла молодая женщина. Женщина как женщина, ничего особенного. Ветер растрепал ее волосы, она отбросила их рукой, озабоченно посмотрела на приезжего, но, увидев, что он улыбается, улыбнулась тоже. И тогда все тоже невольно начали улыбаться. На нее просто приятно было смотреть — и на глубокие ямочки на щеках, и на голубые, какие-то очень открытые глаза, и на то, как она легко, будто не ступая по земле, шла к ним.

— Вот, — сказал приезжий, — прошу любить и жаловать: Юлия Ивановна. А меня зовут Виталием Сергеевичем, фамилия — Воронин.

— Очень приятно познакомиться, — сказал дед. — Костыря Тимофей Архипович. А это моя Максимовна.

Максимовна вытерла руку о платье, и белая маленькая рука приезжей скрылась в ее красной, мясистой лапе, как в толстой вязаной варежке. Тут все стали по очереди подходить и здороваться, кроме, конечно, ребят, потому что кто бы им стал подавать руку...

— Всё, Юленька, договорились, — сказал Виталий Сергеевич, — пойдем теперь посмотрим.

Приезжие пошли с дедом выбирать место, а Юрка, Славка и Митька, конечно, за ними.

За оградой они миновали кучу ржавого железного хлама, яму с гашеной известью. Каждый год перед Первым мая ее раскрывали и красили известью дом и ограду. Под ногами шуршал уже засыхающий овсюг. Бугор был окутан бледно-розовым дымом — тамариск цвел. Приезжие переглянулись и снова улыбнулись друг другу.

— Ну? — сказал Виталий Сергеевич. — Я не прав? Море рядом, каких-нибудь десять километров персонального пляжа, и эти розовые кусты, и безлюдье, и эти дали...

— Мечта! — сказала Юлия Ивановна. — Лучше нельзя и придумать!

Она переводила взгляд вслед за его рукой. Юрка тоже смотрел туда же и старался понять, чем они восхищаются. Он жил и жил и никогда не думал, красиво здесь или нет. И никто не думал об этом и не говорил. Ни Федор и Ньюшка, ни папка с мамкой. Наоборот, все жаловались, как плохо тут жить на отшибе — ни людей, ни магазина, ни клуба. И света нет, сидят при керосиновых лампах, и детям далеко ходить в школу, да еще во всякую погоду. А случись какая беда, надо бежать за четыре километра в Ломовку, потому что ближе никакого жилья нет. До Гроховки, где правление колхоза и телефон, пять километров, а до переправы и все шесть. Дед и Максимовна не жаловались, но это потому, говорил папка, что у них свой дом в Ломовке и сад, там живет старший сын деда с семьей, а у деда здесь казенная квартира и казенная лошадь, а корова, свиньи и всякая птица свои. В полосе отчуждения он сам хозяин, сеет ячмень для казенной лошади и для своего скота сколько хочет, и на огороде всего невпроворот. Другим он тоже выделяет участки под огород, а сколько они там могут сажать, если целый день работают на дороге и для огорода остаются только вечера да выходной?..

А по-юркиному тут совсем неплохо. Конечно, хорошо, если б здесь жили еще другие ребята, было бы веселее, а то всего он, Славка да Митька и Ленка. Ну, Митька еще маленький, а Ленка вообще не в счет. Ничего, им и вдвоем со Славкой неплохо. От Ломовки до моря километра два, по жаре не очень набегаешь, и ломовские ребята редко когда и купаются, а здесь море — вот оно: огород, дорогу перешел — и купайся хоть каждые пять минут. Они и купаются. Непрерывно. Все лето. И рыбу лови хоть в лимане, хоть в море, и крабов. А море, сколько оно всего выбрасывает! Ну, не так уж часто, а все-таки... Нет, Юрка не хотел бы жить в Ломовке, хотя там есть клуб и туда иногда приезжает кинопередвижка. Передвижка бывает редко, а танцы — на кой они Юрке сдались? Осенью и зимой там грязь: пока до школы доберешься, весь изваландаешься. А летом пыль, и раскаленный ракушечник домов, и вонючая вода в рытвине, что идет от копанки, глубокого колодца в конце улицы. Вода там все время подтекает из железного резервуара, а утекать ей некуда, она так и стоит в извилистой канаве через всю улицу и гниет. И Ломовка далеко от дороги, там когда-никогда заедет новый человек, все одни и те же люди, что сегодня, что завтра, что через год. А их дом у самой дороги. И какие только машины не пролетят мимо за день! Раньше они шли круглые сутки, а когда пересыпь на Донгузлаве перекопали и сделали переправу, ночью машины ходить перестали: ночью переправа не работала. Это и лучше, все равно их в темноте не увидишь, только фары слепят.

Конечно, в школу ходить далеко. Летом еще можно на велосипеде, а вот осенью и зимой, когда грязь, на велосипеде не разъездишься. Но и тогда, если, например, утром едет Сенька Ангел хоть на бортовой, хоть на молоковозе, он обязательно остановится и сигналит, пока они не прибегут.

— Давай, давай скорей, солдаты! Не ломай мне график! — кричит он им.

И подвозит до самой Ломовки. Никакого графика у него нет. говорит он про него просто так. Он вообще чужак, этот Сенька. Славка ему сказал, что они же не солдаты.

— Нет, так будете. Все мы солдаты.. Садись, не задерживай!

Ну, а если Сеньки нет, тогда приходится топтать пёхом. Другие шоферы не берут, даже не останавливаются, а гонят мимо.

Зато когда выпадает много снега, дорогу занесет, тогда совсем хо-рошо. Во-первых, в школу не ходить, а во-вторых, шоферы и разные командировочные с застрявших машин набиваются к ним в дом. Сенька Ангел на гусеничном тракторе, а Федор на прицепном скрепере шу-руют на дороге, пробивают сугробы, а в доме гомон и ералаш, комната набита битком, шоферы закусывают, выпивают и непрерывно разгова-ривают. Коек лишних нет, да их и ставить негде, и ложатся все повал-ку на полу. Дед крихтит, но солому для этого дает — не спать же людям на голом полу. И каких только тогда людей не повидаешь, каких историй и рассказов не слушаешься. Их, ребят, конечно, гонят спать, они и ложатся, но засыпают малыши, а Юрка только притво-ряется спящим, а сам все слушает. Бывает, что и засыпает он, только когда шоферы уходят выталкивать машины на дорогу и через дорогу доносится надсадное «раз-два — взяли» и ругань.

Нет, хорошо жить у самой дороги. Они правильно говорят, эти приезжие, дом у них на хорошем месте. Если разобраться, тут и в са-мом деле красиво. Просторно. Зимой с севера дует холодный ветер, и дом повернут к дороге глухой торцовой стеной без окон. За дорогой колышется, кланяется ветру колхозный ячмень, от изволока уже тянет-ся каменистая степь, где ничего не сеют, а только пасут овец. Она под-нимается все выше и выше к горизонту, и где-то на его пределах виднеются решетчатые башни. Они стоят далеко друг от друга и ред-кой цепочкой уходят в синеву. Папка говорит, что это буровые вышки, там сверлят в земле дырки, ищут нефть. Ее уже нашли. Иногда где-то там вдруг поднимаются в небо тугие клубы черного дыма, под ним мечется закопченное пламя. По ночам на него тревожно и жутко смот-реть: кажется, что там страшный пожар, беда и несчастье, но никакого пожара нет, там просто жгут нефть. Зачем — неизвестно. Юрка давно собирается сходить посмотреть, только никак не может собраться — далеко, за день туда и обратно обернешься, нет ли. Белая от извест-ковой насыпки дорога спускается от их дома немножко вниз и бежит к узкой косе пересыпи между Донгузлавом и морем. Ближняя часть Донгузлава подходит к дороге мелким заливом, поросшим камышом и осокой. За линялыми метелками камыша белеет домик птичника, а потом коса и дорога становятся пепельными, сиреневыми, и уже сов-сем далеко синеют поднятые в небо хоботы кранов невидной отсюда переправы. А прямо перед домом, стоит только выйти за ограду на бугор, распахнулось море. Один бугор чего стоит. Дед говорил, что в войну вокруг него были окопы, здесь тоже воевали. И они со Славкой и дедовым внуком Сашкой, когда он приезжает из Ломовки, сколько раз играли здесь в войну. В кустах можно и ползать в разведку, и устраивать засады...

— Зачем же рубили?— показал Виталий Сергеевич на торчащие из земли обрубки тamarиска.

— Это мамка,— сказал Юрка.— Зима была холодная, а топки мало.

— Варварство!— сказал Виталий Сергеевич.— В степном Крыму, а особенно на Тарханкуте, зелени и так нет, каждую былинку надо беречь, а не вырубать.

— Да ить что поделаешь с таким народом?— сказал дед.

А Юрка подумал, что ему хорошо говорить, когда у него и сейчас полсарая забито углем, а у них пустым-пусто, и, если не будет денег на уголь, придется мамке снова рубить тamarиск.

— Вот здесь и расположимся. А, Юленька?— сказал Виталий Сергеевич.— Только красота красотой, а тени маловато.

Кусты тамариска дают тень, но она такая жиденькая и прозрачная, что ее как бы и вовсе нет.

— На солнцепеке целый день не высидишь. Юлию Ивановну хлебом не корми, дай позагорать, а мне нельзя. Хорошо бы натянуть тент, он у меня есть, но нет кольев. Может, у вас найдутся?

Дед запасливый, у него все есть. Нашлись и колья для тента, и колышки для оттяжки, и молот, чтобы забивать. Юрка лазил на чердак дедовой летней кухни и скидывал оттуда колья, потом он и Славка таскали их на бугор, а Митька носил колышки. Дед копал ямы, забивал колья, а Виталий Сергеевич поставил палатку. Потом он достал из верхнего багажника большой чемодан, но это оказался не чемодан, а складной стол и в нем складные стулья на трубчатых блестящих ножках. А Юлия Ивановна поставила на стол машинку, заметила, что ребята впали в столбняк, увидев ее, засмеялась и сказала, что это газовая плитка. Плитка такая, что глаз не оторвешь. Сбоку красный-красный, как огнетушитель, баллончик, от него серебряной змейкой шел шланг, сама плитка серая, но вся будто в морозных узорах, а из горелки било зеленоватое пламя и тихонько сычало. Потом она достала голубые мешки и стала в них дуть, а те начали вспухать и оказались не мешками, а надувными матрацами. Юрке и Славке ужасно хотелось все как следует рассмотреть и потрогать, но они понимали, что трогать ничего нельзя.

Пришел папка, осмотрел и стол, и стулья, и газовую плитку, сказал, что это очень культурная вещь, а потом сказал деду, что он зря натягивает тент с наклоном к югу.

— Я сознательно так ставлю,— сказал Виталий Сергеевич,— чтобы была защита от солнца.

— А задует норд-ост и сорвет. В два счета.

— В самом деле? — забеспокоился Виталий Сергеевич.— Он часто бывает?

— Ну, летом когда-никогда,— сказал дед,— осенью, зимой — дело другое...

Папка улыбнулся и спорить не стал. Он был рыбаком и знал лучше.

— И не скучно вам будет?— спросил он.— У нас же тут такая некультурная обстановка.

Виталий Сергеевич усмехнулся.

— Культура ведь не в том, где живешь, а каков ты сам.

— Ну, не скажите! Разве можно сравнить Ялту, например, или даже нашу Евпаторию. Там и магазины и рестораны. И публика совсем другая. Пойдешь пройтись — одно удовольствие.

— Нам это не нужно. Мы, наоборот, искали места поглуше. А у вас тут великолепно — море, воздух и тишина.

Но папку не так легко сбить.

— Да уж тишина, как на кладбище. Не то что кина, радио и того нет.

— Радиоприемник у меня в машине, а в кино я и дома редко хожу, не люблю.

Юрка вытаращил на него глаза и не поверил. Как это можно не любить кино? Сам он ходил в кино, только когда бывал у бабушки в городе, в Евпатории. И все картины запомнил от начала до конца. Кроме одной, но та была муровая — про любовь. Они там без конца

смотрели друг на друга, пели что-то тягучее и целовались. Кому это надо?..

— Так у вас, наверно, телевизор есть,— сказал папка.

— Есть. Для тещи. Она в этот ящик и смотрит с утра до ночи.

— Конечно, когда живешь в Москве, тогда понятно — вам тут отдыхать в самый раз, а доведись жить постоянно, вот как нам...

Папка тонко заулыбался, собираясь что-то еще сказать, но остался один. Юлия Ивановна позвала Виталия Сергеевича открыть чемодан. Папка еще постоял, поулыбался и ушел.

Дед подвязал тент, он надулся, захлопал под ветром, как парус.

— Большое вам спасибо, Тимофей Архипович, без вас не знаю, как бы и справился... А теперь зовите свою супругу. Как говорится, милости прошу к нашему шалашу. Отметим знакомство и новоселье.

Он поставил на стол бутылку, в которой было что-то коричневое, как чай. Тут Юрка понял, что им надо уходить. Они уже ничего не делали, а просто сидели на земле и смотрели во все глаза. А уходить не хотелось, потому что Юлия Ивановна расстегнула молнию на пузатом желтом портфеле и начала доставать из него разноцветные тарелочки, стопки одна другой меньше, составленные одна в одну, а потом коричневые чехольчики, как для пистолетов, но там были не пистолеты, а складные ножи и даже ложки, а потом разные-разные консервные банки и баночки...

— Пошли,— сказал Юрка и поднялся.

— Стоп!— сказал Виталий Сергеевич.— Юленька, надо же угостить помощников.

Юлия Ивановна порылась в портфеле и протянула им конфеты в красивых бумажках. Каждому по две штуки.

— Да не, не надо, мы так...— забормотал Юрка, но конфеты взял.

Они отошли за куст и только тут начали рассматривать картинку. Они сразу ее узнали — Спасскую башню со звездой. А сбоку подпись: «Столичная». Митька, не рассматривая, развернул и сунул конфету в рот, потом повернулся и побежал обратно.

— У вас еще такие есть?— спросил он.

— Понравились?— улыбнулась Юлия Ивановна.— Дать еще?

— Ага!.. Не, я хуч и не конфеты. Вы эти золотые бумажки не выкидывайте. Ладно? Они мне нужны...

— Хорошо. Только они не золотые, а алюминиевые.

— Все одно!— мотнул головой Митька.— Они мне нужны...

— Тогда конечно,— сказала Юлия Ивановна.— Получишь все бумажки.

— А мне?— сказал Славка.

Он не выдержал и тоже вернулся. Хотел вернуться и Юрка, но в это время Виталий Сергеевич сказал:

— А где же справедливость? Ты ведь собираешь спичечные коробки. Так и будет: тебе коробки, ему бумажки.

Они ушли от палатки, но уйти совсем с бугра было выше их сил. И они слонялись вокруг, будто играя, что-то ища, и старались подсмотреть, что там происходит, но так, чтобы их оттуда не видели.

Дед и Максимовна до темноты сидели с приезжими и разговаривали. Вернее, говорила одна Максимовна. Поговорить она любит, а тут люди новые, не только не перебивают, а еще и спрашивают. И она пела, пела и про то, как в тридцатом, совсем еще молодые, они уехали из тамбовской деревни и попали в Крым, и как горе мыкали, а потом дед поступил рабочим на дорогу, как самоуком до всего дошел и стал мастером, а потом, как настала война, деда взяли в армию и всю дедову

дивизию немцы забрали в плен под Джанкоем, и как пошла она выручать его из плена, а в Евпатории в то время высадился наш десант, и падали из пушек с суши и с моря, и бомбили с воздуха, и как побили всех наших бедных морячков, и как она помирала от страха, а все-таки шла и нашла дедов лагерь, и как хлопотала и добивалась, чтобы деда отпустили, и как его отпустили тощего да вшивого, и как привела она его домой, мало не на себе несла — она тогда сильная была, почитай, как конь,— и как уже вместе бедовали всю войну, все выдюжили, и как потом пришли наши, дед опять стал работать на дороге и снова стал мастером, и жить стало маненько легче, а теперь и вовсе слава богу, и как любит она, чтобы в доме всегда было тихо, все делалось мирком да ладком, такой у нее характер... Все это Юрка слышал уже сто раз и знал наизусть.

Деда, как всегда, быстро развезло, он начал шуриться, облизывать пересыхающие губы и улыбаться. И только иногда вставлял:

— Эт точно. Эт правильно.

А потом Максимовна повела его спать и тихонько, чтобы приезжие не слышали, костила последними словами за то, что наклюкался, как свинья, и будет завтра весь день кряхтеть и охать, а дед блаженно улыбался и говорил:

— Эт точно! Эт правильно!

На следующее утро он вышел смурной, на трассу не поехал и сказал:

— Пускай Дочка отдохнёт.

Дочка — так называется казенная кобыла. Дед ее очень любит, неохотно посылает в упряжке на дорогу и никому не доверяет.

— Ты уж не прикидывайся! Не Дочке, тебе отдыхать надо,— сказала Максимовна.— Башка-то небось трешшит?

— Трешшит,— кротко согласился дед.

— Во! Теперь тебя отхаживай... Вон курортник, не то что ты...

— А что я?

— А то! Всю жизнь на тебя положила, а что хорошего видала?

— Эт верно,— сказал дед и спохватился: — Постой, Максимовна, ты чего? Али я тебя забижал когда, али бил?

— Ну, попробовал бы ты меня бить! Я б те...

Юрка представил, как маленький, тщедушный дед пытается побить грузную и еще сильную Максимовну, и тихонько засмеялся, чтобы она не заметила.

— Тут не про кулаки, а про ласку. Видал, как ён за женкой своей увивается?

— Да ты что, Максимовна, неуж мне на старости за тобой сызнава ухаживать?

— А что старость? Вон этот: голова седая, а сам так и норовпт. чем ей догодить. «Юленька да Юленька...» То-то она такая гладкая да ухоженная. А ты за кобылой больше глядишь...

— Так ить она тварь бессловесная, чего надо — не скажет.

— А тебе слова мои мешают?!

Тут Максимовна окончательно взвилась, начала вспоминать все обиды и дедовы провинности. Дед только шурился и молчал.

Юрка с удивлением подумал, что и на самом деле эти приезжие держатся, разговаривают друг с другом совсем не так, как дед и Максимовна, Федор и Нюшка, папка и мамка. Правда, дед и Максимовна не дерутся, но Максимовна то и дело зудит, поругивает деда. Дед терпит. Он добрый и вообще никого не ругает. Федор и Нюшка женаты всего второй год, и он побил ее только один раз, когда сильно напился. А папка и мамка ругаются то и дело. Особенно когда выпьют. Он тогда

кричит, что она связала его по рукам и ногам, из-за нее он теперь тут пропадает, и ругает ее самыми плохими словами, и мамка тоже ругает его такими словами за то, что он загубил ее жизнь, а сколько было случаев, когда она могла устроить свою судьбу и жить по-человечески, — тогда папка ее бьет. Потом они мирятся или не мирятся, а просто начинают разговаривать, будто ничего и не было, потом снова начинают ругаться. Так было всегда, сколько Юрка помнил. И никто из всех, кого Юрка знал, никогда не разговаривал друг с другом так ласково, и не смотрел так, и не улыбался. что видно — улыбаются они потому, что им приятно смотреть друг на друга...

Все утро во дворе только о приезжих и говорили. Максимовна рассказывала, как их вчера угощали, какие они обходительные и какая женка ладная да нарядная. Мамка спрашивала и вздыхала: «Счастливая!», а Нюшка молчала — она всегда молчит. Папка сказал, что вот — культурный человек, сразу видно, а она — очень интересная женщина, но тут мамка почему-то рассердилась и сказала, что ничего в ней особенного нет. Сенька Ангел, который лишь мельком видел Виталия Сергеевича, припечатал его одним словом:

— Авторитетный!

Из Ломовки приехал на велосипеде дедов внук Сашка. Сашка шkodлив и труслив. Нашкодит, а сваливает на других. И лизунчик. К бабке и деду ластится, а за глаза ругает. Юрка не любил с ним водиться, но ради того, чтобы еще раз посмотреть лагерь приезжих, повел туда Сашку. Показать издали. Сашка хотел подойти ближе, но Юрка не пустил и пригрозил стукнуть. Сашка мог сделать пакость, а свалили бы на них, Юрку и Славку. Издали они все рассмотрели — и газовую плитку, и складные стол и стулья, и палатку, и «волгу».

— Ну, внучек, видал, как наши курортники живут? — спросила Максимовна. — Сколько добра навезли... Вот, гляди у меня, учись добре, может, и ты на такого выучишься. Небось он денег-то гребет! И по курортам на своей машине ездит, и баба у ево не работает...

2

Юрке было все равно, работает Юлия Ивановна или нет. Какое ему дело? Вещи? Так что ж вещи? Хорошо бы иметь такую палатку, например, и жить в ней все лето на бугре или у самого моря. Она такая яркая и веселая, что даже в пасмурную погоду в ней кажется, что на дворе солнце. А вот плитка уже ни к чему. Конечно, она лучше, чем вонючий керогаз, так это пока баллончики полные, а газ кончится — ехать в Москву заряжать? Ее и не продать никому, так и будет валяться. Деньги — это да, деньги бы хорошо иметь. Можно было бы каждое воскресенье ездить в город смотреть кино и есть мороженое. Деньги у Юрки бывают только тогда, когда мамка посылает в магазин в Ломовку или Гроховку и он мотает туда на велосипеде. Мамка знает все цены, и сдачу приходится отдавать до копейки — дома каждая на счету. Нет, ни деньги, ни такие вещи Юрке не светят, нечего о них думать и зря расстраиваться. Юрка и не расстраивался. Он не завистливый — есть так есть, нет так нету, и фиг с ним.

Думал он о другом. Мамка часто говорила, что это не жизнь, а несчастье, бывают же счастливые люди, а она вот несчастная, — ругаясь с папкой, кричала, чтобы он подумал о несчастных детях... Юрка раздумывал, почему они несчастные, не мог понять и только пожимал плечами. Конечно, случались неприятности в школе, попадало от мамки или папки. Ну так что? Тоже несчастье, подумаешь... Нет, Юрка вовсе не чувствовал себя несчастным. Ему только одно досаждало: он начал

стесняться. Раньше этого как-то не было или он не замечал, а теперь стал замечать и стеснялся все больше. Когда он был один или с ребятами, он камешком мог попасть в кирпич за двадцать шагов, прыгал с крыши и никогда не ушибался, ничего не ронял, все делал ловко и быстро, а при других становился неловким и неуклюжим, спотыкался и все ронял, ходил, как спутанная лошадь, руки и ноги делались большими, нескладными, их некуда было девать, он старался держаться свободнее, развязнее, от этого получалось еще хуже, его начинали ругать, а он улыбался. Не потому, что ему было смешно, а потому, что очень стеснялся, но другие этого не понимали и ругали его еще больше. И для полного счастья ему не хватало только одного — чтобы исчезла эта скованность и он держался уверенно и свободно, ну, например, как папка...

Раньше он всегда хотел быть похожим на папку. Нет, не во всем. Папка любит выпить, а когда выпьет, начинает ко всем придирается, ругается стыдными словами и чуть что дерется, а потом валится спать, стонет, кричит и хрипит во сне, булькает и захлебывается, будто тонет или его режут, и так страшно, что лучше бы уж не спал, а ругался. А после этого дня два совсем больной. Зато, когда трезвый, он лучше всех. Во всем разбирается, все знает, бывал в разных городах, а в Евпатории даже жил, умеет здороваться, как никто другой, и рассказывать разные истории, рисует красивые картинки, и усы у него, каких нет ни у кого. Правда, дед как-то сказал:

— Ты б, Лександра, отпустил усы как усы али вовсе сбрил. А то как черные сопли под носом...

Пускай дед говорит, что хочет, Юрке папкины усы нравились: две коротко подстриженные черные полосочки от ноздрей вниз. Юрка даже попробовал и себе подрисовать углем такие, но получилось смешно, тогда он нарисовал еще смешнее — через все щеки. Славка увидел и тоже намалевал себе усы, и Митька тоже, а потом пришла мать, им влетело, а больше всего, конечно, Юрке.

С приездом Виталия Сергеевича все незаметно начало меняться. И чем дольше он жил, тем больше менялось. Папка остался папкой, но стал казаться как-то меньше, а Виталий Сергеевич все больше его заслонял. И не потому, что Виталий Сергеевич высокий, сухопарый и костистый, а папка маленький. Он не совсем, конечно, маленький, а все-таки меньше всех ростом, даже меньше мамки. Но дело совсем не в росте. Они просто очень разные. Во всем. И говорят, и ходят, и делают все иначе. Даже когда папка стоит на одном месте, кажется, что он ужасно куда-то спешит — переступает с ноги на ногу, станет то так, то этак, и двигает руками, и перебирает пальцами, и улыбается, и шевелит губами, и хмурится, и шурится, как-то все время шевелится. Раньше Юрка этого не замечал или не обращал внимания, а теперь, когда приехал Виталий Сергеевич, стал замечать, и почему-то ему это все больше и больше не нравилось, и он даже стал стесняться, будто суетился не папка, а он сам. А Виталий Сергеевич никогда не торопился. Юрка сколько раз потихоньку наблюдал за ним, когда тот молчал и о чем-то думал, — он с полчаса, а может, и больше сидел, как каменный, смотрел в одну точку, и в лице у него ничего не шелохнулось — ни твердо сжатый широкий рот, ни глубокие складки на впалых щеках. И он со всеми одинаков. Хоть с дедом, хоть с Максимовной, или с мамкой, или с ними, ребятами. Голос у него спокойный, негромкий, но почему-то, когда он заговаривал, все умолкали и слушали, и он будто знал, был уверен, что так и будет, даже не пытался говорить громче, перекиривать других. Ну, прямо как Сенька Ангел сказал — автори-

тетный. И когда они с дедом выпили, деда вон как развезло, а ему хоть бы что — не кричал, песни не орал и ни разу не заругался...

Вот таким и захотелось стать Юрке. Спокойным, сильным и авторитетным. Однако, как Юрка ни старался отыскать в себе что-нибудь, что делало бы его похожим на Виталия Сергеевича, отыскать не удавалось. Только и всего, что у него тоже широкий рот, из-за которого в школе его дразнили Юрием Долгоротым. Так ведь что ж рот...

На тамарисковом бугре было так хорошо, весело и интересно, что, если б можно, они и вовсе бы не уходили из лагеря, но их стыдили, корили и ругали все — и мамка, и Максимовна, и дед, и папка. Чтобы не надоедали людям. Они старались не надоедать, но то и дело оказывались там. Приезжие не сердились. Виталий Сергеевич сказал, что Юлию Ивановну можно называть тетя Юля, а его дядя Витя и приходите к нему, когда они захотят, если только он не занимается. Его они так и стали называть, а Юлию Ивановну почему-то стеснялись, и она осталась «Юливанной». Сначала они не понимали, почему такой большой и даже старый до сих пор занимается, но оказалось, что он вовсе не учится, а пишет книжку, по которой будут учиться другие, как строить дома и всякие здания. Писал он по утрам; Юрка и Славка тогда делали всякие свои дела или просто околачивались и время от времени поглядывали из-за кустов, сидит он еще за столом или нет. И если он уже не сидел, они прямо шли к нему, а сзади плелся неотвязный Митька. Юливанна, если она еще была в лагере, говорила:

— Ну вот, идет твоя команда... А где ваше «доброе утро»?

— Доброе утро! — в один голос смущенно говорили Юрка и Славка.

Почему-то они все время забывали об этом. А Митька молчал. Он не понимал, зачем нужно без конца здороваться, если они виделись изо дня в день. Другое дело, если б не виделись месяц или год... И вообще — почему нужно здороваться, если они уже знакомые?

Юливанна брала зонтик, книжку и одеяло, чтобы постелить на песок, и уходила к морю. Без нее было лучше. Она их не прогоняла, не сердилась, но все-таки они ее стеснялись. А с дядей Витей они ходили купаться, гулять к Донгузлаву или по берегу моря и собирать пемзу, которую выбрасывает море, хотя она никому не была нужна, и помогали ему все делать. Например, мыть машину. Они все садились в «волгу» и ехали к колодцу. Там и ехать всего ничего, ну, все-таки. Мыл машину он сам, а они по очереди доставали воду из колодца. Колодец неглубокий, метра полтора, а ведро у дяди Вити белое пластмассовое с черной ручкой. И совсем ничего не весит. Потом, когда машина начинала сиять и сверкать так, что слепило глаза, они вместе купались и снова ехали на машине в лагерь. И все время разговаривали. Про все. Он все-все знал... Нет, не все. Иногда он говорил: «Этого, брат, я не знаю...» Папка так никогда не говорил. Выходит, он знал больше? А может, он просто не признавался?

Все было так хорошо и интересно, что лучше и не могло быть. Оказалось, могло. Через неделю после приезда дядя Витя сказал:

— А что, молодые люди, не предпринять ли нам экспедицию в город за харчами? Тете Юле ехать не хочется, но мы, я думаю, справимся и сами, без женщин?

— На машине? — закричал Славка.

— Самолета у меня, к сожалению, нет и не предвидится. Так что придется на машине. Не возражаете?

Ха! Кто бы стал возражать?!

— Только два условия: получить разрешение у мамы и чтобы

сопелки были чистые,— сказал дядя Витя и посмотрел на Митьку. У того под носом висела капля.

Они шуровали мордасы, не щадя кожи, пока она не заблестела на скулах, как лакированная. Мамка достала чистые рубашки. Славке хорошо, у него волосы острижены, а Юркин чубчик торчал в разные стороны. Юрка смочил водой, от этого он вздыбился еще хуже, и пришлось надеть кепку. Во всем параде они пошли в лагерь, сопровождаемые Митькиным ревом — его мамка не пустила. Юливанна еще спала в палатке, дядя Витя уже был готов, выведенная из-под тента «волга» скалила сверкающие клыки и еле слышно пофыркивала выхлопом.

— Вы сияете, как новые двугривенные,— сказал Виталий Сергеевич.— Поехали?

Юрка и Славка бросились к передней двери и едва не подрались из-за того, кто сядет спереди.

— По очереди,— сказал дядя Витя,— один туда, другой обратно.

Юрка сел на переднее сиденье. Мягко покачиваясь, «волга» выехала с бугра. В воротах стояли мамка, ревуший Митька и Ленка. Славка высунулся в окно и закричал, как Сенька Ангел:

— Привет! Привет!

Митька завыл сиреной. «Волга» накренилась на съезде и выехала на дорогу.

Ветер ворвался в открытые окна, зашуршал газетой, лежащей на полке у заднего смотрового стекла. Дом и бугор, на котором краешком нежаркого утреннего солнца виднелся верх оранжевой палатки, стремительно побежали от них, все быстрее и быстрее уменьшались, стали блекнуть, терять цвет и свет, а белая дорога бросалась под колеса, под ними лопотали камни, и, как редкий дымок, курилась за багажником пыль. Коса сузилась, вплотную подступили к дороге море и заросший осокой илистый залив Донгузлава. Запахло мокрой солью и тиной, горячей дорожной пылью и парусиной чехлов.

— Шестьдесят! — закричал Славка.

Он все время вскакивал, чтобы посмотреть на спидометр. Большая стрелка под прозрачным зеленым козырьком стояла на цифре «60» и поползла влево, машина начала накрениваться то в одну, то в другую сторону. Они перебрались через песчаные отвалы и остановились. Дом уже скрылся в пепельно-лиловой дымке, в эту дымку, извиваясь, уползала оставшаяся позади дорога.

Здесь все было еще не настоящее, временное. И подъезд, и бревна, на которых вместо кранцев висели связки старых покрышек, и самые берега промоины через пересыпь. Их еще только укрепляли, будущие берега: вдали от воды пневматические молоты постукивали по ржаво-красным корытам шпунтов, и они податливо уходили в песок. С моря через промоину отчаянно дымящий буксир тянул в лиман землеотвозную шаланду. Порожня, она моталась на свежей волне, буксирный трос пронзительно стегал по воде, она всплывалась зеркальной стенкой. По ту сторону промоины дымила камбузной трубой двухпалубная белая брандвахта, в которой жили работающие на строительстве, а рядом торчали хоботы кранов, горы песка. По обе стороны промоины, соединенные кабелем, стояли высокие решетчатые башни с прожекторами.

Сзади впритык к «волге» остановилась трехтонка.

— Привет! Привет! — закричал шофер и помахал им рукой.

— Сенька Ангел! — ахнул Юрка.— Ты куда?

Сенька вылез из кабины, зло попинал покрышку, плюнул и подошел к ним.

- Чтоб его черти так варили!
- Кого?
- А того, кто придумал покрывки наваривать. Лупятся, как пасхальные яички, а ты — ездил...
- Ты тоже в город?
- За соляркой.
- А воду?
- Петро-белорус на работу вышел. Хватит мне водовозничать.
- Так он же не хочет к нам заезжать!
- А я при чем? Пускай дед договаривается...
- Ангел — это ваша фамилия? — спросил Виталий Сергеевич.
- Да нет, кличку такую дали.
- За что ж вас так?

Сенька весело прищурился и начал загибать пальцы:

- Передовик колхозного производства — раз, водки не пью — два, не курю — три, бабу свою не бью, хоть и стоит, — четыре, с начальством не ругаюсь — пять. Как же не ангел? Вылитый!

Юрка и Славка в книжке у Максимовны видели на картинке ангела. Он был тощий и напоминал белого кудрявого барашка. Лысый, приземистый, в замасленной, пропахшей соляркой и солидом спечовке Сенька никак не был на него похож. Должно быть, то же самое подумал Виталий Сергеевич.

— Раньше, — сказал он, — об ангелах иначе думали.

— Так то раньше! — засмеялся Сенька. — Теперь на ангелов нормы другие... Во, — сказал он, поглядев на протоку, — была дорога, как струнка. Взяли и разрыли, теперь дожидайся переправы. А в шторм и вовсе — загорай, пока не кончится.

— Это временно, — сказал Виталий Сергеевич. — Пока стройка идет.

— Тогда нашему брату еще слаще — чеши вокруг лимана шестьдесят километров лишку. И будем чесать — наше дело солдатское.

— Строительство важнее.

— Это какое дело ни возьми — одно другого важнее. Одни мы не важные...

— Кто?

— Вообще. Люди.

— Так ведь для людей и делается!

— А-а! Ну, это, конечно, само собой...

— И город здесь будет. На голом месте строить хорошо. И строителям и архитекторам есть где развернуться.

— Да уж наворочают...

Паром отвалил от противоположного берега и, буровя тупым носом воду, пошел к ним. Вернее, носа у него не было. И кормы тоже. Он был как бы обрублен и спереди и сзади. Посередке возвышался мостик, там в застекленной будке стоял капитан. А между высокими бортами в два ряда, уткнувшись друг в друга, как овцы в стаде, стояли машины.

Паром подошел к стенке, ткнулся в покрывки раз и другой, береговые матросы закинули швартовы на вбитые в стенку толстые трубы, с обрубка, который был носом, спустили окованную железом сходню из толстых досок. По сигналу капитана боцман махнул рукой передней машине.

— Давай!

Осторожно, будто лошади, идущие в незнакомый брод, машины трогались, гуськом переползали сходню, скрежетали шестернями пере-

дач и убыстряли ход. А выбравшись за песчаные косогоры, давали газу, взрывали моторами и, подняв столб известковой пыли, скрывались в нем.

Пока шла выгрузка, за «волгой» выстроился длинный хвост подъехавших машин. Теперь они так же осторожно, гуськом въехали на паром, уткнулись носами друг в друга. Под палубой что-то все время ходило ходуном, палуба мелко дрожала, машины на ней тоже стали дрожать. Юрка и Славка выглянули через борт. В зеленой воде, гонимые буруном, винтом кувыркались белесые лепешки, розовые полушария медуз. По лиману, как и по морю, только мельче, шли барашки. Конца лимана не было видно. Папка говорил, он тянется тридцать километров. Разве увидишь?

И снова паром потыкался в покрывки, снова накинута на трубы швартовки. На берегу горы ящиков поднимались, как дома, свинцовые кабели обвивали сколоченные из толстых досок катушки, извиваясь, ползли по песку к кранам и компрессорам. И здесь пневматические молоты стучали по звенящим стальным корытам шпунтов, шипели компрессоры, оглушительно дырчали их дизели. И тут же, рыча, лязгая, ползли бульдозеры, тупыми лбами пихали перед собой валы песка.

«Волга» осторожно выбралась из всех лабиринтов и завалов, лопоча покрывками, пробежала по грубой булыге и вырвалась на асфальт. Ветер тугой волной ударил в окна, завыл все тоньше и все пронзительнее. Шоссе впереди было пусто, и стрелка под зеленым козырьком с семидесяти перебежала на восемьдесят, потом на девяносто и задрожала на цифре «100»...

Славка побелел, ухватился за спинку переднего сиденья и широко открытыми глазами с восторгом и ужасом смотрел на аспидную ленту асфальта, которая тоже, казалось, все больше белела от страха и все головокружительнее исчезала под машиной.

Юрка не боялся. Сначала и у него перехватило дыхание, он встревоженно посмотрел на Виталия Сергеевича. Тот сидел как ни в чем не бывало, спокойно смотрел на дорогу. С ним можно не бояться. И Юрка успокоился, тоже стал смотреть на дорогу. Справа промелькнул карьер. Там берут камень для дороги, но сейчас никого не было, да и вообще ничего интересного — большая яма, в которой лежат кучи щебня. А потом вдалеке от дороги показались унылые дома Поповки. Там они жили давно и недолго, когда папка работал чабаном. Потом он поскандалил с кем-то, и им пришлось уехать. Тогда им было плохо, он помнит, что всегда хотел есть, лучше не вспоминать. И Юрка перестал вспоминать, просто смотрел, как мчится машина, слушал, как пронзительно свистит ветер, и боялся, что сейчас все кончится...

И все кончилось. Впереди показалась загородка из жердей, подвешенный к ней «кирпич» и фанерная стрела, показывающая налево. Перед городом был объезд. Машина сбавила скорость, долго, почти как пешком, тащилась по пыльной грунтовке. Показались башенные краны, недостроенные коробки домов.

Они въехали в город. Слева остался длинный приземистый вокзал, у светофора они свернули с асфальта на булыжник, к базару. Юрка здесь бывал, когда жил у бабушки.

— Дядя Вить,— сказал он,— вот же базар, мы уже приехали!

— Сначала надо соблюсти приличия,— сказал Виталий Сергеевич,— отправить открытку или хотя бы телеграмму.

Они остановились возле почты, Виталий Сергеевич ушел. Юрка

немедленно сел на его место и ухватился за баранку — примериться и чтобы Славка увидел, как он будет когда-нибудь водить машину. Он даже попробовал слегка нажать на педали в тайной надежде — вдруг она самую чуточку, хоть полшага проедет. Но машина была на тормозе и никуда не поехала. Славка тоже полез подержать баранку, Юрка не хотел его пускать, но тот побелел, затрясся, как всегда, когда готов броситься в драку, и пришлось уступить. Вот только не было никаких ребят, чтобы они могли посмотреть и позавидовать. Перед летней галерейкой, где выдают письма до востребования, стоял длинный хвост курортников, но они не обращали никакого внимания ни на «волгу», ни на ребят.

Потом они покупали продукты на базаре и в «гастрономе», в булочной хлеб и плюшки с хрустящей корочкой; Юрка и Славка получили и тут же съели по одной, а у лотка, хотя они стеснялись и отнекивались, ели пирожки с мясом. Виталий Сергеевич остановил машину напротив магазина «Воды—мороженое» и повел их туда. Тут они уже не отнекивались, а съели по вафельному стаканчику сливочного вместе со стаканчиками.

— А что будете пить?— спросил Виталий Сергеевич.

Прилавок был так уставлен разными бутылками, что они растерялись. Славка наугад ткнул пальцем. Виталий Сергеевич взял каждому по бутылке. Это называлось «буза». Из темно-зеленых бутылок повалила густая шипучая пена, как молоко, когда оно уходит. Буза была сладкая, густая, щипала язык и небо.

— Ну как?— спросил Виталий Сергеевич. Сам он пил не бузу, а минеральную воду. От нее несло тухлыми яйцами.

— М-м...— замычал Славка.— Во!— сказал он, проглотив, и показал большой палец.

Они так долго и старательно сливали в стаканы остатки, что Виталий Сергеевич взял еще две бутылки.

— Не лопнете?— участливо спросил он.

— Не оставлять же!— сказал Славка.

Они налились до краев, в животе стало тяжело, в небо то и дело стреляло колючей мучнистой отрыжкой, но Юрка не сплевывал — было жалко.

И снова «волга» летела над аспидным асфальтом, стрелка стояла на ста, лопотали покрышки, а ветер метался в кузове и выл от зависти.

Юливанна восхитилась покупками, за все похвалила, а потом огорченно сказала:

— Да, но как готовить? Воду ведь не привезли. А из колодца я попробовала — ужасная гадость. Невозможно пить.

— А давайте,— сказал Юрка,— давайте я привезу. На велосипеде. Наберу ваши фляжки и привезу. А что? Тут всего четыре километра, я быстро.

— Что ты там в этих фляжках привезешь... Ехать—так на машине, и фляжки наполним, и бутыль...

Бутыль поставили переди на мягкий коврик, Юрка должен был ее придерживать, чтобы не разбилась.

У ворот снова стоял Митька и выл.

— Может, возьмем этого ревуна? А то ведь ему обидно,— сказал Виталий Сергеевич и остановил машину.

Вслед за Митькой выбежала Ленка.

— Ты куда?— закричал Славка.— Мы без женщин!

— Ну, Слава, какая же она еще женщина? И чем тебе женщины мешают, а?

Славка засмеялся и пожал плечами — они ему не мешали. Митька и Ленка сели в машину, вернее, села Ленка, а Митька стоял всю дорогу, держась за спинку переднего сиденья: так лучше смотреть. Он первый и увидел.

— Вон мамка! И Федька...

Виталий Сергеевич притормозил, съехал на обочину. Мамка и Федор сгребали лопатами размолотый колесами известковый гравий, засыпали выбоины, потом Федор черпал воду из бочки на телеге и поливал засыпку. Дед и папка сидели, свесив ноги в кювет, и курили. Виталий Сергеевич подсел к ним, подошли мамка и Федор. Запряженная в телегу Дочка мотала головой, отмахивалась хвостом от слепней.

— Что это вы делаете?— спросил Виталий Сергеевич.

— Ремонтируем,— сказал дед.

— Разве так будет держать?

— Маненько схватит, коли постоит.

Гремя и подпрыгивая, проехал грузовик, обдал их пылью. Колеса прошли по только что сделанной насыпке, гравий брызнул в стороны.

— Вот и весь ремонт!— сказал папка.— Артель напрасный труд.

Дед посмотрел вслед грузовику.

— Да ить что поделаешь с таким народом? Нет чтобы объехать, норовит как раз угодить...

— Это же в самом деле напрасная работа. Вы делаете, они тут же разворачивают. Ремонтировать — так уж по-настоящему.

— Ну его к черту! — сказал Федор.— Вот кончу курсы трактористов и все — уеду! Разве это работа? Смехота! Пускай на другой участок переводят.

Дед посмотрел на него и снова повернулся к Виталию Сергеевичу.

— Ассигнований не дают. Поскольку дороги тут потом не будет. Вот мы так и поддерживаем пока. Новую пробивать будут вокруг лимана.

— Когда-то она будет,— сказал Федор.

— Как захотят, быстро сделают,— сказал папка.— В соседнем районе дали одному Героя за кукурузу. Ну, там пробрили артезианский колодец, воды — залейся, чего ей не расти. И начали к нему разные люди ездить. Полюбоваться. В один месяц асфальт проложили. Теперь ездить, как в люльке — не тряхнет, не качнет.

Дед неприязненно покосился на папку. Он не любил, когда говорили всякие вольности.

— А вы далече собрались?

— В Ломовку, по воду.

— Так уж лучше в Гроховку. Километр дальше, а вода лучше, водопроводная.

Они поехали в Гроховку. В первых трех колонках воды не было, только в лужах плескались гуси и утки, но в четвертой, недалеко от магазина, оказалась, они набрали все капроновые фляжки и десятилитровую бутылку.

Юрка все время ломал голову, что бы такое придумать, чтобы Виталию Сергеевичу доставить удовольствие, увидел, что у входа в подвал стоят уже дядьки, и его осенило:

— Дядя Витя, а вы вина не хотите? У нас тут продают.

— Натуральное? В такую жару неплохо бы выпить стакан.

Они пошли ко входу в подвал. Навстречу им, припадая на деревянную ногу, шагнул Роман Безногий и нарочито громко сказал:

— Профессору — почет и уважение!

Редкие волосы прилипли у Романа к залысинам, красное лицо вспотело — он был уже «на газу». Виталий Сергеевич внимательно посмотрел на него.

— Я не профессор.

— Все одно — тилигенция. У меня глаз верный, снайперский. Люблю тилигенцию!

— Очень приятно, — сказал Виталий Сергеевич и хотел пройти мимо.

— Пс-ст! — сказал Роман, протянул руку и уставился в глаза Виталию Сергеевичу. — Дай рупь.

Виталий Сергеевич даже не удивился, достал и протянул бумажку.

— Во! — торжественно поднял Роман рублевку и показал стоящим мужчинам. — Я за что люблю тилигенцию? Она деньги иметь стесняется!

В группе мужчин у входа в подвал засмеялись.

— Не то что вы, жмоты, за целковый удавитесь, — продолжал Роман.

Виталий Сергеевич начал спускаться в подвал, следом застучал деревянной ногой Роман.

В подвале с потолка свисала электрическая лампочка, за столом сидела горбатая Алка. На столе стояли два граненых стакана, ведро с водой и большой эмалированный чайник. Алка окунула стакан в ведро, подставила под чайник, в стакан полилась мутная зеленоватая струя.

Виталий Сергеевич взял стакан, поднес ко рту, понюхал и поставил обратно.

— Нет, благодарю вас. Немытый?

— Как это невымытый? — обиделась Алка. — На ваших глазах помыла!

— Я не про стакан. Виноград давили невымытый.

— А сроду его мыли? — сказал Роман.

— То-то он ДДТ и еще какой-то пакостью отдает...

— Ничего, нам годится, — сказал Роман. — Еще шибче забирает...

Они поехали домой. Юрка старательно держал штыль и мучился. Он хотел сделать как лучше, а ничего не получилось.

— Не понравилось? — спросил он. — А дед и папка говорят — хоршее...

— Ничего, — утешил его Виталий Сергеевич. — Без вина жить можно. Особенно такого.

Дома они помыли запыленную машину и пошли купаться. Юливанна пошла с ними. Они ныряли, плавали наперегонки, Виталий Сергеевич учил их лежать на воде, совсем не двигаясь, а потом все сидели на камне и отдыхали. В один из зимних штормов море выбросило длинную плоскую глыбу песчаника, а потом у берега намыло сай, волны не доставали больше до камня, он так и остался, единственный камень на всем берегу от переправы до Окуневки. На нем очень удобно сидеть. Юливанна и Виталий Сергеевич сидели на камне, а ребята просто на песке, и Юрке почему-то пришлось в голову спросить:

— Дядя Витя, а у вас дети есть?

Может, он подумал, как, должно быть, хорошо им живется, этим детям?

Юливанна вдруг встала и пошла домой. Виталий Сергеевич посмотрел ей вслед и, помедлив, сказал:

— Есть сын. Он уже большой и живет самостоятельно.

3

К приезжим ходили не только они, ребята. Как только Юливанна принималась готовить и оставалась одна, к ней бежали то Максимовна, то мамка. Нюшка ходила редко — стеснялась. Что говорили Максимовна и Нюшка, слышно не было, они говорят тихо. Зато когда говорила мамка, слышно на весь бугор. Может, у нее такой громкий голос, потому что она часто кричит и ругается? Она говорила всегда одно и то же: как трудно жить, и что папка пьет, может и последнее пропить, приходится его стеречь, пьяный он заводной, мало ли чего может натворить, потом не развяжешься, и что дети плохо учатся... А сойдясь вместе, они судачили о Юливанне, наперебой хвалили ее: и какая она, видать, хозяйка, и аккуратная, и душевная, и поговорить с ней — одно удовольствие, все понимает и сочувствует, и какое привалило счастье Виталию Сергеевичу, что у него жена такая ласковая да добрая, ну и он тоже слава богу, за таким мужем, как у Христа за пазухой: не то словом — взглядом не обидит, все Юленька да Юленька...

А к Виталию Сергеевичу ходили мужчины. Чаще всего дед, изредка Федор. Тогда шли неторопливые разговоры о хозяйстве, о политике — что делается с этим Вьетнамом, когда будет конец, а то гляди еще чего доброго... и кто первый полетит на Луну — американцы или мы, и, может, хоть теперь будет легче, а то прямо не знаешь, что делать — то кукуруза, то горох, то пятае, то десятое, семь пятниц на неделе и каждая главнее престольного праздника... Папка в лагерь не ходил. Юрка знал, что ему очень хочется поближе познакомиться с Виталием Сергеевичем и он не раз зазывал его к себе, но Виталий Сергеевич не приходил. Он вообще ни к кому не ходил, никто на это не обижался, а папка обиделся. И однажды так прямо и сказал:

— Что ж вы нас обижаете? Не по-соседски...

— Чем?

— Не зайдете никогда. Посидели бы, поговорили по-настоящему.

— Разговаривать можно и здесь.

— Ну, как бы сказать, обстановка не та... И потом я хотел показать вам, узнать мнение. Я ведь, между прочим, немножко рисую...

— Вот как? — сказал Виталий Сергеевич. — Любопытно.

Они пошли в мастерскую, где папка всегда рисовал. Там стоял большой слесарный верстак, навалены дорожные знаки и всякие инструменты, но все-таки там просторнее, чем в комнате, никто не крутился перед глазами и не мешал. А на стенах висели папкины картины, уже оконченные и только начатые. Нарисовано на них разное-разное и большей частью такое, чего Юрка никогда не видел. И горы, острые, как пики, и много-много деревьев сразу — это называлось лес, — а из-за гор и леса обязательно всходили или желтая луна, или красное солнце, и озеро, по которому плавали белые гуси с такими длинными шеями, что они изгибались, как вопросительный знак. И другое озеро, все заросшее широколиственными деревьями, с тарелку, листьями и белыми цветами, а поверх листьев и цветов лежала тетка с угольно-черными глазами. Сама она была розовая, как «семейное» мыло, и совсем голая, только стыдное место прикрывал белый шарфик, который сам по себе висел в воздухе. И здесь тоже были белые гуси с длинными шеями и желтая луна. Юрка не понимал, почему эта толстомая тетка не тонет, и про себя думал, что, если бы он умел рисовать, он бы рисовал не этих голых теток, а самолеты и танки, Чапаева, как он лежит на белом коне, или космонавтов, как они гуляют в космосе. Он даже как-то спросил папку, почему он такое не рисует, это, мол, куда интереснее, но папка только усмехнулся и сказал:

— Много ты понимаешь!

Конечно, Юрка понимал еще мало, но что папка здорово рисует, это он понимал хорошо. У него все такое похожее. Видно каждый камешек, каждую веточку. И все такое красивое. Даже красивее, чем на самом деле. Если уж луна, так желтая-прежелтая, солнце краснее, чем светофор в городе перед базаром, а таких зеленых листьев и травы не было даже в городе...

Юрка смотрел то на картины, то на Виталия Сергеевича, чтобы угадать, как они ему нравятся, а папка суетился больше, чем всегда, рассказывал, как он рисует с открыток по клеточкам, и как каждая картина называется, и как трудно доставать краски, особенно белила. Виталий Сергеевич молчал, потом сказал «н-да» и опять замолчал. Папка не выдержал и спросил:

— Ну как?

— Что я могу сказать?.. Вы, по-видимому, для себя рисуете, для собственного удовольствия?

— Ну, для себя! — засмеялся папка. — Для себя — это баловство. На одни краски сколько денег изведешь. Понимаете, я ведь сейчас просто дорожный рабочий. Временно, конечно, — поспешно добавил он. — Зарплата маленькая. Вот я когда болею, на бюлетне, — подрабатываю немножко.

— И находят, покупают?

— Отбою нет! Народ ведь стал культурнее, все хотят жить красивше..

— Н-да, только этого и не хватает, — сказал Виталий Сергеевич и опять замолчал.

— Что ж вы меня не покритикуете? — принужденно улыбаясь, сказал папка. — Вы человек с высшим образованием, в искусстве разбираетесь...

— Сейчас все в искусстве разбираются. Что мне вас критиковать? Если по большому счету, то мы с вами одного поля ягоды...

— Так вот про это я и говорю! — обрадовался папка.

— Но если вы хотите знать правду о вашем рисовании — пожалуйста. Запретить вам никто не может. Можно только пожалеть, что вы этим занимаетесь.

Папка обиженно поджал губы. Виталий Сергеевич повернулся и пошел домой. Юрка сначала растерялся, не знал, что делать, потом побежал за ним. Виталий Сергеевич не обратил на него внимания, шел, опустив голову и хмурия густые черные брови. Юрка сначала думал, что они тоже седые и только крашенные, но потом разуверился — Виталий Сергеевич сколько раз при нем нырял, а брови не линяли — значит, они на самом деле такие черные.

— Дядя Витя, — сказал Юрка, — а почему вам не понравилось? Разве папка плохо рисует?

— Рисовать он не умеет. И дело не только в том, как он рисует, а и в том, что он рисует... Ну, ты этого не поймешь.

Юливанна укладывала свою зеленую сумку, с которой ходила на пляж.

— Хорошо рисует? — спросила она.

— Кошмар, — сказал Виталий Сергеевич. — И торгует этим. И что поделаешь? Уголовным кодексом не предусмотрено...

— Ты, наверное, как всегда, преувеличиваешь, ты ведь человек крайностей. Рисует — и пусть рисует на здоровье. Что тебе до этого?

— Не так просто, Юленька!

— Ну вот, ты сейчас начнешь разводить комплексы, рефлексии. Сложностей и так достаточно, не нужно их придумывать. Пойдем лучше к морю.

Виталий Сергеевич отрицательно покачал головой. Юливанна ушла. Юрка тоже хотел уйти, потом подумал, что Виталий Сергеевич пересядет и расскажет, отчего ему так не нравится панкино рисование.

Виталий Сергеевич сидел за столом, сплетя так пальцы, что побелели косточки, и смотрел прямо перед собой, потом стал смотреть на Юрку и так долго и пристально, что Юрке стало не по себе, он начал ерзать и даже собрался уходить, потом понял, что Виталий Сергеевич его просто не видит, хотя смотрит глаза в глаза. Виталий Сергеевич перевел взгляд, снова посмотрел на Юрку и только тогда его увидел.

— Если у тебя будут дети,— сказал он,— и вздумают заниматься искусством, бей их смертным боем. Чтобы неповадно было. Понял?

Юрка ослабился. Это была, конечно, шутка, а шуткам надо улыбаться.

— Впрочем — чушь! — сказал Виталий Сергеевич.— Это не помогает ни отцам, ни детям.

Он поднялся, открыл багажник, достал бутылку с коричневой жидкостью. Юрка уже знал, что это не чай. На первой бутылке, когда ее выбросили, он прочитал слово «коньяк». Виталий Сергеевич налил половину самого большого стаканчика из тех, что вставлялись один в другой, помедлил, долил до краев и выпил. Тут он снова увидел Юрку, достал горсть конфет, положил перед ним.

— Закусывай.

Сам он закусывать не стал, смотрел в стол и потирал ладонью подбородок. Юрка жевал одну конфету, брать еще стеснялся и ждал, что будет дальше.

— Нет,— сказал Виталий Сергеевич,— свинство! Расторгуеву небось этого не сказал!.. Юрий, слетай к отцу и скажи, что я очень прошу его сейчас прийти. Понимаешь? Очень!

Папка накопыхил губы: «Чего я туда пойду?», но поломался совсем немного и пошел. Увидев, что Юрка пришел следом, он рассердился.

— Ты чего тут? А ну мотай отсюда!

— Почему? — сказал Виталий Сергеевич.— Пусть сидит, умнеет... Я хочу объяснить, почему я так говорил о ваших картинках. Но сначала давайте выпьем.

Он хотел просто выпить, но папка потянулся чокаться, а из этого чоканья ничего не вышло — стаканчики пластмассовые, от них ни стука, ни звона — только зря расплескали коньяк на стол.

— Сильная вещь!

Папка с уважением посмотрел на бутылку и слегка помахал ладошкой у открытого рта. Виталий Сергеевич подвинул к нему конфеты. Папка деликатно взял штучку и откусил маленький кусочек.

— Так вот,— сказал Виталий Сергеевич,— рисовать, а тем более писать картины вы не умеете. Совсем.

Папка хотел встать, но Виталий Сергеевич жестом остановил его, и он остался сидеть, только ужасно засуетился.

— Говорю я не для того, чтобы обидеть, а чтобы вы поняли. В искусстве надо создавать то, что до вас не видели, не поняли, не сумели другие. А повторять — это, по выражению одного поэта, умножать количество мопсов. Кому нужны мопсы? Вы понимаете?

Юрка ничего не понял, и папка, видно, не понял тоже, потому что обиженно поджал губы и сказал:

— Я мопсов не рисую.

— Да ведь это фигурально! Можно отлить тысячу гипсовых Аполлонов или напечатать миллион Джоконд, и всему этому цена будет грош.

— Так ведь я что ж, я немножко, для заработка...

— Ну, вы! хоть честно в этом признаетесь! А есть такие, что возводят изготовление мопсов в принцип.

Дед привел Дочку к стогу ячменной соломы, привязал ее и, увидев, что Виталий Сергеевич разговаривает с папкой, подошел. Виталий Сергеевич поставил и для него стаканчик, налил.

— Да,— сказал Виталий Сергеевич,— я говорил — вы не одиноки. Вот есть такой художник Расторгуев. Мастак! Уж если нарисует мопса — на нем все шерстинки можно пересчитать. И процветает! Лауреат, даже, кажется, академик... Да что одиночки! В худфонде есть — она так и называется! — скульптурная фабрика... Вы понимаете? Фабрика, где штампуются скульптуры. Как пуговицы... Вы посмотрите вдоль дорог — то бетонный олень торчит, то медведь, то медведь, то олень... Их же тысячные стада уже у дорог...

— Эт точно,— сказал дед.— На нашем участке нет, а на других участках имеются.

— А в парках, садах? Пионерчики с горнами, бабы с веслами, которых белят два раза в год. Вы их найдете и во Владивостоке, и в Шепетовке, в Архангельске, и в Ялте... Это же пропаганда пошлости!

— Чем ты возмущаешься, Виталий? — спросила Юливанна, появляясь из-за кустов.— Я забыла очки... О, выпиваете, и без меня? Бессовестные!..— Она посмотрела на стол.— Фу, Виталий! И не стыдно! Как в забегаловке... Если уж пьете, то по крайней мере надо закусывать.

На столе тотчас появились тарелочки, хлеб, консервы.

— И мне,— сказала Юливанна, подставляя стаканчик.

— Ты снова жертвуешь собой, чтобы мне меньше досталось? — усмехнулся Виталий Сергеевич.

— Отнюдь. Просто хочу упиться, напиться — словом, по-мужски повеселиться... Так о чем ты шумел?

— Об искусстве. Но, кажется, не в том регистре...

— Похоже,— сказала Юливанна,— похоже, что ты на всех нагнал тоску...

Папка вовсе не впал в тоску, он перестал слушать Виталия Сергеевича и все время о чем-то думал.

— А вы с этим художником лично знакомы? — спросил он.

— С Расторгуевым? Нет.

— Вот бы познакомиться!.. Только где уж? В Москву ехать — и денег нет, и здоровье не позволяет.

— А что с вами? — спросила Юливанна.— На вид вы вполне здоровый человек.

— Так это на вид! — горько усмехнулся папка.— Меня в бомбежку так контузило — полгода в госпитале лежал, а два месяца ничего не видел. Мне военврач тогда сказал: чуть что и — обратно... А приходится заниматься физической работой.

— Так вам ведь нельзя пить!

— Ни боже мой! Ни вот столько!..

— Зачем же вы?

— А что при такой жизни делать? Разве я тут живу? Пропадаю...

— Ну, Александра,— сказал дед,— жизнь — она как жизнь, а стакешек ты перекидать любишь.

— А я никого не хуже. Вот и Виталий Сергеевич говорит, что я не хуже знаменитого художника Расторгуева рисую...

— Этого я не говорил, а сказал, что в принципе вы делаете одно и то же...

— Слыхал? — сказал папка.— Вот уеду отсюда, тогда посмотрите...

— Куда ты денесси? — сказал дед.— Тут тебя никто не видит.

живешь — и ладно. В другом месте с тебя работу спросят. А какой из тебя работник? Бала-бала, вот и все...

— Это я?!

— Не будем ссориться,— сказал Виталий Сергеевич.— Давайте-ка еще позволим себе...

Они позволили. Папка закусил и, вертя в руках кусок белого хлеба, сказал:

— Мне вот черного хлеба есть нельзя, желудок не позволяет. А где здесь возьмешь белый?

— Я извиняюсь,— сказал дед,— я чего хочу спросить. Вот вы, к примеру, строите дома. Как же вам платят — сдельно или по-особому?

Виталий Сергеевич нахмурился.

— Архитекторы получают зарплату. Как инженеры и прочие. Но я отошел от активного проектирования.

— И напрасно! — сказала Юливанна.— Мне очень нравились твои проекты.

— А что из них получилось? Помесь ласточки со свиньей? — Он посмотрел на непонимающие лица деда и папки.— Извините, вам это, наверно, неинтересно...

— Нет, почему же,— вежливо сказал папка.— Очень интересно.

— Понимаете, о чем я? Архитектор задумывает здание, создает проект. Но ему не дадут сделать так, как он задумал. Получается не здание, а убудок, сапоги всмятку, манная каша на шампуре...

— Крепко, видать, вас обидели по служебной линии,— сказал папка.

— Дело не в личной обиде,— отмахнулся Виталий Сергеевич.— Человек должен гордиться тем, что он сделал... Ну, не то чтобы гордиться, а...

— Как Саваоф,— сказала Юливанна.— Он сделал — «и увидел, что это хорошо».

— Да, что-то вроде этого. А я пока сказать этого не смог. Ни разу.

— Но ты же строил! И хорошо.

— Что значит «хорошо»? У художника должно быть ощущение важности, нужности, первоочередности того, что он делает.

— Ты, как всегда, увлекаешься и преувеличиваешь,— сказала Юливанна.

Виталий Сергеевич посмотрел на нее, как бы очнувшись, возбуждение его угасло.

— Да, ты права, конечно. И весь этот разговор ни к чему...

Дед уже блаженно щурился, папка суетился, поглядывая на опустевшую бутылку — ему было мало, — и, как видно, совсем не слушал. Как только Виталий Сергеевич замолчал, он тут же спросил:

— А как его по имени-отчеству, того академика?

— Не знаю.

Дед и папка еще немножко поговорили о погоде, какая, мол, стоит жара, прямо июльская, и что штормы в мае бывают редко, а если и случится когда, то короткий. Потом они ушли. Виталий Сергеевич задумался. Юливанна, поглядывая на него, убирала со стола, потом спросила:

— Что на тебя вдруг нашло?

— Ты же знаешь, что не вдруг. Это всегда со мной.

— Но почему именно теперь? И перед аудиторией, которая явно ничего не поняла?

— Разве всегда говорят для аудитории?.. А почему? Увидел малевание этого Нечаева, вот и... Не так радостно увидеть пародию на самого себя. И злую пародию.

— Не вижу никакой связи.

— Ну как! Он считает, что его малевание делает жизнь людей «красивше». В конечном счете и мы делаем то же самое...

— Беденький! Так ты ничего и не сделал... А дом на Хорошевке? А детский санаторий? А...

— Все это пробы, подходы, попытки. Были замыслы. Мне их поправляли, портили, я уступал, соглашался. И получались ублюдки. Не выдержал, сбегал на кафедру. И что? Создал школу, воспитал смелых новаторов? Чего достиг?

— А я не в счет? Если б ты не появился на кафедре...

— Тебя — да!.. Тебя я достиг. Ах, Юленька, если б это случилось раньше!..

— Могло случиться и раньше. Ты сам виноват.

— Прощу тебя! — сказал Виталий Сергеевич. — Не надо об этом, хотя бы то время, что мы здесь...

— Но почему я должна..

Юливанна только теперь увидела, что Юрка сидит, где сидел, и осеклась. Юрке стало невыносимо неловко. Он давно понял, что ему следует уйти, но боялся привлечь к себе внимание, не знал, как уйти незаметно, и продолжал сидеть, и получилось так, будто он нарочно сидел и слушал, о чем они говорят между собой, думая, что их никто не слышит. Он поднялся, пошел к дому.

От досады на себя он пнул ногой Жучку, которая, вывалив язык, бросилась к нему, и тут же ему стало жалко собаку — никто не вспомнил, что ей нужно налить воды. Юрка принес воды и кусок хлеба. Жучка сначала жадно вылакала всю воду, потом проглотила хлеб, выжидательно уставилась на него, ожидая еще подачи. Она смотрела и смотрела, несколько раз принималась вилять хвостом, но Юрка уже забыл о ней, и Жучка, гремя цепью, спряталась от солнца в свою будку из ракушечника. А Юрка смотрел на розовый бугор, над которым колыхалась парусина тента. Он силился и не мог понять, на кого и за что сердился Виталий Сергеевич. Сказал, что папка не умеет рисовать, и тут же, что есть знаменитый художник, который делает то же самое... Виталий Сергеевич был недоволен и сердился, только говорил такие слова, что — Юрка видел — и дед и папка тоже не понимали. И спрашивать у них бесполезно. Дед скажет: «Чужие дела — темный лес» или «Чужая душа — потемки». Он всегда так говорит, когда речь заходит о других. А папка, наверное, обиделся на Виталия Сергеевича и будет его ругать...

Тут мамка начала всех звать, значит, она пришла с работы и пора обедать. Юрка пошел домой — есть ему хотелось давно.

— А где папка? — спросила мамка. — Ну-ка, поищите его!

Папки не было ни во дворе, ни в лагере, куда сбегал Митька, ни на берегу.

— Да что он, сквозь землю провалился? — закричала мамка.

Тут вышел Федор и сказал, что папка уехал в Гроховку. Голоснул на дороге и уехал.

— Зачем?

— Известно зачем. Он и меня звал. Только у меня денег нет.

— А у него есть? — закричала мамка. — Опять у горбатой заразы в долг налижется...

Максимовна говорила, что все горбатые обязательно злые. У Алки горб самый настоящий — и спереди и сзади, а она добрая: дает вино в долг. Конечно, тем, кто потом расплачивается. Лучше бы уж она была злой, как все горбатые, и в долг не давала.

- Юрка,— сказала мамка,— бери велосипед, езжай за ним.
— Что он, меня послушает? И я есть хочу...
— Не помрешь! На.— Мамка сунула ему кусок хлеба.— И езжай без разговоров.
— Да ну, мамк, не хочу я...
— А я хочу с вами, окаянными, возиться, пьянчугу того сторожить? Навязался он на мою голову, проклятый...
Юрка выкатил из коридора велосипед и поехал.

4

У входа в подвал стояли мужчины, курили, разговаривали и один за другим уходили — солнце уже спускалось за изволок, скрывающий Окуневку. Папка сидел с Романом Безногим под навесом для машин. На ракушечном кирпиче перед ним стоял мятый алюминиевый котелок, с которым Роман никогда не расставался. Оба были уже пьяны. Папка говорил и неистово суетился. Роман не слушал. Лицо его набрякло, глаза с бессмысленной сосредоточенностью смотрели в одну точку. Отстегнутая деревянная нога валялась рядом. Роман первый увидел Юрку и поманил пальцем:

- Эй, Жорка, иди сюда!
— Я не Жорка,— хмуро сказал Юрка, прислоняя велосипед к столбу.
— Ты? — обернулся папка.— Ты чего, в магазин? Уже закрытый... Вот, Роман, хоть его спроси! Ну, спроси! При нем разговор был... Роман отмахнулся от него, протянул Юрке котелок.
— Слышь, Жорка! На. Принеси еще.
— Так Алка ж не даст,— сказал папка.
— Кому не даст? Роману Зарубе? Да я ей...
— Ему не даст. Давай я схожу.

Папка взял котелок и старательно пошел к подвалу, но как ни старался, шел спотыкливо, то убыстряя, то замедляя шаг.

Роман посмотрел ему вслед, потом уставился на Юрку. В глазах его мелькнуло какое-то выражение, он пошевелил пальцами, словно пытаясь его уловить и задержать, но оно исчезло. Тогда он отклонился назад, побагровел и закричал изо всех сил:

- Ой, був та й нема...— и так же внезапно замолчал.

Он припал к принесенному котелку, но не столько пил, сколько разливал по небритому подбородку, расхристанной рубашке, грязной волосатой груди. Папка тоже пососал из котелка, торопливо утерся и снова начал рассказывать:

— Вот он не даст соврать, при нем все было... Я его культурно так пригласил к себе: мол, посидим, поговорим... Интересно же — человек с высшим образованием, разбирается. Ну и показал свои картины. Я ведь только так рисую, между прочим... Оказывается, совсем наоборот. Он смотрит, смотрит и только приговаривает: да, говорит, вот это да!.. Понимаешь? А потом зовет к себе. Ну, тут все было честь по чести. Между прочим, не водка, а коньяк — сильная вещь! И тут приходит его жена, симпатичная, между прочим, дамочка, и враз это, понимаешь, тарелочки, закусочки со всем фасоном. По-столичному... Ну, они же, понимаешь, видят, с кем имеют дело!.. А потом он мне и говорит: вас, говорит, таких только два — вы и еще есть академик-лауреат по фамилии Расторгуев. Только вы и мастаки. Если уж что и нарисуете, так уж в точности, все как есть... Есть, мол, и еще, ну те помельче...

Юрка тарачил на папку глаза и ничего не понимал. Зачем он врет? Ведь ничего этого не было, было все совсем наоборот. Виталий Серге-

евич сказал, что папка рисовать не умеет, и даже что-то про Уголовный кодекс... И про художника того говорил так, что получалось — он не художник, а вроде жулика... Что же, папка ничего не понял? Или, может, он, Юрка? Но Юрка ведь не пил, он видел, как сердился Виталий Сергеевич, и своими ушами слышал, как тот сказал: «Вы ничего не умеете...» Как же это могло у папки все перевернуться? Или он нарочно врет и выдумывает? Зачем? Юрка почувствовал, как лицо и уши его наливаются краской.

— Папк,— сказал он,— пойдем домой, меня мамка прислала...

Папка отмахнулся и продолжал говорить. Видно было, что рассказывал он уже не первый раз, сначала кому-то, а теперь Роману. Может, и Роман тоже уже слышал это, потому что теперь он совсем не слушал, а только водил осовелыми глазами по сторонам. Мужчины, стоявшие у подвала, разошлись, Алка, прижимая к боку сумку с деньгами, заперла дверь большим висячим замком и тоже ушла.

— Ну, так ты скажи, есть мне смысл тут сидеть? Нет, ты скажи!

Роман покачивался и ничего не говорил.

— Разве я тут живу? Пропадаю, и все. На такой заработок можно прожить? А я бы мог своими картинами такую деньгу зашибать... Как тот Расторгуев. Вот возьму и уеду. Продам все картины, зашибу немножко денег и — прямым ходом в Москву. Думаешь, не пробьюсь? Ты меня еще не знаешь!.. Стоит еще сюда уехать, как сразу...

— Ой, був та й нема...— снова оглушительно закричал свою песню Роман и замолк.

— Папк, пойдем домой! — сказал Юрка.— Скоро совсем темно будет...

— Отстань! — отмахнулся папка.— Не видишь, с человеком разговариваю...

В это время Роман как-то странно хрюкнул, повалился на бок. Падая, он опрокинул котелок, папка попробовал его подхватить, но промахнулся, вино вылилось. Папка с сожалением повертел пустой котелок, поставил на ракушечник, потолкал Романа:

— Эй, друг! Ты что, спишь?

Роман не пошевелился, только вдруг, будто нарочно, громко и страшно захрапел. Папка оглянулся. Бригадный двор перед навесом был безлюден, в окнах домов по ту сторону площади вспыхивали электрические лампочки.

— Пошли.

Он неуверенно поднялся, размашисто и шатко зашагал. Юрка взял велосипед и повел его, держа за руль. Они миновали кладбище. За побеленной, из ракушечника, оградой белели такие же побеленные известкой надгробия. Звонк велосипеда брякнул на выбоине, папка оглянулся.

— Тю! Чего ж мы пешком? А ну, дай...

— Не надо, папк, упадешь.

— Когда это я падал? А ну, садись... Садись, тебе говорят!

Юрка сел боком на раму, папка два раза заносил ногу и не мог попасть в седло, наконец попал, и велосипед, валясь и петляя, покати́л к шоссе. До него осталось немного. Вот сейчас кончится справа колхозный виноградник, и там поворот на укатанную грунтовку, которая бежит рядом с шоссе. Папка жарко дышал ему в затылок винным перегаром, Юрке было шекотно и противно. Каждую секунду он ожидал, что они упадут, зыркал по сторонам и радовался, что уже темно, пусто и никто не видит, как они виляют из стороны в сторону.

— Сейчас... сейчас... — жарко дыша ему в затылок, приговаривал папка,— выедем на грунтовку, я там нажму... На скорости лучше.

Он нажал на педали, велосипед уже не катил, а мчался все быстрее, быстрее, внезапно вильнул в сторону и со всего разгона налетел на бетонный пасынок телеграфного столба. Юрку перебросило через руль, он стукнулся лбом о бетон и упал на землю, папка свалился налево, потянул на себя велосипед. Юрке было так больно, что он не смог закричать, а только замычал и ухватился за ушибленное место. Под пальцами стало тепло и мокро, через висок по щеке потекла струйка. Папка барахтался под велосипедом и скверно ругался.

Юрка стал на четвереньки, с трудом оторвал руки от земли, но голова закружилась, он остался на коленях и даже сел на пятки. Немножко передохнув, потянул велосипед к себе — он думал, что папка тоже разбился и потому не может встать. Папка неожиданно легко поднялся.

— Вот сволочь! — сказал он и пнул башмаком в седло велосипеда.

По дороге, западая на ухабах, полосая темноту снопами света, продребезжал грузовик. Свет скользнул по обочине, телеграфному столбу, лежащему велосипеду. Пробитая крышка слетела, обод был вогнут, несколько спиц выскочило из гнезд и торчало в разные стороны. Юрку охватило такое отчаяние, что он забыл об ушибе.

— Ну, я говорил! Я говорил... — закричал он. — Как я теперь в школу буду?..

Папка стоял, покачиваясь, и молчал. Потом отмахнулся.

— Ер-рунда! Починим...

— Да, починишь ты, как же! А деньги? — заныл Юрка. От крика боль снова стегнула по разбитому надбровью.

— Ха, деньги! Я теперь знаешь что... — забормотал папка. — Ты только подожди немножко. Я скоро всем докажу... А эту дрянь и чинить не буду. Куплю тебе новый. Понимаешь?.. Чего этот утиль ремонтировать?.. А то и вовсе — на ксь такое дерьмо покупать? Я тебе мотоцикл куплю. Видал красные такие, чешские?.. «Ява» называется... Я скоро, сам увидишь...

Юрка молча всхлипывал. Он не верил ни в мотоцикл, ни в новый велосипед. И даже в починку. Денег не было и не будет. Папка просто врал и выдумывал. И теперь уже всегда, даже в хорошую погоду, придется топтать в Ломовку пешком.

Редкие жиденькие огоньки в домах Ломовки мерцали по ту сторону дороги. Папка тоже посмотрел туда.

— Ну, ладно, хватит, — сказал он, — иди домой, я пошел.

— Куда?

— Зайду до кума. У меня к нему дело. Понимаешь? Поговорить надо...

По тому, как долго он объяснял, будто оправдывался, Юрка понял, что никакого дела нет, просто он еще не наговорился, не хочет идти домой, а пойдет мыкаться по деревне, искать знакомых, опять будет врать, будто Виталий Сергеевич хвалил его картины, выдумывать про московского художника, свою будущую жизнь, и все будут видеть, что он пьяный, понимать, что он врет и хвастает, будут ухмыляться и перелглядываться, а может, и прямо в глаза смеяться над ним.

— Не ходи, папка! Не надо!

— Еще чего? Сказано тебе — иди домой!

— Папка, не ходи!

Юрка ухватил отца за рукав, но тот вырвался и замахнулся на него.

— Иди, а то как дам...

Папка пошел к дороге, спускаясь в кювет, оступился и упал. Юрка

хотел побежать к нему, но увидел, что он уже поднялся, пересек кювет, снова упал, на четвереньках выбрался из кювета на дорогу. Идущая от переправы машина осветила его, он постоял, покачиваясь, перешел дорогу, и тут же по ней пронеслась машина. Свет фар ударил Юрке в глаза, он зажмурился, потом долго ждал, пока глаза привыкнут к темноте, пытался рассмотреть силуэт папки, но по ту сторону дороги лишь тускло светились далекие огоньки Ломовки.

— Папка! Пойдем домой! — закричал Юрка в темноту. Ему никто не ответил.

Юрка нагнулся над велосипедом, в надбровье ударила резкая боль. Кровь уже не текла, присохла коркой на щеке. На месте ушиба вспухла здоровенная шишка, в ней все время саднило и дергало, а как только он наклонял голову, отдавало пронзительной болью. Опухоль расползлась вниз, захватила веко, и левый глаз еле-еле открылся.

Юрка поставил велосипед на колеса. Куда там ехать — его нельзя было и катить, пришлось тащить силком. Переднее колесо припадало на вмятину, погнутые спицы цепляли вилку, трещали и тренькали.

Напрягая силы, Юрка толкал велосипед, который вдруг стал тяжелым и непослушным. Огоньки Ломовки остались слева, позади, справа за жидкими придорожными кустами темнел колхозный виноградник. Он скоро кончится, за ним ячменное поле, потом кукуруза, и только тогда станет виден дом. Еще далеко... Юрка вдруг почувствовал слабость и тошноту, оперся о велосипед и наклонился. Голова закружилась еще больше, его вырвало. Ноги стали ватными, руки, лицо и даже живот вспотели. Велосипед упал на грунтовку, Юрка шагнул в сторону и лег на колючую пропыленную траву обочины. Звезды дрогнули, все разом поплыло в сторону, по кругу. Юрка закрыл глаза. По дороге прогрохотал грузовик. «Если какой-нибудь пройдет по грунтовке, велосипеду хана — доломает», — подумал Юрка, но не пошевелился. Прошел еще грузовик и еще. Каждый раз Юрку обдавало пылью — уже поднимался береговой бриз, пыль несло к грунтовке и дальше, через ячменное поле к морю.

От ветра стало легче. Юрка поднялся, поставил велосипед на колеса и потащил его к дому. Его все еще мутило, но уже не так сильно, только разболелась голова, в ранке дергало и саднило. И хотелось есть. Но как только он подумал про еду, его снова начало тошнить, и он старался о ней больше не думать. Так плохо ему еще никогда не было. Будь ему хоть чуточку лучше, он бы, наверно, заплакал, и стало бы легче, но сейчас он почему-то плакать не мог и легче не становилось, а только все сильнее и сильнее разгоралась злость. Зачем и за что ему так? Зачем папка поехал в Гроховку, совсем упился, поломал велосипед и самому ему хоть бы что, а вот он, Юрка, разбился? И зачем мамка послала его в Гроховку? Будто не знала, что отец его не послушается? А ее он слушается? И почему он, Юрка, должен с разбитой головой тащить этот велосипед, хотя это уже не велосипед, а утиль, чинить его не станут, потому что денег нет, и он будет валяться, пока не превратится в ржавый, ни на что не годный хлам, что валяется у них за оградой? Бросить его, и все, пускай переедет грузовик или подбирает, кто хочет...

Но он не бросал, а, сцепив зубы, толкал и толкал велосипед вперед. У Федора и Нюшки было уже темно, у деда окошко еще светилось, но дверь была заперта. Юрка обогнул дом. Их дверь была распахнута настежь, на крыльцо падал свет лампы. Не успел Юрка прислонить велосипед к крыльцу, как выбежала мать и закричала:

— Где? Где он?

— В Ломовку ушел.

— А ты? Тебя я зачем послала? — Она увидела разбитый велосипед и закричала еще громче: — Поломал?! Ах ты паршивец!

Не размахиваясь, коротко и резко она ударила его по правой скуле.

— То ж не я, то папка! — закричал Юрка.

Мать схватила платок и побежала к дороге.

— Гасите свет, ложитесь спать. Сейчас же! — крикнула она из темноты.

Славка, Митька и Ленка стояли на крыльце, испуганно тарашились на Юрку.

— Уй, — сказал Славка, — где ты убился?

Юрка вошел в комнату, посмотрел в зеркало. Левый глаз заплыл багровым кровоподтеком, надбровье вздулось бугром, от него через скулу и щеку тянулась засохшая кровавая корка. Юрка не испугался, только его снова затошнило, и он поспешно отвернулся от зеркала.

— Слей, — сказал он Славке.

Славка горюливо подтащил к тазу ведро, зачерпнул кружкой воды. Стоять наклонившись было больно, в ране дергало все сильнее и сильнее, снова начало мутить, но Юрка перемогался и плескал в лицо водой, пока кровавая корка не отмылась. Глаз заплыл совсем, открыть веки можно было только пальцами. Юрка кое-как обтер лицо.

— Спать будем, ага? — спросил Славка. Он понял, что сейчас Юрка ни о чем не расскажет.

Юрка посмотрел на железную койку, развороченную постель, в которой они спали вместе со Славкой. Напротив стояла кровать папки и мамки. Он отчетливо увидел, как все было уже много раз, как будет и теперь: мамка приведет упирающегося отца и станет укладывать его спать, а он будет хорохориться, обзывать ее всякими словами, а мамка его тоже, он полезет драться, и она даст ему сдачи. Потом они помирятся и лягут вместе спать, а может, и не помирятся, просто папка свалится и захрапит... Юрка скрипнул зубами и пошел к двери.

— Куда ты? — спросил Славка.

— А твое какое дело? — закричал Юрка. — И не ходи за мной, а то как дам!..

Он со злостью захлопнул дверь, постоял на крыльце, пока привыкнут глаза. Свет у деда уже погас, над переправой стояло холодное синеватое зарево, по дороге ползла цепочка спаренных светляков — там шли машины. Под тентом спокойно и ровно горел свет. Значит, Юливанна лежит и читает, она всегда читает при электрическом фонарике, а Виталий Сергеевич сидит за столом. Пойти к ним? Начнут спрашивать да расспрашивать, ему и без того тошно...

Он вышел за ограду к бугру. Жучка попросилась с ним, даже заскулила, но он ее не отвязал. Под ногами глухо брякнули железяки, зашуршал овсюг. Дочка встревоженно фыркнула, вскинула голову, потом опять захрупала свежескошенной травой — дед с вечера обязательно оставлял ей целый ворох. Негромко шумело невидимое в темноте море — затихало под ночным бризом. Стог жарко пахнул разогретой за день соломой и мышами. Юрка лег и привалился к стогу.

Его разбудили голоса. Во дворе кричали то разом, то по очереди папка и мамка — звали его.

— Фиг я к вам пойду! — зло сказал Юрка.

Заново вспыхнуло все, что случилось вечером — как мамка зря послала его в Гроховку, как пьян был отец, как разбил велосипед и расшиб его, Юрку, как кувыркался потом в кювете, а он мучился, тащил поломанный велосипед и как ни за что опять побила его мамка. Голоса уговаривали, требовали и угрожали. Завтра он придет домой и его опять побьют за то, что ушел, не ночевал дома. Но сейчас он не

боялся. Его все сильнее охватывала злость за все несправедливые обиды и мученья. Он сжал кулаки и протянул их в темноту, из которой неслось голоса.

— Ух, я вырасту! Ух, я вам покажу!..

Голоса угихли, Юрка опять уснул и проснулся оттого, что его тронули за плечо. Юливанна стояла над ним на коленях, испуганно смотрела на рану, заплывший глаз.

— Боже мой,— сказала Юливанна.— Что случилось?

— Упал,— сказал Юрка и отвернулся.— С велосипеда.

— Хорошенькое «упал»!.. Почему ж ты здесь? Почему тебя не перевязали?

Юрка молчал. Он совсем забыл, что приезжие повесили свой умывальник возле стога и утром не могли не увидеть его.

— Пойдем!— решительно сказала Юливанна.— Можешь встать? Давай я помогу.

— Да ну,— сказал Юрка,— я сам...

Но Юливанна все-таки помогла и повела его к палатке, придерживая за плечи, будто боялась, что он упадет или убежит.

— Виталий,— еще издали окликнула она,— достань, пожалуйста, аптечку.

Виталий Сергеевич оглянулся, брови его удивленно и озабоченно двинулись, но он не сказал ни слова, достал металлическую коробку, в которой лежали бинт, разные коробочки и пузырьки. Юрка сел на складной стул, на котором ему так хотелось раньше посидеть,— оказалось, стул как стул, только неустойчивый.

— Сейчас я промою,— сказала Юливанна,— будет щипать, а потом перевяжу.

— Ничего,— сказал Виталий Сергеевич,— он мужчина, вытерпит. А повязки не надо. Ушиб сильный, а ранка небольшая. Заклей лейкопластырем. И ему будет свободнее, и другим не так страшно.

Юливанна намотала на спичку вату и стала промывать, рану начало жечь и щипать. Юрка крепился изо всех сил, но слезы сами по себе потекли по щекам.

— Больно?— встревоженно склонилась к нему Юливанна.

— Не...— внезапно осипшим голосом ответил Юрка.

Разве это больно? Вот когда об столб треснулся, а потом мамка стукнула... Дело совсем не в боли. У Юливанны были такие ласковые, нежные руки, она так осторожно и бережно придерживала его голову, промывала ранку, что Юрке почему-то вдруг стало отчаянно жалко себя, и он впервые за все время заплакал.

Виталий Сергеевич сделал вид, будто ничего не заметил. Юливанна залила ранку едучим, крест-накрест заклеила белой липучей лентой.

— Ну вот, заштопали тебя по всем правилам,— сказал Виталий Сергеевич,— можно падать снова.

Юрка поднялся, уронил стул и едва не упал сам.

— Куда ты? Нет уж, лечиться так лечиться. Садись с нами завтракать.

Юрка отнекивался, но есть хотел, как Жучка, и остался. Юливанна поставила перед ним тарелку. На ней было мясо с кашей. С какой кашей, он так и не понял, потому что мучился с вилкой— с нее все падало,— пока Юливанна не догадалась дать ему ложку. Потом пили очень сладкий и крепкий чай с печеньем. Печенье на зубах хрустело, а потом сразу гаяло во рту.

И тут прибежала мамка. Она, наверно, увидела Юрку, а может, увидели и сказали ей ребята. Еще издали она начала корить и стыдить Юрку, какой он бессовестный, надоедает людям, морочит им голову...

Юливанна сказала, что он вовсе не надоедает и не морочит, она сама его привела и сделала перевязку, и это такие пустяки, что не стоит и говорить. Мамка тут же подхватила и начала кричать, что на такие пустяки никто и внимания не обращает, — подумаешь, упал с велосипеда, шишку набил! — зарастет, как на собаке. Она сама на днях мало не отрубила лопатой палец на ноге, и хоть бы что — потому что не набалованная, не неженка... А все-таки большое Юливанне спасибо, что перевязала, сама она просто с ног сбилась, то то, то се, то пятое, то десятое...

Мамка кричала и все время поглядывала испытующе то на Юрку, то на приезжих, стараясь угадать, рассказал он, как все было на самом деле, или нет, говорить ей правду или можно обойти стороной, будто ничего такого особенного и не было. Она чувствовала себя виноватой и не хотела признаваться в этом — и говорила, говорила, не останавливаясь. Юрка понимал, что она пытается заговорить зубы, видел, что и приезжие тоже понимают это, ему стало стыдно за нее — зачем она врет и изворачивается, никто ведь ее ни о чем не спрашивал, а она все объясняла и объясняла. Юрка поднялся и хотел уйти, но Виталию Сергеевичу, должно быть, тоже все это надоело или он увидел и понял, как Юрка мучается, он встал и сказал:

— Вы беседуйте, а нас извините — мы с Юрой пойдем выкупаемся. Ты ведь еще не купался? И я тоже нет...

Юрка был готов бегом бежать, но Виталий Сергеевич не спешил, а как только они обогнули тент, мамка не выдержала — она никогда ничего не может скрыть — и начала кричать, что ее байбак опять вчера нализался, как босяк, и она ночью бегала в Ломовку искать его, а потом чуть не на себе тащила домой, и теперь он дрыхнет, а она, ночь не спавши, должна идти на работу да еще его выгораживать, деда умамливать, потому что сколько можно терпеть прогульщика, и когда все это кончится, и что это за несчастье на ее голову...

За бугром уже не было тамариска, задул теплый влажный ветер, скомкал, смял мамкин крик, ровный шум моря стал отчетливее, ближе и громче. Отзвенели на разные голоса телеграфные провода у дороги, и вот оно, море, расступилось, раздвинулось в полмира, подхватило и понесло на ласковой волне, налитой солнцем. Они подошли на песке, потом сели на глыбу песчаника. Юрка ожидал, что Виталий Сергеевич начнет его расспрашивать, как он упал и расшибся, но Виталий Сергеевич ни о чем не спрашивал. Почти по горизонту шел окрашенный серой краской сторожевик, издали он казался голубым.

— Счастливыцы, — сказал Виталий Сергеевич, провожая его взглядом. — До сих пор завидую морякам, с детства мечтал стать моряком, а вот не получилось — глаза подвели, в молодости я был близоруким...

И он начал рассказывать, какая трудная, суровая, а потому мужественная и прекрасная жизнь у моряков, и если б можно было начать жизнь заново, он опять бы, как в детстве, выбрал профессию моряка. Юрка подумал, что и он бы тоже хотел, только это если и случится, то так не скоро, что и думать не стоило, и он не стал об этом думать, перестал слушать Виталия Сергеевича, думал о том, как он живет сейчас, почему должно быть так, а не иначе, и вдруг совсем невпопад спросил:

— Зачем люди пьют?

Виталий Сергеевич не удивился, хотя Юрка прервал его на полуслове. Он помолчал, потом сказал:

— По разным причинам. Но, в общем, какие бы ни были причины, от слабости. Одни потому, что избалованы, денег много, могут себе

позволить, а удержаться сил нет. Таких немного. Другие потому, что им плохо.

— Так ведь все равно... — сказал Юрка.

— Конечно, лучше не становится. Становится хуже. Сил, здоровья меньше, ума — тем более. Но видишь ли, зелье это одурманивает, одуряет, и человеку и он сам, и все окружающее видится не таким, какое оно на самом деле. Труссу кажется, что он герой, уроду и тупице — что он красавец и гений, все беды и несчастья — пустяками, море становится по коленс...

Юрка исподлобья покосился на него. Откуда он знает? Он же не был тогда в Гроховке...

— Протрезвился пьяный, — продолжал Виталий Сергеевич, — опять то же самое, те же несчастья, те же беды. И человек опять напиивается, чтобы забыть о них. И так втягивается, потом уже без этого не может обойтись. Это прилипчиво, как зараза, как неизлечимая болезнь... А попросту — это трусливое бегство. Трусливое и бессмысленное — в бутылку. Из нее-то уж во всяком случае выхода нет. Только один — смерть... Так что ты не приучайся, — помолчав, добавил он. — И не поддавайся, если будут уговаривать. Дружки тут чаще всего ножку подставляют.

— На кой оно мне, — сказал Юрка. — Уйду я от них. Совсем.

— От кого?

— Из дома.

Виталий Сергеевич внимательно посмотрел на него.

— Почему?

— А ну их! — сказал Юрка и отвернулся.

— Обидели тебя?

Юрка не ответил, Виталий Сергеевич расспрашивать не стал.

— Это пустое, — сказал он. — В детстве меня тоже как-то обидели. Теперь уж не помню чем, но тогда казалось — непереносимо. Мне было еще меньше лет, чем тебе. До войны у нас мальчишки убегали в Арктику, во время войны — на фронт. А куда теперь мальчишки бегают? Наверно, никуда... В космос не убежишь... А тогда и об Арктике не знали, и на войну никто не хотел. Бежали не на фронт, а с фронта. О стране своей мы, мальчишки, ничего не знали. Зато много знали про Америку. Про индейцев, золотоискателей, путешественников. Тогда много было таких книг, мы их зачитывали до дыр, играли в индейцев и белых завоевателей. Теперь эти книги не читают. Ты, наверно, тоже не читал?

— Не, — сказал Юрка.

— Ну, естественно. А я читал много и мечтал об Америке. А когда обидели, решил убежать. Надел пальто, буханку хлеба за пазуху — и пошел. Обида обидой, а хлеб стащил. Без еды как же? Дорога дальняя: через половину Сибири до Владивостока, тогда это недели две поездом, а дальше уже просто — зайцем в трюме парохода — и в Америке. Вокзал набит битком. Раненые, беженцы. Гражданская война ведь шла. Ждал-ждал поезда, проголодался. Достал хлеб. А кругом голодные беженцы. Особенно ребяташки. Не просят, а только смотрят. Стыдно мне стало одному есть. Разломал я хлеб и роздал. А без еды куда убежишь? Пошел домой. Отец все понял. «Убегал?» — спрашивает. «Убегал». — «А хлеб где?» — «Беженцам отдал, они голодные». — «Твое счастье, дурак, а то б я тебе всыпал. Люди от беды бегут, а ты от чего? Иди спать!..» А на другой день обида показалась уже не такой страшной, потом и вовсе стерлась. Детское горе, как летний дождь — отшумел, и снова солнце...

— Да, — сказал Юрка, — вам хорошо говорить...

— Ты пойми: бегство — не выход. Бегство — тоже от слабости, малодушия. Ну, трудно тебе сейчас живется, я понимаю. Но ведь не всегда так будет. Ведь даже здесь, на Тарханкуте, посмотри, какое идет строительство. Вон там, — показал он на вышки, — нашли нефть и газ. И вырастет целый город. А полуостров весь перегорядят лесозащитными полосами, разобьют сады, виноградники. Почва здесь хороша под виноградники. Воды нет? Найдут и воду, из-под земли достанут. Для кого все это? Для вас, для таких, как ты. Для тебя...

«Так что, папка от этого перестанет пить и ругаться? Или драться с мамкой?» — Юрка только подумал это про себя, но промолчал. Спорить он не умел и стеснялся.

5

Виталий Сергеевич оказался прав — на следующий день было совсем по-другому. Шишка стала меньше и не такая твердая, в ранке уже не дергало, а больно было только, когда Юливанна снимала старый и наклеивала новый лейкопластырь. И все происшествие выделось теперь Юрке не таким, как тогда, Юрка о нем с удовольствием всем рассказывал и даже чуточку преувеличивал и привирал: как он перелетел через руль и треснулся головой об столб, а потом как ни в чем не бывало притащил велосипед, и ему эта шишка — хоть бы что. О том, как было ему плохо и тяжело, почему-то не вспоминалось, а вспоминалось то, что возвышало и делало его героем в глазах Славки и Сашки Лизунчика. Сенька Ангел заезжал к деду одолжить солидола, посмотрел велосипед, сказал, что лопнула передняя вилка, но в кузнице ему по знакомству заварят, будет крепче, чем новая, а колесо, конечно, надо сменить: если б было заднее, с тормозом, тогда труднее, а переднее — пара пустяков, даже у него, кажется, где-то валяется...

Опухоль спала, глаз начал открываться, синяк стал разноцветным, все больше желтел, рассасывался, а через несколько дней Юливанна сказала, что ранка зарубцевалась, пластырь можно снять, от солнца и морской воды все еще быстрее рассосется. Юрка не возражал бы и еще поносить белую заплату из лейкопластыря, чтобы все видели, как он пострадал и геройски терпел, но Юливанна наклейку сняла и выбросила.

И все пошло по-старому. С той только разницей, что Юрка еще больше привязался к приезжим. Если б можно было, он бы ходил за ними по пятам, как Жучка за ним, когда ее отвязывали. Вот только стесняться он стал еще больше. С Виталием Сергеевичем он еще мог разговаривать, а с Юливанной никак. Юрка готов был сделать для нее что угодно — и любую работу, и побежать, и принести, и вообще расшибиться в лепешку, но Юливанна вовсе не хотела, чтобы он для нее работал или расширялся, а когда она к нему обращалась, он окончательно и бесповоротно немел и только улыбался. Юрка сам чувствовал, как большой рот его растягивается до ушей, никакими силами не мог согнать улыбку и выдавить из себя хотя бы слово. И Юливанна перестала к нему обращаться. Здоровалась, и все. А он все улыбался и ждал, когда она его куда-нибудь пошлет или скажет, что нужно сделать. Она не посылала и ничего не говорила.

Оказалось, Виталий Сергеевич тоже умеет рисовать, только так здорово, что куда там папке с его гусями и тетками. Однажды перед вечером они пошли купаться и Виталий Сергеевич взял с собой портфель. Они выкупались, потом Виталий Сергеевич сел на камень, достал

лист толстой бумаги и начал чиркать по нему карандашом. Чиркал он как попало, только вдруг из всех беспорядочных черточек и штрихов начал проступать заросший тамариском бугор, и обрушенные окопы вокруг, и тент, и черепичная крыша их дома. И все это было как живое, похуже и как бы чуточку не похуже. Юрка сидел сбоку, встал, чтобы обойти сзади, посмотреть с другой стороны, и озадаченно открыл рот. На рисунке исчезли рытвины окопов, кусты тамариска, — на него смотрели и весело смеялись глаза Юливанны. Юрка сделал два шага вперед — снова появились кусты и окопы, отступил — опять смотрели на него смеющиеся глаза.

— Ух ты! — сказал Юрка. — Как же это?

Виталий Сергеевич не услышал, продолжал чиркать карандашом и негромко пел:

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, любимая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая...

Юливанна засмеялась и сказала:

— Слышу, слышу! И уже иду готовить ужин...

Но тут она увидела рисунок и стала, как Юрка, то подходить ближе, то отступать и наконец сказала:

— Ой, это просто прелесть! Так мило, что и не знаю... — Глаза у нее сейчас смеялись так же радостно, как на рисунке. — А как это называется?

Виталий Сергеевич, улыбаясь, протянул ей рисунок.

-- Счастье!

— Да, счастье... — Юливанна взяла рисунок, посмотрела на бугор. — Я повешу его под тентом, чтобы видеть каждую минуту... — Голос ее вдруг надломился и как-то странно зазвенел. — И помнись — какое оно короткое. Кущее.

— Юля! — с упреком сказал Виталий Сергеевич.

— Ты хочешь только одного: чтобы я об этом не говорила. Хорошо, не буду... Бедный мой страус! Ты все еще надеешься, что все само собой уладится, образуется. Ничто не делается само собой...

Почему-то у обоих испортилось настроение, и они молча пошли домой, но потом Юливанна развеселилась снова, картинку прикрепили к картонке и повесили под тентом. Юливанна начала готовить ужин, а Виталий Сергеевич, не дожидаясь ужина, достал бутылку с коньяком и выпил, потом еще и еще. Юливанна не сердилась и не кричала, только озабоченно на него посматривала. Виталий Сергеевич совсем не упился и не стал ругаться, а становился все молчаливее и задумчивее. Они собрались ужинать, и Юрка ушел домой.

Юрка несколько дней ломал голову и никак не мог придумать, что бы такое сделать, чтобы им было хорошо и они обрадовались. А потом вспомнил, как однажды Юливанна, смеясь, пожаловалась:

— Что это такое — живем у самого моря, а рыбу едим только из консервной банки?

— «Жил старик со старухой у самого синего моря»... — сказал Виталий Сергеевич.

— Ну уж, пожалуйста! Я совсем не старуха, и ты не старик. И мне не нужна золотая рыбка. Обыкновенная. Хоть гакусенькая. Чтобы можно было жарить и съесть.

Виталий Сергеевич ездил с дедом и папкой в Окуневку (у папки там знакомые рыбаки). Юрку они тоже взяли с собой. Съездили зря. Фелюги ходили впустую, кефаль ушла от берегов, и рыбаки «загорали» в бараке: кто читал, а кто играл в карты.

Теперь Юрка вспомнил об этом разговоре, и они со Славкой решили сделать Юливанне и Виталию Сергеевичу подарок — наловить кошелку рыбы, ну, хоть не целую кошелку, половину, прийти и сказать: — Вы хотели рыбки. Вот!

И тут как раз так совпало, что папка собрался ехать в город к своей матери — а их, ребят, бабушке, — мамка побоялась отпускать его одного, чтобы он там не напился и чего-нибудь не натворил, они поехали вместе и взяли с собой Ленку, так что ребята остались одни, сами себе хозяева — иди, куда хочешь, делай, что хочешь. Никто не заругает и не скажет: «Ты бы лучше...»

Подушка попала Юрке в затылок. Набита она не пухом, а перьями, перья давно свалялись в тугий тяжелый ком, и если ею стукнуть по носу — не обрадуешься. Но подушка стукнула по затылку не очень больно, и Юрка приворчился, будто он даже не проснулся, потому что это была артподготовка, за ней всегда следовала атака. И сейчас же Славка закричал:

— Вперед! За родину!

Они навалились на Юрку оба сразу — Славка на плечи, Митька на ноги. Юрка изогнулся дугой, стряхнул Славку и подмял под себя, потом подтянул Митьку и прижал его тоже.

— Хенде хох! — закричал он, как, по рассказам отца, кричали немцы.

Юрка легко побеждал, когда они играли. Вот если Славка озлится, побелеет, весь затрясется и, как слепой, кидается в драку — тогда хуже. Но дрались они редко, очень редко. Почти никогда. А про Митьку что и говорить — ему всего шесть лет, к тому же он проснулся сейчас только наполовину, и если его оставить, он тут же заснет.

Так начиналось каждое утро — кто первый просыпался, тот шел в атаку. Но сегодня баловаться было некогда — на скалу надо поспеть до восхода. Славка взял клеенчатую сумку, а Юрка толкнул Митьку на топчан, накрыл с головой одеялом и достал приготовленные с вечера вилы. Между зубьями вил в несколько рядов натянута проволока, чтобы вернее поддевать и чтобы крабам было во что вцепляться. Кроме рыбы, Юрка решил наловить и крабов. Виталий Сергеевич сказал, что в Черном море съедобных крабов нет, есть только на Дальнем Востоке. Но они же ели! И сколько раз... Вот он и докажет.

Бугор они обогнули стороной. Может, там еще спали, а может, Виталий Сергеевич уже сидел за столом, увидел бы их и спросил, куда они собрались в такую рань, — они бы, конечно, проговорились, а что это за подарок, если про него знают заранее.

Межа между огородом и ячменным клином упиралась в проселок. По нему никто не ездил — да и кому тут ездить? — но его перепахали. Зачем — неизвестно. Сенька Ангел и перепахивал, а когда его спросили, что он делает, сердито сказал:

— Козла дою...

Может, перепахивали, чтобы к кукурузе не ходили? Но все равно кукурузное поле одной стороной выходит на шоссе, да и кукурузы там совсем не видно за бурьяном, который поднялся Юрке выше пояса. Ее который год уже сеют, и она каждый раз пропадает. Потому что нет воды. Солнце жжет, а дождей летом не бывает. Бурьян и тот через какую неделю высохнет, останутся торчать одни желтые будылья.

По проселку много ближе, но там по вздыбленным лемехам пластам трудно идти, и они свернули напрямик к морю. Сейчас же за дорогой — песчаная полоса, поросшая редкими кучками жесткой колючей осоки, а потом голый песок, выглаженный волнами.

Но сначала они подошли к своему гнезду. Гнездо морского куличка, но они его нашли и считали своим. Каждый раз, проходя, они проверяли, сколько там яиц и вылупились ли птенцы. Вчера яиц было пять, а сегодня уже только два и три птенчика. Малюсенькие, жалкие. Без перьев, только чуть покрытые редким пухом. И головастые. У них были даже не головы, а просто большущие разинутые рты с глазами... Они задирали разинутые рты кверху и пищали.

— Давай их покормим, — сказал Славка.

— Чем, хлебом? Это же не куры...

— Мух наловим, червяков...

— Потом...

Куличок метался в нескольких шагах и пронзительно кричал, а как только они двинулись, припал к земле и побежал перед ними, тряс хвостиком, трепеща крылышками и всячески показывая, что он изнемог и догнать его ничего не стоит. Хорошо бы притвориться, что они за ним охотятся и что куличок их обманул, а потом опять подойти к гнезду, но они решили прийти потом и поиграть с куличком. По мокрому песку легко идти, он твердый, как пол. Только и всего, что слабый отпечаток сандалий сейчас же заливают водой. Море у берега остекленело — не шелохнется, не плеснет. В погожие дни перед восходом всегда так: береговой бриз уже затих, а морской еще не поднялся. Юрка оглянулся на бугор, окутанный розовым дымом цветущего тамариска, и увидел, что сзади плетется Митька.

— Ты куда?

Митька вскинул свои белые ресницы и ничего не ответил. Он никогда не отвечает сразу.

— Ты куда идешь?

— Надо, — помолчав, ответил Митька.

— Мы тебя с собой не берем!

— И не надо, — снова помолчав, сказал Митька. — Я сам.

— Иди домой, ты же синий весь! — крикнул Славка.

Митька не ответил и шел дальше. Перед восходом солнца свежо, а он босиком и без кепки. И куртки у него никакой нет: он еще мал, в школу не ходит, и ему не покупают. Как только весной перестают дожди и подсыхает во дворе грязь, он сбрасывает старые Славкины башмаки, кепку, ходит босиком и простоволосый. Его ругают, дают взбучку, не пускают во двор. Митька сидит дома и ревет. Рев быстро всем надоедает, и его выпускают. Поэтому ресницы у него и коротко стриженные волосы уже в апреле выгорают так, что становятся белыми. И так он ходит до поздней осени, пока земля не лубенеет от заморозков.

И сейчас на Митьке только штаны и рубашка, ему холодно. Кожа стала пупырчатой, губы посинели, он ежился, старался поглубже засунуть кулаки в карманы и упрямо плелся следом.

За глинистым обрывом море небольшой дугой вдавалось в берег. Юрка заметил у края этой дуги что-то непонятное и припустил бегом.

Полузасыпанное песком, кверху беловатым брюхом лежало большое длинное тело. Издалека стала видна голова с оскаленной зубастой пастью, похожая на огромный птичий клюв.

— Кит? — закричал Славка.

— Фиг! Папка говорил, у нас китов нет.

— Тогда акула! Только зачем она на берег вылезла?

— Ее волнами выкинуло.

Они сели на короточки и заглянули в пасть. Челюсти опоясаны редкими острыми зубами. Юрка поднес руку к пасти. Не очень близко, но чтобы видно было.

— Это не акула. Акула полчеловека сразу откусить может, а эта что? Ну, руку откусит...

— И ногу,— сказал Митька. Он уже уселся на корточки за их спинами и, сопя, рассматривал чудище.

— Твою, чтобы за нами не таскался... Папке бы показать — он всех рыб знает.

— А я знаю, кто это,— сказал Юрка,— я вспомнил. Дельфин называется. Мы когда в Поповке жили, там тоже на берег выбросило. Колхозники его забрали и увезли. У него жир здорово лечебный.

— Ага, я помню,— сказал Славка.

— Чего ты там помнишь? Ты ж тогда малой был.

— Все равно помню! — упрямо сказал Славка. Ноздри у него раздулись, побелели и начали дрожать. Значит, начал злиться. Он всегда злится, когда что-нибудь соврет или выдумает, а ему не верят. Юрка не хотел заводиться и отмахнулся.

Дальше снова выступал мысок, за ним море опять дугой вдавалось в берег, только дуга здесь была положе и длиннее. Вот здесь они всегда на берег и вылезали. Только сегодня почему-то на песке не было ни одного. Следов пропасть, а крабов нет.

— Есть! — закричал Славка. — Вон в воде, совсем близенько...

Юрка шикнул на него, но было уже поздно. Здоровенный краб боком-боком уполз с мелководья на глубину. Дальше они шли, стараясь не шлепать сандалиями по песку и не разговаривая, а если кто замечал краба, кричали друг другу шепотом и показывали пальцами. Но крабы не дураки. Они или видели издали, или слышали и, как только ребята приближались, отползали поглубже.

Наконец у самого уреза Юрка заметил краба и поддел его вилами. Краб так яростно вцепился клешнями в зубья вил, что и не отодрать.

— Это ж кошковым, — сказал Славка, — его есть нельзя.

— Пускай, раз он первый. Для почину.

Краб разжал клешни и шлепнулся в подставленную сумку. Потом они поймали настоящего, за ним сразу трех.

Митька все время плелся сзади, а теперь вдруг припустил бегом. Убежав далеко вперед, он приостановился, опустил на корточки, потом зачем-то даже стал на четвереньки.

— Ты чего бегал? — закричал ему Славка. — Всех крабов распугал.

— Их не было, — сказал Митька. — Один только.

— А чего ты тут делал?

Митька не ответил. Заставить Митьку говорить нельзя. Если не хочет — хоть убей, ничего не скажет.

В тихую погоду, если не знать места, ни за что не скажешь, что здесь есть скала. Потому что она не на берегу, а под водой. Берег здесь такой же прямолинейный и песчаный, ни единого камешка. Но в десяти шагах от него под водой лежит каменная плита. Большая и гладкая, как стол. Так ее выгладило и отшлифовало море. В волну не то что на ней устоять — не подойдешь. А когда море спокойно, стой сколько хочешь. Вокруг много таких же плоских камней, только поменьше. И здесь всегда здорово клюют бычки. Они такие жадные — хватают что ни попадя.

Славка разгреб мокрый песок, набрал червей. Юрка закатал штаны и взобрался на скалу — вода там не достает и до колен. Но сегодня им не везло и здесь. Попались три маленьких бычка, и на этом клев кончился. Поздно пришли — солнце уже выкатилось из-за бугра, скрывающего Донгузлав.

Но Юрка все стоял и стоял, менял наживку, снова и снова закидывал леску. И ругал себя за то, что канителиться по дороге — то с дель-

фином, то с крабами. Вода утром кажется теплой, выкупаться разок-другой хорошо, а простоять в ней битый час — залякнешь. Губы у Юрки начало сводить, кожа стала пупырчатой, тело прохватывала дрожь.

— А ну его! — сказал Юрка и зашлепал к берегу.

Они собрали свое имущество и только тогда хватились Митьки. Он забрался в уступ невысокого берега и сидя спал.

— Давай его там оставим? — сказал Славка.

— Реветь будет.

Юрка толкнул братишку, тот открыл свои «ставни» — пушистые выгоревшие ресницы, поднялся, а веки снова закрыл. Так он и пошел с полузакрытыми глазами — так идти оказалось куда интереснее. Смотреть прямо — солнце слепило глаза, а если почти совсем зажмуриться, оставить только маленькие щелочки, чтобы не спотыкаться, — оно било в глаза розовым светом, в котором плавали радужные круги. Славка гоже попробовал так идти, за ним Юрка. Они заспорили, что могут идти, совсем зажмурившись, и начали наперебой друг другу «доказывать», но Славку тотчас занесло в море, а Юрку в рыхлый песок. Потом Юрка сказал, что он может идти. не только зажмурившись, но и спиной вперед, и все начали пробовать, падать и дурачиться, снова стало тепло и весело, и плохо было только, что с подарком ничего не получилось. Такой улов лучше никому не показывать, и они прошли к дому напрямик, через кукурузное поле, а трех бычков решили жарить и съесть, по штучке на брата.

Славка оставил сумку у крыльца, и кот Максимовны спер самого большого бычка. Славка погнался за ним и даже попал в него камнем, кот утробно вякнул, однако рыбу не выпустил. А тут вышла Максимовна и закричала на Славку. Так бычок и пропал. Остальные были такие маленькие, что не стоило возиться, их отдали Жучке. Та уже давно бегала по ограде, гремела цепью и вертела хвостом — хотела есть. Есть хотели и они. В шкафчике был только хлеб — мамка сказала, что она утром вернется, и ничего не приготовила. Они взяли по куску хлеба и сахара, и в это время Митька закричал со двора:

— Уже! Едут! Уже!

Они выбежали за ворота. Отсюда переправа не видна, лишь еле различимо синеют ршеччатые хоботы кранов, но теперь недалеко от них поднялись вверх косыг столбнки беловатой пыли. Значит, по дороге шли машины, переправа заработала. Столбнки росли, распухали, превращались в столбы, широкие хвосты, и вот уже перед ними стали видны маленькие черные букашки — машины. Они становились все больше, и казалось, что, приближаясь, они едут все быстрее. С грохотом пролетел первый самосвал, за ним, подпрыгивая, порожняком промчалась бортовая, опять самосвал, длинные, с прицепами, тяжеловозы... Рыча моторами, гремя, подпрыгивая и дребезжа, воняя бензином и соляжкой, машины неслись мимо них. Здесь дорога становилась безопаснее — уже не было сбоку прибрежного лиманного болота, влево можно было съехать на грунтовку, и машины то и дело обгоняли друг друга, рывкали сигналами, подгоняя тихоходов, и нельзя было понять, то ли они догоняют что-то и никак не могут догнать, то ли убегают от чего-то и боятся, что убежать не смогут. Все скорес и скорее и все мимо, мимо...

Показался бело-голубой автобус. Юрка ездил в таком. Внутри там здорово красиво, все железки блестят, а сиденья мягкие — как ши подбрасывает, все равно не больно. Лучше всего садиться спереди — там хорошо смотреть вперед и на водителя, как он в стеклянной будке

крутит свою здоровенную баранку, или сзади — там сильнее всего почкдывает...

Автобус миновал поворот, на прямой начал набирать скорость. Ребята подбежали к обочине, но автобус даже не замедлил ход, обдал их пылью, брызнул из-под колес мелкими камешками и пролетел мимо. Значит, мамки и папки там не было. Следующий автобус пройдет только в час.

Они пошли домой варить крабов. Крабы еще шевелились, но, как только их бросили в кипяток, сразу перестали шевелиться и из бурозеленых сделались бело-красными. Они оказались невкусными — Славка забыл посолить воду. И вообще еды там с гулькин нос — одни клешни. Папка говорил, что у раков есть хвост и в нем много белого мяса. У крабов же нет никакого хвоста, а много ли выдавишь из клешней и лапок. Да еще попробуй их разгрызть — твердые, как железо...

Жучка все так же бегала по ограде, гремела цепью — хотела есть. Славка бросил ей кусок хлеба, она поймала на лету и проглотила, не жуя. Дай ей — она и целую буханку съест. А что они будут есть, если мамка не придет? Юрка наболтал для нее ячменной дерти с водой. Жучка съела все, вылизала миску и спряталась в свою будку из ракушечника — солнце уже здорово припекало, а у Жучки черная мохнатая шуба.

Делать было больше нечего, но тут Митька одним словом напомнил: — Тарантулы!

Вокруг палатки на бугре было много норок тарантулов. Юливанна тарантулов никогда не видела, но очень их боялась, и ребята обещали всех выловить. Юрка вылепил из смолы тоненькую колбаску, прилепил к ней нитку, и они пошли к палатке. Юливанна уже встала и готовила завтрак. Виталий Сергеевич сразу догадался, зачем они пришли.

— А, — сказал он, — истребители тарантулов? Ну, давайте-давайте, посмотрим, как это делается.

Они присели на корточках над ближайшей норкой. Большая и гладкая, она уходила вертикально вниз, будто кто вбил в землю круглую палку, а потом вытащил.

— Он там сидит и ждет: как кто сверху упадет, он сразу цап-царап и съест, — сказал Славка.

Юрка опустил в нору смоляную колбаску на ниточке и начал слегка подергивать, потом рванул вверх. На колбаске никого не было. Юрка понюхал ее и скривился.

— Есть! Я почувал, как он ухватил, и вот — воняет.

Все, и Виталий Сергеевич тоже, понюхали, как воняет смола тарантулом

— Юливанна, — сказал Юрка, — хотите понюхать, как тарантул пахнет?

— Юра! — укоризненно сказала Юливанна. — Ну зачем мне нюхать эту гадость?

Юрка улыбнулся и не сумел ничего сказать. Он ведь думал, что ей тоже интересно понюхать. Он поплевал на смолу — так полагалось, — снова опустил ее в норку, подергал и вдруг выхватил вместе с тарантулом. Он был буро-желтый, мохнатый и здоровенный, больше пятака. Паук отпустил смолу, упал на землю, но сейчас же приподнялся на задних лапках и задрал вверх передние.

— Смотри, сейчас бросится! — закричал Славка, все отпрянули.

Юрка наступил на тарантула сандалией и раздавил. Разнеслась резкая вонь.

— Н-да, малоприятное создание, — сказал Виталий Сергеевич, — хотя даже он, наверно, нравился своей маме.

Они поймали еще четырех и забили их норы, долго и безуспешно пытались выманить из норы пятого, но тот был хитрый — за смолу хватался, но сейчас же выпускал, как только ее тянули вверх.

— Хватит, Виталий, — сказала Юливанна, — иди завтракать.

— Давай уж и храбрых охотников покормим.

— Не, мы не хотим, — сказал Юрка, — мы уже ели. Пошли, ребята.

Тогда Митька, который все время из-под опущенных век наблюдал за охотой, открыл глаза и сказал:

— Они совсем не храпят.

— Кто?

— Крабы.

Все засмеялись. Вчера Митька что-то спросил у Виталия Сергеевича, а тот сказал, что он все узнает, когда услышит, как крабы храпят. Юрка и Славка поняли, что Виталий Сергеевич сказал это в шутку, — потому что как же могут крабы храпеть? — а Митька поверил.

— А ты слушал? — спросил Виталий Сергеевич.

— Ага, сегодня. А еще мы нашли дельфина. Дохлого.

— Ой, дядя Витя, — сказал Юрка, — я совсем забыл... Вам нужно лекарство? У дельфинов жир такой лечебный — всё вылечивает. Дядьки из Поповки его перетопили, а когда кто болел — мазали. Он всех вылечивает. И овец и коров. Пойдемте наберем того жира! — И он заулыбался во весь рот, заранее радуясь тому, что они сделают такое хорошее дело.

— Ну зачем мне это лекарство?

— Так вы же говорили, Юливанна больная... Может, и ее вылечит?

— Юра! — сказала Юливанна. — Ты все-таки думай, что говоришь. Я же не овца и не корова...

Славка осклабился, но сейчас же перестал улыбаться, потому что Юливанна рассердилась, а дядя Витя молчал — значит, он тоже был недоволен, и вообще получилось нехорошо. И Юрка знал, что получилось очень нехорошо, даже совсем очень плохо, но ведь он ничего плохого не думал и не хотел, а хотел, чтобы было хорошо. И он опять не знал, что сказать, постоял, потом повернулся и пошел домой, а Славка и Митька пошли следом.

Славка попробовал дразнить его «коровьим доктором», получил по затылку, и они едва не разодрались, но Юрка драться не стал. Он не находил себе места от неловкости, не знал, как ее загладить, и вдруг вспомнил: он же оставил самого большого вареного краба! Он пойдет угостит их, и они перестанут на него обижаться. Юрка схватил краба и побежал к кустам тамариска.

Сожженная солнцем трава по краям бугра уже высохла, но под кустами, хотя и жиденькая, была тень, трава осталась зеленой и глушила шаги. Юливанна и Виталий Сергеевич сидели к нему спиной и не слышали, как Юрка подошел. Ему осталось три шага до стола, когда Юливанна сказала:

— Тебе еще не надоела твоя команда?

— Нисколько, славные ребята, — сказал Виталий Сергеевич.

— Не знаю. Малыш еще забавен, а этот Юрка... По-моему, он просто кретин. Одна эта вечная улыбка чего стоит... Впрочем, чего и ждать при такой наследственности. Отец алкоголик...

Она повернула голову, увидела Юрку и вспыхнула.

— Подслушивать стыдно!

Виталий Сергеевич тоже оглянулся, увидел Юрку и начал медленно краснеть. Он всегда прятался от солнца, не загорел, поэтому отчетливо было видно, как покраснели у него и щеки, и виски, и уши.

Радуюсь тому, как они удивятся крабу, Юрка загодя начал улыбаться, и теперь он продолжал улыбаться, смотрел на краснеющего Виталия Сергеевича и чувствовал, что сам он тоже начал краснеть.

— Ты что, Юра?—стесненным голосом спросил Виталий Сергеевич.

— Вот, — сказал Юрка и протянул красного краба.

Они оба были красны, как этот краб, а хуже всего было то, что Юрка понимал, что улыбаться глупо, нечему, но ничего не мог с собой поделать и продолжал улыбаться.

— А, угощение... Спасибо.

Юрка повернулся и с ощущением, будто спина и ноги у него стали деревянными, чужими, пошел обратно.

За его спиной Виталий Сергеевич сказал:

— Зачем же так, Юля!

— Я ведь не нарочно... И вообще он ничего не понял...

— Он все понял.

6

Юрка понял не все. Он не знал слова, которым назвала его Юливанна, но понял, что оно должно быть очень обидным, если Виталий Сергеевич так растерялся и даже покраснел.

«Ну и ладно, ну и фиг с ними, — сказал сам себе Юрка, — нужны они мне...»

Он думал, что стоит это сказать, как все забудется и пойдет по-старому. Так бывало много раз и в школе, и дома. Но сейчас не получилось. Он старался не думать о том, что произошло, но чем больше старался, тем неотступнее думалось, и за что бы он ни брался, что бы ни затевал, все время он ощущал саднящее чувство неловкости и неприятности. Лучше б уж она накричала или выругала. Какими угодно словами. Юрку ругали часто и много. В школе учительница, дома то мамка, то папка, то Максимовна, то дед, Тимофей Архипович... Нет, дед добрый, он никого не ругал. Скажет только: «Чего ж это ты делаешь, а?» — и все. А если б и ругал, так что? На ругань Юрке наплевать, он привык. От ругани не полиняешь и кусок не отвалится...

Неловкость и скованность стали невыносимыми. Ему казалось, что не только руки и ноги у него сделались не те, что были, а весь он стал совсем не такой, как был, и ничего теперь не сможет сделать, даже то, что запросто делал раньше. И он начал выдумывать, что бы такое сделать, заспорил со Славкой, что влезет на крышу сарая и пройдет по гребешку. Славке стало «слабо», он струсил, а Юрка влез. Крыша двускатная, черепичная. Босиком по ней еще пройти можно, но Юркой овладели злость и отчаяние. «Босиком не штука, — сказал он, — я пройду в сандалиях». Он влез и испугался — высоко и сандалии оскальзывались, но он стал во весь рост и пошел. Он дошел почти до конца конька, но оскользнулся, упал на скат и покатился вниз. Под стеной сарая лежала куча навоза, он не сильно ушибся, только весь исцарапался и изгваздался в навозе, от этого стал еще злее и отчаяннее. Было бы с кем, он бы сейчас подрался, но драться было не с кем. Не бить же Славку или Митьку, если они ни в чем не виноваты?..

И тут с ревом прибежал Митька. Он задышался в слезах и соплях. Дед шел от колодца, наткнулся на «их» гнездо, забрал птенцов и бросил своему коту, и кот жрет... Юрка схватил камень, побежал во двор. Кот уже всех сожрал, сидел на солнце и облизывался. Дед стоял тут же и закуривал.

— Ты зачем птенцов кошке?.. — закричал Юрка.

— А что, кошке тоже исть надо, — сказал дед, ласково шурясь.

— Птенцов, да?

— А чего их жалеть? Их много.

Юрка изо всех сил запустил камень в кота, но промахнулся.

— Ты чего? Ты чего делаешь? — закричал дед.

— А ты чего? Ух, вы!

Юрка схватил камень. Еще немного, и он пулънул бы камень в деда, в его доброе морщинистое лицо... Но он не пулънул, выбежал за ворота, запустил камнем в верстовой столб, на котором висела жестянка с цифрой «40». Жестянка согнулась. Он подобрал другой камень, потом еще и еще и бил по ней, пока она не изогнулась вокруг столба и не стала рябой, как побигая оспой.

Он оглянулся по сторонам, ища, что бы еще разбить, поломать, уничтожить, но перед ним была только крашенная известкой стена ограды и такая же белая, глухая, без окон, стена дома, пыльная, в выбоинах известняковая дорога, а над головой ноющие от ветра телеграфные провода. Юрка запустил камнем в изолятор, попал, но изолятор не разбился, он поднял другой, тут из ворот вышел дед, закричал на него, и Юрка побежал прочь от верстового столба, от дома к Донгузлаву.

Над лиманом зной и тишина. И мухи. Кусачие лиманские мухи. Не успел Юрка сесть на берегу, они накинулись на него, как по команде. Они кусались и через рубаху, даже через штаны, через дырочки в сандалиях. Юрка ожесточенно хлопал ладонями то по одному, то по другому месту и без всякого толку — мухи успевали взлететь. Юрка с удивлением подумал, откуда их тут такая пропасть и чем они живут, если они кровососы, питаются кровью, а тут, на лимане, ни скота, ни людей, одни утки на птичнике, но уток же они укусить не могут?.. Юрка посмотрел в сторону птичника, увидел, что к нему подъехала бортовая машина и почему-то там много людей. Отмахиваясь от назойливых мух, Юрка пошел туда. Посмотреть.

Утки все были загнаны в птичник и маленький загончик. Птичницы хватили их, запикивали в решетчатые ящики, грузили ящики на машину. Утки орал, будто их режут, птичницы ругались. В узкой полоске тени от птичника сидел Сенька Ангел, отмахивался от мух. Юрка подошел к нему.

— Здорово!

— А, солдат? Привет.

— Чего это тут?

— Уток эвакуируем. На вторую ферму.

— Так... там же воды нет!

— Зато есть завфермой. Он для уток важнее...

— А ну тебя, ты все смеешься.

— Какие тут смешки?

Здоровенный селезень вырвался у птичницы, истошно крикнул, взлетел, но слабые крылья не удержали грузное тело, он плюхнулся на землю. Юрка метнулся к нему и поймал.

— Вот молодец! — сказала птичница. — Подсобляй давай.

И Юрка начал помогать — ловил орущих уток, носил к птичнице, которая запикивала их в ящик. Когда весь кузов был уставлен ящиками, Сенька Ангел сказал:

— Ну, садись, прокатимся — заработал.

Юрка взобрался в кабину и сел с ним рядом. Здесь он чувствовал себя по-своему, свободнее, чем в «волге», но все-таки куда «газону» до «волги» — так поддает и встряхивает, что будь здоров...

«Газон» осторожно въехал на шоссе, и тут же сзади на него загудели — от переправы шла вереница машин. Сенька Ангел до предела отвернул «газон» вправо, но на него все рывкали и рывкали сзади

сигналы, машины обгоняли его, обдавали пылью и рывкали снова, обгоняя идущую впереди.

— И чего они так гонят? — спросил Юрка.

— Рубль догоняют, — сказал Сенька Ангел.

Юрка удивленно посмотрел на него.

— Ну, план, тонно-километры...

Сенька сказал это с такой горечью, и это было так не похоже на всегда посмеивающегося Сеньку, что Юрка снова удивленно на него посмотрел, но Сенька больше ничего не сказал.

На второй ферме ящики с утками сгрузили, поехали обратно. К птичнику Юрка больше не поехал — захотел есть — и слез возле дома. Славка и Митька тоже хотели есть и уже жевали всухомятку хлеб. Шел первый час, и они опять вышли на дорогу встречать папку и мамку. Автобус на этот раз остановился, но вышла из него только тетка с тлу-маками и пошла по изволоку в ту сторону, где жил колхозный чабан. Туда еще километра три ходу.

Славка совсем раскис, а Митька каждую минуту мог зареветь. Юрка снова отрезал по куску хлеба и каждому выдал по два куска сахара. Они съели хлеб и запили водой, но почему-то есть все равно хотелось. И тут вдруг пришел Виталий Сергеевич. Раньше он никогда к ним в комнату не приходил, сколько папка его ни звал, а тут пришел, огляделся и сел на стул.

— Как жизнь, граждане? — спросил он.

Юрка сидел в углу на своей койке. Он уже забыл обо всем, что было утром, но теперь сразу все вспомнил и сидел, глядя на него исподлобья.

— Нормально, — сказал Славка.

— А что вы сегодня ели? — спросил Виталий Сергеевич.

Славка пожал плечами, посмотрел на Юрку, тот не шевельнулся.

— Хлеб. — Славка подумал и добавил: — С сахаром.

— А не маловато? Может, пойдем к нам и пообедаем?

— Чего это мы пойдем? — сказал Юрка. — Мы и сами...

— Что сами?

Юрка не ответил. Он не знал, что ответить. Он просто не хотел туда идти. Ни за что.

— Понятно, — сказал Виталий Сергеевич. — Без женщин? Тогда принимайте и меня в свою мужскую компанию. Не возражаете?

Славка улыбался, Митька хлопал «ставнями», а Юрка молчал.

— Поскольку мы здесь одни сплошные мужчины, может, сварим солдатский супчик?

— А чего это, «солдатский супчик»? — спросил Славка.

— Знаменитый харч! Варится из всего, что есть в доме... Один солдат даже ухитрился сварить суп из топора. Но мы из топора варить не будем...

Митька вдруг захохотал, а Юрка спросил:

— Вы разве были на войне?

— Нет, — сказал Виталий Сергеевич. — На войне я не был. Просто один знакомый солдат меня научил... Ну так как, будем варить «солдатский супчик»?

— А из чего? — спросил Славка.

— Картошка есть? Хорошо. А морковь? Отлично. А лук? Великолпно. А самое главное — соль? Превосходно. И какая-нибудь крупа? Пшено? Лучше нельзя придумать! Но, дорогие граждане, все это надо мыть и чистить. Займемся?

И они занялись. Юрка сначала не хотел, но потом подумал, что они же не для кого-нибудь, а для себя, почему они должны сидеть голод-

ные? Славка мыл крупу и чистил картошку, Митька начал чистить лук и заплакал — лук ел глаза, тогда Виталий Сергеевич очистил и нарезал его сам, а Юрка долил керосина в примус и зажег. Это уже в сарае, где летом мамка всегда готовила. Там грязно и копотно, но они все уселись, на чем пришлось, и смотрели, как загорелся примус и вода в высокой алюминиевой кастрюле начала закипать, и говорили про разные разности. Говорили только они — Славка, Митька и Виталий Сергеевич, а Юрка молчал. Потом Виталий Сергеевич достал из своего вздувшегося кармана жестяную банку, открыл ее и вывалил в кастрюлю. Из кастрюли сразу так запахло, что у всех потекли слюни. Когда все сварилось, они кинулись к мискам, но миски оказались грязными. Они их вымыли, даже продрали песком, и Виталий Сергеевич разлил по мискам «солдатский супчик». Такого они еще не ели... Каждый съел полную до краев миску, а потом через силу еще по половинке.

— Ну как? — спросил Виталий Сергеевич.

— Во! — сказал Славка и показал большой палец.

— Если так, берите посуду и надрайте ее до зеркального блеска. Славка и Митька собрали миски, ложки и ушли мыть.

Тогда Юрка, все так же глядя исподлобья, спросил:

— А кто это — кратын?

— Кретин?

У Виталия Сергеевича снова покраснели кончики ушей, он жестоко потер себе подбородок, наклонился к Юрке — на Юрку пахнуло спиртным — и сказал:

— Слово, Юра, — опасная вещь. Им легко ранить человека, можно даже убить. Не в прямом, конечно, смысле... Юлия Ивановна совсем не хотела тебя обидеть. Слово, которое она употребила, попросту означает отсталый... Но ведь это правда! Ты второй год в третьем классе и, если не сдашь переэкзаменовки, останешься на третий...

— А я виноват, что болел? — сказал Юрка.

— Я тебя и не виню. Просто говорю о том, что есть. Вот и книг ты не читаешь. Почему?

— А!.. — отмахнулся Юрка. — Не люблю я... И чего их читать? У папки есть, так они неинтересные...

— Наверно, они тебе не по возрасту. Надо доставать другие. В школе ведь библиотека есть?

— Есть.

— Ну вот, значит, ты просто не интересуешься, тебя не приучили. А это очень жаль. Кем ты собираешься стать?

Юрка пожал плечами. Он и сам не знал. Он бы хотел попробовать. Всего.

— Вряд ли ты захочешь, как твои отец и мать, ходить с лопатой, штопать дорогу?

Юрка замотал головой.

— А кем же? Шофером, моряком, летчиком? Может, даже космонавтом?

Юрка засмеялся.

— Любой специальности нужно учиться. И этого мало. Нужно быть образованным. А образованным можно стать, только читая книги. Этого никакая школа и вуз не заменят. Можно закончить вуз и остаться невеждой. Так и бывает довольно часто...

— Я в интернат хочу, — сказал Юрка.

— Думаешь, там будет легче — не надо учиться? И там надо. Да тебя, такого отсталого, и не примут в интернат. Значит, сначала нужно подтянуться... От своего долга никуда, брат, уехать нельзя, — сказал Виталий Сергеевич и замолчал, стал думать о чем-то своем,

потом снова посмотрел на Юрку: — Так вот. Нужно взять себя в руки и подтянуться. Что ты, хуже других, не сможешь? Я уверен, что сможешь...

Юрка неловко улыбнулся.

— А на Юлию Ивановну не сердись, она не хотела тебя обидеть.

— Так а я что? — сказал Юрка. — Я ничего.

— Тогда собирай всю команду и пошли к морю, надо перед сном освежиться.

Они пошли купаться. Юливанна пришла тоже, и все стало снова, как было — они купались и дурачились, и всем было весело, как никогда...

Славка и Митька сразу уснули, а Юрка долго еще лежал и думал. Получалось, что он на самом деле обиделся зря. В конце концов что особенного? Отстал? Отстал. На второй год остался? Остался. Переэкзаменовку дали, факт? Факт. А почему? Не хотел учить таблицу умножения. Назло учительнице. Потому что она придиралась. А ей от этого что? Не она же останется снова в третьем классе, а он. И Славка его догонит — его уже перевели в третий. И все будут ему, Юрке, тыкать — вот какой он неспособный, с младшим братом в одном классе сидит. Так его скоро и Ленка догонит... А что он, такой уж неспособный? Ничуть не хуже других. Вот возьмет и вызубрит эту таблицу наизусть. Хоть завтра...

Не успел Юрка все передумать и заснуть, как приехали папка и мамка с Ленкой. Они привезли белого хлеба и колбасы — думали, что ребята тут припухают от голода. Тогда Юрка принес «солдатский супчик» — его еще много осталось, — мамка разогрела, все ели и очень хвалили. Утром мамка побежала к приезжим, и Юрка слышал, как она кричала на весь бугор, как они замотались в городе, приехали поздно ночью попутной машиной, и какое им большое спасибо, что покормили ребят, и какие они хорошие люди — это сразу видно...

Юрка и Славка сбежали к птичнику, думали, что еще не всех уток увезли и удастся снова прокатиться с Сенькой Ангелом на вторую ферму, но ни одной утки уже там не было, окна и двери птичника были крест-накрест заколочены досками.

Потом пришел шторм. Он подкрался исподволь, незаметно. Сначала далеко у горизонта появились барашки, море там потемнело, а у берегов начало становиться светло-зеленым. Но так бывало много раз — после полудня всегда морской бриз разгуливается, море шумит сильнее, и никто на это не обратил внимания. Небо оставалось безоблачным, солнце жарило всюю, все, кто мог, прятались в тень, и даже ветра никакого особого не было. Дул, как всегда, только почему-то от него не становилось прохладнее. Потом он и вовсе упал, но барашки все росли и росли, превращались в длинные взлохмаченные гривы, море вдалеке становилось все мрачнее и мрачнее. Папка вышел из мастерской, посмотрел на море, покрутил головой, но ничего не сказал. Юрка вытащил свой велосипед, начал снимать переднее колесо — может, Сенька Ангел в самом деле отдал свое, оно же ему не нужно... И вдруг у него перехватило дыхание. Юрка открыл рот и вскочил. Тугая волна ударила по двору, взмела и унесла прочь мусор, птичий пух и перья, прижала к земле кусты тамариска, положила плашмя ячмень за бугром, вздула тент, как парашют, парашют лопнул и вытянулся по ветру. Юрка побежал туда.

Виталий Сергеевич пытался развязать узлы, но ветер затянул их, трепал и дергал тент, тот звонко хлопал, хлестал по машине. Тогда Виталий Сергеевич схватил нож, обрезал одну веревку, другую. Тент, как живой, рвался у него из рук, Юрка подбежал и ухватился за конец, его больно хлестнуло полотнищем, Юливанна подбежала и ухватилась

тоже. Виталий Сергеевич обрезал все стропы, они втроем усмирили рвущуюся из рук парусину, укутали, обвязали «волгу». Палатка стояла как ни в чем не бывало, но Виталий Сергеевич на всякий случай забил поглубже металлические колышки. Только они кончили, как ветер стих. И сразу стало так душно и жарко, что у Юрки рубашка начала прилипать к телу. Юливанна схватила книжку и начала обмахиваться, как веером.

— Ну вот, напрасно старались,— сказала она,— теперь надо все делать заново.

— Не думаю,— сказал Виталий Сергеевич.— Посмотри.

В море теперь отчетливо проступили три полосы — у самого берега переливающаяся, кипящая пена, за ней пронзительно-зеленая, все расширяющаяся полоса, а дальше по иссиня-черной глубине взметались и опадали, неслись к берегу белые гривы. И тут Юрка увидел, как идет второй ветровой удар. Взметнулись вверх гребешки волн, клочья пены понесло по воздуху, стеной поднялась пыль с перепаханной грунтолки, упал, прижался к земле ячмень, и снова тугая волна ударила по бугру. У Юрки перехватило дыхание, он повернулся спиной к ветру, Юливанна повернулась тоже и наклонилась, придерживая платье, ее белая косынка взлетела вверх и, кувыркаясь, как турман, понеслась вдаль и ввысь. Кусты тамариска пригнулись, розовое облако сорванных соцветий понеслось за косынкой.

Юливанна зажала юбку между колен, обеими руками придерживала вставшие дыбом, встрепанные волосы.

— Это что, уже конец света, да? — смеясь, крикнула она.

— Начало конца... — засмеялся Виталий Сергеевич. Волосы у него тоже встали дыбом и серебряным нимбом окружили лоб.

Ветер стих.

— Фух! — облегченно вздохнула Юливанна. — Еще немножко, и меня унесло бы вслед за косынкой... Уже все, он больше не будет?

— Это только прелюдия.

— Тогда, может, мы натянем веревки, как на кораблях, чтобы держаться, или привяжемся к мачтам... Вот только где взять мачты? Эти кустики выдернет и унесет вместе с нами...

Они шутили, смеялись и прибирали, прятали в палатку и машину все, что могло унести ветром. Лагерь сразу стал голым и неудобным.

— Кажется, все? — сказала Юливанна. — О, самое главное, что нужно сберечь...

Она отвязала веревочку, на которой висела картонка с картинкой Виталия Сергеевича, убрала ее в палатку.

— От стихийных бедствий мы застраховались, а что будет с обедом? На ветру не приготовить.

— Может, обойдемся так?

— Всухомятку? Нет. Я могу, а тебе нельзя. — решительно сказала Юливанна. — Пойду на поклон к Максимовне, в ее кухню. Там, правда, мухи и керосиновая вонь, ну, как-нибудь переживу, буду закаляться. Для милого дружка — сережка из ушка. И так далее.

Весело приговаривая, Юливанна начала укладывать в сумку посуду, продукты, но тут опять задул ветер, и ей пришлось обеими руками держать платье.

— Надень брюки, — сказал Виталий Сергеевич.

— Туда нельзя. Они молчат, но не одобряют. Я знаю.

— Давайте я отнесу, — сказал Юрка.

Юрка нес сумку, а Юливанна всю дорогу сражалась со своим плагьем. Максимовна обрадовалась приходу Юливанны.

— Вот и ладненько, — запела она, — вот и будем тут вдвоем хозяй-

новать мирком да ладком. А то все на бегу, на тычке, и не наговорисси как следует быть...

Юрка вернулся в лагерь. Ветер дул уже не порывами, а невидимой упругой стеной давил на лицо и грудь. Юрка даже слегка нагнулся, чтобы легче было идти. Виталий Сергеевич сидел за столом, лицом к морю. На столе стояла начатая бутылка и пластмассовый стаканчик.

— Хорошо, а? — спросил Виталий Сергеевич и сам подтвердил: — Хорошо!

— А когда кончится, пойдем пемзу собирать? Ее в шторм всегда выкидывает, — сказал Юрка.

— Пемзу? Непременно!.. Только почему обязательно пемзу? А вдруг море выбросит какое-нибудь диво? Окованный медью сундук, сработанный где-нибудь в Амстердаме или Вальпараисо? А в нем пиратская карта с адресом закопанных сокровищ... Или просто он будет битком набит дукатами, флоринами и талерами с изображением пухлой дамочки Марии Терезии. Представляешь, полный сундук?.. И что мы с ним сделаем?

Юрка пожал плечами.

— Ну что же делают с деньгами? Их тратят... И мы с тобой будем тратить. Поедем куда глаза глядят, на край света, например. Согласен?

Юрка засмеялся. Виталий Сергеевич отпил из стаканчика и долил еще.

— На край света... Ну, а Юливанну, как вы говорите, возьмем с собой?

Юрка уже увлекся этой игрой и, улыбаясь, закивал.

— Вот и правильно, она годится, с ней можно на край света... А может, это будет не сундук? А скажем... бутылка. Бутылка, обросшая водорослями и ракушками, а в ней призыв: SOS... Знаешь, что означает такой призыв? «Спасите наши души»... Это люди придумали, когда еще верили, что душу можно спасти. Спасти можно тело, жизнь, а когда лезут спасать душу... Мы не будем лезть ни в чью душу — попробовали, как другие лезут в нашу...

— Виталий! Ну что ты делаешь? С твоим сердцем в такую жару, на солнцепеке...

Свист ветра глушил шум шагов, Юливанна вдруг оказалась возле стола и схватила бутылку.

— Не сердись, Юленька, я тоже решил закаляться.

— Таким способом?

— Любым. Страус перестал прятать голову...

— От этого ты никогда не прятался.

— Теперь уже не буду ни от чего. Увидишь.

— А что случилось?

— Ничего. Просто я созрел. Как созревают запоздалые овощи. Не знаю, какие там — латук или сельдерей...

— Это как раз ранние.

— Ну, неважно. Не сердись, Юленька. Больше без твоего позволения ни капли.

— Слово?

Виталий Сергеевич клятвенно поднял кверху сложенные вместе два пальца. Юливанна долго сердиться не умела, и сейчас она засмеялась, взъерошила и без того взлохмаченные волосы Виталия Сергеевича.

— Ух, попался б ты мне раньше, взяла бы я тебя в ежовые рукавицы...

— И показала кузькину родительницу... А что на кухне?

— Как всегда, полный контакт и мешок нежных излиятий. А суп понемножку кипит.

— Может, пока ходим к морю?

Они пошли, и Юрка с ними тоже. Славка и Митька увидели, что они идут на берег, и побежали следом.

— Хорошо! — снова повторил Виталий Сергеевич, только теперь ему пришлось это прокричать.

Вспененные буруны вставали перед ними в полный Юркин рост и с шумом рассыпались, распластывались на песке. Зеленеющая полоса ушла еще дальше в море, за ней в черно-синей глубине вздымались, росли и неслись к берегу белые гривы. Слева, над саем, волна заламывалась раньше, вспенивалась и рассыпалась. К ним волна шла во весь рост, вспухала, вздымалась, пенный гребень ее срывал ветер, стена воды с ревом ударяла в песок, вскипала и неслась обратно, но навстречу ей шла новая громада вод, подхватывала опавшую и рушилась сама.

— Нет, — сказала Юливанна, — не люблю. Я всегда думаю о тех, кто сейчас там... — Она посмотрела в черную вспененную даль.

— Ну, — сказал Виталий Сергеевич, — это еще несерьезно, балла два, от силы три... Искупаемся?

— Ты с ума сошел!

— Вовсе нет. Пойдем, я тебя научу, трусиха.

Они разделись, Виталий Сергеевич взял Юливанну за руку. Они подошли вплотную к разбивающемуся буруну, повернулись к нему спиной. Вал ударил им в спины, обдал пеной. Виталий Сергеевич подпрыгнул и опять стал на ноги, а Юливанна упала бы, если б не удержал Виталий Сергеевич. Подошла следующая волна, теперь они оба подпрыгнули и оба устояли — вся тяжелая масса воды прошла у них между ногами, а их охватило только гривой. Так они стояли и подпрыгивали, Юливанне это понравилось, она уже смеялась и старалась только подпрыгивать выше. Юрка начал стаскивать рубашку.

— Пошли? — крикнул он Славке.

— Ну его, — сказал Славка, — еще собьет.

Юрка снял штаны, сандалии и пошел к вспененным бурунам.

— Молодец! — крикнул ему Виталий Сергеевич. — Давай руку.

Он крепко зажал Юркину руку, и вовремя, потому что подошла волна, а Юрка не успел подпрыгнуть, и его накрыло с головой. Виталий Сергеевич за руку выдернул его, ослепшего и задохнувшегося, на воздух. В следующий раз Юрка уже не прозевал и подпрыгнул, его ударило в спину, но тяжелая масса воды промчалась между ногами, и он опять оказался на песке.

Так они стояли спиной к волнам и подпрыгивали, а волны все набегали и били их в спины, но они были хитрее и ловчее, каждый раз снова твердо опускались на песок, было жутко и весело, и Славка с завистью, а Митька со страхом смотрели на них. Потом они пошли к камню. Юрка и Юливанна оделись, а Виталий Сергеевич остался в плавках.

— А ты что же? — спросила Юливанна.

— Пойду окунусь как следует, — сказал он. — Разве это купанье?

— Ни в коем случае! Хватит.

— Ну что ты, — сказал Виталий Сергеевич. — Первый раз мне, что ли?

Он пошел навстречу бурунам и остановился, выжидая. Волны шли одна за другой, но он все ожидал, а когда напротив него оказалась самая высокая, бросился вперед и нырнул в нее. Волна с ревом разбилась о песок, но Виталий Сергеевич был уже далеко за ней. Над ним навис гребень следующей, он снова нырнул, и голова его вынырнула еще дальше.

— Вот дает, — сказал Славка, — вот это да! Я тоже так научусь.

— Куда тебе,— сказал Юрка,— ты и тут забоялся.

Юливанна крикнула, но ветер отнес, смял ее голос, она замахала руками, показывая, чтобы Виталий Сергеевич возвращался. Он улыбнулся, ободрительно помахал ей рукой и повернул обратно. Его отделили от берега четыре волны с глубокими провалами между ними. Юрка следил за ним во все глаза — он тоже хотел научиться так плавать. Виталий Сергеевич не торопился, держался на месте и оглядывался, поджидая набегающую волну, а как только она подошла, быстро и сильно заработал руками, оказался на ее гребне и вместе с ней пошел к берегу. Но волна ушла вперед, он остался за ней и стал поджидать следующую. Она пришла, подхватила его, понесла, он открыл рот, что-то крича, поднял руку и скрылся под водой.

Юрка вскочил, чтобы лучше увидеть, где он вынырнет. Волна подошла, с шумом разбилась. За ней сейчас же набежала и разбилась другая. Его не было. С ревом набежала, разбилась третья, а его все не было... Не было...

— А-а-а...

Пронзительный крик заглушил ветер, рев волн, стегнул Юрку по ушам. Юливанна, схватив себя за виски, широко открытыми глазами смотрела туда, где он должен быть и где его н е б ы л о.

Она бросилась бежать, споткнулась и упала, но тотчас вскочила и побежала туда, к нему... И Юрка почему-то тоже побежал следом за ней. Пенный бурун сбил ее с ног, задрал платье, с ревом и хлюпаньем покатил, поволок ее за собой. Юрка схватил ее за руку, за подол платья. Перед ними разбился новый бурун. Юрка упал на четвереньки, но руку и платье не выпустил, а как только спала ревушая волна, подтянул в сторону, дальше на песок. У него не было сил, чтобы ее оттащить, он только судорожно держал ее и упирался пятками в расплывающийся песок. Их обдала пеной новая волна. Юливанна встала на четвереньки, поднялась, расширенными от ужаса глазами обшарила волны, вспененные гривы, ревушие буруны.

Его не было...

И снова пронзительный крик стегнул по ушам...

Юрка весь ходил ходуном. Он держал Юливанну у пояса за платье и, задыхаясь, повторял:

— Юлива... не надо... Юлива, не надо...

Она, не замечая того, судорожно тискала, мяла его лицо, грудь, плечи и повторяла одно и то же:

— Боже мой... что же это... боже мой... что же это...

Потом вдруг обернулась и закричала:

— Бегите! Скорей! Зовите!..

Славка сломя голову побежал домой. Митька, сидя на корточках, прижимался к камню и выл.

По разбитым коленям Юливанны текла кровь, платье было разорвано, должно быть, она ударилась и лицом — на скуле вспухал кровоподтек. Она ничего не замечала и все так же расширенными глазами смотрела туда, где был он. Волны шли одна за другой, гребни их пронзительно зеленели на солнце, вскипали пеной и с ревом рушились.

7

Первым прибежал самый молодой и сильный — Федор, потом Нюшка и мамка, дед с длинной веревкой, папка, за ним, колыхаясь, с трудом неся свое рыхлое тело Максимовна. Она еще издали начала взмахивать руками, как курица крыльями, и приговаривать:

— Ой, беда!.. Ой, беда!..

Мамка и Максимовна подбежали к Юливанне, запричитали на разные голоса:

— Ой, беда!.. Да как же это?.. Вот горе-то!.. Зачем же он?

Юливанна их не слышала, не отрываясь смотрела туда, где остался он. И все смотрели туда, где один за другим шли бугры и валы зеленой воды, будто ждали, что Виталий Сергеевич сам по себе вынырнет и поплывет к берегу.

— Ну уж, теперь где уж... — сказал дед.

Федор пригнулся, потянул с себя рубаху.

— Куда ты? — испуганно кинулась к нему Нюшка.

— Отстань! — сквозь зубы сказал Федор. Он скинул штаны и остался в длинных, до колен, черных трусах.

— Ты веревкой, веревкой обвяжись, — сказал папка.

Федор взял у деда веревку, обвил вокруг груди и стал вязать узел. Папка, суетясь, давал советы, как нужно нырять под волну, как потом ловить момент и с волной выплывать на берег. Узел у Федора не получался, он обозлился и зыкнул на папку:

— Иди ты знаешь куда... А если так здорово понимаешь, лезь сам...

Папка обиженно поджал губы и замолчал.

Федор разбежался, бросился в волну, она запрокинула его и плашмя бросила на песок.

— Господи!.. — крикнула Нюшка.

Она подбежала к нему, но Федор встал сам, обругал ее, закинул назад упавшие на глаза волосы, пригнулся, побежал навстречу волне и нырнул.

— Господи, господи... Господи, господи... — как заведенная, повторяла Нюшка. В бога она не верила, никогда не молилась, а теперь вдруг начала вспоминать господа — очень боялась, что Федор тоже утонет.

Федор был уже за третьим валом. Он поплавал немного, оглядываясь, и нырнул. Его долго не было, и у Нюшки совсем побелели губы, папка засуетился, а дед приготовился тянуть веревку, конца которой не выпускал из рук, но Федор вынырнул, отплевываясь и хватая воздух широко открытым ртом. Он отдышался, нырнул снова и снова вынырнул. Так он нырял, показывая то черные грусы, то оплывающую водой с налипшими на лицо волосами голову, потом помахал рукой, и дед стал быстро перебирать, тянуть на себя веревку. У самого берега Федор не успел изловчиться, волна накрыла его, поставила на четвереньки и потащила обратно в море, как он ни цеплялся за песок. Папка тоже ухватился за веревку, вдвоем они вытащили Федора из бурлящей воды. Он вскарабкался по песку выше и сел.

— Перебуторило все... Кушир, песок... Не видать ничего...

— Так я ж говорил! — подхватил папка. — Сейчас волна отбойная, все от берега тащит. Его уж небось так утащило...

— Эт точно, — сказал дед, — теперь, покуда не утихнет, нипочем не найди... И то еще — найдешь ли, нет ли.

Все посмотрели на Юливанну, но она ничего не слышала и смотрела все туда, на беснующиеся лохматые бугры зеленой воды.

— Господи! — тоненьким голоском сказала Нюшка и заплакала. То ли потому, что надеяться больше было не на что и ей стало жалко Виталия Сергеевича, то ли потому, что она очень боялась, что и Федор утонет, а он не утонул, и весь ее страх выходил теперь слезами.

Мамка всхлипывала, Максимовна вытирала глаза кончиком платка и все время приговаривала над Юливанной:

— Ты поплачь, поплачь, милая... Нельзя так молчком, залякнуть можно... Теперь уж что уж... Как тут пособишь?.. Поплачь...

Юливанна не плакала. Она больше не кричала, не ломала руки, а стояла, как каменная, не шелохнувшись, и все смотрела, смотрела туда. И все тоже стояли и смотрели то на нее, то на зеленые валы, с ревом разбивающиеся о песок. Так прошло неизвестно сколько времени, и никто не знал, что теперь нужно делать или говорить.

Первой опомнилась мамка. Митька все еще прижимался к камню и скулил от страха, у Славки слезы текли по щекам, он сглатывал их и шмыгал носом. Мамка за руку вздернула Митьку, шлепнула и погнала домой, за ним Славку. Она крикнула и на Юрку, но Юрка не послушался. Он не мог уйти. Его колотило так, что даже стучали зубы, будто стоял не зной, а зимняя стужа, он обхватил себя руками, сдерживая дрожь, только это никак не помогло.

Дед подошел к Юливанне.

— Беда, она и есть беда.— Морщинистое лицо деда сморщилось еще больше.— Только теперь что уж, стой не стой — ничего не выстоишь...

— Пойдем, пойдем отсель, голубушка,— подхватила Максимовна.— Что ж тут стоять, сердце надрывать? Оно ить не каменное...

Мамка и папка тоже начали приговаривать и уговаривать, доказывать, что теперь горю не поможешь, нечего и убиваться, и стоять тут не следует, мало ли до беды... Юливанна все так же не слушала и не слышала их, смотрела на ревушие валы, потом в ней словно что-то сломалось — руки упали, плечи опустились. Юрка подумал, что она сейчас упадет, но тут Максимовна обняла ее за плечи, повернула и повела к дому. Ветер трепал ее мокрое разорванное платье, запрокинул на лицо спутанные, слипшиеся волосы. Она ничего не замечала, шла, глядя под ноги, и сразу стала такой маленькой, такой жалкой, что у Юрки в горле появился ком да как и остался.

Они пришли к палатке. Максимовна хотела ее посадить, но Юливанна не села, высвободилась и как-то дико оглянулась вокруг, не понимая, почему, зачем ее привели сюда, повернулась, чтобы идти обратно, но Максимовна удержала ее, а дед заступил ей дорогу.

— Нет,— сказал он,— не надобно туда ходить. Ему не поможешь, а до беды недолго... Вы уж тут посидите али к нам в дом пойдемте...

Юливанна отрицательно повела головой.

— Ну нет так и нет, а туда ходить ни к чему. Хватит одной беды. Такое дело, Федор, придется тебе в Гроховку смотаться — надо в сельсовет заявить, пускай дадут знать в район — мало ли где его может выкинуть...

Лицо Юливанны дрогнуло, она закусила губу, потом, сдерживая себя, с трудом проговорила, все так же глядя в землю:

— Пошлите телеграмму... Деньги у меня в сумочке, в палатке. Там его паспорт и адрес...

— Кому телеграмму?

— Его жене.

У папки отвисла челюсть, глаза деда спрятались в морщинах, мамка и Максимовна переглянулись, лица их одеревенели.

— Как же это,— сказал дед,— а...

Юливанна подняла голову, посмотрела ему в лицо.

— Я не жена... Мы... А, да что вам до этого?..

Она повернулась и пошла назад, к берегу. Все так растерялись, что теперь уже никто ее не удерживал, а только смотрели ей вслед, а она шла все быстрее и быстрее, спустилась с бугра, потом вдруг остановилась, ноги у нее подломились, она упала. Папка бросился туда, но мамка крикнула:

— Куда? Чего тебе там отираться?..

И он остался на месте. А Нюшка побежала к Юливанне, за ней Федор, а за Федором побегал Юрка.

Нюшка уже стояла над ней на коленях, звала ее и трогала, Юливанна не отзывалась и не шевелилась. Юрка с ужасом подумал, что она уже умерла, потому что лицо у нее стало какое-то серое, но Нюшка приложила ухо к груди, послушала и сказала:

— Вроде живая. Еле-еле... Чего теперь делать-то, а?

— Давай туда отнесем, не валяться ж тут...— сказал Федор.

Он подхватил Юливанну под плечи и поднял, Нюшка обхватила ее ноги у колен, они понесли ее на бугор. Левая рука Юливанны свесилась вниз. Юрка подбежал и поднял. Рука была холодная и совсем неживая.

Ее положили под кустом тамариска, в жиденькой, прозрачной тени.

— Обморок,— сказал папка.— Полагается все расстегнуть и нюхать нашатырь.

— А чего расстегивать,— сказала Нюшка,— когда на ней ничего нет — разлетайка да купальник.

— Обморок! — повторила Максимовна.— У меня их сроду не было.

— Ну, у тебя, — вдруг озлился Федор, — тебя и оглоблей тресни — обморока не будет... Чего стоите? Делайте что-нибудь!..

— Ничего,— сказал дед,— пушай полежит, отлежится — очуняет...

Нюшка не стала ждать, пока Юливанна «очуняет», начала дуть ей в лицо, махать перед ним руками, потом набрала в рот воды, брызнула раз, другой, но ничего не помогло — Юливанна не пошевелилась.

— Вот оно какое дело-то, оказывается...— сказал дед.

— От такого дела упадешь! — подхватил папка.

— Да уж теперь хоть стой, хоть падай...

— А я, между прочим, давно догадался. Эго было сразу видно, у меня глаз наметанный...

— Ты молчи! — сказала мамка.— У тебя не только глаз... А вы чего тут? — закричала она на Митьку и Славку.— А ну, марш отсюда!

Но Митька и Славка никуда не ушли, потому что в это время пришел Сенька Ангел. Он еще издали помахал рукой и крикнул:

— Привет честной компании! Чего это вы хаты побросали? Я подъехал — двери настезь, а никого нет... Ну, мы загораем — чертова переправа опять не работает, а вы что?..

— Курортник наш утонул,— сказал дед.

Оживление смело с лица Семена.

— Как это?

— Ну как? Купаться полез.

— Вытащили?

— Где там! Шторм вон какой.

— А...— Семен поискал глазами, увидел лежащую Юливанну.— А она что же?

— Вот лежит, не то живая, не то мертвая...

— А она, между прочим,— сказал папка,— знаешь, какая оказалась?

— Какая?

— Ну, эта самая,— сказал папка и подмигнул.

— А ты святой? — зло спросил Семен.— Про твою святость даже твоя жена знает...

— Ты в наши дела не суйся! — сказала мамка

— Мне ваши дела до лампочки... Она, может, доходит, а вы, святые, стоите над ней, тары-бары разводите?

— Так а мы что, доктора, что ли? — сказала Максимовна.

— Сказал бы я вам, кто вы... Федор, давай бери, понесли ко мне на машину... А вы, ребята, нагребите соломы.

Юрка и Славка бросились к стогу.

— Вы из середки, из середки-то не дергайте, с краю собирайте! — вслед им закричал дед.

Юрка и Славка нарочно, назло надергали вороха соломы получше и потащили к машине. Она стояла у ворот. Семен откинул борт, расстелил солому, покрыл одеялом, которое Нюшка принесла из палатки, потом вместе с Федором поднял и уложил Юливанну. Она была как мертвая.

— Так нельзя,— сказал Семен,— надо, чтобы кто-то придерживал...

— А куда ты ее? В Евпаторию ж теперь не проехать,— сказал Федор.

— В Черноморск, в больницу. Еще ближе — всего двадцать два километра.

— Можно, я поеду? — попросился Юрка.

— Еще чего? — сказала мамка. — Никуда ты не поедешь!

— Давай, Федя, ты, что ли? — сказал Семен.

Федор взобрался в кузов, сел возле Юливанны. Семен закрыл борт.

— Ты слышь-ка, Семен,— сказал дед,— на вот паспорт евонный и деньги, отправь телеграмму по месту жительства, жене, значит... Ну и сообщи там, куда следует.

— Само собой.

Семен захлопнул дверцу, машина осторожно съехала с бугра на грунтовку и повернула влево, на Черноморск Штормовой ветер унес с дороги всю пыль, и машину было видно долго, пока она не скрылась за изволоком.

— Вот те и курорт,— сказал дед.

— Повеселились! — добавил папка.

— Господи! Какие же вы... — с упреком сказала Нюшка, всхлипнула и побежала домой.

— Но-но! — вслед ей сказал папка. — Ты еще соплей не вышла так разговаривать...

— Чужие дела — темный лес,— сказал дед,— нам путаться ни к чему... Пушай у них там все как стояло, так и стоит. И ходить туда никому не след. Покуда она возвратится али жена приедет...

— Если самолетом, так и завтра может здесь быть,— сказал папка. — Вот они схлестнутся!

— Это нас не касается, наше дело сторона.

Юрка увидел, как мамка и Максимовна переглянулись, как, ухмыляясь, подмигнул папка, и побежал прочь. Он не мог больше выносить, не мог видеть, как они переглядываются, подмигивают, кивают друг другу и говорят, говорят что-то неуловимое, скользкое и чему-то будто даже радуются... Как они могут?!

Ветер упирался, толкал его в грудь, но Юрка, упрямо пригнувшись, бежал и бежал, пока не оказался на том самом месте. Вот здесь он нырнул под гребень волны, оттуда помахал рукой и что-то крикнул, и теперь уже никогда не узнать, почему и что он кричал... А здесь Юливанну сбила волна, а Юрка ее ташил и порвал платье, а сейчас где-то по дороге к Черноморску ее трясет и подкидывает грузовик, и она умирает или, может, уже совсем умерла...

И на всем берегу, куда ни глянь, ни живой души, только кипела и бурлила пена, не было даже ни чаек, ни куличков, все куда-то попрятались, в небе одно неистовое солнце, оно нещадно жгло и слепило глаза, а зеленые бугры все бежали и бежали, рушились на берег, вода редела и клокотала, откатываясь назад, а ветер катил по песку хлопья пены, нес водяную пыль... Лицо у Юрки сразу стало мокрым, а губы солеными, ком в горле давил все сильнее, Юрка сел на песок под кам-

нем, как недавно сидел с Виталием Сергеевичем, и, не таясь, не прятаясь, громко, в голос заревел.

Юрка долго сидел, сотрясаемый судорожными всхлипами, потом встал, утерся рукавом и пошел вдоль берега — может, его уже выкинуло?.. Он прошел до сигнальной вышки, на которой когда-то, до того, как размыли пересыпь и сделали переправу, висел створный щит, а по ночам зажигался фонарь. Папка был прав. Сейчас ревушая, клочущая вода облизывала песок и все уносила с собой. Только потом, когда шторм начнет слабеть, накат будет нести и выбрасывать на берег все, что раньше смыло, утащило на глубину.

Только под вечер к дому подъехала машина, Федор выпрыгнул из кабины, Семен развернулся и сейчас же уехал. Нюшка побежала ему навстречу, и Юрка тоже.

— Ну как? — спросила Нюшка.

— А, — Федор махнул рукой, — еле довели. А там еще, сволочи, принимать не хотели... «Как это? Без документов? Не имеем права...» Ну, мы с Сенькой такой шухер подняли...

— Она-то как?

— Шок, говорят, у нее. И еще что-то про сердце сказали, большое вrede... На вот его паспорт, отдашь деду.

— А что это — шок?

— Да что я, доктор?.. Идем, жрать хочу, как собака...

Славка сразу же как лег, так и засопел, а Юрка долго не мог заснуть, ворочался, снова и снова вспоминал, как все случилось, а потом с самого начала, как приехали Виталий Сергеевич и Юливанна, поставили палатку и стали жить, какие они всегда были ласковые друг с другом и с ними, ребятами, как они вместе гуляли и купались, ездили в город и пили бузу... И даже то, что Юливанна тогда обозвала его, Юрку, казалось ему теперь таким пустяком... Она же хотела ему добра. И всегда была такая веселая, радостная, прямо светила от радости. А теперь вот стряслось такое — Виталий Сергеевич утонул, а она там в больнице помирает от сердца и еще от чего-то, а вокруг чужие люди, и никто ей не может помочь... Если б Юрка мог, он бы прямо хоть что хочешь сделал, чтобы ей помочь, только что он может?.. Потом все спуталось, куда-то провалилось, а Юрке вдруг начало казаться, что не Виталий Сергеевич, а он, Юрка, полез купаться в штормовое море и его захлестнула волна, ухватила и держит под водой, и не просто держит, а давит ему на горло все сильнее и сильнее, и Юрка начал задыхаться, задохнулся совсем...

Он проснулся и сбросил со своей шеи Славкину руку. Была глухая ночь, а на дворе хлестал проливной дождь. Он был такой шумный, что Юрка удивленно повернул голову, чтобы посмотреть, и увидел, что дверь распахнута настежь, дождь льет через пороги. Юрка удивился еще больше — дверь ночью всегда запирается на крючок. Может, открыл кто чужой? Вор... Только чего у них воровать и кто сюда придет? И Жучка во дворе. На ночь ее отвязывают, а уж она никого к дому не подпустит... Юрка приподнялся и посмотрел. Митька и Ленка спали. Да они в дождь и не пойдут. Мамка тоже спала. Не было папки. Значит, он пошел в уборную, плохо прикрыл дверь, а ветер ее распахнул. Надо было встать и прикрыть дверь, у порога уже поблескивала здоровенная лужа, но вылезать под дождь Юрке не хотелось и было лень вставать, все равно папка должен сейчас вернуться. Юрка лежал и прислушивался к шуму дождя и за ближним его плеском стал различать отдаленный грохот и рев наката. Значит, шторм не утихал. Косые перехлесты дождя становились слабее, шум моря слышнее, а папка все не шел и не

шел, и лужа у порога расплывалась все шире. Юрка вскочил, метнулся к двери, и в это время у крыльца появился отекающий водой папка.

— Ты чего? Куда ходил? — сердито спросил папка.

— Ты ж дверь оставил, вон натекло...

— Иди спи, не твоя забота.

Папка закрыл дверь, шум дождя сразу стал тише. Папка еще пошарил в темноте, должно быть, вытирал намокшие лицо и руки, потом заскрипела кровать, он тоже лег.

А угром снова небо было безоблачно, будто и не было ночью никакого дождя, и даже лужи успели подсохнуть, только земля еще была немного влажной, так что Юрка, когда бежал к морю и огибал бугор, даже оскользнулся и чуть не упал. Шторм ни чуточки не ослабел. Накат стал даже сильнее, и так же ревела вода, а ветер нес ключья пены и водяную пыль. Отпечаток ни смотрел Юрка, так ничего и не увидел. Волна все еще была отбойной, жадно облизывала песок у сразу ставшего приглубым берега.

Еще издали Юрка увидел, что во дворе много народу, узнав старшего дедова сына, тоже Тимофея, который работал бакенщиком на переправе, его толстую жену, ее сестру... Пришли в гости — сегодня воскресенье, — а может, узнали про несчастье и захотели посмотреть. Наверно, с ними пришел и Сашка.

Поравнявшись с тамарисковым бугром, Юрка подошел ближе к лагерю. На полотнище палатки у самого входа кто-то приложил испачканную грязью пятерню. И еще был отпечаток, только размытый, мазанный. Отпечаток был маленький, и Юрка сразу догадался, что это работа шкодливого Сашки. А может, Славка? Юрка припустил бегом.

Дед с сыном стояли в стороне и тихонько разговаривали. А Максимовна во весь голос пела невестке и ее сестре:

— Так ить это и сразу бы догадаться... Он же перед ей прямо расстилался. Разве законный муж о седой голове будет перед женой эдак-то — Юленька да Юленька?..

Сашки не было, Славки тоже. Юрка обежал дом. Славка примерял новую Сашкину бескозырку. На ленточке золотыми буквами было отпечатано: «Герой». Славке бескозырка не налезла, он протянул ее Сашке.

— Кто к палатке ходил? — закричал Юрка. — Кто там намазал? Ты?

— Нет, я не ходил, — сказал Славка.

Юрка по глазам увидел, что Славка не врет, повернулся к Сашке.

— Ты?

Глаза Сашки стрельнули в сторону.

— К какой палатке? Чего я туда пойду?

Юрка размахнулся, стукнул его по уху. Сашка скуксился, заныл и побежал жаловаться. Юрка не стал ожидать возмездия. Дед и даже отец Сашки не станут ввязываться, а мать и Максимовна сейчас же поднимут крик и ругань.

— Пойдем поищем, — сказал Юрка, — может, его уже выкинуло...

— Не, я не пойду, — сказал Славка, и по тому, как Славка замотал головой, Юрка понял, что тот боится увидеть утопленника.

Юрка пошел один. Он прошел опять до вышки, а потом повернул обратно и шел до самой скалы. Здесь море совсем осатанело. Волны пушечными ударами били в скалу, отвесными фонтанами взлетали вверх, ветер рвал фонтаны в ключья и бросал на берег. Юрка долго сидел у обрыва, слушал пушечный гром, чувствовал, как вздрагивает под ним земля, потом захотел есть и пить.

Дедовы гости уже ушли, но Максимовна не забыла жалобы внука, начала Юрку ругать, мамка обругала тоже, но Юрке было все равно.

К концу дня на мотоцикле приехал милиционер. Он наскоро спросил, как все произошло, и записал всех в свидетели. Все были на месте, только не оказалось папки — он куда-то ушел, и никто не видел куда.

— Ладно, — сказал милиционер, — хватит этих. Имущество надо прибрать.

— Это нас не касается, — сказал дед, — мы туда не ходим, в это дело не впутываемся. Пускай дожидается, покуда та дамочка возвратится али родственники приедут. А хочете — забирайте али опечатайте, как полагается.

— Я чем, пальцем опечатывать буду? Ладно, под вашу ответственность. В случае непрезда родственников сообщите.

Он покрутил ручку руля, стукнул сапогом по какому-то рычагу, мотоцикл затарахтел и укатил.

Папка вернулся затемно и пьяный. Мамка стала его ругать за то, что он опять пьет в долг и чем будет отдавать, а папка кричал, что это не ее забота, у нее он не попросит, а она дура, потому что не понимает, какой человек пропал и как бы он папке помог пробиться, познакомить с тем московским художником... Юрка не любил, когда папка напивался, но тут он на него даже про себя не сердился — он не ожидал, что папка будет так переживать из-за Виталия Сергеевича...

За ночь ветер ослабел, а утром утих совсем. Но взбудораженное море ревело, грохотало по-прежнему, переправа не работала и дорога была пуста. И вдруг к дому подъехала серая запыленная «волга» с темными клетками на дверцах. Из нее вышли злой шофер, тощий парень в очках, который, несмотря на жару, был во всем черном, даже рубашка у него была черная, и поблекшая женщина с исплаканным, запудренным лицом. Губы у нее были накрашены, но помада стерлась, осталась только по краям, и было видно, что губы у нее тонкие, а помадой она их дорисовывала, делала больше. Парень был такой же тонкогубый, но высокий лоб и тонкий хрящеватый нос у него были точь-в-точь, как у Виталия Сергеевича. Юрка догадался, что это его жена и сын.

— Будь оно проклято! — сердито сказал шофер, вытирая потное лицо. — Кабы знал, что такая дорога, сроду бы не поехал...

— Вам за это платят, — хмуро сказал очкастый.

— Да что мне те деньги? А машина обломается — кто будет платить?

Они не стали слушать шофера, пошли во двор. Навстречу им вышел дед, и тут же прибежали мамка и Максимовна. Лица у них были горестные, сочувственные.

— Мы получили телеграмму, — сказала женщина, — где-то здесь мой муж... здесь он... — Губы ее задрожали, она никак не могла выговорить нужное слово.

— Воронин Виталий Сергеевич, — сказал очкастый. — Где он?

Лицо деда жалостливо сморщилось.

— Где ж ему быть? Там...

Все посмотрели через ограду на ревушес, вспененное море.

— Не нашли? — спросил очкастый.

— Пробовали. Куда там... Это ить море! Да еще шторм...

— Но почему здесь? Как он здесь оказался? — спросила Воронина. — Он же мне телеграфировал из Евпатории...

— Так они жили здесь. Вон там на бугре, в палатке.

— Жили? — повторила Воронина. — Кто это — «они жили»?

— Да была тут с ним одна гражданочка... Юлия Ивановна.

— А-а! — закричала Воронина, лицо ее исказилось. — Я так

и знала, я догадывалась, что он опять с ней... Это она! Она его довела, погубила...

— Мама! — сердито сказал очкастый.

— Что, я еще должна стесняться, молчать? Не буду я молчать! Я ей все скажу... Где эта подлая тварь?

— В больницу увезли. Вроде шок у нее какой-то...

— Шок? Чтоб она не встала от этого шока!..

Воронина кричала и плакала, сын безуспешно пытался ее остановить. На лицах мамки и Максимовны было горестное сочувствие, а в глазах дикое любопытство. Пришел папка, сказал «здрасьте» и приложил руку к кепке, но на него не обратили внимания.

— А вообще есть надежда отыскать тело? — спросил очкастый.

— Вполне свободная вещь, — сказал папка. — Когда в утопленнике образуются газы, его обязательно наверх выносит...

Очкастый неприязненно покосился на папку и повернулся к деду, ожидая его ответа.

— Кто ж его знает? — сказал дед. — Когда шторм утихнет, может, и вынесет.

— А шторм надолго?

— Наверяд. О сю пору редко когда затягиваются.

— Придется нам ждать, — сказал очкастый матери. — Пожить несколько дней.

— Где?

Очкастый скользнул взглядом по двору, усеянному гусиным пометом, по крашенным известью стенам дома.

— Не здесь, конечно. С гостиницей в Евпатории трудно, ну, как-нибудь устроимся... А где машина, вещи? — спросил он у деда.

— Все в целости и сохранности.

Воронины пошли на бугор, дед и папка с ними, а Юрка следом. Очкастый парень сташил парусину с «волги», а мать его влезла в палатку, и оттуда стали вылетать скомканные одежки Юливанны, потом вылетела ее сумочка, расстегнутый клетчатый чемодан.

— Все, — сказала Воронина, вылезая, — больше там никакого ее имущества нет, можешь снимать палатку.

Сын сгреб разбросанные платья, запихал в чемодан и, застегнув молнию, поставил перед дедом.

— Куда ж его теперь? — спросил дед.

— Куда хотите. Можете выбросить. Или хранить для этой...

Дед вздохнул и понес чемодан домой. Сын начал снимать палатку. Пришел злой шофер, понаблюдал за его неумелой работой и сказал:

— Долго будем чикаться? Опять же вокруг чертова лимана ехать. Если будем копаться — до ночи не доедем...

— Доедете, — сказал папка.

— Что ты мне рассказываешь? На той дороге на ишаках ездить, а не на машине...

— Может, вещи возьмем сразу в такси? — спросила Воронина.

— Какие вещи? — закричал шофер. — Чтобы у меня рессоры полопались?

— Хорошо бы, — сказал сын, — найти здесь шофера. Чтобы согласился перегнать «волгу» в Москву. И мы могли бы не лететь, а ехать с ним.

— Так отчего же? — подхватил папка и засуетился. — Вполне свободная вещь. В колхозе в Гроховке есть — ту! всего пять километров — шофер второго класса, между прочим. Его все знают. Сенька Ангел по прозвищу.

— Как его найти?

— Для такого дела и я с вами могу подъехать. Надо же помогать, раз такое дело...

Шофер поломался, но согласился съездить в Гроховку. Они втроем ушли, Воронина продолжала укладывать вещи в машину, оглянулась и увидела Юрку.

— Тебе что, мальчик?

— Ничего, — сказал Юрка, пожимая плечами.

— Тогда иди, нечего тут околачиваться.

Юрка ушел.

Через некоторое время Воронина пришла во двор. Мамка и Максимовна усадили ее в холодок и начали наперебой рассказывать, как жили здесь Виталий Сергеевич с Юливанной, и наговаривать на нее. Воронина плакала, лицо ее кривилось и дергалось. Видно было, что ей больно и стыдно слушать, но она жадно слушала, а те говорили, говорили... Юрка не понимал, почему, зачем они это делают. Ведь они же лебезили, из кожи лезли перед Юливанной, когда все было хорошо, а теперь...

Такси вернулось, отца в нем не было.

— А где папка? — спросил Юрка очкатого.

— Какой папка? А, этот... он в селе остался.

— Ну как, договорились? — спросила Воронина.

— Не хочет, — ответил сын.

— Может, ты мало ему обещал?

— Двести рублей мало? Сволочь он, а не ангел. Еще и фанаберию напускает. «Я, говорит, на покойниках не зарабатываю»...

— Как же теперь?

— Так я ж говорю, — сказал шофер, — перегнать и я могу. В парке договорюсь, напарник за меня пару дней поработает, а я отгоню...

— Ну хорошо, а пока? Нельзя же оставлять там и машину и вещи...

— Так а чего? — сказал дед. — Пущай стоит. У нас тут воров нету.

— Ну, знаете... — оборвала его Воронина. — Может, пока здесь во дворе поставить? Все-таки не так опасно.

Шофер взял ключ, привел «волгу» Виталия Сергеевича и поставил перед окнами дедовой комнаты. Ее заперли. Воронины сели в такси и уехали.

Юрка надеялся, что папка от Сеньки Ангела узнает что-нибудь про Юливанну, но тот пришел поздно, опять пьяный и про Юливанну ничего не знал.

На другой день накат стал слабее, по дороге опять пошли машины — переправа снова заработала. Юрка бегал к дороге, надеясь перехватить машину Сеньки Ангела, но ни разу ее не увидел. Он ходил и по берегу, искал. Затихающее море выбрасывало на песок бурые валы кушира, всякий древесный, растительный сор. Вечером зашел по дороге домой дедов старший сын и сказал, что тело Виталия Сергеевича прибило к берегу за переправой и его отвезли в Евпаторию. Приехала старая, потрепанная «победа», на которой кассир дорожной конторы возит зарплату. Мамка забрала все деньги, и свои и папкины, но папка к вечеру все равно был пьяный. А еще через день на автобусе приехали очкастый сын Виталия Сергеевича и таксист. Сын хмуро попрощался с одним дедом, они сели в «волгу» и уехали.

Юрка пошел на бугор. Теперь он показался ему голым и неудобным. Дед выдергал уже колья, и только дыры, оставшиеся в тех местах, где были колья, да прямоугольник примятой, обесцвешенной травы напоминали о том, что здесь стояла палатка, там навес, а под ним стол и стулья. Юливанна хлопотала у газовой плитки, а Виталий Сергеевич

улыбался, глядя на нее, и как всем было тогда хорошо, весело и радостно. В горле Юрки снова появился твердый ком, он пошел домой. В стороне, запутавшись в корнях тамариска, белел лист бумаги. Это был рисунок Виталия Сергеевича, который он назвал «Счастьем». Должно быть, злая, исплаканная тетка выкинула его тогда из палатки и кто-то даже наступил на него — листок был надорван, на рисунке отпечатался каблук. Юрка осторожно счистил грязь и отошел. На него смотрели смеющиеся, радостные глаза Юливанны. Юрка свернул листок в трубку. Сначала он хотел отнести его домой, но потом подумал, что мамка увидит и обязательно выбросит. Он отнес его в сарай и спрятал в щель между стеной и крышей.

А Сенька Ангел все не ехал, а может, и проезжал мимо, но не хотел останавливаться, и про Юливанну ничего не было известно. Если бы были деньги, можно было бы съездить на автобусе в Черноморск, в больницу, но денег у Юрки не было, а у мамки проси не проси — не даст, да она бы еще и стала допытываться, зачем ему туда ездить, а узнав, не пустила бы. Дни шли, и Юрка начал думать, что Юливанна или умерла, или просто взяла и уехала в Москву, не захотела больше появляться там, где случилось такое горе.

8

Он уже совсем перестал ждать, и тогда она вдруг пришла. Это случилось перед вечером, когда все вернулись с работы. пообедали и сидели во дворе. Не было только Нюшки и Федора. Папка снова был хоть и немного, а пьяный. В Гроховку он не ходил, а все равно выпил. Должно быть, раньше принес, спрятал про запас, и никто не знал где. Мамка несколько раз принималась искать, ничего не находила, а от папки все время пахло водкой, и к вечеру он напивался совсем. Теперь мамка его корила и ругала, он отмахивался и говорил:

— А иди ты...

Максимовна со злым презрением смотрела на него, дед молчал и щурился, потом сказал:

— Ты б, Александра, все-таки поаккуратнее. А то ить что это получается? Изю дня в день, изю дня в день...

И тут в воротах появилась Юливанна. На ней было то же самое платье, но сама она так изменилась, что Юрка даже не сразу узнал ее. Раньше она ходила быстро и легко, как бы вовсе не касаясь земли, а теперь шла медленно, осторожно, словно боясь оступиться. И вся она как-то поникла, будто сразу постарела и погасла. Ямочки на щеках превратились в морщинки, загорелая кожа стала теперь просто желтоватой, а полные яркие губы сделались бледными и вялыми. Сбоку, отстав на полшага, шел Сенька Ангел.

Дед замолчал, и все молчали тоже, смотрели, как они пересекают двор и приближаются. Папка начал суетиться, а у мамки и Максимовны лица стали замкнутые, отчужденные.

— Здравствуйте, — бесцветным голосом сказала Юливанна.

— Доброго здоровьичка, — сказал дед.

Ответил ей только дед, но Юливанна не заметила этого. Она повела глазами, ища, куда бы сесть, но места не было. Юрка метнулся к сараю, там у двери стоял табурет, и поставил его рядом с Юливанной.

— Спасибо, Юра, — сказала она.

Юрка вспомнил про рисунок, снова метнулся к сараю и обратно, протянул ей свернутую в трубку бумагу. Юливанна начала разворачивать, узнала рисунок, губы ее задрожали, она поспешно свернула бумагу опять.

— Значится, поправились,— сказал дед.
 — Что? А, да-да, почти...
 — А тут, между прочим,— сказал папка,— гражданка Воронина была. С сыном приезжала.

Юливанна посмотрела ему в лицо.

— Я знаю.
 — Ну, ваши вещички они оставили,— поспешно сказал дед. Он, видно, боялся, что папка еще чего-нибудь скажет и будут неприятности.— Вещички в целости и сохранности. Сейчас я их принесу.

Он пошел в дом. Все молчали и старались не смотреть друг на друга и особенно на Юливанну, а она, казалось, ничего этого не замечала.

— Вот,— сказал дед и поставил перед ней клетчатый чемодан.— Чего тут, как тут — не знаю, складывал не я, складывали они.

— Спасибо,— сказала Юливанна.

Она расстегнула чемодан, достала сумочку, открыла ее, лицо у нее стало озадаченное. Она поставила чемодан на табурет, открыла его, пошарила в кармане на верхней крышке, засунула руку под платя, пошарила там, растерянно оглянулась, потом подняла чемодан и вывалила из него все. Платя попадали на табурет, свалились на землю. Юливанна провела рукой по лицу и растерянно оглянулась.

— Странно,— сказала она.— Я не помню где, но у меня были деньги... Не очень много, но были...

Папка ужасно засуетился, дедовы глаза спрятались в морщинах, рот у Максимовны вытянулся в ниточку. А Юрку почему-то обдало жаром.

— Нас это не касается,— сказал дед.— Были они там, не были... Мы ваших денег не трогали. Вот как они сложили, так оно и есть...

— Нет, что вы! — сказала Юливанна.— Как вы могли подумать?.. Я вас ни в чем не подозреваю... По-видимому, она решила, что это его деньги, и забрала всё...

— А что же,— сказал папка,— вполне свободная вещь!

— Мы до ваших вещей не касались,— деревянным голосом сказала Максимовна.— И все это нас не касается. Разбирайтесь сами!

— Да, да, конечно...— сказала Юливанна.— Только что ж теперь делать?.. Мне нужно ехать и не на что, нет ни копейки... Даже телеграмму не могу послать...

Папка молча суетился, все остальные сидели, как каменные.

— Я прошу,— сказала она,— я прошу — одолжите мне рублей пятьдесят... ну хотя бы сорок... Я сейчас же верну, вышлю телеграфом.

Она подняла голову и посмотрела на всех по очереди, но никто на нее не смотрел и не ответил. Время шло, а они молчали. Молчали и молчали...

— Еще чего! — сказала мамка.— Кабы у нас лишние деньги, мы б тоже по курортам ездили... А тут не знай, чем рты напихать...

— Деньги мы не куюм,— сказала Максимовна,— у нас лишних не бывает.

— Но как же быть?.. Я ведь прошу в долг и сейчас же верну... Вот хоть и вещи оставьте в залог...

Сенька Ангел поднял платя, стал запихивать в чемодан.

— На кой они нам? — сказала мамка.— Нам тут фигурять пегде, мы люди рабочие...

Юливанна посмотрела на деда, но тот молчал. Максимовна, поджав губы, смотрела в сторону, папка суетился и вроде бы даже усмехался. Юливанна снова провела рукой по лицу и сказала еле слышно:

— Что же мне теперь делать?..

Семен застегнул молнию чемодана.

— Нашла у кого просить! — сказал он. — У них зимой снега попроси — удавятся, не дадут...

— А ты нам не указ! — вскинулась Максимовна. — Мы твоих денег не считаем, ты наши не считай...

— Вот чужие-то вы и любите считать, сквалыги завидующие... Пошли отсюда. Ничего ты у них не допросишься...

Он поднял чемодан, взял своей лапищей Юливанну за локоть и, как маленькую девочку, повел к воротам. Она шла, опустив голову, и в самом деле стала сейчас похожей на маленькую обиженную девочку.

— Ишь защитник нашелся! — зло сказала Максимовна. — Один утоп, другой присоседился... Такие небось не пропадают!

— А ловкая какая! — сказала мамка. — Дай ей деньги, а потом поминай как звали...

Щемящая жалость к Юливанне вдруг обратилась у Юрки в ненависть, слепую ярость. Все тело его начало ходить ходуном, как тогда на берегу.

— Ну и гады же вы все! — сказал он. — Подлые гады!

— Ты чего это, поганец! — изумленно открыл глаза дед. — Ты это кому говоришь?

— Тебе! И тебе, и тебе, и тебе... Все вы сволочи! Вы же врете, что денег нет, вы получку получили... Вам жалко, жмоты проклятые...

— Ах ты пашенок! — крикнула Максимовна. — А вы чего смотрите? Вырастили бандита...

Мамка наотмашь хлестнула Юрку по лицу. Он схватился за щеку и отпрыгнул. Он знал, что сейчас его будут бить, но уже не мог остановиться и кричал, торопился успеть сказать все:

— Бить будете? Бейте!.. Все равно вы сволочи и гады... Был дядя Витя, бегали к ним, подлизывались, жрали, пили, а теперь вам денег жалко?.. А куда ее деньги девались?.. Вы их и украли!

— Кто украд? — вскочил папка. — Я тебе покажу — украли!

Папка поймал его за руку, ударил по лицу.

Папка задиристый, но слабосильный, в драках всегда попадало ему. Теперь он был сильнее и бил со знанием дела, туда, где больней. Юрка кричал, извивался, пытался вырваться, но папка держал цепко и бил все злее и злее...

Юрка изловчился, боднул его в живот. Папка охнул и, схватившись за живот, согнулся пополам. Юрка отскочил в сторону. Его трясло от ненависти.

— Всем бы вам так... За все... Подлые гады!.. Не хочу, не буду я с вами жить... Пропадите вы тут пропадом!..

Мамка бросилась к нему, Юрка увернулся и побежал со двора.

— Беги, беги... — крикнула мамка. — Все равно никуда не денешься, жрать захочешь — прибежишь обратно...

Разбитое лицо горело, распухшие губы стягивала подсыхающая корка крови. Юрка побоялся идти к колодцу — слишком близко от дома — и пошел к морю. Оно отдыхало от тяжелой штормовой работы. Там, где недавно над черными глубинами проносились лохматые пенные гривы, теперь дробились, множились и слепили глаза солнечные зайчики. Юрка разделся, забрел в воду по грудь и обмыл лицо. Даже на ощупь было заметно, как оно распухло.

На берегу появились две фигурки. Юрка бросился к одежде, но приоткрылся и успокоился — к нему бежали Славка и Митька.

— Ух ты, как он тебя! — сказал Славка.

Зареванный Митька молчал и только, широко открыв «ставни», испуганно смотрел на него.

— Ну, ты его тоже саданул! Он как отдышался, как начал кричать: «Я ему башку оторву, я ему шкуру спущу»...

— Вот он теперь бить меня будет,— сказал Юрка и показал кукиш.— Я больше и домой не приду.

— Совсем-совсем?..

Юрка кивнул.

— А где ты жить будешь?

— Хоть где, только не с ними, подлюками...

Славка озадаченно оглянулся, словно отыскивая место, где сможет жить Юрка. Вокруг были только море и песок.

— Ну да,— сказал Славка.— А есть чего?

— Найду.

Юрка сказал это очень решительно, но тут же вспомнил, как рассказывал Виталий Сергеевич о своем побеге в детстве. Убегая, тот запасся хлебом. У Юрки не было ни крошки. Сейчас есть не хотелось, но потом-то захочется... Все равно у них он брать не станет.

— Сбегай принеси мне лески, -- сказал он. — И спички.

— Будешь рыбу ловить? — догадался Славка.— Знаешь, давай и я с тобой. Будем жить вместе. Ловить рыбу и вообще... А что? Сейчас тепло, можно хоть здесь, хоть на лимане. Не, там лиманские мухи... Так и здесь можно или на скале. Выроем себе пещеру и будем жить... Вот здорово будет! А?

Глаза Славки заискрились, он заранее предвкушал радости вольготной жизни. Приди им это в голову раньше, Юрка тоже бы обрадовался такой выдумке. Теперь она не нашла в нем отклика. Что-то в нем обломилось или повернулось так, что ни приставить, ни повернуть обратно, словно он вдруг, сразу стал намного старше.

— Пацан ты,— сказал Юрка,— тебе бы только играть.. А есть захочешь — побежишь к мамке.

— А ты? — обиделся Славка. — И ты побежишь.

— Не дождутся.

Митька поднял свои пушистые «ставни», посмотрел на Юрку и опять их опустил.

— А куда ты денешься? — сказал Славка.

— В интернат пойду, в Черноморск. Там и буду жить.

Юрка знал, что в интернат попасть трудно, нужно долго хлопотать и добиваться, а за него никто хлопотать не станет и в интернат его не примут. Он врал нарочно, для Митьки. Митька в это поверит, сам он врать еще совсем не умеет и, если его спросят, скажет, что слышал. Пускай думают, что он в Черноморске, а там будет видно...

Славка пошел за лесками. Митька еще посидел на корточках, не поднимая глаз и о чем-то думая, потом побежал за ним.

Славка принесет лески, посидит с ним, ну, может, до вечера, потом уйдет, и Юрка останется один. Совсем один. И уже навсегда. Домой он не вернется хоть бы что. Не потому, что побили. Юрка потрогал распухшее лицо. Больно даже дотрагиваться. Это ничего, пройдет. Его не раз били, ну, не так сильно, все равно дело не в этом... Он опять услышал потухший голос Юлианны, увидел ее измученное, растерянное лицо, как зло смотрела на нее мамка и бросала слова, будто плевалась, как подмигивал и ухмылялся папка, добренько и равнодушно шурился дед, гадюкой шипела Максимовна... Еще совсем недавно они лебезили, подлизывались, завидовали ей, а теперь будто даже радовались, торжествовали. что ей стало плохо, хотели сделать еще хуже, мстили ей за то, что раньше ей было лучше, чем им... А кто украл? Да кто бы ни взял. Пускай не они... Но у них же деньги есть, а дать не захотели, пускай она

как хочет, хоть пропадает... С веревкой бегали Виталия Сергеевича спасать, а теперь она тонет, так они гдубже толкают... Падлы!

А что теперь делать, куда идти? Соврать про Черноморск было легко. Для отвода глаз годилось, а делать там нечего — ни жить, ни есть... В Ломовке все ребята знакомые: если попросить, хлеба принесут, только начнут расспрашивать, узнает все село, узнают и дома, поймают, снова побьют... Лучше бы всего пойти в Гроховку, найти Семена. Он и про Юливанну знает, где она и как теперь будет... Только куда с таким лицом... И дед туда часто ездит — то на мельницу, то в магазин, а папка — в подвал к Алке, как раз на них нарвешься...

Маленькая фигурка скатилась с бугра, побежала к берегу, а на бугре появилась мамка — Юрка узнал ее по платью, — но гнаться не стала, погрозила рукой и скрылась в кустах. Митька прибежал, придерживая руками вздувшуюся пазуху.

— Вот, — сказал он, доставая из-под рубахи верхнюю корку, сорванную с ковриги.

— А Славка где?

— Его мамка поймала, заперла. Он сахару хотел принести.

— А ты?

— Я убог, пока она его лупила.

— И тебя отлупит.

— Отлупит, — вздохнул Митька.

— Ты не сразу иди домой, пускай у нее зло пройдет... — Они помолчали. — Ты скажи Славке — сахару не надо. Не нужен мне их сахар. Пускай завтра утром лески принесет. К птичнику.

— Ты там ночевать будешь? Один? — Глаза Митьки испуганно расширились.

— Не, я приду, когда вас увижу.

Юрка сунул корку ковриги за пазуху и пошел по песку в сторону переправы. Он решил идти к птичнику, только не хотел признаваться в этом Митьке. Птичник пустой, заколоченный, но там деревянное крыльцо — все не на голой земле лежать. И оттуда хорошо видны дом и дорога — в случае чего можно убежать. Он оглянулся. Солнце скрывалось за уступом берега. Возле камня все еще стояла маленькая фигурка — Митька смотрел ему вслед. Поравнявшись с узким и длинным заливом лимана, Юрка пересек дорогу и по берегу лимана пошел к птичнику. Быстро надвигались сумерки, увидеть от дома его не могли.

Птичник был пустой, но уже не заколоченный. Кто-то отодрал и унес прибитые накрест доски на окнах и на двери. Этого следовало ожидать — досок ни за какие деньги не купишь, а тут их наколотили... Украл не только доски — вместо двух оконных рам зияли пустые провалы. Наверно, скоро сопрут остальные рамы, и двери, и все, что удастся отодрать и унести. Юрка влез в оконный проем. В комнате пахло пылью, мышами и птичьим пометом. Юрка отгреб из угла мусор, поискал, чем подмести, но мести было нечем, он решил, что обойдется и так. Следовало бы нарвать в лимане камыша и осоки, но здесь берега вязкие, топкие, лезть в грязь не захотелось. Он долго сидел в проеме окна, смотрел на дорогу. В уже не различимом в темноте доме зажегся огонек — это у них в комнате зажгли лампу. По дороге ползла цепочка спаренных светляков — шли машины. Над переправой стояло холодное синеватое зарево. Надо было решить, куда завтра идти, что делать дальше, но сколько он ни думал, придумать ничего не мог.

С восходом солнца на него напали лиманские мухи. Юрка вскочил, вылез из птичника. Вода в лимане была теплая, не успела за ночь остыть. Лицо вроде бы стало не таким распухшим, но притрагиваться по-прежнему было больно. И очень хотелось пить. Вода была

только в колодце возле дома. Юрка посмотрел туда и обрадовался — по берегу бежали Славка и Митька. Славка сбегает, принесет напиток. Юрка сел на крыльцо, но тут же вскочил и метнулся за угол птичника. По дороге торопливо шел какой-то человек; дойдя до тропки, свернул к лиману. Так размахивает руками только папка. Митька проговорился или он догадался сам?

Недалеко от птичника к лиману сбегал от самого верха изволога неглубокий овраг. Осенью, зимой стекала по нему дождевая, талая вода, ранней весной обрастал он редкой сорной травой. Сейчас трава уже высохла, пожелтела. Юрка, пригнувшись, побежал по оврагу вверх. Время от времени он останавливался и выглядывал. Папка догнал ребят, они вместе подошли к птичнику, обошли его вокруг.

И только теперь Юрка спохватился: корка ковриги осталась в птичнике. Он положил ее на крыльце, когда пошел умываться, а бросившись бежать, забыл... Совсем нетронутая. Он ее берег, боялся начинать, потом захотел пить и вот... Возле птичника никого не было видно. Спрятался, ждет, когда Юрка прибежит... Дождись!

Птичник был так далеко, что стал похож на спичечный коробок. Уже не боясь, что его увидят и догонят, Юрка пошел медленнее и не таясь, во весь рост. Подъем был не крутой, но Юрка запыхался, во рту пересохло, — и нестерпимо хотелось пить.

Впереди показалась буро-красная черепичная крыша, под ней — вросшие в землю невысокие стены, сложенные из ракушечника. Выгоревший от солнца и непогоды ракушечник был похож на старые белые кости. Такими же белесыми были плиты известняка, кое-как уложенные в низенькую ограду. Зачем ее складывали, если на всем широком дворе не то что деревца или огорода — не было ни одной зеленой былки? Между пучками жухлой уже травы то и дело проступал камень. Возле такого же вросшего в землю сарая сохла пирамидка кизняка. Из-за нее выскочил большой лохматый пес и злобно залаял. Юрка попятился, потом увидел, что пес на цепи. Из полуоткрытой двери дома вышла маленькая девчушка, испуганно уставилась на Юрку.

— Эй, слышь! — крикнул Юрка. — Принеси воды напиток!

Девчушка постояла, все так же испуганно глядя на него, потом шмыгнула в дом, дверь захлопнулась. Юрка ждал, с опаской поглядывая на лохматого. Тот злобно бухал, прыгал вперед, но цепь не пускала его, он поднимался на задние лапы, греб воздух передними, метался в разные стороны, пытаясь вырвать цепь. Дверь так и не открылась.

Справа, метрах в ста, под навесом была копанка — колодец. Запряженная в постромки лошадь ходила по кругу, над ней вращался большой решетчатый барабан. У длинной колоды кишели буро-грязные овцы. Юрка пошел туда.

Земля была в пыль размоleta острыми копытцами, у подтекающей колоды замешана в грязь. Лошадь погонял пацан меньше Славки, у колодца стоял заросший многодневной щетиной угрюмый дядька. Несмотря на то, что солнце уже припекало, он был в выгоревшем брезентовом балахоне и казался таким же буро-грязным, как овцы. Барабан скрипел, на колодезный ворот наматывалась подрагивающая струна толстого троса. Пацан уставился на Юрку, забыв о лошади, но она сама привычно шла по кругу. Чабан оглянулся.

— Здрастье, дяденька, — сказал Юрка. — можно у вас напиток?

Из колодца выползла деревянная, окованная железом бадья, такая большая, что Юрка запросто мог бы в ней спрятаться. Пацан остановил лошадь, чабан подтянул бадью к краю колодца, опрокинул в осклизлый, поросший в уголках зеленью желоб, вода хлынула в колоду. Чабан достал из висящей через плечо торбы старую медную кружку

с облезлой полудой, зачерпнул из ведра, стоящего поодаль, и протянул Юрке. Зубы у Юрки заныли от ледяной воды.

Лошадь снова пошла по кругу, барабан заскрипел, бадья исчезла в колодце, трос, подрагивая, начал разматываться. Зубы ныли, пить уже не хотелось, но Юрка пил и пил — про запас.

— Спасибо, — сказал он, протягивая пустую кружку.

Чабан спрятал ее в торбу. Барабан скрипел и скрипел, трос все разматывался и разматывался, и конца ему все не было — такая глубокая была копанка. Юрке хотелось заглянуть в колодец, но он побоялся, что чабан заругает, и заглядывать не стал.

Овцы напьются, чабан погонит их в степь. Травы там мало, но овцы находят, щиплют и все время идут и идут. И никого нигде нет — только степь, чабан и овцы. И так все время. Папка так рассказывал, он ведь работал чабаном. Папке не нравилось: тяжело и скучно — слова не с кем сказать, а по-юркиному — совсем неплохо. Ходи себе и ходи. Ну, конечно, зимой хуже — и дождь и снег, но ведь до зимы еще сколько..

— Дяденька чабан, — сказал Юрка, — вам помощника не нужно?..

Чабан искоса посмотрел на него.

— Ты, что ли? Ты еще не помощник, а нахлебник. У меня своих иждивенцев хватает.

Юрка сел в сторонке на камень. Трос все разматывался, потом бесконечно долго намагивался на ворот. Чабан опрокинул бадью, поставил ее на край колодца, потом отстегнул постромки от хомута. Пацан поднял ведро с водой, изогнувшись на сторону для противовеса, взял лошадь за повод и пошел к дому. Овцы отваливались от колодца, сбивались в кишашую грязно-серую массу, тянули в степь. Чабан их не погонял, просто шел следом за ними.

Отсюда буровые вышки уже отчетливо видны. Над переправой стлалась сизая дымка. А дом, дорога, птичник и лиманный залив исчезли, словно совсем перестали быть — за пологим увалом простиралась бесконечная голубоватая мгла и незаметно превращалась в небо. Что ж, так оно и есть — для него дом и дорога перестали быть. Юрке вдруг стало отчаянно жалко всего, что осталось там, и страшно того, что ждало впереди. Он вскочил и пошел к буровой.

Вышка росла и росла вверх, но не приближалась, только отчетливее становились ее решетчатые переплетения. Юрка устал, захотел есть и еще больше пить. Он садился отдохнуть, но вскоре поднимался и шел дальше. Сидеть хуже, чем идти: земля раскалена, сверху жгло солнце, а ветер, здесь уже сухой и жаркий, не приносил, как на берегу, прохлады и облегчения. Но не только зной, Юрку гнали жажда и нетерпение. Там есть люди — значит есть вода. И потом — а вдруг, а может?.. Виталий же Сергеевич говорил..

Вышка упиралась в небо. Надо было запрокинуть голову, чтобы посмотреть на ее макушку. Самые большие дома он видел в Евпатории. Куда им... Даже стальные решетчатые мачты с прожекторами и флагами на переправе показались теперь низенькими и маленькими. В дощатом сарае работал двигатель, железная труба, выведенная наружу, постреливала дымком, из-под нее расплывалась черная маслянистая лужица. Извиваясь по земле, к вышке ползли не то трубы, не то кабели. Поодаль стоял маленький домик. Юрка подошел и осторожно заглянул в окошко. Домик был нежилой, там стояли только стол и несколько табуреток. За столом сидел рыжий парень в очках и в кепке. Он был еще совсем молодой — толстогубый и круглощечный, а борода пробивалась рыжим пухом. Наверно, там была вода, но Юрка не решился войти и попросить — толстогубый сердито хмурился, мусликал погухшую папиросу и что-то быстро писал авторучкой. Юрка вернулся

к вышке. Основание ее было приподнято над землей, к нему вел помост из толстых брусьев. Дальше Юрка идти побоялся, сел на краешек помоста. Нижняя секция вышки с трех сторон была обшита досками. Справа и слева стояли какие-то машины, барабаны с намотанными толстыми тросами. С самой верхушки на черных промасленных тросах свисал огромный крюк, под ним четырехгранный брус, воткнутый в круглый стол. Брус и стол вращались с такой скоростью, что еле различимы были грани бруса. И над всем висел железный грохот. От этого грохота подрагивал даже помост, на котором сидел Юрка. От грохота, а может, оттого, что хотелось есть, у Юрки разболелась голова. Возле машины стояли двое мужчин в спецовках и ничего не делали, только смотрели время от времени на белые диски приборов, по которым суматошно бегали или неподвижно стояли стрелки. Юрке все больше хотелось пить, но подойти ближе он не решался — пугал оглушительный грохот и Юрка боялся, что дядьки в спецовках заругают и прогонят его.

Мимо него прошел рыжий парень в очках. Он тоже стал смотреть на приборы, что-то прокричал, ему прокричали в ответ. Один из мужчин в спецовке вышел, спустился по помосту и остановился возле Юрки, вытирая замасленные руки концами.

— Ты тут зачем?

— Так, — сказал Юрка, вставая. — Посмотреть.

— А откуда взялся, где живешь?

— Там. — Юрка махнул рукой в сторону моря.

— Вот и беги туда, ребятишкам тут делать нечего.

— Я пить хочу, — сказал Юрка, — у вас напиться можно?

— Пойдем.

В домике, где раньше сидел рыжий, человек в спецовке подошел к стоящему в углу пузатому металлическому баллону, подставил стакан и нажал рычажок. В стакан брызнула шумная пузырчатая струя. Юрка проглотил колючую, пузырящуюся воду и протянул стакан снова.

— Кто это тебя так? — спросил мужчина, когда Юрка напился и вытер губы.

— Упал, — сказал Юрка и покраснел.

— Интересно ты падаешь — на все стороны... Ну, дело твое. Беги теперь домой.

— Дяденька, — сказал Юрка, — а мне к вам нельзя? Учеником. Или убирать чего... Я бы все-все делал.

Мужчина внимательно посмотрел на него.

— Что, конфликт дома — и ты, значит, отдал концы?

Юрка потупился и не ответил.

— У нас для ребят работы не бывает. Буровой мастер — видал, в очках? — и тот инженер, с высшим образованием. Ты, если уж так прикрутило, в город подавайся, в ремесленное, ФЗО. Там квалификацию получишь, человеком станешь...

Юрка повернулся к выходу.

— Постой, ты небось есть хочешь?

Юрка смущенно пожал плечами.

— На вот, у меня завтрак остался.

Отойдя несколько шагов от домика, Юрка развернул газету — между большими кусками хлеба лежали ломтики колбасы. Он решил съесть половину, а половину оставить, но колбаса была такая вкусная, а Юрка такой голодный, что не удержался и съел все. И снова захотел пить. Почему-то дома, когда вода была под рукой, он пил редко и мало, а теперь хотел непрерывно. Возвращаться опять к вышке? Буро-ржавые переплетения ее уже так отделились, что снова казались голубоватыми.

И что там делать? Видно, и Виталий Сергеевич не всегда говорил все правильно и всю правду... «Все это для вас, для тебя...» А на поверку совсем не так. Что ему от того, что там ищут, нашли или найдут нефть? Это само по себе, а он сам по себе. И на переправе будет то же самое. Вон плывут над ней синие дымки. И там грохочут машины, работают люди. Ну, построят город. А ему скажут: пацанам тут делать нечего...

9

Уже давно перевалило за полдень, раскаленная улица была пуста, только в стоячей воде промывных канавы копошились утки. Спрятавшись за железной цистерной у копанки, Юрка долго выжидал и приглядывался — не покажется ли знакомая фигура. Магазин недалеко от колодца, а в него могли навернуться папка или мамка. Хорошо еще, что колодец стоит на самом выезде из Ломовки и единственную улицу ее видно напролет. На двери сельмага висел замок, на улице ни живой души. Юрка вышел из-за цистерны, открутил вентиль и припал к трубе. Потом он посидел в тени за цистерной — ноги гудели от усталости, ступни горели. Напившись еще раз, про запас, он обогнул задами Ломовку, пересек дорогу и по меже между ячменем и виноградником пошел к морю. В Гроховке опасность наткнуться на папку была еще больше, и он решил прийти туда со стороны моря и когда стемнеет. Юрка прошел по берегу до места, от которого до Гроховки осталось километра два, если идти напрямик. Солнце склонялось к западу, но до вечера было еще далеко. Юрка выкупался, лег на горячий песок, чтобы подсохнуть, и, сморенный усталостью, заснул.

— Эй! — загремело над ним.

Юрка вскочил. Рядом стоял Роман Безногий. Юрка сгреб свои одежды и бросился бежать.

— Ты чего, ты чего сдрейфил? — закричал Роман.

Юрка оглянулся и остановился — Роман был один.

— Чего ты, как припадочный? — сказал Роман. — Меня боишься?

— Не, — сказал Юрка, — я думал...

На берегу, кроме него и Романа, никого не было. Солнце уже спряталось за уступом берега, вот-вот начнет темнеть. Значит, он долго проспал.

— Думал, — сказал Роман. — Видно, у тебя ноги быстрее действуют, чем голова, сначала бежишь, потом думаешь.

Роман был совсем или почти трезвый, папки нигде не видно. Юрка начал одеваться.

— Постой, — сказал Роман. — Плавать умеешь? А нырять? У меня закидушка зацепилась, нырни давай...

Шагах в двадцати лежало Романово имущество — пиджак, кошелка и мятый котелок. От воткнутой в мокрый песок короткой палки убежал в море шнур закидушки. Юрка поднял его и, пропуская между пальцами, пошел в воду. Берег здесь оказался приглубый, вода поднялась Юрке до горла, он поплыл, загребая одной рукой, потом набрал воздуха в легкие и нырнул. Если бы не держаться за шнур, он, может, и достал бы до дна, но отпустить шнур он боялся — в воде уже было темно, — а добраться, загребая одной рукой, не удалось. Юрка вынырнул, повернул к берегу.

— Не достал? Эх, так его перетак, придется лезть самому...

Роман отстегнул деревянную ногу, разделся и на одной ноге прыгал к воде. Плыл он красиво и быстро, лучше, чем ходил по земле. Возвращаясь, он на четвереньках вылез на песок, сматывал закидушку,

снова ее закинул и опять запрыгал на одной ноге к одежде. Юрка испуганно смотрел на искромсанную багровую культию.

— Что, не нравится? — сказал Роман. — Вот так, браток: был моряк красивый сам собою, а теперь, так ее перетак, полторы ноги...

Он оделся, но, видно, плавая, продрог и зябко передернул плечами.

— Выпить хочешь?

Юрка покачал головой.

— Ну и ладно, не пручайся. Все одно я б не дал, самому мало.

Он достал из кошелки бутылку, заткнутую тряпичной пробкой, запрокинул голову и половину мутной беловатой жидкости вылил себе в рот, как в воронку, потом достал кусок хлеба, понюхал и положил обратно.

— Ты что, рубать хочешь? — спросил он, поймав внимательный Юркин взгляд. — На, действуй.

Роман отломил себе небольшую корочку, остальное протянул Юрке.

— А где тебе ногу?.. — спросил Юрка, набивая рот хлебом.

— В Евпатории, в десант...

Он достал бутылку, запрокинул голову и вылил в себя остаток беловатой жидкости.

— У нас курортник утонул, — сказал Юрка. — Помнишь, на «волге» в подвал приезжал?

Роман посмотрел на него помутневшими глазами и ничего не ответил.

— А ты знаешь, где Сенька Ангел живет? — спросил Юрка.

— Шоферюга? — Роман кивнул.

— У него тетеньки такой нет, Юливанна называется?

Вместо ответа Роман сказал:

— Слышь, Жорка...

— Да какой я тебе Жорка, когда я Юрка!

— А какая разница? — Роман мутно посмотрел на него. — Ты, слышь, собери давай темного найдешь, костер зажжем, а то трясет меня...

В наступающей темноте собирать топливо было трудно, да и не бывало здесь никогда ничего путного, так только — палочки, тростник, пересохший кушир. Юрка нагреб ворох такого мусора. Роман ловко и быстро разжег костер, протянул к огню руки. За их спинами сразу стало темным-темно.

— Понимаешь, — сказал Юрка, — он утонул, а она осталась. И где теперь, неизвестно. Семен ее увез.

Роман уже опьянел, лицо у него набрякло, он бессмысленно тараторил на огонь и вдруг закричал свою песню:

— Ой, був та й нема...

Юрка поднялся.

— Ты, слышь, принеси еще, мало собрал, — сказал Роман.

Юрка хотел сначала уйти потихоньку — пора было идти в Гроховку, пока там не легли спать, — потом ему стало стыдно: Роман отдал ему весь свой хлеб, а он сбежит. Где ему, одноногому, ходить по песку, собирать топливо...

Все, что было поблизости, Юрка уже подобрал, теперь пришлось идти дальше. Глаза быстро привыкли к темноте и уже легко различали светлый песок и более темные полосы сора, выброшенного морем. Юрка набрал полную охапку и повернул обратно. Красная звездочка костра, приближаясь, разгоралась все ярче. Юрка стал различать световой круг на песке, сидящего Романа, отблески огня на невысоком глинистом обрыве. И в это время раздался топот скачущей лошади. Юрка бросил

топливо, метнулся к обрыву и спрятался за его уступом. Неужели дед дал папке Дочку и тот его выследил? А может, его уже милиция ищет? Нет, милиционер на мотоцикле, у него лошади нет...

Топот оборвался, в световой круг на песке въехал пограничник.

— Кто такой? Зачем костер?

Роман поднял голову.

— Погреться.

— Гаси огонь!

— Ну да, как же!

Пограничник соскочил с коня, сапогами загреб песок раз, другой, догорающий костер задымил и погас.

— Кто еще с тобой? — спросил пограничник.

— Никого, — буркнул Роман, но тут же вспомнил: — Пацан тут один...

— Какой пацан?

— Ну, наш пацан, Жорка Нечаев. На сороковом километре живет...

Пронзительный лучик света рассек темноту, заскользил по берегу сначала в одну сторону, потом в другую. Юрка прижался к глине и затаил дыхание. Он никогда не думал, что карманный фонарь может так сильно и далеко светить.

— Смылся, — сказал Роман, — тебя испугался.

— Ладно, — сказал пограничник и погасил фонарь, — никуда от нас не спрячется. Собирай манатки, пошли.

— А чего я туда пойду?

— Расскажешь, зачем огонь зажигал.

— Так я ж тебе говорю — погреться...

— Не шуми. Ты на службе был, шумарей боялся? И я тебя не боюсь. Иди.

— Так я ж тут живу, я Роман Безногий, меня все знают... И ты меня знаешь!

— Я тебя знаю, — со скукой в голосе сказал пограничник. — А порядок есть порядок.

— Ха, герой, диверсанта поймал!.. Да я за эту землю кровь проливал, без ноги остался!

— То — раньше. А теперь нарушил — отвечай.

— Не пойду!

— Пойдешь. Ну, топай!

Роман, яростно ругаясь, напялил пиджак, поднял кошелку и, увязая деревянной ногой в песке, пошел. Пограничник сел на лошадь, поехал следом. Юрка подождал, пока совсем затихли топот копыт и ругань Романа, вскочил и, зачем-то пригибаясь, побежал от берега.

Теперь уже нечего думать о Гроховке, надо бежать. Подальше от берега, совсем отсюда. Здесь его найдут в два счета. Пограничники — не папка с мамкой, у них и лошади и мотоциклы, есть, наверно, и ищейки... И как он мог забыть, он же знал, что ночью нельзя на берегу зажигать огни! И Роман знал. Ну, тот спяну, а Юрка же не пьяный... Сделать ему, может, ничего и не сделают, когда поймают, но уж обязательно вызовут отца, вернут домой...

Юрка добежал до колхозного виноградника и уже шагом пошел между рядами черных в темноте лоз. В случае чего здесь легко спрятаться, а виноградник еще не охраняли — виноград только завязывался.

Виноградник оборвался у грунтовки. Юрка повернул по ней вправо. Слева за дорогой мерцали редкие огоньки Ломовки. По дороге шли к переправе машины, Юрка сторонился, но руки не поднимал — не надеялся, что возьмут, да и денег, чтобы заплатить, не было.

Впереди смутно забелели стены дома и ограда. Юрка напряженно прислушивался и всматривался. Ни звука не долетело со двора, за стеклами окон было темно. Под ноги ему метнулся черный клубок. Он потрепал Жучку по голове, она извивалась и подпрыгивала, норовя лизнуть в лицо. Окна их комнаты тоже были темны. Юрка постоял, глядя на дом, на тамарисковый бугор за ним, где еще недавно ему было так хорошо. Горло сдавило, в глазах стало щекотно. Он отвернулся и пошел дальше. Сзади требовательно и недоуменно тявкнула Жучка.

— Иди домой,— негромко сказал Юрка.— Домой!

Жучка повертела хвостом, побежала к дому. Перед Юркой неясно проступала в темноте дорога, убегающая к синеватому зареву.

Пневматические копры уже не работали, возле них сиротливо горели электрические лампочки. Причальную стенку с покрывками вместо кранцев освещали небольшие прожекторы. И на той стороне не было слышно стука копров, рычания бульдозеров. Посреди промоины стояла залитая светом землечерпалка. От нее шел железный грохот и хруст — отекающие водой ковши, как ступеньки ползущей вверх лестницы, поднимались и опрокидывались. Рядом с землечерпалкой чернела осевшая в воду грязнуха.

Сзади одна за другой подходили машины. Шоферы глушили моторы, выключали фары и собирались к причалу — покурить, потрепаться в ожидании парома. Юрка скользнул в тень и, стараясь не попадать под свет подфарников, пошел с левой стороны к хвосту машинной очереди. В кабине последней бортовой никого не было. Юрка подпрыгнул, ухватился за борт и по колесу забрался в кузов. Он был пустой. Юрка шагнул вперед и лег вплотную к переднему борту, чтобы водитель не мог увидеть его через заднее зарешеченное окошко в кабине. Почти тотчас стенку кабины озарил дрожащий нарастающий свет — сзади подошла еще одна машина. Свет стал пронзительно ярким и погас — машина подъехала и остановилась. Машины подходили еще и еще — Юрка слышал шум моторов, голоса проходивших шоферов. Юрка лежал и думал об одном: только бы добраться до Евпатории. Там его искать не станут, а если и станут, не так скоро найдут, он успеет... О том, что успеет, Юрка старался не думать, он попросту не знал. Не знал, куда деваться и что делать.

Голоса шоферов зазвучали снова. В машине открылась и хлопнула сначала одна дверца, потом вторая, в кабине невнятно забубнили, значит, там сидели двое. Юрка еще плотнее прижался к борту. Мотор зарычал, грузовик, заваливаясь в ухабы, пополз вперед, въехал под причальные прожекторы, потом перевалил через сходню на освещенную палубу. Моторы снова были заглушены, но машины подрагивали вместе с палубой от работающих под ней двигателей. Юрке был виден застекленный мостик, фигура капитана в черной фуражке с огромным «крабом». Юрка подумал, что если он видит капитана, то и капитан может увидеть его, сказать водителю, но капитан или не видел Юрку, или ему было наплевать на то, что кто-то лежит в машине, и он следит только за тем, чтобы машины правильно въезжали на паром и съезжали с него.

Машина сползла с парома, дребезжа и подпрыгивая, пробралась через залитую светом стройку, въехала в темноту, на асфальт, и начала набирать скорость. Юрка поднялся и сел в угол, все так же прижимаясь к переднему борту. Море ушло в сторону. Два столба света, покачиваясь, ощупывали дорогу, далеко впереди мелькал красный огонек стоп-сигнала, потом исчез и он. Если б так ехать и ехать хоть всю ночь, хоть круглые сутки, лишь бы подальше заехать...

Впереди замелькали одиночные огоньки, потом целая россыпь. На вокзальной площади машина развернулась, попятилась и уперлась

задними колесами в бровку. Дверцы кабины хлопнули раз и другой. Юрка подождал немного, перекинул ногу через борт и спрыгнул на асфальт. Дом бабушки совсем недалеко: два квартала, потом короткая улочка и тупиковый переулочек. На улицах еще людно — уже понаехали курортники, а они шатаются допоздна. В переулке фонарей не было — свет падал только из окон. Юрка вошел во двор. Окно бабушкиной комнаты было открыто, длинный прямоугольник света пробивался через марлеву занавеску. Юрка пошел прямо к окну и вдруг отпрыгнул в тень — в комнате рассказывала-кричала мамка... Приехала за ним, искать его! Юрка попятился, вышел за ворота и бегом припустил из переулочка.

А он-то надеялся: бабушка, бабушка... А что бабушка? Она же папкина мать и, конечно, будет с ним заодно. Все они заодно...

В переулке у входа на базар стояла водопроводная колонка. Юрка напился, вдоль трамвайной линии вышел на бульвар, поискал, где бы сесть. Узенькие газоны, огороженные узорными керамическими плитками, были сплошь утыканы цветами, скамейки заняты парами. Они сидели вплотную по три-четыре на скамейке и шептались. Только на одной скамейке сидели двое. Развалившись, расставив ноги в узких черных брюках, откинувшись на спинку парень с давно не стриженными волосами. На плече у него, уцепившись обеими руками за шею, висела молоденькая девчонка с подведенными глазами. Оба молчали. В черном белом ящике на груди у парня громко крякало, хрюкало и выло. Ноги у Юрки подгибались, он сел на самый краешек скамейки.

— Мотай отсюда, — сказал парень.

Он не повернул головы, и Юрка не понял, что сказано это ему.

— Ты что, глухой? — повернулся парень. — А ну, пошел...

Юрка встал. Девчонка потерялась щекой, умащиваясь поудобнее, и опять оцепенела.

На одной из скамеек пели. Там сидели две девушки и трое парней. Один из них брэнчал на гитаре, как на балалайке, и унылым голосом полупел-полуговорил:

— Ты ваяешь, а что ваяешь — не понимаешь.

— Я ваяю, — подхватил другой парень, — и понимаю: ягодицы я ваяю...

Девушки засмеялись.

— Бросьте, — сказал третий парень, в очках. — Пародии на дураков и негодяев — пустое дело. Они убеждены, что это не про них.

— Хорошо, — сказал парень с гитарой, — оставим пародии и пойдем спать.

Он поднялся, за ним встали остальные. Юрка бросился к скамейке — боялся, что ее снова займут. На скамью больше никто не сядил, другие скамейки пустели одна за другой, и скоро Юрка остался на бульваре один. Прямо перед ним сияли витрины магазина «Воды—мороженое», где они пировали с Виталием Сергеевичем, за ним проступал в темноте мрачный куб мечети, увенчанный куполом. Юрка оглянулся еще раз и вытянулся на скамье.

Утром дворник принес резиновую кишку, чтобы поливать цветы, и согнал Юрку. Возле булочных стояли фургоны с надписью «Хлеб», из фургонов в магазины носили полные лотки. Юрка старался на них не смотреть. Он снова пошел вдоль трамвайной линии, подальше от базара, от дома бабушки, чтобы не столкнуться с мамкой. На скрещении двух улиц трамвай отвернул влево, булыжная мостовая кончилась, начался гладкий асфальт. Бурые от пыли кусты и деревья чахли по обе стороны жирно поблескивающего асфальта. Справа тянулась беско-

нечная высокая ограда из ракушечника. Где-то недалеко за ней шумело море. У бензоагривочной станции Юрка постоял, посмотрел, как автомобили гуськом подползали к красным колонкам, долго сосали толстую, обвитую проволокой кишку, сразу повеселев, вышмыгивали с площадки станции и тут же терялись в непрерывной веренице машин, которые, фырча и пришепывавая, неслись по асфальту.

Ограда нефтебазы под прямым углом ушла к морю. Дымчатой полосой оно показалось в проходе между стеной и деревянной сараюшкой. В сараюшке гудел примус. В домике рядом трепались на сквозняке занавески в открытых окнах. За этим домиком виднелись другие, такие же маленькие, приземистые. Конца им не было видно. Ноги у Юрки гудели от усталости, он сел в колючий пыльный бурьян возле ракушечной стены. Прямо по немощенному тротуару в открытый двор въехал серый «москвич», остановился возле домика. В окне показалась женская коротко стриженная голова, и почти сейчас же на крыльцо вышла улыбающаяся молодая женщина, придерживавая рукой незастегнутый халат. Хозяин «москвича» запер дверцы, подергал их и увидел Юрку.

— Эй, пацан, ты тут живешь?

— Нет,— сказал Юрка.

— Ну, все равно. Заработать хочешь?

Юрка готовно вскочил.

— Посмотри за машиной, чтобы никто ничего...

Хозяин «москвича» и стриженная женщина ушли в дом, окна в комнате закрылись, занавески задернулись. Юрка подошел к «москвичу». Черно-белый номерной знак начинался, как и на «волге» Виталия Сергеевича, с букв «МО» — московская... Подошли двое мальчишек, маленьких, как Митька, и уставились на машину. Юрка их прогнал. Больше прогонять было некого. Юрка опять сел в куцей тени, падающей от стены. Сколько он так сидел — полчаса, час? Хозяин «москвича» и стриженная женщина вышли на крыльцо.

— Когда ты приедешь опять?— спросила она.

— Не знаю.

— Так что же, я приехала сюда, чтобы один раз тебя увидеть?— Ноздри женщины сердито раздулись и побелели.

— Я никаких гарантий не давал, приеду, когда смогу.

— Тогда я уеду!

— Как хочешь.

Дверца машины хлопнула, «москвич» попятился и развернулся. Юрка вскочил, замахал рукой, но хозяин «москвича» его не заметил и уехал. Женщина ушла в дом, окна распахнулись, занавески снова залопотали на сквозняке. Юрка пошел дальше.

С левой стороны шоссе появилась арка ворот с надписью «Пансионат». Юрка не понял и подошел посмотреть. За придорожными кустами в два ряда друг против друга стояли разномастные автомобили. Между ними виднелись то палатки, то навесы из парусины, каких-то тряпок и одеял. В машинах или прямо на вытоптанной пыльной земле лежали развороченные постели. На них валялись или сидели, поджав ноги, полуодетые или просто раздетые, только что в трусах, взрослые, ребяташки. Гудели примусы, коптели кергазы. На растянутых веревочках, кусках проводов сохли рубашки, трусы, полотенца. От кустов несло бензином, кухонным чадом.

Юрка перешел снова на правую сторону шоссе. Маленькие домишки пригорода кончились. Под навесом на высоких металлических трубах стояли лежаки, на них, между ними кишели полуголые тела. Дальше кустов вдоль шоссе уже не было, жирная полоса его станови-

лась аспидной, светлела, начинала зеркально блестеть, струиться и исчезала. Между шоссе и морем прямо на песке под нещадно палящим солнцем бесконечной цепочкой вытянулись автомобили, белели, желтели тенты, сновали люди. Юрка повернул обратно.

Под одним из навесов не было лежаков. На высоком каменном помосте, залитом асфальтом, стояли металлические столы и стулья. Это была столовая, и Юрка подошел ближе. Люди непрерывно подходили, поднимались по нескольким ступенькам. Одни сразу садились за столы, ели принесенное с собой в сумках, бумажных свертках, другие становились в длинную очередь у раздаточного окошка, ставили на алюминиевые подносы тарелки, которые им совали из окошка, несли их к столам и ели. На столах оставались тарелки с недоеденной кашей и макаронами, куски хлеба. Юрка смотрел на них, глотал голодную слюну, но пойти и взять не решался. Подходили уборщицы, сгребали грязную посуду, хлеб и уносили.

Народу постепенно стало меньше, уборщицы не так торопились убирать, все больше столов было заставлено обедками, и Юрка решился — поднялся по ступенькам, опасливо сел за крайний стол. На него никто не закричал. На одной тарелке в коричневой жиже лежали толстые, в палец, макаронины, по другой была размазана манная каша, на третьей осталась полтора кусочка хлеба. Юрка схватил хлеб, подобрал им скользкую кашу. Макароны были недоварены, но Юрка проглотил, не жуя, — он спешил, боялся, что прогонят. За другим столом осталась полная тарелка макарон, но Юрка не успел — подошла уборщица и унесла. Неподдалеку встала и ушла семья — отец и мать с маленьким мальчиком. Там осталась нетронутая манная каша и несколько кусков хлеба. Юрка метнулся туда, съел кашу, схватил хлеб и сунул его в карман.

— Ты чего, ты чего суешь? — закричал сзади женский голос. — А ну, вывертывай карманы!

Сидящие поблизости оглянулись. Уборщица засунула руку в Юркин карман и вывернула, хлеб упал на пол. Юрка залился краской и не смел поднять глаз. Он знал, что все смотрят на него — на вора...

— Что вам, куска хлеба парнишке жалко? — сказал мужской голос.

— А вы мне не указывайте! — огрызнулась уборщица. — Сначала хлеб, потом ложки утащит, а мы должны отвечать!

— Да ведь он ложки не взял, только хлеб, — сказал женский голос.

— Им и объедков жалко, они потом ведрами таскают, свиней откармливают, — сказал кто-то третий.

— А ваше какое дело? — взвилась уборщица. — Свиней тоже кормить надо. Я эти объелки своим горбом зарабатываю.

— Сначала все-таки людей надо кормить, — сказал первый голос.

— Пускай их родители кормят, хулиганов этих. Нарожали, так пускай и кормят!

— Эй, парень, поди сюда!

Юрка исподлобья посмотрел в сторону говорящего. Лысый мужчина в майке сгреб хлеб со своего стола, протянул ему:

— Держи!

Юрка схватил хлеб, мельком заметил рядом с лысым девчушку, которая испуганно смотрела на него, и бросился к выходу.

— И чтоб я тебя больше тут не видела! — закричала вслед уборщица.

Юрка бежал и бежал, пока снова не очутился возле каменной ограды нефтебазы.

Карманы вздулись. Восемь кусков — чуть не половина хлебного кирпича, и не черного, а серого, какой мамка лишь изредка привозила из города...

Никто не знал, где находится ремесленное училище. Прохожие попадались все приезжие, шоферы стоящих машин не знали тоже. Юрка встретил двух милиционеров, но их он не спрашивал, а переходил на другую сторону и ускорял шаг, будто торопился по делу. Только перед вечером он отыскал училище. Оно было закрыто.

— Тебе чего? — спросил дворник, когда Юрка подергал запертую дверь. — Никого там нет, на практике все, в Саках.

— А когда принимают? — спросил Юрка.

— В училище-то? — спросил дворник. Ему было скучно сидеть одному, он был рад и такому собеседнику. — Это музыка долгая — осенью принимать будут. Так что ты покуда казакуй, догуливай на свободе. А осенью собирай документы и приходи...

Документы... Какие у него могут быть документы?

Остаток дня он слонялся по улицам, избегая мест, где мог столкнуться с мамкой — вдруг она еще не уехала, — сидел на каких-то скамейках у ворот. Он сунулся было на городской пляж — вход был тут же, с бульвара, — но там не то что протолкаться, некуда было поставить ногу — впритык друг к другу, покотом лежали, сидели полуголые люди. Только поздно вечером, когда уже стемнело, Юрка снова пришел на опустевший пляж и выкупался. Здесь он и остался на ночь, на одном из дощатых лежаков. Рано утром его согнала уборщица, Юрка снова полпелся в город.

Остаток хлеба он прикончил утром и скоро снова захотел есть. Еда была всюду, на каждом шагу, россыпи, горы еды... В витринах «гастрономов», продовольственных магазинов высились пирамиды консервных банок, лежали штабеля колбас и окороков. Юрка знал, что они не настоящие, сделанные из бумаги или еще из чего-то и разрисованные. Но при взгляде на них Юрка глотал слюну и отворачивался. Это не помогло: еда подвертывалась, лезла, перла ему в глаза. Булочные ломились от смуглых хлебных кирпичей, золотистых белых караваев, обсыпанных сахарной пудрой плюшек. В кондитерской громоздились пачки печенья, лотки с пирожными, стеклянные банки с конфетами. На каждом углу из металлических ящиков продавали коричневые, мятые, но какие же вкусные пирожки, жаренные в масле... Висела на крючках лиловая, обтянутая стеариновым жиром баранина, лотки прогибались под ворохами, кучами моркови, редиски, картофеля...

И все ели. Непрерывно. Куда бы Юрка ни смотрел, он видел, как за стеклами витрин, окон столовых и домов, прямо на улице, на базаре, на пляже, стоя, на ходу, люди жевали и жевали. Завтракали, обедали, ужинали, закусывали, перехватывали, перекусывали, подкреплялись, заправлялись, рубали, лопали, жрали... Раскормленные мамы силком пихали в своих толстомясых детенышей все новую и новую еду, а те привередничали.

Надежды на то, что где-то вдруг он найдет потерянный рубль или даже трешку и наестся досыта, быстро угасли. Никто ничего не терял. Только один раз он нашел почерневшую никелевую монету в двадцать копеек. Юрка поспешил ее, потер об землю, пока она не заблестела, и бросился в хлебный магазин.

— Ты чего суешь? — закричала продавщица. — Думаешь, не замечу?

— А что? — не понял Юрка.

— Это ж старая, дообменная! Ишь ты, еще и притворяется! Рано жульничать приучаешься!

Никто не терял денег, не ронял пирожков, не выбрасывал хлеба.

Юрка пытался заработать. Несколько раз он подходил к женщинам, изнемогающим под тяжестью перегруженных сумок, и говорил:

— Тетенька, давайте я вам поднесу...

Тетеньки прогоняли его или, ничего не отвечая, покрепче перехватывали сумки — боялись, что он украдет. Красть Юрка не умел и боялся.

Спать он пошел снова на пляж, только теперь обошел все лежаки, перерыл урны.

Купальщики на пляж приходили спозаранку, чуть ли не вместе с уборщицами, — чтобы занять место. Они тащили с собой одеяла, подстилки и авоськи, сумки, целые торбы, набитые едой. И сразу начинали есть.

Возле входа в булочную стояла морщинистая сгорбленная старуха. Она кланялась каждому выходящему и жалостливо приговаривала:

— Подайте милостыньку, не пожалейте довесочка бедной старухе...

Юрка стал рядом. Почти все покупали целые хлебные кирпичи, круглые караваи, но иногда старухе совали довески, чаще — медяки. Юрка стыдился протягивать руку и кланяться, жалостливо приговаривать не умел. Ему ничего не давали. Старуха несколько раз оглядывалась на него, а когда рядом никого не оказалось, сердито прошипела:

— Ты чего тут торчишь?

— Есть хочу, — сказал Юрка.

— Булочных тебе мало? Это мое место, я тут каждое утро стою! На вот и иди отсюда...

Старуха сунула ему горсть довесков. Какой это был свежий, вкусный, пахучий хлеб! И как мало его было...

Голова непрерывно болела и вдруг начинала кружиться. Юрка сел, где пришлось, и долго отдыхал. Куда ему было спешить?.. Пойти к бабушке? Она бы накормила, а потом под замок и — домой... Старуха не то что злая, а строгая, при ней сам папка становится куда какой смиренный... Нет уж, лучше так, лучше пускай совсем пропасть, чем вернуться домой, чтобы опять били, а потом еще и смеялись над ним, как он бегал, бегал, а никуда не убежал...

10

Так потянулись дни. Юрка потерял им счет, вернее, вовсе не считал. Все время было наполнено, занято одним — желанием есть. Он все реже вспоминал о том, что произошло там, дома, а когда вспоминал, ему казалось, что это было давным-давно, и только ненависть не слабела — это ведь они довели, сделали его таким...

У него даже выработался распорядок — сначала он шел на автобусную станцию. Там всегда много людей, обязательно кто-нибудь ел, и, случалось, недоеденное летело в урну или куда-нибудь в угол... Потом на бульвар, мимо магазинов, особенно хлебных. Клянчить Юрка не научился, но иногда выходящие из магазина роняли довески, поднимать с земли не хотели или стеснялись, их подбирал Юрка. На базаре он старался не смотреть по сторонам, на заваленные лотки и прилавки, смотрел под ноги — раздавленная редиска, оброненная морковка, стручки зеленого гороха — все годилось. Можно было обмыть, а то и так — оттереть и съесть. После базара — вокзал. Из самого здания его гоняли — то носильщики, то сердитые тетки в железнодорожной форме. Но и на площади у самого вокзала всегда много было народу — сидели на чемоданах, ждали, толпились возле фанерных киосков, в которых продавали пирожки, бутерброды, булочки... Многие покупали на дорогу, от таких поживы не было, некоторые ели тут же, тогда, случалось, перепада-ло и ему.

Юрка околачивался возле киоска «Продукты на дорогу». Женщина набивала сетку свертками. Рядом стояла маленькая девочка и жевала бутерброд с сыром. Есть ей не хотелось, она перекатывала кусок из-за щеки за щеку, оттопыривала губы. Заметив, что Юрка смотрит на нее, она совсем перестала есть, открыв рот, уставилась на него. Юрка от-вернулся.

К вокзалу одно за другим подъезжали такси, по тротуарам и на-прямик пересекая площадь, спешили люди с чемоданами. Очень гром-ко, гнусаво и неразборчиво бубнило радио. В толпе пассажиров мельк-нуло что-то знакомое, но Юрка не понял что и снова повернулся к девоч-ке. Мать ухватила ее за руку и поспешно повела к вокзалу. У входа сно-ва мелькнуло знакомое. Это было ее платье... Юрка бегом бро-сился к вокзалу. Вход забил сплошной поток пассажиров. Юрка втиснулся между ними, пытался прорваться вперед, но перед ним была стена, непроницаемая стена — спины, чемоданы, сумки, авось-ки. И сзади со всех сторон его стиснули чужие локти, чемоданы, сумки. Плотный поток прополз через вестибюль, зал, втиснулся в двери на пер-рон и только здесь стал редеть, растекаться в стороны. Юрка заметал-ся. Во всю длину перрона вытянулся сверкающий лаковыми боками поезд. В открытые узкие щели зеркальных окон выглядывали веселые, улыбающиеся лица, перекрикивались с провожающими, у тамбуров клубились, завивались хвосты пассажиров, уже нашедших свои вагоны, другие спешили вдоль состава, перегибались от тяжести чемоданов, на-встречу им спешили другие, озабоченно поглядывали на номера вагонов.

Юрка повернул налево, ринулся в кричащую, суматошную толпу. Его толкали, толкался он сам, не обращая внимания на окрики и жадно шаря глазами. Он добежал до последнего, четырнадцатого вагона. Юли-ванны не было. Уже не веря и все-таки надеясь, Юрка побежал обратно.

Теперь было легче — последние пассажиры поднимались по ступень-кам, проводницы доставали из чехлов свернутые желтые флаги. Вот толь-ко провожающие все еще суетились, торчали на дороге, размахивали ру-ками и кричали. Юрка бежал изо всех сил. Проводницы поднимались на ступеньки, оттесняя пассажиров в тамбуры. Юрка добежал до по-следнего вагона перед багажным, поезд беззвучно тронулся, и тут он увидел ее. Юливанна выглядывала в оконную щель и еле заметно маха-ла кистью руки. Юрка сорвал кепку и отчаянно замахал. Юливанна его не заметила, она прощалась не с ним. Юрка повернул голову. В двух шагах стоял Сенька Ангел и, подняв руку, прощально покачивая ла-донью. Вагоны ускорили бег, колеса защелкали на стыках. Семен по-вернулся, увидел Юрку.

— А, солдат? — сказал он. — Привет, привет!

— Эх, — сказал Юрка, — уехала, а я не успел...

— Уехала, — подтвердил Семен, — хватит ей тут мучиться... Постою, а ты откуда взялся?

Юрка стесненно пожал плечами.

— И чего это тебя так обтянуло? Больной, что ли?

— Не, так... — сказал Юрка. — Я из дому убежал. Совсем.

— Как это, совсем?

— Ну, когда ты с Юливанной приходил, вы как ушли, я им ска-зал, какие они все гады... Ну, побили меня, я и убежал...

— Постою, так это когда, это ж дней десять назад? Где ж ты все это время был?

Юрка промолчал.

— Понятно. От такой жизни обтянет. Пошли.

Семен привел его в зал с вывеской: «Буфет — ресторан». Юрка стес-нялся сесть за столик, но Семен потянул его за рукав, он сел, но сейчас

же спохватился, снял кепку и сунул ее под себя. В буфете было пусто, только за двумя столиками, уставленными пустыми бутылками, шумели раскрасневшиеся мужчины.

— Какая у вас еда есть, чтобы не ждать? — спросил Семен официанта.

— Котлеты рубленые. С макаронами.

— Давайте котлеты рубленые. — Семен оглянулся на Юрку и добавил: — Две порции.

— Лучше просто хлеба... — шепотом сказал Юрка.

— Правильно — и хлеба. Побольше. Ну, а мне... — Он что-то пальцами показал официанту, тот понимающе кивнул и ушел.

Юрка, не жуя, даваясь, глотал макароны, подталкивал их в рот кусками хлеба. Семен катал хлебный шарик и на него не смотрел. Юрка был этому рад — он стыдился жадности, с которой ел. Котлеты он оставил напоследок и съел, когда подчистил тарелки куском хлеба.

— Ну, заправился малость? — спросил Семен.

— Во! — сказал Юрка и провел большим пальцем по горлу. Ему казалось, что он сейчас лопнет.

Официант поставил перед Семеном графинчик, до половины налитый прозрачной жидкостью, и здоровенную, как стакан, рюмку. В ней помещилось все содержимое графинчика.

— Ну, за хорошую жизнь? — сказал Семен.

Он выщедил все, не переводя дыхания, поморщился, помазал горчицей корочку и заел. Юрка во все глаза смотрел на него.

— Ты ж не пьешь! — сказал он.

— А ты и в самом деле думал, что я ангел? — усмехнулся Семен. — Я только местами... Ну, пошли, больше тут делать нечего.

Юрка украдкой оглянулся по сторонам, сгреб оставшийся на тарелке хлеб и запахал в карман. Семен сделал вид, будто не заметил.

— Ну, чего ты ел — по тебе видно. А спал где?

— На скамейках, — сказал Юрка. — Или на пляже, на лежаках.

— Лихо!.. А зимой тоже на пляже будешь?

Юрка не ответил.

— Я в ремесленное хотел, — помолчав, сказал он. — Только там — осенью. И документы нужно. И в интернат документы...

— М-да, — сказал Семен, — все до этих клятых бумажек приклеены.

Они остановились возле Семенова «газона», уткнувшегося задними колесами в бровку тротуара.

— Садись, поехали, — сказал Семен, открывая дверцу.

— Куда? — спросил Юрка и попятился. — Я домой не поеду.

— Я тебя домой не зову. Ко мне поедем. Там что-нибудь придумаем.

Юрка повеселел и полез в кабину.

— А ты не боишься ехать? — спросил он. — Ты же выпивши...

— У нас там инспекторов нет, обнюхивать некому. Да и что я, пьяный, что ли? Подумаешь — сто пятьдесят со зла выпил...

«Газон» медленно обогнул привокзальную площадь, отвернул вправо, на черноморскую дорогу.

Юрке не хотелось спрашивать, он надеялся, что Семен скажет сам, но Семен ничего не говорил, и Юрка не удержался:

— Как там... у них?

Он уже не хотел, не мог сказать «у нас».

— Не знаю, не заезжал. — ответил Семен.

— Слушай, — вспомнил вдруг Юрка. — У нее же не было денег, у Юливанны! Кто ж ей дал?

— Не все ведь сволочи, есть и люди,— сказал Семен.

— Ты?

Семен промолчал. Преодолев бугристый объезд, «газон» мягко покотился по асфальту. От давно не испытанной сытости Юрка опьянел и обмяк, привалился к спинке и заснул. Он проснулся только у переправы, когда «газон» запрыгал на выбоинах. Еще в полусне он вспомнил все, почему-то ему почудилось, что спрятанный хлеб потерялся, он испуганно ухватился за вспухший карман и окончательно проснулся. Семен покосился на него, но ничего не сказал.

Больше Юрка не заснул. Он напряженно всматривался в растущий, приближающийся дом и, хотя никого не увидел, когда машина поравнялась с домом, сполз с сиденья и пригнулся.

— Герой,— сказал Семен,— там и нет никого.

Юрка пристыженно вполз обратно и оглянулся. Ни души не было видно ни во дворе, ни на дороге.

Семен въехал прямо в свой двор, ворота которого стояли нараспашку.

— Шагай, шагай! — подтолкнул он заробевшего у двери Юрку.— Старуха, ты где?

В кухне никого не было, из комнаты никто не откликнулся.

— Небось на огороде или у соседки,— сказал Семен.— Посиди.

Юрка сел на табуретку. Семен ушел. Кухня была как кухня, и комната, дверь в которую была открыта, тоже. Ничего особенного. Кровать с блестящими шишками, стол, накрытый клеенкой. Только чисто. Очень чисто. Пол так блестит, что по нему страшно и ходить. Не то что у них...

В кухню вошла женщина, вслед за ней Семен. Юрка вскочил и сказал:

— Здравсьте, тетенька.

— Здравствуй,— безразлично ответила женщина, но Юрке показалось, что ответила она неприязненно. Почему Семен называл ее старухой, если она совсем еще не старая?

Должно быть, Семен уже все рассказал жене про Юрку, она не удивилась и ни о чем не спрашивала, молча собрала на стол.

— Садись, подрубаем,— сказал Семен.

— Так я же ж сытый,— застеснялся Юрка.— У меня уже и места нет.

Место нашлось. Тем более что холодный борщ, забеленный кислым молоком, был очень вкусный.

— Ты энзе-то вытащи, теперь уже не понадобится,— сказал Семен.

Юрка покраснел и выложил на стол зачерствевшие в кармане куски. Он хотел есть борщ с ними, чтобы не брать хлеб из миски, но жена Семена бросила их в большую корчагу возле печи.

— Раскладушку еще не убрала? — спросил жену Семен.— Вот и ладно. Ложись, солдат, спи, а я пойду к начальству.

Юрка разделся и вытянулся на раскладушке. Какая же она была мягкая и удобная после скамеек и лежаков...

Жена Семена взяла его рубашку, осмотрела и скомкала.

— Скидай трусы, небось не чище.

— Да ну, тетя, не надо, что вы будете...

— Скидай, скидай без разговоров!

Когда Юрка проснулся, солнце было высоко, на спинке стула висели чистые трусы и рубашка.

— А когда вернешься? — спросила в кухне жена Семена.

— За день не обернуться,— ответил Семен.— Дня два, не меньше, а то и три... А, солдат, вовремя — надо завтракать и ехать.

Юрка всласть наелся вареной картошки, заправленной салом.

— Дело такое, — сказал Семен, — поскольку ты домой не хочешь, тебе и здесь быть нельзя — дознаются в два счета. Верно?

Юрка кивнул.

— Посылают меня в Симферополь. Никогда не был? Поедем вместе. Город — что надо, куда Евпатории... А по дороге завернем в совхоз «Виноградное». Там у меня сеструха живет. Муж у нее — сукин сын: два года назад сбежал, оставил ее с ребятенком. Ему пятый год, а детсада нет. Идет на работу, его — под замок. А он мало чего натворить может... Понимаешь? Ну вот, поживешь у них. Она небось рада будет, что за Васькой есть кому присмотреть...

— Ой, — сказал Юрка, — да я все-все буду делать! Что ни скажет — сделаю...

— Ну, там посмотрим... Надоест, захочешь домой — отвезу. Нет — время пройдет, они тут поостынут, я подход найду, выправим тебе документы, там и учиться можно, школа есть. Они, думаю, согласятся, им-то что: одним ртом меньше... Ну как, идет?

— Спрашиваешь! — сказал Юрка.

— Тогда по коням! Только сначала на бригадный двор заедем... На бригадном дворе Семен остановил машину, ушел в кузницу. Юрка остался сидеть в кабине.

Возле входа в подвал уже стояли трое мужиков. Пришла горбатая Алка, открыла дверь, и мужчины спустились в подвал вслед за ней. Припадая на деревянную ногу, прошел Роман Заруба.

— Роман! Дяденька Роман! — закричал Юрка, высунувшись из кабины.

Роман приостановился и оглянулся.

— Отпустили тебя, ничего не сделали?

— А на черта я им сдался?.. Отпустили... — На лице Романа появилось подобие улыбки. — Еще и приказал домой отвезти. На машине...

Роман заковылял дальше и снова приостановился.

— Слышь, Жорка! Как там твой старик?

— А что?

— Да мы тут здорово врезали с ним, так он вроде чуть не перекинулся...

Он подождал ответа, но Юрка не знал, что ответить, и Роман заковылял дальше, к подвалу.

Семен принес на плече заново обтянутую рессору, закинул ее в кузов. «Газон» миновал кладбище, виноградник и выехал на шоссе. Сердце Юрки екнуло. Все было, как тогда, когда они ехали в Гроховку с Виталием Сергеевичем: Дочка, запряженная в телегу с бочкой, обмахивалась хвостом, мамка и Федор сгребали лопатами гравий, дед покуривал, свесив ноги в кювет. Не было только папки и Виталия Сергеевича...

Теперь уже Юрка не стал прятаться, но на всякий случай отклонился от окна. Мамка выпрямилась и безучастно посмотрела на машину. Юрку она не увидела, но сам Юрка успел рассмотреть ее лицо и поразился, как оно вдруг, и без того худое, еще больше осунулось и постарело. Это, наверно, оттого, что папка заболел. Так что ему, первый раз? Он же всегда после выпивки болеет. Отлежится и опять начнет... А если он лежит, может, даже спит, это Юрке на руку...

— Ты останови около дома, — сказал он Семену, — я подошлю Славку, чтоб он хоть куртку вынес, а то что я в одной рубашке...

— Правильно, — кивнул Семен, — куртка не помешает.

На дедовой двери висел замок. видно, Максимовна ушла в Ломовку к сыну. В холодке, стоя спиной к дороге, стирала Нюшка. Дверь

их комнаты была распахнута. Семен остановил машину, Юрка спрыгнул с подножки. Жучка бегала по ограде, гремела цепью и скулила. Опять никто не налил ей воды и не дал поесть... Эх, пацаны!

На берегу, у самой кромки воды, слепящей солнечными зайчиками, бегали три крохотные фигурки. Пошли купаться. Как же теперь добыть куртку? Бежать к ним, потом обратно?.. А если Семен не захочет столько ждать? Юрка оглянулся на дорогу и решительно повернул во двор, к дому. Не удастся, так убежит без куртки, папке его не догнать... Он заглянул в открытую дверь. Папкина постель была смята, но пуста. Сидит где-то на солнце или тоже пошел купаться? На всякий случай Юрка неслышно, на цыпочках поднялся на две ступеньки. Из комнаты не доносилось ни звука. Юрка шагнул через порог — и внутри у него все оборвалось. Папка сидел в углу за столом и, высоко подняв голову, смотрел на него.

Юрка хотел броситься обратно, сломя голову бежать на дорогу и не мог: ноги приросли к полу, будто папка своим взглядом пригвоздил его к месту. А папка не закричал, не вскочил, продолжал так же пристально, напряженно смотреть на Юрку, только руки его непрерывно шевелились. Они торопливо скользили, шарили по столу. А на столе ничего не было, только лежала пачка «памира». Папка нащупал ее, засунул пальцы внутрь и скомкал — она была пустая. Он хотел отбросить, но снова развернул, лихорадочно пошарил внутри и бросил в сторону. И все время не отрываясь смотрел на Юрку напряженным, неподвижным взглядом... Почему же он не кричит, не бросается его бить? Или уже не сердится, все забыл? Как же, забудет он...

Папка отодвинул стол, все так же высоко задрав голову, опустился на четвереньки и начал шарить по полу, искать. Юрка догадался: он ищет сигарету. Но что ее искать, если вон она лежит прямо на глазах, возле плинтуса, а на второй полке этажерки на книжках лежат две пачки «памира»?..

Юрка ничего не понимал, но почему-то ему стало невыносимо страшно. Он попятился, половица скрипнула.

— Кто там?

Папка вскочил и прислушался, только смотрел он теперь не на Юрку, а в сторону, на стену.

— Славка, Митька! — окликнул папка. — Я тут сигарету уронил, никак не найду...

Юрка стоял, затаив дыхание, боясь еще раз пошевелиться.

Задрав голову, вытянув перед собой руки, папка пошел, но не к Юрке, а туда, куда смотрел, — к стене, наткнулся на табуретку, она с грохотом упала, папка остановился.

— Ребята, где же вы? — сказал папка. Голос его стал какой-то отчаянный, чуть не плачущий.

Сам не зная почему, Юрка вдруг подошел, поднял сигарету и протянул отцу.

— На.

Отец обернулся и, глядя на Юрку, спросил:

— Это ты, Слава?

— Нет, это я, — сказал Юрка.

— Сынок... — Голос папки задрожал. — Ты вернулся, сынок...

Он пошел к Юрке, вытянув руки. Юрка подsunул ему сигарету, но отец ее тут же упустил, схватил его за руку. Он не схватил, он ухватился за Юрку. Вот так же хватался за него Славка, когда Юрка учил его плавать, а тот боялся утонуть и отчаянно цеплялся за него...

Отец одной рукой держался за него, а другой лихорадочно ощупывал, гладил его локоть, плечо, голову.

— Сынок, ты пришел... А я вот не вижу. Совсем ничего не вижу. Даже света...

Он держался за Юрку, а смотрел поверх него, куда-то в пустоту.

— Может, еще вылечат? — сказал Юрка.

— Нет, — сказал папка. — Мать возила меня и в Черноморск, и в Евпаторию... Врачи говорят, уже все, конец... Я знаю. Мне еще в госпитале военврач сказал: чуть что — и конец...

Из широко открытых глаз его потекли слезы, застряли в многодневной щетине на подбородке, нижняя челюсть задрожала. И у Юрки тоже почему-то задрожала нижняя челюсть. Он сцепил зубы, подвел отца к табуретке.

— Садись.

Он потянул руку, отец еще отчаяннее вцепился в нее.

— Куда ты?

— Пусти, я тебе сигарету дам.

Он подал сигарету, нашел спички. Отец напряженно прислушивался к его шагам, только когда Юрка поднес зажженную спичку, немного успокоился и жадно затянулся.

— Сиди, — сказал Юрка и пошел к двери.

— Сынок! Куда ты, сынок? — закричал папка.

Юрка спустился с крыльца. На мелководе, расплескивая солнечные зайчики, впуски бегали три крохотные фигурки. Пацаны... Теперь их тут и вовсе замордуют, затуркают. Будут расти, как бурьян, без призора... На мамке теперь все. А что она одна сможет?

Он шел к дороге, и каждый шаг давался с трудом, будто он без дыхания шел целые сутки или надел, как водолаз на переправе, свинцовые башмаки.

Семен перегнулся со своего сиденья, распахнул дверцу.

— Что, не дает? — спросил он.

— Он не видит, — сказал Юрка.

— Чего не видит? — не понял Семен.

— Ничего не видит. Совсем. Ну, ослеп он. Понимаешь?

У Семена приподнялись брови, он тихонько присвистнул.

— Вот это да... — Он помолчал. — Водочка?

Юрка пожал плечами.

— Ну и как ты решаешь?

— Понимаешь, на мамку теперь все... И пацаны... И он — слепой...

— Раздумал, значит? — Семен, прищурясь, посмотрел на побелевшую от зноя дорогу. — Что ж, видно, правильно... Тогда — привет. На обратном пути заеду.

Он захлопнул дверцу. Стартер зарычал, машина тронулась с места. Сзади, грохоча и подскакивая, подлетел самосвал, обогнал Семенову машину, за ним пролетел второй, потом еще и еще. Машины мчались, рывкали сигналами, подгоняя друг друга, и нельзя было понять, то ли они догоняют что-то и никак не могут догнать, то ли убегают от чего-то и боятся, что убежать не смогут. Они мчались все быстрее и быстрее и все мимо, мимо...

Юрка повернулся и пошел к дому.

Киев.

ДМ. СЕРГЕЕВ

★

В СОРОК ВТОРОМ

Рассказ

(О) том, что мне повезло, я узнал в санбате.
— Ты — счастливец, — сказал хирург и показал осколок. — Чуть левее — и похоронная. Возьмешь на память или бросить?

Я помотал головой — осколок, сделавший меня счастливым, шмякнулся в таз.

Кончив с одной раной, хирург запустил скальпель в правое плечо — туда ударила разрывная пуля...

Длинный состав, изрешеченный бомбежками и обстрелами, уносил нас от грохота передовой. Брезентовые койки, поднятые над нарами на разношенных стальных пружинах, хлестались о доски. На остановках разносили сухари и чай. В дверных проемах возникали костяки сгоревших станционных зданий, — кирпичные трубы нацелены в небо, как зенитки.

Потом нас пересадили в оборудованные пассажирские вагоны — санитарный эшелон. Здесь уже не было бешеной тряски, от которой перебалтывались внутренности. Утром приходил врач, три раза в день давали горячую еду.

Ночью повсюду затемнение. Незнакомые станции проплывали в мутных потемках, как развалины древних городов, неясно проглядывались висящие над путями виадуки.

И вот наконец последняя остановка — эвакогоспиталь. Он в бывшей школе, в двухэтажном деревянном корпусе. В классах вместо парт — железные койки, поставленные тесно, впритык. С двери операционной не снята еще старая табличка: «Учительская». Два стола во всю длину накрыты больничными клеенками.

Засохшие бинты сдирают с меня, как кожу. На другом столе заканчивают операцию. Раненый лежит на спине, заостренный нос поднят вверх, на лбу блестят градины пота. Парень скосил глаза в мою сторону, делает попытку улыбнуться. Его вид успокаивает меня: раз после всего этого можно еще улыбаться — значит, не так страшно.

Из стерильника на электрической плитке сестра пинцетом вылавливает шприц. Женские лица в марлевых масках склоняются надо мной.

Скальпель вонзается в спину, онемевшую после уколов. Волна боли приходит изнутри — я едва пересиливаю крик. Пот течет по лбу, сестра вытирает его ватными тампонами. Скальпель проникает глубже, и я отчетливо слышу, как левая нога отделяется от тела.

— Доктор! Зачем отрезали ногу? — кричу я.

Женщина, склонившаяся надо мной, беззвучно смеется. Я догадываюсь: нога цела — мне только кажется, будто ее отрезали.

Потом меня опять пеленают бинтами, а на соседний стол кладут новенького. Он морщится и боязливо смотрит на меня. Я изо всех сил улыбаюсь ему.

В палате восемнадцать коек. Мне досталось место у стены. Лежать я могу только ничком, в одном положении. Под правую руку приспособили стул с подушкой. Рука, в пудовых намотках бинтов, наполнена болью.

Мне видно дверной косяк и полукруг голландской печи, выступающий из стены. По черной масляной краске гвоздем нацарапаны матерные слова. Их пытались закрасить. Под ними — тригонометрические функции. Я еще помню их — меня взяли в армию из десятого класса, а теперь уже не забуду никогда: целый месяц только они и были перед глазами.

Заживающие раны зудят и смердят. Тошный, сладковатый запах наполняет госпитальную тесноту. Но к нему быстро привыкаешь, а вместе с гноем из ран уходит боль: колодину-руку в бинтах можно передвигать, она уже не мучит непрерывно.

В иные дни у нас по-настоящему весело. Если не считать дыр от осколков и пулевых пробоин, все мы совершенно здоровы.

«Женихи! Ломовые жеребцы! Лоботрясы!» — зовет нас хирург. Он употребляет и другие слова, похлеще, но ему прощается все. Его большие глаза, заслоненные стеклами очков, совсем не злы.

В изножье моей кровати — койка капитана Зуйцева. Нас разделяет тумбочка. В ней Зуйцев держит свои вещи: бритву, ремень с портупьями, кобуру от пистолета... Мне хранить нечего, все мое имущество на мне, да и оно казенное.

Капитан Зуйцев — из числа выздоравливающих. В дни, свободные от перевязок, ему даже разрешают уходить в город. В палату он возвращается за полчаса до отбоя, на тумбочке его ждет остывший ужин, накрытый тарелкой. Капитан берет пайку хлеба, остальное предлагает кому-нибудь. Охотники находятся: госпитальная норма не очень велика.

— Сыт, братцы, во как, — говорит Зуйцев и начинает раздеваться.

Мне не видно его, слышно только, как скрипит кровать.

— Надо же, нашлась дура: кормит и поит, — это из дальнего угла подает голос пожилой лейтенант с протренированным бедром.

— Есть, стало быть, за что кормить, — подначивает Зуйцев. — Тебя вот ни одна баба не станет кормить. Какой от тебя прок? Заморыш. А я мужчина в самую пору, только и делов — рука на подвязке. Так это не помеха...

— Подвязку мог бы давно бросить — симулируешь...

— Ну, ты, саперная лопата, много понимаешь! Тебе бы мою пробоину, там бы и остался...

Костыли мне подобрали по росту, и я начал понемногу ходить. Мир увеличился до размеров школьного здания.

В коридорах тоже стояли койки. На них почему-то сплошь лежали раненные в руку. Белые гипсы, словно неудачные макеты рук, торчали над кроватями во все стороны.

В нижнем зале был небольшой бильярд. С самого утра на нем шелкали металлическими шарами, но владеть кием мне еще не под силу. Зато здесь я познакомился с шахматистом Коломейцевым из седьмой палаты на нижнем этаже. Несмотря на разницу в двадцать с лишним лет, мы подружились.

Встречались мы с ним еще до завтрака. Утром возле школьной сграды — настоящий рынок, полно торгующих женщин и ребятишек, а у нас с Коломейцевым одинаковые вкусы: из дневной нормы мы выкраивали по пайке хлеба и обменивали на молоко.

Коломейцев в линялом байковом халате, надетом в один рукав — правой руки у него нет по локоть, — раньше всех выходил на крыльцо. Матерчатые тапочки на босу ногу, из-под халата видны кальсоны, штопором закрученные вокруг ног. Госпитальная форма солдат — халат и нижнее белье; только офицерам выдавали защитные хлопчатобумажные костюмы.

Потом появлялся я.

— Привет выздоравливающему! — Коломейцев улыбался мне и салютовал здоровой рукой.

Вместе мы шли к забору. В пазы между планками штакетника ребятишки просовывали руки с бутылками. Торговля велась деловито и скоро: в любую минуту мог появиться начальник госпиталя и разогнать базар.

До войны Коломейцев преподавал математику в средней школе. Сейчас он тренировал левую руку. Он и мне советовал заниматься вместе с ним: учиться писать и есть левой рукой. Я считал, что мне это ни к чему; домой я отправил телеграмму: «Жив, здоров, переменял адрес», — а есть левой рукой начал без всякого обучения.

Мы заканчивали матч из десяти партий. Мне нужно было выиграть: тогда счет стал бы не совсем позорным для меня.

— Здравствуй, лейтенант, — услышал я. — Ходишь? А как же твоя отрезанная нога?

Надя, дежурная сестра по первому этажу, стояла рядом. Раненые в палате наострили уши: все уверены — сестра вспомнила забавный случай. Я разозлился: кому хочется, чтобы над тобой смеялись? Надя виновато улыбнулась.

— Не гогочите. Сами-то герои от перевязки до перевязки. Он, если хотите знать, на операции даже не закричал ни разу. Не то что некоторые.

Она переступила через мои костыли. Я молча проводил ее глазами — мне было приятно, что она похвалила меня.

Два-три раза в неделю бывает кино, и от госпиталя до клуба — рукой подать. Правда, уходить со двора можно только по разрешению, но правило это — чистейшая проформа: кроме ворот, где стоят часовые, на задах госпиталя в полуразвалившейся ограде — около десятка старых ребячьих лазов. Госпитальное начальство на отлучки раненых смотрит сквозь пальцы: лишь бы к отбою возвращались.

Клуб — в бывшей церкви. Колокола и крест сняты с нее лет десять назад, но церковь поставлена на высоком месте, она и без верхней маковки, без креста господствует над городишком. Вокруг нее, на пыльном пустыре, сгрудились все главные здания городка: милиция, нарсуд, поссовет, два магазина, ларьки и парикмахерская. Дошчатые тротуары настелены рядом с домами. Перед магазинами коновязь и деревянные лотки на вбитых в землю кольях. Вдовушки и солдатки торгуют на них малиной.

Больше половины зрителей раненые. Сплошь одни халаты, под которыми застиранные кальсоны, пожелтевшие от частых пропариваний в вошебойках. На билетах места не указаны — кто где займет.

На этот раз я пришел рано и захватил середину скамьи для себя и для Коломейцева, если он надумает пойти. — по вечерам его сильно

мучила культя. Я оставил ему с полстакана малины. Бумажный пакет из листа ученической тетради размок, ягода угрожала растечься по моему карману сладким сиропом.

Народу набилось полно, вот-вот должны были начать сеанс. Коломейцев все не приходил, и я хотел уже убрать со скамьи костыли, когда в проходе у стены увидел Надю.

— Надя! — крикнул я.

Она долго не могла понять, кто зовет ее, заметила меня, только когда я поднял костыль.

Села на краешек скамьи: боялась задеть мое плечо. Когда погас свет, прошептала:

— Ты не сердись на меня? Я тогда не хотела тебя обидеть — так, сорвалось. Когда тебя оперировали, я дежурила в операционной.

Значит, она и есть та самая сестра в марлевой маске, которая тампоном вытирала с меня пот и пинцетом выуживала из стерильника шприцы.

— У тебя была трудная операция. Мы так боялись за тебя. Ты хорошо держался.

— Я не сержусь, — ответил я вполголоса. Опять мне стало приятно, что я вел себя мужественно, хотя это неправда: я не забыл, как меня трясло от одного вида скальпеля.

Я вспомнил про ягоды и отдал пакет Наде.

— Что это?

— Была малина. Ешь, не бойся — хорошая ягода.

— Похоже на варенье, — рассмеялась она. — Но все равно вкусно. Спасибо.

На скамейку втиснулось еще двое. Нас совсем прижали друг к другу, и я положил руку на теплое Надино плечо, но она сразу убрала ее.

На улице еще не стемнело, когда кончился сеанс.

— Я провожу тебя, — сказал я.

Улочка, по которой мы шли, была пустынна и тиха. Козы и телята лежали под заборами, мусолили жвачку и смотрели на нас. Сквозь щели тротуара пробивалась трава, грядками обозначая границы плах. Над кладбищенской рощей висела туча розовой пыли: с пастбища гнали стадо.

Из-за костылей нам было тесно на тротуаре. Надя шла чуть впереди и предупреждала, где ненадежные доски. Я молча сердился на нее. Получалось, будто не я провожал ее, а она меня. Мы шли как раз мимо госпитального забора.

— Вот ты и дома, — сказала Надя, останавливаясь.

Это уже был явный подвох с ее стороны: она нарочно привела меня к госпиталю.

— Где ты живешь?

— Я дойду одна. Тебе тяжело будет — это далеко.

— Где ты живешь? — повторил я со злостью.

— Там, — показала она в сторону заката, — за оврагом.

— Пойдем! — Я вонзил костыли в дорожную пыль. Моя злость постепенно проходила.

Скоро Надя остановилась.

— Иди назад, не упрячься. Ты опоздаешь к отбою. Там дальше овраг, он глубокий, — убеждала она меня. — Тебе трудно будет.

— Не твое дело.

Она не обиделась.

— Пойми: ты же первый раз вышел и сразу так много пройти — этого никто не сможет. Ты проводишь меня в другой раз...

— Зачем ты пошла со мной? Зачем привела меня к госпиталю? Думаешь, я без тебя дороги не нашел бы?

Я сознавал, что говорю глупо, пытаюсь грубостью заглушить противную жалость к самому себе, и, пересилив себя, замолчал.

— Я думала, так будет лучше. Ну, я очень, очень прошу тебя, вернись...

Я остался посредине дороги на расгопыренных костылях. Надя была уже далеко. Она уходила в полукруг багрового солнца, ее защитная гимнастерка и юбка казались черными. Когда ее не стало видно, я пошел назад.

Вскоре я бросил костыли и стал учиться ходить с тросточкой. Весь день ковылял вокруг школы по тропинке. Раненые наблюдали за моим усердием из окон и подбадривали незлобными насмешками. Мои старания пошли на пользу: через два дня я ковылял по двору уже без особого напряжения.

В Надино дежурство я не спускался вниз: мне казалось, что я зол на нее и не хочу ее видеть. Что это не так, я понял, когда встретился с нею.

Мы увиделись возле школьного забора. Надя торопилась домой.

— Ты на меня не сердись больше? — спросила она.

— Нет, — сказал я, и это было правдой. — Я провожу тебя немного, я теперь хожу без костылей.

Мы вышли на улицу. Вдалеке у колодца две женщины черпали воду — больше ни души. Ходьба так занимала меня, что наше молчание казалось мне естественным.

Мы остановились за квартал перед оврагом.

— Ты не ходи дальше, хорошо? — попросила она.

На этот раз я не обиделся, я сам понимал: овраг мне еще не осилить.

Надя побежала посредине улицы мимо колодца под деревянным навесом и скрылась в овраге, словно нырнула в воду. В том месте, где она прошла, медленно оседало легкое облачко пыли. Потом она показалась на другой стороне. Ветхая деревянная лесенка несколькими маршами лепилась по крутизне. Надя бежала по тропе рядом с лестницей, наверху остановилась и помахала рукой. Я поднял свою палку и тоже помахал ей.

Обрывком суконки Зуйцев надраивал носки сапог. Он сумел уговорить сестру-хозяйку, и ему разрешили держать в тумбочке его офицерское обмундирование. Как-никак в нашей палате он самый старший по званию.

— А, лейтенант, — приветствовал он меня. — Одыбал? Смотрю, за девочками бегаешь — вторая стадия выздоровления. Только зря ты к ней лепишься — можно лучше найти: без хлопот.

— По-моему, это не ваше дело, капитан, — сказал я и лег на койку.

— Брось пытаться. Добра тебе хочу. Скажи только слово, с такой вдовушкой сведу — корова и огород! Будешь как кот мурлыкать от удовольствия. И баба во! — Он выставил большой палец.

Я смотрел, как он взбивал одеяло, запихивал под него свои пожитки. Вышло похоже, будто на кровати спит человек, накрывшись с головою. Дежурным врачом сегодня была Лидия Андреевна, женщина мягкосердечная, — она никогда не записывала опоздавших к отбою. В ее дежурство Зуйцев возвращался утром, перед подъемом, потом спал весь день.

Покончив с постелью, он приспособил на шею черную повязку и уложил в нее руку. По-честному, его давно было пора вытурить из гос-

питался: рука у него совсем здорова. Не знаю, как удавалось ему обманывать комиссию, но нас, кто лежал с ним в одной палате, провести было труднее: мы видели, как он орудует больной рукой, когда забывается.

— Ну, так как? — Капитан остановился передо мной во всем величии офицерской формы при португезах и пустой кобуре. — Познакомить? А на эту свою шпингалетку плюнь — девчонка: ни умишка, ни этого самого... — Плавным взмахом здоровой руки он изобразил «это самое».

— Капитан Зуйцев, ваше счастье, что вы калека, — сказал я театральным тоном, — иначе я сломал бы казенную трость об вашу форменную голову. — Я отвернулся от него к стене.

— Пацан несчастный, попадешь ко мне в батальон — покажу калеку!..

Надю я видел каждый день. В дни, свободные от дежурства, сестер и нянь отвозили на подсобное хозяйство окучивать картошку или в лес — собирать грибы для госпитальной кухни. Другие сестры отпрашивались, находили разные причины, — Надя не отказывалась.

— Дома только я да сестренка — в седьмом классе учится. У других семья, дети... Мне неудобно отказываться, — говорила она мне, оправдываясь.

Вечером их на машине подвозили к госпиталю, и я шел провожать ее до оврага. Скоро мы знали друг о друге почти все. Наши воспоминания были удивительно похожими, как будто мы учились в одной школе.

Расставались на краю оврага. Я смотрел, как она стремительно неслась вниз, едва успевая переставлять ноги, и с разгону взбегала почти до половины тропы на том берегу. Я поднимал свою палку кверху, она махала рукой. Мне было видно, как она шла до колодца, ближнего на той стороне. Вечерами возле него всегда женщины и ребятишки: мужчин, кроме раненых, в городе совсем не встретишь. Слышно, как звенят ведра, грохочет разматываемая цепь. Коромысла над плечами женщин в закатном свете издали похожи на винтовки.

И вот я впервые перешел через овраг. Здесь так же пустынно и тихо, как на госпитальной стороне. Возле колодца женщины ждут своей очереди.

— Там мы живем. — Надя показала на двухэтажный деревянный дом с желтыми ставнями и карнизами.

Мы укрылись за изгородью. Пахло полынью и огородами — так всегда пахнет на окраине. Нам тревожно от нашей близости, оттого, что нас никто не видит.

— У тебя пуговица расстегнулась, — сказал я, наклоняясь к ней.

Моя ладонь коснулась вздрогнувшей груди. Надя испуганно оттолкнула руку и застегнула воротник. Потом рассмеялась:

— Извините, товарищ лейтенант!.. Ты, наверно, придира был невозможный. Гонял своих бойцов?

Я знал, что она не думает этого, и не спорил.

— Нужно застегивать гимнастерку, — повторил я строго и совсем близко наклонился к ее лицу. Наши щеки почти касались.

— Не надо, Вася, — неуверенно попросила она.

— Вот где она! — раздался позади нас злобный девчоночий голос. — Целуются!

От испуга и неожиданности мы отшатнулись друг от друга. Надя оправила гимнастерку. Тринадцатилетняя бестия в белой кофточке

с пионерским галстуком сверлила старшую сестру презрительно сощуренными глазами.

— Выследила? — спросила Надя.

— Этого еще не хватало — выслеживать. Она же меня стыдит. Сама целуется со всяким...

Меня эта злюка не хотела замечать.

— Ты еще не выросла запрещать сестре целоваться, — подал я голос в защиту Нади.

Девочка набросилась на меня:

— Так у нее жених. Она невеста... Коля Сидоров... Они вместе учились. Он на фронте! — выкрикивала она, чуть не плача. Каждым словом она будто стегала меня по лицу. — Как вам не стыдно?!

— Нинка, замолчи! — цыкнула на нее Надя. — Это не твое дело. Не кричи. На меня сколько хочешь, а на него не смей!

Нина демонстративно повернулась и ушла, не оглядываясь.

Темень наполнила овраг почти до краев, видны были только верхние марши лестницы. За Надиной спиной слабо светилось еще не остуженное после заката небо.

— Вася, — Надин голос показался мне незнакомым, — Нина правду сказала. Мы не должны встречаться. Не провожай меня больше. Слышишь?! Это я виновата: нужно было сразу сказать.

Я не знал, что ей ответить.

Бесцветное, не черное и не синее небо висело над крышами. Я ненавидел это небо, ненавидел запах полыни, горький до тошноты.

Перила у лестницы скособочились, опираться на них было опасно, подгнившие ступеньки трещали и гнулись. Рядом с лестницей, посреди травы, бледной полоской виднелась дорожка. Я шагнул на нее, но в темноте неверно определил высоту: мне казалось — рядом, а было около метра, и хотя я подогнул ноги, удар, мгновенный, как пуля, опрокинул меня. Стиснув в руке тросточку, я кувырком покатился в овраг.

Долго приходил в себя. Распластавшись на земле, опухшими губами срывал острые стебли травинки. Было так больно, что я боялся шевельнуться. Бинты ослабли, по правому локтю из-под них сочилась кровь...

Выползая из оврага, я истратил последние силы. Бесконечно долго, медленно брел посередине улицы, много раз ложился отдыхать в мягкую, нагретую за день пыль.

Я лежал, уткнувшись лицом в землю, и вдруг рядом с собой услышал жалобный, надрывный вой. Я поднял голову: передо мной маячил черный силуэт дворняги с задранной мордой. Подсвеченная луной, шерсть на боку собаки отливала ледяным блеском. Я пошевелился. Пес перестал выть, обрадованно и жалобно взвизгнул, лизнул меня в щеку. Он мешал мне подняться, скулил и прыгал вокруг.

Когда я снова ложился на землю, пес начинал выть, я вставал — и восторженный добрый лай пса возвращал мне желание идти дальше.

На утреннем обходе я сочинил небывлицу, будто оступился на тротуаре в двадцати метрах за госпитальной оградой. Хирург сделал вид, что поверил.

Надя с порога поздоровалась со всеми. Просторный халат, накинутый на плечи, стал сползать, она изловила его на лету и запахнула полы.

— Что случилось? — спросила Надя, останавливаясь у моей койки. — Мне сказали — ты разбилась?..

Я подвинулся к стенке, чтобы она могла сесть на край.

— Ничего страшного. Просто у вас в овраге ненадежные лестницы.
— Ты спускался по ступенькам? Но я же предупреждала: по ним лет пять никто не ходит.— Надя откинула одеяло, проверила мои бинты.— Я зайду вечером. Ты ни о чем не думай. Потом я тебе все объясню. Сейчас я должна ехать, меня ждут.

Она собралась идти, но я задержал ее, в карман халата сунул половину утренней пайки хлеба.

— Это еще зачем?

— Увидишь возле крыльца черного пса — такой симпатичный, дворняга — отдай ему.

Надя удивленно посмотрела на меня.

— Ладно,— сказала она.

На этот раз я лежал недолго; скоро мне разрешили ходить.

...Когда пересекали овраг, я показал, где кувырнулся в тот вечер. Теперь мне было смешно вспоминать этот случай, но Надя не смеялась.

Мы не пошли по улице, где куры и утки щипали пыльную траву, где скрежетала колодезная цепь и женщины, вскинув пустые коромысла на плечи, судачили между собой.

Узкая тропка лепилась по краю оврага. Ее протоптали козы и босонogie ребяташки. Зады огородов сползали в обрыв. Дорожка, по которой мы шли, уткнулась в плетень.

Здесь мы сели. Нам было видно устье оврага и реку — она лежала в долине совсем недвижная, словно никуда не текла. Откуда-то приносило дым и запах печеной картошки.

Мы совсем одни, только темная стена крапивных зарослей подступает сзади. Здесь нас никто не может увидеть.

Когда мы вернулись на улицу, уже совсем стемнело. Стояла такая тишь, что пыль, поднятая еще днем, не осела. Взрослых у колодца не было, под навесом сидело трое мальчишек. Огоньки папирос освещали их лица.

— Дежурят,— сказала Надя.

В городе заведен порядок: сторожить общественные колодцы на случай диверсии. Дежурство распределено по дворам, охранять приходится мальчишкам. Закутавшись в материнские ватники и шубенки, они спали под навесом до рассвета. Должно быть, их храп отпугивал диверсантов: случаев отравления воды не было.

На всей улице, кроме ребячьих папирос, ни огонька — затемнение.

Мы сели на ступеньки крыльца, согревая друг друга теплом плеч.

— Перед самой войной у него умер отец. Он остался один,— рассказывала Надя.— Когда началась война, он первым из ребят ушел в армию — добровольцем. Его провожали всем классом... А потом я получила письмо: он признался, что любит. Мне было страшно за него: он один, у него совсем нет родных. Может быть, я не обманывала: мне казалось, я в самом деле люблю его. Мы с детства росли в одном дворе. Меня все считают невестой, я и сама так думала. А сейчас я ничего не понимаю. Я совсем не знаю, как быть дальше...

Мы оба не знали, что нам делать. То, что мы любили друг друга, для кого-то выходило изменой...

— Я напишу ему правду,— почти неслышно произнесла Надя.— Я должна написать.

Если бы на фронте кто-то из знакомых получил такое письмо, я знал бы, какими словами назвать ту девчонку. Мне бы и в голову не пришло, что она может быть совсем другой, эта дрянь, изменившая фронтовику. И уж совсем дикой была бы мне мысль, что и сам я стану

негодяем, обманщиком... Мне было страшно думать о тех жестоких словах, какими назовут Надю друзья Николая.

За кладбищенской рощей натужно выл разбитый грузовик — машина шла со станции. Шофер не соблюдал правил, ехал с включенными фарами. Их свет полоснул по окраинным домам, машина остановилась, кто-то высадился из кабины. Гроыхнув разношенным кузовом, грузовик свернул в боковую улочку.

В нашу сторону шел человек. Его было плохо слышно: шаги заглушала пыль. И все же мы сразу узнали характерный стук костылей. Кто-то вернулся домой на побывку после госпиталя, а может, отпущен по чистой — калека. Он мог приехать вечерним поездом из Горького.

Шаги приблизились, и мы отстранились друг от друга. Впившись глазами в темноту, мы слушали — ожидание становилось нестерпимым. Костыли вразной ударяли по земле. Солдат шагал так быстро, как редко ходит и здоровый. Полы шинели подоткнуты за ремень, на спине — тощая котомка.

Он прошагал мимо, не заметив нас.

— Бурлаков, дядя Федя, — шепотом выдохнула Надя и, обессиленная, прилегла на мое плечо.

— Тебе пора идти, — напомнила она немного спустя.

— Я хочу пить. Может, принесешь из дому?..

— Напьемся лучше из колодца.

Ребята давно разошлись, остался один. Уткнув лицо в колени, он спал поверх колодезной крышки, чуть на краю, чтобы не холодило снизу. Я потормошил его, но он не проснулся, только втянул голову в ватник. Я поднял его и перенес на скамью рядом с колодцем.

Ведро падало, и цепь гремела, задевая о сруб. С глубины послышался всплеск. Мы вдвоем крутили вороток. Мальчишка не просыпался. Напившись, я перенес его назад, чтобы, сонный, он не свалился со скамьи.

— Надежный сторож, — сказал я. — Удивительно, как вас до сих пор не отравили?

Надя засмеялась.

— Так я же слышу, дядя, когда свои, — пробормотал мальчишка и подтянул телогрейку на уши.

К отбою я опоздал на час, в нашей палате все давно спали. Один капитан Зуйцев сидел на койке раздетый, шуршал бумагой и что-то жевал. Вообще на него это не походило: он всегда возвращался сытый. Он так увлекся, что не слышал, как я прокрался на свое место. Оглянулся только на скрип. Мне почудилось — испугался.

— Рыбки соленой захотелось, — сказал он тихо. — Баба достала горбушу. Хочешь попробовать?

Я отказался. Он завернул кости в газету. Похоже было, он целиком съел рыбину — столько было отбросов. Сунул сверток под рубаху и ушел из палаты. Я уже дремал, когда он вернулся и наклонился над моей койкой.

— Чего тебе?

— В тумбочке еще одна рыбина, — прошептал он, — спросят чья — скажи твоя. Ладно?

— Ладно. — Я не понимал, чего он боится.

— Захочешь сам — бери сколько нужно. Баба еще достанет.

Я не ответил, накрылся одеялом с головой.

Надя заступала на дежурство утром. Я стойко дождался конца врачебного обхода и только тогда спустился вниз. Мы столкнулись с

Надей у входа в седьмую палату. Она прошла мимо, словно не узнала меня. Тогда я подкараулил ее в пустом коридоре.

— Надя! — Я поймал ее за руку, но она резко вывернулась.

— Оставь меня! — На лице, измученном бессонницей, враждебно сверкнули заплаканные глаза.

Что случилось, мне рассказал потом Коломейцев, в их палате все уже знали об этом. Оказывается, вчера вечером Наде пришла похоронная — убили ее жениха. У него нет родных, единственный адрес, какой знали в части, — Надин.

Прибыла новая партия раненых. В коридорах совсем не осталось свободного места, даже на лестничную площадку втиснули две койки. На обеих лежали раненные в руку. Их гипсы загоразивали проход.

Во время утреннего обхода главный хирург спросил:

— Как самочувствие?

— Хорошее.

— Запишите, — сказал он сестре, — лейтенанта Овсянникова на комиссию. У него третья стадия выздоровления — опаздывает к отбою.

Белые халаты врачей прошли мимо, задержались у койки Зуйцева. Капитан лежал, отвернувшись лицом к стене.

— Тоже на комиссию, — тихо сказал хирург сестре и наклонился над кроватью. — Как дела, капитан?

— Плохо дела, — с усилием выдавил Зуйцев. Притвориться так было невозможно, это поняли все.

— Что случилось? — встревожился Аркадий Дмитриевич.

— Не знаю, — простонал Зуйцев, переваливаясь на спину. За ночь он осунулся и постарел, губы высохли, потрескались.

Хирург нащупал пульс. Капитан шумно, с натугой дышал открытым ртом и, еле сдерживаясь, негромко стонал.

Из палаты его унесли на носилках. Пока его не было, няня сменила простыни и наволочку. Лидия Андреевна зашла в палату, предупредила сестру:

— Капитану Зуйцеву назначена диета — бессолевая. При его почках соль — яд.

Через час меня позвали на комиссию.

За длинным столом сидели врачи, в стороне от остальных, на стуле возле стены, — комиссар. От множества халатов и белых занавесок на окнах в комнате было особенно светло. Лица врачей стали незнакомыми, важность момента изменила их, да и сам я казался себе другим.

— Разденьтесь.

Я торопливо скинул одежду, остался в бинтах на правом плече и марлевой наклейке на спине.

— Пройдите до двери и обратно.

— Присядьте.

— Согните руку.

Все команды я выполнял точно и быстро, как на учебном плацу. Я уже не чувствовал себя Овсянниковым Васей, как еще недавно, — я снова был лейтенантом Овсянниковым. Глаза врачей с профессиональным вниманием скользили по мне, их интересовало одно: годен ли я к службе.

— Снимите бинты. — Это уже не мне — сестрам.

Рана на плече затянулась не до конца, она немного гноилась. Я сидел на стуле, врачи обступили меня, через их спины заглядывал комиссар. Хирург чуткими пальцами привычно мям тело вокруг раны.

— Жалобы есть?

— Нет.

Сестра чистым бинтом обматывала рану. Хирург, глядя в окно, диктовал, Лидия Андреевна едва успевала писать за ним. Кончив с историей болезни, Аркадий Дмитриевич, тяжело шагая, подошел ко мне. Усталые глаза его за круглыми очками словно потонули в тумане. Он положил руку на мое плечо.

— Мы выписываем вас, лейтенант. Поедете в распоряжение Московского военного округа. Дня через три-четыре зайдете на медпункт — они при каждом вокзале. Там сделают перевязку и назначат срок следующей.

Он убрал руку с плеча, переступил с ноги на ногу.

— Если у вас имеются просьбы к комиссии или жалобы, говорите. Говорите, не стесняйтесь.

Просить мне не о чем, жалоб у меня не было.

— Завтра к нам поступит еще партия раненых, — тихо сказал Аркадий Дмитриевич.

— У меня нет жалоб — я здоров, — сказал я твердо.

Он снова положил руку на мое плечо и стиснул пальцы.

— Ну, не поминай лихом, Овсянников. Да смотри, второй раз не попадайся к нам — такой уж мы народ зловредный: режем, кроим вашего брата почем зря.

Пока я одевался, он вспомнил несколько знакомых анекдотов. Видимо, это не входило в программу комиссии — никто не смеялся, один я насильственно улыбался его остротам. Мне было жалко его: у него было такое лицо, как будто это он виноват, что мне придется ехать на фронт.

Я собрался уходить, но меня задержал еще комиссар госпиталя.

— Поздравляю вас, лейтенант Овсянников, с выздоровлением и возвращением в строй. — Он пожал мне руку. Я смотрел вниз, на его ноги в хромовых сапогах. — К сожалению, нашивку пока не можем вручить вам: в госпиталь они еще не поступили. Но по справке о ранении нашивку выдадут в любой части. Вам положена золотистая — у вас тяжелое ранение. Поздравляю вас, лейтенант.

Я сказал:

— Спасибо.

Комиссар имел в виду недавний указ, по которому раненым на фронте полагались знаки отличия: легкое ранение — красная нашивка, тяжелое — золотистая.

После меня на комиссию вызвали Коломейцева. Он тоже имел право на золотистую нашивку.

Я возвращался в палату с неожиданным чувством горести. Я даже не подозревал, что так привык к госпиталю, и теперь странно было сознавать себя здесь посторонним человеком. Новые партии раненых обживали госпиталь. Между их койками я пробирался с двойной осторожностью — я уже был здоровым.

Выданное обмундирование пахло строгой свежестью госпитальной прачечной и от этого запаха казалось еще более чужим. Я отвык от гимнастерки, от ремня, от сапог и ощущал себя совсем другим человеком, чем накануне. Я был уже не волен распоряжаться собою: на руках у меня командировочное удостоверение, в котором указан точный срок, когда я должен уехать из госпиталя и когда явиться в штаб МВО. Сегодня вечером вместе с другими выздоровевшими меня на госпитальной машине отвезут к поезду. Надю я больше не увижу. Наверное, она ненавидит меня теперь: если бы мы не встречались с нею, она бы не чувствовала себя виноватой. Я догадывался, что ее мучает именно это.

Нет, как бы она ни относилась ко мне, а уехать, не повидав ее, я не

могу. Пусть будет что будет—я не поеду на станцию к вечернему поезду, я приду к ее окнам и буду сидеть всю ночь с мальчишками возле колодца, чтобы утром встретить ее у ворот. В госпитале выдали сухой паек — сухари, сало-шпик, немного сахара и пачку моршанской махорки. Нам не будет скучно, мы будем грызть сухари и курить самокрутки.

Я подходил к оврагу, когда позади услышал мягкие и быстрые шаги. Надя догоняла меня. Пыль слабо клубилась под ее подошвами.

— Вася! Я была в госпитале, искала тебя. На твою койку положили новенького. Ты был на комиссии? Тебя выписали? — Она изумленно смотрела на мою линейную форму без знаков отличия.

— Я получил направление в МВО.

— Тебе не дали отпуск?

— Я здоров.— Я показал ей справку о ранении. Там было написано: «Годеи к строевой».

— Как годеи? У тебя же рука.

— Я здоров,— повторил я.

— Ну какой ты вояка? Ты посмотри на себя: какой ты вояка! Тебе обязательно должны были дать отпуск. Ты, наверно, не просил, промолчал? Ну почему ты такой?

— Я не знал, что нужно просить, я думал, кому положено, так дадут. Не дали — значит, здоров.

— Ну какой ты вояка? — Ей, видимо, понравилась эта фраза.

Я дважды присел и выпрямился, несколько раз согнул и распрямил руку. Надя серьезно смотрела на меня, на глазах ее показались слезы.

— Господи, какой ты глупый! Если бы ты попросился в отпуск, тебе бы обязательно дали... А ты ходил там и приседал — герой! Вояка! Неужели тебе не хочется побывать дома?

— Если бы дали отпуск, я бы не поехал домой, разве потом дня на три, — я бы остался у тебя. Ты бы разрешила?

— Глупый. Ну почему ты такой глупый? — спросила она, и опять слезы повисли у нее на ресницах.

— Я не поеду сегодня,— сказал я, глядя под ноги.— Уеду завтра одиннадцатичасовым. Если ты непустишь меня, я все равно никуда не уйду от твоих окон — просижу ночь у колодца. Я не могу без тебя,— прошептал я отчаянно.— Ты не прогонишь?..

Надины пальцы коснулись моих волос. Я поднял голову — Надя молча смотрела на меня, ее пальцы тихо провели по моей щеке, соскользнули на шею. Я стиснул Надю и стал целовать ее вздрагивающие губы. Гибким и сильным движением она высвободилась из моих рук.

— Ну, подожди, подожди немного,— тихо смеясь, сказала она, и лицо у нее вдруг стало озабоченным.— А ты подумал, что будет, если опоздаешь к сроку? Что тебе будет, если опоздаешь?!

— Ничего не будет. Ни о чем не хочу думать! — выкрикнул я.

Надя сосредоточенно смотрела мимо меня, должно быть, считала в уме, сколько времени нужно ехать до Москвы.

— Успеешь! — обрадовалась она.— Даже если одиннадцатичасовой опоздает на три-четыре часа, он все равно ночью придет в Горький. А из Горького на Москву поезд уходит утром.

Мы побежали в госпиталь за моими вещами.

Я зашел в палату проститься с ребятами. На моем месте лежал повенький. Правая рука его, вмятая в подушку, лежала на стуле. Видно, эта койка предназначалась для раненных в правое плечо. Он смотрел на черное брюхо голландки и прислушивался к тому, что делается в палате позади него.

На крыльце стоял тощий и долговязый солдат в ботинках, черные обмотки пеловко накручены на худые икры. Он повернулся другим боком,

и я увидел пустой рукав, заткнутый под ремень. В бесцветной от ветхости и стирок гимнастерке Коломейцев выглядел нелепо и жалко.

Мы обнялись.

— Может быть, тебя еще в запасной полк пошлют,— сказал он. Это прозвучало так, будто он хотел сказать: «Может, тебя и не убьют».

Надя отняла у меня вещмешок, надела на себя. Я не стал спорить: в нем почти ничего не было — пара белья да сухой паек на два дня.

Из оврага мы поднимались по тропе, прижавшись друг к другу. Мы и по улице до самого дома шли так, забыв, что нас могут видеть.

— У-у, бесстыжие! — бросила вслед нам женщина у колодца и яростно загремела ведрами.

Нас ожидала еще встреча с Ниной.

Мое «здравствуй, Нина» осталось без ответа. Девочка собрала тетрадки, учебники, взяла чернильницу и ушла в кухню, кинув на мое бесцветное хебэ и кирзухи ненавистный взгляд.

Надя хотела пойти за ней, но я удержал ее.

— Не ссорьтесь,— сказал я.— Мы потом еще подружимся.

Я и сам толком не представлял, когда это «потом» будет.

...Я открыл глаза. Было уже совсем светло. В комнате пахло вареной картошкой. Надя сидела на стуле рядом с кроватью, пришивала матерчатые кубики на мою гимнастерку.

Такой, как сейчас, я не видел ее ни разу, даже не представлял. Это было счастье — смотреть, как Надя продергивает нитку в ушко иголки, критически оглядывает свою работу, проверяя, точно ли на свое место угадали кубики на петлицах. И в то же время я отчетливо помнил, что я должен уехать, хотя уехать теперь от нее и вовсе было невыносимо. Уж лучше, наверное, было бы не встречаться...

— Нет! — неожиданно произнес я вслух и поймал Надю за плечи.

— Осторожней — наколешься об иголку,— испугалась она и отложила шитье.— Хорошо, что проснулся, мне жалко было будить. О чем это ты сказал — нет?

— Это я так, про себя. Я не знаю, что бы было со мной, если бы мы не встретились...

— Но ведь мы встретились,— сказала Надя.— Если бы я не застала тебя, я поехала бы на станцию. Я и дальше поехала бы за тобой куда угодно, если бы меня только отпустили из госпиталя. Вчера я ходила к начальнику, отпрашивалась,— призналась она

...Потом мы молча посидели на стульях. Я взял свою котомку и шинель, Надя захватила дождевик — с утра небо обложили тучи. Нина стояла в дверях и осуждающе глядела на нас.

— До свиданья, Нина,— сказал я и протянул руку.

Девочка отвернулась. Я вышел в кухню.

— Подожди,— расстроено прошептала Надя.

Мне было слышно, как они разговаривали.

— Малявка несчастная, почему ты не подала руки? За что ты ненавидишь его? Что он тебе сделал?

— Ты любила Колю... Теперь он погиб! — всхлипнула Нина.— Я не могу видеть этого...

Я услышал пощечину. Я хотел войти к ним, остановить Надю, но больше ничего не было слышно. Потом заплакала Надя. В приоткрытую дверь мне было видно: они сидят на кровати обнявшись, младшая сестра гладит Надю по голове.

— Ну, мне совсем не больно. Нисколько не больно. Хочешь, и я ударю тебя по щеке? Только не плачь...

— Ты понимаешь: я люблю его, люблю! — сказала Надя. — Ты маленькая, тебе не понять.

— Не такая уж маленькая! Но ведь ты любила Колю...

— Ну, скажи, что мне теперь делать? Может, выброситься из окна? — Надя спросила так, что я поверил: если сестра скажет: «Бросайся!» — она выпрыгнет. — Разве он виноват, что Николая убили? Он тоже едет на фронт — там каждого могут убить...

Возможность моей смерти окончательно примирила со мной Нину. Она вышла из комнаты и подала мне руку.

— До свиданья. Я ничего не желаю вам плохого.

До станции восемь километров. Мы прошли больше половины, когда нас догнала полуторка. Мы стояли в кузове обнявшись и держались за кабину. Шофер подвез нас к вокзальчику. В прокуренном зале ожидания было душно, на деревянных скамьях сидели офицеры и солдаты, побросав рядом с собой вещевые мешки. Из расписания я узнал, что будет дополнительный поезд в пять часов вечера.

Мы вышли из станции, сели на лавочке возле палисадника спиной к линии. Мы молчали, прислушиваясь к гудению рельсов.

Одиннадцатичасовой пришел по расписанию, наполнив привокзальное пространство стальным грохотом.

— Идем, Вася! Смотри, сколько народу. Еще как сумеешь сесть.

Ноги у меня стали тяжелыми.

— Я не поеду, — сказал я. — Ты видела расписание: в пять вечера будет дополнительный поезд.

— Вася, ну я очень, очень прошу тебя. Если ты опоздаешь, тебя будут судить.

— Я не опоздаю: пятичасовой в Горький как раз придет утром.

— А если он задержится? Теперь это часто бывает.

— Тогда я пойду к коменданту вокзала и в командировке сделаю отметку, что опоздал поезд. Меня ведь не станут судить за то, что опоздал поезд?

Надя опустилась на скамью рядом со мной. Она дрожала. Скорей бы уж уходил этот поезд!

Раздался лязг буферов, повторенный всеми вагонами, застучали колеса. Прогрохотал последний вагон, и сзади нас стало пусто — мы это почувствовали спинами.

— Вот и все, — сказал я. — Теперь у нас есть время.

Эти украденные шесть часов казались подаренной вечностью. Нужно только стараться не думать, что в пять часов все-таки придется уезжать.

На крохотном базарчике возле станции торговка собирала в корзину нераспроданные картофельные лепешки. У меня были деньги, и мы скупили у нее весь остаток — шесть лепешек.

Потом мы ушли за станцию и побрели, обнявшись, по тропинке в пустой, просквозенной сентябрьским ветром роще. Дождь все не начинался, тучи только грозились ненастьем — сплошные, серые, они низко ползли над землей. На лугу, за линией, бабы и ребятнишки торопились, дومتывали стог. Ветер срывал с поднятых вил охапки сена. Слышно было, как мальчишки-копновозы понукали коней.

Я бросил шинель под дерево, мы сели рядом и накрылись плащом от ветра.

Лепешки намокли и развалились, когда мы наконец вспомнили о них. На запахе приползла рыжая деревенская собака, села в нескольких шагах и, облизываясь, провожала глазами каждый кусок. Я бросил ей

сухарь и половину лепешки, она проглотила ее сразу. Сухарь долго слюнявила на зубах: он был тверже булыжника.

Пришло время возвращаться на станцию. В зале ожидания опять набралось полно солдат, офицеров и провожающих.

Мы заранее договорились, как я буду садиться в вагон. Надя поможет мне, будет подталкивать сзади. Вещмешок останется пока у нее, и только когда я поднимусь в тамбур, она подаст его мне.

— Ты не стесняйся: говори, что из госпиталя. Хочешь, я руку подвяжу — бинт у меня в кармане.

Я отказался. Вряд ли повязка давала мне преимущество: в зале ожидания половина была с подвязанными руками.

— Ну почему ты такой упрямый? Ведь я хочу как лучше.

Мы немного поссорились и тут же помирились: у нас не было времени ссориться по-настоящему.

Тихий стон рельсов задолго известил о подходе поезда. Черная махина, дыша отработанным паром, выползла из-под виадука.

Когда поезд остановился, мы торопливо, озабоченно поцеловались. Мы словно отдалились друг от друга: меня охватила тревога — как я сумею устроиться в набитом вагоне, придется, видимо, ехать стоя, а Надя будто разглядывала на моем лице слова похоронной. Слезы стояли в ее глазах, но плакать тоже было некогда.

Я бросился к ближнему вагону. Надя ладошками толкала меня в спину. Я ухватился за поручень и чуть не закричал, не выпустил его от резкой боли в плече. В тамбур меня вдавили силой. Я поймал свою котомку, брошенную мне снизу, и увидел несколько пар женских рук, поднятых над головами. Я не знал, которые из них Надины.

Вагон дернуло — и поезд тронулся. Я рванулся к выходу. Женщины бежали рядом с подножкой и все разом кричали. Мне почудился Надин голос и мое имя. Но я слышал его и потом, когда станция осталась позади, а в квадрате окна возникла мутная, пасмурная даль плывущих мимо перелесков и пажитей.

Кто-то тронул меня за плечо. Усатое молодое лицо свесилось со средней полки.

— Далеко едешь, лейтенант? Занимай место. Мне сходить — в отпуск после госпиталя на неделю отпустили. Ты, видать, тоже из госпиталя?

Я залез на полку, бросил под голову вещмешок. Мне хотелось завыть. И чем дальше уходил поезд, тем горше ругал я себя, что не нашел ничего сказать Наде в последнюю минуту, даже поцеловал наспех. Увижу ли я ее когда-нибудь?

Я лежал и смотрел в окно. Давно уже наступила ночь, за окном мелькали синие огни какой-то станции. Вокруг меня храпели солдаты и офицеры, я знал, что мне не заснуть. Нестерпимо зудело плечо, но и оно не отвлекало от тоскливых мыслей.

Напротив у окна солдат курил папиросу, между затяжками клевал носом.

Я разбудил его.

— Ложись на мое место, а я посижу, — сказал я.

Он молча полез на полку.

Иркутск.

В. САВЧЕНКО

★

ПИСЬМО

Рассказ

Втром ее разбудил стук в неплотное стекло и придушенный, из-за окна, нервный голос Симки-почтальонши:

— Тетка Анфиса! А тетка Анфиса? Буде сонница! Письмо...

Она сорвалась к окну; подняв занавеску, ослепла от света и никельного блеска Симкиного велосипеда и как есть, в длинной рубаше, кинулась воп из избы. А уж выскочив на мосты, и опомнилась и подивилась: во как, забыла, изба-то поправлена, окна отворяются! И еще подумала, сходя с мостов, о курах, голосивших в сумраке подклетн: «От прорвы ненапасные! Все вам жрать и жрать, дармоедши...» А о письме и не подумала. Какое там письмо, откуда бы? Некому ей было писать: сын с женой, сестра и две племянницы жили по соседним деревням, других же родственников не было.

Симка, девка лихорадочная, резкая, мечтавшая уйти на курсы в город, ждала на улице под окнами. «И правда — письмо», — удивилась и встревожилась Анфиса. Симка молча отдала письмо, но не поехала. Анфиса и вовсе изумилась, прочитав обратный адрес: от мужа! Вот уж от кого не ждала, вот уж, истинно, как гром в погоду. Восемнадцать лет жила с ним врозь, брошенная им, видела его за это время раз, тому лет восемь (приезжал он, каялся), а с той поры и думать о нем забыла.

— От мужа, — подивилась Анфиса вслух, подымая глаза на Симку. И спохватилась, подумав, что этого не следовало говорить. Однако тут же и успокоилась, сообразив, что Симка, верно, прочитала адрес.

— Значит, я поехала, — сказала Симка, задирая над рамой белую ногу, а глазами цепляясь за письмо.

— Езжай, — сказала Анфиса, думая о письме. Потом спросила, просто так: — Далёко едешь?

— А за Поминово, — сказала Симка, трогаясь.

— Ты езжай здесь, через походник, у Поминова, слышь, мост-от стамши! — вдруг схватилась Анфиса за нею вслед. — Я вчера поздно ходила, клуб запирала, вся середка сопремши!

— А знаю я...

Анфиса добежала до угла, проследила за Симкой, пока та не свернула между избами к реке, проводила глазами грузовик, во взрывах пыли проскочивший по избитой улице, и быстро пошла назад, смяв в кулаке письмо. Пройдя избу, откинула калитку в огород, вышла на угол двора, внутри которого хлопотали куры, и стала смотреть на реку, ища Симку, словно так ей это было важно, послушалась ли та ее совета. Но Симки не было видно.

Белые бревна по́ходника, освещенные солнцем, четко вырезались из сизой дымки, застилавшей реку. Река была темна, таинственна, а за рекой просторно и легко лежали в утреннем влажном блеске зеленые, желтые, красные равнины. Слева по реке стоял сосновый лес. Он был весь под солнцем, но не высвечен — синий, с тяжелыми фиолетовыми тенями. За этим лесом были болота, гнилое место, когда оттуда находили тучи, они оборачивались дождем. Но сейчас там небо было чисто и высоко. «Опять сухой день будет», — деловито подумала Анфиса и вспомнила о письме. Разгладив его на ладони, она еще раз перечла адрес и, позабыв о Симке, пошла с огорода.

В избу она, однако, вошла лишь на минуту — положить письмо на стол — и побежала на мосты к чугунку с куриным варком. Изба у нее была просторная, чистая, с желтыми еловыми полами и высоким, но темным потолком («Уж скоблила его, уж мыла, — жаловалась бабам Анфиса, — а все он какой-то жареный, красный»). Дощатая перегородка и желтый шкаф делили избу на две части. В одной были белая печь и кровать, в другой топорный стол, фикус в красном углу под темным Христом, лавки перед окнами, а между окнами, под безокладным «Явлением богородицы», некрашенный, источенный жучком комод. Еще в избе был черный буфет со створками, залепленными фотографиями, он стаял у глухой стены подле двери.

Когда Анфиса, положив письмо, пробегала мимо буфета, онаглянула на фотографии — мельком глянула, лишь отметила в нижнем ряду светлый снимок — и пробежала, не останавливаясь. На эту карточку она не смотрела уже лет пять, наверно, — что смотреть, раз всегда перед глазами? — но на какое-то мгновение вспомнила ее сейчас с подробностями, словно снова близко увидела. Они с мужем сняты были вместе, оба в валенках, в толстых овчинах. Она была еще не старая: как на иконах, овальный лик, круглые совиные глаза, он же, лишь это видно, смеется, а лицо размыто. А вспомнив этот снимок, вспомнила другой — его она не выставяла; там снят он был один: в госпитальном халате с широким интересным воротом, по-городскому стриженный, холеный, лишь глаза неизменные, рассеянно-веселые и цепкие... Но вспомнила все это лишь на миг, лишь мимоходом, без всяких чувств, и потом, мешая в чугунке картофель и выпуская кур на улицу, не думала об этих снимках и вообще никак не думала о муже, а только беспокоилась, тревожилась: что ж могло быть такое в письме? Досадовала на письмо, будто предчувствуя, что вспомнится ей старая обида, ох, вспомнится.

В войну, после госпиталя, писал он ей из-под Москвы, что служит в запасном полку, что вольно стоит на квартире в поселке, а живет по счастливым обстоятельствам у сродственницы Андрея, сводного брата своего, и что, как кончится война, придет — соскучен по ней и сыну. И приехал. Зимой. А летом заявила о себе та сродственница. Однажды, когда моталась Анфиса у дома по бесчисленным своим делам, окликнул ее с улицы безрукий председатель сельсовета, позвал: «Щекóтной запрос до тебя, Фиса, имется. — Сказал и глаза на сторону. — Женщина с-под Москвы интересуется, кем твоему Петру доводится Анфиса Егорова, ты, стало быть, сестра или кто... Как, значит? Отписать или как?» Она и не сообразила, не поняла, о чем он, что ответить, а Петр уже кричит, со смехом подходя от дома: «Что хошь пиши, — смеется с легкостью. — Мне все одно, я дома...» А месяц спустя и уехал.

Почему он уехал, этого Анфиса никогда не умела понять. И чем взяла его та женщина, чем привязала, видно, лишь богу известно: двое детей, и сама из себя уж куда как не видная, рассказывали люди, раздутая вся, водой налитая. Одно лишь, что городская, культурная... Да,

может, и не в ней было дело? Может, к ней-то он — лишь бы куда-то приткнуться? Еще до ее-то письма он заскучал: то ему здесь не нравилось, это, и пустынь — от города далеко, и работы здесь только колхозные — избалован был городскими работами... А кто его знает, что на душе его было.

Уехал и будто умер. Будто и не было никогда. Пока не нагрязнул с покаянием. Загубила его Татьяна, сказывал, — та то есть женщина. Больная она, истерическая, к водке пристрастная, а через водку и дом запустила, и его не сдержала. Работая на лесоскладе, сошелся он по легкости с шофером-леваком, три раза вывезли со склада доски, в четвертый не удалось. И вот, помыкав тюремного счастья, вернулся к ней: будет с него городского житья, сыт им по гроб; говорил беспокойно, рассеянно, весь был какой-то нарушенный, уязвимый. Но решала Анфиса. И она решила: и на ночь не оставила. «Не могла моя душа принять этого, — объясняла потом людям. — Слушаю его и не слышу, одно в голове: из-за тебя, паразита, годы в загоне жила, одна, недвижная, дом тянула, вот же и тебе радости нет, нет тебе радости и, дай бог, не будет...»

Анфиса внесла пустой чугунок в избу, обмыла руки и, вытирая их подолом, пошла к столу. Распечатав письмо, медленно, плохо видя вблизи, прочла: «Добрый день или вечер, уважаемая Анфиса Семеновна. Пишет вам издалека ваш муж Петр Егоров, еще помните вы его?»

Разобрав эту строчку, Анфиса удивилась: почему издалека? На конверте будто Московская область. Посмотрела — и впрямь Московская. Стала читать дальше:

«А я вас помню и не забываю. С того дня, как наезжал до вас, моя жизнь имеет изменения. А именно, обеспечен квартирой с двух комнат и с ванной. А еще сообщаю вам, Татьяна находится на излечении порока, а дети выросли и зарабатывают. А пишу к вам по случаю очередного отпуска, желая отдохнуть и погостить в местах юности. Вы не думайте, я к вам не с целью, а сколько будет стоить, заплачу деньгами. А еще интересно, кто в деревне сдает дачникам и какие условия, этим многие интересуются...»

Прочитав письмо, Анфиса ничего не поняла, еще раз перечла и задумалась. Более всего зацепило ее почему-то слово «дачники». Она даже стала соображать, кто на деревне мог бы сдать дачникам. Перебрала все сорок дворов и решила: никто. То есть, конечно, место нашлось бы у многих, всего-то в деревне было с пяток полносемейных дворов, остальные, считай, пустовали: либо вовсе стояли забитые избы, либо держались на стариках. Но, решила Анфиса, никто б не качнулся на это новое дело... А потом до нее дошел смысл просьбы Петра. Дошел, и она не то чтоб обиделась, а словно бы опечалилась. Это, выходит, что же, он к ней — дачником? Мало, выходит, было разговоров, когда наезжал он в тот раз, так чтобы еще и теперь по деревне судили? Вот ведь какая судьба у нее несерьезная. Вот он как разложил просто: дачником к ней!.. А, значит, обжился, горожанин. Совсем не стало совести. А ту все ж покарало. Нехорошо ликовать, но тут ничего, тут простится...

Так думала Анфиса, стараясь поскорее все отдумать о письме, чтобы потом к нему не возвращаться, чтобы уж ничто потом не натравило на какие-либо чувства... И думала еще над тем, что написать в ответ. Решила написать немедля, опять же для того, чтобы потом не возвращаться.

Встав из-за стола, она поискала в комод, помня, что в ящиках должны быть конверты, сыном еще купленные, нашла и вернулась к столу. Карандашом медленно и неуклюже стала писать на листе: «Доб-

рый день или вечер». Остановилась, подумав, назвать ли его по имени. Решила, что не стоит. «Получила ваше письмо и сообщаю. В деньгах я не нуждаюсь и вы не приезжайте, а живу я хорошо. Работаю при клубе в уборщицах за 12 рублей». Еще раз остановилась в нерешительности, написать ли что о сыне, но сообразила, что знать ему о сиротном ее житье не след. «А дачников у нас покамест не держат». Больше она не знала, что написать, и подписалась: «Анфиса Егорова». Запечатав конверт, она прикинула, когда Симка поедет обратно, чтобы с ней отослать письмо, и, более ничем не связанная, пошла на воздух.

Еще с вечера она расположила никуда не ходить, день провести в огороде — только сбежать клуб прибрать. Дел набежало немало. На грядках повылезло пырею, яблоньки-трехлетки стояли неполитые, клубнику следовало дособрать. До этого не доходили руки в последние дни: то в колхоз отрывали сено грести, то с избой возни было, спрямляли избу бродячие плотники, то в лес по липу с бабами ходила — для мачал. Участок у нее был небольшой, семь соток в охват избы, от двора до заднего тынка столько же шагов, как до уличного. Конечно, как колхозница она имела право и на тридцать соток, но на лишние сотки не зарилась: одна, без мужика, поди повороши-ка их, и на семи упаривалась; да и нарџали б те сотки за деревней, на песках. — не находишься, и навозу где достанешь? Хватало ей и участка. Кормил он ее кругло весь год, кормил и кур с петухом (иной худобы у Анфисы не было; прежде держала козу, да продала — невозможно стало с кормами) и выручку давал какую-никакую, а с клубным заработком хватало на одежду, керосин, хлеб с сахаром. А более, что ж ей было нужно более?

Когда она вышла из дому, солнце уже стояло белое, струились и плавилась за рекой стеклянные дали, тоненько звенели над ржавыми покосами невидимые жаворонки. Она взяла пустые ведра и пошла к реке, смотря через реку и раскидывая, сколько сделать ходок, чтобы и на саженцы хватило, и, важное дело, залить кротовые ходы: житья не стало от кротов, весь огород перепахали, ироды, не дай бог доберутся до деревьев. Подойдя к обрыву, она, однако, не сразу спустилась к воде. Постояла, держа ведра в руках, смотря в зыбкие дали, незаметно отходя от забот. Рассеянно оглядела берег (справа, между козлами походника, плескались ребята) и опять стала смотреть через реку — ни о чем не думая, просто смотря перед собой, замороженная беспредельностью горизонтов...

Позади по улице, сотрясая воздух, прошел грузовик, и Анфиса засуетилась; звякая ведрами, сошла к воде, зачерпнула с водорослями и потащила наверх и снова стала думать о кротах, о саженцах. И потом, возвращаясь к реке, уже не останавливалась у обрыва, спешила набрать воды и — тотчас назад: дела торопили.

В делах и вовсе забыла о письме. И может, так бы о нем и не вспомнила до Симки, так бы и работала, если б не люди. Сперва напредила соседка Надя. Была она ровесница Анфисы и, как Анфиса, безмужняя. Только муж у нее пропал в войну, и жила она не одиноко, а как немногие — полным домом, с отцом и с матерью, с замужней дочерью. Дочь и зять хорошо зарабатывали, он трактористом, она на ферме, и дом у них был обшитый досками и под железом, а в доме телевизор, радиоприемник, покупные стулья. Надя, худая и плоская, даром что богатая, подойдя с улицы, навалилась на тынок и некоторое время наблюдала за Анфисой. Анфиса собирала клубнику в три корзины: в одну крупную, отборную — для рынка, в другую мельче — для себя, в третью порченую — курам.

— А чего ты с венцами-то оставляешь, не очищаешь? — начала Надя разговор.

— А нельзя. Портиться будет ягода,— ответила Анфиса и, не вставая с колен, передвинулась вбок.

— Вона как ты понимаешь!

— А как? И на рынке так требуют...

— Вона! А я к тебе, Фис, с просьбой. Не продашь ли сколько ее? Килограмм возьму,— небрежно сказала Надя.

Анфиса подняла голову и осторожно посмотрела на нее: всерьез ли она? Надя первая смеялась прошлый год, когда Анфиса начинала клубнику. Но Надя смотрела уважительно.

— А продам,— ответила Анфиса.

Надя кивнула, переступила с ноги на ногу и, не зная, что еще сказать, засмеялась. Потом будто между прочим сказала:

— Чего это я хотела спросить у тебя, Фис. Верно, письмо ты получила от Петра? Или врут?

— Получила.

— Ну? Что пишет-то? Чего он там расписал?

Анфиса встала и пошла к тынку, на ходу соображая, все ли говорить о письме, но, не умея хитрить, послушно стала пересказывать:

— Пишет, живет он хорошо, квартиру получил и ванную. А еще просится приехать на отпуск, как дачник, отдохнуть на время.

— Ну, так и пишет?

— И деньги сулит за постой.

— Да ну тебя! Правда?

— Чего мне врать? Еще запрашивает, кто в деревне сдает дачникам. Это, значит, для дружков он.

Надя на минуту отступила, что-то лихорадочно соображая, затем так и кинулась, налегла на тынок:

— Ты лишь чего не сделай глупо, Фис, смотри! Это он тебя пользует. Ишь что придумал, бесстыжий: на время! Я тебе когда сказывала, нет в нем совести, упреждала, не забыла? Пользуется!

— Что я, дура, не понимаю?

— Отпиши ему: так и так, мол, наши пути разные и когда разошлись, а что насчет прочего, это надо совесть иметь. Слово в слово отпиши! Ишь, придумал: на время.— Надя так и колотилась вся, изнывая от волнения, и отскакивала от тынка, порываясь бежать, и не решалась убежать так сразу, в открытую. Наконец не выдержала: — Я к тебе еще забегу, Фис, к вечеру! А сейчас побегла. Я в колхозе ноне, на час убежала... Смотри, Фис, так и отпиши!

Надя убежала, а Анфиса, постояв у тынка, тихо пошла назад.

Но, не дойдя до корзин, живо повернула к избе: новая забота взяла ее. Изба у нее была необшитая, и два бревна в стене сопрели и потрушились, держались на сердцеvine да на сучках. Давно бы пора заметить их, а как осилить такое? Надо стену разбирать, снова звать плотников, снова выпрашивать деньги у сына. Тут надо как-нибудь так, щели законопатить, замазать, чтоб дальше не гнило. Анфиса отколупнула кусок гнилушки, зачем-то понюхала — пахло пылью — и бросила.

Потом она опять обирала грядки, на коленях ползала по земле, пустыми мыслями не отвлекаясь, видя перед собой лишь ягоду. Любо ей было, раздвинув куст, увидеть крупную. Крупную она снимала сначала, а что помельче — потом. Брала в ладонь податливую пористую ягодину, тяжелую, пахучую, и, жалея класть в корзину, оглядывала чуть дольше, несла от себя чуть медленней.

— Ой, Анфиса Семеновна, клубника у вас какая! Продайте?

Это подошла к тынку москвичка Фрося, бабенка ладная, тугая, лицом веселая, всем бы хороша, но больно открыто одетая: вся спина оголенная, и плечи, и полгрудей. Фрося была из местных, имела дом и раз в два года, а то и каждый год наезжала на месяц с семьей. В остальное же время дом ее стоял забитый, медленно гнил, прорастая мхом. Приехала Фрося два дня назад и все ходила по деревне в своем срамном сарафане, веселая, бойкая, примериваясь, у кого брать яйца, мслоко, огурчики.

— Крупная! Анфиса Семеновна, вы как будто ее не сажали? Кто это вас надоумил? — радовалась Фрося, смотря на корзины.

Анфиса, улыбаясь, пошла к ней, на ходу отрясая платье.

— А кто? Взяла и посадила.

— Правда? — наивно удивилась Фрося. — А другие? Еще кто сажает? Я нигде не видела.

— А будто никто и не сажает.

— Почему? Ведь это, я слышала, выгодно! Ведь это выгодно?

—хлопот много, — уклончиво ответила Анфиса.

— Но это же выгодно! Я точно знаю.

— Как вам сказать, — подумав, ответила Анфиса. — У нас как народ рассуждает. Вот я прошлым годом снова сажала, так люди смеялись: вот Фиска ягоды сажает, картофель садить будет негде. А теперь вроде вас: Фис, не продашь ли? Народ-от недалековидный...

— У вас прямо сад, и яблоньки и смородина. Крыжовник! Да вы агроном, Анфиса Семеновна! — Фрося неожиданно засмеялась, легко, залиvisto. — Нет, что бы ни говорили про деревню, а в деревне жить хорошо. Вот я — работаю в школе, и работой довольна, и отдельную квартиру получили, а вам завидую, правда! Уж так бы, кажется, бросила все, и уроки, и все, все!

— Чему завидовать. — Анфиса почему-то смутилась. — Обратнo, в города все тянутся. В крестьянстве, считай, старики 'с бабами остались. — И добавила, подумав: — А мы помрем, и никто не останется.

— Как это никто не останется? — удивилась и испугалась Фрося. — А кто будет работать? На полях кто-то же будет работать?

— А будет, — согласилась Анфиса. — Эвон всюду машины. Механизаторы. А крестьянства не будет. Отходит крестьянство.

— Да вы же сами говорите: механизаторы! Что же они? Вот же сын ваш — механизатор?

— А какие они крестьяне? Наши и не наши. У них и земля-то не земля, а гектары. И разговор, и иное что. Машина, она иное от чело-века требует...

— Вот вы про что! — Фрося обрадовалась и успокоилась. — Но это же хорошо! Это же вам лучше, для вас машины, чтобы легче работать!

— Оно, конечно, легче. А только скоро все одно будет — что в городе и что здесь.

— И пускай, пускай! — Фрося весело помахала ладошкой. Потом просто, без стеснения, спросила: — К вам муж собирается на побывку? Это правда?

— Прислал письмо, — насторожилась Анфиса.

— Вы ему будете отвечать?

— А написала ответ.

— Уже! Конечно, отказали?

— Отказала. На что он мне с побывкой-то с этой? У меня своя гордость есть.

— Правильно, Анфиса Семеновна, ох, правильно! У нас, женщин, должно быть гордость. Мы о себе не думаем — мужики о нас не думают.

Анфиса молчала.

— Я понимаю, я вас хорошо понимаю,— сказала Фрося и, протянув руку между прутьев, с чувством коснулась Анфисы.— Ничего, все будет хорошо. Ничего!

Был у Анфисы в этот день и еще разговор о письме. Солнце стало на третий час, когда Анфиса, забежав в избу, взяла конверт и вышла перед дом встречать Симку. Кроме Симки, вывернувшей из-за третьего дома, и горбатенькой Федосы, прянувшей с тропы перед ее велосипедом, никого на душевной улице не было. Возле строгого, без резьбы, крыльца соседки Нади стоял, мотая головой, белый ослепительный козленок, в канаве перед дорогой шарила в пыльной траве Анфисина клуха с цыплятами, через дорогу, в тени забитого дома с ажурными накладами спал деревенский рыжий пес. Где-то скрипел колодезный журавль да гремели щитки Симкиной машины. Отдав Симке письмо и узнав, что поминковский мост еще не починили, Анфиса осталась дожидать Федосу.

Согнутая вперед, Федоса шла не скоро, сильно опираясь на палку и подняв вверх приветливое белоглазое лицо. Жила Федоса когда-то в большой семье, ходила за меньшими сестрами и братьями, потом за их детьми, но как-то незаметно разлетелись все по белу свету, одни завербовались в Мурманск, другие за Урал, а младшая сестра осела в Казахстане. И осталась Федоса одна в пустой избе, половину которой, к счастью, купил за пенсию колхоз, устроив в ней бригадную контору. Жила Федоса на эту пенсию, еще ей присылали понемногу к праздникам по очереди братья и сестры да изредка продуктами благодарили бабы за заговоры. Была Федоса знаменита на округу умением заговаривать от змеяного укуса, знала верную молитву, из дальних деревень водили к ней пожаленных коз и коров. А научил ее молитве прохожий старец. Лет десять назад зашел в деревню в сумерки, спросил заночевать, а утром и списал в награду семьдесят слов, наказав: читать можно по бумажке, но лучше по памяти, три раза — если была ужалившая змея пустая, двенадцать раз — если окотная. Также велел не держать слов в секрете. Федоса и не держала, однако люди не решались сами пользоваться, ходили к ней.

— Ай письмо передала? — подойдя, спросила с улыбкой Федоса.— Не Петру ли?

— Петру.

— Отказала ему, ввали люди? Ой ли?

— Отказала.

— Ой, Фиса, нехорошо. Нехорошо-то.— Федоса опечалилась.— Нехорошо как ты исделала...

— Что я нехорошо? Что нехорошо? — обиделась Анфиса.— Он срать меня, а я его примай, это хорошо? Что нехорошо?

— Нехорошо.— Федоса горестно смотрела на нее.— А приняла бы, что потеряла? Ну как остался бы он?

— Останется он: от ванны, от квартиры... А нужен он мне. Что мне с того, что остался бы? Сперва остался бы! Бросал — не думал, как я-то с дитем буду, не раскладывал, хорошо ли, нехорошо...

— Строга ты, во-она. Душа у тебя строга. Нехорошо это, Фиса, грех. Через то маешься.

— Чего я маюсь? Ничего я не маюсь. Что это ты взяла?

— А маешься. Не по сердцу решаешь. Эт-та он наехал несилен, решила по сердцу ли? Обидой решила, вона! Обидой решаешь...

— Что о том говорить,— нетерпеливо прервала Анфиса.— Пустой разговор. Как решила, так и решила.

Помолчали, потом Анфиса спросила:

— Что твои? Пишут?

— Пишут, а пишут.— Жалостно смотря на Анфису, Федоса закивала головой и стала рассказывать о целинной сестре, о том, как наладилась у нее работа: села в контору, от степи отмучилась, а получать стала лучше прицепщиц, а мужа и не видит, тот шоферует, сутками пропадает...

Час спустя Анфиса вышла из дому одетая, в платке и парусиновых сандалиях. Прошла через деревню, еще пустую, с блестящими осинами перед домами, с солдатской, обложенной цепью могилой на выезде, свернула с желтой дороги к реке и только гут вспомнила, что надо было идти через походник. Однако вернуться не захотела, решила, что в Поминово переправит кто лодкой. Тропа крутилась по обрыву, изредка сбегая в полевые узкие овражки. По правую руку по холмам шли, перемежаясь, жаркие сухие ржи, серые пары, покосы с темными душитыми валками. А за рекой все дрожали и стекленели бескрайние равнинные горизонты. Река была чиста, прозрачна, но ближе к Поминову пошли по воде жирные разводы: в Поминове работал льнозавод.

Анфиса еще издали увидела, что по большому поминовскому мосту, еще вчера разбитому, идут машины. И подивилась: эго скоро наладили! И, подходя к мосту, все думала о том же: должно быть, завод наладил, заводу надо каждый день гонять машины за реку, а близко переправы нету. Издали мост был похож на бетонную плотину, какие показывают в кино, и так казалось долго, лишь у самого моста делалось ясно, что мост сплошь деревянный, что шлюзы вовсе не шлюзы, а щели между громадными наклонными щитами-волнорезами, ребрами против течения, крыльями в охват свайных бревен. Когда по мосту шла машина, он весь скрипел и дрожал, однако служил с войны. Сейчас он был в опилках и стружке, с белой широкой полосой посредине.

Поминово лежало по ту сторону моста и начиналось с голой раскаленной площади, кругом которой стояли амбары, продмаг и правление. Между правлением и амбарами ходили потные люди, стучал трактор перед продмагом, его хозяин, голый до пояса волосатый малый из приезжих, швырял с тележек мешки. Тут же пеклась на солнце запряженная сонная лошадь, облепленная мухами.

Клуб был сразу за площадью, в улице тихой и тенистой, под столетними липами. Помещался он в простой избе, купленной лет пять назад у старухи, уговорившей председателя отпустить ее из колхоза к сыну-офицеру. Избу расширили за счет мостов, приделали кирпичную будку для механика, навесили экран, установили стол для шашек и газет и облепили стены диаграммами, плакатами, фамилиями лучших доярок.

Анфиса вошла в зал, косо уставленный лавками, и присела, изнемогая. Окна были завешены, и в сумрачном зале стояла тяжелая тишина, словно не было за стенами ни улицы с шелестом лип, ни жаркой площади со стуками, скрипами и голосами; какие-то звуки все же доходили, но они были слишком ватны, слишком далеки. Анфиса сидела на задней скамье, спиной прислонясь к прохладной стене, и смотрела на плакаты. «Выполним поставки государству», «Комплексную механизацию — сельскому хозяйству», — отрешенно читала она. Потом стала читать фамилии доярок.

Дойдя до Надиной дочки, вдруг запнулась. Что-то вдруг ее озадачило, встревожило, но что-то постороннее, далекое. Внимательно перебрала ее надю. потом надю других доярок, сравнивая их, и опять вернулась к ее надюям; и тут стала думать о Наде. Стала думать о том, что вот и Надя тоже нескладная и даже, может быть, еще нескладней, чем она, Анфиса; сама она, Анфиса, весь год в делах и хлопотах, и ред-

ко выпадают ей такие дни, как этот, когда приходится думать и чувствовать, а Надя каждый день, должно быть, думает, у нее перед глазами дочь, и хоть не чужой ей дочь человек и счастье дочерино не чужое, а все же дочерино, не ее. И думала Анфиса о других каких-то людях, которых знала или не знала, но о которых слышала, и тоже нескладных, и, вспоминая таких людей, а вспоминала легко, удивлялась, что много их, много... И то, что было их много, словно бы что-то подтверждало, словно бы что-то оправдывало что-то такое, что важно было Анфисе подтвердить и оправдать...

...Анфиса утерлась подолом, посидела недвижно, потом вздохнула и пошла на крыльцо за ведрами. Три часа она прибиралась в клубе, скребла широкие корявые половицы, мыла лавки, счищала с потолка обугленные спички и застывшие ошметки папирос. А когда уходила домой, на улице было уже не жарко. Через мост пастухи гнали пыльное стадо. Анфиса переждала коров, грузно пробегавших мимо нее в теплых ароматах мяты и молока, и пошла через мост.

Идти теперь было легко, и она шла быстро и думала привычные свои, покойные думы. Думала она о том, что надо дополоть картофель, и перебрать клубнику, и замазать щели в срубе — все это надо сегодня, потому что завтра будет недосуг, завтра ей в колхоз, а после колхоза опять в клуб.

И кругом тоже было тихо, покойно. Красно садилось солнце, стояли на небе малиновые облака, над розовой рекой бесшумно чиркали ласточки, а за рекой бесконечно лежали плоские, всхолмленные наклонные равнины — они теперь не дрожали в мареве, они лежали до горизонтов недвижно, незбылемо...

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР

★

ДЕТСТВО

Какая это благодать!
Я вспоминаю — ночью летней
Так сладко было засыпать
Под говор в комнате соседней.

Там люди с нашего двора
(У каждого свой странный гонор) —
Мир, непонятный мне с утра,
Сливается в понятный говор.

Днем распадется этот круг
На окрики и дребезжанье,
Но сладок ночью слитный звук,
Его струенье и журчанье.

То звякнут ложкой о стекло,
То хрустнут кожурой ореха,
И вновь обдаст меня тепло
Уюта, слаженности, смеха.

И от затылка до подошв
Сквозь страхи детского закута
Меня пронизывает дрожь,
Разумной слаженности чудо.

Я постигаю с детских лет
Доверчивости обаянье,
Неведенья безбрежный свет,
Раскованность непониманья.

Да и теперь внезапно, вдруг
Я вздрогну от улыбки милой,
Но где защитный этот круг
Превосходящей взрослой силы?

Бесплодный, беспощадный свет
И перечень ошибок поздних...
Мне кажется, на свете нет
Детей, растерянее взрослых.

Ода апельсину

О апельсин. моя отрада,
Мы в южном все-таки родстве,
Ты — как внезапная Гренада
В январской ледяной Москве.

В нас оживают сластолюбы
При виде долек золотых,
Преувеличенных, как губы
У современниц молодых.

Вокруг оранжевого шара
Движенья стужи и жары,
Но проспиртованы недаром
Волокна плотной кожуры.

Еще отравленные тучи
Дождят с отравленных небес,
Но сладок дух его могучий,
Он в панцирь золотистый влез.

Так мы храним от жизни хмурой
Надежды сладостный мотив,
Своею собственной шкурой
Всю горечь быта отцедив.

И мир становится огромней,
Когда великолепный плод
С лотка морозного в лицо мне
Испанской кровью полыхнет!

АЛЕН БОСКЭ

★

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

С французского

* * *

Прости мне, господи, но ты не нужен мне.
Я сам тебе могу... помочь. Иди за мною,
Смотри: вот задний двор и угол в глубине,
Соломенный тюфяк в мансарде есть зимою.

Прости мне, господи, ты не соперник мне.
Располагайся здесь. Приму тебя любезно.
Хотя мы не равны, но можешь ты вполне
Ласкать моих зверей и в чем-то быть полезным.

Я в ночь воскресную пойду с тобой в леса:
Люблю за звездами охотиться, гуляя.
И мне порой везет... А ты заменишь пса —
Прости мне, господи, здесь я повелеваю!

* * *

Жить нельзя без корней.
Меня этому учит береза.
Но хотелось бы мне,
Чтоб любила береза меня;
И чтоб эта река
Для меня
Рекою поэзии стала
И мне диктовала
Начальные строки поэмы моей;
И чтоб эти дома
Сохраняли тепло для меня
И согрели мне душу и тело.
Поэт я провинции этой,
Ее гражданин,
И нельзя мне,
Нельзя без корней,
И так много мне надо сказать.

Перевел Михаил Кудинов.

Ален Боскэ (родился в 1919 году) — известный французский поэт, романист, переводчик и литературный критик. Автор нескольких сборников стихотворений («Синкопы», «Первое завещание», «Второе завещание», «Господин предмет» и других).

И. ИСАКОВ

★

ИЗ ДАВНИХ БЫЛЕЙ

1. «Вернемся к нашим баранам»

ИЗ ачалась эта история давно, еще в конце прошлого века. А когда в 1905 году был закончен Симплонский туннель, соединивший Францию и Италию короткой железнодорожной магистралью сквозь Альпы, возобновились разговоры о необходимости постройки аналогичной железной дороги от Владикавказа до Тифлиса.

Симплон потребовал преодоления почти двадцати километров. Сколько скального грунта понадобится пробивать под Главным Кавказским хребтом и во что обойдется вся затея — точно сказать никто не мог. Появилось множество проектов — один соблазнительнее другого.

В самом деле, разве плохо, выехав из Беслана, спустя несколько часов оказаться в Тифлисе, вместо того чтобы колесить кругом через Грозный — Петровск-порт — Баладжары?! Ведь это в семь-восемь раз быстрее.

Командование Кавказского военного округа поддержало идею постройки туннеля, несмотря на то, что казна, истощенная ведением войны с Японией, не могла взять на себя такое большое, а для России того времени беспрецедентное и даже фантастическое предприятие.

Напрашивалась какая-то акционерная комбинация под эгидой правительства, но с привлечением частного капитала. Это еще больше подогривало страсти вокруг проекта Транскавказской железной дороги. Однако предполагаемые масштабы и технические трудности проекта отпугивали даже солидных бакинских нефтяников-миллионеров.

Единственно, кто рисковал высказываться вслух против модной затеи, была корпорация извозчиков, поддерживавшая экипажное сообщество по Военно-Грузинской дороге — на «линейках» для пассажиров победнее и в фаэтонах для богатых. Впрочем, содержатели этого извоза не очень-то верили в возможность прорытия туннеля и более реальную опасность видели со стороны двух или трех предприимчивых дельцов, пустивших по той же трассе полдюжины изношенных «мерседесов», «зауреров» или «фиатов».

Владельцы же автомашин не опасались конкуренции предполагаемой железной дороги. Преимущества туристического путешествия вдоль Дарьяльского ущелья, мимо «Замка Тамары» и Казбека по сравнению с тряской пол ними в дымном и темном туннеле были очевидны.

Как бы то ни было, общественное мнение было взбудоражено. Чтобы повлиять на него, наместник царя в Закавказье граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, как называли его — «вице-король», с помощью создал специальную правительственную комиссию, назначив ее

председателем своего помощника по гражданской части — сенатора Ватаци.

В комиссию включили самых солидных чиновников, представителей свободного предпринимательства, известных на биржах всего мира, и нескольких крупных инженеров-путейцев. Предполагалось, что затеянное предприятие поможет хотя бы немного разрядить напряженную революционную обстановку, отвлечет помыслы и темперамент части местной интеллигенции.

После нескольких бесплодных заседаний, не решивших ни единого вопроса, в том числе и главного — выбора трассы намечаемого туннеля, — было решено «выехать на место».

Поначалу предложение было принято с энтузиазмом. Ведь только на днях закончился «гижи-март»¹ и наступила чудная закавказская весна, а осмотреть пока предполагалось только район южного выхода железной дороги — где-нибудь в окрестностях Душети — Ананури.

Руководитель выезда, один из чиновников «для особых поручений», свою миссию понимал как организацию загородного пикника.

Но в дальнейшем выяснилось, что большинство превосходительств было радо уступить свое место любому коллеге.

Кое-кого не устраивало путешествие в экипаже, а царский наместник отнюдь не собирался одалживать комиссии свой роскошный лимузин «Delonpay-Belleville».

Кое-кто из сановных лиц и финансовых тузов находился под влиянием слухов о легендарных абреках и мрачно настроенных крестьянах. Шла весна 1906 года, и революционные веяния в результате поражений в русско-японской войне и общего положения в стране накладывали отпечаток на настроение всего народа, включая жителей Южной Осетии, Карталинии и Кахетии.

Всего три месяца назад почти в самом центре города днем был убит бомбой революционера Арсена Джорджашвили начальник штаба Кавказского военного округа. Генерал-майор генерального штаба Ф. Ф. Грязнов, назначенный в начале 1905 года, в народе именовался Талахадзе² и погиб не столько потому, что имел «по шерсти кличку»³, но и за то, что воплощал в себе грязные дела всех закавказских правителей.

Вот почему граф Воронцов-Дашков расщедрился и предоставил своему помощнику в качестве эскорта половину личного конвоя (так называемую терскую полусотню). Более надежную кубанскую полусотню граф оставил при себе. Старый царедворец прекрасно понимал, что любое политическое происшествие с комиссией получит слишком широкий и весьма невыгодный резонанс. Ведь о предполагаемом пикнике (а если говорить официальным языком — то о предстоящей рекогносцировке) было объявлено не только в кавказских и столичных газетах, но и за границей. Кое-где допускали даже возможность получения выгодной концессии. Но пока, после Портсмутского договора, ни один солидный делец на Западе или в США не торопился приступить к серьезному разговору с царским правительством, ожидая итогов «внутренней войны», после того как была проиграна внешняя.

Командиром эскорта напросился начальник конвоя эсаул Дигаев, убедив «вице-короля» в том, что он будет комиссии более полезен как

¹ Сумасшедший март (*груз.*).

² Т а л а х и — грязь (*груз.*).

³ Генерал был опытным колонизатором. Шесть лет после окончания академии он служил генконсулом в городе Ван, для чего с целью конспирации переименовался в налворные советники. В Тифлис он был назначен как «знаток» Кавказа, но 16 января 1906 года Арсен прервал его карьеру.

осетин, знающий местные условия, а за остающейся кубанской полусотней присмотрит его помощник.

После многих мелких и мелочных споров и приготовлений «выездная сессия» торжественно тронулась по Головинскому проспекту в сторону Вакэ в окружении бесконечного числа тифлисских мальчишек, кинто¹ и ротозеев.

Длинный цуг из шикарных пароконных фаэтонов окружали гарцующие терцы. Часть их сомкнутым двухрядным строем с синим значком шла впереди, остальные замыкали необычную кавалькаду. Конечно, всякие вспомогательные и хозяйственные экипажи и брички были высланы вперед еще с вечера, чтобы не портить великолепия основной группы.

В начале Ольгинской улицы комиссию приветствовал бравурным маршем конный оркестр Нижегородского драгунского полка. Офицеры салютовали шашками, дамы махали платочками.

Хотя конвойные имели полевое снаряжение, полупарадная обшивка шевронами бешметов и газырей (не уставная, а следовательно, и незаконная) подсказывала, что в данном случае они выполняют сразу две задачи: охраны начальства от народа и торжественного представительства перед тем же самым народом.

Редко заселенные пригороды (если не считать казарм) районов Вакэ и Сабуртало не могли радовать глаз: лачуги, сараи, духаны и другие сомнительного вида постройки, неприглядность которых скрадывалась маленькими садиками и виноградниками, затем оголенные пустыри и огороды, тянувшиеся почти на протяжении шести-семи верст...

Путешествие протекало без особых приключений до самого Белого духана.

После крутого поворота, при переезде по мосту через Дигомку, открылось памятное всем кавказцам двухэтажное многобалконное прибежище для путников с пересохшим горлом, назначение которого определялось вывеской:

БЕЛЫЙ ДУХАН!

Встречное провожание милого создания!
Я уезжаю здоров.
Вы оставляйтесь счастливым.

Вокруг этих строк — классического образца духанной лирики — красовались изображения скрещенных шампуров, пузатых бурдюков и бутылок, истекающих неиссякаемыми струями мутно-коричневой, пенной жидкости, очевидно долженствующей означать кахетинское вино.

Вплотную к дому росли высокие тополя, так что после поворота духан открывался с дороги почти внезапно.

Субалтерны конвоя и чиновники всех рангов (не выше, впрочем, статских советников) прекрасно знали это заведение с его знаменитым хозяином Шакро, с метрдотелем по прозвищу Биль-Бюль и со всеми грязными дощатыми стойлами, которые должны были заменять отдельные кабинеты. Сенатор, конечно, тоже знал об этом значном месте, но только понаслышке, да и то в связи со скандалами, героями которых были сотрудники канцелярии заместителя. Его чин больше чем возраст не позволял лично побывать в знаменитом Белом духане.

Как и когда возникло это убежище для городских и сельских путников Военно-Грузинской дороги — вопрос сложный, заслуживающий специального исследования. В данном случае важно отметить только

¹ Тип мелкого торговца, ставший синонимом уличного балагура, подвыпившего, беззаботного и остроумного бездельника.

одну деталь: несмотря на отсутствие телефона, Шахро знал не только состав, но и предполагаемое время проезда комиссии мимо его заставы.

Ласковый со всеми своими «приличными» клиентами, терпимый к дигомским крестьянам, идущим на городской базар, и отечески ласковый к ним же, возвращающимся с майдана, он все свое внимание и незаурядные способности направлял на редкие, но чрезвычайно полезные для него особые случаи. Обеспечение нелегальной свадьбы (вплоть до дежурного попа из села Дигомн); обеспечение нескромной встречи двух влюбленных, для которых город был слишком тесен и любопытен; проводы начальства, отбывающего в Россию (так здесь называли все области империи, расположенные за Главным Кавказским хребтом); встреча сменяющего начальника, который по давней традиции въезжал не через Баку, а по Военно-Грузинской дороге, и т. п. А поскольку учреждение Шахро было последней или первой станцией (смотря откуда считать) перед столицей Закавказья, то обычно здесь делался привал — для встречи или проводов.

Шахро знал, что в подобных случаях деньги считаются не особенно внимательно, и вместе с Биль-Бюлем бывал в особом ударе.

На этот раз, понимая, кто и зачем едет и что вряд ли сенатор утомится, даже не доехав до Дигомского поля, изворотливый ресторатор предпринял экстравагантный маневр, о котором все участники комиссии давно знали, кроме самого заместителя «вице-короля».

Прямо поперек шоссе, проходящего в двух-трех саженях от веранды духана, были поставлены сдвинутые впритык большие обеденные столы; помимо приборов, густо цвели все съедобные травы и ярко-красные болоки¹ попеременно с отборной закуской и десятками кувшинов и бутылок.

Зурначи были спрятаны под верандой и, притаившись, ждали сигнала для встречного марша, перелицованного на местный манер, применительно к национальному инструменту — зурне.

Основная хитрость Шахро заключалась в том, что, используя особенности местности (крутой поворот, подъем от Дигомки и завеса из тополей), он сделал так, что сенатор увидел столы в самый последний момент, когда извозчик должен был резко осадить, натянув поводья, чтобы не врезаться в импровизированное ограждение.

Если Ватацци в бессонные ночи со страхом думал о возможности появления баррикад на улицах Тифлиса, то сейчас перед ним оказалась реальная баррикада, почти непроходимая, но съедобная и не такая страшная, какой она мерещилась по ночам.

Вы спросите: а где же был конвой и, в частности, взвод, идущий в голове колонны?

Пути господни неисповедимы! Без всякой команды, еще на подъеме от мостика, конвойные разделились на две группы, из которых одна начала обтекать баррикаду справа, а вторая — слева. Столики, накрытые на флангах ограждения, под тополями, подсказывали, что всезнающий Шахро был прирожденным стратегом и предусмотрел все.

С традиционным цветным платком, заткнутым за серебряный пояс, он торжественно вышел вперед с подносом, на котором стояли налитые лучшим вином стаканчики с вогнутой талией, что по местному обычаю означало выражение самого высокого уважения к встречаемому гостю.

Все замерли в ожидании музыки и начала ритуального пьянства после витиеватого приветствия Шахро. Следующее слово было за сенатором.

Но — увы!

¹ Сорт крупного редиса

Сражение у речки Дигомки на этот раз Шахро проиграл.

Во-первых, сенатор не успел утомиться, проехав всего семь верст от города.

Во-вторых, эта экзотическая встреча показалась ему слишком вульгарной. А затем — что скажут во дворце, когда узнают, что, еще не доехав до намеченного места рекогносцировки, он и его свита начали пробу грузинских вин?

Наконец в одном из экипажей, высланных вперед, находился его фамильный погребец со старинной инкрустацией и серебряным сервизом, а главное — с флягой французского коньяка «эннеси», который он предпочитал любым кавказским винам и коньякам.

Дигаев, не предвидя реакции сенатора, почтительно держался рядом с его фаэгоном, словно ожидая приказа.

— Эсаул!.. Прикажите прекратить это безобразие, — сказал Ватащи спокойным и тихим голосом. Он считал ниже своего достоинства сердиться на подобных дикарей.

Раздалась громкая команда: «Конвой! По местам! Второму взводу убрать препятствия!»

При этом сам эсаул, разгорячив своего скакуна, отъехал назад для разбега и красиво взял препятствие, не задев ни одной бутылки.

Еще через минуту столы были осторожно сдвинуты к сторонам шоссе, и экипаж его высокопревосходительства проследовал дальше — на ровную часть пути, через Дигомское поле.

Две подробности все же остались в памяти напивших сзади экипажей с членами комиссии.

Первая — покрасневший от ярости Шахро громко честил сенатора, ссылаясь на то, что «сам Воронцов-Дашков», проезжая, всегда выпивал стаканчик и бросал серебряный целковый на поднос¹.

Вторая — зурначи, не поняв слов команды эсаула, грянули помесь туша с встречным маршем, но после выразительного жеста нагайкой Дигаева музыка оборвалась на первых тактах.

— Только на Кавказе можно встретить что-либо подобное! — пожимая плечами, изрек действительный тайный советник, сидевший рядом с сенатором, но так как последний ничего не ответил, рассеянно глядя вдоль шоссе, то разговор оборвался и путешествие продолжалось так же гладко, как гладко Дигомское поле.

Михету проехали, не останавливаясь.

Выехавшему навстречу уездному начальнику сенатор обещал у него отобедать на обратном пути, после осмотра намеченных мест.

Кое-кто из членов комиссии уничтожал втихомолку бутерброды и прикладывался к горлышку маленьких кувшинчиков, прикрываясь спиной возницы.

Настал момент, когда из-за усталости и голода вся затея начала казаться не только скучной, но и никчемной. Даже по сторонам никто не хотел смотреть, все свои помыслы обратив на обещанный обед у уездного начальника.

А жаль — кругом цвела неопишуемая красота. Вдали — горы с шапками белого снега. Поближе и вокруг — холмы, покрытые ярко-зеленой весенней травой, на склонах которых то тут, то там виднелись стада баранов.

И над всем этим великолепием грузинской весны слышался тончайший звон реки Арагви, играючи перекатывавшей мельчайшие голыши.

¹ Действительно, старый граф ежегодно 1 октября ездил на Михетобу (храмовой день, сочетаемый с праздником окончания сбора винограда), демонстрируя свое «единение с народом»

Этот мелодичный шум то усиливался, то затихал — в зависимости от порывов хмельного ветерка. А еще выше сияло апрельское солнце, настолько щедрое, что осеняло без разбора золотистой пылью пастухов и баранов, пахарей и членов российской правительственной комиссии, включая сенатора.

И тут неуклюже подскакал на иноходце инженер в путевой фуражке с задранными штанинами без штрипок и с портфелем, притороченным к седлу. По местоположению экипажей в длинном караване и по распределению конвойных он быстро сообразил, кто из присутствующих является старшим, и лихо, пытаясь подражать нижегородским драгунам, подъехал к Ватащи с докладом.

— Ваше высокопревосходительство! Ближе всего находится репер, установленный для привязки железной дороги, у самого крайнего, так называемого «западного» варианта выхода из туннеля... Всего пять верст вверх по шоссе, в сторону Ананури, а затем не более полуверсты влево... Но, к сожалению, дальше уже нет экипажной дороги... Однако обзор прекрасный. Остальные точки — или выше, или дальше, причем репера «восточного» варианта находятся по ту сторону реки Арагви. Все планшеты и карты подготовлены к вашему осмотру в доме уездного начальника.

— Проводите к этой вашей западной точке. Но только так, чтобы фаэтон не опрокинулся. Выходить из него я не собираюсь.

Головная часть кортежа съехала с шоссе и медленно двинулась к западу. За поворотом открылся красивый холм в виде округлого конуса. На холме расположилось стадо крупных баранов, вокруг которого неистовствовали огромные овчарки, а на самой вершине резко выделялась огромная фигура в черной бурке и высокой папахе. Узкие складчатые шаровары пастуха заканчивались оплеткой из тонких сырых ремешков, поддерживавших постолы из буйволиной кожи.

Он стоял абсолютно неподвижно, опираясь кистями рук и подбородком на длинный посох, и не проявлял никакого любопытства или почтительности перед высоким начальством.

— Интересно опросить этого туземца. Он, наверное, знает данную местность много лучше, чем все топографы и инженеры, — сказал сенатор и помахал перчаткой, приглашая спуститься вниз.

Но, к всеобщему удивлению, пастух остался в той же монументальной позе, явно не выражая желания покидать свой естественный пьедестал.

Из-за крутизны склона фаэтон не мог продвинуться вверх, к тому же первые экипажи уже утопали в гуще бараньего стада, постепенно обволакивавшего западную сторону холма.

Возникла неловкая пауза. Казалось бы, инженер, работавший в этих местах, мог бы стать посредником в данном случае, но он почему-то тихо-тихо подался назад и скрылся в суете задних фаэтонов, еще не начинавших подъема.

По приказу начальника конвоя один из казаков неуклюжими скачками бросился в гору, расталкивая ни в чем не повинных баранов. Лошадь его скоро выдохлась, но пастух уже оказался в пределах дальности крика посланца, который для убедительности постарался сделать свой голос возможно более свирепым:

— Ты что? Не понимаешь, что его превосходительство хочет с тобой говорить?!

Ответ прозвучал спокойно, с достоинством и на чистом русском языке:

— Если я ему нужен, пусть поднимется сам сюда.

До сенатора не доносились слова, но неизменность позы пастуха и растерянность казака ясно говорили о неудаче миссии первого парламентарера.

Нелепая пауза затягивалась.

Эсаул Дигаев, поблднев от злости и до боли в пальцах сжимая нагайку, горячил своего коня, однако держался у экипажа Ватацци, как бы демонстрируя исполнение главной задачи — непосредственной охраны его высокопревосходительства.

В других условиях он давно бы взлетел на вершину холма и проучил пастуха. Но он правильно оценил, что для такой роскошной бурки удары его нагайки будут не чувствительнее комариных укусов¹.

Неловкую паузу разрядил почтенный и молодцеватый, несмотря на седые подусники, хорунжий — бывший своего рода реликвией дворца наместника, где он служил чуть ли не со времен князя Барятинского. Этот старый горец знал местные обычаи лучше всех остальных.

Взяв с места галопом, он, не спрашивая ни у кого разрешения, начал подниматься к вершине, к монументу в бурке. Однако, так как откос был очень крутой, казак помчался наискось, влево, затем повернул под тем же углом вправо, лавируя, как опытный моряк против штормового ветра, и во всю силу своего басовитого голоса крикнул:

— Кацо! Человек, который хочет с тобой говорить, старше тебя на двадцать пять лет!

Больше никаких разъяснений не потребовалось. Пастух, свистнув как-то по-особенному своим собакам, стал спокойно спускаться с горы.

Скользящим, мягким шагом он сошел с холма и остановился почти в той же позе, не доходя двух-трех шагов до экипажа сенатора. Старый царедворец сразу догадался, что туземец стал с нагорной стороны, чтобы оказаться выше собеседника, и Ватацци вынужден был смотреть на него снизу вверх. Пастух ограничился легким наклоном головы, очевидно обозначающим приветствие по отношению к старшему годами, и глядел сверху на сенатора без малейших признаков раболепства. Так же, с явным умыслом, он небрежно откинул правой рукой полу своей бурки, под которой на лацкане бешмета совершенно неожиданно оказался университетский значок, настолько приковавший взоры всех окружающих, что богато инкрустированный кинжал остался почти без внимания.

— *Par les Dieux!.. Tous les monstres ne sont pas en Afrique!*² — выпалил изумленный тайный советник, откидываясь на спинку сидения.

Не ожидая реакции окружающих, горец, с нарочитой поспешностью перехватывая начало разговора, спокойно сказал:

— Господа, во избежание могущих произойти недоразумений должен сообщить вам, что владею французским языком не хуже, чем русским и грузинским, и достаточно ясно понимаю английский.

И он снова замер в своей привычной позе, отнюдь не выказывая желания продолжать беседу.

У действительного тайного от неожиданности отвисла нижняя челюсть, и он, выпучив глаза, уставился на горца.

Так началось ознакомление с местными условиями, в котором ни осетинский, ни грузинский язык эсаула не могли пригодиться.

Сенатора заинтересовала необычная встреча.

¹ Ох уж эти офицеры конвоя его величества или его наместника! У них в крови потребность поучать и проучать крестьян и простых пастухов. Насколько знаю, после Октября, когда объект конвоирования исчез, Дигаев вернулся на родной Терек и ухитрился «выбрать себя» войсковым старшиной, однако вскоре был убит непокорной пастовой.

² Клянусь богами!.. Не все диковинки обретаются в Африке?! (*Французская поговорка*).

— Скажите, почтеннейший, чем объяснить такое... э... странное сочетание.. э...

— Вы хотите сказать, сочетание пастуха с ролью кандидата в адвокаты?

— Вот именно!

— В этом нет ничего сложного... Дело в том, что мой батюшка создал свое благосостояние собственными руками, начав с дюжины обычных барашков. С тех пор прошло много лет, и доход от шерсти, овчины и части приплода при умелом улучшении породы позволил ему дать сыновьям среднее образование в Тифлисе, а затем и высшее — в столице. В данное время я готовлю магистерскую диссертацию при Санкт-Петербургском университете. Не скрою, что поставки военному ведомству для Маньчжурии дали возможность умножить наше состояние. Но, помня об истоках благополучия семьи, отец еще пять лет назад потребовал от сыновей, чтобы мы оба два месяца в году, в частности на период перегона и стрижки, приезжали домой, пасли, лечили и стригли баранов. Воля его оформлена нотариальным завещанием. Тот из братьев, кто не побоялся труда обычного пастуха и овцевода, останется владельцем своей половины баранов и того капитала, который хранится в Тифлисском отделении Русско-Азиатского банка. Не стану хвастаться, что даже половина наследственного имущества представляет собой величину, которой пренебрег бы только глупец. Думаю, что сейчас отец является одним из самых крупных овцеводов не только уезда, но и всей Тушетии.

Отвечу сразу же и на второй, еще не заданный вопрос. Да, действительно, первые годы были трудными и казались только капризом старого упрямого крестьянина. Однако позже и я и мой брат привыкли к далеко не легкой работе пастуха и стригаля, по-новому поняли красоту и полезность для здоровья кавказской весны. Согласитесь, во много раз приятнее возвращаться в Питер после таких своеобразных вакаций, чем из крымских или минераловодческих курортов?!

Его высокопревосходительство многозначительно улыбнулся, но промолчал.

— Что касается моего старшего брата, доцента военно-медицинской академии, то вы можете его увидеть, если взглянете вверх направо, в центре огромной белой отары по ту сторону Арагви.

Действительно, в указанном направлении барашки настолько плотно усеяли два отдаленных холма, что горы казались покрытыми нарастающим весенним снегом. Несмотря на изумительную прозрачность воздуха, расстояние до стад было настолько велико, что они сливались в сплошную массу, медленно перемещавшуюся по зеленым откосам.

— Итак, ваш батюшка твердо придерживается поговорки, вернее принципа: «Revenons à nos moutons»?!

— Если хотите, пожалуй, да!

— Но я надеюсь, что из его второго сына не выработается классический *Avocat Pathelin*? — сказал с игривым смешком заместитель «вице-короля»¹.

— Это покажет будущее, — с невозмутимым спокойствием ответил кандидат в адвокаты.

— Скажите, а не бывает ли нежелательных недоразумений у вас с окрестными крестьянами?

— Как вам сказать... Если мамасахлисом² является крепкий старик

¹ «*Avocat Pathelin*» — французский анонимный фарс XV века, от которого родилось выражение «*Revenons à nos moutons*» — «Вернемся к нашим баранам». *Pathelin* — хитрый, плутоватый, оборотистый.

² Старший в семье. Традиционное название, некогда обозначавшее старейшину рода (*сруз.*).

семидесяти с лишним лет, происходящий из простых крестьян, который сам трудится от зари до захода солнца, и если его сыновья не гнушаются работать чабанами, причем временами помогают односельчанам мелкими одолжениями, улучшением породы овец, ветеринарными советами (это функция брата) для ликвидации их болезней или эпизоотий (что весьма выгодно и для наших стад), — то вы можете жить здесь вполне спокойно, пока в местные дела не начинает вмешиваться власть... ну хотя бы в лице уездного начальника и его чапаров¹.

— Благодарю вас за интересное сообщение... — внешне невозмутимо изрек сенатор, проглотив последнюю пилюлю.

Во время разговора снизу подскакал один из хорунжих, посылавшийся в Душети. Склонившись с седла, гонец конфиденциально доложил, что в доме уездного начальника все давно готово для делового разговора.

Позже выяснилось, что в кабинете начальника на столах были разостланы топографические карты, схемы, планшеты и наброски различных вариантов намеченных трасс будущей железной дороги, сопрягающейся около Мхеты с магистралью Баку — Батум, а на большой открытой веранде красовались сомкнутые обеденные столы с ранними травушками, болоками и другими дарами карталинской весны, ожидавшими подачи горячих шампуров с шашлыком и кябабом, приготовленных под верандой из молодого барашка.

Таким образом, в этот день предстояло еще раз «вернуться к нашим баранам».

Ватацци выслушал это сообщение в почтительной редакции начальника эскорта. Он уже дал перчаткой сигнал для возвращения, забыв попрощаться с оригинальным пастухом, как вдруг вспомнил, что, собственно, пока они ничего не видели и не слышали относительно туннеля. Тогда, обращаясь к будущему адвокату как к аборигену этих мест, он спросил:

— А скажите, почтеннейший, что вы думаете — вашему процветанию намечаемая дорога не повредит?

— Нашему? Не думаю. А вот вашему — может повредить.

— Позвольте, я что-то не улавливаю оснований для такого заключения.

— Очень просто! Строительство Симплона, насколько помню, потребовало не то семь, не то восемь лет и массу рабочих. Это значит, что через несколько лет в этих местах, так же как и в Северной Осетии, увеличится на несколько тысяч число рабочих и соответственно сократится количество крестьян, занятых земледелием или овцеводством...

Ватацци ударил перчаткой возницу по плечу. Преодолев крутой поворот и спуск, фаэтон, а за ним и вся кавалькада выкатились на пологий спуск к Душети.

«Пожалуй, сегодняшний разговор с экстравагантным пастухом был не так уж бесполезен, и он один по сути оправдывает всю поездку...» — так думал сенатор, сидя с непроницаемым лицом.

В этот день идея проекта потеряла один голос «за».

Вряд ли стоит описывать банкет на веранде. Разве только следует упомянуть о крайнем недоумении топографов и путейцев, которые с утра ожидали, каждый около своего планшета (воплощавшего тот или иной вариант начала генеральной трассы). Ни один из членов комиссии даже не зашел в рабочий кабинет, а все изыскатели были приглашены к столам не с планшетами, а с подносами.

¹ Конные стражники уездной полиции (*груз.*)

Дальнейшей судьбы этой комиссии и самого проекта Транскавказской железной дороги автор точно не знает. Известно лишь, что проект не был осуществлен, несмотря на то, что затратили немало денег и времени на изыскания, начало работ и на заседания.

Характерно, что в 1912 году, когда вышел в свет VI том Военной энциклопедии, на 506 его странице в серьезной оценке Военно-Грузинской дороги был напечатано: «До устройства прямой перевальной железной дороги через Главный хребет, она (Воен.-Груз. дор.) продолжает сохранять важное (стратегическое) значение». Это значит, что еще в 1912 году в российском генеральном штабе были ученые мечтатели, оторванные от понимания реальных возможностей государства. Во время первой мировой войны вопрос о Транскавказской железной дороге пришлось совсем оставить. Хотя нетрудно видеть, что ее необходимость стала еще более насущной, поскольку Тифлис был избран ставкой главнокомандующего Кавказским фронтом.

Но всего лишь за год до того, очевидно решив, что еще мало затрачено казенных денег, а реклама за границей поставлена недостаточно солидно, были приглашены иностранные инженеры в качестве экспертов. Набирали их преимущественно из числа имевших какое-либо отношение к постройке Симплонского туннеля, и хотя среди них находились специалисты различных национальностей, широкая публика называла их «швейцарскими инженерами».

На этот раз выезды на трассу, так же как и рассмотрение нескольких вариантов проекта в целом, были поставлены на широкую ногу. «Швейцарцы» получали солидный гонорар, а попутные обеды, пикники и банкеты организовывались с таким размахом, что даже Шахро остался доволен, поскольку ни одна из партий иностранных консультантов не проезжала мимо Белого духана без длительного изучения различных сортов кахетинских и карталинских вин и многочисленных вариантов приготовления традиционных блюд из барашков.

Насколько ошибались казенные мечтатели старого времени, подтверждает тот факт, что при возросшей мощи Советского Союза идея реализации перевальной дороги отложена на будущее время, тем более что острота проблемы значительно снижена постройкой причерноморской железной дороги (Туапсе — Сухуми — Цхакая).

Судьба двух тушетских магистров-пастухов осталась неизвестной, поскольку гражданская война забросила автора к берегам Балтийского моря и позволила впервые вернуться домой только в 1922 году, когда сенатор Эммануил Александрович Ватацци уже отбыл из Тбилиси далеко за пределы карталинских и кахетинских пастбищ. Вот почему так и не довелось узнать, удалось ли владельцам огромных отар укрыться на родине под буркой чабанов или пришлось срочно отбыть через Батуми и Константинополь в просвещенную Европу. Конечно, без бурок и папах, а в визитках и в брюках в полоску, столь обязательных для каждого уважающего себя адвоката.

2. Как «Гебен» и «Бреслау» прорвались в Черное море

Случай, который с полной достоверностью описан в этом рассказе, произошел в Севастополе в те давние времена, когда Черноморский флот состоял из одного старенького крейсера да еще из двух или трех маленьких миноносцев и тральщиков. Это было все, что осталось в наследство от сбежавшего «черного барона» Врангеля.

Вспоминая те дни, я до сих пор продолжаю недоумевать, откуда у наших моряков было прекрасное расположение духа и значительная доля веселой беспечности, хотя не дальше как в Босфоре периодически появлялись дредноуты Антанты, флоты которой раздулись к концу войны до невероятных размеров. Любая крейсерская эскадра новейших кораблей без особых усилий могла бы расправиться с соединением, которое носило громкое название: Морские Силы Черного моря.

Еще недавно арифметическая численность этого исторического флота была не так мала: в него входили бывшие землевозные шаланды («грязнухи») и несколько пароходов и буксиров торгового флота, наспех вооруженных орудиями малого и среднего калибра. Эти пушки подчас становились опасными для их носителей в большей степени, чем для белогвардейских и английских дестройеров (турбинных контрминоносцев), так как деревянные основания под орудия, на глаз сооруженные в Николаеве или в Мариуполе, часто проседали при выстреле — в строгом соответствии с расчетами академика Эйлера, выведенными еще в XVIII веке, — так называемой «Эйлеровой нагрузкой».

Как только молодая республика вступила в восстановительный период, декретом, подписанным Лениным, было приказано все плавающее хозяйство торгового флота возвратить соответствующим владельцам, объединенным в «Совторгфлот».

Откуда же этот задорный дух, боевое настроение и морской военный гонор, который, казалось бы, должен был угасать по мере спуска боевых флагов и вымпелов с убывающих шаланд, пароходов и буксиров?

Трудно делать окончательные выводы и заключения, но, очевидно нельзя не учитывать следующие обстоятельства.

Приказ сжаться в небольшую, но тугую пружину исходил от самого Ленина. На судостроительных верфях начали срочно достраиваться те подводные лодки, крейсера и эсминцы, которые врангелевцы затопили наспех, совершенно не допуская мысли, что большевики сумеют их поднять и когда-либо достроить. В Цемесской бухте водолазы ЭПРОНа¹ начали подводить стальные полотнища под кили кораблей, потопленных нашими же руками в трагический день 18 июня 1918 года.

Итак, состав Черноморского флота обещал наращиваться со дня на день. Поговаривали даже о модернизации старых боевых единиц.

Однако могли ли только эти еще полугадательные факторы повлиять на возрождение флотского боевого духа и лучших военно-морских традиций?

Конечно, нет. Думаю, что главной причиной являлось горделивое сознание недавней победы над четырнадцатью государствами, объединенными Уинстоном Черчиллем на базе организованной ненависти к «красным». Того самого известного всему миру Черчилля, который сохранил огромный штат советников (помимо английских) — вроде Савинкова, Врангеля, Кутепова, Юденича, Колчака и иже с ними.

Карикатуристы тех времен изображали красноармейца при входе в Кремль, насаживавшего на штык пропуска толпящейся очереди джентльменов в цилиндрах, причем на бумажках стояло только одно слово: «Признание». И действительно, те, кто еще вчера посылал свои экспедиционные войска в Архангельск, Владивосток, Баку и в Крым, сегодня спешили признать РСФСР не только де-факто (что под сурдинку ухитрились делать, еще не успев погрузить своих карателей на уходящие корабли), а по всей форме: де-юре.

¹ Экспедиция подводных работ особого назначения.

Однако это не все. Возможно, что решающую роль играло то обстоятельство, что мизерный Черноморский флот был укомплектован матросами, имевшими опыт не только первой мировой войны, но и всей гражданской. Теми самыми матросами и немногими офицерами, которые топили свои советские корабли в Новороссийске, а затем воевали с белыми и интервентами, пробравшись на флотилии Волги, Каспия, Северной Двины и Азовского моря, или дрались в десантных отрядах Кожанова, послуживших прототипом «Красной морской пехоты».

Принято думать, что моряк-одессит, заброшенный судьбой в Бразилию, Австралию, на мыс Горн или острова Микронезии, пройдя огонь, воду и медные трубы, в конце концов обязательно доберется к «дюку»¹. Севастопольские моряки показали образцы не менее стойкого регионального патриотизма и, постепенно просачиваясь на Корабельную сторону, стали опять оседать на кораблях или в пригородах легендарного города.

Отсутствие возможности проводить сложные морские учения и полноценные маневры компенсировалось усиленной боевой подготовкой, походами в сторону Батуми или Тендры и Одессы, а в остальное время теоретическими занятиями. Причем особое внимание уделялось офицерской учебе, сосредоточенной в добровольных научных обществах, так называемых ВНО. Очень модным и небезопасным почиталось периодически устраивать военно-научные диспуты, лекции и доклады. Вот где можно было и себя показать, и других послушать...

Начальство всецело поддерживало такого рода самодеятельность, благо она отвлекала хотя бы на короткое время скучающих командиров от разнообразных состязаний вроде дегустации крымских вин, от серенад под окнами командования или от остроумных, но небезопасных пари и прочих эскапад, объединяемых собирательным термином «шутки моряка». А для того, чтобы взрослые мальчишки не варились в собственном соку, периодически выписывались квалифицированные легкокры из Москвы или Петрограда, вплоть до степенных профессоров Морской академии. Надо отдать должное — до тех пор, пока это дело не обюрократили, оно, бесспорно, приносило пользу.

В гарнизонных или портовых городах вроде Кронштадта, Владивостока или Севастополя существует одна особенность, истоки которой пока еще не исследованы. Речь идет о почти полной невозможности сохранить в тайне какую-либо интимную затею, или дерзкий умысел, или хотя бы замышляемый «втихую» так называемый «проворот».

Более примитивные натуры объясняют подобное явление особой склонностью к сплетням аборигенов, умирающих от однообразия и скуки размеренной жизни или остро завидующих чужим радостям (что по сути одно и то же). Другие, склонные ко всему загадочному, объясняют способность офицерских жен к ясновидению особым инстинктом или чутьем, возникающим у жителей замкнутых поселений (включая, конечно, штабных писарей, вестовых, домработниц и особенно нянек).

Существуют и другие версии, однако нельзя согласиться до конца ни с одной из них. Одно ясно: почти невозможно добиться полной конспирации в тех случаях, когда дело касается сосредоточения для карточной игры, как нельзя скрыть время и место пробы нового бочонка из Массандры или затуманить встречу с особой другого пола, о чем вы не хотели бы извещать даже самого близкого друга.

¹ Герцог Арман Эммануэль де Ришелье (1766—1822), французский эмигрант, бывший градоначальник Одессы с 1803 до 1814 года, памятник которому стоит до настоящего времени на верхней площадке исторической Одесской лестницы

Бывают исключения, но очень редкие.
Об одном из таких я и хочу рассказать.

Время и место действия — кают-компания крейсера, приготовленная с утра под лекционный зал простым добавлением кресел из кают, так как привинченные обеденные столы стронуть невозможно.

Спокойное начало дня крымского лета прорывается через иллюминаторы внутрь корабля освежающим бризом и веселыми зайчиками отраженного от воды солнца.

Не то пушистые и прозрачные зверьки, не то светящиеся медузы непрерывно гоняются друг за дружкой по белоснежному подволоку и празднично преломляются в хрустале плафонов.

В середине подволока безостановочно и неумолчно жужжит громадный вентилятор, так как, несмотря на относительно ранний час и ласкающий сквозняк, в кают-компании тепло и душновато...

Прямо за председательским столиком — самодельный плакат из ватмана, на котором корабельные чертежники, очевидно еще с вечера, вывели тушью красивым и крупным «рондо»: «Как «Гебен» и «Бреслау» прорвались в Черное море в 1914 году». Лекция профессора В. А. Белли.

Справа от места председателя наискось подвешена большая карта Средиземного моря с расчетом: богу — богово, а кесарю — кесарево, то есть карта и столик лектора повернуты так, чтобы командиру крейсера было бы ясно не менее половины докладываемого, а остальное предназначалось начальствующему составу, независимо от званий и специальности, плотно заполняющему довольно просторное помещение.

Действующие лица... Конечно, начинать приходится с командира, известного не только здесь, в Севастополе, но и на всех флотах и флотилиях, — Николая Николаевича Несвицкого. Да, известного, если не знаменитого, тем, что, встретив Октябрьскую революцию в Гельсингфорсе лейтенантом, в должности старшего минера эскадренного миноносца «Самсон», он, не задумываясь, перешел на сторону народа и с тех пор безупречно служил в РККФ, связав свое имя с многими славными эпизодами гражданской войны и борьбы с интервентами.

Достаточно было назвать его фамилию, чтобы любой военный моряк тотчас вспомнил легендарный «ледовый поход», потопление английской подводной лодки «L-55» эсминцем «Азард»¹ и трагическую ночь гибели трех эсминцев Балтийского флота², взорвавшихся на минах, когда Несвицкий благодаря выдержке и умелому маневру спас четвертый эсминец, которым оказался тот же «Азард», и многое другое. Вспоминали и говорили о Несвицком с уважением, но и с опаской. Дело в том, что, относительно замкнутый, молчаливый и категоричный в своих суждениях, оценках и поступках, он не признавал ни уточнений, ни разъяснений и обычно принимал решения лаконичные и безапелляционные. Он очень редко выходил из своей каюты, за исключением дней походов.

Уважали его безусловно, но побаивались не меньше.

Что касается остальной массы слушателей, то нет смысла их перечислять, разве только отметить, что «духи» (то есть механики), лекаря и часть политработников считали, что они потревожены зря, так как прорыв немецких крейсеров в 1914 году к их роду деятельности отношения не имеет. Роптали, но вслух сказать никто не решался.

А старший артиллерист, окончивший академию, считал, что знает эту операцию не хуже германского адмирала Сушона, который осуществлял прорыв. Кроме того, он накануне познакомился с чертовски инте-

¹ 4 июля 1919 года совместно с эсминцем «Гавриил».

² В ночь с 21 на 22 октября 1919 года в Капорском заливе.

ресной дамой, женой известного в городе врача, с которой догулялся по Примбулю¹ до того, что гудели ноги, и — по условиям службы — выспаться не успел. Вот почему сейчас артиллерист выбрал себе место во втором ряду с явным расчетом вздремнуть, пока Белли будет докладывать.

Уместно представить и самого лектора, приехавшего в специальную командировку из Ленинграда.

Моряк до мозга костей, по семейной традиции он принадлежал к знаменитому роду выходцев из Англии, о предке которого в анналах Российского адмиралтейства сохранился совершенно достоверный исторический анекдот, увековеченный в официальных томах.

В 1799 году капитан-лейтенант Белли с небольшим отрядом (всего шестьсот человек) морских пехотинцев из экспедиции капитана Сорокина пересек Апеннинский полуостров от Манфредонии и с хода взял атакой Неаполь, защищаемый наполеоновскими войсками и королевскими молодчиками, обогнав при этом своих союзников — англичан и португальцев. Прочтя реляцию об этом беспримерном деле, Павел I написал такую резолюцию: «Белли думал меня удивить? Так я его удивлю!» И пожаловал капитан-лейтенанту ленту Анны 1-й степени, что было беспримерно, потому что по статуту этого ордена им можно было награждать персону, имевшую звание не ниже адмиральского.

Последующие Белли честно служили в русском флоте, но повторить что-либо подобное неаполитанскому штурму не имели возможности. Впрочем, все же новый анекдот, связанный с этой фамилией, дошел до наших дней.

Когда осенью 1913 года были заложены новые турбинные эсминцы типа «Новик», то один из них приказом морского министра наименовали «Капитан Белли» с расчетом, чтобы это имя и связанный с ним подвиг не забывались на флоте, а сберегались по традиции.

Главный морской штаб пошел дальше и назначил на строящийся эскадренный миноносец капитана 2-го ранга Белли В. А., последнего оставшегося в живых из этого рода.

Произошел редкий случай: кораблем «Капитан Белли» командовал капитан Белли.

Это и был наш лектор — моряк царского флота, с первых же дней Октября перешедший на сторону социалистической революции. В. А. Белли работал в комиссии по изучению истории первой мировой войны при Военно-Морской академии РККФ и, как блестящий лектор, стал преподавателем, когда первые «красные» слушатели первого набора своеобразного рабфака академии на девять десятых состояли из вчерашних матросов и боцманов, в бушлатах и тельняшках, с бескозырками, на которых золотом отблескивали имена таких кораблей, как «Аврора», «Гангут» или «Олег» (хотя последние два уже лежали на грунте Финского залива).

Сейчас он должен был проанализировать один из самых дискуссионных вопросов первой мировой войны.

Начало войны застало в Средиземном море два новейших германских корабля — линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау». В условиях, когда британский флот хозяйничал в Средиземном море, опираясь на Гибралтар — Мальту и Александрию, весь мир следил за германским отрядом, считая его судьбу предрешенной. При этом гадание на кофейной гуще предусматривало три варианта: 1) англичане сразу же настигнут и потопят германские корабли, для которых Средиземное море оказалось мышеловкой; 2) немцы могут прорваться в Адри-

¹ Сокращение: Приморский бульвар.

атическое море и укрыться в портах Австро-Венгрии; 3) наконец самое непопулярное предсказание предусматривало возможность прорыва в Дарданеллы, где германский флаг оказался бы в водах нейтральной Турции.

Жизнь продемонстрировала всю сложность этой драматической ситуации. Но прежде хотелось бы сказать несколько слов об аудитории, размещенной в кают-компании черноморского крейсера.

В наши дни, в канун пятидесятилетия советской власти, многим, особенно молодым, военным читателям, возможно, покажется нелепой описываемая картина. Сейчас каждый офицер обязан знать направление и напряжение хода международных событий и готов сделать доклад о положении в юго-восточной части Азии или провести собеседование о внутренней политике КПСС. И все это в условиях очень усложнившейся боевой техникой и тактики атомного века.

Сейчас офицер уже не тот — он более политически образован и активен. Суть в том, что подчиненные ему матросы изменились в еще большей степени. Это уже не те «братишки», которых мы привыкли видеть на сцене и особенно часто на экранах. Сейчас почти все молодые матросы — комсомольцы. Но главное — в том, что образовательный уровень новобранцев редко опускается ниже семи классов средней школы, а есть экипажи, в которых много окончивших десятилетку, что предъявляет к офицеру флота очень высокие требования. Иначе нельзя завоевать себе тот авторитет, без которого невозможно уверенное и авторитетное командование боевой частью или кораблем.

Не легче приходится политработникам, потому что, при общем уровне образования не ниже офицеров-специалистов, они должны еще владеть знаниями и навыками воспитателей, что также является своеобразной и трудной специальностью.

Эпизод на крейсере двадцатых годов, описываемый мною, может служить как бы индексом, своеобразным мериллом того, как далеко шагнули мы за последние годы, в особенности после Великой Отечественной войны.

Нелепым может показаться и такой отнюдь не академический вопрос: «Можно ли незаметно спать, сидя на совещании?»

Многие опытные товарищи, в свое время немало часов проспавшие стоя на часах, утверждают, что можно. Раз можно спать стоя, то очевидно, что сидя — тем более. Все зависит от удобства позы и от того, нет ли помех со стороны.

Вот почему старший артиллерист, выбрав низкое кресло во втором ряду, устроился так, чтобы целиком укрыться за спиной трюмного механика, который, очевидно, очень хотел попасть в поле зрения строгого командира, с тем чтобы продемонстрировать повышенный интерес даже к оперативным проблемам, лишь бы они были выдвинуты уважаемым шефом.

С этого момента все зависело от искусства не менять пеленга на председателя так, чтобы трюмный механик все время экранировал «отдыхающего» от глаз командира. Что командир, как всегда, будет сидеть с неподвижностью Будды — артиллерист не сомневался: он служил вместе с Несвицким несколько лет.

Наконец послышалось разрешение начать доклад: в ту же минуту прекратилась возня с курением и размещением приглашенных.

Опытный лектор сделал краткое вступление о запутанном международном положении, сложившемся перед началом войны, после чего плавно поплыл по страницам истории десятилетней давности, почти не заглядывая в конспект. Следуя за концом указки, плавно поплыли к

берегам Северной Африки германские крейсера под командованием контр-адмирала Сушона, оказавшегося хорошим дипломатом, отличным моряком и изрядной лисицей.

О фактическом открытии военных действий с Францией Сушон узнал по радио и 4 августа нахально обстрелял порт Бон и Филиппвиль, в которых грузились французские колониальные войска, направлявшиеся в метрополию. Налет был дерзким, совершенно неожиданным и остался абсолютно безнаказанным. Затем — скачок в Мессину, принадлежавшую пока еще не воюющей Италии, где адмирал уговорил дать ему топливо. Там же он узнал об объявлении войны Англией. Ложными маневрами Сушон запутал и французский флот, и англичан, но в конце концов на горизонте показались английские броненосные крейсера «Индефетигейбл» и «Индомитейбл» в сопровождении легкого крейсера «Даблин».

Началась погоня.

Международная обывательская молва всегда приписывала немцам — особенно военным — исключительную пунктуальность и организованность: Сушон вряд ли мог согласиться с этим ходячим мнением, так как сперва он получил радиодирективу прорываться в Атлантику, а через несколько часов — в австрийские порты, со специальной оговоркой, что переход в Дарданеллы запрещается.

Но хитрый адмирал смотрел дальше Оберкомандомарине (ОКМ) и знал, что в правящих кругах Турции грызутся две группировки: одна — за союз с Германией и войну с Россией, а другая — за позицию нейтралитета.

Инсценировав неполучение последней директивы, Сушон начал отходить на восток. Маневр был очень рискованным, так как из-за незавершенного ремонта котлов «Гебен» мог давать максимум 22,5 узла, а именно в скорости было все его преимущество перед англичанами, вооруженными двенадцатидюймовыми пушками.

Небезынтересно, что английский историк Корбетт, ссылаясь на немецкие источники, писал: «Попытка пройти в Дарданеллы представлялась настолько сомнительным предприятием, что большинство офицеров написало завещание».

Сушон оказался прав и по другой причине. Хотя он и знал, что за ним неизбежно будет организована погоня, еще яснее он понимал, что англичанам его корабли были бы значительно более опасны в Атлантике или Адриатике, так как в обоих случаях они угрожали бы британским коммуникациям — этой ахиллесовой пяте островной империи. Усиление же турецкого флота увеличивало хлопоты для русских. Правда, последние являлись союзниками, — но не в традициях Великобритании было помогать России тянуться к Босфору (хотя это и было оговорено в тайных соглашениях Антанты).

Когда справа по траверзу показался еще один британский крейсер, следовавший неотступно, — казалось, что петля затягивается все туже и рискованное решение приведет немецкие корабли к гибели. Однако «Глочестер» уже под вечер, «обменявшись залпами», как говорят моряки, скрылся в гемноте. Остальные отстали еще раньше.

Не помню, какая погода была у мыса Матапан, пройдя который немцы беспрепятственно пересекли Эгейское море, но аудитория в кают-компаниях явно стала дифференцироваться на увлеченных искусным изложением охоты за немецкими крейсерами и на тех, кого сморила духота, теснота, однообразное жужжание вентилятора и голос ленинградского профессора.

К числу вторых явно относился и артиллерист.

«К черту «Гебена»!.. К черту «Бреслау»! Но их еще можно стерпеть. А вот проклятые зайчики, без усталости мелькающие в глазах, и коварный вентилятор, размахивающий своими длинными лопастями,— переписать невозможно»...

Артиллерист закрыл глаза, предварительно из-под уха трюмного механика проверив сосредоточенную неподвижность командира. Так удачный проход «Гебеном» и «Бреслау» мыса Матапан явился критическим не только для хитрого Сушона, но и для артиллериста, который сразу же заснул, как только сомкнул веки.

Утром 7 августа 1914 года немецкий отряд вошел в территориальные воды Турции, а германский официоз объявил всему миру, что «Гебен» и «Бреслау» проданы османскому правительству. Последнее назначило адмирала Сушона командующим турецким флотом.

На Британских островах разразилась буря общественного негодования.

«Как?! Мы держали в Средиземном море значительную часть королевского флота и не можем потопить каких-то два немецких крейсера, из которых один даже не имеет полного хода?»

Позор! Плохое начало войны для владычицы морей».

Адмиралтейство старалось заглушить шум вокруг этого эпизода, но оскорбленная национальная гордость англичан все же вынудила начать следствие, а затем передать разбор прорыва «Гебена» и «Бреслау» на решение специального суда.

Козлом отпущения решено было сделать контр-адмирала Трубриджа, следившего на крейсерах за Отрантским проливом.

Тем же размеренным голосом докладчик продолжал:

— По этому поводу Корбетт пишет: «Суд оправдал действия Трубриджа, не найдя в них состава преступления, так как он действовал строго в соответствии с полученными инструкциями». Инструкции путанные и не соответствующие фактическому ходу поиска и погони давал старший адмирал Мильн, однако последний к суду и следствию привлечен не был.

Строго уложившись в обусловленное время, профессор Морской академии перешел к интригам Сушона-паши, закончившимся внезапным обстрелом Одессы, Севастополя, Новороссийска и Туапсе, чем оппозиционная «партия нейтралитета» во главе с великим визирем в Константинополе (от которой скрывалась подготовка к предательскому удару) была поставлена перед совершившимся фактом и тем самым выведена из политической игры. Военные действия на Черном море начались — фактически без объявления войны — в 3 часа ночи с 28 на 29 октября 1914 года.

Белли эффектно закончил свой доклад — после краткой паузы он сказал (при этом в негромком голосе далекого потомка британской фамилии прозвучала нотка сарказма):

— Сэр Юлиан Корбетт, несмотря на оправдание Трубриджа, все же вынужден был признать в своем многотомном труде «Случай с уходом «Гебена» остается тенью в нашей морской истории...»

В кают-компании наступила облегающая пауза, и до того неподвижные слушатели зашевелились, тихонько вытаскивая портсигары в ожидании, когда командир (сам некурящий) наконец разрешит подышать.

Внезапный шум отодвигаемых кресел разбудил артиллериста, жгучая мысль пронзила его: «Заметил ли?.. Видел ли?»

Трюмный механик оказался в двух или трех градусах в стороне от исходного пеленга, но лицо председательствующего ничего не говорило

После томительной паузы с председательского места раздался суровый, но спокойный голос:

— Какие будут вопросы к докладчику?

Опять пауза.

То ли утомление и истома, охватившая всех после полуторачасового доклада, то ли сказалось приближение установленного часа обеда, привычного, как и другие элементы строго уставного распорядка дня, и выработавшего условный рефлекс,— но все молчали.

Однако дальше произошло непредвиденное. Когда пауза себя исчерпала и командир крейсера захлопнул папку, готовясь закрыть научное собрание, неожиданно для всех, а главное — для самого себя, выткнувшись в стойке «смирно», старший артиллерист громко, но почти-тельно произнес:

— Разрешите вопрос к докладчику?

— Пожалуйста!

Но, собственно, никакого вопроса он еще не подготовил. Движение было чисто импульсивное, чтобы показать свою активность и заинтересованность темой.

За плечом председательствующего висело объявление. И тогда артиллериста осенило, и, как бы бросаясь в холодную воду, но голосом почтительным и проникновенным он произнес:

— Было бы очень интересно узнать, а как же все-таки «Гебен» и «Бреслау» — прорвались в Черное море?

Случись такое на другом корабле — последовал бы гомерический хохот, но в присутствии Несвицкого это было невозможно.

Наступила какая-то церковная тишина.

Даже показалось, что маховик вентилятора стал быстрее работать, а зайчики забегали в веселом восторге.

Больше всех потрясен был лектор, который, слегка приподнявшись, смотрел вопросительно на председательствующего.

Но тот, не меняя в лице ни одной черточки, сделал рукой движение ленинградскому профессору и спокойно изрек:

— Не беспокойтесь — отвечу я!

Затем, повернув голову к любознательному артиллеристу, с той же интонацией добавил:

— Трое суток ареста при каюте, с исполнением служебных обязанностей.

— Есть! — последовал четкий ответ, сопровождаемый стуком сожмнутых каблуков.

— Будут ли еще вопросы к докладчику?

Больше вопросов к докладчику не было.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

ПОЛИНА ВИНОГРАДСКАЯ

★

ОКТАБРЬ В МОСКВЕ

Предлагаемые читателю страницы из воспоминаний¹ ни в коей мере не претендуют на полноту изображения событий или подробное хронологическое описание боев в Октябрьские дни. Это всего лишь отдельные эпизоды, которые автор наблюдал или в которых принимал непосредственное участие, изложенные так, как они сохранились в памяти. Автору посчастливилось работать с товарищами, активно участвовавшими в этих событиях, руководившими ими. Многие из них отдали жизнь за революцию, и хочется напомнить о них. В будущем году мы будем отмечать полувековой юбилей советской власти. Пятьдесят лет для истории — всего лишь миг. Но за эти полвека у нас сменились три поколения. Молодежь должна знать историю Октября.

1

Двадцать пятое октября 1917 года. Московские большевики с нетерпением ждут сообщений из Петрограда. На вечер назначено пленарное заседание Московского Совета рабочих депутатов. А утром в полном составе собралась большевистская фракция исполкома Совета. Заседает фракция в помещении Московского Совета рабочих депутатов на Скобелевской, ныне Советской площади. Здание это — бывшая резиденция московского генерал-губернатора — в ту пору имело всего два этажа, не считая цокольного и получердачного. Парадный подъезд с массивной дверью со стороны площади вел на широкую мраморную лестницу с позолоченной балюстрадой, перила которой были обтянуты красным плюшем. На первой площадке лестницы висела огромная картина: царь Александр III принимает депутацию российского земства.

Стены комнат второго этажа были обтянуты шелковым штофом — красным, сиреневым, голубым. Здесь помещались: канцелярия, секретариат и президиум Моссовета, а все его отделы располагались на первом этаже. Так называемый Белый зал, стены которого были отделаны мрамором, служил местом заседаний исполнительного комитета — там в течение всего семнадцатого года большевистская фракция яростно сражалась с меньшевиками, эсерами.

У каждой фракции была своя комната, где предварительно выработывалась тактика, обсуждались текущие вопросы, готовились резолюции, которые позднее предстояло вынести на обсуждение исполнительного комитета, а затем пленума Совета.

Но в тот день, о котором я рассказываю, большевистская фракция забралась на самую верхотуру — на получердачный этаж. По этому случаю пожилой рабочий, член исполкома А. В. Радзивиллов, всегда склонный немного поворчать, высказал мне, как секретарю фракции, свое недовольство.

— Ну, вполне понятно, товарищ Виноградская, когда в старое время для подпольной работы нам приходилось прятаться в подвалах и на чердаках. Но поче-

¹ Воспоминания полностью выйдут в Издательстве политической литературы.

му теперь, после февральской революции, нам надо лезть к черту на кулички, да еще по такой лестнице — никак не пойму.

И впрямь это была очень крутая винтовая лестница. Швейцар, доставшийся нам в наследство от прежнего хозяина, толстый и важный старик в ливрее, обшитой галунами, говорил, что сверху по этой лестнице «подавали господам вино и еду» Наши депутаты И. Г. Булочников и Е. Н. Игнатов, которые сами до революции работали поварами и хорошо знали вздорные нравы прежних господ, — и те поражались:

— Как можно человека с подносом, уставленным бутылками и снедью, заставлять жонглировать на такой крутизне? Тут нужен не лакей, а акробат!..

Действительно, на первый взгляд казалось странным, что наша большевистская фракция, после сентябрьских выборов ставшая самой многочисленной и сильной в Совете, добровольно перекочевала в очель тесную комнатушку, и притом на самый верх — на гочубятню. Но это было необходимо: срочные серьезные вопросы, поставленные в то утро на обсуждение фракции, вынуждали нас изолироваться от соседствовавших с нами меньшевистской и эсеровской фракций; непрерывно углублявшаяся пропасть между ими и нами в те дни стала уже непроходимой.

Вспоминаю, какой вой подняли меньшевики, когда мы еще до Октября явочным порядком провели в жизнь ряд таких мероприятий, как введение восьмичасового рабочего дня, частичное разрешение жилищного кризиса путем уплотнения буржуазии и вселения рабочих в просторные, роскошные особняки, установление моратория на квартирную плату.. Помню наконец позорное поведение меньшевиков, когда большевистская фракция потребовала, чтобы Совет выразил протест против введения на фронте смертной казни. Меньшевики испуганно стояли за войну до победного конца, то есть до последнего русского солдата. Они ратовали за то, чтобы солдаг, не желающий воевать, расстреливали на месте!

К оборонцам и меньшевикам хорошо «приставали» слова популярной в то время песенки:

Еще не было и маковой росинки
От этих февральских свобод,
А они все: марш, марш на фронт,
Рабочий народ!

Когда московские пролетарии и солдаты шествовали к Совету, как это было в июльские дни и в дни забастовок, то они обращались почти исключительно к большевистским депутатам. Только большевиков считали они своими подлинными защитниками и только от них ждали решительных, по настоящему революционных действий.

В составе большевистской фракции Совета были давние соратники Владимира Ильича, те, кто пошел за ним еще в ту пору, когда он бросил свой знаменитый клич: «Дайте нам партию коммунистов, и мы перевернем Россию». Те, кто помогал ему закладывать основы фундамента партии, такие испытанные большевики, как В. А. Обух¹, П. Г. Смидович, Н. А. Семашко, М. С. Ольминский, Н. Л. Мещеряков, А. А. Сольд, Е. М. Ярославский, И. И. Скворцов, С. И. Мицкевич, М. Ф. Владимирский, Р. С. Землячка, В. П. Ногин, В. П. Милютин и другие.

Среди членов нашей фракции были и более молодые представители прогрессивной интеллигенции, которые пришли позднее в ленинскую партию. Это были те, которых революция девятисот пятого года застала еще на гимназической скамье или в студенческой аудитории, как, например, Н. М. Лукин-Антонов — впоследствии известный историк, Н. П. Богослов — экономист, А. Ломов и В. М. Фирсов — юристы, Г. А. Усевич — студент, и многие другие.

Особенно значительной была во фракции прослойка рабочих. Она вобрала в себя цвет московского пролетариата. Тут мы видим старшее поколение, просла-

¹ Представители старшего поколения Обух, Скворцов, Владимирский и другие были не только депутатами Моссовета но также членами городской думы, где они на протяжении семнадцатого года вели борьбу с эсеров-кадетским засильем.

вившее себя на баррикадах Пресни и Замоскворечья еще в пятом году. — Н. Т. Меркулов, А. Д. Блохин, и рабочих более позднего призыва — В. В. Сахаров, А. М. Орехов, К. Г. Максимов, К. А. Уханов, И. В. Косиор, А. А. Алешин и другие. И наконец совсем молодых пролетариев, которых разбудил набат революции семнадцатого года.

Вспоминаю, с каким волнением читали мы ленинские слова о Москве. Незадолго до Октября Владимир Ильич писал: «...Москва теперь, после Московского совещания, после забастовки, после 3—5 июля, приобретает или может приобрести значение центра... Крайне важно, чтобы в Москве «у руля» стояли люди, которые бы... понимали новые задачи, новый лозунг взятия власти...»¹.

В то утро, в канун исторического дня, большевистская фракция и обсуждала знаменитый лозунг Ленина: «Большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки»².

2

На заседании атмосфера взволнованная, напряженная. У выступающих громкие, уверенные голоса. В глазах воля, решимость. И курят, курят все без конца. Малюсенькая комната полна дыма.

Вот встает с своего места старый рабочий-подпольщик Ю. Ф. Шиллерт. Рубя ладонью дымный воздух, он говорит, что перед нами один выход — выход, указанный Лениным. Немедленное вооруженное восстание! Оно назрело и неизбежно! Надо действовать решительно и смело. Налицо все предпосылки победы.

Вслед за Шиллертом выступает спокойный и рассудительный И. В. Русаков. Этот старый большевик пользовался большим авторитетом у московских рабочих. Он был необычайно скромнен, и мало кто знал, как многогранен этот человек, как разносторонни его интересы. Русаков был не только врачом, но и великолепным музыкантом. О последнем я узнала при совершенно неожиданных обстоятельствах на Южном фронте в 1919 году. Выйдя с боями из мамонтовского окружения, мы брели вдоль сожженных деревень голодные, с исцарапанными в кровь ногами и не могли найти пристанища, пока не увидели на опушке леса уцелевший барский дом. Доносившиеся оттуда звуки рояля нас насторожили. Предположив, что там белые, мы побоялись войти. Показавшийся из дома красноармеец развеял наши опасения, мы вошли. За роялем оказался Русаков, игравший Чайковского. Поговорить как следует мы не успели. Он поспешил за своей санчастью. Больше я его не видела. Русаков уехал позднее на Кронштадтский фронт и там погиб...

На заседании фракции он говорил, что страна находится на грани экономической катастрофы. Транспорт, финансы, промышленность, продовольственное снабжение — все пришло в полный упадок. Особенно ударила по рабочему классу локаутная политика буржуазии. Капиталисты закрывают фабрики, саботажничают, выбрасывают рабочих на улицу, обрекают их семьи на голодную смерть.

«Да, да», — думаю я, слушая Русакова, и вспоминаю конфликты, которые президиум Совета без конца вынужден был разбирать на заводах Гакенталья, «Гном и Рон», «АМО», Михельсона, Цинделя, Гужона. На заводе Второва дошло до того, что рабочие усадили всю администрацию в тачки и вывезли на мусорную свалку. На «Гужоне» рабочие сами пустили завод и отлично справились с производством.

Более двух месяцев длилась забастовка кожевников, назревали стачки металлистов, железнодорожников, текстильщиков. Инфляция достигла чудовищных размеров.

Даже такой аполитичный поэт, как Игорь Северянин, писал:

Народ, жуя ржаные гренки,
Ругает «детище» его,
Ведь потруднее сбить «керенки»,
Чем Керенского самого.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 77.

² Там же, стр. 239.

Московский Совет по настоянию большевистской фракции вынужден был тогда, перейдя к решительным действиям, принять декрет № 1, по которому фабриканты, устраивающие локаут, подлежат аресту, а их фабрики — секвестру. Вспоминаю, как меньшевик Кибрик, низенький, невзрачный, с морщинистым лицом, вскинулся на нас.

Он, считавший себя марксистом и проспавший всю жизнь с «Капиталом» Маркса под подушкой, наконец-то очнулся и, воздевая руки к небу, точно призывая в свидетели бога, кричал:

— Аресты капиталистов Советами при наличии правительственной, законной, официальной прокуратуры и суда!.. Да ведь это чревато захватом власти...

Да, меньшевики и эсеры признавали только один вид борьбы — с иконами против пушек и с фразами против капитала.

После Русакова выступает старый рабочий Н. Т. Меркулов. Блестя глубоко запавшими глазами, то расстегивая, то застегивая ворот рубашки, он взволнованно спрашивает:

— Разве мы имеем право забывать, как капиталисты, чтобы задушить революцию, безобразничают весь этот год? Прячут сырье, портят машины, изымают из банков капиталы...

Вслед за Меркуловым встает потомственный рабочий А. М. Орехов, член партии с 1907 года, и напоминает, что только накануне контрреволюцией был разгромлен Совет рабочих депутатов в Калуге.

— Это уже не Корнилов, а само правительство Керенского наступает на Советы. Чего еще ждать? И наш Совет под угрозой разгрома. Необходимо выступить. Только власть рабочих и крестьян может вывести страну из состояния хаоса и ужаса!.. — горячо говорит он.

Все более душно и дымно становится в нашей чердачной комнатке, все громче и решительнее звучат голоса выступающих.

Поднимается Уханов. Я смотрю через стол на его энергичное, сухощавое лицо и думаю, что этот всамделишный «кухаркин сын» не мог не прийти к революции. Отца он не знал. Мать его, жившая в прислугах, сошла с ума и окончила жизнь в психиатрической больнице. Десятилетний Костя Уханов остался один-одинешенек на белом свете. Обладая хорошим голосом, он ради куска хлеба пел в церковном хоре, а жил у чужой старухи, содержательницы притона. Не выдержал, сбежал, поступил в ремесленную школу в Костроме и сам вывел себя в люди. Работал на заводах Питера и Москвы, примкнул к рабочему движению, в 1907 году вступил в партию большевиков. Затем пошли аресты, этапы, ссылки.

Начиная с февральской революции пролетарии завода «Динамо» в течение нескольких лет избирали Уханова депутатом Моссовета. Выбирая его в шестой раз, рабочие в своей резолюции писали: «...на шестом году существования советской власти мы, рабочие завода «Динамо», подчеркивая теснейшую связь со своей партией, партией коммунистов-большевиков, которая вывела рабочий класс из подполья на широкую самостоятельную дорогу, выбираем тех же самых товарищей большевиков, которых мы послали в первый Московский Совет 1917 года, — т.т. Уханова и Соколова». Видно, не случайно рабочие вновь и вновь избирали Уханова своим депутатом. В Московском Совете он проявил себя очень дельным и вдумчивым работником. Он не только был избран в члены исполкома и президиума Моссовета, но и его председателем.

— Восстание неизбежно, — говорил он. — Рабочие на собраниях требуют: довольно агитировать, пора брать власть в свои руки. Сколько можно ждать? Вспомните, что говорил Ленин: все будущее русской революции поставлено на карту. Не взять власти теперь — значит погубить революцию!

Уханова перебили на полуслове, — в комнату вдруг влетела снизу, из канцелярии, С. Б. Бричкина, а вслед за ней А. А. Додонова и, размахивая бумажкой, крикнула:

— Вот телефонограмма из Питера, только что передана Ногиным: «Вся власть перешла к нам!»

— «Сегодня ночью, — читал отчетливо председательствовавший при внезапно наступившей тишине, — Военно-революционный комитет занял вокзалы, Государственный банк, телеграф, почту. Теперь занимает Зимний дворец. Правительство будет низложено. Сегодня в пять часов открывается съезд Советов.

Переворот произошел совершенно бескровно, ни одной капли крови не было пролито, все войска на стороне Военно-революционного комитета»¹.

Что здесь началось! Одновременно заговорили, закричали, наверно, все. Вот рабочий А. А. Алешин, который через год погиб на одном из фронтов гражданской войны, бросился обнимать соседа, кричал:

— Немедленно в бой!

Вот латыш А. Ф. Вимба стучал кулаком по столу.

— Надо поддержать Петроград, обязательно надо!

Решительно вскакивает стремительный А. М. Ведерников. Алексей Михайлович (по кличке «Сибиряк») — рабочий с завода «Дукс». Московские пролетарии знали его хорошо по революции 1905 года, активным участником которой он был. Человек крупный, крепкий, огромной воли и железной закалки, он в годы реакции мужественно перенес пытки, которым подвергся в каторжной тюрьме. В Октябрьские дни он входил в состав Военно-революционного комитета как начальник Красной гвардии при военном бюро МК, был одним из самых решительных и непримиримых к врагам. Но его организм был надломлен, и в 1919 году его не стало.

На заседании фракции он говорил кратко и четко:

— Ждать больше нельзя! Ни одной минуты нельзя медлить!

Председатель суммирует:

— Все сказано, все ясно. Не нужно больше слов. Путь указан Лениным... За работу!..

И вот уже от имени большевистской фракции Л. И. Каменская (из отдела районов) сообщает по всем районным Советам радостную весть по телефону:

— Слушайте, слушайте! «Борьба за власть в Петрограде началась... Город в руках революционного центра... Установить дежурство круглые сутки членов исполнительного комитета... На вечер назначен пленум. Присутствие членов Центрального Совета рабочих и солдатских депутатов обязательно всем...»².

А по районным комитетам партии еще до этого Московский комитет разослал свою телефонограмму. Намечаются необходимые срочные организационные мероприятия. Выполняется распоряжение МК о занятии почтамта, телеграфа и т. д.

Обсуждается список кандидатов в Военно-революционный комитет, рекомендованный Московским комитетом партии, который будет вечером предложен на утверждение пленарного заседания Московского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Но прежде чем отправиться на этот последний, предоктябрьский пленум в Политехнический музей, нам необходимо спуститься в помещение Совета по пресловутой винтовой лестнице.

Сегодня члены нашей фракции шагают по ее железным ступеням необычно размеренно и гулко. На лестнице стоит такой шум, гочно слышны «саженьи шаги» рабочих батальонов. А нас всего человек тридцать.

3

Открыть историческое пленарное заседание в памятный вечер 25 октября большевистская фракция поручила Петру Гермогеновичу Смидовичу.

Петр Гермогенович, которого все называли «старейшим» или «стариком» (хотя ему тогда было всего сорок три года), был бел как лунь, но сквозь его легкие

¹ «Большевистские Военно-революционные комитеты». М. 1958, стр. 268

² «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве» М. 1957, стр. 384.

очки в золотой оправе смотрели всегда ясные, голубые, по-детски улыбающиеся глаза. Мне кажется, что в глубине души Смидович был поэтом, мечтателем, он как бы уже тогда видел иной, лучший мир, очищенный от скверны эксплуатации, наживы и жестокости. Он любил повторять: «Для всех там хватит и хлеба и роз...» У Петра Гермогеновича были две затаенные страсти: цветоводство и музыка. Но только после того, как укрепилась основательно советская власть, он смог на старости лет заняться разведением своих любимых клубничных и анемонов и играть в сумерки сонаты Бетховена и прелюды Шопена.

Помню, как в самые напряженные минуты Октябрьских боев, когда юнкера окружали Совет и внутри взрывались бросаемые ими гранаты, Петр Гермогенович подошел к стоящему у окна молодому рабочему-красногвардейцу со словами: «Ведь ты так молод, а тебя могут здесь убить, отойди!..» И парень посмотрел на Смидовича недоуменно и даже как бы с упреком...

Доверчивость и наивность Смидовича иногда причиняли в Октябрьские дни и неприятности. Коварный враг стремился использовать каждую щель, каждую лазейку, чтоб нас задушить, а Смидович поддавался на шептываниям всяких посредников и верил, что путем переговоров можно добиться «наименьшего пролития крови».

Нас, работавших с ним, всегда поражало это. Жизнь у него была беспокойная, напряженная. В двадцать лет Смидович — сын потомственного дворянина — был исключен из университета за участие в нелегальных студенческих организациях, арестован и выслан. Из ссылки уехал в Париж, где в 1897 году окончил с отличием Высшую электротехническую школу. Здесь, в промышленно развитой стране, он с предельной отчетливостью увидел непримиримые противоречия, лежащие между «трудом и капиталом», и окончательно решил посвятить свою жизнь подготовке русского пролетариата к предстоящим ему революционным боям. В официальной анкете, где выпускники делились своими дальнейшими планами, Смидович написал, что желает остаться рабочим, «pour pouvoir franchement lutter pour la revolution sociale» (чтобы иметь возможность честно бороться за социальную революцию)¹. Зная, что в России под своей фамилией он не сможет поступить рабочим на завод и что у него нет для этого практических навыков, он переезжает в Бельгию и устраивается на предприятии «Международной компании электричества». Приобретя квалификацию электромонтера, он с паспортом бельгийского подданного возвращается в Россию и устраивается рабочим, чтобы теснее сблизиться с пролетариатом, делить с ним и труд и жизнь.

Для Смидовича это не было хождением в пролетариат. Это была в полном смысле жизнь пролетария. И не день, не неделю, не месяц или год — это длилось полтора десятка лет! В течение пятнадцати лет Смидович жил с рабочими, ютился в каморках и углах рабочих казарм, делил с товарищами по труду последний ломоть хлеба и кружку кваса, последнюю щепоть табака.

Будучи арестованным в Петербурге, Смидович, как подданный иностранной державы, был выслан полицией за границу. Русское правительство даже не подозревало, какая важная птица упорхнула.

Ленин за границей поручил Петру Гермогеновичу налаживание транспортировки нелегальной литературы через Марсель и Баку, а затем через Женеву и Берлин в Россию. А спустя два года Смидович по поручению Ленина снова возвратился в Россию, чтобы здесь, на месте, наладить печатание «Искры».

Бельгийского подданного Смидовича можно было встретить тогда то под фамилией Зыкина, то Червинского, то Матренова — в зависимости от того, какой удавалось сфабриковать русский паспорт. Кстати, последняя его фамилия и послужила основанием для его партийной клички — «Матрена». За эти годы Смидовичу пришлось поработать на Брянском заводе (ныне завод имени Петровского), на стройке Керченского металлургического завода, у Эриксона в Москве, на Невском металлургическом заводе в Петербурге и на многих других предприятиях. Всю

¹ ЦПА, ф. 151, оп. 1, ед. хр 7.

Россию исколесил он, меняя города, заводы и свою фамилию, — постоянно мчался туда, где был нужнее партии.

Первая русская революция застаёт Смидовича в Баку членом партийного комитета. Осенью он уже член Тульского комитета, а затем участвует в баррикадных боях пятого года в Москве. После поражения революции 1905 года, работая на московской трамвайной станции, он восстанавливает разгромленные партийные организации в Москве, в Коломне, в Егорьевске, руководит стачками. А когда после ссылки начало сдавать сердце, П. Г. Смидович вынужден был перейти на должность инженера. Он поступил на электрическую станцию «Общества 1886 года». Там и застала его февральская революция.

Таков дореволюционный путь нашего «старейшего» Петра Гермогеновича, который должен был вечером открыть пленум Московского Совета.

4

И вот после бурного заседания фракции мы направляемся в Политехнический музей, где обычно проводились пленарные заседания.

Мы задерживаемся на Скобелевской площади в ожидании транспорта. Как рано стемнело. Небо свинцовое. Дождь, ветер... Людей почти не видно. Тишина, и какая-то напряженная — словно город притаился в тревожном ожидании. Только чугунный генерал Скобелев на своем вздыбленном коне одиноко высится на площади против Совета с выкинутой над головой шашкой, словно угрожая ему.

Вскоре памятник этот снесли и отправили в переплавку. А еще через некоторое время, после принятия первой советской конституции, на месте памятника поднялся обелиск со статуей Свободы.

Тогда вечером, стоя с товарищами на площади, я думала: чего только не перевидала эта небольшая площадь за минувшие месяцы бурного семнадцатого года!..

Все лето в бурлящей Москве происходило непрерывное митингование. Но особенно многолюдные митинги бывали именно на Скобелевской площади да еще, пожалуй, на Страстной, у памятника Пушкину. Митинги длились с утра до поздней ночи. Один оратор сменял другого. Слушатели — от волнения ли, от голода ли — непрерывно лузгали семечки. И казалось, Пушкин, задумчиво склонив голову, прислушивается к страстным политическим спорам. А популярный в буржуазных кругах в то время директор и конференсье «Летучей мыши»¹ Баглиев, насмехаясь над массами рабочих и солдат, ехидно острил: «А ведь недаром сказал Пушкин: «Ко мне не зарастет народная тропа» Да разве она может зарасти, когда вся тропа к нему густо усеяна шелухой от семечек».

Помню особенно шумные демонстрации на этой площади в июльские дни.

Несмотря на то, что меньшевики и эсеры провели в Совете резолюцию, запрещавшую в Москве манифестации и уличные митинги, вечером 4 июля из районов к центру города под руководством МК партии все же двинулись рабочие. В пути черносотенные элементы пытались напасть на демонстрантов, вырвать у них знамена. Вся Скобелевская площадь и прилегающие к ней улицы оказались плотно забиты народом. Появление нескольких сот солдат заставило погромщиков утихомириться.

Нарядно одетая публика — мужчины в котелках, дамы в шляпах с огромными полями и страусовыми перьями, офицеры, позвякивающие шпорами, — жалась к стенам домов и отпускала вполголоса ругательства по адресу демонстрантов. Настороженные рабочие все же добродушно посмеивались в ответ: «Да, настали другие времена! Мы с вами поменялись местами. Раньше вы с вашими каретами занимали все улицы, нас теснили к стенкам, а сейчас мы занимаем улицы, вас тесним!»

После июльских событий нашим товарищам стало опасно показываться на

¹ Варьете «Летучая мышь» помещалось тогда в Большом Гнездиновском переулке, где позднее был цыганский театр «Ромэн».

публичных митингах. Не только в Питере, но и в Москве контрреволюция подняла голову... Она захватила Скобелевскую и Страстную площади и хозяйничала там безраздельно. Контрреволюционеры призывали к разгрому Совета: там-де заседают фракция шпионов-большевиков.

Никогда не забуду, как однажды во враждебной нам толпе очутился А. Ломов со своим товарищем. Когда лощеный прапорщик стал на трибуне высчитывать, сколько миллионов получил Ленин от германского правительства, этот товарищ, немного заикавшийся, вдруг крикнул: «А п-о-о-звольте вас спросить, откуда-а-а вы это знае-е-е-те?» Озверевшая толпа тут же бросилась на него, избива, разодрала одежду и прикончила бы, если бы Ломов не сумел каким-то чудом вырвать его из рук погромщиков.

Помню также, как на другом митинге подстрекаемые чьим-то криком: «Бейте его, я его знаю — он большевик!» — кадетские молодчики кинулись на нашего товарища М. И. Кириллова, сумевшего здорово насолить кадетам.

Перед выборами в городскую думу он случайно узнал от дворника, что в кадетском центре лежит масса плакатов — призывов голосовать за их список, но никто не соглашался расклеивать эти плакаты по городу. И вот он решил наняться к ним в качестве расклейщика. Кириллов был студентом, но «под рабочего» ему даже не нужно было маскироваться: взъерошенный, в истрепанном костюме, в истоптанных ботинках, с ведерком клея и длинной кистью он выглядел самым заправским расклейщиком афиш. Кадетствующие дамочки чрезвычайно обрадовались «добровольцу», накормили, обласкали и вручили ему плакаты. А он, засунув плакаты в мешок, взвалил его на плечи и отнес прямо к себе, в Замоскворецкий райком. Райкомовцам это пришлось очень кстати: не имея бумаги для своих плакатов, они стали писать на оборотной стороне кадетских листов аршинными буквами: «Голосуйте за № 5». Под этим номером шли большевистские кандидаты.

Опознанный кадетами на митинге Кириллов был так избит ими, что еле выжил.

Встает в памяти и 12 августа — день открытия так называемого московского государственного совещания, или, как называли его еще кадеты, «собора русской земли». В Москву слетелись промышленники, помещики, генералы и попы. Среди них — миллионер Рябушинский, глава московского биржевого комитета Третьяков, крупнейшие промышленники Кишкин, Бурьшкин, Бубликов, столпы кадетской партии Милюков, Астров. На этом сборище открыто готовилась военно-террористическая диктатура. С погромной речью там выступил 13 октября генерал Корнилов.

Но враги просчитались: гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Накануне открытия «собора» — на заседании исполкома Совета рабочих депутатов с представителями профсоюзов, созванном в Белом зале 10 августа, — депутаты-большевики заявили, что белогвардейскому воронью, слетевшемуся в Москву, необходимо оказать такой прием, чтобы им больше не повадно было появляться здесь. И трудовая Москва так и поступила. Мощной волной прокатилась однодневная забастовка, почти полмиллиона пролетариев, как один человек, бастовали в тот день. Немалую энергию проявили наши депутаты-большевики. Они добились, что их товарищи — повара ресторана «Метрополь» — отказались готовить заказанный для непрошенных гостей обед. Нельзя без улыбки вспомнить, как те убрались несолоно хлебавши из ресторана.

5

И вот мы в Большой аудитории Политехнического музея, заполненной до отказа московскими пролетариями и солдатами. Все знают, что предстоящее заседание полно огромного исторического значения: после Пигера решается судьба Москвы. Стоит вопрос о создании революционного центра в Москве.

Огромная, вздымающаяся амфитеатром аудитория сегодня выглядит совсем по особому. Зал едва может вместить всех депутатов. Занят весь балкон. Запол-

нены все проходы. Многие приютились на ступеньках. У депутатов взволнованные, сосредоточенные лица. Все сознают важность момента. Стоит ничем не нарушаемая тишина, шаги поднимающегося на трибуну Петра Гермогеновича Смидовича отчетливо слышны в любом уголке зала. Он говорит, упершись кулаками в стол, чеканя каждое слово:

— ...В ходе великих революционных событий, которые мы пережили за эти восемь месяцев, мы подошли к наиболее революционному, а может быть, наиболее трагическому моменту... Наш Совет неоднократно уже формулировал своим большинством, что власть эта должна быть осуществлена в виде перехода в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Мы сейчас в процессе создания этой новой революционной власти...

После выступления Смидовича депутаты очень внимательно и сосредоточенно выслушали информацию о событиях в Петрограде. Но и тут меньшевики и эсеры попытались своей лжеинформацией навести тень на ясный день.

В перерыве, объявленном для отдельных совещаний фракций Совета, наша большевистская фракция резко отвергла резолюцию, исходившую от бюро всех фракций. В этой резолюции рекомендовалось «для охраны порядка и безопасности граждан» создать широкий коалиционный орган из представителей земских и городских управлений, почтово-телеграфных и железнодорожных служащих — словом, «от каждой твари по паре».

Вспоминаю, что на этом совместном заседании бюро всех фракций, происходившем в одной из маленьких комнат музея, служившей «курилкой», присутствовали городской голова Руднев и командующий Московским военным округом полковник Рябцев — главари контрреволюционного центра. Эти господа тоже ходили тогда в эсерах! Рябцев стал хвастать, пересчитывая по пальцам, сколько у него ударных полков, сколько кадровых офицеров и техники. Он грозился разбить большевиков в пух и прах. Но собравшаяся затем большевистская фракция высмеяла угрозы Рябцева: «Ты пугаешь, а нам не страшно».

Полные революционной решимости и веры в свою победу, депутаты-большевики высказались не за создание широкого «органа власти», а за конструирование Военно-революционного комитета, руководствуясь при этом и решением Московского комитета партии. В этом решении, подписанном тогдашним секретарем МК В. М. Лихачевым, говорилось:

«Поручить сейчас же советской фракции создать немедленно боевой центр на пропорциональных основах из трех большевиков, одного меньшевика, одного эсера, одного от Красной [гвардии], одного от штаба. Соотношение сил — 4 и 3»¹.

После перерыва от имени большевистской фракции было сделано краткое и ясное заявление о том, что «мы все сейчас сознаем ответственность момента и нам нужно твердо и определенно сказать, какие задачи мы ставим тому органу, который надо сконструировать... Этот орган должен помочь нашим товарищам в Петрограде рабочим и солдатам. Мы считаем, что, когда загорелась борьба, позиция уклончивости, позиция виляния недопустима...

Фракция большевиков предполагает, что тот орган, который мы сейчас создаем, должен действовать быстро, решительно и немедленно».

С правых скамей, занятых меньшевиками и эсерами, несутся выкрики:

— Безумцы! Захватчики! Авантюристы!

Но большинство зала заглушает эти выкрики.

И тут на трибуну выскакивает меньшевик Исув. Его изрытое оспой лицо побарговело. Пощипывая жиденькую бородку, он хрипло вопит:

— Еще неизвестно, чем кончится в Питере! Постараемся хоть здесь не делать безумств... Не следует сжигать за собой мосты...

При нарастающем шуме он соскакивает с трибуны. Вслед за ним вырастает фигура Е. Ратнер. Она читает заявление от имени эсеров: надо ждать учредительного собрания! Но едва она доходит до пресловутого «волеизъявления народа»,

¹ «Большевистские Военно-революционные комитеты», стр. 267

как по залу проносится дружный ропот и возгласы: «Хватит нам этих водоизлияний. Наслышались! Хватит! Вопрос ясен!»

Растерявшись, Ратнер уходит на свое место.

После этого оглашается предложенная фракцией большевиков резолюция:

— «Московские Советы рабочих и солдатских депутатов выбирают на сегодняшнем пленарном заседании Революционный комитет из семи лиц. Этому Революционному комитету предоставляется право кооптации представителей других революционных демократических организаций и групп с утверждения пленума Совета рабочих и солдатских депутатов.

Избранный Революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя себе задачей оказывать всемерную поддержку Революционному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»¹.

Из зала несутся крики: «Никаких прений! Голосовать! Голосовать!»

Большинством в 394 голоса против 106, при 28 воздержавшихся, пленум принимает нашу резолюцию.

Посрамленные эсеры тотчас же покидают аудиторию. Им вслед несутся голоса: «Скагертью дорога!»

Меньшевики хитрят. От их имени выступает Югов и заявляет, что они войдут в Военно-революционный комитет, но только для того, чтобы «оберегать рабочих от авантюр», и называет кандидатов от их партии. Это Тейтельбаум и Николаев.

«Объединенцы» называют своих: Константинова и кандидатами Гальперина и Ясенева.

Но когда голосуется список кандидатов в Военно-революционный комитет, предложенный большевистской фракцией, в зале поднимается сплошная масса рук. Членами Ревкома избираются: А. Лозов, Г. А. Усевич, Н. И. Муралов, В. М. Смирнов; кандидатами: А. Я. Аросев, С. Г. Будзинский, П. Н. Мостовенко...

6

С пленарного заседания мы возвращаемся в Совет после полуночи. Ни у кого из нас нет и мысли о сне.

Город притих, сонный, настороженный.

В Совете царит торжественное и в то же время чуточку тревожное настроение.

Сначала думали разместить Ревком на самом верхнем этаже, но по совету наших «военспецов», которые находили, что верх более опасен, так как именно туда скорее всего попадут снаряды и пули противника, ревкомовцы перебираются вниз. Здесь Революционному комитету предоставлена отдельная комната, военному штабу — другая, затем следуют комнаты связи с районами, информации, дальше — помещение для раздачи оружия, разведки, караульной команды, хозяйственно-продовольственной части и т. д. А во дворе размещаются: санитарная часть, перевязочный пункт (его нам помогла хорошо наладить врач С. Волконская из Сокольнического района) и наконец транспортный отдел.

В ту ночь, о которой я начала рассказывать, в помещении и на улице уже непрерывно сновали солдаты самокатного полка, которому МК поручил охрану нашего здания. По вызову Ревкома на следующее утро прибыла группа солдат «двинцев» во главе с П. Ф. Федотовым, которых Совет недавно освободил из Бутырской тюрьмы. Они пришли с плакатом: «Привет Московскому Совету рабочих депутатов». Часть из них осталась для обороны прилегающего к Совету района, расставив в окнах пулеметы, нацеленные на Скобелевскую площадь. А часть ушла в разведку.

Приходят люди за оружием, которого у нас пока смехотворно мало. Но энергичный, квадратный, с буйной шевелюрой латыш К. Розенталь пытается все же

¹ «Большевистские Военно-революционные комитеты», стр. 233—269.

кое-как вооружать людей. А Константин Гордеевич Максимов суетится со своими разведчиками. Он еще до прихода «двинцев» в тревожной суতোлке прошлой памятной ночи начал организовывать разведку.

Максимов был из тех большевиков, которые получали образование в тюрьмах. Поучившись два года в начальной школе, он пятнадцатилетним подростком пошел работать на завод в Самаре. В 1914 году вступил в партию и вскоре попал в тюрьму. В этой же тюрьме отбывал заключение Валериан Владимирович Куйбышев. С его помощью Константин Гордеевич занимался самообразованием. Февральская революция освободила его из тюрьмы.

Стремительный, со смеющимися живыми глазами, чрезвычайно смелый и находчивый, он был любимцем рабочих. Впоследствии Максимов получил высокую оценку у Ленина, назвавшего его «выдающимся членом президиума Московского Совдепа»¹.

В Октябрьские дни он выполнял самые опасные поручения. Его посылали в Гжатск и в другие места останавливать эшелоны казаков, уланов и других, вызванных штабом контрреволюции в Москву. И ему удавалось не только останавливать их в пути, но иногда даже перетягивать на нашу сторону.

Да, работа в Моссовете кипит. Вот член исполкома Василий Сахаров собирает помощников: Д. М. Пивунова, Т. О. Белорусова. Ему поручено кормить всех военных, находящихся в распоряжении Военно-революционного комитета, всех обитателей Совета. Мы звали его нашим «хлебодаром». С опасностью для жизни приходилось ему добывать для нас хлеб. Никаких продовольственных запасов в Совете не было: ведь никто не предполагал, что бои затянутся и придется целых семь суток не смыкать глаз.

Вася Сахаров был депутатом от рабочих-швейников, но по его внешнему виду можно было предположить, что он художник. Черные как смоль, спадающие до самых плеч вьющиеся волосы, правильные, некрупные черты лица, живые голубые глаза. И одет он был в бархатную художническую блузу с отложным воротничком. Рассказывая о своем беспросветном и беспризорном детстве, Вася говорил, что он вышел в люди, «пройдя через положенное число розог», которые получил, находясь мальчиком на обучении у портного. В декабре 1905 года, сбежав от жестокого хозяина, он помогал московским рабочим строить баррикады. Отсюда начался его революционный путь. А дальше — марксистские кружки, вступление в партию, стачки, увольнения, голод, поиски работы, непрерывные скитания по Москве, Воронежу, Ростову-на-Дону. И, конечно, аресты и ссылки.

И всюду и всегда тяга к книге, к знанию. Полиция, хорошо знавшая слабость Васи к книге, пыталась сыграть на этом. В 1911 году, выпуская Сахарова на волю после очередной отсидки, полиция предложила помочь ему осуществить заветную мечту — поступить в народный университет Шаняевского, обещала стипендию. Такими подачками в те годы полиция нередко пыталась подкупить кое-кого. Но безработный, голодный, бездомный Сахаров с негодованием отверг это предложение. Больше всего он ненавидел меньшевиков, считал их своими личными врагами: высокий, он словно выросстал еще больше, когда, потрясая кулаками, громил с трибуны соглашателей и предателей.

К Совету тянутся революционные отряды. Совет гудит уже, точно улей. Вместе с Военно-революционным комитетом заседает боевой партийный центр, так называемая «пятерка», назначенная МК². Проводятся в жизнь распоряжения МК о закрытии буржуазных газет и т. д.

В Военно-революционном комитете готовится приказ, который всколыхнет районы, заводы и гарнизон. Этот приказ № 1 гласил:

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 230.

² В «пятерку» — боевой партийный центр — входили И. Я. Пятницкий и М. Ф. Владимирский от Московского комитета партии, В. Н. Яковлева, И. Н. Стуков — от областного бюро, В. И. Соловьев — от Московской окружной партийной организации (кандидаты И. С. Кизельштейн и Т. В. Сапронов). От военного бюро МК в этот центр входил Емельян Ярославский.

«Революционные рабочие и солдаты г. Петербурга во главе с Петербургским Советом рабочих и солдатских депутатов начали решительную борьбу с изменившим революцию Временным правительством. Долг московских солдат и рабочих — поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства его Московский Совет рабочих и солдатских депутатов избрал Военно-революционный комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей.

Военно-революционный комитет объявляет:

1) Весь Московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-революционного комитета.

2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-революционного комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат»¹.

(Отдельно были выпущены воззвания к солдатам, крестьянам, железнодорожникам и почгово-телеграфным служащим, где говорилось о задачах, стоящих перед ними.)

Затем был издан приказ всем заводским комитетам и районным Советам рабочих депутатов:

«Собратся и избрать революционный центр в районе, определить, что в районе (здания, помещения и т. д.), немедленно вооружаться (занимать склады оружия), связаться с революционным центром в Совете и партии»².

На Ревком сразу же с первой ночи обрушилась уйма срочных дел, но не все члены его были тогда еще налицо. Ломов, например, только мчался на паровозе из Питера. Аросев, назначенный начальником штаба Ревкома, сразу же отправился в казармы Московского гарнизона подымать на восстановление солдат, Будзинский — в свой 55-й полк, чтобы привести его к Моссовету. Усиевич и Мостовенко были заняты подготовкой экстренно созываемого в эти дни гарнизонного собрания полковых и ротных комитетов, чтобы сменить контрреволюционную верхушку солдатской секции Моссовета.

Меньшевики же с самого начала вносили дезорганизацию. Они всеми силами старались парализовать деятельность Ревкома. Для этого они непрерывно толкали его на переговоры с комитетом общественной безопасности. Без конца устраивали на заседаниях обструкции и вносили протест по любому поводу. Вот и пришлось позднее кооптировать в состав Ревкома П. Г. Смидовича и Е. Н. Игнатову — от президиума Совета, Кушнера (П. Н. Крышева), Рыкунова и других — от ЦБ профсоюзов, С. Л. Пупко (левый эсер) — от городских служащих. Состав Ревкома оказался очень текучим. Кое-кто из кооптированных товарищей занимал примиренческую позицию, и с ними нередко спорили члены боевого партийного центра.

7

Когда я оглядываюсь на прошлое и вспоминаю товарищей, которым выпала честь руководить Октябрьским восстанием в Москве, передо мной встает образ начальника штаба Ревкома Александра Яковлевича Аросева. Крепко сколоченный, со скуластым лицом, крупным носом, раскосыми глазами, острой бородкой, он был всегда жизнерадостен. Отец его был богатым и оборотистым купцом в Казани. Александр Яковлевич очень любил свою мать, женщину мечтательную, музыкальную, и всегда говорил о ней с нежностью. Дедом Аросева по материнской линии был композитор, автор многих песен, в частности ставшей народной песни «Если бы Волга-матушка да вспять повернулась». И у Александра Яковлевича у самого всегда были на устах стихи и песни.

Как и подобало купеческому сыну, Александр Аросев был определен в реальное училище. В пятом году он прижмул к революционному движе-

¹ «Большевистские Военно-революционные комитеты», стр. 269—270.

² Там же, стр. 271.

нию. Вначале, прельщенный звонким фразерством эсеров, он потянулся к ним. Но после, вникнув в «корень вещей», стал убежденным марксистом и перешел в большевистский лагерь. За участие в подпольной партийной работе Александр Яковлевич был арестован и сослан. Из ссылки бежал за границу, в Бельгию, там поступил на филологический факультет Льежского университета. У него оказались незаурядные литературные способности, и именно здесь, в Льеже, он впервые попробовал свои силы на этом поприще. Отсюда он позже отправился к Горькому на Капри, на суд которого повез свои опыты.

По возвращении в Россию снова арест и ссылка. А когда истек срок ссылки, шла уже империалистическая война и Аросева мобилизовали, определили в школу прапорщиков. За большевистскую агитацию среди войск в Твери, когда он уже был офицером, Аросева арестовали и привезли в Москву. Ему угрожал суровый, вероятнее всего смертный, приговор, потому что это совпало с приказом Керенского о введении смертной казни в армии. Но большевистская фракция Совета и Московский комитет партии провели энергичную кампанию и незадолго до Октябрьских боев добились освобождения Аросева.

Большевик Аросев, хоть и с полугодовым офицерским стажем, был большой находкой для Ревкома. Настоящих офицеров у нас почти не было, поэтому мы смотрели на него, как на крупного военспеца. И надо сказать, что даже в самые гревожные дни, когда казалось, враг вот-вот захватит Совет, Аросев не терял уверенности в победе. С лица его и в эти дни не сходила улыбка, открывающая ряд ровных белых зубов.

В первый раз я увидела грусть на его лице уже после победы Октября. Получив назначение помощником командующего Московским военным округом, он стоял в своей пропахнувшей порохом и дымом шинели после только что отгремевших боев и с грустью смотрел на Моссовет, который покидал, чтобы ехать в штаб округа, откуда только на днях выбили контрреволюционеров.

В последующие годы он работал в Институте Ленина и занимался литературной работой, а затем стал дипломатом. Я снова встретилась с ним уже за границей. Он по-прежнему охотно и много говорил о литературе.

— Раньше я думал, — сказал он в одной из бесед, — что словами можно выразить все, но теперь убедился, что слова — лишь бледная и отдаленная тень изумительной действительности, которую мы пережили в октябре семнадцатого года.

Литературные планы Аросева были очень обширны. Сделать же он успел немного. Он был репрессирован по клеветническому обвинению и погиб.

* * *

Перед Военно-революционным комитетом встала неотложная задача — срочно сменить руководство Московского Совета солдатских депутатов. Совет рабочих депутатов успели переизбрать (и большинство в нем теперь принадлежало большевикам), но события шли с такой головокружительной быстротой, что Совет солдатских депутатов не был переизбран. Члены Ревкома Усиевич и Мостовенко спешили на гарнизонное собрание полковых и ротных комитетов. В то время как большинство солдат стало на сторону большевиков, президиум Московского Совета солдатских депутатов оказался в руках эсеров и меньшевиков и ни в какой мере не выражал подлинных настроений солдатских масс. И с этим «старым свинством», как невесело пошутил тогда Усиевич, мы въехали в Октябрь.

В президиуме Совета солдатских депутатов председательствовал правый эсер Шубников. Что-то иезуитское было в его худом длинном лице с тонкими губами и вечной язвительной улыбочкой. Он и оказался настоящим иезуитом в своих злобных замыслах и действиях. Изгнанный из Совета, Шубников засел в штабе контрреволюции — там и было его настоящее место. Его правой рукой в президиуме Совета солдатских депутатов был эсер Шчерлин, даже внешне неприятный

субъект с обрюзгшей, бабьей физиономией. Оказавшись потом в черносотенном лагере, Шмерлин вместе с князем Друцким допрашивал арестованных участников восстания и давал против них показания. Околачивался там еще меньшевик Мазур. Все они открыто разлагали солдатские массы и всячески пытались парализовать работу Ревкома. Так, например, в ту самую ночь, когда Ревком подписал и опубликовал свой первый приказ, президиум солдатского Совета сфабриковал свой приказ, копия которого была найдена позже. Этот приказ гласил: «Московский Совет рабочих и солдатских депутатов предлагает всем товарищам воздержаться от всяких выступлений без призыва Совета солдатских депутатов».

Вот и пришлось в эти горячие дни срочно созывать общее гарнизонное собрание полковых и ротных комитетов, чтобы избрать новое руководство. Шумным, очень шумным было это собрание, происходившее в том же зале Политехнического музея, где до этого состоялось историческое заседание пленума.

Меньшевики и эсеры всеми силами противодействовали смене руководства. Они не давали говорить, дело доходило чуть ли не до рукопашной. Но Усиевичу, которого солдаты хорошо уже знали в то время по его выступлениям на солдатских митингах и который пользовался у них большим уважением, удалось склонить гарнизонное собрание на сторону Военно-революционного комитета и обещать ему полную поддержку. В так называемую «десятку» были выбраны все предложенные им кандидаты: А. Д. Блохин, Савва Степняк и другие.

Среднего роста, немного сутуловатый и к тому же очень близорукий, Усиевич совершенно преображался, поднимаясь на трибуну. Сквозь очки его лучистые светло-синие глаза смотрели широко, дружески, точно говорили: люди, я хочу, чтобы вы были счастливы!

За это он боролся всю жизнь, с ранних лет. Григорий Александрович был участником революции пятого года и, арестованный в годы реакции, очутился в одиночке Петропавловской крепости, затем был сослан на вечное поселение в Сибирь. Оттуда бежал за границу, в Австрию. Но при переходе границы ночью был задержан жандармами и посажен в концлагерь, так как его бегство совпало с внезапным началом империалистической войны. За бунт, устроенный в лагере, был заключен в крепость Кюфштейн и там серьезно заболел. Долго он добивался разрешения на выезд для лечения в Швейцарию, и лишь в конце 1916 года ему удалось наконец выбраться туда. Но там он пробыл недолго. Вскоре произошла февральская революция.

На родину Усиевич возвратился вместе с Лениным. И здесь, в Москве, этот большой человек стал неузнаваем. Было не понятно, как в его слабом теле мог бушевать такой неистребимый дух.

Сколько обязанностей взвалил он на свои хилые плечи! Он — и секретарь городского райкома партии, и гласный от большевиков в городскую думу, и член исполкома Совета. Великолепный организатор и агитатор, он вихрем носился с одного митинга на другой, сражаясь с меньшевиками и эсерами. И даже в солдатских казармах, куда штатским большевикам вначале доступ был затруднен, он всегда оказывался желанным гостем.

В Октябрьские дни он с неколебимым мужеством и неизменным оптимизмом выступал против всяких переговоров и уступок врагу. Не случайно именно Усиевичу после одержанной победы поручили сделать отчетный доклад от имени Ревкома на послеоктябрьском пленуме Совета.

Вспоминаю, какими сияющими глазами смотрел он в тот вечер на сидевших в зале рабочих, красногвардейцев, солдат — победителей революционных боев. Но, к сожалению, ему недолго пришлось радоваться победе. Посланный в Омск, чтобы содействовать отправке хлеба в голодную Москву, энергичный, боевой Усиевич принял участие в отражении мятежа чехословацких легионеров. Он был назначен комиссаром фронта и погиб в бою в августе 1918 года.

Хочется рассказать еще об одном члене Ревкома — депутате Моссовета от 55-го пехотного полка поляке С. Г. Будзинском. В своем полку Будзинский —

хоть и был новичком — сумел быстро настроить солдат на большевистский лад, и в решающие дни этот полк почти целиком оказался на нашей стороне. В прошлом Будзинский был далек от военного дела, он считал себя «потомственным сапожником». Его дед и отец были мастерами на польской обувной фабрике. Четырнадцать лет, после окончания начальной школы, Будзинский пошел работать на ту же фабрику. Подростком вступил в члены социал-демократической партии Польши и Литвы, позже стал членом Варшавского комитета партии. Арестованный во время империалистической войны, Будзинский — вместе с другими заключенными — после сдачи Варшавы немцам был эвакуирован в московскую тюрьму. В начале семнадцатого года политические заключенные были освобождены из тюрем. Будзинский создал при МК группу СД Польши и Литвы. Но после приказа Керенского о том, что политических амнистированных разрешается принимать в армию, он по совету товарищей пошел призываться, чтобы в военной форме обеспечить себе доступ в солдатские казармы.

Щупленький, белобрысенький, со светлым пушком на очень бледном, матовом лице, он казался совсем юным, неоперившимся птенцом. Неуклюже болталась на нем старая, не по росту шинель. А как любили солдаты слушать его! Он говорил с певучим польским акцентом, пересыпая речь шутками и пословицами. Помню, как он хвалился, что большевистская ячейка в его полку увеличилась с семи человек до пятнадцати. Тогда это очень много значило.

Будзинский был популярным оратором и в рабочей аудитории. Однажды на фабрике в Рогожском районе молодые, еще не переварившиеся в рабочем котле эсеровски настроенные работницы не хотели *было* слушать его. Начали расходиться. Будзинский не растерялся, стал их стыдить:

— Когда вам плохо, вы взываете к нам: «Солдатик, ты наш защитничек», а как солдатик к вам идет со своей душой, так вы к нему спиной.

И пристыженные им работницы в конце концов приняли резолюцию за власть Советов.

Так мы его с тех пор и дразнили: «Солдатик к вам с душой, а вы к нему спиной». В годы необоснованных репрессий погиб этот убежденный большевик, проявивший редкую храбрость в Октябрьские дни.

8

В те часы, когда Ревком предпринимал первые организационные шаги, в помещении бывшей городской думы (ныне здание Музея В. И. Ленина) на Воскресенской площади (площадь Революции) уже собрался контрреволюционный центр, так называемый комитет общественной безопасности, во главе с городским головой Рудневым и командующим московским военным округом полковником Рябцевым. В военном отношении перевес был тогда явно на их стороне. У контрреволюции были опытные и обученные военные силы: офицеры, юнкера, прапорщики. Среди прапорщиков было немало таких, которые, боясь передовых позиций, окопались в тылу. Они готовы были пойти на все ради спасения собственной шкуры. Было среди них и порядочно оголтелых черносотенцев — мясников, мелких торговцев и так называемых охотнорядцев. Недаром про них распевали:

Раньше был я жуликом,
Звали все Володей,
А теперь я прапор,
Ваше благородье.

Против нас были мобилизованы и студенты, даже гимназисты — кадетские и буржуйские сынки. На общестуденческом собрании в богословской аудитории Московского университета, созванном уже 26 октября большинство студентов высказалось за поддержку контрреволюционного центра. Студенты полностью предоставили себя в распоряжение военного штаба белых. В тот же день в университете вывесили плакат, приглашавший студентов явиться в Александровское

военное училище. Там же сообщалось, что в здании университета, по инициативе «Партии народной свободы» (кадетов), производится запись в дружинники. И эти «дружинники», засевшие вскоре в особняках, стреляли по рабочим и солдатам с крыш, из окон и форточек.

И наконец контрреволюция всячески привлекала на свою сторону весь московский сброд, спаивала его и толкала на грабежи, чтобы свалить это на восставших. Помню, как на вторую ночь обозленный караул наш привел в Совет двух пьяных грабителей, которые, разбив витрину в ювелирном магазине, захватили из нее ценные вещи. Когда стали из их карманов и пазух выкладывать награбленное, понадобился целый стол, чтобы разложить все кольца, часы, медальоны, портсигары, колье...

А контрреволюционный штаб в это время уже провокационно строчил в ставку главнокомандующего на фронт: «В Москве начался бунт пьяной черни». И это в те часы, когда Ревком издал приказ о беспощадной борьбе с пьянством, погромами, грабежами. В приказе говорилось о том, что «всякая попытка погромов, грабежа и буйства будет подавлена самыми беспощадными мерами». В приказе было также обращение и к населению: «Задерживать пьяных, не допускать спявания несознательных людей».

Мы спешно собирали свои силы. По ряду причин нам пришлось делать это уже в самом процессе восстания. Солдаты весь день тянулись к Моссовету одиночными группами, а то и целыми подразделениями. Вот какая-то колонна пришла даже со своей походной кухней. А другие разводят костры и в котелках кипятят чай. Площадь стала похожа на военный лагерь.

Когда же Ревком призвал позднее рабочих к забастовке, московский пролетариат высыпал с заводов и фабрик, многие сразу же бросились записываться в Красную гвардию, получать оружие. Рабочие стремились в центр — защищать свой большевистский Совет, помогать Ревкому. Бывало, затребуют из Замоскворечья или с Пресни для какого-нибудь срочного дела человек двадцать пять, а через полчаса чуть не бегом являются сто, а то и двести добровольцев.

Рабочие, как и солдаты, рвались в бой и требовали оружия. У врага его было достаточно. У него были даже и броневики. А у нас оружия было ничтожно мало. Это было наше самое уязвимое место...

Помню, прибежали в Совет А. Кох и еще несколько рабочих из Сокольнического района с просьбой дать оружие. Я удивилась, что он, член райисполкома, не достал оружия у себя в районе. Кох, смутившись, ответил:

— Да привезли всего один ящик. Все стали хватать. Сарра Бродская кричит: «Станьте в очередь, а то всем не хватит при таком беспорядке. Оружие получают только те, кто умеет стрелять». А ее никто не слушает. Она села верхом на ящик и говорит: «Ну, тогда никто не получит». Но рабочие, кто посмелее да понахальнее, стали тянуть из-под нее. А мы не решились. Вот и... не хватило многим. Дайте нам винтовки...

9

Центру и районам оружие было необходимо, как хлеб. Ревком сразу же решил занять Кремль, в арсенале которого хранилось много разного оружия и боеприпасов.

Комиссаром Кремля Ревком назначил Емельяна Ярославского. Этот старый большевик-ленинец был одним из любимых вожakov московских пролетариев и солдат.

В Кремль за оружием послали грузовики. Е. Ярославскому и вновь назначенному коменданту Кремля О. Берзину быстро удалось раздобыть несколько тысяч винтовок, патроны. Но едва все это было погружено, как появились юнкера, и вывезти удалось только часть оружия. По приказу полковника Рябцева они окружили Кремль и под угрозой расстрела не дали остальным грузовикам выехать.

Ревкомовцы тогда еще не представляли себе, что после победы революции в Петрограде контрреволюция решится на открытое вооруженное сопротивление.

Поэтому прилагали все усилия к тому, чтобы не пролилась кровь. «Почему-то,— вспоминал Ярославский потом,— еще была вера в то, что до столкновения не дойдет, что буржуазия не захочет пережить ужасов открытой гражданской войны и уступит внушительным силам рабочих и солдат».

Переговоры с Рябцевым вели Муралов, Ногин, Аросев и Владимирский.

После целого дня переговоров Рябцев обещал убрать юнкеров при том условии, что будет выведена и рота 193-го полка, которую привел Ярославский, чтобы усилить охрану Кремля. Мотивировал Рябцев свое требование тем, что опасается якобы за золото, хранящееся в Кремле...

Рота 193-го полка была выведена из Кремля, но Рябцев вероломно нарушил свое обещание — юнкеров не убрал. Пока длились бесплодные переговоры, Рябцев не дремал — подтягивал к центру свои войска. 27 октября лагерь юнкеров, расположенных вокруг кремлевской стены, стал еще более многолюдным и шумным. Таким образом получилось, что не только грузовики с оружием были заперты в Кремле, но и наш комендант Берзин вместе с преданными нам солдатами 56-го полка оказались в мышеловке.

После Октябрьских боев похудевший, бледный Оскар Берзин в обтрепанном френче и мятой папахе, из-под которой торчали медно-рыжие волосы, тихим голосом рассказывал на заседании нашей фракции о том, что произошло в Кремле.

Очутившись взаперти, он бегал по кремлевским стенам, глядя сверху на юнкеров, оцепивших Кремль, и размышлял, как выкурить их?

— Были бы гранаты или бомбы — тогда можно было бы,— виновато говорил он,— забросать этих гадов огнем сверху, со стен, а затем идти на прорыв. Но в арсенале Кремля не оказалось ни гранат, ни бомб...

Он рассказывал, как мечтал, взобравшись на башню Кремля, о примитивной технике средневековых войн: горячей пакле, кипящей смоле, камнях, которые можно было бы обрушить на головы врагов, черневшие внизу... Но открыть ворота и пойти на прорыв он не решился и объяснял это тем, что всего четвертый месяц был прапорщиком в своей роте 56-го полка. Солдаты других рот, находившихся в Кремле, его не знали. А там хозяевами положения были контрреволюционные офицеры. Арестовать их он также не решался без приказа Ревкома. Боялся, как бы не «переборщить»...

Далее Берзин рассказывал, что вечером 27-го он услышал стрельбу на Красной площади — ружейный и пулеметный огонь. Кто в кого стрелял, разобрать не мог.

— Самым мучительным,— продолжал Берзин,— оказалось то, что я не имел телефонной связи с Ревкомом. Ведь юнкера заняли телефонную станцию и включали и выключали телефоны по своему усмотрению.

Полковник Рябцев пошел на коварный шаг. Вот как рассказывал Берзин об этом на заседании фракции:

— Уже более суток не было никакой связи с вами, товарищи. И вдруг утром двадцать восьмого я был вызван к телефону и услышал в трубке голос Рябцева, который ультимативно заявил: «Восставшие красные части разоружены. Весь город в моих руках. Все члены Военно-революционного комитета арестованы. Требую немедленной сдачи Кремля. Солдатам, сдавшим оружие добровольно, гарантируется свобода. Даю двадцать пять минут на размышление. В случае невыполнения моего приказа открою артиллерийский огонь».

Берзин поверил врагу. «Желая,— как он объяснял,— спасти солдат от расстрела и избежать пролития крови», он решил сдаться. Надо сказать, что, когда он объявил своим солдатам о необходимости сдаться, они категорически воспротивились и заподозрили его в измене. Ему пришлось потратить много усилий, чтобы уговорить солдат сложить оружие.

— Я был тогда еще так наивен, что надеялся на великодушие победителя, — говорил он.

Изведав «великодушие врага», он понял свою ошибку. Зверски избитый Берзин был заключен юнкерами под стражу, а его безоружных солдат выстроили на площади у арсенала и расстреливали в упор из пулемстов.

10

Перестрелка на Красной площади, о которой в своем печальном рассказе упоминал Берзин и в которой он не мог принять участия, возникла в результате нападения юнкеров на солдат «двинцев», направлявшихся к Совету в распоряжение Ревкома. Здесь, на Красной площади, произошло первое крупное сражение с юнкерами. Здесь была пролита кровь многих революционных солдат и по существу подан сигнал к гражданской войне. Это они начали ее, убив Сапунова, командовавшего «двинцами», ранив Цуцына, заменившего убитого командира, и многих других. Храбрые «двинцы», несмотря на превосходящие силы противника, все же с боем прорвались к Совету. Донесли и довели раненых.

Кто же они — эти «двинцы», о которых в дни Октябрьских боев за советскую власть шла по Москве добрая и громкая слава: «Дерутся, как львы»? И как они попали в Москву?

«Двинцами» называли тогда солдат различных полков 5-й армии, находившейся на Северном фронте в районе Двинска. Это были солдаты, которые под влиянием большевистской агитации требовали прекращения ненавистой народу империалистической бойни. Это они пели:

Нам в бой идти приказано:
«За землю станьте честно». —
За землю — чью? Не сказано,
Помещичью, известно!

Временное правительство, продолжая свою гибельную политику, попыталось летом семнадцатого года предпринять новое, безнадежное наступление на Северном фронте. За отказ идти в бой и умирать неведомо за что на полях сражений солдаты подвергались жесточайшим преследованиям.

Особенное возмущение солдат вызвало введение Временным правительством смертной казни на фронте. Множество солдат по приговорам военно-полевых судов было расстреляно, а десятки тысяч брошенных в гюрьмы ждала та же участь. В эти дни командование 5-й армии отдало приказ беспощадно расправляться с солдатами, отказывающимися идти в наступление. Секретная телеграмма требовала: «Ликвидировать все вопросы по неповиновению в частях, нежеланию выполнять боевые приказы, не стесняясь применением оружия как против отдельных лиц, так и против целых частей». В одной только 5-й армии было арестовано свыше двенадцати тысяч солдат. Командующий 5-й армией в секретной телеграмме запрашивал командующего Северным фронтом: «Какой пункт направлять свыше двух тысяч солдат Сухиничского полка, сплошь разбойников и грабителей, коих предполагаю арестовать в ближайшее время...» А между тем эти «разбойники и грабители» — как их аттестует командующий — были наиболее сознательными, большевистски настроенными членами ротных и полковых комитетов. Их хватали и арестовывали без соблюдения каких-либо юридических формальностей. В течение нескольких месяцев арестованным не предъявляли никаких обвинений.

Лозунги: «Долой войну!», «Долой Временное правительство, вся власть Советам!» — стали самыми популярными среди солдат. Десятки и сотни секретных рапортов, телеграмм доносили командованию о волнениях на фронте.

В 479-м Кадниковском полку после принятия резолюции, требующей немедленной передачи власти в руки Советов, были арестованы и посажены в Двинскую тюрьму так называемые главари. Солдаты полка выступили в защиту своих вожа-

ков. В донесении командира Кадниковского полка командиру дивизии есть такие строки: «В течение недели настроение полка ухудшилось. Причиной послужило изъятие из полка главарей большевистской полковой партии ефрейтора Федотова, унтер-офицера Летунова и рядовых Политова и Трофимова, переданных в ведение особой следственной комиссии. 16 августа толпа до 400 человек самовольно собралась на митинг и требовала от меня причины ареста их товарищей, вели себя вызывающе».

Упомянутый в этом донесении ефрейтор Федотов, впоследствии командовавший «двинцами» в Октябрьских боях в Москве, был членом большевистской партии с 1912 года. На съезде солдатских депутатов Первой армии он был избран председателем съезда и делегирован в Петроград на Первое Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. После возвращения в свою часть он распространял в войсках большевистскую литературу, выступал против продолжения войны. Это и привело его в Двинскую тюрьму, так же как Летунова, Политова, Трофимова и сотни других солдат из других полков.

Тюрьма оказалась переполненной. Осенью военное командование, перепуганное скоплением арестованных в прифронтовой полосе, решило разгрузить ее и разместить заключенных в тылу. Так получилось, что восемьсот шестьдесят девять узников Двинской тюрьмы, среди которых находились и солдаты упомянутого 479-го полка и многих других полков, после долгих злоключений оказались в начале сентября в Москве в Бутырской тюрьме.

Никаких обвинений и здесь им предъявлено не было. Возмущенные, они в знак протеста стали угрожать коллективной голодовкой, но это тоже ничего не изменило. Вскоре «двинцам» удалось передать записку на волю рабочим расположенной рядом с тюрьмой фабрики. Эта записка дошла до Совета и случайно попала в мои руки. Помню, я сидела в комнате секретариата и разбирала утреннюю почту, когда вбежала запыхавшаяся работница и, озираясь, спросила меня, кому можно вручить «секретное письмо». Прочитав записку, я немедленно отнесла ее в бюро нашей фракции. Так получилось, что в дальнейшем я оказалась в комиссии по делу «двинцев» и вся их эпопея, которая до сих пор еще полностью не освещена в печати, прошла перед моими глазами. Большевистская фракция исполкома Совета тотчас же связалась с Московским комитетом партии, который, оказывается, был тоже оповещен об этом беззаконии, и мы совместно выработали план борьбы за освобождение заключенных. А вскоре получили официальное заявление на имя Моссовета, где «двинцы» писали о себе: «Мы сидим уже более двух месяцев арестованными. Уважаемые товарищи, наши нервы больше не могут выдержать дальнейшего нравственного страдания и сидения, не зная положительно за что и про что... обращаемся к вам как к истинным защитникам правды и просим вас посодействовать, насколько возможно, скорейшему нашему освобождению. Если в ближайшие дни наши дела не начнут энергично разбираться и нас освободят... то мы решили объявить общую голодовку, ибо наша чаша страданий переполняется...»

Такое заявление давало нам основание для запроса: мы смогли обратиться к официальным властям и от имени Совета потребовать расследования этого дела. Надо заметить, что авторитет Совета среди рабочих и солдат был велик, но никакой фактической властью Совет не обладал; власть все еще находилась в руках ставленников Временного правительства. И надо напомнить, что официальная власть, а тем более военная и судебная, нас совершенно не признавала. Командующий войсками московского военного округа отказался пропустить нас в Бутырки под предлогом, что арестованные числятся за особым отделом 5-й армии и он здесь якобы ни при чем. То же ответили нам гражданские власти.

Совместно с Московским комитетом партии большевистская фракция решила поднять на ноги пролетариат столицы и гарнизон. И уже 8 сентября было созвано пленарное заседание Московского Совета рабочих депутатов, чтобы от его имени оказать давление на власть имущих и нейтрализовать сопротивление меньшевиков и эсеров, входивших в Совет. Пленум Моссовета принял резолюцию, где говори-

лось, что «собрание в числе 1500 человек единогласно постановляет, чтобы: ...исполком Моссовета приложил немедленно все усилия к освобождению товарищей солдат, арестованных в связи с событиями 3—5 июля, объявивших теперь голодовку. Собрание выражает глубокий и энергичный протест по поводу насилия и произвола, которые проводятся над лучшими товарищами борцами, на деле доказавшими свою преданность революции».

Большевистская фракция постаралась, чтобы это решение Московского Совета немедленно стало известно всем районам. Многолюдные собрания проводились на фабриках, заводах, в военных частях. Непрерывным потоком шли к нам резолюции, требующие освобождения «двинцев».

В МК и в областном бюро партии существовала комиссия юристов, которая в основном состояла из членов нашей большевистской фракции. В нее входили большевики — члены исполкома Совета: Н. Н. Овсянников, редактор «Известий» Моссовета, В. М. Фирсов, В. С. Швердин-Максименко, Чарльм-Чакевич, Чегодаев — и беспартийный, очень опытный юрист С. Б. Членов. Моссовет категорически потребовал, чтобы эта комиссия была допущена в Бутырскую тюрьму, и при этом пригрозил, что в противном случае московский пролетариат разгромит тюрьму и Совет снимет с себя ответственность за возможные последствия.

Власти наконец вынуждены были уступить. Но согласились пропустить комиссию в тюрьму только при условии, если в нее войдут и представители военной и гражданской прокуратуры, военного округа и тюремной администрации.

В комиссию вошли: от военной прокуратуры — полковник С. В. Рязанцев; от гражданской прокуратуры — И. А. Гинце (кажется, барон); от военно-судной части штаба московского военного округа — Васюхнов; от военно-политической части штаба МВО — Дмитриев, его заместителем поручик Добровольский; от тюремной инспекции — Коммодов, заместителем Волынский. Со стороны Моссовета — председатель или его заместитель. А из комиссии юристов только Членов и Швердин-Максименко имели решающие голоса, остальные (Овсянников, Фирсов, Чарльм-Чакевич, Чегодаев) имели совещательные голоса. На таких началах нам предстояло работать. Казалось, все препятствия устранены и можно приступить к делу. «Представители власти» считали, что первое организационное собрание надо провести вне тюрьмы. Договорились встретиться в Моссовете.

Это первое знакомство чуть не оказалось роковым для дела, с таким трудом налаженного. Когда в Совете в намеченный час появилась высокая фигура полковника Рязанцева, затянутого в щегольской мундир, в начищенных до блеска сапогах со шпорами, какой-то солдат набросился на него с кулаками, крича: «А помнишь, мерзавец, как ты приговорил меня военно-полевым судом? Я-то этого не забыл!» А стоявший рядом рабочий кинулся к Гинце. У этого лохотного барина в черном котелке, в сером добротном пальто, застегнутом наглухо, была в руках, затянутых в замшевые перчатки, трость с набалдашником из слоновой кости. Он пытался было зыщипаться ею, но когда Рязанцев, получив по физиономии, схватился за покрасневшую щеку и бросился к выходу, за ним под улюлюканье солдат побежал и Гинце.

После этого и неприятного и смешного инцидента над делом «двинцев» нависла угроза. Командующий военным округом заявил, что с «бандитами» он не желает иметь никакого дела. Пришлось доказывать, что все заседания комиссии необходимо вести в тюрьме, потому что в Совете слишком много рабочих и солдат, пострадавших от прокуратуры и военных судов. Пока суд да дело, командование Северного фронта всполошилось и решило вывезти «двинцев» из Москвы. Начальник штаба Северного фронта Лукирский телеграфировал 11 сентября, что «арестованных в 5-й армии 869 солдат главкоссев приказал немедленно перевезти в Витебск. Для охраны и конвоирования наказанных арестованных командующий фронтом приказал снарядить две надежные роты».

Когда об этом стало известно, «двинцы» объявили голодовку.

Перепуганные волнениями среди московских рабочих, власти вынуждены были уступить. Калитка в воротах Бутырской тюрьмы приоткрылась перед нами.

и мы смогли проникнуть к будущим бойцам Октября и защитникам Москвы. Бледные, истощенные, а некоторые раненые, они встретили нас радостно. «Свобода или смерть!» — был их лозунг. Впереди стоял Федотов, о котором я уже упоминала. Рядом Летунов, который энергично помогал ему на фронте, и совсем еще молодой, очень активный Ростовцев. А дальше бледный, худой, с забинтованной головой Грачев. За ними — Фаничкин, Скляревич, Кузьмин, Патрикеев, Верещака, Торгованов, Козин, Иванов, Костецкий, Егоров, Кривонишин, Слонков.

Наши юристы убедили их, что скоро рассмотрят их дела и будут до конца на защите их интересов. «Мы вам верим, — ответили они, — но представителям Керенского не доверяем».

Так как Рязанцев и Гинце твердили, что дела арестованных застряли в следственных органах 5-й армии Северного фронта (это было вранье), командированный за этими делами офицер не возвращался, то наши юристы выдвинули следующее предложение: поскольку дел нет или пропали, а по закону нельзя держать людей в заключении без предъявления обвинения, то надо тут же, в тюрьме, оформить на них дела путем личного опроса каждого «двинца».

Это был очень удачный ход. Идея эта и аргументация ее принадлежали Семену Борисовичу Членову.

В университете Членов принадлежал к той группе московских студентов, которые еще в 1905 году вступили в революционное движение. Но в то время, как его ближайшие товарищи В. М. Фирсов, Н. Осинский, Н. П. Боголепов, Н. М. Лукин-Антонов безоговорочно связали свою судьбу с большевистской партией, Членов остался беспартийным. Он обладал блестящими способностями и слыл выдающимся юристом, хотя слишком уж дорожил своими удобствами, покоем, обеспеченной жизнью, светским обществом. И тем не менее благодаря уму, веселому, общительному характеру он был всеобщим любимцем и звали его обычно Сенечка.

Осинскому, с которым они одно время жили по соседству, доставляло большое удовольствие после победы Октября будить его по утрам и, поддразнивая, спрашивать: «Ну что, Сенечка, говорит про нас буржуазия? Долго мы удержимся у власти?»

Еще сравнительно молодой, Сенечка казался расплывшимся, рыхлым, а на голове у него очень рано появилась солидная лысина. Много лет спустя, когда мне пришлось работать с ним в одной комиссии за границей, он оставался все таким же сибаритом: ему нравилось жить в хорошем отеле, нравилось подремать после сытного обеда в удобном кресле в холле... Но юристом Членов был действительно замечательным. Все статьи Уголовного и Гражданского кодексов он знал наизусть и мог цитировать их даже во сне. В комиссии по обследованию мест заключения он оказался в те дни незаменимым. Какое бы крючкотворство ни затеяла противная сторона — представители прокуратуры, — он тут же припирал их к стене.

Администрации пришлось согласиться с предложением Членова составить следственные дела на основании опроса. Сразу же была выработана специальная анкета, которую мы отпечатали и со слов заключенных заполняли тут же, в тюрьме. Таким путем мы заводили так называемое «дело» на каждого. Радостные, окрыленные, мы приезжали в тюрьму чуть свет и работали там дотемна. Почти во всех анкетах в графе о предъявленном обвинении оказался прочерк. После этого началась отчаянная борьба за освобождение. Наконец власти согласились освободить одну группу, но при условии передачи их воинскому начальнику. А юристы наши потребовали, чтобы арестованных «двинцев» разместили в госпиталях для поправки подорванного тюрьмой и голодовкой здоровья и только после этого взялись за «рассмотрение их дел». Прокуратура и администрация тюрьмы, как мы и предвидели, далеко не сразу согласились на это. Какие только ухищрения не пускали они в ход, чтобы задержать «двинцев» в тюрьме!

Очень большие трудности мы встретили при освобождении группы подследственных «двинцев». Армейские суды и контрразведка присылали телеграмму за телеграммой, категорически требуя, чтобы мы отправили к ним солдат небольшо-

ми группами по именованным спискам. Военные и судебные власти пытались таким путем разъединить «двинцев». Но наши юристы не шли на эту уловку. Они хорошо знали, что это значит: по частям легче расправиться, чем со всеми вместе.

Еще сложнее было с той группой «двинцев», которые уже были приговорены к отбыванию наказания в арестантском отделении и на каторге. Среди них были Василий Маскаев, осужденный на пятнадцать лет каторги, Федор Боярский, приговоренный к двенадцати годам каторги, и многие другие. Но ценой больших усилий и непрестанной борьбы удалось наконец и их выволочь из тюрьмы.

Итак, мы победили. Никогда не забуду дня, когда из ворот Бутырской тюрьмы выходили истощенные «двинцы», поддерживая раненых и ослабевших товарищей. Их разместили в двух госпиталях — Озерковском и Савеловском.

Между прочим, анкет мы заготовили много больше, чем было «двинцев», — так сказать, с запасом. И они нам весьма пригодились: оказалось, что в той же Бутырской тюрьме незаконно содержатся еще две группы солдат — «нижегородцы» и «тамбовцы». Нам удалось освободить и их...

Вскоре прокуратура известила нашу комиссию, что с фронта прибыли на остальных «двинцев» дела. Но «двинцы» были уже на свободе, а подоспевшие вскоре Октябрьские события навсегда избавили их от контрреволюционного суда.

В Октябрьские дни «двинцы» действительно дрались, «как львы». Всюду, где было особенно опасно, где шли самые жаркие бои, — неизменно появлялись неукротимые «двинцы». Они отличались в боях на Никитской улице, в боях за овладение градоначальством и первыми ворвались в Кремль.

Многие «двинцы», павшие смертью храбрых при занятии Кремля и во время боя на Красной площади, похоронены были в братской могиле у стен Кремля. Вот имена некоторых из них: Воронов, Назаров, Владимиров, Неделькин, Трунов, Илюшин, Гавриков, Тимофеев, Усольцев, Запорожец...

А другие позже сложили свои головы в боях за советскую власть на полях гражданской и отечественной войны: Королев, Островский, Шевцов, Яшин, Козин, Летухов, Кривонишин и другие.

11

Потеря Кремля была очень ощутительна и обрекла Ревком на оборону вместо наступления.

Завладев Кремлем, утром 28 октября контрреволюционный центр стал осуществлять заранее разработанный план окружения Московского Совета, где заседал Военно-революционный комитет, чтобы отрезать его от восставших районов. Надо признаться, что враг разбирался в тактике куда лучше нас! Не только члены Ревкома, но даже наши штабные «военспецы» не имели никаких сколько-либо серьезных военных познаний. Наш командующий солдат Н. И. Муралов со смехом рассказывал после Октября, как накануне боев побежал домой отыскивать имевшуюся у него инструкцию об уличных боевых действиях, выпущенную МК еще в 1905 году, и, не найдя ее, схватился за армейский полевой устав. Что он мог найти там полезного для себя? Конечно, ничего!

А начальник штаба Ревкома Аросев? Какой военный опыт мог обрести студент, менее полугода назад произведенный в офицеры? Идя с Ведерниковым брать телефонную станцию, он даже не захватил с собой личного оружия. Ну, а что касается Будзинского, этот «солдатик-братишка», когда повел свой полк к Моссовету, мог только скомандовать: «Равняйся!» да «По порядку рассчитайся!». А с винтовкой у него получился полный конфуз. Он ее выронил, и она, стукнувшись о булыжную мостовую, выстрелила.

О военном опыте наших штатских и говорить нечего. Вспоминаю, как в разгар боев, когда гранаты попадали в здание Совета, Смидович, увидя в руках одного товарища револьвер «смит-вессон», с сожалением признался: «А ведь я с этой штукой совсем не умею обращаться». Из любопытства взял револьвер, он стал его разглядывать, и тут же раздался выстрел. К счастью, никто не пострадал. Стоявший возле Смидовича солдат, посмотрев на него укоризненно, покачал головой.

— Седой, а совсем как ребенок.

И даже там, где у нас была артиллерия, не сразу могли ею пользоваться. Не хватало панорам, расчетов, которые офицеры предусмотрительно спрятали. Так, по признанию наших солдат-артиллеристов, когда они начали в Лефортове обстреливать Алексеевское военное училище, то получился большой перелет. Приходилось придвигать орудия на близкое расстояние и вести огонь прямой наводкой.

12

Особенно осложняло положение Ревкома то, что его всячески старались подорвать изнутри меньшевики. Об эсерах и говорить не приходится. Эти себя разоблачили с самого начала, помогая контрреволюции и делом и словом. После того, как 26 октября кадетские газеты «Русское слово», «Русские ведомости», «Раннее утро» и другие были закрыты по приказу Ревкома, все враждебные революции новости и измышления стал распространять эсеровский орган «Труд». Эта газетенка, открыто выполняя роль органа контрреволюции, печатала даже бюллетени комитета общественной безопасности.

И меньшевики показали в те дни, что они готовы на любые подлости. Правда, меньшевик Ровный, помощник командующего военным округом, заявил в разговоре с Аросевым:

— Неужели суждено, чтобы социалисты дрались против социалистов же? Неужели мы, две половины когда-то единой социалистической семьи, будем убивать друг друга? Нет, в это я не верю!

Но в то самое время, когда Ровный так сладко пел о единстве «социалистической семьи», он слал на фронт то требовательные, то слезные телеграммы о высылке карательных частей, чтобы подавить революцию и уничтожить большевиков. Копии его телеграмм мы нашли после победы, заняв контрреволюционный штаб.

С первого же заседания Ревкома в ночь на 26 октября меньшевики начали требовать пополнения его представителями разных мнимодемократических, а по сути контрреволюционных организаций, выступали за мирное соглашение со штабом московского военного округа, сопротивлялись вооружению революционных рабочих и солдат, объявлению всеобщей забастовки.

Разумеется, Ревком, облеченный доверием московского пролетариата и солдат, несмотря на противодействие меньшевиков, неуклонно проводил свою линию.

Видя тщетность своих усилий, меньшевики покинули Ревком, опубликовав в своем органе «Вперед» злобное и полное клеветы обращение к населению Москвы.

Для незавидной роли, которую играли меньшевики, характерно, что, выйдя из состава Ревкома и покинув Совет, они продолжали и после бегать к нам, пугать нас, домогаясь удовлетворения ультимативных требований, выдвигаемых комитетом общественной безопасности. Как это было в тот печальной памяти вечер, когда произошел первый крупный бой между «двинцами» и юнкерами на Красной площади.

Между прочим, позднее в захваченном нами архиве контрреволюции мы нашли копию телеграммы, посланной от имени Руднева на фронт начальнику штаба главнокомандующего 27 октября (23 часа 45 минут), где хвастливо сообщалось: «Сегодня комитет [общественной безопасности] принял решение, опираясь на вооруженную силу, попытаться сломить большевиков.

Предъявлен ультиматум в семь часов вечера.

По истечении срока начались военные действия против Кремля. Есть раненые».

Мне помнится, как меньшевики в этот вечер до поздней ночи бегали от белых к нам и обратно к ним, пытаясь безрезультатно мирить революцию с контрреволюцией.

Но, несомненно, меньшевики, как позднее «объединенцы», оказывали сильное деморализующее влияние на тех колеблющихся членов Ревкома, которые, все еще питая иллюзии, полагали, что путем мирных переговоров можно легче добиться победы. А эти переговоры только затягивали бои и увеличивали количество жертв.

13

Из-за переговоров, происходивших в первые дни восстания, время было упущено, и контрреволюция этим воспользовалась. Она захватила инициативу в свои руки. У них был уже не только Кремль, но и Манеж, почтамт, телеграф и т. д. Телефонная станция была у них с самого начала.

Рябцев стянул к центру города все свои войска, сжимая здание Совета все более плотным кольцом. Контрреволюция так обнаглела, что на Тверской появился броневик и ударил из орудия по зданию Совета. Впрочем, окружить Совет им было не так-то уж трудно, тем более что этому способствовало и его местоположение — центр дворянско-аристократической Москвы. Рабочие кварталы — наша опора и защита — были далеко на окраинах, у вокзалов и застав. К началу боев в руках контрреволюционеров были: часть Тверской, Воскресенская площадь, Манежная, Воздвиженка, Остоженка, Знаменка, весь район Арбата, Никитской, район Театральной площади, Кремля, Мясницкой. С каждым часом они продвигались все ближе к нам и даже начали уже проникать внутрь самого здания Совета.

Как нередко бывает, трагическое чередуется со смешным. И сейчас не могу без улыбки вспомнить, как встревоженный и разозленный Орехов тащил за шиворот какого-то юнкера и ругал его на чем свет стоит за то, что он прошел в Совет по поддельному пропуску. Потом выяснилось, что в штабе Рябцева подделали несколько пропусков Ревкома. На наших пропусках была печать-факсимиле Ломова, но они не разобрали его подпись, написали «Ломач». Это только и дало возможность обнаружить подделку. После этого Орехов решил, что надо сменить пропуска. Он взял желтый лист картона, нарезал его на неровные квадраты, обвел их по краям зигзагообразной черной каймой и дал мне подписать.

— Ну, такую самодельщину и сам черт не подделает, — сказал он удовлетворенно.

К вечеру поток тревожных донесений усилился: юнкера повсюду теснят наших. И подтверждение этого — в переулках, прилегающих к Совету, с тыла, со стороны Никитской, в Большом Чернышевском, в Леонтьевском, в Гнездиновском переулках появляются юнкера. Они так близко, что бросают гранаты нам в окна. Звон стекла, взрыв, кто-то тревожно кричит.

У нас же артиллерии нет. В. М. Смирнов, командированный за ней на Ходынку, пропал. Мы то и дело выглядываем в окна: «Где же Владимир Михайлович? Что с ним?»

Хорошо помню этот хмурый октябрьский вечер, когда прозвучал рябцевский ультиматум. Все до предела устали, однако оставались на своих местах, разве только кто-нибудь задремлет на несколько минут, прикорнув тут же на диване, стоящем в углу, или же прямо за столом, где работает.

Прибывают связные с тревожными сообщениями. Приходят и снова уходят разведчики, но наша связь с районами начисто прервана.

И вдруг в шуме человеческих голосов неожиданно громко зазвенел телефон. До сих пор он молчал — был отключен. Все, кто находился в комнате, столпились вокруг стола: что случилось? Оказывается, Рябцев продиктовал свой ультиматум Ногину. Он говорил тоном победителя и требовал от Ревкома немедленного прекращения военных действий, полной и безоговорочной сдачи всего комитета и суда над его членами и участниками мятежа; полного разоружения солдат и рабочих; передачи всей власти городской думе и т. д. В случае невыполнения ультиматума угрожал немедленным обстрелом Совета. Телефон умолк. Усиевич в своем отчетном докладе пленуму 7 ноября говорил по поводу переговоров Ногина,

что этого не следовало бы делать, чтобы противная сторона не предъявила нам унижительных условий.

И тут на сцену выплывают «объединенцы» и левые эсеры.

Едва ушли меньшевики, как роль «примирителей» и «арбитров» между революцией и контрреволюцией попытались взять на себя «объединенцы». Не очень ясно, кого тогда объединяла и от имени кого выступала эта партия, давно растворившаяся в других партиях. Но отдельные ее члены вроде Волгина и Кузовкова, которые составляли их ЦК (попросту были генералами без армии, по признанию самого Кузовкова), несомненно, оказывали деморализующее влияние на колеблющихся.

Помню, как в тот грозный вечер в Военно-революционный комитет явилась совместная делегация меньшевиков-«объединенцев», левых эсеров, сопровождаемая представителем комитета общественного спасения (кажется, адъютантом Рябцева). Они уговорили Ревком послать своих представителей в думу для переговоров. Дескать, надо договориться...

Риск был большой. После некоторых колебаний Военно-революционный комитет согласился. Решили, что поедут Ногин и Ломов.

Ногин приехал из Питера на следующий день после телефонограммы, в которой он передал нам, что в Питере революция завершилась успешно и что «ни одной капли крови не пролито», — это впечатление от первых часов революции в Петрограде определило тактику, которой он старался придерживаться в Москве, хотя здесь все складывалось иначе и обстановка и условия были другие.

Ломов прибыл позднее Ногина, прямо со Второго съезда Советов, где была провозглашена советская власть.

Как сейчас вижу Георгия Ипполитовича — высокого, статного, с маленькой бородкой, в синем, изрядно потертom, но всегда чистом костюме; под белым воротничком повязан широкий черный бант, как у Герцена и Огарева. В судьбе его было много общего с судьбой Усиевича. Оба еще юношами решили посвятить свою жизнь делу освобождения пролетариата. Впервые их пути скрестились в студенческие годы в Петербурге, там они и подружились. «Мы жили нервной жизнью подпольщиков, окруженные провокаторами, — вспоминал о том времени Ломов. — Как было трудно сохранить себя живым революционером среди измен, предательств и безнадежной обывательщины, ползущими на тебя со всех сторон. Но с Гришей было просто и весело преодолевать такие неожиданности и сюрпризы, о которых не снилось и во сне».

Между тюрьмами и ссылками Георгий Ипполитович сумел окончить юридический факультет, получить звание присяжного поверенного. При своих способностях он мог бы сделать блестящую карьеру. Тянула его к себе и наука. В 1911—1913 годах, уже будучи профессиональным революционером и находясь в далекой северной ссылке, он принимал участие в полярных экспедициях, о чем мечтал с мальчишеских лет. И позднее он всегда с удовольствием вспоминал об этих экспедициях. Но жажда социального переустройства мира оказалась у него сильнее всего, и с тех пор Ломов знал «одной лишь думы власть». Вернувшись в 1917 году в Москву, он стал одним из влиятельных руководителей Московского Совета.

И вот Ломов вместе с Ногиним направляется для переговоров в думу.

Для большей безопасности решили ехать на автомобиле с опознавательными знаками «Красного Креста». Со двора, где стоял наш санитарный отряд, принесли прикрепленный к палке белый флаг с красным крестом, явилась и всамделишная сестра. Но осторожный Ногин сказал, что в качестве сестры должен поехать кто-нибудь из «своих»; предложили ехать мне.

Виктор Павлович Ногин в своей добротной шубе и меховой шапке имел очень внушительный вид. Ломов, смеясь, сказал мне:

— Ну, кто бы мог по профессорскому виду Ногина поверить, что он красил ситцы на Богородской мануфактуре¹?

¹ Богородск — ныне Ногинск. Богородская мануфактура — фабрика имени Ногина.

Да, трудно было поверить, если бы не натруженные, красные руки. Полноватое лицо Ногина в пенсне, с маленькой бородкой, всегда приветливое, в тот вечер было бледно и сурово.

Я села в кабину рядом с шофером, выставив наружу краснокрестный флажок.

Мы ехали по вечерним улицам Москвы, изрытым траншеями, местами перегороженными баррикадами. Так как мостовая на Тверской была разворочена, пришлось ехать через Столешников и Большую Дмитровку...

На первой половине пути хозяевами положения были наши. Затем — кордон, а там — юнкера. И какая бьющая в глаза разница между этими отрезками пути. У нас вместе с солдатами патрулируют и роют окопы рабочие, одетые в насквозь промокшие под дождем пиджаки и куртки, кто в галошах без ботинок, а кто в разбитых рыжих сапогах. Опясаны патронташами. А оружие! У кого тульские охотничьи ружья, у кого берданки. Многие вовсе без винтовок — только с «наганом» или «смит-вессоном» в торчащей сбоку, кое-как подвязанной кобуре.

Когда мы предъявляли пропуска нашим патрульным, на их лицах застывало выражение полного недоумения. «Куда, мол, едете, в пасть к врагу?» А после короткого разговора следовало напутствие: «Не сдаваться!» Настроение у наших бойцов было превосходное.

У противника — картина иная. Здесь настоящие траншеи, оборудованные даже телефоном. Дежурят юнкера и офицеры в добротных шинелях, прекрасно вооруженные. Нашу машину останавливает окрик «стой!». Здесь показывает пропуск едущий с нами представитель Рябцева.

И вот мы на Воскресенской площади. Площадь зловеще пустынна. Сыро, темно. Ломов, Ногин и сопровождающие высаживаются из машины, скрываются за тяжелой дверью. Я остаюсь с шофером. Он, уткнувшись поглубже в кабину, притворяется спящим, но сам зорко смотрит вокруг. На площади свищут пули. Идет перестрелка. Какие-то наши смельчачи ухитрились установить у квадриги Большого театра ручной пулемет. Им отвечают из противоположных зданий. На площади лежат двое убитых, и у ресторана напротив видны какие-то неясно различимые, распростерты на тротуаре тела.

Стоящий у здания думы на часах юнкер подходит к машине, заговаривает со мной.

— Откуда?

— Из госпиталя.

— Зачем?

— Некуда класть раненых. Врачи приехали за указаниями.

— Сестра! — взмолился вдруг он. — Возьмите меня с собой. Ревматизм одолел до невозможности. Не могу больше. — И, осторожно глянув на спящего шофера, зашептал: — Ведь дело наше проиграно... Все пропало, а теперь нас посылают на смерть! Во имя чего?

«Ага, значит, часть юнкеров после победы в Питере отдает себе отчет о случившемся, — думаю я, — и вера их в свои силы уже поколеблена».

Дрожащими, мокрыми от дождя руками юнкер достал серебряный портсигар, нервно закурил. И снова:

— Возьмите меня в госпиталь! Я болен. И вообще все это до чертиков надоело... Я не желаю умирать за незадачливых цезарей.

Я глядела на этого разочарованного юнца и думала: «Да, несмотря на его военную выправку, он не хочет походить на римских гладиаторов, шедших в бой со щитом и мечом и кричавших: «Ave Caesar! Morituri te salutant!» (Да здравствует Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!) Устами этого юнкера нынешние гладиаторы кричали своему цезарю: «Сам иди на смерть!» Но их цезарь Керенский предпочел бежать с поля боя, переодевшись в женское платье.

Я сказала:

— Давайте посмотрим, чего там наши врачи замешкались?

Юнкер открыл дверь, пропуская меня, и я увидела, как спускающимся по

лестнице Ногину и Ломову преградили путь офицеры. Они встали на лестнице полукругом и улюлюкали. Кто грозил кулаком, а кто и пистолетом. И это несмотря на заверения Руднева и Рябцева, что он гарантирует нашим посланцам полную безопасность.

Ломов сделал вид, будто тоже лезет в карман за револьвером, офицеры расступились. Наши устремились в образовавшуюся щель, я выскользнула за ними. Бот и машина. Шофер сразу дал газ, и мы помчались. Вдогонку нам раздалось несколько выстрелов.

Как рассказывал Ломов, придя в себя от пережитого волнения, переговоры происходили в зале, где восседал весь московский генералитет, министры и заместители — Прокопович, Малантович, Хижняков, Шер и другие, успевшие бежать из Питера после переворота.

Они надеялись организовать здесь временное правительство и противопоставить Москву Петрограду. Об этом вполне откровенно говорилось в телеграмме Руднева начальнику штаба главнокомандующего: «Помимо задачи борьбы с большевиками, перед Москвой стала необходимость организовать временное правительство...» (Копию этой телеграммы мы нашли позднее в архиве.)

В комитет общественной безопасности входило также духовенство и вся прокуратура. Были здесь и московские адвокаты-златоусты. И среди них эсер Черепанов¹, который в эти дни то и дело прибегал к нам в Совет как «нейтральный».

С нашими представителями комитет общественной безопасности разговаривал вызывающе, тоном победителя.

А вот как об этих переговорах помощник командующего военным округом Ровный сообщал в ставку главнокомандующего, генерал-квартирмейстеру Дидерихсу (в ночь с 28 на 29 октября):

«В 20 часов вечера в комитет общественной безопасности явились руководители большевиков Ногин и Ломов вместе с представителями партии меньшевиков (последние — в качестве нейтральных лиц) и запросили пощады...»

Разумеется, слова о «пощаде» — ложь и выдумка, которыми Ровный дезориентировал своих начальников. В его сообщении верно было одно: «Комитету общественной безопасности с трудом удалось гарантировать безопасность явившимся большевикам».

14

Эти переговоры, несомненно, еще более ухудшили и без того тяжелое положение Ревкома. И Ровный был не так уж далек от истины, когда в ту ночь рисовал перед генералом Дидерихсом общую картину: «Центр главным образом в наших руках, за исключением района, прилегающего к дому генерал-губернатора. Окраины — в руках Красной гвардии и взбунтовавшейся части солдат».

Теперь контрреволюционные части стали все теснее сжимать здание Совета, где заседал Ревком. Рябцев приводил в действие свою угрозу. Заседания Ревкома проходят бурно. Много разных предложений. Наконец принимается решение: подтянуть к центру силы Красной гвардии из районов. Для этого члены Ревкома должны немедленно двинуться в районы, информировать их о положении и организовать оттуда наступление к центру, подавляя там одновременно юнкерские гнезда. Так как выбираться из окруженного врагами центра было чрезвычайно трудно и опасно, то решено отправляться поодиночке.

Члены Ревкома прощались друг с другом и с теми, кто оставался. Некоторые писали записочки родным и близким, просили: «В случае... если что, передайте...»

Кое-кто говорил: если не вернусь, скажите родным: «Выполнил долг свой до

¹ Черепанов Донат Андреевич — присяжный поверенный, входил от эсеров в исполком Моссовета. Отчаявшись победить нас в открытом бою, он снюхался позднее с анархистами и занимался убийствами большевистских деятелей из-за угла. Это он был вдохновителем террористического акта, когда в окно Московского комитета партии в Леонтьевском переулке 25 сентября 1919 года была брошена бомба, жертвами которой стали двенадцать человек, в том числе секретарь М. К. Загорский.

конца». Чтобы обеспечить руководство восстанием на тот случай, если Совет будет целиком окружен, некоторые члены боевого партийного центра («пятерки») перешли в один из районов, где был организован запасный центр.

Вместе со штабом Ревкома в Совете оставались два члена боевого партийного центра, «двинцы» и красногвардейцы. Они заявили: «Будем стоять насмерть! Умрем, но не сдадимся!» Оставались и некоторые сотрудники. Мне приказали во что бы то ни стало пробраться через юнкерский заслон к городскому районному Совету и там подыскать и подготовить помещение для канцелярии и архива Совета. Их необходимо срочно эвакуировать отсюда, нельзя допустить, чтобы наши партийные документы, протоколы, решения, списки членов попали в руки врагу: это грозило бы смертью тысячам наших людей. Вместе со мной отправился еще один товарищ из городского района (фамилию не помню).

Выход из Совета был лишь один — на Скобелевскую площадь. Я мельком глянула на часы: два часа ночи.

Осторожно, крадучись я со своим спутником выскользнула на улицу. Стояла непроницаемая тьма, в двух шагах ни зги не видать. Дождь лил как из ведра. Мы шагали молча, попадая из одной лужи в другую, обадая друг друга грязью. Со Скобелевской площади прошли на Столешников, потом на Петровку, затем на Малую Дмитровку и дальше по Садовым... Идти предстояло кружным путем: городской районный Совет помещался на Сухаревке, в трактире, если не ошибаюсь, Романова. Расположения своих и вражеских войск мы не знали, в штабе нам никто ничего определенного не мог сказать. Шли вслепую. Знали твердо: если наткнемся на юнкеров и офицеров — конец.

Напряженно прислушиваемся... в темноте раздаются одинокие гулкие шаги... Притаились за домом. Шаги ближе, ближе, темный силуэт мужчины обрисовался во тьме, две протянутые вперед руки угрожающе держат по револьверу. Он в штатском. Видно, сам трусит, пробираясь куда-то.

Идем дальше. Глаза уже привыкли к темноте. Я вижу изрытые окопами мостовые. Где-то бухает пушка. Вдруг из-за угла неожиданно появляется группа военных... Крепко сжимая свой крохотный револьверчик, я притаилась за фонарным столбом. Приближаются, поравнялись. Неровный шаг... Никакой выправки... Чуть не вскрикнула от радости: свои! Мы показали им пропуска (свой я вынула из мокрого ботинка), спросили, как легче пробраться к Сухаревке. Но они не могли этого сказать и шагнули в переулок...

Недалеко от Сухаревки попали под обстрел своего же патруля, который яростно палил по автомобилям, несшимся без огней. Дальше я побрела наугад. А вот уже и Сухаревская площадь. Осталось только пересечь ее, но оказалось, что это не так-то легко. С Сухаревской башни строчил пулемет, на площади непрерывно свистели пули. Мне потом объяснили, что пулемет был с большим трудом взгромозжен на башню, чтобы выкурить юнкеров, засевших в окружающих домах и стрелявших по одноэтажному домику трактира, где располагался районный Ревком.

Вот наконец и этот домик. После долгих препирательств с часовыми я попала в помещение и застала здесь почти всех членов Ревкома. Секретарь городского райкома партии Филлер подписывал какие-то бумаги, из соседней комнаты вышла повязанная платком Ольга Афанасьевна Варенцова, рядом с ней, склонившись над планом Москвы, стоял горячий, всегда готовый вспыхнуть, как порох, поляк из шляхетского рода Бобинский.

Все эти товарищи были мне хорошо знакомы. Филлер и Бобинский были членами исполкома и фракции большевиков Моссовета, а Варенцова — членом военного бюро МК. Застали мы в помещении еще нескольких товарищей, фамилии которых сейчас я уже не помню. Тут же на туго набитом мешке спал молодой сотрудник Ревкома Тверитин. Филлер разбудил его. Он с трудом поднялся, сел и, еще не совсем очнувшись, выпалил:

— Посторонних прошу немедленно выйти!

Мы рассказали о положении в центре, о решении Военно-революционного комитета и о данном нам поручении. Варенцова тяжело вздохнула. Филлер задумался, задумались и другие. А Бобинский сразу же загорячился.

Станислав Янович Бобинский был с 1905 года членом социал-демократической партии Польши и Литвы. Много раз сидел в тюрьмах, жил в эмиграции — в Австрии и Германии, там стал инженером. В 1915 году вернулся в Польшу, был арестован в Варшаве, а затем во время войны эвакуирован в Россию, где его освободили под залог. Бобинский, принимавший активное участие в февральской революции в Москве, был избран членом исполкома Московского Совета.

Замахав руками, он закричал с нервной дрожью в голосе:

— Где, по-вашему, военный центр?! Тут, у меня, военный центр! Другого нет и другого не признаю. Здесь у меня все планы военных действий. Отсюда я ударю по юнкерам в тыл. Не мешайте мне выполнить намеченную мной тактическую задачу!

Все это, разумеется, выглядело комично. В другое время я бы не выдержала и рассмеялась, но момент был слишком серьезен. Самуил Ионович Филлер, спрятав улыбку в своих длинных усах, попробовал возразить Бобинскому: до сих пор, мол, нам было известно лишь об одном центре, а именно о Военно-революционном комитете Московского Совета. Тон его возражения был спокоен и осторожен: Филлер знал слабости Бобинского и щадил его.

Самуил Ионович прошел суровую жизненную школу. Родившись в бедной еврейской провинциальной семье, он еще в юношеские годы, работая аптекарским учеником, усердно штудировал Маркса. Сдержанный, очень умный, он всегда успокаивающе действовал на окружающих.

В разговор включилась и Ольга Афанасьевна Варенцова, о которой мне тоже хочется сказать несколько слов. Свою революционную деятельность Варенцова начала еще у народовольцев, сразу по окончании гимназии. И вскоре же была арестована и привлечена к суду по знаменитому процессу «193-х». Знакомство с работами Ленина оказалось решающей вехой в ее жизни. Высылка в Уфимскую губернию неожиданно обернулась для нее великим счастьем. В Уфе она участвовала в собрании на квартире Аптекмана, где Ленин, возвращавшийся из минусинской ссылки, изложил товарищам свой знаменитый план создания общеполитической русской газеты.

Где только после этого Ольга Афанасьевна не вела нелегальную работу и куда только ее не высылали!

Теперь она руководила разведкой в районе.

Как сейчас вижу ее: пожилая, худенькая женщина, в сером платке, повязанном накрест на груди. Морщинистое лицо бледное, усталое, волосы небрежно собраны сзади в тощий пучок и покрыты белой косынкой. Тонем старенькой бабуся, которая поучает внучат, она сказала, обращаясь ко мне:

— Как же вы решились на такой шаг — оставить Совет? Мы собирались послать вам подкрепление в двести пятьдесят человек... Не легкомысленно ли это решение — эвакуация? А?

Я ответила, что военная подмога чрезвычайно нужна и чем скорей — тем лучше. Если так поступят все районы, дело будет спасено. Но приказ есть приказ, и нужно было скорей отправиться подыскивать помещение для эвакуации Моссовета.

Филлер, как гостеприимный хозяин, забеспокоился:

— Надо бы вас накормить, прежде чем отправитесь на поиски. Небось голодные? У нас, правда, самих не густо, но вот что я могу предложить! — И он похлопал ладонью по туго набитому мешку, на котором до этого спал Тверитин.

Мешок, оказывается, был полон небольшими кольцами краковской колбасы. Филлер достал два кольца, дал их мне и моему спутнику, извинившись при этом:

— А хлеба нет, сидим сами без хлеба: чем богаты, тем и рады.

Колбаса показалась мне сказочно вкусной едой: ведь со вчерашнего дня у меня не было и маковой росинки во рту. Жуя колбасу, я спросила Филлера, как и

где нам искать помещение для Совета. Пожав плечами, он ответил, что мы никуда не сможем проникнуть, разве только в харчевни или трактиры.

Да, к сожалению, Филлер был прав. Все дома кругом стояли наглухо закрытые, а то и заколоченные. Никуда нельзя было достучаться. Да, впрочем, лучшие помещения, барские и купеческие особняки, мы тогда еще не решались реквизировать. А кабатчики и буфетчики изо всех сил старались доказать непригодность своих заведений для размещения Ревкома. Помещение, однако, вопреки их стараниям было выбрано и кое-как освобождено.

Долго ждала я в ту ночь товарищей из Совета с архивными материалами — к моему изумлению, никто не явился.

15

Вот уже пятый час утра. Брезжит рассвет. Я слоняюсь по полуосвещенным комнатам из угла в угол и не знаю, что делать. Может, Совет уже взят юнкерами? Может, все оставшиеся там товарищи уже убиты?

Когда рассвело, терпение мое иссякло, я сломя голову пустилась в обратный путь. Дождь все лил. В сером свете утра я видела улицы, изрытые окопами, баррикады из поваленных афишных тумб, столбов, заборов. Возле одной из баррикад меня остановили рабочие. Лица суровые, сосредоточенные, но настроение доброе.

— Раздавим контру, передайте в комитет, — кричат они мне вслед.

Шагаю дальше. Где-то бухают пушки.

На углу Петровки из подворотни выглянула женщина со смертельным страхом на лице и шаркнулась назад, захлопнув за собой калитку.

Бой идет где-то в непосредственной близости от Совета. Последнюю сотню метров, отделявшую меня от здания Совета, я бегу, задыхаясь. Вбегаю. Кто-то в секретариате торопливо рассказывает мне, что произошло этой ночью. Оказывается, вскоре после того, как я ушла, прибыла наконец долгожданная артиллерия и по приказу штаба началась осада градоначальства на Тверском бульваре, где забаррикадировались юнкера. Теперь наконец это здание взято приступом. Выглянув в окно, мы видим, как ведут пленных. Их человек двести — юнкера, офицеры, студенты. Идут с поникшими головами.

В этих боях храбро дрался и был ранен в голову поручик Юрий Саблин, сын известного книгоиздателя. Он был левым эсером и, пожалуй, единственным из всех левых эсеров, который не громкими фразами, а делом помогал нам.

Бьет артиллерия. Неустрашимые солдаты-«двинцы» и красногвардейцы двигаются по Тверской — вверх, к Страстному монастырю, и вниз, к Красной площади.

Из районов прибывают все новые и новые отряды. В помещении Ревкома снова все оживило. Подвозят и разгружают ящики с винтовками, раздают безоружным. Винтовок теперь много. Целый вагон обнаружен был на товарной платформе станции Сокольники. Нет теперь недостатка и в патронах. Их раздобыли в Симоновских складах. Захвачены почтамп, телеграф, вокзалы. Успешно завершается наступление на Алексеевское военное училище. Упорные бои идут в районе бывших Остоженки и Пречистенки (ныне Метростроевская и Кропоткина), где окопался штаб белых и были интендантские склады.

Прибывают захваченные разведчики с радостными вестями из районов. Наступление началось повсюду.

Теперь, когда наступил перелом и успех уже на нашей стороне, на сцену вылезает проклятый «Викжель».

ВИКЖЕЛ — Всероссийский исполнительный комитет железнодорожных служащих и рабочих — играл весьма двусмысленную роль по отношению к большевикам. В то время как железнодорожные рабочие были за нас, их меньшевистское и эсеровское руководство сочувствовало и содействовало врагу, хотя формально викжелевцы заявляли о нейтралитете. Выражение «викжелить» в ту пору было синонимом слова «вилять», «хитрить».

Грозя задержать поезда с военной помощью нам, они добивались перемирия, чтобы выработать условия соглашения между сторонами, и в это же время беспрепятственно пропускали к Москве в подмогу контрреволюционные, враждебные нам войска. Например, с Брянского вокзала прибыла к ним ударная часть.

Временное перемирие было заключено на двадцать четыре часа — с 12 часов ночи 29-го по 12 часов ночи 30 октября. Это было нарушением основного марксистского принципа, не раз повторенного Лениным: если восстание начато, то надо довести его до конца.

В связи с этим перемирием в моей памяти встает такой курьезный момент. Переговоры происходили в царском павильоне Николаевской железной дороги и тянулись очень долго — почти всю ночь. Они начались в 9 часов вечера 29 октября и длились до 6 часов утра 30-го. От Ревкома туда были направлены Смидович и Кушнер. Когда они вернулись в Совет, Ломов поймал Смидовича еще в коридоре и стал упрекать: «Чего вы так долго?» А Смидович ему в ответ: «Мы нарочно тянули. Наши так здорово палили все это время, пушки так бухали, что все стекла павильона непрерывно дрожали — вот-вот разлетятся вдребезги! Особенно приятно было наблюдать, как при каждом взрыве вздрагивал Руднев. Ну, думаю, так им и надо! Будем тянуть поелику возможно, пока наши не добьют их окончательно. Тогда они уже попросят не перемирия, а запросят мира. Будут молить о мире...»

Действительно, Лефортовский район тогда завершал наступление на Алексеевское военное училище. Комитет общественной безопасности не включил наши телефоны, нарушив условия временного перемирия, поэтому не все районы могли быть оповещены и некоторые продолжали вести военные действия. Впрочем, первыми нарушили перемирие контрреволюционеры. Так и получилось, что настоящего перемирия-то и не было. А когда контрреволюционный штаб и «Впкжель» запросили продлить перемирие еще на двенадцать часов, то Ревком им отказал. На этом настояли и представители «пятерки». Теперь контрреволюция только и могла надеяться на помощь, обещанную с фронта. Штаб контрреволюции был заинтересован в оттяжке боев. Оказывается, в 9 часов 10 минут 29 октября, когда уже велись переговоры, уже упомянутый мною Ровный телеграфировал в Ставку:

«До сих пор — ниоткуда мы не получили никакой поддержки. Силы наши, состоящие только из юнкеров, казаков...а также добровольных дружин, постепенно тают и страшно переутомлены... Силы противника увеличиваются, и он становится с каждым часом наглее... Краины для нас совершенно недоступны».

Вот, оказывается, для чего им нужно было дозарезу перемирие на сутки! И «Викжель» им помог!

Когда сутки истекли и помощь с фронта не пришла, контрреволюционный штаб, точно рассчитав, просил продлить перемирие еще на двенадцать часов. Но это им не удалось, их маневр сразу стал ясен.

Итак, навязанное нам перемирие было сорвано. И районы его не принимали. Военные действия возобновились с еще большей силой. Трудно было остановить поднимающую бурю. Все ту же затягивалось железное кольцо революционных бойцов вокруг сил контрреволюции. И снова завязались упорные, кровопролитные бои. Спешившие нам на помощь войска, несмотря на все ухищрения «Викжеля», добрались до нас. Из Минска прибыли две роты революционных солдат. Из Тулы, из Иваново-Вознесенска, Владимира, из Мытищ, Кольчугина явились вооруженные красногвардейцы. А позднее прибыли матросы, присланные Лениным из Питера на подмогу Ревкому. Все обратили внимание на их дисциплинированность и военную выправку, которой они так выгодно отличались от наших красногвардейцев и солдат. Вот уже заняты вокзалы: Курский, Нижегородский и Александровский. Идет наступление на Александровское училище (на Знаменке), где засели юнкера.

Взята гостиница «Метрополь», обстреливается здание городской думы. Комитет общественного спасения «спасается» в Кремле. На Никитском бульваре горит дом, языки красного пламени извиваются на фоне серого осеннего неба. Пахнет дымом и копотью.

Взято Александровское военное училище. Юнкера упорно обороняют телефонную станцию. Ревком дает решительный приказ: «Атаковать! Выгнать белых!» И через полчаса телефонная станция — наша, забаррикадировавшиеся там белые взяты в плен. Снова раздаются в Моссовете телефонные звонки.

По всем направлениям наши с успехом продвигаются вперед. Красногвардейцы из районов и отряд «двинцев» штурмовали Кремль. После взятия Алексеевского училища наши артиллеристы Туляков и другие установили орудия у церквушки на Швивой горке и оттуда били по Кремлю. Швивая горка! Куда чаще ее называли попросту «вшивой». Попасть москвичу в старое время оттуда в город по запутанным переулкам было делом мудреным:

А ты попробуй — с Швивой горки
 Через переулки и задворки
 В Кривоколенный попади!

Ну, а из пушек дело другое. С Швивой горки чуть не вся Москва видна как на ладони. По любому зданию можно бить прямой наводкой, а тем более по Кремлю.

В тот день, забежав на минуту в штаб, я увидела Аросева, сидевшего спиной к двери, в шинели, накинутой на плечи, и отчаянно кричавшего в телефонную трубку.

В ответ — какое-то гудение. Разъяренный Аросев кладет трубку и отпускает несколько крепких словечек. Обернувшись и заметив меня, он, несколько смущенный, объясняет:

— Понимаете, не слушаются! Вошли во вкус и палят напрапалую, по чем попало. Вот и начальник штаба Лефортского района. Приказываю ему прекратить пальбу по Кремлю, а он прикидывается глухим. «Пришли, говорит он, письменное распоряжение, да не с машиной, а с лошастью». Каков? А?!

Разумеется, Кремля никто не разрушал. Были только повреждены и остановились часы на Спасской башне, которые выбивали «Коль славен...» и которые потом, по указанию Ленина, были исправлены и играли «Интернационал». Пострадали некоторые башни Кремля. Вот и все. Но какой вой, какой крик подняла контрреволюция, утверждавшая, что мы разрушили до основания храм Василия Блаженного и другие исторические ценности.

Теперь, когда наша победа стала совсем близкой, к нам снова явились непрошенные «ангелы-миротворцы», чтобы оттянуть неизбежную гибель контрреволюции. В Совет пришли знакомые уже «объединенцы» Волгин, Кузовков¹, Вольский (бывший некогда с нами) и Романов. Под маской «защитников культуры», под предлогом «сохранения памятников старины» они умоляли немедленно прекратить огонь и сообщить условия мира. Конечно, ничего у них из этой затеи не вышло. Военно-революционный комитет и партийный центр были непоколебимы. Слишком много было пролито контрреволюцией рабочей крови, слишком часто наши товарищи оказывались жертвами их посредничества. Когда «ангелы-миротворцы» уходили, Ярославский, гневно сжимая кулаки, бросил им вдогонку:

— Камни жалеют, а людей не жалеют! Нет, теперь не может быть перемирия!

Меньшевики и эсеры к этим дням успели оттолкнуть от себя и тех немногих рабочих, которые еще оставались с ними. Вспоминаю, как в один из этих дней я приехала по делу в Ревком Сузевско-Марьянского района к Т. Ф. Людвинской. На лестнице, сверху донизу забаррикадированной мешками с песком, между которыми торчали винтовки с примкнутыми штыками, мне встретился рабочий Щукин. Я удивилась, увидев его тут с винтовкой в руке, так как знала, что еще недавно он был одним из рьяных меньшевиков. Щукин смутился и горячо принялся объяснять, что уже окончательно прозрел и не мог больше оставаться в партии, вожди которой сыплют свинец на головы рабочих.

¹ Они позднее стали членами большевистской партии.

— Вы думаете,— сказал мне Щукин,— что они расстреливают нас? Нет, они расстреливают свою партию, своих вождей!

То же произошло и с рабочими Кузнецовым, Климовым, долгое время шедшими за эсерами, и со многими другими. Правда, некоторые прозрели еще до боев,— как только узнали об отношении эсеров к Октябрьскому восстанию, определившемся на пленуме Московских Советов в решающий вечер 25 октября.

16

Ну вот наконец наша взяла. В шесть часов утра 2 ноября полковник Рябцев прислал письмо, в котором сообщил, что возглавляемый им комитет общественной безопасности при данных условиях «считает необходимым ликвидировать в Москве вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-революционным комитетом, перейдя к методам борьбы политическим».

Однако договор о капитуляции комитет общественной безопасности подписал только в 5 часов вечера.

Юнкера, офицеры сдаются...

Массы рабочих и солдат требовали самого строгого суда над ними. Ведь они не забыли, как контрреволюционные офицеры расправлялись в Кремле и в других местах с нашими, оказавшимися у них в плену. Временами приходилось употреблять много усилий, чтобы удержать массы от самосуда над пленными контрреволюционерами. Их всячески убеждали, что пленных надо только разоружить.

Как все мы были доверчивы и наивны тогда! Не предполагали, что контрреволюционеры в ответ на великодушные ответы гражданской войной и будут красноармейцев жечь в топках и вырезать звезды на их спинах. Да, у масс был верный инстинкт...

В приказе Военно-революционного комитета было сказано:

«Революционные войска победили. Юнкера и «белая гвардия» сдают оружие... Все силы буржуазии разбиты наголову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть — в руках Военно-революционного комитета.

Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве.

Все на охрану завоеваний новой, рабочей, солдатской и крестьянской революции!

Враг сдался.

Военно-революционный комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь).

С прекращением военных действий войска Советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и «белой гвардией» особой комиссии. Войскам не расходиться до особого приказа Военно-революционного комитета»¹.

Заключительным аккордом победы прозвучал манифест Военно-революционного комитета с обращением ко всему населению Москвы:

«Товарищи и граждане!

После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены. Ценой крови мужественных борцов — солдат и рабочих была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть Советов рабочих и солдатских депутатов.

Московская победа закрепляет всемирно-историческую победу петербургского пролетариата и гарнизона...

Московская буржуазия пулеметами юнкеров и револьверами белой гвардии объявила восстание против народного правительства. Ей нужно было снова вернуть землю помещикам, восстановить смертную казнь, затянуть дело мира.

Беззаветный героизм солдат и красной рабочей гвардии спас революцию.

Впервые в человеческой истории трудящиеся классы взяли власть в свои

¹ «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 441—442.

руки, своей кровью завоевав свободу. Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции.

Слава нашим в великой борьбе!
Да будет их дело — делом живущих».

Если бы в те Октябрьские дни Ленин оказался в Москве, победа была бы одержана значительно раньше и крови пролилось бы меньше. На ум невольно приходили слова Герцена: «Гений... — роскошь истории, ее поэзия, ее *coup d'état*, ее скачок, торжество ее творчества». Об этом мы говорили между собой в тот памятный траурный день, когда трудовая Москва хоронила павших в борьбе, заплативших своими жизнями за победу социалистической революции.

Похороны приняли характер грандиозной демонстрации. 10 ноября были закрыты все магазины. Остановились трамваи. Ворота домов на запоре. С раннего утра двинулись из всех районов к Красной площади траурные процессии: рабочие, работницы, солдаты, красногвардейцы. Впереди процессии каждого района ехал всадник на коне, за ним следовали знаменосцы. В тихом морозном воздухе колыхались алые и черные знамена, на которых было начертано: «Жертвам — предвестникам мировой социалистической революции», «Вы честно прошли свой жизненный путь» и другое.

У кремлевской стены была вырыта огромная братская могила. Под звуки траурного марша и «Интернационала» опускались один за другим в вырытую могилу гробы — их было более четырехсот.

Ровно через год исполком Моссовета шествовал под своим знаменем к Красной площади на открытие мемориальной доски жертвам Октябрьской революции, созданной по инициативе Ленина скульптором С. Т. Коненковым...

* * *

После шести дней волнений, бдения, стрельбы и боев в Москве наступила странная, казавшаяся неожиданной тишина. Теперь, похоже, можно было передохнуть.

Как многие студенты того времени, я жила в Большом Козихинском переулке, про который была сложена песенка:

Есть в столице Москве
Один чудный квартал,
Он Козихою там называется.

От зари до зари,
Лишь зажгут фонари.
Вереницей студенты шатаются.

На студенческую скамью я попала сразу по окончании гимназии, когда мне не было еще и шестнадцати лет. Это были годы первой мировой войны. Мы были, по выражению Блока, «дети страшных лет России». В общей удушливой атмосфере, которая тогда царила, большинство студентов рассталось со своими былыми революционными традициями и прониклось махровым шовинизмом.

Встреча кое с кем из большевиков в 1916 году, а затем и знакомство с марксистским учением совершенно перевернули все мое мышление.

Шагая домой после окончания Октябрьских боев, я вспоминала демонстрацию, на которую вышла в самом начале февральской революции с рабочими товарно-сортировочной станции... Колонна наша задержалась у реки Яузы. Из воды возле моста торчали обутые в сапоги и галоши ноги пристава. Его сбросила в прорубь реки шедшая впереди нас колонна демонстрантов за то, что он, пытаясь преградить ей путь, стал стрелять. С этой демонстрации началась для меня революция.

...До дому я добралась поздно вечером. Моя квартирная хозяйка, как все московские обывательницы в те дни, обуянная страхом, запирала дверь на все засовы и замки. Пришлось долго-долго стучать.

Дверь мне открыли с ворчанием. И вот я снова в своей маленькой комнатке. Как странно! Уж не сон ли все то, что было в эти дни? В ушах еще стоит грохот, крики, стоны раненых. А тут — тишина... Покой. Мысли путаются, в голове туман. Усталость во всем теле, — надо уснуть. Спать, скорей спать! И я, не раздеваясь, валюсь на постель.

Наутро впервые за семь дней я умылась и причесалась. Надела чистое платье. Хочу выпить чаю, и вдруг стук в дверь. Открываю и с удивлением вижу Георгия Ипполитовича Ломова. Он бледнее обычного и имеет очень усталый вид.

— Иду в Совет. По дороге зашел кое к кому из товарищей, но вытащить их не удалось. Всю ночь, говорят они, глаз не сомкнули. Решил забежать за вами. Ломов, оказывается, тоже не спал.

— Нервы еще слишком натянуты, — говорит он.

— Георгий Ипполитович! А что надо делать после победы революции? — спрашиваю я — Читала Каутского: «На другой день социальной революции». Но там путано, непонятно.

— Это дрянная книжонка, — смеется Ломов. — Совсем не то, что нам надо. Или, верней, надо делать как раз наоборот, а не так, как он пишет. Пойдем в Совет — жизнь подскажет. А главное — узнаем, что нового в Питере. Ленин, наверное, давно все обдумал.

А в Совете уже полно народу. Испуганные, попрятавшиеся, приутихшие в дни боев обыватели, едва только умолкла стрельба, вылезли из своих убежищ. Жизнь есть жизнь!

Мне поручили встать на прием посетителей. В комнату, где я уселась, сразу набилось множество людей. И у всех самые неожиданные вопросы. У расфуфыренной дамы: как получить шубу из ломбарда? У мужчины в котелке и в пенсне: где записать ребенка, который родился прошлой ночью? У извозчика в тулупе: где теперь купить овес? У тихой, со скорбно поджатыми губами монахини: где купить лампадное масло? У какого-то француза, с трудом говорящего по-русски: как выбраться из ужасной Москвы?

Насколько помню, из всех посыпавшихся на меня вопросов я смогла справиться только с одним.

Старушка в бархатном чепце с черными бантами дрожащим голосом сказала, что топила в эти дни шифоньеркой из красного дерева и ломберным столиком из карельской березы, а больше топить нечем, кроме высокой кровати с пологом, на которой спит. И старушка окончательно замерзает. «Помогите, пожалуйста». Я пошла в соседнюю комнату, где возле камина лежало несколько полешек, и вынесла ей. А солдатик, стоявший тут же, тоже растрогался беспомощным и доверчивым видом старушки и сказал ей: «Бабуся, вам не донести, я помогу».

В общем, я была в настоящем отчаянии от собственного бессилия. И в то же время я была счастлива: люди тотчас после боев пришли в Совет — значит, уже на другой день после революции признали советскую власть.

Народу становилось все больше и видно было, что многие шли к нам без всякого дела, из одного любопытства, только чтобы посмотреть на новых хозяев города.

В тот же день на заседании Ревкома решили, что посетителей надо направлять в отделы, соответствующие их просьбам и делам. Еще раньше, в период боев, когда перевес на нашей стороне едва только наметился, Ревком вынес постановление, зафиксированное в его протоколе: «Назначить т. А. А. Додонову и т. П. С. Виноградскую организовать отделы и вывесить плакаты»¹.

Но Покровский, будущий председатель Моссовета, заметил, что эта кустарщина ничего не даст, так как за плакатами будут стоять пустые комнаты до тех пор, пока городские учреждения думы не перейдут в ведение Моссовета.

Немного подумав, оправделами сказал, обращаясь ко мне:

— А возьмите-ка с собой Фирсова и вместе с ним объезжайте все прежние

¹ «Большевистские Военно-революционные комитеты», стр. 291.

учреждения! Тогда нам станет ясна картина, и мы будем знать, куда следует направлять посетителей.

Владимир Матвеевич Фирсов был юристом. Типичный интеллигент старого времени — скромный, молчаливый и как-то по-юношески застенчивый. В партию он вступил еще в студенческие годы. Мы с ним уселись в узкую пролетку на высоких рессорах и поехали. Останавливались у домов, выкрашенных в желтый цвет — так тогда красили только казенные здания. Все они были заперты. Мы изо всех сил стучали и колотили в солидные двери с массивными бронзовыми ручками. И лишь кое-где на наш стук выходил швейцар в галунах, позванивая связкой ключей.

— Никого нету-с. Все чиновники изволили уйти-с.

Вот все, что нам удавалось узнать.

Напоследок мы заехали в думу. Там был полный разгром. Само здание местами разрушено, стены прострелены, стекла оконные разбиты, шкафы, ящики столов взломаны. Полы устланы толстым слоем документов, всякими «входящими» и «исходящими». Распахнутая настесь касса пуста.

Когда мы возвращались в Моссовет, на улицы уже высыпал народ: рабочие, работницы, красногвардейцы и солдаты, — чтобы выполнить распоряжение Ревкома о приведении города в порядок. Убирали проволочные заграждения, засыпали окопы-траншеи, разбирали баррикады. Мостили развороченные мостовые.

Но привести город в порядок — это еще не значило наладить его жизнь. При саботаже подавляющего большинства служащих пустить в ход машину городского управления было чрезвычайно трудной задачей.

В первые дни, уже после того как отгремели бои, заседания Ревкома еще продолжались почти непрерывно, днем и ночью. Попытка отменить ночные заседания оказалась безнадежной. Вот, например, 4 ноября — первый день после боев: вечернее заседание кончилось в 12 часов ночи, а в 4 часа ночи срочно созвали новое. Едва решили вопросы этой повестки, как в 7 часов утра снова созвали срочное заседание. Трудно перечислить все те дела, которые легли на плечи членов Ревкома в эти первые дни.

Вот примерный перечень вопросов только одного заседания: 1) о похоронах, 2) о снабжении армии теплыми вещами, 3) о разгрузке железнодорожного узла (где за предыдущие дни скопилось много грузов, в том числе продовольствия, в котором была острая нужда), 4) о думе, 5) об оружии в домовых комитетах. А вот повестка второго заседания того же дня: 1) о Красной гвардии, 2) о банках, 3) о буржуазной печати, 4) об отмене военного положения в городе, 5) о судебных учреждениях, 6) о назначении эmissара в Калужскую и Тамбовскую губернии, 7) об организации власти и т. д. и т. д.

В этой лихорадочной обстановке решения Ревкома проводились в жизнь его комиссарами, выделенными на все важнейшие участки работы. Комиссаром по продовольствию был назначен Шлихтер, комиссаром иностранных дел — Покровский, комиссаром театров — Малиновская, комиссаром по гражданской части — Рогов, комиссаром почт и телеграфа — Пупко, комиссарами по делам городской думы, вернее по ликвидации ее, — Обух, Владимирский, Вейсброд, комиссаром транспорта — Сергеев (он погиб в самом начале гражданской войны, будучи комиссаром 2-й армии). Так образовался у нас свой местный совнарком — Совнарком Москвы и Московской области, который был упразднен летом 1918 года, вскоре после переезда из Питера в Москву республиканского Совнаркома с Лениным во главе.

Московский пролетариат очень дружно отозвался на призыв Ревкома о прекращении забастовки и встал на работу, а все пятнадцать тысяч служащих городского управления и всех московских учреждений бастовали целых три месяца, не признавая советскую власть. Они могли бастовать потому, что распущенная Ревкомом дума полностью выплачивала им жалованье из тех шести миллионов, которые обманым путем получил из городского банка бывший помощник городского

головы Студенецкий. Деньги он получил якобы на содержание лазаретов и другие нужды, а раздавал их саботажникам, среди которых были не только писари, счетоводы и делопроизводители, но и врачи, отказавшиеся лечить больных, и учителя, отказавшиеся учить детей.

И тот самый директор банка, который выдал шесть миллионов на содержание бастующих служащих, отказался выдать Ревкому деньги на самые неотложные нужды: даже на зарплату рабочим, которые все это время одни, без инженеров трудились не покладая рук и не допустили ни минуты перебоя в работе водопровода, канализации, боен, хлебопекарен, транспорта, самых насущных, жизненно необходимых артерий города.

Вот тогда-то Е. Л. Афонин вместе с другими «городскими комиссарами», захватив два пустых чемодана и военную охрану, явился в государственный банк. Услышав очередной отказ директора в выдаче денег под издевательским предлогом, что, дескать, банк не может открыть текущий счет Военно-революционного комитета, поскольку последний еще не положил в банк своих денег, Афонин с револьвером в руке заставил открыть кладовую банка и наполнил чемоданы деньгами, которых должно было хватить только на самое неотложное. Разумеется, буржуазная пресса немедленно подняла истошный вой.

Кадетская газета «Русское слово» писала об этом так: «Приезжает какой-то большевик-бандит Афонин, совсем безграмотный, даже расписаться не умеет, а только грозит своим мандатом и револьвером и забирает деньги».

Враги шумели о разгроме банков, о большевиках-узурпаторах. А надо сказать, что этих узурпаторов очень трудно было заставить пойти на руководящую работу, особенно в финансовые учреждения. Рабочий С. Е. Смирнов, назначенный «комиссаром сейфов», ознакомившись с ними, так сказать, в натуре — с их зашифрованными замками и мудреными ключами, — прибежал в Совет бледный, испуганный и, бросив на стол стальной обруч, на который были нанизаны ключи, заявил:

— Я такими ключами никогда не орудовал и орудовать не желаю!

Постепенно этих ключей от сейфов оставалось у нас все меньше. В Совет стали являться владельцы частных сейфов с требованием вернуть им ценности. И многим, кто нажил свои сбережения честным трудом, их возвращали, как, например, известной балерине Екатерине Васильевне Гельцер. Взволнованная, она чуть не со слезами объяснила нам, что в частном сейфе в банке хранятся ценности, которые она заработала многолетним трудом. Ее успокоили, отдали ключи, и она ушла удовлетворенная.

17

И вот мы снова в Политехническом музее. 7 ноября собрался пленум Московского Совета — первый пленум после того исторического заседания 25 октября, на котором был дан сигнал к восстанию.

Сегодня у депутатов праздничное настроение. Вчерашние бойцы, сегодняшние победители поздравляют друг друга, обнимаются. Военно-революционный комитет в лице Усиевича отчитывается в своей деятельности. На следующем пленарном заседании 14 ноября было решено слить оба Совета в единый Совет рабочих и солдатских депутатов с двумя секциями (рабочей и солдатской).

Председателем Моссовета избирается известный историк Михаил Николаевич Покровский. Он вернулся в Россию из эмиграции в августе 1917 года и очень быстро приобрел широкую популярность среди рабочих и солдат своими боевыми статьями, которые печатались в наших газетах. В Октябрьские дни Покровский был автором почти всех наших воззваний, манифестов, призывов к населению. Михаил Николаевич вместе с Н. Н. Овсянниковым и Р. П. Катаняном редактировал «Известия Московского СР и СД».

Московские рабочие, вручая бразды правления Михаилу Николаевичу Покровскому, вспомнили, как в решающие Октябрьские дни он явился в Военно-революционный комитет и заявил: «В эту грозную историческую минуту я вместе с

вами и целиком предоставляю себя в ваше распоряжение, готов выполнить любое поручение, любое ваше приказание».

Михаил Николаевич в кратком слове сказал, что избрание его председателем Совета после победы пролетариата величайшая для него честь и самый почетный факт его жизни.

Покровский продолжал оставаться еще и московским комиссаром по иностранным делам. Ему приходилось улаживать сложные отношения с иностранными миссиями, атташе и консулами, а также с иностранными подданными. Все они были настроены против нас и поддерживали контрреволюцию.

В первые дни после боев Покровский на этом своем посту даже помещения своего не имел — ютился в комнате, которую ему выделили в здании милиции, и сотрудников у него не было. Почти каждый день он сам тащился в Совет с кипой паспортов на выезд иностранцев, чтобы поставить на них печать, которую я всегда носила с собой на цепочке... Однажды, проставляя печать и просматривая паспорта, я с удивлением обнаружила, что один паспорт выписан на «иностранца» «Alexandre Ivanovitch Goutchkoff» — Александра Ивановича Гучкова. Того самого Гучкова, воротилу и миллионера, который всегда был яростным врагом революции! Покровский смущенно сказал: «Какие же обманщики! Все-таки подсунули! А ведь у иностранных миссий выбран «старейшина», которому приходится доверять»...

Московский комиссариат иностранных дел просуществовал недолго, и вскоре Ленин направил Михаила Николаевича в Брест, в комиссию по переговорам с немцами.

Вернувшись из Бреста, Покровский со смехом рассказывал, как были шокированы аккуратные и педантичные немцы, ознакомившись с его полномочиями. Выданное ему удостоверение было составлено с полным пренебрежением к дипломатическим условностям, «верительным грамотам» и т. д. Немцы даже подумали: не самозванец ли перед ними?

Позднее Покровский перешел на работу в Наркомпрос, где он много сделал для того, чтобы орабочить аудитории университетов и высших школ, ввел знаменитый институт рабфаков. Михаил Николаевич был также инициатором создания Института красной профессуры, где готовились первые научные кадры молодой социалистической республики. Одно время я с ним работала в Коммунистической академии. Помню, как в день ее торжественного открытия Покровский сказал, что раньше академии обычно открывали императоры и короли, а теперь впервые в истории академию открывает пролетариат.

Незадолго до кончины Михаила Николаевича я побывала у него в кремлевской больнице — он был уже тяжело болен. В это время его усиленно «прорабатывали» в нашей печати. Направленные против него резкие статьи принадлежали его ближайшим ученикам, которых он двинул в историческую науку. Говорил он о них с большой сердечной обидой: «Я посеял драконов, а пожал блох, причем кусают эти блохи только меня...»

Совсем иной, но тоже очень колоритной фигурой среди деятелей Моссовета того времени был Владимир Александрович Обух. Он выделялся среди большевиков своей барской внешностью. Это проявлялось у него во всем — начиная с широкополой черной фетровой шляпы и кончая длинным холеным ногтем на мизинце правой руки. Недаром мы его в шутку звали «последним барином земли русской».

Известный в Москве терапевт, Обух в течение многих лет работал врачом в Старо-Екатерининской, а позднее Петроградской больнице и пользовался большим авторитетом и уважением среди врачей. И надо заметить, что большинство работавших с Обухом врачей и все высшее московское общество, в которое он был, как говорится, вхож, даже не подозревали, что этот человек еще студентом связал свою судьбу с партией большевиков. Когда он был назначен заведующим горздравотделом, многие врачи, несмотря на всеобщий саботаж, охотно шли к нему работать. А его участок был тогда одним из самых тяжелых: велась отчаянная борьба с тифом, туберкулезом и тяжелым наследием царской России — венерическими болез-

нями. По настоянию Обуха, когда вспыхнула эпидемия тифа, всю Москву, все ее восемьсот тысяч жителей, пропустили через дезокамеры и бани и каждого снабдили мочалкой и куском мыла.

Несмотря на то, что на плечи Обуха как заведующего горздравотделом легла огромная организационная работа, он всегда сам лечил товарищей по партии, пешком таскался по Москве, карабкался на самые высокие этажи: лифты тогда бездействовали.

Хочется напомнить о его прошлом.

Происходил Обух от Корсаков — известных польских дворян, активных участников польского восстания 1863 года. Когда восстание было подавлено, родители Владимира Александровича после долгих мытарств очутились в захолустном имении Свибло в Витебской губернии. Но силы их после только что пережитой трагедии были надломлены, и вскоре мальчик осиротел, остался на руках старой тетки.

Мне не раз приходилось слышать воспоминания Обуха о своих детских годах и почему-то больше других запомнилась немного сентиментальная история о каком-то седовласом старике, тоже польском повстанце, осевшем в соседнем имении. Он каждую неделю приезжал в Свибло, чтобы проведать старую тетку Обуха, подругу по несчастью. Не доезжая до их дома, останавливал бричку и дальше шел пешком со скрипкой в руках, наигрывая полонез Огинского. Тетка, услышав музыку, хваталась за сердце, поспешно надевала национальный польский костюм и выбегала скрипачу навстречу. Звуки все ближе и ближе, и вот уже появляется сам седовласый скрипач. Тетка выпрямляется... Взмах платочком — и начинается танец... Это, наверно, было для обоих дорого как напоминание о родине, о раздавленном восстании, о погибших дорогих людях.

Владимир Ильич любил и ценил Обуха. В годы реакции, когда московская организация была разгромлена и члены Московского комитета брошены в тюрьмы, такие люди, как Обух, отличный конспиратор с большими связями и знакомствами в «высшем свете», были неоценимы.

Один только раз Обух оплошал и чуть было не выдал себя. В этом отчасти оказался повинен замечательный старый большевик Арон Александрович Сольц. Нелегально прибыв в Москву, чтобы восстановить разгромленную организацию, он посоветовал Обуху не оставлять у себя дома подпольную революционную литературу, а сплавить ее куда-нибудь — и не в чемодане, а обложить ее, запрятав в брюки и обвязавшись поясом. Сольц считал, что при грузной фигуре Обуха это будет совершенно незаметно. Владимир Александрович последовал его совету. Но Сольц напихал Обуху в брюки слишком много литературы, и в дороге поясной ремень на нем лопнул и литература вывалилась. Извозчик, обернувшись и увидев это, крикнул:

— А ну-ка, барин, выходи, дальше ехать некуда...

Он сразу догадался, в чем дело. Стоит напомнить, что многие извозчики и дворники в те годы были связаны с охранкой и полицией.

Казалось, все погибло... Полный провал. Но, когда Обух поднял голову и из-под поля его шляпы стало видно лицо, извозчик воскликнул:

— Святой боже! Да вы никак, дохтур Обух?! Никогда бы не поверил! Какой же дьявол вас попутал?

Проходными дворами он отвез Обуха на окраину и там, на пустыре, помог ему закопать литературу.

Нельзя вспомнить без улыбки, как в первый день февральской революции, когда не стало больше необходимости работать подпольно, Обух схватил своих двух взрослых сыновей и помчался с ними в думу, куда стекались новости из Петербурга, — «чтобы их обветрило свежим ветром революции».

Между прочим, в 1920 году один из его сыновей трагически погиб из-за нелепой случайности — неосторожного обращения его товарища с охотничьим ружьем. Мы поражались тому, с каким мужеством встретил Обух весть о смерти взрослого сына.

Владимир Ильич тотчас же сочувственно отозвался на постигшее Обуха несчастье.

Через четыре года Обуху было суждено подписать скорбный лист о кончине Ленина. Подписывая этот лист, Владимир Александрович плакал, как ребенок.

Для отдыха страшно переутомлявшихся работников МК и Моссовета Обух, по совету Ленина, приспособил две национализированные дачи возле деревни Иваново. Одна была светлая, с венецианскими окнами, имевшая на фронтоне эмблему чайки, а в одной из комнат висел даже занавес, как в Художественном театре. Потому и всю дачу прозвали «Чайкой». Говорили, что раньше она принадлежала брату Лужского — артиста Художественного театра, но тот проиграл ее в карты купцу Крестовникову. Моссовет национализировал ее уже у Крестовникова, после того как купец бежал за границу.

Другая дача, мрачная, построенная в скандинавском стиле, получила имя «Осиного гнезда», или, короче, «Осинки».

Сам Обух предпочитал почему-то отдыхать в «Осином гнезде», а своих гостей размещал в «Чайке». Здесь бывали не только наши товарищи, работавшие в МК и Моссовете. Здесь можно было встретить Климентия Аркадьевича Тимирязева, прогуливающегося по аллеям сада со своей миниатюрной женой. Любил он читать нам вслух стихи Байрона. Некоторые из них он сам перевел на русский. А после его смерти частым гостем «Чайки» бывал его сын Аркадий Климентьевич. Часто наезжал сюда наш ученый-астроном большевик Павел Карлович Штернберг — активный участник двух революций: организатор боевых дружин в 1905 году и отрядов Красной гвардии в 1917 году. Он обычно приезжал с дочуркой, а иногда и с женой Варварой Николаевной Яковлевой, которая до революции 1905 года слушала его лекции на Высших женских курсах и обратила на себя внимание профессора своими выдающимися способностями по математике. Будучи уже тогда убежденной большевичкой, она, несмотря на свою молодость, произвела полный переворот в идеях этого давно уже сложившегося, солидного и весьма тогда известного ученого-астронома. Под ее влиянием он и пришел в нашу партию.

В. Н. Яковлева удивительно гармонично соединила в себе женское обаяние с исключительно логическим умом и твердым мужским характером. Мне пришлось наблюдать ее не только на посту секретаря Московского областного комитета партии, но и как одного из руководителей восстания в Октябрьские дни. Деловая, сдержанная, немногословная на работе, воплощение девиза «над собой держи контроль», она во время наездов в «Чайку» словно оттаивала. Меня очень интересовало тогда, как сформировался такой мужской характер в соединении с женственностью и привлекательностью. И во время прогулки я как-то стала допытывать ее вопросах: падала ли она когда-нибудь духом? Поддавалась ли минутным настроениям? И она, смеясь, рассказала мне, как однажды упала духом при неудачном побеге из царской ссылки.

Варвара Николаевна страшно тогда торопилась, потому что прекращалась навигация, уходил последний пароход. Одновременно с ней вздумал бежать и живший в той же деревне ссыльный И. Я. Жилин. Чтобы не навлечь на себя внимание стражников, они решили сесть на пароход в соседней деревне. Там и заночевали: она в одной хате, он в другой. Жилин для большей безопасности загримировался — приклеил себе бороду и усы. Ночью грим отклеился, борода и усы сползли на сторону. Спавший в той же комнате хозяин заметил это. В страшном испуге он бросился к местному стражнику поведать о подозрительном субъекте, попросившемся к нему на ночлег. Выяснить личность Жилина большого труда не стоило. А тогда хватились, что и Яковлевой нет на месте. Утром, ничего не подозревая, она бежала к пристани, как было условлено с Жилиным, и едва спустилась по трапу на пароход, как была поймана. Ее схватили за руки и сказали: «Поедем домой к себе, твой уже потерял свои усы». О ее более удачных и чрезвычайно смелых побегах из ссылки я уже знала.

Между прочим, большевик Иван Яковлевич Жилин был одно время депутатом Моссовета. Я встретила его потом на фронте в 1919 году. Он был уже совершенно

большим, изможденным и дряхлым стариком. Когда я ему напомнила случайно о Яковлевой, он от души хохотал над своим неудачным побегом. По окончании гражданской войны Жилин вернулся в Москву и вскоре умер.

В советское время Яковлева выдвинулась в ряды крупных организаторов. Она была замнаркома по просвещению, заведовала Главпрофобром и т. д.

Вспоминая деятелей Моссовета того времени, нельзя не упомянуть добрым словом и Артемия Багратовича Халатова, который взял на свои плечи такой тяжелый участок работы, как снабжение столицы продовольствием. По внешнему виду его можно было принять за библейского пророка: длинные, черные как смоль волосы свисали ниже плеч, черная окладистая борода закрывала грудь. Только по мягкой папаше, которую, как шутили у нас, он не снимал даже ночью, да по кожаной куртке можно было сказать, что Халатов «нашенский». Продовольственное положение столицы было в те дни отчаянным, и все-таки Халатов ухитрялся пусть не досыта, но кормить всех. Про него говорили: «Христос показывал чудеса, умел пятью хлебами накормить пять тысяч человек, а Халатов, не имея и пяти хлебов, всем выдает по норме». Однажды, когда во время налетов белых на Ярославль там застряли вагоны с хлебом для Москвы, Халатов отправился туда и через день вызволил эшелон. И. И. Скворцов по этому поводу шутил: «У Халатова все на пару, сам он на пару и с паровозом на пару приволок необходимые нам вагоны».

Многие талантливые рабочие-самоучки, начавшие свою государственную деятельность в Моссовете, впоследствии выросли в крупных политических и хозяйственных руководителей. Напомним о В. В. Сахарове, отлично показавшем себя в роли руководителя Главдежды и директора нескольких заводов, мужественно воевавшем на фронтах гражданской войны и проявившем себя способным дипломатом (Сахаров умер в 1932 году); о К. Г. Максимове, занимавшем потом такие посты, как члена Президиума ВЦИКа, председателя Совета Народного Хозяйства Украины. То же самое надо сказать и о Иосифе Косиоре, одном из трех братьев Косиоров (председателе Ревкома Замоскворечья в Октябрьские дни), который оказался талантливым организатором-хозяйственником. Это он восстановил совершенно разрушенные грозненские нефтепромыслы, которые сыграли в первые годы такую огромную роль в хозяйственной жизни страны. И наконец о К. В. Уханове — рабочем от станка завода «Динамо», ставшем директором этого завода. На конкурсе «красных директоров», устроенном «Правдой» в 1922 году, он получил первую премию. Этот бывший беспризорник оказался не только талантливым организатором-хозяйственником, но человеком с большим государственным кругозором. Он избирался членом ВЦИКа нескольких созывов, а затем был членом Центрального Комитета партии. К сожалению, жизнь этих трех выдающихся пролетарских деятелей слишком рано оборвалась.

Их было бесчисленное множество — талантливых, мужественных людей из рабочей среды. Именно благодаря им было создано и укрепилось Советское государство.

* * *

После установления советской власти московская буржуазия, уже изрядно общипанная, все еще захаживала в «Летучую мышь» к Балиеву, чтобы хоть немного отвлечься. Восседали за длинными столами, запивая устрицы шампанским, совсем как у Маяковского. Но даже в репертуаре Балиева зазвучали теперь совсем другие нотки. С эстрады он отпускал остроты, напоминая о силе новой власти:

Як встанет на Дыбенки,
Як расправит Крыленки,
Да як за-Коллонтает...

Едва умолкли пушки, как на повестке дня заседания Военно-революционного комитета наряду с вопросами первостепенной важности встал вопрос о культуре: о музеях, памятниках старины, о московских театрах. Директором их была назна-

чена Елена Константиновна Малиновская. Это была обаятельная женщина с огромной копной светло-каштановых волос, зачесанных назад и схваченных в большой, тугой, оттягивающий голову узел. Одевалась она почти всегда в черное бархатное, наглухо закрытое платье. С высокого ворота свисала тонкая длинная цепочка с лорнетом.

Происходила Елена Константиновна из обедневшей польской шляхетской семьи. Рано лишившись отца, познала нужду и тяжелый труд. Еще в Нижнем Новгороде, будучи гимназисткой, она примкнула к революционному движению, а счастливая встреча с Максимом Горьким связала в ее представлении в единое целое революцию и искусство. Выйдя замуж за Павла Петровича Малиновского, который в те годы был известным среди московской знати и купечества архитектором, Елена Константиновна всемерно использовала свои связи для помощи нашей партии. Ее хорошо обставленная, бывшая вне подозрений квартира часто служила местом явок подпольно работающих большевиков. Не раз она прятала у себя и получаемую для московской организации от Владимира Ильича литературу.

Однако в годы реакции полиция как-то добралась и до ее квартиры. После обыска, когда Елене Константиновне угрожал арест, меньшевики пытались перетянуть ее на свою сторону. Убеждая, что реакция воцарилась надолго, что наступила эпоха «малых дел», они предложили ей поехать в Италию помочь им организовать школу в Болонье. Но она поехала к Ленину. И вот она в Париже, на улице Мари-Роз, в скромной квартире Ленина. Владимир Ильич быстро убедил Малиновскую, что с меньшевиками ей не по пути.

В течение всего семнадцатого года Малиновская ставила в Москве концерты и спектакли и часть сборов передавала большевистской фракции Московского Совета, что нам было очень кстати, так как Совет не имел никаких средств, кроме тех отчислений рабочих, которые они делали из своих мизерных заработков.

Через день после назначения Малиновской директором всех московских театров она привела на заседание Ревкома таких корифеев русской сцены, как Собинов и Южин-Сумбатов. Собинов был назначен директором Большого театра, а Южин-Сумбатов — директором Малого. Оба они взволнованно говорили о будущем искусстве, об огромных аудиториях, которые перед ними распахнутся, потому что только теперь искусство станет по-настоящему доступно народу.

И действительно, рабочий люд Москвы, несмотря на свои голодные пайки, жадно потянулся к искусству. Помню, как одолевала тяга к театру рабочих—членов нашего президиума Максимова, Орехова, Игнатова, когда Малиновская выдала Совету пропуска в бывшую царскую ложу Большого театра. Каждый вечер, когда случался перерыв между двумя заседаниями, они мчались в театр. Их прозвали тогда «театральная тройка». Впервые соприкоснувшись с подлинным искусством, они похожи были на детей, обрадованных неожиданным и дорогим подарком.

Респектабельная публика партера не могла спокойно взирать на сцену, когда за ее спиной в царской ложе сидели «кухаркины дети». В антрактах эту ложу из партера закидывали чем угодно. Помню, однажды Орехов поймал летевшую галошу и сунул ее в карман. Я удивленно спросила: «Зачем?» А он, смеясь, ответил, что у него худые ботинки. «Может быть,— сказал он,— завтра этот субъект бросит мне вторую галошу...» И завтра и послезавтра партер продолжал бесчинствовать. В ложу летели очистки от картошки, шелуха от яиц, рукавицы. Наконец прилетела и вторая галоша. Она угодила в голову Максимова. Он великодушно отдал ее Орехову, но и эта галоша оказалась тоже на левую ногу.

Не менее охотно наша «тройка» бегала и в Первую студию Художественного театра. Все мы особенно полюбили поставленную там пьесу Бергера «Потоп». В разбуженных грозной стихией характерах героев «Потопа», как нам казалось, было что-то схожее, хотя и чисто внешне, с тем, что пережили мы сами в Октябре, и мы много раз ходили смотреть этот спектакль и много говорили о нем.

Побывал на «Потопе» и Владимир Ильич со своей сестрой Марией Ильиничной.

Театральное искусство расцвело после революции необычайно. Большой раз-

мах получили массовые представления на площадях в праздничные и юбилейные дни, где участвовали наряду с артистами целые коллективы любителей.

Много было сделано для эстетического и художественного воспитания широких масс. Сразу после боев была утверждена комиссия по охране памятников старины и музейных ценностей. Произведения искусства из частных коллекций, из имений и церквей распределялись по общественным музеям и галереям.

По инициативе Ленина широко пропагандировалось монументальное искусство. Совет Народных Комиссаров принял решение о сооружении в Москве и Петрограде монументов в честь революционеров, общественных деятелей, писателей, артистов, музыкантов. За какой-нибудь год Москва обогатилась многими памятниками. Некоторые из них были очень удачны.

К сожалению, в тот период нищеты, низкой техники и отсутствия материалов памятники выполнялись в бетоне и других дешевых материалах, быстро портились от погоды и других причин и вскоре пришли в полную негодность.

В первую годовщину Октября по инициативе Ленина была установлена мемориальная доска — жертвам Октябрьской революции у кремлевской стены, — выполненная скульптором С. Т. Коненковым.

День был морозный, ясный. Мы, работники исполкома Моссовета, выстроились у кремлевской стены рядом с членами ВЦИКа, которых возглавлял А. С. Енукидзе.

Вот показался Ильич.

Оркестр исполняет «Интернационал». Ленин здоровается со скульптором, берет из его рук ножницы, лежащие в шкатулке, и поднимается на возвышение, чтобы разрезать ленту, удерживающую красное покрывало, накинутое на доску. Товарищ Подбельский и еще несколько товарищей подбегают, чтобы помочь Ленину, — ведь он после недавнего ранения, а барельеф установлен довольно высоко. Они хотели поддержать его сзади, но, видно, сделали это не очень ловко. Ленин и смущен и недоволен. Он что-то укоризненно шепчет. Но слов мы не слышим.

Как рассказал потом С. Т. Коненков, Ленин сказал тогда: «Осторожней, пожалуйста, у меня еще болит плечо».

Когда занавес упал, нашим взорам предстал барельеф: на фоне восходящего солнца с устремленными во все стороны золотыми лучами, возвещающими о наступлении нового светлого дня, — стояла крылатая девушка с развевающимся красным знаменем в одной руке и зеленой пальмовой веткой в другой.

Несмотря на то, что барельеф был задуман скульптором в аллегорической форме, он был очень доходчив и впечатляющ. Выполненный в цвете, он хорошо гармонировал с окружающим его кремлевским ансамблем, прекрасно вписывался в стену и составлял с ней как бы единое целое. Это талантливое произведение, тонко и мастерски сделанное, оставило в сердцах всех присутствовавших неотразимое впечатление, оно как будто звало вперед и вселяло силы и веру в будущее.

Церемония открытия барельефа была обставлена торжественно. Играл оркестр, хор исполнил кантату, сочиненную композитором Шведовым на слова, написанные специально поэтами С. Есениным, С. Клычковым и М. Герасимовым. Вот отрывок из этой кантаты:

Сквозь туман кровавой смерти,
Чрез страданье и печаль,
Мы провидим, верьте, верьте, —
Золотую высь и даль.

Всех, кто был вчера обижен,
Обойден лихой судьбой,
С дымных фабрик, черных хижин
Мы скликаем в светлый бой.

Пусть последней будет данью
Наша жизнь и тяжкий труд,
Верьте, верьте, там за гранью
Зори новые цветут.

Как только умолкли оркестр и хор, на трибуну поднялся Ленин и произнес речь, посвященную памяти жертв революции:

— Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть»¹.

Тысячные массы людей с обнаженными головами внимательно слушали речь вождя. И под ответные возгласы: «Свобода или смерть!» — оркестр заиграл «Вы жертвою пали».

* * *

Одиннадцатого марта 1918 года Советское правительство переехало из Питера в Москву. Поздно вечером в Моссовет пришел Я. М. Свердлов и с места в карьер отчитал всех, кого он там застал, за недостаточную заботу о прибывших.

Вся беда была в том, что Кремль не был готов к заселению, многие его помещения были разрушены, загрязнены.

Под жилье для членов правительства и сотрудников правительственных учреждений пришлось занять гостиницы. «Националь» стал Первым домом Советов, «Метрополь» — Вторым и т. д. Ленина пришлось поселить вначале в гостинице «Националь». Но образу жизни Владимира Ильича совершенно не соответствовала гостиничная обстановка, посторонняя публика, наконец близость Охотного ряда.

Когда на следующий день, как было условлено со Свердловым, товарищи из Моссовета пришли к Ленину, то он начал с того, что сказал:

— Имейте в виду, с переездом правительства Москва возводится в ранг столицы: требования к ней сразу повысятся и контроль будет сверху, и больший, чем прежде. — И добавил к концу: — С местничеством пора покончить.

Он имел в виду Московский Совнарком.

Как это уже известно из воспоминаний Бонч-Бруевича, Владимир Ильич пришел от московского правительства с его наркомами в чрезвычайно веселое настроение. От души посмеиваясь, он и пожурил москвичей немного.

Ленин с первого дня переезда в Москву очень интересовался работой Моссовета и помогал в большом и в малом.

Вскоре были проведены перевыборы Московского Совета. Нужно было, чтобы новый Совет отразил те изменения в классовом соотношении сил, которые произошли в Октябре. И наконец надо было слить оба Совета — рабочих и солдатских депутатов. Результаты перевыборов оказались блестящими. Несмотря на то, что меньшевики, эсеры и другие враждебные элементы не унимались и повели отчаянную кампанию против большевиков, московские рабочие и солдаты отдали большинство мандатов в руки членов нашей партии. Совет стал единым.

Двадцать третьего апреля Ленин пришел на пленум новоизбранного Совета, чтобы приветствовать его обновленный состав. В своем приветствии Ленин сказал:

— Элементы, враждебные революции, все, кто поддерживает врагов народа, все, кто волочится за буржуазией, — возлагали большие надежды на перевыборы нашего Совета... И в этот момент пролетариат предстал опять перед нами со всей силой своей сознательности.

Он выразил надежду, что «рабочие с героической решимостью вынесут на плечах новые лишения, лишь бы отстоять великие завоевания Октябрьской революции»².

Московские пролетарии оправдали надежды своего вождя. Они отстояли в борьбе с внешним и внутренним врагом завоевания Октября.

¹ В. И. Ленин Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 172.

² Там же, т. 36, стр. 232.

ПУБЛИЦИСТИКА

Н. ВЕРХОВСКИЙ

★

ВЛАГА И УРОЖАЙ

«Земля — огромный источник богатства нашего общества, основа сельскохозяйственного производства. Сохранение этого богатства и производительное его использование, повышение плодородия почв, борьбу с ветровой и водной эрозией, проведение там, где это необходимо, работ по лесонасаждению надо рассматривать как важное государственное дело» (Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза).

Урожай на новых землях жизненно важен не только для самих новоселов, но и для всей страны. Побывал я прошлым летом на Кавказе и в Центральной России. И всюду наталкивался на глубокую заинтересованность: как нынче целина? Однако с природой не договоришься. Если весной и летом 1964 года на самом крупном массиве поднятой целины — североказахстанском — выпало в среднем до трехсот миллиметров осадков (что местами пошло уже во вред растениям), то в минувшем году за период вегетации метеорологи не намеряли и тридцати миллиметров. В десять—пятнадцать раз меньше! Недаром за степными районами Западной Сибири, Северного Казахстана и Алтая закрепилась недобрая слава засушливых и климатически контрастных.

Как и ежегодно, побывал я минувшим летом на своей родине, в Костромской области. В местах лесных, исконно русских, очень древних. Старинный городок Галич, как известно из истории, в свое время «Москву воевал».

Зашли потолковать соседи. Все больше одноклассники да одноклассники по сельской школе, для которых все мы, несмотря на седины, остались Колями, Ванями, Манями. Люди пожилые и в колхозных делах бывалые. В доверительных беседах не только порассказали о своих новостях, но и устроили мне как приехавшему с целины придиричивый допрос. С укоризной и даже с нотками ревности:

— Опять, значит, у вас сухолетье. Год так да год этак. Год уродит, да год погодит. И что же это получилось: и людей и машины — все на целину да на целину. А мы как обсеков в поле! Не лучше ли было нам подмогнуть? Посмотри, какие нынче клевера, какие вымахали рожь и ленок!

Насчет богатых возможностей Нечерноземья, в том числе лесной и луговой костромской деревни, меня агитировать не нужно. Что с детства понято, то прочно.

Меня глубоко огорчало, что за последние годы, начиная с войны, сильно обезлюдели родные места. Особенно мужичками. Машин маловато, и они пока еще стандартные, плохо приспособленные к «мочливой» северной погоде. Посмотришь иной год — даже свой излюбленный и доходный ленок не довели наши костромичи до дела, не успели даже обмолотить. С другой стороны, казалось нелепостью, что по команде, шедшей сверху, даже и в наших местах, пограничных с Вологодской областью, небольшие людские резервы и техника нередко попусту растрчивались на безответственные эксперименты с чуждой для этой зоны кукурузой. Вырастают, бывало, к осени желтень-

кие хвостики, которые не ухватишь косой, выпустят на них коров, а животные директивам не подчиняются, рвутся на обочины, на которых, следуя законам местной природы, поднялся никем не сеянный «крамольный» клевер. Или — разве это порядок, что мои односельчане из бывшего колхоза имени Кирова (теперь совхоз «Восход») Миндюкинского сельсовета, как и многие другие в Галичском, Палкинском, Чухломском или Нейском районах, в последние годы, теряя интерес к земле, увлекались беспорядочной продажей в степные места своих вековых лесов, прозванных местными острословами «самым урожайным десятым полем»?

Жалобы на запущенность скромного по размерам местного сельского хозяйства приходится признать справедливыми. Чтобы поднять его, поработать придется и много и упорно. Но теперь настроение у моих земляков все же другое. После мартовского Пленума ЦК КПСС повеселели они, в речах зазвучала уверенность. Заметно больше стало машин. Кстати: со своей маленькой железнодорожной станции Лопарево я впервые пробивался в родную деревню уже не «пешемотором» через болото, по утлым деревянным лавам, а в кабине тракториста Васи, ловко объезжавшего многочисленные топи. Меж перелесками — высокая рожь, заново получившие свои права исконные местные культуры — овес, клевер, вика. Травы же мало сказать изумрудные — малахитовые, густые-прегустые, мышь не проточится. Едешь и любишься зеленым великолепием: ну и приволье для стад!

Слов нет, массовая распахка целины ущемляла порой не только Нечерноземье, но и такие исконные житницы, как Украина, Кубань: меньше доставалось машин, капиталовложений. Но теперь, после мартовских реформ и огромных новых ассигнований на сельское хозяйство, знаю и радуюсь — дойдут руки и до этих земель. Постепенно оживет и запущенное было костромское, смоленское, псковское или рязанское нечерноземье. Ведь на таких же не знающих засухи подзолах в Западной Европе, как это подчеркивал еще академик Прянишников, при надлежащем удобрении собирают урожай по полтораста и двести пудов с гектара...

Во всем я согласился с друзьями сбеседниками, кроме только одного: напрасно засомневались в целине. Нельзя и наивно противопоставлять свое пока еще лоскутное ржаное земледелие гигантскому степному, целинному. Правда, посевы пшеницы удаются и на костромских, и даже на вологодских землях. Но что такое малобелковые пшеницы северных влажных зон!

Сколько жили костромичи или ярославцы (издревле тяготевшие к отходничеству и промыслам), а Курган, Омск, Петропавловск, Акмолинск или Кокчетав, как и Саратов, всегда были и будут в нашем представлении городами хлебными, пшеничными.

Каждому краю свое! Будем, как это вытекает из решений мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС, и проводить серьезные работы по орошению и мелиорации, и делать новые шаги по подъему всего сельскохозяйственного производства, добиваясь высокого экономического эффекта от каждого вложенного рубля по всей стране.

А что же все-таки с новыми землями? Ведь кой-кому представлялось: распахали, посеяли, а там и гребни да гребни дешевую пшеничку! На деле не совсем так. Посмотришь в Северном Казахстане на диаграмму урожайности по годам — силуэт двугорбого верблюда. В один год чуть не миллиард пудов дешевого хлеба для родины дает целина, в другой — лишь десятки миллионов пудов, притом дорогого. В одном случае — восхищение, гордость, превеличенные надежды на будущее, в другом — разочарование и даже попреки вроде тех, которые частенько слышал я, разъезжая по стране. Хоть «закрывай» обратно целину.

Над этим стоит задуматься. И все же засомневающимся и встревоженным следует напомнить: за последние десять лет две трети валового сбора яровой пшеницы Союза выращены в восточных районах страны. Если же взять вместе с Поволжьем, то это составит уже 83,2 процента всего сбора яровой пшеницы. Только в одном Казахстане в 1964 году было собрано яровой пшеницы больше, чем в 1940-м во всей стране. Вот о чем идет речь. Помнить надо и другое: в пяти североказахстанских «целинных» областях (в округленных цифрах) три миллиона населения. Почти половина из них — в городах и новых промышленных центрах вроде Рудного, Ермака или Экибастуза. Будем условно считать, что из этих полутора миллионов примерно половина — взрос-

лое население. Значит, какие-нибудь семьсот — восемьсот тысяч человек — капля в людском море огромной державы — распахали и обрабатывают восемнадцать миллионов гектаров земли и за год в среднем посылают стране свыше четырехсот миллионов пудов шенички. Перед этими людьми надо уважительно снимать шапки за их много-трудное и доброе дело.

Так обстоит дело «в среднем»! Но резкие перепады в урожайности в этих районах путают планы, огорчают, ведут к убыткам. Неужели нельзя поладить с землей, выровнять «седловины» между «горбами», добиться, чтобы могучий «хлебный цех» работал ритмичнее?

Правда, колебания урожайности по годам в известной мере неизбежны. Они были и еще будут. (Да и где их не бывает.) А ведь Казахстан или Алтай — это самые срединные, самые континентальные земельные массивы на всем земном шаре. Распахав целину, мы изменили лицо земли, но переменить засушливый и контрастный климат пока еще не в наших возможностях. Но пусть по крайней мере не будет резких понижений в урожайности.

Поиски и раздумья у целинников большие и нелегкие. Но не пассивно же приспосабливаться к природным условиям? И вот идут об этом горячие споры...

У Алексея Даниловича Новикова биография короткая, но поучительная. Сын кочегара из Смоленска, окончил с отличием сельскохозяйственный институт и в 1955 году прибыл к первой борозде в совхоз «Кузбасс», Ленинградского района, Кокчетавской области. «О меньшем, — вспоминает он, — чем должность главного агронома, и не помышлял». Однако штатное расписание в совхозе оказалось уже заполненным, и ему предложили работу бригадира.

Возмущенный и негодующий примчался молодой агроном в Кокчетав к начальнику бывшего тогда Управления совхозов старому зерновому Е. С. Смирнову. А тот по-отечески отчитал и убедил идти в бригадиры: мол, если в тебе заложено что — проявится. Сам потом спасибо скажешь...

Послушался Новиков — и теперь с благодарностью вспоминает совет. Работая бригадиром, он хорошо узнал людей и земли, на которых они работали, научился управлять любой сельскохозяйственной машиной. Был он затем и агрономом, и главным агрономом, и директором отстающего тогда совхоза имени Менжинского, который требовалось «вытянуть». Все работы оказывались ему по плечу. С весны прошлого года назначен Алексей Данилович начальником производственного управления смежного с Ленинградским Чкаловского района.

Прошлой весной я встретился с этим молодым руководителем, у которого держание, свойственное возрасту, сочеталось с неджинной опытностью. Был он в тяжелом раздумье:

— Год складывается небывало плохой. Запасы влаги в почве ничтожные. Прогноз погоды на лето — отвратительный. Как агроном не имею права закладывать семена в землю. Да, сеять не имею права! Разве только по парам. Не будет нынче урожая.

Перед севом держали большой совет. Прибыли на него и «вышестоящие товарищи», огласили прогноз: «Раньше 10 июля дождей не будет». И все же решили рисковать. «Высокий представитель» заявил, что «риск берет на себя государство». Скрепя сердце засеяли все, что намечалось по плану.

Прогноз оправдался — урожая, кроме как на паровых полях, не получилось. С 1 июня и по 1 августа в Чкаловском районе выпало только 11,1 миллиметра осадков. Это не больше, чем дает одна приличная роса. Вот какая обрушилась засуха!

Посмотрим, как, например, обстоят дела в совхозе «Чкаловский». В 1964 году средний сбор в этом крупном хозяйстве составил двенадцать центнеров с гектара, а продажа хлеба государству достигла одного миллиона восьмисот тысяч пудов. Судя по большим запасам влаги и мокрой весне, главный агроном Юрий Мартынович Прилуцкий тогда предлагал: «Давайте нынче засеем и часть земель, намеченных под пары. С сорняками справится при помощи гербицидов». Не одобрили, а Прилуцкого с областной трибуны «проработали» как якобы противника чистых паров. Между тем, прислушавшись к нему, получили бы от совхоза добавочно тысячу триста пудов зерна. В 1965 году, как уже говорилось, там хотели было резко сократить посевы зерновых, больше земель

оставить под парами. Куда там! Подумать даже страшно: не бывало еще такого случая в нашей практике. Рискнули, работали по твердому плану. Возвратили только третью часть семян, потерпели убытки и, что особенно горько, нарушили с большим трудом налаженное сортовое семеноводство...

— В Канаде при подобных обстоятельствах поступают так, — рассказывал мне первоцелинник, бывший начальник Краевого управления сельского хозяйства Федор Трофимович Моргун, побывавший в зарубежной научной командировке. — У них даже разработана специальная «шкала шансов». На основании двадцатидвухлетних наблюдений опытных станций подсчитано, какие примерно шансы на получение урожая имеет фермер при той или другой глубине влажного слоя к моменту посева. Фермер выходит в поле и либо обычной лопатой, либо специальным ручным буром достает до сухого слоя земли. Измерив, на какую глубину почва пропитана весенней влагой, смотрит на таблицу, берет в расчет складывающиеся условия текущей весны и размышляет: стоит ли рисковать?

Так при капиталистическом, «коммерческом» образе жизни. Но разве нам прибыль нужна меньше, чем фермеру? Ведь каждое наше хозяйство должно давать для народа максимальный эффект при минимуме затрат. Не предоставить ли руководителям хозяйств в засушливых районах право на самый широкий производственный маневр?

Много мне приходилось беседовать на эту сложную тему с учеными, со старожилами целины. Мнения резко расходятся, и каждое выглядит убедительным, имеет свой резон.

— Подождем! — говорит заведующий лабораторией по борьбе с сорняками Шортандинского института Павел Петрович Колмаков. — Добьется страна изобилия хлеба, тогда в засушливых зонах и будем сеять только те полосы, где с весны складываются условия для гарантированного урожая.

— Позвольте, — возражают ему, — если мы еще бедны, то как раз наоборот: не видно шансов на урожай — тем более не следует рисковать семенами и расходами на обработку. Хозяйствам особо засушливых зон нужно давать не годичный, а сразу трех- или даже пятилетний государственный заказ, чтобы свободней маневрировали...

— Как можно оставлять незасеянной хотя бы даже часть пашни! — отстаивают свою точку зрения сторонники риска при любых условиях. — Не сеять — значит сдаваться без боя. Что за покорность судьбе?!

— Нет, не посеять нынче иную полосу — это значит не сдаваться, а перехитрить природу и в конечном счете получить от нее больше. Пусть в плохой год пашня парует. Выгодней один раз собрать отменный урожай, чем два года насиловать землю, ничего не получая...

А вот мнение директора Всесоюзного (Шортандинского) научно-исследовательского института зернового хозяйства Александра Ивановича Бараева, человека на целине очень авторитетного.

— Теоретически это верно, что в иной год в некоторых зонах было бы целесообразно сократить посевы, в другой — их увеличить, — замечает он. — А всегда ли вы угадаете погоду? Долгосрочные прогнозы пока несовершенны. Вот сам я, помню, в 1956 году мог бы ошибиться.

Оказывается, в 1956 году, еще до организации института, Александр Иванович был уполномоченным ЦК КП Казахстана по проведению посевной в Павлодарской области. Запасы влаги в почве оказались мизерными. Многие тоже засомневались — стоит ли сеять? А после 20 мая — дожди и дожди. В итоге 1956 год оказался наилучшим по урожайности в Павлодарской области.

Значит, риск-то двухсторонний: в иной год сеем, рискуя, а в другой, не посеяв, можем еще больше просчитаться...

— Что бы там ни говорилось, а маневрировать необходимо! — упорно отстаивает свою точку зрения опытный агроном-экономист Кзылтуского районного производственного управления Павел Александрович Песоцкий. — Пора поставить надлежащим образом агрохимическую и метеорологическую службу и наблюдать за складывающимися условиями, предвидеть. Судя по нашему очень засушливому району, в иные годы

нужно оставлять под парами до семидесяти процентов пашни, в другие — доводить их до нуля. Иначе не оберемся убытков...

И в подтверждение опять же приводятся убедительные примеры.

Но как ни велики, казалось бы, разногласия, а в принципе-то все согласны: без маневрирования не обойтись. При хозрасчете нельзя работать механически. Спорным остается вопрос о пределах допустимого в маневрировании: подойдет ли то, что оправдано у канадского фермера, для хозяйствования крупномасштабного, социалистического? Зато все согласны с тем, что необходимо умело применять противозасушливую агротехнику, правильно специализировать хозяйство, использовать все достижения науки и передового опыта.

Возможен ли ежегодный гарантированный успех при столь контрастном увлажнении? Не стоит спешить с выводами. Не грех будет попристальней приглядеться и к зарубежной сельскохозяйственной науке, критически сопоставить ее с нашими условиями, опытом, поисками...

* * *

Мы часто обращаемся к канадским урокам и опыту. Это не случайно: почвенно-климатические условия канадских прерий, ее провинций Манитоба, Альберта и особенно самой крупной пшеничной — Саскачеван, бесспорно, очень сходны с целинными землями Северного Казахстана. В последние годы установился интенсивный и полезный научный обмен. Целинники с большим вниманием слушают доклады своих ученых и практиков, побывавших в Канаде. Интересно бывает послушать и заокеанских ученых, которые также нередко посещают наши края.

Когда сотрудники Шортландинского института, знакомя очередных канадских гостей (это были профессора — фитопатолог У. И. Сэкстон и почвовед Генри Д. Дион) со своими низкорослыми нивами, заметили: «У нас нынче засуха», то один из канадцев немедленно их перебил:

— Да мы и сами это видим! Растения не образовали вторичных корней. Значит, попали под жестокую засуху. — И тут же, желая, видимо, подчеркнуть свою объективность и доброжелательность, с иронической улыбкой, адресованной своим землякам и себе самому, добавил: — Когда в Канаде хлеб не уродился, то мы говорим, что это от засухи, от неурожая. Когда это случается в Советском Союзе, то у нас принято писать, что это от советского хозяйствования...

Кстати. Еще до посещения Шортланды в письме на имя директора института канадские ученые подчеркивали, что «и в Канаде, где мы живем и работаем, земледелие представляет трудности во многих районах. Но, несмотря на это, оно сохраняется даже и в тех случаях, когда некоторые почвы дают урожаи зерна в течение трех лет из пяти менее чем по пятисот килограммов на гектар».

Даже если менее пятисот килограммов на гектар! Полезно это напомнить тем нетерпеливым, которые при каждой нашей неудаче впадают в растерянность, поддаются разочарованиям. Общеизвестно, что Канада — мировой экспортер пшеницы. Но нельзя же забывать, что в этой стране всего-то около двадцати миллионов жителей!

«Много грустного в истории нашего земледелия», — подчеркивали канадские ученые, рассказывая о бедственной эрозии почв, которую пережили канадцы в тридцатых годах. Желая предупредить нас от их ошибок, гости привезли с собой и продемонстрировали фильм, посвященный сельскохозяйственному освоению прерий провинции Саскачеван. Фильм показывает злоключения хлынувших за океан переселенцев, которые пришли сюда с опытом европейского земледелия, с непригодными на новом месте «классическими» орудиями обработки земли — отвальным плугом и бороной. Но самым поучительным в этом фильме была, пожалуй, живучесть традиций. Катастрофически уменьшались урожаи, гибли не только посевы, но и земли, а фермеры продолжали упорно цепляться за старые орудия и методы обработки земли; советы канадских ученых оставались гласом вопиющего в пустыне. И только с уходом старого поколения фермеров — одни из них умерли, другие, отчаявшись, бросили принадлежавшие им участки — и приходом молодых, здесь, в Канаде, родившихся, только после издания специального закона об охране почв новые приемы обработки земли с сохранением

стерни стали господствующими и только тогда урожайность вновь достигла высокого уровня.

Печальный опыт Канады, где легкие почвы были буквально подняты на воздух (теперь эти земли используются только как пастбища), всегда нужно учитывать.

Но разве и у нас, при нашем более совершенном строе и системе хозяйствования, сила инерции не дает еще себя знать? Директор Шортандинского института А. И. Бараев недоволен темпами перехода к новой системе обработки почв. Хотя на словах все с ним согласны, но и внедрения тоже пока настоящего нет, считает он.

Я возразил ему: в прошлом году в Кокчетавской области, например, почти все намеченные к вспашке шестьсот тысяч гектаров паров были обработаны плоскорезами, сев производился постерневыми сеялками-лушильниками. Но А. И. Бараев утверждает, что в других областях положение хуже. В Кустанайской, например, из запланированных к вспашке девятисот тысяч гектаров паров только девятая-десятая часть обрабатывалась безотвально... И, в общем-то, он прав: к новой системе обработки почв мы только-только приступаем. В некоторых же районах Хакассии и Павлодарской области канадская ошибка уже повторена.

Следует напомнить, что ветровая эрозия дает себя знать не только в Северном Казахстане или в соседней с ним степной части Западной Сибири и многих районов Зауралья. Все засушливые степные почвы в большей или меньшей степени подвержены дифляции. В одних случаях выветривание гумуса проходит медленно, в других — бурно. Проблема эта существует и для Ставрополя, и для Ростовской области, и для Краснодарского края, и для Донецкой и других южных областей Украины. Весной прошлого года в Краснодарском крае погибло от ветровой эрозии четыреста тысяч гектаров посевов озимой пшеницы. В Башкирии, скажем, в Стерлитамакском районе, мощные черноземы которого распашаны очень давно, происходит примерно то же самое. Земледелие здесь ведется теперь по сути дела уже на подпочвах: верхний, богатый гумусом почвенный слой давно уже (сантиметров на двадцать—двадцать пять) унесен ветрами.

Разумеется, всегда нужно учитывать зональные особенности и не подменять один шаблон другим. Нужно различать — где проявляется консерватизм, а где и обоснованное инакомыслие. Мастер высоких и устойчивых урожаев Терентий Семенович Мальцев первым разработал систему безотвальной обработки почвы, но в отличие от канадцев и шортандинцев стерню, например, на поверхности не оставляет, а, наоборот, всячески ее измельчает дискованием, перемешивает в верхнем слое почв. Еще замечательный наш агроном Костычев писал в свое время: «...За Уралом, к востоку почва сильно изменяется, буквально на каждом шагу и притом на местах совершенно ровных...» Но, по резонному замечанию того же Александра Ивановича Бараева, любую степную почву, если ее ежегодно переваливать отвальными плугами и перетирать дисковыми лушильниками, легко довести до дифляции...

Следует не забывать, что засуха и дифляция почв обычно выступают «единым фронтом». В мокрый год, естественно, пыльных бурь не бывает. Что противозерозийно, то и противозасушливо. Сумев остановить эрозию, канадские ученые одновременно ослабили неблагоприятное воздействие засух и помогли фермерам восстановить урожайность. Вот в чем их беспорная заслуга.

Если сравнить, например, условия Поволжья и Северного Казахстана, различий увидеть можно много. Начать с того, что безморозный период в Поволжье по крайней мере на месяц длиннее. Почвы, в общем-то, более тяжелые. Однако пыльные бури на левобережье Волги тоже явление частое. Но как там, так и у нас земледелие в огромной степени зависит от накопленной с осени и зимы влаги. В Поволжье, может быть, даже больше, чем в Северном Казахстане. Там земледelec стремится посеять раньше, чтобы за счет накопленной и сбереженной влаги пшеница успела сформировать зерно до губительной «помохи», навешающей степи в июле. Там, стало быть, задача проскочить с вегетацией до суховея. В Северном Казахстане несколько по-иному: здесь надо перескочить через обычную засуху первых двух декад июня; для этого сев оттягивается на предельно допустимые поздние сроки. А в основе-то своей стратегия одна и та же: накопить к посеву в почве максимальное количество воды. Как раз это и по-

могает сделать безотвальная обработка почвы с сохранением снегозадерживающей, противэрозийной стерни.

А. И. Бараев убежден, и в этом с ним нельзя не согласиться, что новая система земледелия как лучшее средство влагонакопления (конечно, с поправками на зональные особенности) обязательно найдет широкое распространение во всем нашем степном засушливом земледелии, от Оби до Волги и дальше по югу до Днестра.

Теперь, когда огечественная противэрозийная (она же противозасушливая) техника создана и приходит к земледельцам, важно форсировать переход к научно обоснованным мальцевским — шортандинским приемам обработки земли. Нельзя более допускать, чтобы штормовые ветры разрушали почвенный слой богатейших степей, который складывался миллионы лет!

Основную цель своей поездки канадские ученые сформулировали так: «Мы хотели бы посмотреть посевы в Казахстане в фазе их созревания, притом в засушливый период, а не тогда, когда они в самом лучшем виде, чтобы сравнить сельскохозяйственные проблемы и практику на целинных землях с теми же факторами, которые часто встречаются в засушливых районах канадских прерий...»

В этом смысле время для посещения было выбрано самое подходящее: в Шортланде за весь июнь — июль выпало только около двадцати миллиметров осадков. На полях института при безотвальной обработке почвы растения выстояли против засухи, но, конечно, — жара остается жарой — были низкорослыми, явно угнетенными. По парам урожайность достигла десяти—двенадцати центнеров, в среднем же было получено 5,8 центнера с гектара.

Вооружившись лопатой, гости покопали сухую, как пепел, изрезанную глубокими трещинами землю и выразили удивление:

— У нас в прериях такой острый недостаток влаги пшеница, пожалуй, не выдержала бы...

Разговорились о почвенно-климатических сходствах и различиях наших степей и канадских прерий. Некоторые черты, бесспорно, роднят их, но о каком-либо тождестве условий не может быть и речи. В «зоне рискованного земледелия» Канады в среднем за год выпадает до четырехсот миллиметров осадков, да и сроки выпадения осадков у них более благоприятны для вегетации. У нас же осадки от двухсот двадцати до трехсот пятидесяти миллиметров. В Северном Казахстане весенне-летний максимум дождей обычно запаздывает — приходится лишь на июль. В канадских же прериях два максимума — июньский и июльский. У нас чем дальше на север (где меньше испаряемость), тем относительно больше дождей; чем дальше на юг, чем ближе к пустыне Бетпак-Дала, тем суше. У них наоборот: чем южнее, чем ближе к Великим озерам, тем мягче и влажнее.

Но у нас есть и свои преимущества: по своему потенциальному плодородию наши новые земли не только не уступают канадским, но, может быть, и превосходят их. Почвенный слой в прериях, как правило, менее мощный, нежели у нас. Наши почвы древнее, а у них они послеледниковые, более каменистые. Да и влагу принимают хуже: в сухую погоду они как бы цементируются. Так что хоть климат у нас суровее, но капля воды используется растениями продуктивней. При высокой агротехнике мы их обязательно догоним по средней урожайности...

Впрочем, как еще считать среднюю урожайность? В канадском земледелии очень велика площадь чистых паров — в Саскачеване она достигает в среднем сорока процентов. А в резко засушливом 1961 году там паровало даже восемьдесят пять процентов пашни. Практически, значит, там господствует двухпольная система и урожайность с гектара надо бы делить надвое. А вот каковы средние урожаи по парам за десять лет по семи сортоиспытательным участкам Кокчетавской области: в степной зоне — 15,0, в лесостепной — 16,0, в горносопочной — 16,3 центнера с гектара. Это как раз и есть величина средней урожайности канадских прерий в последний, «послеэрозийный» период...

Год пахать да год отдыхать. Такое использование земельных богатств у нас принято объяснять социальными причинами, коммерческими соображениями фермеров. Канадцы считают такое объяснение недостаточным.

— Напрасно вы считаете, что нашему фермеру хлеб не нужен,— возражает профессор Дион.— Он ему очень нужен. Фермер примирился бы и со сниженным урожаем. Но есть и агротехническая причина, вынуждающая к двухполюю. Вот вы утверждаете, что пары у вас оказывают многолетнее полезное действие. А у нас прибавка урожая получается только в первый год после пара. Только один год!..

Он приводит примеры: если после чистого пара гектар земли дает, скажем, пятьдесят бушелей зерна (бушель — 27,2 килограмма), то на второй год фермер получит с этого поля лишь половину, а то и всего десять — пятнадцать бушелей. Значит, заключает он, выгодней оставить землю под пар, за один год получить удвоенный урожай.

У нас иначе. Первый посев после пара дает гарантированный урожай даже и в самые сухие годы. Недаром говорится, что в засушливых условиях чистый пар выполняет роль малого орошения. Но, что не менее важно, и второй посев, или подпарок, у нас тоже не огличается резко от посева по пару. Даже и на третий год урожай на этом поле обычно бывает выше, чем на землях, которые давно не паровали. Все это доказано и передоказано.

В этом — наше большое и важное преимущество. Как же его практически использовать, чтобы победить засуху?

* * *

По дороге в совхоз «Нежинский» в автомашине возник деловой спор. Секретарь Рузаевского райкома партии Василий Никанорович Загорский, говоря о радикальных мерах по борьбе с засухой, развивал мысль о том, что нужно, дескать, резко увеличить площадь под чистыми парами. Прибывший в район представитель республиканских организаций, которого секретарь сопровождал в поездке по полям, резко против этого возражал

— До приезда в Казахстан,— говорил он,— я работал в промышленности. На заводе высокая сменность — очень прогрессивное дело: быстрее оборачиваются вложенные средства. А разве на земле не то же самое?! Вы же со своими парами как раз и предлагаете сократить сменность. Не увлекайтесь! Такой подход к делу экономически не выгоден...

Райкомовская «волга» остановилась близ полевого стана, на грани двух совершенно различных по урожайности полос. На одной — нормальная усатая пшеница почти метровой высоты. На другой — комбайнеры не убирают, а, можно сказать, выскребывают ее с поля, прихватывая ножами землю...

— Почему такой контраст? — заинтересовался представитель.

Подошедший к гостям бригадир третьей бригады Василий Петрович Химич обстоятельно пояснил:

— Вот эта,— он указал на высокую пшеницу,— посеяна по парам. Намолачиваем по двенадцати центнеров с гектара. А эти,— показал на тошенькие, еле отошедшие от земли растения,— выросли по зяби. Полоса давно не паровала. Тут едва собираем центнера по два...

Своим ответом бригадир, что называется, сразил наповал: продолжения спора не было...

Пары — не вечная категория, утверждают многие ученые. Для далекой перспективы это, видимо, так. Но на нынешнем этапе, на новых землях, только с помощью чистого пара и можно создать в корнеобитаемом слое почвы запасы влаги, способные обеспечить надежный урожай даже в самые засушливые годы.

Минувший год был для североказахстанских и западносибирских степей нантажелейшим. Но урожай все же собран. И в целом по пяти областям Северного Казахстана полностью заготовлены семена, выданы натуральные премии механизаторам, запасен фураж, проданы государству семьдесят четыре миллиона пудов зерна. А когда начали подсчитывать, то оказалось, что большая часть этого хлеба получена именно с паровых участков, хотя паровой клин составлял всего одиннадцать процентов пашни! Вот что такое пары в засушливом земледелии.

Итак, жизнь убедительно подсказала: пора перестать мудрить! Недавние споры — нужны или не нужны чистые пары — теперь кажутся, мягко говоря, наивны-

ми. Разногласия возникают, только когда речь идет об оптимальных размерах парового клина в той или иной зоне или хозяйстве. Расскажу об одном смелом решении.

Земледельцы Октябрьского района Кустанайской области решили с будущего года отвести под пары не мало ни много тридцать процентов пашни.

— Значит, назад, к трехполью! — воскликнул в Кустанае один из противников этого решения и с ехидством продекламировал: — И я сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал...

Да, это почти трехполье. Тридцать процентов всей пашни в районе будет занято посевами пшеницы по самым лучшим предшественникам — по парам и кукурузе; еще тридцать — тоже пшеницей, но посеянной второй культурой после пара, то есть по подпарку. Всего наша главная культура будет ежегодно занимать в районе шестьдесят процентов пашни. Десять процентов земель займут посевы кукурузы на силос, «серые хлеба» — ячмень и овес, бобовые, местами травы.

Не будем догматиками. Если в зонах достаточного увлажнения возрождение дедовской трехполки было бы не только шагом назад, но и агротехнической нелепостью, то в зонах сухого земледелия оно может стать мерой прогрессивной, потому что будет экономически выгодней.

Разумеется, решение земледельцев Октябрьского района нельзя рассматривать как некую рекомендацию для всех. Целина пестра. Зачем далеко ходить за примерами? Начальник Октябрьского районного производственного управления Василий Павлович Довгаль раньше работал секретарем райкома партии богатейшего Федоровского района. Это на самом севере области — от челябинцев район отделяет только степная речка Уй. Спрашиваю его: рекомендовал бы он федоровцам те же тридцать процентов паров?

— Воздержался бы, — отвечает. — Там увлажненность лучше. Для них трехполье было бы совершенно необоснованно.

Ведь вся беда в том, что на целине «во имя большого хлеба» или совсем не было севооборота, или он был нарушен. Пора его вводить. А где и какой — трехпольный ли, четырехпольный или пятипольный, а в южных степях, переходящих в полупустыню, может быть, и двухпольный, — пусть решают сами земледельцы, исходя из местных условий и опыта, прислушиваясь к мнению ученых. Стоит ли пугаться таких «скомпрометированных слов», как «трехполка» или «двухполка». Это предрассудок! Хорошо то, что даст хорошие и надежные урожаи, сохраняя почвы и повышая их плодородие.

Каковы производственные условия Октябрьского района? Район это новый, сплошь целинный. Расположен в открытой степи с темно-каштановыми почвами, переходящими на юге, на границе с Тургайской степью, в светло-каштановые и буроземы. Осадков в среднем за год выпадает 250—270 миллиметров. Совхозы района славятся высокими урожаями: в лучшие годы государство получало от них до двадцати четырех миллионов пудов зерна. Но в годы сильной засухи, вроде минувшего, заготовки хлеба не превышали трех миллионов пудов. Здесь находится самый мощный зерновой совхоз страны — «Железнодорожный», усадьба которого сливается с районным центром. Кстати. Как бы хотелось, чтобы мои костромские земляки побывали на этой фабрике зерна. Сразу бы излечились от своих сомнений. Ведь их понятиям о новых землях как раз и не хватает конкретики. Представим себе, во-первых, масштабы: за десять уборок коллектив «Железнодорожного», в котором всего около тысячи трудоспособных, дал государству двадцать три миллиона пудов зерна. Вряд ли вся Костромская область за этот же срок заготовила столько, сколько одно это хозяйство!

Но по годам урожайность опять же «пляшет». В 1959 году совхоз этот дал государству 4,7 миллиона пудов зерна. Вот взлет! Иного такого случая в истории земледелия Союза еще не бывало. А вот и падение: в прошлом году с тех же земель заготовлено «только» 612 тысяч пудов. Кстати, зерновое хозяйство совхоза неизменно прибыльно.

Интересно потолковать с бессменным директором «Железнодорожного» Героем Социалистического Труда, заслуженным агрономом Казахской ССР Завелием Ароновичем Франком Седой, крепкий, лицо изрезано глубокими морщинами, он из той породы неутомимых, многоопытных людей, на которых, можно сказать, целина держит-

ся. Завелий Аронович приехал на новые земли из Воронежской области. Конечно же, он знает и любит богатое земледелие своей родины, где долгое время работал директором МТС. Но, сопоставляя масштабы и рентабельность производства пшеницы, ветеран целины с цифрами в руках доказывает:

— Засуха нам крепко бока намяла. Однако и нынче зерно нашего совхоза обошлось дешевле воронежского..

Осенью, после уборки, я побывал с ним во многих бригадах. Проезжая через любовно возделанные поля, Завелий Аронович поделился таким своим наблюдением над почвами:

— Темнеют, представьте себе, из года в год темнеют! Когда целину пахали — они были рыжеватые. Значит, перегнивают пожнивные остатки. Нет хуже грабежа, чем сжигание стерни! А где это еще возможно, — задается он вопросом, — чтобы при таких знойных суховеях, как нынешние, пшеница все-таки выростала? — И отвечает: — Нет больше таких земель! Бесценные..

— А вот, — говорю ему, — кой-кто засомневался в целине.

— Самые вредные это настроения!..

Я поинтересовался урожайностью при различных условиях.

Оказывается, все обстоит так же, как и в других совхозах.

— Только пары и выручили! — в один голос заявили и Франк и бригадир, с которыми довелось беседовать на полевых станах.

Вот урожайность в десятой бригаде, где бригадиром Василий Андреевич Акинин: по зяби — три, по стерне — семь, и по парам — одиннадцать центнеров с гектара..

— Конечно, год на год не приходится, — в заключение нашей беседы сказал Василий Павлович Довгаль, — не каждое лето пары бывают одинаково эффективны. Но самая частая и самая неприятная гостья у нас — это засуха. На нее и нужно ориентироваться. А в засушливые годы правильно обработанные пары дают в районе примерно вдвое больший урожай, чем посевы по зяби. Значит, если будет тридцать процентов паров, то всегда будет хлеб. К тому же, сократив ежегодные посевы, мы будем и сеять играючи, и убирать припеваючи. И необходимость приглашать на жатву механизаторов со стороны отпадет навсегда..

По расчетам производственного управления, при переходе на новый севооборот пятьдесят два процента всего валового сбора зерна будут давать посевы по парам. Зяблевая вспашка будет исключена: посевы по подпарку, то есть тоже по чистым землям, вполне можно будет проводить постерневыми сеялками. Урожайность на все более и более чистых, регулярно отдыхающих полях, естественно, должна нарастать. В то же время прямые расходы на гектар против теперешних фактических расходов снизятся на одну пятую часть, по расходу горючего — на двадцать восемь процентов, по трудовым затратам на центнер — с 0,1 человеко-дня до 0,06 человеко-дня и так далее. Естественно, что соответственно снизится и себестоимость зерна.

Как будто бы все просто и ясно? Вовсе нет. В земледелии не бывает простых и для всякого случая верных решений. Трудно, например, решить вопрос о темпах перехода, о сроках: одним махом или в два-три приема?

Районное производственное управление намечает в будущем году сразу оставить под парами сто сорок тысяч гектаров. Посевы же под парами нынешней заготовки будут произведены лишь на шестидесяти семи тысячах гектаров. Даже если они дадут и двойную урожайность, то простой такого большого количества пашни под парами, как намечено, может резко сказаться на валовом сборе зерна в 1966 году. Не лучше ли поэтому осуществить переход «в два шага»?

Такой точки зрения придерживается, в частности, З. А. Франк. Он тоже за тридцать процентов паров:

— Кой у кого уже поджилки затряслись: много, дескать, паров — это расточительство. Убыток кажущийся! В целинном земледелии нельзя жить задачами одного только года. Отдохнувшая земля перекроет недосевы. Но для того, чтобы выделять под пары для каждого будущего года, нужно и в каждом текущем побольше посеять по парам. Тут выгодней лесенка. Сейчас у нас под парами восемь тысяч гектаров, в сле-

дующем году оставим четырнадцать тысяч гектаров, а в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году восемнадцать тысяч гектаров, что и составит тридцать процентов. Это чтобы в первый год не было недобора зерна.

Видимо, он прав: в два-три приема будет разумней.

Нужно ли доказывать, что резкое увеличение площадей под парами только тогда даст нужный эффект, если оно будет органически сочетаться со всем комплексом мер по повышению плодородия. И в первую очередь если оно будет сочетаться с правильным и полным переходом к прогрессивным приемам обработки земли. Отвально и глубоко вспаханные пары в зонах, подверженных дифляции почв, могут принести даже вред — они могут стать эпицентрами эрозийности. Нельзя на одиннадцать месяцев оставлять ничем не защищенные, обнаженные черные пашни... Значит, пары, но обязательно стерневые!

Идея насчет тридцати процентов паров «носится в воздухе» и в некоторых других острозасушливых районах целины. В Чкаловском районе, о прошлогодней неудаче земледельцев которого уже много говорилось, на трехполье переводятся совхоз «Севастопольский» и еще несколько других. Но прежде чем завершить разговор о парах, расскажу о некоторых делах Кустанайской областной опытной станции.

* * *

...Могучая, крупноколосая пшеница. В одном из колосьев насчитали семьдесят два зерна. Неужели пшеничные нивы, с которыми меня познакомили уже после жатвы — по фотографиям, — были выращены в жестокую засуху нынешнего года?

Да, в 1965 году. Итоги сбора записаны в актах, скрепленных, как это говорится, «надлежащими подписями с приложением установленной печати». Вот они: средняя урожайность — 18,2 центнера с гектара, на отдельных участках 24,5 центнера... Чудо какое-то! Да пшеницы не яровой, привычной для наших краев, а озимой, культивировать которую в Сибири и Северном Казахстане считается делом чрезвычайно трудным.

Выращена эта озимая в открытой степи, за околицей буйно строящегося Кустаная, на полях опытной станции.

Обычно, когда речь заходит о посевах озимой пшеницы, многие местные, старые агрономы отмахиваются: «Знаем. Пробовали. Вряд ли что выйдет...» Действительно, опытов ставилось немало. И хоть бывали успешные, но еще больше оказывались обескураживающих. И тем не менее сама по себе идея внедрения посевов озимой пшеницы хотя бы в лесостепных зонах Северного Казахстана очень заманчива. Если бы удалось наряду с яровой внедрить и озимую пшеницу, то это было бы крупным успехом целинного земледелия.

На Кустанайской станции опыты ведутся три года подряд. Не на грядочках, а на значительных площадях. И с возрастающим успехом. Ни разу озимая пшеница не вымерзала здесь и, больше того, давала двойную и тройную урожайность в сравнении с яровой. Но это пока лишь опыты, хотя и заслуживающие большого внимания.

Заместитель директора опытной станции по научной части Аркадий Васильевич Артюшенко — человек пожилой, казахстанский старожил, работает здесь тридцать четвертый год. Он из тех, у кого виски седые, а глаза горят: увлеченный, ищущий человек. Попросил я Аркадия Васильевича рассказать о своих опытах.

— Мы ведем работу с несколькими сортами озимых. Но лучше всего удается пшеница, выведенная селекционером Виктором Никитовичем Мирошниковым в Оренбургском сельскохозяйственном институте. Это сорт «СХИ 48», гибрид «лютеценс-329» с житняком. Пшеница эта в Оренбуржье распространяется все шире и шире. У этого сорта высокая зимостойкость. Но на совершенно голом поле вряд ли перезимует любая пшеница. В чем же еще секрет? Прежде всего в том, что посевы ее производятся по кулисным парам.

— Считается, — поясняет Аркадий Васильевич, — что озимую пшеницу губят сильные морозы. Они-де разрывают корневую систему. Не в этом главное. Пшеница гибнет не зимой, а ранней весной, когда она начинает отходить. Яркое весеннее солнце преждевременно пробуждает жизнь в листьях. Лист уже ожил, а корневая система от него как бы отрезана, она еще в мерзлой земле. Полного обмена веществ нет — зелень

и отмирает. Значит, чтобы вырастить озимую пшеницу в наших степях, нужно создать снегонакопление, а во-вторых, как можно дальше оттянуть снеготаяние. Это и помогло сделать кулисы...

На полях опытной станции (по замерам 10 января прошлого года, с которыми меня познакомил Артюшенко) на отвальной зяби почти не было снега; на кукурузной стерне толщина снежного покрова составила пятнадцать сантиметров, а на кулисных парах снежный покров от шестидесяти сантиметров до метра. Убедительно? Непревзойденный способ накопления влаги!

— Но как же выдержала ваша «СХИ» летнюю засуху? Дождей-то не было до самой жатвы? — спрашиваю я.

Отвечая на этот вопрос, А. В. Артюшенко показал мне образцы растений с отмытой корневой системой. В то время, когда у яровой пшеницы к 15—20 июня длина корней не превышала тридцати сантиметров, озимая «СХИ-48» успела сформировать могучие корни длиной до метра и больше. Аппарат для добывания влаги у нее был уже совершенно другим...

Итак, снова пары?! Да. Только в данном случае это уже не просто стерневые, а кулисные. Поясню: кулисный пар — это когда паровое поле покрыто полосками (ленточками) высокостебельных растений, назначение которых задерживать снег и защищать почвы от выдувания. В Северном Казахстане для кулис чаще всего используются горчица и подсолнух.

Показал мне Аркадий Васильевич Артюшенко и посеы озимой пшеницы для нынешнего года. Горчичные кулисы (а это растение, как известно, не сразу отличишь от сурепки) осенью были в полном своем ярко-желтом цвету — горели пламенем. На полосах между ними бодрая, хорошо укоренившаяся озимь. Зимой горчица, конечно, погибает, а весной, чтобы площадь не пропадала, ее место занимают посеы кукурузы, которые в свою очередь тоже помогают выращиванию озимых, создавая благоприятный микроклимат.

Работами опытной станции по подбору сортов озимой пшеницы для Кустанайской области весьма интересуется академик Н. В. Цицин. В своих письмах к Артюшенко он называет опыты станции «очень обнадеживающими», дает полезные советы...

Работа кустанайских опытников наводит на мысль: ежели кулисные пары дают возможность успешно культивировать на целине даже зимостойкие сорта озимой пшеницы, то как же помогут они в выращивании яровых! К тому же при любой засухе. Это ведь не какая-нибудь «директивная новинка», а прием испытанный, достоверный. Горчица вырастает на целине хорошо. Семена у нее мелкие, почти как мак. Значит, и норма высева минимальная. Дополнительные затраты, связанные с посевом кулис, во много раз перекрываются прибавкой урожая. Не случайно в засушливом земледелии Юга и Юго-Востока Российской Федерации кулисные пары применяются широко и с большой пользой. Так почему бы не применять их в Северном Казахстане? Но бываю я во многих совхозах и колхозах, а кулисы вижу только на сельскохозяйственных плакатах в красных уголках. А сколько еще простых и достоверных приемов накопления влаги, обеспечивающих гарантированные урожаи, совсем не используются у нас!

Здесь до сих пор, например, по-настоящему не принялись за создание полезащитных насаждений.

Познакомился я и с другими интересными опытами станции. Но больше всего разговор шел насчет решения земледельцев Октябрьского района. Очень заинтересовался им опытный агроном.

— Видимо, правильно решили. Зона южная, сухая. Только как у нас часто бывает? О парах много говорим с осени. А весной и летом, когда навалются заботы о нынешнем урожае и сеюкосье, забываем о них и даем свободу сорнякам. Если пары отличные, они всегда себя оправдают. Если же пары только по названию, то это хуже зяби. У нас в области теперь главный враг — осот. Чтобы обессилить его, нужна многократная обработка паров...

В самом деле, правильная обработка больших массивов паров — дело важнейшее и по существу новое. Ведь до сих пор тут процветало кустарничество. А все ли для этого подготовлено? Комплекс противоэрозийных орудий, казалось бы, уже создан.

но он еще не завершен. Нет достаточного набора орудий для закрытия влаги и предпосевной обработки полей, поднятых плоскорезами. Задача конструкторов и промышленности — срочно восполнить этот существенный пробел. Следует, видимо, на стерневых парах применять и гербициды, как это уже делают канадцы.

* * *

Смотреть надо вперед, но не оглядываться назад тоже нельзя. Полезно бывает иногда встретиться и с живой историей местного земледелия, поговорить с умудренными житейским опытом старожилками. Свое знакомство с совхозом «Красноярский» Целиноградского района, хозяйством очень интересным, я начал с беседы с местными дедами.

Один из них — глава большой семьи: девятеро взрослых детей, и все механизаторы; другой — бывший красногвардеец, повоевавший и с Махно, и с Деникиным, подтянутый, с лихо закрученными седыми усами. Оба из сектантских семей, которых царское правительство переселило сюда под конвоем из южных губерний России еще в восьмидесятых годах прошлого века.

— Да,— вспоминают деды,— бывало, и бедовали, случались и недороды. Но кто хорошо на земле укоренился, у того всегда хлеб за хлеб заходил. Прошлогодние скирды молотили весной. Пшеницу продавали за бесценок...

Насчет дешевизны — понятно: железной дороги здесь не было. Даже в первые годы революции, когда расплачивались еще «керенками», пуд пшеницы здесь стоил пятьдесят — шестьдесят копеек...

Перечислять все приемы примитивного земледелия нет смысла. Но напомнить о некоторых тонкостях, к которым стариков привел собственный здравый смысл, право же, стоит. Тем более что к этим приемам мы во многом теперь вернулись, а изображаем их подчас как научные открытия или зарубежный опыт.

Глубок и отвально пахали землю только, как выражаются старики, «по-перва», то есть при подъеме целины. Затем, оборотив перегнувшийся пласт, обрабатывали землю уже только мелко.

А у нас, замечу, до последнего времени глубокая пахота с оборотом пласта преобладала. Земледелие было переложным, но, как они вспоминают, больше шести-семи лет на одном месте не сеяли — иначе одолевали сорняки...

У нас в первые годы и без паров, которые фактически запрещены, и без гербицидов, которых не было, земли еще как-то терпели. А что получилось потом? Трехлетие 1960—1962 годов, в общем-то, было благоприятным для урожая, но зерна получили меньше, чем ожидали. По существу все эти годы ушли на войну с сорняками, которые начали ополовинивать урожай.

Сеяли деды весной прямо по стерне. У кого были буккера — буккерами. Значит, прямо под припашку. У кого их не было — ручными разбросными сеялками (усовершенствованное лукошко: ящик с двенадцатью отверстиями, ручку крутили). Потом посеянное мелко запахивали... В принципе это то же самое, что мы начали теперь выполнять на чистых землях постерневыми сеялками-лушильниками, сеялками-культиваторами.

Наконец, и это особенно хочется подчеркнуть, землю с осени деды никогда не готовили, зябь никогда не пахали. Казалось бы, все говорило за зябь — тягло-то известно какое: вол или Сивка,— лучше бы не перекладывать работу на весну. А не пахали! И не потому, что боялись пыльных бурь — при малых распашках их еще не было,— а потому, объясняют старики, что «нельзя оставлять наши пашни раздетыми» — не будет влаги, а значит, и хлеба...

А мы агитировали за зябь. И в первые годы для целины это было в значительной мере оправдано — вынуждали к этому и сорняки, и причины организационного порядка. И сейчас еще существуют обстоятельства, при которых зябь с оборотом пласта необходима. И сейчас еще есть микрорайоны, где она целесообразна. Но в целом для нашего степного земледелия это прием непригодный, механически перенесенный к нам из европейской части Союза. Именно отвальная зябь даже в самые метельные зимы

оставляет поля незаснеженными, именно она создает очаги для зимней и весенней эрозии почв. Разумеется, совсем другое дело осенняя обработка почвы плоскорезами и вообще безотвальными орудиями — она прогрессивна.

Значит, наши новоселы, приехавшие сюда с украинским и с подмосковным опытом, возвращаются теперь по сути дела к тем приемам земледелия, к которым интуитивно пришли первые местные земледельцы, но на совершенно иной технической и социальной основе.

Прислушиваться и приглядываться к старому крестьянскому опыту — это не кол-сервагизм. Старый опыт нельзя бездумно отбрасывать, его нужно совершенствовать. Прогрессивны те новинки, которые учитывают законы местной природы, воздействуют на них в нужном нам направлении, а не противоречат им. Необходимо сочетание передовой науки и народного опыта...

Со стариками познакомился, а директора совхоза в конторе не застал и долго мотался по хозяйству, разыскивая его. Съездил на бахчу, где заканчивалась уборка арбузов, которые, по словам бригадира, вызревают ежегодно и дают совхозу значительный доход. Завернул на полевые станы — нигде нет его. Надоумили аксакалы-пенсионеры, греющиеся на солнышке в ватных чапанах и польсевших малахаях у свочихат: «Спросите у Сандера — он все знает». Расторопный комендант оказался не «Сандером» (я думал, что это его фамилия), а просто-напросто Александром, да еще и Александровичем. Услужливый и словоохотливый, он действительно помог мне разыскать «начальство» — Давида Вильгельмовича Бурбаха.

Средних лет, рослый, с энергичными чертами лица, уравновешенный, местный уроженец, Бурбах до недавнего времени много лет руководил здешним колхозом. До него, как я узнал еще от стариков, «менялось по три председателя в год, и все без толку, а с Бурбаха началась жизнь складная». В 1960 году процветавшая к тому времени сельхозартель в общую «кампанию» и, пожалуй, без особой нужды была реорганизована в совхоз «Красноярский». Бурбах стал директором этого крупного совхоза.

Наше знакомство, собственно говоря, началось с комментирования цифровых данных. По моей просьбе Давид Вильгельмович познакомил меня с отчетными данными за десять лет. Из них одна половина — колхозные, а другая — совхозные. Сидя над сводной таблицей, мы размышляем с ним вслух о дне сегодняшнем и завтрашнем.

Поселок Жангиз-Кудук (Одинокий Колодец), где находится центральная усадьба, расположен в шестидесяти восьми километрах к югу от Целинограда в направлении пустыни Бетпак-Дала. Земля здесь не из лучших, преобладают светло-каштановые почвы. А средняя урожайность за эти годы — около десяти центнеров с гектара, что для этих мест не так уж плохо. Правда, зигзаги в урожайности по годам большие: от трех центнеров в 1963 году до пятнадцати в 1964-м. Но для этого хозяйства характернее другое — высокие доходы. Вот прибыли совхоза за последние годы: в 1961 году — 320 тысяч рублей, а в следующем — 228 тысяч, в 1964 году — 723 тысячи рублей, в десять раз больше запланированной прибыли.

Не менее показательна отдача рубля, вложенного в хозяйство. В 1961 году на каждый рубль основных средств было продано продукции на 81 копейку. В следующем году погодные условия были хуже — отдача составила 65 копеек. По здешним условиям это тоже удовлетворительно. В резко засушливом 1963 году на рубль основных средств получили всего по 26 копеек. Но зато в 1964 году опять в совхозную кассу на рубль основных средств вновь поступило по 81 копейке.

Недалеко от «Красноярского» расположен совхоз «Бозайгирский», тоже бывший колхоз, — хозяйство еще более крупное, с лучшими землями, с хорошей ремонтной мастерской, перешедшей от МТС. За эти годы соседи продали государству почти одинаковое количество продукции, и в районных организациях считали их по работе близнецами.

— Но взгляните глазами экономиста! — резонно возражает Бурбах. — За последние четыре года наши соседи едва оправдали вложенный рубль, а мы сверх того дали продукции еще на рубль семьдесят шесть копеек...

Экономическая эффективность в «Красноярском» почти в три раза выше.

* * *

Когда я в первый раз побывал в «Красноярском», хозяйственные итоги нынешнего года, естественно, еще не были подведены, но по предположениям Бурбаха получалось, что они, по всей вероятности, вновь будут благоприятными. Не верилось. Такая засуха! Средняя урожайность зерновых в совхозе, хоть она и оказалась лучшей в районе, составила только 3,2 центнера с гектара. Из практики целинного земледелия известны случаи, когда и при сборе в шесть центнеров с гектара рачительные хозяева сводили концы с концами. Но чтобы при трех с небольшим центнерах?! — очень сомнительно.

В конце декабря я вновь побывал в «Красноярском». Первый же вопрос, конечно, об итоговом балансе. Давид Вильгельмович без гордости сообщил, что предположения оправдались: и в этом году убытков не будет, а чтобы убедиться, посоветовал побеседовать с главным бухгалтером совхоза, которого охарактеризовал как хорошего экономиста.

Главного бухгалтера Николая Ананьевича Заикина я застал в расстроенных чувствах. Он только что получил из Целинограда решение о наложенном на него штрафе в размере месячной зарплаты за нарушение финансовой дисциплины.

— Черт возьми! — горячился он. — Почему такое недоброжелательное отношение? Приедешь в районное производственное управление, а тебе с этакой издевочкой: «Ну что же, это ваше дело — вы у нас герои при-и-быльные...»

В самом деле, трудно не удивиться. По совхозам прошли ревизии. Где убытки достигли миллиона, а то и полутора миллионов рублей, как, например, в совхозе «Акмолинский», там, по мнению ревизоров, в финансовой деятельности все в ажуре. Миллионы, значит, «ухлопали» на законном основании. А где даже и в труднейшем году получают небольшую прибыль, то это, выходит... незаконно.

Мне могут сказать: а разве в рентабельном совхозе исключена возможность злоупотреблений? Не исключена.

Но посмотрим, о чем в данном случае идет речь. Несколько тракторов и комбайнов, завезенных в совхоз без заказа, без надобности и без документов, не были временно зачислены на баланс. Вполне исправимое нарушение, в котором к тому же виноваты отнюдь не только работники совхоза.

Руководители «Красноярского» не святые. Есть и там недостатки. Но эти недостатки — на фоне рентабельности, а не бесхозяйственности и убытков! После решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС пора научиться отличать людей, действительно борющихся за экономическую эффективность, от механических исполнителей, для которых хозрасчет — понятие отвлеченное. Получилось же как раз наоборот: люди ведут хозяйство экономически грамотно, а их за мелкие промахи бьют, вместо того чтобы выяснить причину этих «промахов», разобраться в них и исправить. А дело еще и в том, что в разное время в «Красноярский», как, впрочем, и в другие совхозы, без какой-либо просьбы или заказа были посланы бобовые жатки, свеклоуборочные комбайны и другая дорогостоящая, но совершенно ненужная совхозу техника. Это привело к замораживанию больших средств и крупным амортизационным отчислениям. «Красноярский» за так называемую балансовую, то есть «безработную», технику ежегодно уплачивает по шестьдесят — семьдесят тысяч рублей. Не пора ли помочь совхозам разгрузить от нее их машинные дворы? Ведь в других зонах, скажем, свеклоуборочных комбайнов явно недостает.

Почему же и в засушливом году баланс совхоза оказался активным? Да потому, что все в этом хозяйстве направлено на высокое качество. Когда в 1964 году «Красноярский» получил от зернового хозяйства 723 тысячи рублей прибыли, 470 тысяч рублей из них составляли надбавки за высокое качество зерна. Только сортовые и только районированные сорта семян ложились в совхозную землю. В прошлом году хотя урожай был слабый, но высевались, да еще отобранными фракциями крупных семян, только наиболее ценные сорта пшеницы: сильная «саратовская-29» и гвердая, со стекловидным чудо-зерном «харьковская-46». Сбор урожая, за вычетом собственной потреб-

ности. продан на семена по высокой государственной цене — государство знает, за что нужно платить дороже.

С другой стороны, недобор дохода по зерну, который все же был, перекрыла прибыль от животноводства. Об одном штрихе, помогающем раскрыть «секреты» высокой доходности, я узнал еще до приезда в совхоз из местной печати. Вот что там рассказывалось.

В самом конце прошлогодней зимы на Карагандинский мясокомбинат доставили из «Красноярского» гурт полутороговых бычков. Из девяноста восьми голов шестьдесят оказалось высшей упитанности, остальные — средней.

Директор комбината — старый и опытный работник — засомневался. Говорит приемщику:

— Да они же надули тебя! Разве в конце зимы бывает скот высшей упитанности?

Тот смущенно ответил:

— Посмотрите сами — животные точно налитые. Холки не прощупаешь...

Осмотрел директор животных и с удивлением заключил:

— Верно, все высшей упитанности! Значит, не они тебя, а ты их нагрел. Тоже ведь непорядок... Золотые люди ухаживают в этом совхозе за скотом!

Значит, и здесь ставка на высокое качество!

Немалую роль сыграли и «мелочи», которые, по словам бухгалтера, «в бюджете большое отражение не бросаются». Показывает расчеты. Жирность молока, которое сдало хозяйство, оказалась на одну десятую процента выше запланированной. Кажущийся пустяк дал совхозу около восьми тысяч рублей дополнительного дохода. К тому же все совхозное молоко слано с пониженной кислотностью, а это уже результат правильного обращения с тарой. Соблюдение простейших условий санитарии и гигиены, в чем животноводы и возчики были материально заинтересованы, принесло новые тысячи рублей. И т. д. и т. п.

У хорошего агронома-экономиста Бурбаха все делается продуманно. Государственными деньгами не бросаются. Побывал я в бригадах и был несколько обескуражен: передовое хозяйство, а станы очень скромные — полевой вагончик или глинобитная хатка, навес от непогоды, помещения для горючего — и все тут. А на целине по бригадным станам привыкли судить о состоянии хозяйства. В Рузаевском районе такие общежития, что твои благоустроенные гостиницы. Спрашиваю Давида Вильгельмовича — как же так? Почему так скромно? А он вопросом на вопрос:

— А зачем нам шик? Ночевать наши механизаторы едут в свою хату. На каждом стане у нас душевая. Помылся после работы, переоделся в чистое — и домой. Нигде так не отдохнет человек, как у себя в семье...

— А транспорт?

— Возим пока на грузовиках, но хорошо бы иметь автобусы.

— Но дорого же это?

Смеется:

— Купить автобус при наших многомиллионных оборотах — мелочь! Перевозка людей обойдется дешевле, чем содержание общежитий...

На новых землях особенно заметен бег времени. Когда, разыскивая директора, мы с шофером путешествовали по бригадам, то и дело приходилось разъезжаться со встречными легковыми автомобилями и мотоциклами. Что любопытно? Подобрал под себя полы чапанов, мчатся белобородые казахи, наверняка еще помнящие кочевой быт; женщины лихо управляют мотоциклами. Получил справку. Выразительная: в личном пользовании у работников совхоза свыше сорока легковых автомашин и около четырехсот мотоциклов самых различных марок, начиная от небольших и кончая солидными «Урал-62». В некоторых семьях по два, по три мотоцикла. Вопрос о ночевках на полевом стане для этого совхоза действительно не существует.

В поселке Жангиз-Кудук прямые улицы, чистенькие, тшательно побеленные, я бы сказал, веселые одно- и двухквартирные дома. Саманные и камышитовые, но как же они ладно и надежно построены! Сто лет простоят и будут такими же! В домах во всем чувствуется достаток. В каждом — холодильник, радиоприемник, пылесос, стиральная машина. В просторных кухнях — газовые плиты. Появились телевизоры...

Заговорил как-то об этом со стариками пенсионерами. Сами они выходят на работу лишь в горячую пору, но настроение односельчан и тем более своих детей-механизаторов знают отлично. Спрашивал я их: вот все эти мотоциклы, легковые машины, новые хаты, бытовые удобства — все, что говорит о высоком уровне жизни, — когда они появились, при колхозе или при совхозе?

Отвечали не задумываясь:

— Еще при колхозе, но уже при Бурбахе...

До сентябрьского Пленума 1953 года, оказывается, жили в халупах с плоскими «азиатскими» кровлями, трудовень частенько бывал пустым.

— Значит, когда колхоз окреп, зарабатывали больше?

— Больше! Очень помногу получали в урожайные годы. В совхоз все перешли со сберегательными книжками...

— Так, может быть, обратно — колхоз?

— Нет, народ не согласится...

— Почему?

— С заработком тверже, спокойнее...

И тут же начали вспоминать, как раньше шумно, с горячими дебатами проходили отчетные собрания и оперативные сходки. При совхозе стало иначе. Собрания бывают, но проходят они, как говорят старики, «чинно и тихо». Это далеко не единственный случай. Такое же мне приходилось наблюдать и в других «колхозных совхозах».

Рассказал я об этом разговоре Бурбаху. Подтверждает. Больше того, глубоко задумывается.

— Вот, представьте себе, — говорит он, — и мы, руководители, в основном те же, и механизаторы в массе своей прежние, а заинтересованность в успехе всего хозяйства не возросла. Дело, значит, не только в людях, но и в системе...

В самом деле, в сельхозартели от конечного результата хозяйствования прямо зависит размер трудового; в совхозе же — есть урожай, нет ли его — оплата в основном за выполнение работ (пахота, сев, косьба и т. д.) по твердо установленной тарифной сетке. В данном случае: заработки в убыточном совхозе «Бозайгирский» те же, что и в прибыльном «Красноярском».

На новых землях совхозная форма производства преобладает и, естественно, будет преобладать. Но существующая система управления совхозами требует значительного улучшения. Как усилить в работнике совхоза чувство хозяина и на этой основе поднять эффективность производства?

Прикидываем и так и этак. Механизированные отряды? Кой-где от них есть толк, особенно там, где они укрупнены и подчинены непосредственно отделениям.

Но тогда, может, стоит переходить на оплату с центнера полученной продукции? А экономические показатели, себестоимость этого центнера? Ведь есть случаи, когда и при урожае в пятнадцать центнеров полеводство оказывается убыточным. С другой стороны, в условиях засушливого, неустойчивого климата не всегда отличишь, где агроном — дождь, а где агроном — хорошая работа механизатора...

Бурбах приводит любопытные примеры из опыта оплаты труда в животноводстве:

— Установили мы оплату труда дояркам с центнера полученного молока. Что ж вышло? Во-первых, летом, когда надои выше, в доярки идут охотно, а зимой не дозовешься. А во-вторых, как объявили, что оплата пойдет с центнера, в тот же день многие коровы оказались невымытыми. Пришлось спешно перестраиваться — платить раздельно и за молоко, и за уход, и за своевременную случку и т. д.

— Что же вы в таком случае предлагаете? — спрашиваю его.

— Прежде всего участие в общих доходах, в прибылях...

— А что принимать за основной критерий?

— Все-таки рубль. Заработанный по тарифной сетке рубль. Учет в совхозах, особенно первичный, нужно обязательно улучшать, он должен быть простым. Сейчас существует столько самых разных инструкций о нормах, расценках, вычетах и надбавках, что, если их собрать вместе, составятся тома. Можно так намудрить с учетом, что он сам обойдется дороже любой работы...

— Но тогда начнется погоня за тарифным рублем?

— В колхозе мы боролись против разбазаривания трудодней. Все понимали, что от приписок стоимость трудодня снижается. Пусть механизатор или животновода знает, что если он любую работу будет выполнять высококачественно, то каждый его тарифный рубль осенью может превратиться в два и три. Существующая же система оплаты труда — в этом я убедился — неправильно воспитывает людей, портит их...

Опять же примеры. После перевода доярок на оплату с центнера молока у пожилой доярки Фриды Генриховны Кобер все коровы, как всегда, были вымыты, а у молодой Лиды Фогель — нет.

— А почему? — говорит Бурбах. — Да потому, что Фрида Генриховна выросла и воспитана на колхозных порядках заинтересованности. А Лидка начала работать в совхозных условиях, она знает только функции, а думать о конечных результатах работы всего хозяйства не приучена. Вы скажете, что уровень сознательности другой: плохо ведем политико-воспитательную работу, недостаточно используем моральные факторы поощрений. Согласен. Но важно также, куда толкает сама система оплаты труда...

Тесно связано с системой управления и материального поощрения в совхозах и повышение интенсивности земледелия, устойчивость урожайности. В вопросах агротехники точка зрения серьезного совхозного руководителя совпадает с планами земледельца Октябрьского района: севообороты при оптимальных размерах чистых паров, безотвальная обработка почвы, правильное семеноводство, переходящие резервы лучших семян и т. д. Пары в совхозе «Красноярский» достигнут 27,5 процента пашни. В зависимости от качества почвы, близости к озерам и т. д. в разных бригадах их будет оставаться по-разному. В одном этом совхозе будут и пяти-, и четырех-, и трехпольные севообороты. Словом, почти все то же. Но за этим «почти» кроется многое.

Как Новиков и Прилуцкий, руководители «Красноярского» считают, что севообороты вовсе не должны исключать смелого маневрирования. В весны очень мокрые или очень сухие, которые в конце-то концов не так уж часты, посевные планы нужно обязательно корректировать, не прибегая к многоступенчатому согласованию. Без оперативного экономического планирования в зонах сухого земледелия трудно гарантировать ежегодную рентабельность зернового хозяйства даже и при высокой агротехнике.

— Самое засушливое земледелие в Союзе должно быть и самым маневренным, — утверждает Бурбах. — Твердый ежегодный план посева иногда работает против интересов государства. Проще всего в любой год сеять по твердому плану: по форме ты прав, а в убытках, дескать, виновата стихия — раскошеливайся государство. В мокрый год надо сеять больше, в сухой — увеличивать площадь под парами...

— А если не угадаете погоду?

— Опытный земледelec всегда угадает, — полагает Давид Вильгельмович. — И это совсем уж не так трудно. В сухие весны, когда почва голодная, сев, как это и рекомендуется, оттянули, и если к двадцатому—двадцать пятому мая положение с влагой на полосе не улучшилось, то незачем сеять пшеницу. Ведь вызревает только та, что взошла не позднее первого—пятого июня. И потом, оставить больше земель под парами — это не такой уж большой риск: они не прогульщики. Нынешний сбор по сути дела получен только по парам, и незачем было посуху засеивать все массивы...

— Что же вы предлагаете? — спрашиваю.

— Нам ничего лишнего от государства не нужно. Переведите нас на полный хозрасчет. Но дайте те же права, что и директору предприятия, по решению сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Лучше устанавить нам только один показатель — стабильный план продажи зерна и продуктов животноводства на пятилетний срок. Нам станет повсюбодней маневрировать, и, поверьте мне, урожай и доходность обязательно возрастут...

Слушаю и в душе соглашаюсь: «Красноярскому», который даже и в засушливые годы дает прибыль, вполне можно предоставить самые широкие права для хозяйственного маневрирования. Но разве везде так? Скажи иному: «Без толку не рискуй» — он превратит свои земли не то что в сплошные пары — в залежь. Говорю об этом Бурбаху. Он отвечает:

— Вы меня простите, но я, как бывший председатель колхоза, привык быть подотчетным людям, с которыми работаю. Пусть в совхозе будет совет из специалистов и механизаторов, наделенный большими правами. Да и пора, мне кажется, подумать: не нужно ли директоров совхозов и главных специалистов выбирать? Пусть с последующим утверждением партийными и советскими органами. Установим твердо, что рабочие и служащие совхозов участвуют в прибылях. Они больше почувствуют себя хозяевами производства и будут по-настоящему заботиться о качестве. В заинтересованном, самоуправляющемся коллективе бездельника терпеть не будут, его обязательно прогонят. Народ многое может простить руководителю, но безделья и плохой работы не простит. При полном хозрасчете, — заключает Бурбах, — во-первых, не будем тратить деньги на то, что не приносит дохода. А во-вторых, на случай каверз стихии будем выделять из прибыли переходящий страховой фонд...

Мысли директора экономически рентабельного совхоза, прямо скажу, интересны. Но ведь хороша лишь та реформа, целесообразность которой доказана практикой. Решения мартовского Пленума ЦК КПСС не исключают, а, наоборот, предполагают дальнейший экономический поиск. Нужно проверять, экспериментировать, чтобы найти наиболее удачные решения.

Министерство сельского хозяйства СССР создает в ряде районов страны экспериментальные совхозы с новой системой управления. На североказахстанской целине их пока еще нет. А в засушливых зонах, по-моему, они особенно необходимы...

* * *

Возвратившись на целину после побывки на родине, я, откровенно говоря, опасался: не встречу ли там с настроениями подавленности, с отливом людей из-за плохого урожая и бытовых неурядиц, как это бывало в некоторых хозяйствах, например, в неурожайном 1957 году. Побывал, как видит читатель, и в Кустанайской, и в Кокчетавской, и в Целиноградской областях. От сердца отлегло. Новоселы осели прочно — людей больше прибывает, чем убывает. Способствовали этому мартовские реформы, меры, принятые партией и правительством, по повышению жизненного уровня советского народа.

Настроение у людей бодрое, у всех одно на уме: что предпринять, чтоб работать рентабельно при любых природных обстоятельствах, наперекор стихиям?

К тому же и зима пришла с метелями и снегопадами. От аксакалов доводилось мне слышать такую старинную поговорку-примету: «Март придет — снег будет, хан придет — скандал будет». Вторая часть приметы, как всем понятно, безнадежно устарела. А вот март нынешний действительно пришел с такими щедрыми снегопадами, каких, по словам синоптиков, не бывало в это время уже двадцать лет. Хороший признак для урожая в первом году новой пятилетки, четкие ориентиры которой определены XXIII съездом КПСС.

«У нас есть все основания сказать, — говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев, — что решения мартовского Пленума оказывают положительное влияние на развитие сельского хозяйства. Люди убедились в правильности выработанной партией экономической политики на селе, поддержали ее делами, а это — главное!»

Кокчетав.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Л. АРУТЮНОВ

★

АКОП АКОПЯН

(К 100-летию со дня рождения)

В письме к М. Ингберу, переводчику Акопа Акопяна на французский язык, Ромен Роллан писал в 1933 году: «Ваш перевод поэм Акопяна меня очень заинтересовал. Это именно такие эпические песни, какие — я это ждал — вызовет к жизни ваша Великая революция. На армянском языке это должно быть мощной музыкой».

Эта «мощная музыка» была многоголоса. Ее могучие раскаты нарастали вместе с борьбой рабочего класса многоплеменной России. Она звучала у Горького, Райниса, Франко, Леси Украинки. Акопяна. Она стала прологом нового, социалистического искусства.

«Самым оригинальным в творчестве Акопа Акопяна с самого начала было, конечно, — утверждал А. В. Луначарский в 1928 году, — что это был не только поэт-революционер, поэты-революционеры были и в русской и в европейской литературе, а что это был социал-демократ в тогдашнем лучшем смысле этого слова, поэт-большевик, поэт пролетарский». Сам Акопян на склоне своих лет задавался вопросом: «Был ли я больше поэтом или революционером?» И как раз в этой первородной нерасчлененности — сила и обаяние поэзии и личности Акопа Акопяна.

Конечно, его поэзия развивалась вместе с течением жизни. Конечно, становление новой личности и новой литературы было обусловлено исторически переломным характером российской действительности на рубеже последних столетий. Но снимает ли это личную активность ищущего духа, пришедшего к правде своего века, поднявшегося из мира провинциальной и нацио-

нальной ограниченности в мир общественного прогресса и интернациональной всеобщности? «Стань человеком, человек!» — не раз говорил Акопян на протяжении своего отнюдь не простого и не легкого пути. И он стал им — борцом, революционером, поэтом...

И личная и творческая судьба Акопяна разительно напоминает судьбу Горького. Большевицкая газета «Путь правды» еще в 1914 году назвала его «армянским Горьким». Их «университеты» были одни и те же — вплоть до камер Метехского замка. И до этой «партшколы» их жизненный путь был тоже схожим.

Акоп Акопян родился 29 мая 1866 года в Гяндже (ныне Кировабад Азербайджанской ССР) в семье ремесленника, известной своей бедностью и религиозностью. Отец, не знавший даже грамоты, страстно мечтал дать сыну образование. Но в «частной школе» некоей Цови-ази мальчишки больше трудились на ее огороде, чем читали псалтырь — единственное, в чем разбиралась «просветительница». В церковно-приходской школе вразумляли розгами. Отведав их из-за ничтожного пустяка, Акоп предпочел стать «вольнотрушастелем» у кладбищенского дьячка, который среди могильных плит устроил некое подобие «лицея», поучая маленьких бродяг книжной премудрости. Но способный мальчик — в числе немногих учеников дьячка — все-таки поступил в гимназию. Здесь он увлекается чтением. Дома керосина для лампы не хватало, но соседи были добрые люди, у них он засиживался допоздна. Классики русской и армянской литературы, трагическая исто-

рия родного народа, свободолюбивые идеи Чернышевского и Налбандяна будят его мысль и воображение. Юноша начинает писать стихи и участвовать в нелегальных кружках. В 1886 году его исключают из шестого класса гимназии с «волчьим билетом» — за эпиграмму на Александра III и министра просвещения Делянова. Прокламацию «Черный ворон» Акоп расклеил к тому же на стенах церкви. Отец был доволен и шестью классами, он уговорил сына «податься либо в купцы, либо в священники». Но Акопьян избрал другое.

Он уехал в Баку — город «черного золота», кипящий страстями и контрастами первоначального накопления. Здесь он изведает все: безработицу, скитания по почлежкам, дружбу с босяками — горемычной голытьбой со всего Кавказа и России. Он был черно-рабочим на промыслах, сошелся затем с бригадой итальянцев-бурильщиков (это помогло ему впоследствии великолепно перевести Аду Негри), устроился наконец табельщиком на заводе «Вулкан», где у паровых молотов азартно работали русские кузнецы. Поэт с головой ушел в революционную работу. Накапливались темы и ощущения, неизвестные армянской литературой.

Здесь стоит упомянуть о семейной легенде. Прадед Акопа был известным ашугом. За изумительный голос его прозвали Ашуг-Булбул (булбул — соловей). И фамилия от него пошла Ашуг-Булбулян, и правнук его Акоп пел великолепно — песни Саят-Новы и Наапета Кучака о любви, розе и соловье, гимны Патканяна о давних бедствиях своего народа. Этот дар певца позволял ему быть вхожим во все слои общества. Но Акоп отказался и от фамилии прадеда-ашуга, и от славы певца. Он стал Акопом Акопьяном — певцом пролетариата, борьбы и труда. Это отречение, хотя оно произошло не сразу, и, может быть, именно поэтому, весьма показательно.

Еще М. Налбандян писал, что все армянские общественные течения XIX века выступали «под национальным флагом». Эта тенденция на первых порах давала себя знать и в революционном движении. мелкобуржуазная партия «Гнчак», например, пыталась объединить идеалы социализма со специфическими задачами нации, связанными с освобождением турецкой Армении из-под ига султана. Методы борьбы были народовольческие. И Акопьян отдал известную дань этим национальным и народническим

иллюзиям. Но с ростом политического самосознания рабочего класса Закавказья, с проникновением марксизма эти иллюзии исчезают. С начала 900-х годов общественная и литературная деятельность Акопьяна связана с социал-демократической партией, членом которой он становится в 1904 году, хотя практически примкнул к ней гораздо раньше.

В 1893 году стихотворения Акопьяна были впервые напечатаны в журнале «Мурч». Поверив в свое литературное призвание, он переселяется в Тифлис — крупный центр культуры Закавказья. Одновременно с литературными занятиями Акопьян работает на механическом заводе, потом устраивается бухгалтером в банке, где служит до победы советской власти в Грузии. Но это только внешняя канва его биографии. Именно в Тифлисе Акопьян становится профессиональным подпольщиком. Он сближается с Шаумяном, Камо, Спандаряном, Махарадзе... Он делает из «своего» банка партархив, где в сейфах держит прокламации, он поддерживает связь с границей — с Луначарским, Михай Цхакая, А. Богдановым, получает от них «корреспонденцию» и распространяет ее и т. д.

По делу легендарного Камо, которого царские палачи подвергли страшным пыткам, дабы опровергнуть симулируемую им невменяемость, он едет в Париж и Берлин, передает Луначарскому и Карлу Либкнехту нужные материалы, чтобы поднять в защиту революционера общественное мнение прогрессивной Европы. Об этих годах А. В. Луначарский позднее вспоминал: «Давным-давно познакомились мы и подружились с армянским поэтом-революционером Акопом Акопьяном... Встретились далеко от нашей родины... за границей. Акоп Акопьян был в то время надежным революционным опорным пунктом у себя. Он оказывал бесчисленное количество революционных услуг подпольщикам и был крепко-накрепко связан с различными партийными центрами и группами в Петербурге и в эмиграции. Но кроме интересов политических нас связывали и интересы поэтические. Акоп Акопьян уже тогда начинал свою столь широко разросшуюся потом горячую и твердую песню».

Творчество Акопьяна неотделимо от его жизни, которая формирует его поэзию.

Много говорилось о совершенно особом месте Акопяна в истории армянской литературы. Он действительно первым среди армянских поэтов воспел борьбу пролетариата, раскрыл поэзию заводского, фабричного труда, интернациональной солидарности трудящихся. Вопрос о том, может ли почитаться такого рода поэзия поэзией национальной, возник вместе с творчеством Акопяна. В «Сборнике армянской литературы» (книгоиздательство «Парус», 1916) Акопян не был представлен вовсе. С. Шаумян саркастически оценил позицию составителей. Он писал в связи с этим: «...Есть у нас целый общественный слой, приходящие к сознанию армянские рабочие, для которых Акоп Акопян — признанный поэт. Он является выразителем горестей и радостей этих рабочих, певцом их труда и борьбы».

С. Шаумян утверждал, что творчество Акопяна является органической частью национальной культуры. Это замечание оказалось пророческим. После Октябрьской революции армянская поэзия вступила на путь революционного романтизма, на путь, проложенный Акопом Акопяном. Это означало, что его поэзия ранее других нащупала грядущие пути литературы.

И создавалась поэзия Акопяна отнюдь не на «пустом месте». Она исходила из традиций Туманяна и Некрасова. Революционная эпоха придала новое качество этим традициям.

Романтическая поэзия Акопяна является наследницей критического реализма Туманяна. Зарисовки из крестьянской жизни исполнены явно в его манере. Но постепенно они наполняются все большим динамизмом, изнутри «взрывая» формы эпически-спокойного повествования. Это заметно уже в стихотворении «Честь и труд» (1895).

Воспевание труженика — пахаря, виноградаря, каменщика — характерная черта армянской литературы. Его слитность с природой и моральное простодушие стали для некоторых писателей последним прибежищем, своеобразным моральным идеалом. Однако в условиях революционной эпохи это в своей основе искреннее возвеличение патриархальной «земли» вело нередко к социальным иллюзиям толстовского толка, к некоторой традиционности изображения. Стихотворение Акопяна внешне создано на этой базе, но стремится преодолеть статич-

ность, из заклинания превращаясь в грозное предупреждение.

Я был еще дитя, когда
Отец, согбенный от труда,
Учил меня, что в мире есть
Одно святое слово — «честь».

Когда я книги стал читать,
Однажды мне сказала мать,
Что путь мой в жизни будет крут,
Что должен полюбить я «труд».

Я в школе пробыл мало лет —
Для бедняка там места нет..
И по велению отца
Стал подмастерьем кузнеца.

С тех пор мой тяжкий молот бьет,
И жжет чело горячий пот,
И дни тяжелые идут,
Но все я помню: «честь» и «труд»,
«Честь» и «труд».

(Перевод М. Павловой)

Некрасовская гражданственность наполняет поэзию Акопяна экспрессией, общественным беспокойством. Обращаясь к другому поэту, Акопян восклицает:

Не надо слез — уже по край
Полны сердца тоской и мукой.
Нет, не голубь и не ласкай,
Не утешай нас, не баюкай!

Вичуй невыносимый гнет
И, полон страсти неуемной,
Греми грозой, зови вперед,
Будь молнией среди ночи темной!

(Перевод А. Гатова)

От эпической и гражданской традиции Туманяна и Некрасова Акопян как художник идет к революционной романтике.

Это движение можно заметить и в его лирике. В первых опытах поэт пытается совместить традиционную любовную лирику с абстрактными пожеланиями добра и справедливости. Прежде чем эта лирика стала активно революционной, она прошла школу надсоновского лиризма с его печалью и вниманием к «страждущему брату». Надсон продолжил некоторые традиции некрасовской «музы мести и печали» («Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат..»). Лирический герой Акопяна становится вместилищем горестей и бед народных, ему еще не хватает той меры социальной активности, какую он будет владеть позднее, но зато внутренний мир его становится неизмеримо шире.

Эпоха «малых дел» не позволила Надсону развить наиболее активные стороны некраковского наследия. Время Акопяна было иное. Оно неудержимо влекло к эмоциональной активности. Такие стихотворения, как «Велико наше горе, печаль беспредельна. Подойди, и поделим их, страждущий брат!», были переходными на пути к политической лирике.

Рубеж, с которого начинается собственно романтико-революционная поэзия Акопяна, можно точно обозначить — это 1904 предреволюционный год. Ему предшествовал случай, который как бы «подтолкнул» развитие поэта. В 1902 году рабочие обратились к Акопяну с просьбой перевести на армянский язык «Интернационал», «Марсельезу», «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу» и другие песни. Эта переводческая работа отвечала и собственным поискам поэта. Он входит в поток революционной романтики и полностью себя в ней художественно обретает.

В армянской поэзии впервые на равных правах с иными героями появляется рабочий («Кочегар»), в судьбе которого угадываются судьбы всего народа:

Дрожа, как разъяренный лев,
Котел кипит, рычит, клокочет:
Огонь дрожит, осатанев,
И горн, как гром в аду, грохочет.

И перед горном кочегар
Стоит, в жару изнемогая,
В котле поддерживает пар,
Глаз с водомера не спуская.

Он жаром дышит круглый год,—
Прохлады не подарит небо,
И за тяжелый труд и пот
Ему наградой — корка хлеба.

Котел взорвется в черный час,
И кочегар умрет безмолвно.
«Блажен, кто жизнь свою отдаст,
Чтоб с угнетенных сбить оковы».

(Перевод Е. Чернявского)

У Акопяна темы труда и борьбы неразсторжимы. В его стихах труд, даже подневольный, в самом себе несет энергию солидарности и деяния, энергию борьбы против угнетателей. Рабочий олицетворяет не только борьбу против старого мира, но и создание нового, в котором восторжествуют его — трудовые, народные — моральные нормы. Именно поэтому столь величественно и победно подымается в поэзии Акопяна эта тема, тема преемственности трудовой

истории народа, его борьбы, его будущего. Особенно сильно в этом смысле стихотворение «Рабочий он и — властелин» (в подлиннике даже — царь!). Здесь дана по существу краткая история труда и рабочего движения. Каждая строфа кончается торжественно уверенным рефреном: «В цеху завода, у машин рабочий он и — властелин». Последние строки стихотворения превращаются в лозунг, в прямой революционный призыв:

«Кто не работает — не ест!» — под лозунгом
таким
Он вышел в бой за новый мир, и он
непобедим.

В период революции стихи Акопяна звучат как боевая прокламация, романтическая ода, сатирическая эпиграмма. Вот пример типичной листовки, написанной, кстати, в день выхода знаменитого царского манифеста 17 октября:

Рабочие, сегодня — в бой!
В борьбе пожертвуем собой!
Еще удар, чтоб трон царя
Стал прахом и взошла заря!

(Перевод А. Гатова)

Песни-гимны, песни-призывы роднят поэзию Акопяна с революционной поэзией Потье и Верхарна, Веерта и Фрейлиграта, Кржижановского и Бедного.

Поражение первой русской революции не сломило Акопяна. Его поэзия теперь призывает к стойкости и мужеству. Особенно драматичен его реквием — цикл стихотворений, посвященный павшим борцам: «Умерли, но не пропали», «И снова я встаю», «Этап», «Мученики». В этих скорбных стихах поэт достигает большой выразительности.

Идут, все идут казенных ряды
Вдоль горной гряды.
Идут без конца безликой толпой,
Цепями звеня.
Идут, как в прибой, волна за волной,
Бурля и стена.
Глаза у одних навывате — так
Петля им туга.
На лбу у других зияющий знак
От пули врага.
Несчетные раны у тех на груди —
О, как они ягут!

(Перевод Т. Спендиаровой)

Лица замученных говарней и павших героев вызывают к мщению, рождают веру в

победу: «И снова я встаю... Я, опаленный яростью страданий, я, закаленный пламенем восстаний, опять в бою». Борьба за свободу приносит бессмертье и славу.

Лирика Акопяна становится более суровой, непреклонной, но в то же время более объемной, многомерной:

Наклони же наменное ухо
И услышь, как в нижних этажах
Каменщиза, что изнемог в трудах,
Кашляет размеренно и глухо.

(Перевод М. Светлова)

Романтическая абстрактность сменяется широкой, обобщенной, но конкретной образностью. В этот период армянскому поэту был близок Верхарн — об этом писали и С. Шаумян и А. В. Луначарский.

Эта близость сказывается не только в изображении врагов нового мира («Сейфы», «Националистам»), но и в более драматическом и контрастном изображении жизни самих рабочих («В медных рудниках», «Черное золото» и других). Лозунг борьбы в таких случаях возникает в самой конкретной картине тяжелой жизни, а не в поэтической риторике.

В Балаханах вода мутна.
Лишь зачерпни —
Течет густая нефть одна
Ночи и дни.
Нефть и мазут легли вокруг.
Встань чуть заря
И не рошши, рабочий-друг,
Что гибнешь зря.

(Перевод П. Антокольского)

Поэзия Акопяна проникается урбанистическими ритмами. Однако Акопян никогда не стремился к той «отдаленности» взгляда на мир, какая была свойственна Верхарну.

И общественный и художественный опыт, накопленный Акопяном, позволил ему в десятых годах создать несколько значительных поэм, в которых отразились революционные события, духовный рост рабочих-революционеров. В поэме «Красные волны» (1911) поэт в зримых образах показал борьбу рабочего класса Закавказья в годы первой русской революции. В поэме «Новое утро» (1909) поставлена морально-этическая проблема: любовь и революция, позднее столь актуальная в молодой советской поэзии — вспомним Маяковского, Чаренца, Асеева. «Чтоб всей вселенной шла любовь», «чтоб вся на первый крик: «Товарищ!» —

оборачивалась земля» — такова же мечта и лирического героя Акопяна. Герой зовет свою любимую на завод — в боренне труда и борьбы, где «никто из нас не будет думать только о себе». Но как быть, если она предпочитает «тихую», «спокойную», «личную» любовь? Значительность этого произведения Акопяна в том, что драматическая коллизия представлена им в ее сложности, противоречивости, хотя и разрешена несколько наивно.

Поэма Акопяна «Новое утро» появилась тогда же, когда и знаменитая поэма Исаакяна «Абул-ала-Маари». Противопоставлять эти произведения стало традицией. И до сих пор существует упрощенная точка зрения, смысл которой сводится к тому, что Исаакян, обличая и ненавидя буржуазную действительность, не велит, однако, своего героя на активную борьбу, как это делает автор «Нового утра» Акопян, а обращает его в бегство из «кошмарного ада» капитализма.

Такое прямолинейное предпочтение затуманивает общность Исаакяна и Акопяна в системе романтического искусства XX века, отрывает творчество Акопяна от национальных традиций, а творчество Исаакяна от идеалов общественного прогресса. Разве оба эти явления — отрицание буржуазной действительности и провозглашение светлого будущего — не сходятся в неприятной настоящем?

А. В. Луначарский выдвигал иной критерий к писателям, которые «с величайшим отвращением и омерзением» относились к господству буржуазного строя: «Кто против буржуазии, тот с нами, — вот лозунг, который должен быть поставлен в основу при организации интернационала интеллигенции». Луначарский был того мнения, что романтика «открывает доступ элементам, строго говоря, выходящим за формальные рамки реализма, но несколько не противоречащим реализму по существу, потому что это не уход в мир иллюзий, а одна из возможностей отражения действительности в ее развитии, в ее противоречиях».

Поэзия Исаакяна и Акопяна является двумя сторонами противоречивого, но единого и закономерного развития национальной литературы XX века. Оба они как бы дополняют и «объясняют» друг друга.

Лирический герой Исаакяна замыкается в пределах собственной индивидуальности, ограждая созданный воображением мир,

кажущийся миром действительной свободы, от посягательств буржуазной обыденности, ее низменности и жестокости. И чем более трагической становилась романтическая поэзия Исаакяна, тем более возрастала ее социальная значительность. И когда поэт «уходит», полный гнева и разочарования, из мира, враждебного человеку, когда его покидают иллюзорные мечты и надежды, именно в этот момент наивысшего драматизма он более всего «близок» пафосу будущего. Но он близок и национальной традиции, характерной еще для эпоса «Давид Сасунский», где Мгер-младший, не в силах построить мир на началах добра и справедливости, уходит из него, проклиная бог и людьми, до тех времен, «когда разрушится мир — и воздвигнется вновь».

Именно в границах этой формулы находится поэзия Исаакяна и Акопяна, которые как бы разделили свои задачи, тогда как в некоторых национальных литературах они сосредоточены в одной поэтической индивидуальности. Поэзия Галактиона Табидзе, например, начинается в русле революционного романтизма, близкого Акопяну. После поражения первой русской революции в поэзии Г. Табидзе одновременно возникают трагические мотивы и темы, близкие европейскому романтизму начала XIX века. Победа же Октябрьской революции вновь дает простор и почву для революционной романтической лирики.

Романтическая поэзия, противопоставляющая себя буржуазной действительности, во многих национальных литературах в связи с поздним развитием новых общественных отношений могла возникнуть лишь в самом конце XIX — начале XX веков, то есть одновременно с пролетарской поэзией. Уплотненность этапов художественного развития и революционная насыщенность эпохи сокращали этот разрыв, не позволяя романтической поэзии (по примеру западной) покидать почву социального противопоставления личности обществу и сползать в область отчуждения личности от мира. Более того, некоторые стихотворения Исаакяна периода первой русской революции почти неотличимы в своей активной целеустремленности от произведений Акопяна, Райниса, Галактиона Табидзе.

Именно эта общность является связующим звеном в развитии национальных литератур. В начале своего пути Райнис пи-

сал: «Моя поэзия предназначена для пролетариата, и ее задача — вооружить его духовно и вдохновлять на великий подвиг». Это стало коренной задачей и для Акопа Акопяна. Радостное предчувствие революционной бури, воспевание «счастья битвы», картины тяжелой жизни и труда рабочих, исполненные оптимизма и пророчества, вырывали поэзию из-под гнета трагической действительности.

В поэме «Равенство» (1916—1917) Акопян создает символично-романтическую картину будущего. Как внешний признак, общий для всех утопий от Мора и Кампанеллы до Чернышевского, поэт рисует дворцы из стекла, в которых живут труженики — товарищи по свободному, радостному труду. Это не мир эпикурейской беззаботности, не мир праздности — Акопян вдохновенно воспевае труд как счастье, как утро новой трудовой культуры. И это романтическое чувство восприятия будущего до сих пор волнует своей чистой верой в человека.

Свою мечту Акопян успел увидеть и как воплощаемую реальность после победы Октябрьской революции. Певец революционной борьбы, он становится певцом социалистического строительства, привнося в эту новую для него тему весь темперамент и пафос своей романтической лирики.

Уже далеко не молодой человек, он побывал на Волховстрое и написал поэму, посвященную первенцу электрификации. Поэта воодушевляло и строительство Ширакского канала, приведшего в пустыню воду, и плотины Дзорагеса и Рионгеса, и новые школы, и институты, — он видел свою страну в ритме радостного, свободного труда, о котором мечтал всю жизнь.

«В этом смысле, — писал А. В. Луначарский, — Акопа Акопяна нельзя не назвать счастливым поэтом. Он пережил один из лучших периодов в истории пролетариата и сумел откликнуться на этот период своими трепетными и вместе с тем мужественными песнями».

Громадная заслуга Акопяна в истории армянской литературы заключается в создании нового, революционного романтизма, нового героического характера — борца за социализм. Он ввел в поэзию не только человека труда, рабочего, но и саму идею свободного труда, эстетику трудовой культуры. Поэзия Акопяна сломала рамки национальной замкнутости, вступив в широкий мир

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

★

КНИГА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Вышедший в конце прошлого года очередной выпуск «Библиотеки поэта» посвящен Марине Цветаевой. Он включает в себя важную часть ее поэтического наследия. В составлении и комментировании его ближайшее участие принимала родная дочь Цветаевой Ариадна Сергеевна Эфрон. Прекрасная, широкообъемная и разносторонне аргументированная вступительная статья написана Владимиром Орловым. Он снабдил ее подзаголовком: «Судьба. Характер. Поэзия». Что касается «поэзии», то она здесь разумеется сама собою. Зато «судьба» и «характер» включают в себя многое и сложное. Конечно, они еще не однажды будут предметом внимания и исследования со стороны ученых-биографов и литературоведов, а эти последние используют в своей работе новые, неизвестные доселе прозу и другие произведения Марины Цветаевой, ее письма, воспоминания современников.

В этом отклике я иду вслед за В. Орловым, чтобы еще раз по-своему рассказать о судьбе поэта и его характере. Судьба в высокой степени необычна. Характер поразителен. За тем и за другим стоят еще более широкие категории: в судьбе Марины Цветаевой отразилась наша история, первая половина века, а характер сам сказался в биографии, трагически оборвавшейся. В этой взаимосвязи естественно и неизбежно определяется значение ее творчества, его живая сущность.

В этом отклике будут и личные юношеские воспоминания. Они поневоле окрашены лирически и продиктованы глубокой благодарностью и любовью к другу поэту. Если бы даже я хотел писать эту статью по-дру-

гому, то все равно не смог бы. Но я и не хочу поступить иначе. Отказ от личного был бы предательством самой темы.

1

Мне выпало счастье встретить и узнать Марину Цветаеву и подружиться с нею на самой заре юности, в 1918 году. Ей было тогда двадцать шесть — двадцать семь лет, мне двадцать два — двадцать три года: юношеская пора совпала с ранней зарей нашего общества и нашей поэзии. С того времени прошло без малого пятьдесят лет, вся сознательная жизнь поколения.

Марина Цветаева — статная, широкоплечая женщина с широко расставленными серо-зелеными глазами. Ее русые волосы коротко острижены, высокий лоб спрятан под челку. Темно-синее платье не модного, да и не старомодного, а самого что ни на есть простейшего покроя, напоминающего подрясник, туго стянуто в талии широким желтым ремнем. Через плечо перекинута желтая кожаная сумка вроде офицерской полевой или охотничьего патронташа, — и в этой неженской сумке уместаются и сотни две папирос, и клеенчатая тетрадь со стихами. Куда бы ни шла эта женщина, она кажется странницей, путешественницей. Широкими мужскими шагами пересекает она Арбат и близлежащие переулки, выгребая правым плечом против ветра, дождя, вьюги, — не то монастырская послушница, не то только что мобилизованная сестра милосердия. Все ее существо горит поэтическим огнем, и он дает знать о себе в первый же час знакомства.

Речь ее быстра, точна, отчетлива. Любое случайное наблюдение, любая шутка, ответ на любой вопрос сразу отливаются в легко нагаденные, счастливо отточенные слова и так же легко и непринужденно могут превратиться в стихотворную строку. Это значит, что между нею деловой, обычной, будничной и ею же — поэтом разницы нет, расстояние между обенми неуловимо и ничтожно.

Мы выходим в Борисоглебский переулок, ведущий от Собачьей площадки на Поварскую улицу (ныне улица Воровского). Из-за забора свешиваются ветви мощного столетнего тополя. Это любимец Марины, ее давний товарищ и собеседник. Она живет в деревянном двухэтажном оштукатуренном доме, каких еще так недавно было великое множество в междуречье Арбата и Поварской. По деревянной лестнице мы поднимаемся на второй этаж.

Первая большая комната совсем нежилая — разве только на одной из голых стен висит вверх колесами старый велосипед в деревянной раме. Вторая комната также пуста, но зато очень жилая. Здесь на кроватках спят две дочери Марины Ивановны — старшая четырех лет, Аля-Ариадна, и меньшая, полугодовалая, неизлечимо больная, вскоре погибшая.

По другой лестнице — половина или даже треть витка крутой спирали — мы поднялись на чердак. Под крышей — самый обжитой угол жилища, спальня и рабочая комната Марины, ее сон и бессонница, ее гнездо. На стене прибито чучело орла. Здесь все сплошь затянута коврами, даже окно, так что и днем на столе должна гореть лампа. На тяжелом маленьком секретере — времен очаковских и покоренья Крыма — множество старых книжек в истрепанных кожаных переплетах: Державин, Гёте, Лермонтов, Гюго, Мюссе...

С первого взгляда эта тесная мансарда показалась мне чем-то вроде каюты на старом паруснике, ныряющем вне времени, вне географических координат где-то в мировом океане. Хозяйка и ее необычный облик усиливали это впечатление. Несмотря на мебель, так много повидавшую на своем веку в московском особняке, несмотря на окружавший нас густой быт времени военного коммунизма, ощущение каюты было очень явственным, так что над крышей мерещился надутый парус и сквозь воображаемые плохо задраенные

иллюминаторы к нам проникали брызги летящего времени.

Не хочу настаивать на фантастике. Все-таки реальные время и место действия существовали во всей своей суровой близости. Все было — и ужасающая нужда, и ее безвыходность, и отсутствие известий о муже, находившемся далеко на Дону в белой армии, и неизлечимая болезнь младшей дочери. В тот или другой час жизни Марина рассказала бы об этом точно и гордо, не выдавая своих чувств, в какой-то мере безучастно и отрешенно. Но ведь горе и беда остаются горем и бедою, даже если на них не жалуются, — они только еще резче дают знать о себе.

Итак, я впервые был у нее в тот поздний ночной час. И между двумя еще очень молодыми людьми возникла еще не дружба, а одна только легкая и таинственная ее возможность. Можно сказать по-диккенсовски: у нас все было впереди — у нас ничего не было впереди.

Марина по природе и по призванию ночная птица, а сверх того никакая не хозяйка. Домовитость, чувство оседлости, забота о быте чужды и неприятны ей. К тому же, как уже сказано, она ужасающе бедна. На ее рабочем столе появился черный, как деготь, кофе, согретый на керосинке, и черные соленые сухари; и снова московский чердак превращается в корабельную каюту...

Это октябрь восемнадцатого года. Все мы одинаково бедны и голодны, как волки зимою, но мало от того страдаем.

У Марины поразительное, только ей присущее свойство. Если собеседник, недавний знакомый, показался ей занимательным, так или иначе заслужил ее внимание, она сразу находит для него определение — фантастическое, малодостоверное, но в ее глазах оно уже обрело жизнь, а ей только того и нужно! И тогда выходит, что такой-то в ее глазах «молодой Державин», другой — «Казанова», третий — «Гоголь», а четвертый — «черт-дьявол» собственной персоной. На таком шатком, но для нее достаточном основании выдумщица строит всю систему складывающихся отношений, всю их ф а б у л у. Марина верна ей — себе на радость, товарищу на поучение! Но вот что странно: эта легкая и прихотливая «надстройка» обязывала к чему-то большему, более содержательному и ценному, чем обязывает сама жизнь! И тогда могли

возникнуть стихи. Например, такие (цитирую по памяти):

И я вошла, и я сказала: «Здравствуй!
Пора, король, во Францию, домой!»
И я опять веду тебя на царство,
И ты опять обманешь, Карл Седьмой!..
И был Руан, в Руане старый рынок.
Всё будет вновь — последний взор коня,
И первый треск невинных хворостинок,
И первый всплеск соснового огня.
А за плечом товарищ мой крылатый
Опять шепнет: «Терпение, сестра!» —
Когда сверкнут серебряные латы
Сосновой кровью моего костра.

Марина Цветаева была первым поэтом, которого я узнал лично и близко. Мало того, первым поэтом, который во мне угадал собрата и поэта. Рядом с нею, восхищаясь ею, я все-таки понял, что не боги обжигают нашу глиняную утварь, что она, эта утварь, дело рук человеческих, хоть и нелегкое, но обыкновенное, по-своему домашнее и хозяйственное. Эта наука была весьма полезна для беспутного дилетанта, совершенно не верившего в себя, каким я тогда был.

Несколько позже Марина Ивановна привела меня в некий respectable литературный дом, по тогдашней терминологии «салон», в чью-то буржуазную квартиру, где собирались чуть ли не все известные поэты, проживавшие в Москве. Оказалось, что Марина ни с кем из них не близка, да и не нуждается в близости. Разве только с самым старым из них, с К. Д. Бальмонтом, ее связывало товарищеское и ласковое чувство — скорее всего «по соседству»: Бальмонт жил рядом с Борисоглебским переулкам — в Николо-Песковском.

В начале только что вышедшей книги собраны стихи Марины Цветаевой — и того времени, о котором только что сказано, и более ранние. В них рисуется облик счастливого, одаренного существа — вчерашняя школьница с широко раскрытыми на весь белый свет глазами. Доверие ее к жизни безоглядно, горизонт безоблачен. Основной тон этих стихов, даже и не тон, а музыка, сопровождающая содержание, — непрерывное чувство жизни как дарованного на короткий срок счастья.

Марина прежде всего самоуверенна и дерзка. Представляя себе некую вполне фантастическую встречу с Пушкиным, едва достигшая двадцати лет девушка наивно восклицает:

Пушкин! — Ты знал бы по первому слову.
Кто у тебя на пути!..

В чванной и умственной поэзии символистское такое обращение к Пушкину было бы немыслимо. Его сочли бы по меньшей мере неприличным. Откуда же у Марины право на равенство, на нежность, на лукавую игру, если не от лиризма, до краев переполненного доверчивое сердце, если не от сознания собственной одаренности?

Множество юношеских ее признаний отмечено столь же безудержной отвагой. Марина презирает прописные истины — не только в области мещанской морали, но и модные эстетические нормы. Что ж такого в самом деле, если сверстники и сверстницы с высоты своей полувзрослой начитанности презирали кумир собственного отрочества, писательницу Лидию Чарскую, — все равно Марина, хотя бы назло им, останется верна этой детской привязанности и посвятит стихи одной из героинь Чарской — отважной княжне Джавахе. Что ж такого, если окружающие знатоки и снобы неодобрительно отзываются о Ростане, называют его сквозь зубы эпигоном и романтиком от мещанства, все равно Марина беззаветно влюбится в ростановского «Орленка», в несчастного наполеоновского сына. Все это черновые пробы характера, оттачивание будущей жизненной позы и творческой манеры. Все это еще не однажды даст знать о себе!

А между тем поэт растет. Марина утверждает свое право на особое мнение во всем, на любовь, не похожую на чувства других людей, право на пристрастие и прихоть:

Какой-нибудь предок мой был — скрипач,
Наездник и вор при этом...

Далее рассказывается о том, что этот предок продал душу черту, носил за голенищем нож, мог оказаться ласковым любовником, а сверх того — даже «не играл на скрипке», — и поэт подчеркивает знак отрицания «не». В конце сделано решающее заявление:

Таким мой предок был скрипачом,
Я стала — таким поэтом.

Иначе говоря, она такой же поэт, как скрипач, не играющий на скрипке!

Так возникает лирическая героиня. Кто же она — своенравная, безоглядная в каж-

дом мимолетном чувстве и порыве, резкая в безудержной откровенности?

Выше было сказано о ее отношениях к друзьям. Мне кажется, это свойство определяет многое и в ее поэтической практике. И там и тут она — выдумщица. Но это колыбель всякого искусства — продолжение детской игры, ее следующий, более сложный и более обязательный этап: игра уже переплетена в клеенчатую тетрадь и зарифмована. Не все ли равно сказать: «Я буду разбойником, а ты — казаком» — или: «Я буду Жанной д'Арк, а ты — Карлом Седьмым»? И там и тут потребность юной души, избыток жизни.

Лирика М. Цветаевой тех лет до некоторой степени объясняет период 1918—1921 годов, когда, как известно, она была настроена резко оппозиционно по отношению к нашей молодой рабоче-крестьянской власти. В самом деле, чем была вызвана у Марины эта бурная словесная фронда? Откуда она взялась у молодой женщины, выросшей и воспитанной в демократической, очень интеллигентной семье? Ведь никакой симпатии к уходящим с исторической арены классам у нее не могло быть. И русское дворянство, и тем более денежная буржуазия ей были одинаково чужды. Она была истовая — а то и неистовая! — демократка, демонстративно презирающая любую зажиточность, любое стремление к так называемым земным благам. Таков был ее жизненный уклад. Такой была она по своей высокой нравственной сути.

Это «дела давно минувших дней». О них вспоминаешь в аспекте исторической давности, именно в том смысле, какой придают этому термину юристы. А я убежден в том, что тогдашняя общественная позиция Марины Цветаевой и соответствующие ей стихи представляются не чем иным, как словесной бравадой, вызванной чувствами мимолетными.

Самым убедительным доводом в пользу такой оценки служит вся дальнейшая судьба Марины Цветаевой за рубежом, в среде российской эмиграции, ее одиночество в этой среде, сразу ею почувствованное и возраставшее из года в год.

Однако возвращаясь к ее раннему, еще московскому периоду. Здесь невозможно проследить хотя бы и бегло переходы, переплетения и переливы этой лирики, изменчивость, прихотливость, противоречивость образов и чувств, переполняющих ее. Стихи

ее в ту пору представляли собой лирический дневник, который она вела изо дня в день, непрестанно, без заботы об отделке. Все, что она думала и чувствовала, противоречивое и бесформенное, глубоко личное и «общественное», — по живому следу и на живую нитку превращалось в строки стихов, большею частью коротких — строк шесть, восемь, двенадцать. Она жила только для того, чтобы писать их: неодолимая, почти физиологическая потребность, по сути всегда таинственная!

Хорошо это было или нет, в ту пору я не отдавал себе настоящего отчета: с меня достаточно и того, что я был очарован автором («давность» дает право на такое признание). Но зато понимал я, как непосредственно связаны эти стихи с жизнью, с только что пережитым. Это была живая ткань, стенограмма, даже кардиограмма жизни. За ее выходящей лентой видна была душа, очень молодая, — молодая навсегда.

В своей мансарде, полной табачного дыма и рифм, мечтаний и споров, Марина была принципиально беспечна и принципиально горда. Ее пылкие и восторженные привязанности возникали внезапно и исчезали бесследно. След от них оставался только в стихах. Марина зачеркивала не стихи, а причину их возникновения. Она никогда не лгала, ничего не преувеличивала. Зрение и слух были у нее свои собственные, непохожие, была и настройка на собственную волну, если применить термин современного обихода. Этого было достаточно для нее, чтобы жить и дышать в русском языке, в ритмах, подсказанных одной только живой интонацией, весьма свободной и далекой от какой бы то ни было просодии. В этом отношении молодая Марина Цветаева была одинаково противоположна и ученым символистам, и неученым футуристам с их предвзятым стремлением скомпрометировать ученость. Та и другая тенденция была не только чужда, но и смешна ей.

Крылатое и легкое шло от всего ее облика. Она была полна пушкинской «внутренней свободы» — в непрестанном устремлении, бессонная, смелая. По-настоящему любила она — не себя, а свою речь, свое слово, свой труд. Но и чужое слово любила она бескорыстно и готова была трубить в честь чужой удачи в самые золотые трубы. Это прекрасное чувство товарищества было признаком высокого

артистизма, скорее всего свойственного людям театра.

Внезапно Марина Цветаева исчезла с московского горизонта. В скором времени мы узнали, что она за рубежом.

2

Но мне была суждена еще одна встреча с нею — на чужбине, на жизненном перепутье, встреча случайная и короткая. В 1928 году в Париже, во время гастролей театра имени Вахтангова, я был у Марины Ивановны в знаменитом предместье Медон, в том самом, где за четыре века до нас служил священником Франсуа Рабле, в доме, который своей неприкаянной бедностью очень напоминал ее жилье в Борисоглебском переулке.

Рядом с Мариной был ее муж, рано поседевший красавец Сергей Яковлевич Эфрон, дочка Ариадна, подросток, мастерица, ловко шившая из лоскутков кукол и этим помогавшая семье; был еще толстенький мальчик трех лет Мур... Только что вышла книга Марины Цветаевой «После России», в которой так явно обозначилось ее одиночество в эмиграции. Уже были написаны и поэма «Крысолов», и две античные трагедии.

Все существо Марины дышало кроткой семейственностью — мужем, двумя детьми, бедным домом, увитым виноградом и плющом.

В каком-то случайном кафе на бульваре Сен-Мишель, за стаканчиками «чензано-сек» (ее выбор) о прошлом мы совсем не вспоминали, а о Москве, о России она избегала много распространяться, — ей это было явно тяжело. Мы прощались наспех, на чужом, людном, бешеном перекрестке, без мысли о будущей встрече, без надежды на встречу.

Тогда, в 1928 году, узнав ее новые вещи, читая и перечитывая подаренную мне книгу «После России», я впервые понял, почувствовал, оценил значение и место Марины Цветаевой в русской поэзии. Все оказалось неожиданным, неожиданно и чудесно выросшим — впервые с такой силой звучащее в родном языке. Заново раскрылась для меня и ранняя лирика Марины Цветаевой.

Трагический парадокс ее судьбы заключался в том, что чем горше было ее неприкаянное одиночество, тем выше вырастала

она как поэт — ровесница Маяковского и Пастернака, прямая наследница Александра Блока.

И когда в последующие близкие годы, случалось, в Москву долетал ее заклиняющий голос, он звучал с гипнотической силой, возбуждал сочувствие, сострадание, сорадование. Пускай далеко не часто долетал он, пускай очень немногим довелось тогда прочесть и оценить стихи Марины Цветаевой, — дело, в сущности, от того не меняется! Как бы там ни было, но возвращение прекрасного поэта на родину началось уже тогда. Оно было решено бесповоротно ее собственной тоской по родине. И если сегодня это возвращение выражается в сорока тысячах экземпляров ее книги, уже разошедшихся по родной стране, — это означает, что в тридцатых годах обозначилось явление, обреченное на жизнь и на бессмертие.

У каждого искреннего и глубокого поэта существует свой образ пространства и времени, свое стихийное и органическое чувство этих двух первоначальных феноменов познания мира и самосознания. «Зимняя дорога» и «Телега жизни» Пушкина и «кремнистый путь», блещущий «сквозь туман», у Лермонтова — это образы разные, но они внятно, объемно и рельефно говорят о значении дороги в скитальческой жизни обоих великих поэтов:

Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка!

Счеты Марины Цветаевой с пространством и временем прежде всего нелегки. Чем старше становилась она, чем горше складывалась ее эмигрантская жизнь, тем ярче и резче проступает в ее лирике мощный образ навсегда утерянной, никогда не достижимой дали, образ времени, его роковой необратимости.

Мне кажется, именно отсюда следует начинать разговор об этой поэзии, чтобы возможно яснее понять ее значение.

Зрелое творчество Марины Цветаевой поражает широко распахнутым кругозором, грандиозной протяженностью, пространственной и временной:

Поэт — издали заводит речь.
Поэта — далеко уводит речь.

Это двустороннее может стоять эпитафией ко всему, что она сделала в поэзии и в языке. Пред нею всегда дорога, идущая

«издалека» и ведущая «далеко», а за этими двумя любимыми ею наречиями предполагается пространство, раскрытое настезь, — настолько широкое, что у поэта раз навсегда захватило дыхание: «рас-стояние: версты, мили...», «рас-стояние: версты, дали...» Вот припев этой лирики начиная с конца двадцатых годов и дальше. Если говорить о буквальном, биографическом смысле, не скрываемом и самой Мариной, то, разумеется, припев означает вынужденную, слишком затянувшуюся, давно уже ставшую невыносимой разлуку с родиной. Да, таков буквальный смысл. Но оказывается, что буквального не достаточно! Потому что его оспаривает не кто иной, как сам автор, сама Марина — москвичка 1916 года:

Мне и тогда на земле
Не было места.
Мне и тогда на земле
Всюду был дом...

И действительно, чувство огромного пространства, принадлежащего (или не принадлежащего) поэту, сопровождало Марину Цветаеву всю жизнь, всю молодость. Эмиграция конкретизировала это чувство, обострила его сознанием утраты родины. Лирический восторг с годами улетучился безвозвратно. Он превратился в лирическое отчаяние:

Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про-о-стите...

И дальше в том же замечательном цикле «Провода» (1923):

О, по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого — незрячей!)
Я проводам вверяю проводам
И в телеграфный столб упрушись --
плачу.

Так, без начала и без конца, в разных модуляциях, в разных ритмах и вариантах, движется в лирике Марины тех лет основное для нее чувство-закливание: «Гудят моей высокой тяги лирические провода», «Мои неизданные вздохи, моя неистовая страсть...»

Вне телеграмм (простых и срочных
Штампованностей постояных)
Весною стоков водосточных
И проволокою пространств».

Пространственной широте соответствует в р е м е н н а я — мощное чувство времени. Марина Цветаева на редкость памятли-

ва, недаром ее сознание так перегружено ассоциативными связями — тем, что в литературоведении обыкновенно называется «реминисценциями»: история, сказка, миф, образы чужого, издавна полюбленного творчества... Она по первому сигналу замысла легко раздвигала стены любого своего жилья, чтобы принять любых гостей издалека. Она чувствовала себя как дома и в античном мифе, и в библейском предании, и в шекспировской трагедии, и в немецкой народной сказке, а в музыке Бетховена, Моцарта, Баха — с особой свободой. Орфей и Эвридика, Гамлет и Офелия, Соломон и Суламифь, Крысолов в готическом городке, Байрон. Казанова — длинная вереница этих обжитых в мировом искусстве образов заново очеловечена и осердечена у нее. Все здесь пошло в ее плавиный горн — и богатая кладовая памяти, и книжка, прочитанная еще в детстве, и зоркость, и музыкальный слух, и всегда бодрствующий юмор, и великолепное умение сталкивать лбами эпохи и стили.

Казалось бы, единственная функция этого сложного сплава — на свой лад комментировать личную исповедь поэта. Так нет же! На этот раз дело обстоит не только серьезнее, но и веселее... Присутствие такого количества гостей — выход для Марины Цветаевой из одиночества, выход к новым замыслам и свершениям. Лирический поэт превратился в эпика и драматурга. Марине было бы невтерпех скучно без этих жданных и нежданных, знакомцев и незнакомцев. И если бы, цитируя Гоголя, мы спросили у нее: «Уж не женихи ли? С которых сторон набрали ворон?» — Марина ответила бы в лад и кстати: «Тут тебе ворон нет, всё честные люди».

Поэт потому и поэт, а не кто-либо иной, что одним прикосновением он убивает любую пресловутую «книжность» и воскрешает любых мертвецов. Эта старинная азбучная истина в случае Марины Цветаевой нашла сильное подтверждение.

Вершиной ее зрелого творчества была, конечно, поэма «Крысолов». Наивная немецкая сказка обернулась самым нешуточным образом! Поэма сложна и по замыслу, и по заключенным в ней разнородным элементам — психологическим, стилевым, сюжетным и прочим. Первый ее слой — сатира, зеркало «бессмертной пошлости людской», — то, на чем росла, воспиталась и чем вправде гордиться со времен Гоголя русская литера-

тура. Цветаева раскрывает миры пошлости с веселым самообладанием, которое трудно было предполагать у этого субъективного художника.

Положительно, она была в ударе, когда с таким явным удовольствием меняла кисточку акварелиста на иглу гравера, добродушную усмешку на злую и живописала суды-пересуды гаммельнских кумушек на рынке, воспроизводила их разноречивые, крикливые, придурковатые реплики, а вслед за тем ратушу и скаредный торг мешанских законников и пройдох с Крысоловом. Все это схвачено — в пестроте и чересполосице, в полном правдоподобии житейских дряг: угадано самодовольство мешанства, знать не знающего о том, что его подслушали и подглядели. Внутри поэмы две эти сатирические главы представляют собою своеобразный театр марионеток, и можно надеяться, что они действительно лождуются подходящей сцены, не обязательно кукольной!

Мещанскому миру противостоит главный герой повествования — сказочный Крысолов, флейтист, странник, бродяга. Марина Цветаева обрисовала свой любимый образ с особой задумчивостью. Можно полагать, что она придала ему некоторые собственные черты. Ее Крысолов — живое воплощение музыки, ее силы и тайны, основательно забытой людьми. Сама музыка в поэме является не только творческой, но и революционной силой истории. Недаром она сулит гаммельнцам неисчислимые бедствия. Недаром эти последние так испугались за свой немудреный уют. Да и было чего испугаться — они потеряли своих детей.

Но в поэме действует еще одна сила — Крысы. С ними дело обстоит еще серьезнее, еще многозначнее. У этих тварей, отъевшихся на гаммельнской гастрономии, существует свое, забытое ими, голодное, чуть ли не героическое прошлое. Колдовская флейта Крысолова вернула им память, а вместе с нею и отвагу, и удаль, и хищные инстинкты. В этой части — центральный нерв замысла.

Как всякое истинное создание искусства, поэма «Крысолов» не укладывается в какое-либо двух- или трехмерное толкование. Ее высокое музыкальное начало перебивается, оспаривается, «снимается» авторской иронией. В туго и хитро сплетенной диалектической ткани автор охотно делает

прорехи, чтобы ворваться в свое повествование в качестве современного публициста.

Но главное в другом: все это пестрое многообразие глав, кусков, интонационных противоречий, как никогда у этого сильного поэта, подчинено упорительному ритму, который отпраздновал здесь одну из самых своих бесспорных побед. Так и должно было случиться в поэме, которая посвящена музыке и музыканту!

Рядом с «Крысоловом» — синхронный ему опыт М. Цветаевой в области античной трагедии. Он резко противоположен опыту «Крысолова». Поэт ничего не сдвинул, не модернизировал, не истолковал по-своему в античном мифе. Наоборот! Марина отнеслась на редкость бережно и доверчиво к своему материалу. Афины в ее трагедии «Ариадна» — это действительный маленький, чуть ли не затхатый греческий «полис» со своим царьком Эгеем. Хоры афинских граждан звучат почти по-деревенски, их перебранка с царем явно семейное, домашнее дело. Владыка морской стихии могучий Посейдон выглядит в этом окружении невзрачным, отнюдь не божественным «чужестранцем». В следующей части трагедии, на Крите, господствует такая же точно атмосфера. Дочка критского царя Миноса, героиня трагедии, Ариадна весело играет з мяч в палисаднике у деревянного царского дворца. Как и полагается в хорошей сказке, она с первого взгляда влюбляется в Тезея, и все остальное происходит празднично и по-сказочному, по-юношески наивно и беззаботно. Даже оспаривающий и отвоевывающий у Тезея Ариадну Дионис, наиболее загадочный из богов греческого Олимпа, тот самый Дионис, о котором столько гадали и столько напутали знатоки античности — начиная с Фридриха Ницше и кончая нашим Вячеславом Ивановым, — даже этот «огненный сын Семелы — вдохновения грозный бог», Дионис-Вакх заземлен у Марины Цветаевой. Он ближе к человеческой обыденности, чем какая бы то ни было из фигур античной мифологии когда бы то ни было в европейской поэзии. Мне кажется, как раз в этом новизна и своеобразие трактовки у Цветаевой. Она шла здесь наперекор и наперерез традиции нашего века — с обязательным использованием античного наследия в интересах той или другой наспех навязанной злободневной тенденции, как это было у Шоу, Жироду и еще многих других.

Оба эти произведения, и «Крысолов» и «Ариадна», каждое по-своему характеризуют мощное чувство времени у Марины Цветаевой. Я продолжаю настаивать на том, что пространство и время суть первоначальные, важнейшие феномены поэтического познания мира и поэтического же самосознания. Здесь, на этом плацдарме, происходит бой между художником и ученым, между музыкантом и математиком. Следует прибавить, что для поэта чувство времени, по преимуществу историческое чувство, равносильно памятности и заботливости обо всей человеческой культуре,—если под культурой разумеешь сумму усилий, потраченных поколениями людей для завоевания своего счастья и своей правды. Бывают такие жизни, такие поэтические судьбы, когда именно отсюда, из этой светящейся точки, возникает связь поэта с его собственной эпохой, с современниками, с современным ему обществом:

И все уж не мое, а наше.
И с миром утвердилась связь.

Нечто подобное произошло и с Мариной Цветасовой. Прикасаясь к мирам сказки и мифа, хлебнув этого стойкого, векового вина, она не расширила свой «культурный кругозор». О нет, совсем в другом, в более важном и серьезном отношении был ее рост как художника. Она новыми, свежими глазами оглянулась вокруг себя и зорче, острее, правильнее увидела европейскую современность. С нею это произошло сравнительно поздно, но все же произошло. Перелом был крутой и благотворный для сильного художника.

Личное вырастает у Марины широким обобщением — сознанием общего социального неблагополучия, царящего в мире. Замечательная по силе язвительности «Хвала богатым» — образец неистового сарказма, когда все приходится понимать в смысле, прямо противоположном буквальному, и читатель легко это угадывает. В поэзии Марины Цветаевой одна за другою возникают мрачные и горестные картины: пригородные кварталы, одинаковые во всех больших европейских городах; здесь живут бедняки, рабочие или безработные,—все равно; здесь идет вседневная и еженощная борьба за кусок хлеба и за крышу над головой.

Марины Цветаевой никак не назовешь жалостливой и сентиментальной. Скорее наоборот: картины ее жестки, угрюмы, угловаты,— разве можно забыть о том, что поэту диктует собственный голод и холод, собственная долготелая беда и отчаяние:

В надышанную сирость чайной
Картуз засаленный бредет.
Последняя труба окраины
О праведности вопиет...

Или дальше:

Голос шахт и подвалов,—
Лбов на чахлом стебле! —
Голос сырых и малых,
Злых — и правых во зле:
Всех прокопченных. коих
Черт за корку купил!
Голос стоек и коек,
Рычагов и стропил...

Вечная беда всех пишущих о настоящей поэзии — цитаты! Если всегда грешно обрывать их на полуслове, на полустихе, то по отношению к Цветаевой этот грех особенно непростителен. Ее не оборвешь и на половине стихотворения — так свободна и естественна она в непрерывном движении стиха, в своем голосоведении, так плохо умещается в любом своем «отрывке».

В социальной лирике Марина Цветаева не так уж далека от рыдающих анапестов и амфибрахий Некрасова. Социальное содержание вошло в ее творчество неприкрыто, демонстративно, гордо: автор бережно и свято относится к чувствам, которые вызвали эти строки. В этом нерасторжимая связь поэта с временем и с неисчислимым человеческим сонмом, которому поэт служит.

Рассказ о поэзии Марины Цветаевой никак не может быть завершен, эта панорама кажется двухмерной и плоской до тех пор, пока не показана, не раскрыта женская сущность ее творчества. Может быть, с нее следовало даже начать, но и здесь не поздно.

Испокон веков женская сущность глубже и ярче всего проявляется в любовной лирике. Марина Цветаева не исключение. Ее поэзия на редкость богата в этом отношении. Любовь счастливая и несчастная, разделенная и отвергнутая, мимолетная и пожизненная, целомудренная и страстная, разлука, ревность, отчаяние, надежда — вся хроматическая гамма любовных взаимоотношений присутствует в книге. Все отразило ее чистое зеркало, обо всем

пропело это чистое сопрано. Термин вокала привлечен сюда не случайно. Может быть, иной композитор и побойтся сложных синтаксических ходов Марины Цветаевой, ее напряженного словаря, но его боязнь напрасна. Потому что эта любовная лирика прежде всего музыкальна, одна из самых музыкальных в русской поэзии.

О чем бы ни писала, ни говорила Марина Цветаева, где-то рядом с темой первого плана подразумевается, затаенно дышит, а то и заглушает все остальное любовная радость или любовная тоска. На то автор и женщина. Когда же она впрямую говорит о своей любви, когда сама любовь диктует ей открыто, — голос Марины приобретает заклинающую — и незачем бояться слова — колдовскую силу. Выбрать пример такой силы — невозможное дело, настолько богат выбор: здесь пригодилась бы решительно каждая страница книги.

Ясно чувствуя недостаточность, непрочность, бедность моего выбора, я решаюсь привести несколько выхваченных почти наугад строф:

Никто ничего не отнял —
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую вас через сотни
Разъединяющих верст... (1916)

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенела.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!» (1920)

Перестрадай же меня! Я всюду.
Зори и руды я, хлеб и вдох,
Есмь я и буду я, и добуду
Губы — как душу добудет бог... (1923)

Как живется вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией берегового
Скоро ль память отонла
Обо мне, пловучем острове... (1924)

Снова и снова приходится прервать показ жалких обрывков богатой ткани, ненужную и болезненную ампутацию. Положительно, в случае с Мариной Цветаевой цитаты не только бесполезны, но и вредны.

Ее любовную лирику никак не назовешь ни женственной, ни романтической. Она только женская и вполне реальная. Речь у нее идет о той самой женской доле, которую испокон веков выражает, защи-

щает, оплакивает народная песня. За этими любовными признаниями — вся тяжесть земного притяжения, вся нажитая веками социальная сложность жизни, вся горечь разлуки и слез на режущем ветру непогоды, вся сладость последнего хлебного куска, поделенного с любимым. Иначе говоря, эта женская поэзия сильна тем, что она сначала человеческая и только потом — женская. Марина Цветаева никогда не поэтесса. Она поэт. Ни кармина на губах, ни открытых плеч у нее не было никогда и не могло быть.

Как ни многообразен, ни многоцветен, ни сложен поэтический мир Цветаевой, сколько бы ни менялся он на протяжении богатой внешними и внутренними тревогами жизни, — все же в нем существует своего рода лучевой центр, где она никогда не менялась и была на редкость верна себе. Этот центр — ее отношение к поэзии, к искусству вообще, к собственной, да и к чужой работе.

Для нее искусство не было легким скольжением фигуриста по той или другой плоскости, с давних времен накатанной кем-то более или менее великим. Не однажды она признавалась в том, что вся ее художническая жизнь есть напряженный труд, зачеркнутые черновики, отвергнутые варианты, ничем не застрахованный поиск, сцепленные зубы, рабочий стол, испытанный «лбом, локтем, углом колен». В разные времена, по разным внешним поводам возвращалась Марина Цветаева к этой теме, жгучей для всякого настоящего художника. И каждый раз возвращалась с возрастающей энергией и гордостью. В этом отношении ее опыт поучителен для всех нас, особенно же для нашей дилетантствующей поэтической молодежи, полагающейся на синий огонек вдохновения или на кривую, которая вывозит иванушек-дурачков.

Еще более поучителен грандиозный опыт Марины в создании живого и своеобразного поэтического языка. Всесторонний его анализ — дело языковедов. В этом беглом очерке я хотел бы установить одну только исходную позицию.

Емче органа и звонче бубна
Мольв — и одна для всех:
Ох — когда трудно, и ах — когда чудно,
А не дается — эх!

Так начинается стихотворение «Мольв». Его воспринимаешь как своеобразный поэ-

тический манифест автора. Марина Цветаева обращается к общей для человечества языковой прародине:

Ах с эмпиреев и ох вдоль пахот.

Возникает картина, полная движения, красок и звуков. Тут и Соломон, ахнувший перед в спыхнувшей Суламифью, и с юности любезный Марине цыганский табор, и половецкий стан, и некий всеядный болтун, «словесный хахаль, слов неприкрытый кран»,— и в завершение этой разногласицы Марина обращается к своему первоисточнику:

Се, напоровшись на конский череп,
Песнь заказал Олег —
Пушкину...

Вот о каком вековом «заказе» идет речь. Надо сказать, что он оправдан и подтвержден всей стихотворческой практикой Марины Цветаевой — ее «ремеслом»,— недаром так назвала она одну из своих книг. Всем ее подвигом: иначе как подвигом не назовешь такое ремесло!

Она возводила свои трудные синтаксические постройки и вела свои поиски, повинаясь стихийному чувству великорусской речи и абсолютному музыкальному слуху. Чувство родного языка в свою очередь было усилено и обострено отличным знанием двух других европейских языков — французского и немецкого. Французский она знала настолько хорошо, что переводила Пушкина на французский с такой свободой и изяществом, с такой верностью духу гениального оригинала, как это не удавалось никому. Эта сторона ее деятельности еще не изучена, ее переводы и не собраны.

Марина Цветаева — несравненный мастер по части русских синонимов, которые своим богатством и выразительностью порою заменяли ей другие средства поэтической речи, особенно же излюбленную игрушку поэзии нашего века — метафору. К метафоре она почти всегда равнодушна. Мысль ее так деятельна и конкретна, чувство настолько жизненно, что метафоры как-то отступают перед потоком ее одушевления. Они звучали бы в этом потоке фальшиво.

Зато синонимы слетаются по первому ее зову, как голуби к кормящей руке!

И от щедрого скопления почти равнозначных по смыслу глаголов (глагол ее

самая любимая часть речи, потому что самая действенная) — глубина и твердость ее высказываний. Ее фразы объемны, они играют всеми гранями оттенков, существующих в языке. Возникает единственное в своем роде зрелище: поиски «нужного слова» ей как художнику слова не нужны, потому что на проверку все слова одинаково необходимы!

«Нас рас-ставили, рас-садили...», «Нас расклеили, распаяли...», «Нас рассбрили — рассорили...», «расселили нас, как орлов-заговорщиков...», «нас расстроили — растеряли...», «рассовали нас, как сирот...»

И еще один образец столкновения одинаковых глагольных форм, на этот раз менее действенных, «возвратных», что соответствует саркастическому замыслу:

«Как живется вам с другою?..», «Как живется вам с простою...», «Как живется вам — хлопчется — ежится? Встается — как?..», «Как живется вам с чужою, здешнею?..», «Как живется вам — здоровится — можется? Поется — как?..»

Что же это? Перехлест дыхания, самозабвенный лепет страсти — или самообладание виртуоза, настолько владеющего собою, что он не стыдится даже каламбура, ненароком слетевшего с губ, лишь бы доказать, достигнуть самого глубокого дна напряженного чувства? То и другое в одном живом, непредвиденном и поэтому мощном слове живой речи, которая звучит в человечестве испокон веков, у Софокла и Шекспира одинаково. Имя ей — поэзия.

Такой поэт Марина Цветаева.

Очевидно, здесь полезно сделать оговорку. Речь идет не о внешних и формальных признаках и достоинствах поэта. Да у кого их нет в наше время!

В настоящем искусстве (в любом из настоящих искусств) нет и не может быть противоположности содержания и формы. Нет и разрыва между ними. Линия разрыва разве только «мыслится» где-нибудь в литературоведческой схеме, в соответствующем учебнике, как линия экватора, проведенная черной краской на школьном глобусе.

Марина Цветаева настолько вся насыщена содержанием, так захвачена его потоком, что ей некогда заботиться о форме, о ее ухищрениях. Признаки формы не в силах и протиснуться между квантов ее стремительных строф, сопредельных скорости света.

В этой беглой статье я не смог коснуться и половины того, что можно и должно сказать об одном из самых напряженных творчеств нашего века. За пределами статьи остались большинство цветаевских поэм, ранние романтические пьесы, зрелые трагедии. Написанное является только подступом к большой работе. Надо надеяться, что она будет коллективной.

3

Да, встречи между нами могло и не быть больше, как это уже сказано в связи с 1928 годом. Могло и не быть. Но она была.

Перед самой Отечественной войной Марина Цветаева возвратилась в Москву с шестнадцатилетним сыном, высоким красавцем, очень похожим на нее в молодости. Да и разве могло быть иначе с нею — автором страшных по силе ненависти к фашизму «Стихов к Чехии» (1938—1939). Не прикрытая политическая сущность этого цикла хорошо известна. Конечно, в годы войны ей нечего было делать на Западе, в любом из европейских городов, не только в Париже. И Марина Цветаева вернулась в Советский Союз после восемнадцати лет эмиграции.

Несколько раз я встретился с нею — седою, немногословной, а может быть, отчасти и настороженной. Разговор наш был деловой, профессиональный, скучный, скудный. Я слышал чтение ее «Поэмы Лестницы» у одного из друзей.

Такой короткой и незначительной оказалась третья глава моего рассказа о замечательном поэте.

Миновал еще один год, когда в Москве осенью 1941 года мы узнали о гибели Марины Цветаевой. О ее страшном самоубийстве на Каме, в Елабуге.

Шла война. Многие известия о гибели друзей и близких скрещивались друг с другом, как прожектора в ночном небе. Они сиротливо вытягивали длинные беспомощные ручищи, — эти горестные вести об утратах, личных и общих, об утратах знаменитых и безымянных, оплаканных горько и совсем не оплаканных. А небо оставалось черным, беззвездным — полное новых угроз, которые большей частью сбывались.

И гибель Марины затерялась в этом грозном зимнем мраке, как гола через два после того затерялась в нем гибель на фронте ее единственного сына-сироты.

К этому нечего прибавить. Трагическая гибель русского поэта трагически связана с историей первой половины этого века. Многое тяжелое обрушилось в тридцатых годах на Марину Цветаеву. Ее муж, бывший белый офицер, в 1936 году уехал добровольцем в Испанию и дрался с фашистами за дело испанских республиканцев; в конце тридцатых годов он вернулся в Советский Союз, но был оклеветан, репрессирован и погиб. Немногим счастливее была судьба Маринойной дочери Ариадны, тоже вернувшейся на родину и тоже оклеветанной и репрессированной. И вот — после одиночества эмиграции — нерадостный возврат самой Марины в Москву, ужасная эвакуация... Но все мог бы переломить ее вольный и сильный характер, переплавить ее творческий жар, как это не раз уже с нею бывало. И если в тот черный час в Елабуге ее воля к жизни была сломлена, это означает, что действительно рядом с нею не оказалось ни одного человеческого лица, не было сказано ни одного человеческого слова.

Придет время для исследовательского рвения, для зоркой пронизательности, когда и эта русская трагедия будет полностью раскрыта и достоверно рассказана.

В те дни, когда писались эти странницы, навсегда ушла из жизни Анна Андреевна Ахматова, старшая современница Марины Цветаевой, пережившая ее на двадцать пять лет.

В читательской памяти и признательности обе они стоят рядом — каждая по-своему проделавшая труднейший жизненный и творческий путь, каждая по-своему отразившая целую эпоху народной жизни, — две самых значительных женских фигуры в нашей поэзии.

Сопоставить их — задача неизбежная. Так или иначе, в том или другом аспекте, она возникает перед каждым, кто искренне и глубоко вдумывается в судьбы нашей литературы, в их сегодняшшний и завтрашний день. Но как же взяться за такую задачу, в каком плане ее решать?

Не прибегая к особой хитрости, ничего не сдвигая, не стилизуя, не утаивая и не подстранывая, я все же решаюсь прибегнуть к сравнению, хотя и хорошо знаю, что сравнение не доказательство, что любая аналогия есть вещь хрупкая и не слишком дорогая.

На протяжении всего прошлого века одной из самых популярных тем русской очер-

ковой и публицистической прозы была сравнительная характеристика Петербурга и Москвы,— вспомним хотя бы Гоголя и Герцена. В эти очерки входил самый разнообразный и нарочито разбросанный материал: внешний облик двух столиц и психология жителей, климат и коммерция, просвещение и кулинария, исторически крупное и физиономически мелкое...

Конечно, многое для нас в этих наблюдениях столетней давности потускло, черты различия стерлись, а черты общности тоже переместились. Но, конечно, тут есть о чем вспомнить и есть о чем пожалеть! Всякое исторически сложившееся своеобразие, любое «лица необщее выражение» только умножает богатство национальной культуры.

Всей своей поэзией, всем своим духовным и душевным строем Анна Ахматова принадлежит великому городу на Неве — Петербургу и Ленинграду. Это не требует доказательств и сопроводительных справок. Она принадлежит колдовству белых ночей, прославленному ампиру, набережным, убегающим в ненастный туман, прямой стреле Невского проспекта и темной зелени островов. Вот откуда пошла ее стройная строфика, ее высокий лаконизм, сдержанность и несравненное изящество ее языка, приверженность к ямбу, к пушкинской ясности. Все в ней по-питерски выдержано, по-литерски добротное вычеканено, завершено в безупречной форме:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех...

А вдали от блистательного гранита Невы — город, росший и растущий дальше непредвиденно, неправильно, несоразмерно,— город, давно уже переросший семь своих холмов, проглотивший собственные

слободы и пустыри, хоромы и хибарки, крепостные валы и заставы,— вот он с кольцом зеленых бульваров и Садовым кольцом, с радиальными, бегущими во все стороны от Кремля улицами,— Тверской, Серпуховской, Калужской и прочими, упирающимися в неоглядную русскую даль...

В начале этого века росла в Москве веселая школьница, мало, а то и совсем не задумывавшаяся о каком бы то ни было будущем. Выходя на Пречистенский (ныне Гоголевский) бульвар, она блестяла озорной улыбкой в лицо приглянувшемуся ей встречному, и радость жизни перехватывала ей дыхание. Она могла не спать ночей над страницами «Униженных и оскорбленных» и проиграть весь день с дворовым псом. Прошли всего только несколько лет возмужания, и многие люди услышали ее одушевленную, не слишком правильно построенную, но зато увлекательную, они оценили ее раскованный звенящий голос, угадали необычную и необычайную женскую судьбу. Едва достигнув двадцати четырех лет, эта безумная фантазерка заявила о себе:

И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине...

С апреля 1916 года, когда это было написано, прошло ровно пятьдесят лет. И вот Марина Цветаева вошла не только в «Библиотеку поэта» (в кавычках и без них), но прежде всего в сознание и сердца многих тысяч русских читателей, сегодняшних и завтрашних. Она вошла в великую русскую поэзию. Вошла навсегда. Наконец-то она у себя дома.

И для Марины Цветаевой, и для Анны Ахматовой наступила история. Они встретились и протянули друг другу руки — в грозном и торжественном родстве бессмертия.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ИЗ ПИСЕМ А. А. ФАДЕЕВА

(К 10-летию со дня смерти писателя)

А. А. Фадеев всю жизнь вел большую переписку с современниками. Среди его корреспондентов были литераторы и политические деятели, ученые и журналисты, художники и артисты, музыканты и режиссеры, учителя и школьники, многочисленные читатели и почитатели его таланта, люди, избравшие его народным депутатом. «...Я получаю в день около сотни писем,— сообщает Фадеев одному из друзей.— Среди них очень много личных — от старых и новых друзей, от людей, просто ищущих совета и теплого слова от писателя».

Обширный круг фадеевских адресатов, внушительный объем и самый характер его переписки свидетельствуют не только о большом разнообразии литературных и жизненных интересов писателя, о поразительной его трудоспособности, но и о каком-то особом, жадном его любопытстве к самым разным людям, о неутолимой потребности в душевном общении со всеми этими «старыми и новыми друзьями», о большой его человеческой отзывчивости и сердечной щедрости.

Переписка А. А. Фадеева (основная ее часть вошла в подготовленный нами для издательства «Советский писатель» сборник, который должен выйти в конце 1966 года) охватывает более сорока лет (1916—1956) и отражает многие стороны творческой, общественной и личной жизни писателя.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что письма Фадеева — это не только значительный факт его личной писательской биографии, но и важная страница истории советской литературы. Однако, пожалуй, одна из наиболее существенных особенностей фадеевских писем — та, что они полно и разносторонне раскрывают личность писателя и в его откликах на главнейшие события современности, и в его понимании писательского, гражданского и партийного долга, и в его отношении к самой своей жизни со всеми ее сложностями и противоречиями, радостями и печалью, увлечениями и заблуждениями. Почти все черты яркой и талантливой натуры Фадеева — выдающегося писателя и крупного общественного деятеля, вдумчивого критика и требовательного редактора, задушевного друга и отзывчивого товарища, заботливого отца и нежно любящего сына — нашли отражение в его письмах.

Ниже мы публикуем часть еще неизвестных читателю писем А. А. Фадеева. Письма эти очень разные по времени написания, адресатам, степени значительности.

Здесь мы находим письмо Л. Е. Сидоренко — старому другу фадеевских студенческих лет, когда — после выздоровления от ранения, полученного при штурме Кронштадта в марте 1921 года¹, — он решил шагнуть «из военкомбригов в студенты» и поступил

¹ Пользуясь случаем скажем, что в очень интересных и содержательных воспоминаниях маршала И. С. Конева, опубликованных в «Новом мире» (№ 6, 1965, стр. 42—43), были допущены некоторые неточности в описании этого эпизода в жизни А. А. Фадеева. И. С. Конев явно ошибся, указав, что во время кронштадтского штурма Фадеев был настолько легко ранен, что смог вместе с ним возвратиться после ликвидации кронштадтского мятежа в Москву в марте 1921 года. На самом деле Фадеев был тяжело ранен в ногу, пробыл около пяти месяцев на излечении в б. петроградском госпитале и только после этого вернулся в Москву в августе 1921 года.

в Московскую Горную академию. Фадеев вспоминает в этом письме своих студенческих друзей и то, какие они все были «...молодые, дружные и счастливые в ту пору» и как по-разному потом сложились их судьбы.

Мы прочитаем здесь письмо к вдове писателя Е. С. Булгаковой, содержащее высокую оценку честного и принципиального таланта М. А. Булгакова — человека, как пишет Фадеев, не обременившего себя «...ни в творчестве, ни в жизни политической ложью»; письмо критику Б. С. Рюрикову (в ту пору редактору «Литературной газеты») о пьесе Леонида Леонова «Золотая карета»; письмо в Военную прокуратуру — с характеристикой человека, подлежащего политической реабилитации, а заодно содержащее общую оценку писательской организации, одним из руководителей которой Фадеев являлся в двадцатых — начале тридцатых годов.

Очень различны сами поводы, по которым написаны эти письма. В одном из них — А. А. Суркову — он заботится о сохранении доброго имени группы друзей-литераторов и своего собственного, когда речь заходит о желании писательской общественности торжественно отметить его юбилей как одного из зачинателей советской литературы, немало хорошего для нее сделавшего, а он сам считает такое «чествование» нескромным и вредным, да и самые заслуги свои перед литературой представляются ему не такими уж значительными, чтобы «раздувать кадило». В другом письме — азербайджанскому народному поэту Самеду Вургуну — вообще нет как будто специального «повода» для письма: закончилось строительство гидроэлектростанции, о чем Фадеев узнает из газеты. Но теплые воспоминания о поездке с азербайджанским другом по местам, где когда-то начиналась стройка этой электростанции, писатель выражает во взволнованных словах письма. Фадеев радуется и за своего друга, и за его республику, одержавшую еще одну славную победу. Он просит передать братский привет всем своим азербайджанским друзьям и от всего сердца желает другу «...набирать все большую и большую высоту на крыльях поэзии, ибо одной из великолепных особенностей поэзии является то, что она тем ближе к жизни, к земле, к народу, чем она выше».

Фадеев отдавал всего себя искусству, — это составляло одну из характерных особенностей его натуры. Об этом хорошо сказал К. А. Федин: «Может быть, сильнейшим качеством личности Фадеева была безраздельность служения литературе — то, что Горький любил называть «одержимостью». Эта одержимость была продиктована не тем, что Фадеев любил себя в литературе: с н ю б и л л и т е р а т у р у и всегда чувствовал себя ответственным не только за свое собственное творчество, но и за литературу в целом. Вот почему и письма Фадеева — это всегда очень страстный, заинтересованный и в то же время удивительно конкретный разговор о великом назначении нашей литературы, о ее народности и партийности, об общественном призвании и гражданском долге писателя, о его мировоззрении, мастерстве и таланте».

Можно, конечно, соглашаться или не соглашаться с отдельными высказываниями, советами и оценками Фадеева, но нельзя не видеть сквозь строки его писем большого человека, который отлично понимал, «...насколько мелки и малоинтересны всякие литературно-жигейские недоразумения перед подлинными глубокими коренными вопросами нашей общей борьбы и жизни».

С. Преображенский.

1

Е. С. БУЛГАКОВОЙ

15 марта 1940 года.

Милая Елена Сергеевна!

Я исключительно расстроен смертью Михаила Афанасьевича, которого, к сожалению, узнал в тяжелый период его болезни, но который поразил меня своим ясным, талантливым умом, глубокой внутренней принципиальностью и подлинной умной человечностью. Я сочувствую Вам всем сердцем: видел, как муже-

ственно и беззаветно Вы боролись за его жизнь, не щадя себя, — мне многое хотелось бы сказать Вам о Вас; как я видел, понял и оценил Вас в эти дни, но Вам это не нужно сейчас, это я Вам скажу в другое время.

Может быть, и не было бы надобности в этом письме: вряд ли что может облегчить твердого и умного человека с сердцем в период настоящего горя. Но некоторые из товарищей Михаила Афанасьевича и моих сказали мне, что мое вынужденное чисто внешними обстоятельствами неучастие в похоронах Михаила Афанасьевича может быть понято как нечто, имеющее «политическое значение», как знак имеющегося якобы к нему «политического недоверия».

Это, конечно, может возникнуть в головах людей очень мелких и конъюнктурных, на которых не стоит обращать внимания. Уже в течение семи дней я безумно перегружен рядом работ (не по линии Союза писателей, а работ, место и время которых зависит не от меня) — не бываю в Союзе, не бываю и часто даже не ночью дома, и закончу эти работы не раньше 17—18. Они мне и не дали вырваться, о чем я очень горевал, главным образом из-за Вас и друзей Михаила Афанасьевича: ему самому было уже все равно, а я всегда относился и отношусь равнодушно к форме.

Но я не только считал нужным, а мне это было по-человечески необходимо (чтобы знать, понять, помочь) — навещать Михаила Афанасьевича, и впечатление, произведенное им на меня, неизгладимо. Повторяю — мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный и очень умный, — с ним, даже с тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики, и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что путь его был искренен, органичен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не все видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет ничего удивительного: хуже было бы, если бы он фальшивил.

Мне очень трудно звонить Вам по телефону, т. к. я знаю, насколько Вам глжело, голова моя забита делами и никакие формальные слова участия и сочувствия не лезут из моего горла. Лучше, освободившись, я просто к Вам зайду.

Нечего и говорить о том, что все, сопряженное с памятью Михаила Афанасьевича, его творчеством, мы вместе с Вами, МХАТом — подыдем и сохраним: как это, к сожалению, часто бывает, люди будут знать его все лучше по сравнению с тем временем, когда он жил. По всем этим делам и вопросам я буду связан с Маршаком и Ермолинским и всегда помогу всем, чем могу.

Простите за это письмо, если оно Вас разбередит.

Крепко жму Вашу мужественную руку.

Ал. Фадеев.

2

А. А. СУРКОВУ

12 ноября 1951 года.

Дорогой Алексей Александрович!

Пишу тебе это личное письмо в связи с предстоящим моим пятидесятилетием. Как ты прекрасно понимаешь, эта дата, в сущности, ничем принципиально не отличается от той, когда тебе исполняется 49 или 51 год. Между тем ко мне поступают сведения, что некоторые лица и организации придают этой дате в моей общественной и литературной биографии чрезмерное значение. Может быть, они думают, что «так надо», что имеются на этот счет какие-нибудь «указания». Кроме того, я в жизни моей соприкасался более или менее тесно с таким широким кругом людей в самых разных сферах деятельности, что среди них находится немало добрых людей, которые от чистого сердца, по соображениям возрастным и приятельским, искренне рады «раздуть кадило» и довольно бессознательно подстрекают к этому других. Это меня расстраивает и даже пугает.

Это ставит меня в неловкое и смешное положение. Никто почему-то не задумывается над тем простым обстоятельством, что среди многих своих друзей-литераторов, ничуть не меньших, а зачастую и больших по своему творческому литературному значению, я «выделяюсь», в сущности, только своим должностным положением в качестве Генерального секретаря Союза писателей, к тому же члена ЦК ВКП(б). Но это последнее обстоятельство только обязывает меня к большей скромности. И я очень и очень боюсь парадной шумихи, которая многими и многими не может быть воспринята иначе как шумиха, поднятая по моему собственному желанию или во всяком случае с моего благословения.

Вот почему я обращаюсь к тебе с личной просьбой — помочь мне провести эту злополучную дату как можно более тихо.

Все, что можно сделать в этом отношении по линии Союза писателей, я излагаю в официальном письме в Секретариат, каковому письму прошу придать более серьезное значение, чем это напрашивается с первого взгляда. Вместе с тем я прошу тебя лично, как исполняющего обязанности Генерального секретаря, помочь мне в другом, более тонком деле, о котором неудобно писать официально, чтобы не обидеть лиц заинтересованных. Я прошу предупредить Институт мировой литературы, Гослитиздат, «Советский писатель» — это можно сделать, поговорив доверительно с директорами этих учреждений с ссылкой на то, что делается это с моего ведома, — чтобы они отнеслись строго к предлагаемому в печать «монографии», посвященным творчеству Фадеева. Как это ни нелепо, но мне стало известно, что мне — автору лишь двух, с трудом законченных произведений и одного незаконченного романа, который к тому же нуждается в коренной переработке, — собираются посвятить труды размером в тридцать и более печатных листов каждый. То есть размером большим, чем все мои произведения, вместе взятые...

Я не могу позволить, чтобы меня ставили в такое глупое и пошлое положение... Самим ходом своих неверных мыслей авторы подобных трудов отведут мне в советской литературе столь выдающееся и исключительное место, что стыдно будет людям в глаза смотреть... Я не имею никакого стремления кокетничать своей скромностью и. как всякий литератор, был бы рад прочесть о себе добросовестную критическую статью или даже массовую популярную брошюру...

Я прошу тебя предупредить Институт мировой литературы и издательства о том, что подобные «монографии» о ныне живущих и далеко еще не закончивших своего творческого пути литераторах — штука несвоевременная и противоречит самому духу нашего советского общества.

Подумать только! Мы не имеем монументальных монографий о жизни и деятельности величайших людей партии — Держинского, Кирова, Орджоникидзе, Фрунзе... У нас до сих пор нет настоящих, больших, правдивых книг о Горьком, Маяковском, Алексее Толстом. И вот по случаю того, что А. Фадеев является Генеральным секретарем Союза советских писателей и членом ЦК ВКП(б), недалёковидные люди готовят ему «сюрпризы» размером в 30—40 печатных листов в надежде кому-то «потрафить»!

Я просто не могу позволить подобной нескромности и лично прошу тебя не допустить до выхода в свет подобных книг.

Если лица, от которых зависит выпуск этих книг, не внемлют твоим словам, я разрешаю показать им это мое письмо... Повторяю, я с интересом и уважением прочитал бы статьи или брошюры о себе... но я ясно вижу нескромность, надуманность, общественную вредность толстых «монографий» о нашем брате и хочу уберечь от неприятностей не только самого себя, но и... литераторов.

С приветом

Ал. Фадеев.

Дорогой Алеша! Просьба моя к тебе имеет столь важное значение для меня, что я очень прошу известить меня, какие меры ты смог предпринять для ее удовлетворения.

3

Л. Е. СИДОРЕНКО 1

3 июля 1953 года.

Дорогая Лида!

Поздно попала ко мне ваша телеграмма — твоя и Галина². С первой половиной апреля и по сей день я нахожусь в больнице и, очевидно, выйду из нее только седьмого июля, да и то не домой, а в санаторий. Можно было бы подробно рассказать о своей болезни — тем более что в моем возрасте это принято, — но не буду удручать: это, в общем, — печен. Еще с весны прошлого года прикинулась мне и младшему моему сынишке инфекционная желтуха. У него-то она прошла, а у меня послужила началом дальнейших неприятностей в той же области. Всю мою корреспонденцию домашние не пропускали ко мне, пока слаб был. И вот наконец прислали. Сколько вспомнилось всего! И главным образом — какие мы все были молодые, дружные и счастливые в ту пору!

С Галиной судьба привела как-то обменяться письмами и телеграммами. И тогда же запросил я у нее твой адрес: очень хотелось написать тебе и встретиться. Но Москва — разлучница, да и жизнь сама — разлучница. Обросший обязанностями по уши, с вечной нехваткой времени для собственной творческой работы (отчего поневоле дорожишь каждым свободным часом!), я стал похож на «учреждение»: трудно учреждению стронуться с места по собственной охоте, а столько вынужденной, «неотложной» писанины, что на доброе личное письмо уже и душевных сил не найдешь, а формально писать — «из вежливости» — совесть не позволяет. Так вот и откладываешь все «на завтра», а жизнь проходит.

Что ж ты подельываешь теперь, дорогая Лида? Где работаешь? Замужем ли? Есть ли у тебя ребята? С кем встречаешься из старых друзей? Где сестра твоя? Возможно, что некоторые из этих вопросов и не следовало бы тебе задавать, некоторые, может быть, тебе даже и тяжелы, но ведь задает их тебе человек, который почти ничего не знает о судьбе твоей за последние два десятка лет. До войны еще Тевосян³ сказал мне, что случилось с Ваней Апрыткиным в период «ежовщины». Сам он, Тевосян, убежден в глубокой личной и политической честности Вани и писал о нем в самые высшие инстанции, но не добился результата, — так он мне рассказывал тогда. Нечего и говорить о том, что я совершенно разделял и разделяю мнение Тевосяна — тем более что по свойствам характера своего я еще ближе знал Ваню с какой-то его душевной стороны. Удалось ли тебе хоть когда-нибудь узнать о его дальнейшей судьбе? Дорого стоила народу и партии эта страшная пора, когда враг действовал такими иезуитскими способами и сам проникал в учреждения и органы, могущие решать человеческую судьбу! Пока выбили его, этого множественного врага, с его позиций и поняли его формы борьбы, многих честных людей удалось ему погубить. А теперь, с разоблачением Берия, становится понятным, что он-то и не был заинтересован в выправлении этих вражеских действий по отношению к честным людям, когда была для этого полная возможность.

Из наших с тобой общих знакомых и друзей я за эти годы чаще всего встречаюсь с Тевосяном — правда, больше во всякого рода учреждениях, а не лично. Но последние года два я работаю над романом о советских металлургах и по различным вопросам и потребностям этого романа имел с Тевосяном несколько более длительных встреч. Когда исполнилось 20 лет Магнитогорскому комбинату, я вместе с Тевосяном летал на самолете в Челябинск, а оттуда до Магнитогорска и обратно ехал в специальном вагоне, где мы хорошо смогли поговорить о разных делах и вспомнить прошлое. А в 41-м году судьба сулила нам в октябре месяце ехать в одном поезде — в дни эвакуации из Москвы — до Свердловска (ехали в этом поезде и Коля Блохин⁴, и Хвалебнова⁵), и тоже о многом мы тогда поговорили. Но время было тяжелое и настроение гяжелое. В связи с работой над романом виделся я до своей болезни также с Колей Блохиным (а до этого встретился я с ним как-то в последние годы войны у Васи Емельянова⁶ на квартире).

Перед самой войной и в дни войны мы встречались с Васей Емельяновым относительно часто и несколько раз — в домашних условиях, но потом «Москва-разлучница» опять нас развела, и что он теперь делает — я не знаю. Жена его (сестра Лени Виноградова ⁷) все эти годы сильно хворала и вела домашний, порою полубольничный (по режиму) образ жизни. А Коля Блохин и сейчас серьезно болен: у него повышенное кровяное давление, болезнь опасная, в силу чего для него даже в министерстве создан особый режим работы. С Алешей Блохиным ⁸, до смерти его, судьба привела встретиться в Уфе в 1932 году летом. Я в то время жил под Уфой в доме отдыха и писал роман «Последний из удэге», до сих пор еще не законченный, а Алеша приезжал вместе с Губкиным по делам ишимбаевской нефти. После этого мы разика два «обменялись визитами» в Москве, побывали друг у друга на квартире. — он уже тогда сильно жаловался на сердце. Опять таки в связи с работой над романом встречался я несколько раз на «Серпе и молоте» с Шурой Андреевой ⁹, теперь Виноградовой, работающей на этом заводе в ЦЗЛ ¹⁰ металловедом. Во время поездок по заводам, в сношениях с ЦНИИЧЕРМЕТОМ ¹¹ мне приходилось и приходится еще немало встречать питомцев прежней Горной академии, среди них и таких, кто начинал с рабфака, но это всё в большинстве люди, далекие от той дружеской компании, почти семьи, к какой мы все принадлежали.

У меня сохранилось два коллективных мужских снимка перед моим отъездом в Ростов ¹², где все мы, вышеназванные мужики, запечатлены «навечно» (среди них еще Костя Чепиков и Ваня Белецкий ¹³), а кроме того, есть у меня еще чрезвычайно мне дорогой, очень бледный любительский снимочек нашей компании — и мужской и женской, — сделанный во время вечеринки на квартире у тебя и Вани...

Вот видишь, какое большущее написал тебе письмо, дорогая Лида, — если бы не болезнь, не нашел бы и времени для такого письма! Рад был бы получить ответ от тебя. До 7-го июля мне можно передать письмо в больницу...

До свидания, дорогая Лида. Крепко жму руку
и сердечно тебя обнимаю.

Саша Фадеев.

¹ Сидоренко Лидия Ефимовна — участница большевистского подполья в Баку, впоследствии училась в Москве, на рабфаке имени Артема при Московской Горной академии, студентом которой в 1921—1924 годах был А. А. Фадеев. Жена друга Фадеева по студенческим годам — И. С. Апяткина, впоследствии инженера-металлурга, ставшего в 1937 году жертвой незаконных репрессий и полностью реабилитированного в 1955 году (посмертно).

² Михайлова Галина Аполлоновна — студентка Московской Горной академии, впоследствии инженер-геолог, научный сотрудник одного из научно-исследовательских институтов в Сибири.

³ Тевосян Иван Федорович (1902—1958) — известный советский государственный и партийный деятель. В 1921—1924 годах вместе с А. А. Фадеевым учился в Московской Горной академии.

⁴ Блохин Николай Александрович — студент Московской Горной академии, впоследствии инженер-металлург.

⁵ Хвалобнова О. А. — жена И. Ф. Тевосяна.

⁶ Емельянов Василий Семенович — друг А. А. Фадеева по Московской Горной академии. Один из организаторов и руководителей мирной атомной индустрии СССР. Член-корреспондент АН СССР. Герой Социалистического Труда.

⁷ Виноградов Леонид — советский инженер-металлург товарищ Фадеева по Горной академии. В 1938 году был репрессирован. Реабилитирован в 1954 году.

⁸ Блохин Алексей Александрович — советский геолог нефтяник, профессор. Учился вместе с А. А. Фадеевым в Горной академии. А. Блохину принадлежит открытие первого крупного месторождения нефти (так называемой «ишимбаевской») во втором Баку. Умер в 1942 году.

⁹ Андреева (Виноградова) Александра — одна из студенток Московской Горной академии, впоследствии инженер-металлург.

¹⁰ ЦЗЛ — Центральная заводская лаборатория.

¹¹ ЦНИИЧЕРМЕТ — Центральный научно-исследовательский институт черной металлургии имени Н. П. Бардина.

¹² В начале 1924 года.

¹³ Друзья А. А. Фадеева по Горной академии.

4

САМЕДУ ВУРГУНУ

10 января 1954 года.

Дорогой Самед, чудесный друг мой!

Прочел я сегодня в «Правде» подвал, посвященный пуску первой очереди Мингечаура¹, вспомнил, как мы были там вместе² в те времена, когда все там было еще в начале, вспомнил, однако, и то, что мы были тогда моложе, — а если учесть, что в нашем возрасте каждый год уже можно считать за пять, то мы были и значительно моложе, — вспомнил, с каким естественным гостеприимством принимали нас — Тихонова, тебя и меня — азербайджанские колхозники, с какой любовью к тебе и твоей поэзии относились они, вспомнил прекрасную сельскую интеллигенцию Азербайджана, этот чудесный продукт нашего строя, вспомнил красивых, чистых, скромных азербайджанских женщин, вспомнил наш путь, весь наш путь по дальним дорогам в братскую республику Грузию и обратное возвращение уже вдвоем с тобой, вспомнил природу Азербайджана, полную такого разнообразия и очарования, вспомнил, как колотили мы фазанов и турачей, и того огромного кабана, который на своих низких ногах, грузный, походил издали на быка, по колено провалившегося в болото, вспомнил наши дружеские беседы обо всем на свете и как мы снялись у домика Ахундова³, домика, который одним своим видом — так же, как и домик Белинского⁴ в Чембарах, — больше, чем толстое исследование, говорил о том, что породило Ахундова, вспомнил еще, сколько мы прочитали вслух и прослушали стихов и какой феерической была наша встреча с Сандро Шаншиашвили⁵ и даже еще фееричней наш с тобой отъезд, ибо совершенно непонятно, как под проливным дождем, по размытой, оползающей глине мы проехали с тобой черной ночью над обрывом возле грузинской деревенской церковки, — вспомнил я все это, дорогой друг, подумал о том, что все эти мгновения неповторимы, что все это были счастливые мгновения в нашей жизни, — хотя у тебя лично не было тогда должной «обстановки» для счастья, — что самым большим счастьем надо считать наличие друзей и что это очень хорошо, когда существует на свете Самед Вургун, — и решил написать тебе это письмо, поздравить тебя и твою республику и всех нас с этой новой победой, пуском Мингечаурской электростанции, напомнить тебе, что сейчас уже с гораздо большим правом на вопрос: «Где лучшие дороги, машины и все прочее?» — можно отвечать: «У нас в Мингечауре!» — пожать тебе руку, попросить тебя передать братский привет всем друзьям, азербайджанским писателям, и пожелать тебе и им набирать все большую и большую высоту на крыльях поэзии, ибо одной из великолепных особенностей поэзии является то, что она тем ближе к жизни, к земле, к народу, чем она выше.

Братский привет, дорогой друг мой!

Твой А. А. Фадеев.

10/1 54.

¹ Строительство Мингечаурской гидроэлектростанции (на реке Кура у г. Мингечаур Азербайджанской ССР) было начато в 1945 году.

² В сентябре 1947 года А. А. Фадеев выезжал в Баку в связи с празднованием 800-летия со дня рождения великого азербайджанского поэта Низами. После окончания работ пленума вместе с Н. С. Тихоновым и Самедом Вургуном он совершил поездку по республике. Подробнее об этой поездке и его беседах с Самедом Вургуном — см. воспоминания Н. С. Тихонова (сб. «Фадеев. Воспоминания современников». «Советский писатель», М. 1965, стр. 421—454).

³ Находится в г. Нуха.

⁴ Ныне дом-музей в г. Белинский.

⁵ Ш а н ш и а ш в и л и Сандро (Александр Ильич) — грузинский поэт и драматург

5

В ГЛАВНУЮ ВОЕННУЮ ПРОКУРАТУРУ

Апрель 1955 года.

...Я хорошо знаю И. Макарьева¹ по совместной партийной работе в Северо-Кавказском крае в 1924—26 гг., а впоследствии по работе в Правлении Российской и Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (РАПП и ВАПП) — с конца 20-х годов и до ликвидации этих организаций в 1932 году.

В годы работы в Северо-Кавказском крае И. Макарьев известен мне как редактор краевой крестьянской газеты, называвшейся, если не ошибаюсь, «Советский пахарь». В этот период я работал заместителем заведующего отделом печати Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и исполняющим обязанности редактора краевой газеты «Советский юг», издававшейся в том же издательстве, что и «Советский пахарь».

Будучи назначен на должность редактора газеты, Макарьев последовательно и до конца проводил партийную линию и принадлежал к передовому активу организации.

И. Макарьев еще в Ростове-на-Дону помогал в работе Ростовской ассоциации пролетарских писателей и высказывался на собраниях и в печати по вопросам литературы. В конце 20-х годов он был вызван в Москву для работы в Правлении Российской и Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. В этой организации состояло тогда подавляющее большинство пролетарских писателей и в первую очередь писателей-коммунистов. До определенного периода она играла положительную роль. Но к ней примазывались и чуждые элементы, она допускала немало ошибок сектантского характера и в конце концов противопоставила себя большинству писателей, вышедших из среды интеллигенции и вставших к тому времени на позицию советской власти. Таким образом, РАПП и ВАПП стали тормозом в развитии советской литературы и были ликвидированы решением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года.

И. Макарьев разделяет вместе с нами, писателями-коммунистами, участвовавшими в руководстве этой организацией, как заслуги, так и ошибки в ее деятельности и, разумеется, не может нести большей ответственности за них, чем многие другие писатели-коммунисты, занимающие и по сей час видное место в советской литературе. Я имею в виду А. Серафимовича, М. Шолохова, А. Фадеева, А. Суркова, Ю. Либединского, В. Ермилова, А. Афиногенова и многих других.

В период после ликвидации РАППа И. Макарьев, как и некоторые другие деятели этой организации, вызвал нарекания со стороны некоторых писателей, в том числе и с моей стороны, за то, что перестал активно выступать по вопросам литературы. Учитывая, что это был период еще не изжитой групповой борьбы в литературе, эти нарекания носили подчас острую форму. Но нельзя не учитывать, что И. Макарьев не был писателем или критиком, а был партийным работником-журналистом, направленным для помощи писательской организации, и поэтому отход И. Макарьева от литературных дел и переход его на другую работу был вполне естественен. Вряд ли это обстоятельство может вызвать сомнение в позиции Макарьева по основным вопросам партийной политики, включая и политику в области литературы.

Объективно оглядываясь сейчас на то время, я не вижу оснований к тому, чтобы подозревать И. Макарьева в двойственности, и считаю его политически честным человеком.

Ал. Фадеев.

¹ Макарьев Иван Сергеевич (1902—1958) — в тридцатых годах был незаконно репрессирован. Реабилитирован в 1955 году.

6

Б. С. РЮРИКОВУ

1 сентября 1955 года.

Дорогой Борис Сергеевич!

Мне кажется, в статье Баскакова пьеса Леонова недооценена¹. В конце концов она обращена, эта пьеса, против тех элементов нашего общества, которые «устервились» жить в свою пользу — в плане прямого стяжательства и в плане потребительском, то есть пошире жить в свое удовольствие, и в плане «интеллигентного», «небожительского» эгоизма и чистоплюйства. И бьет это все автор от лица людей, отдавших жизнь или изуверченных в великой войне за коммунистические гуманистические идеалы.

Мне кажется, хорошо время от времени напоминать людям об этом! И председатель горсовета, и ее дочь, и разные маленькие люди в пьесе, представляющие честную, трудовую, гуманистическую линию, даны вовсе не так уж плохо. Архаичность в пьесе есть, но нельзя с ее помощью зачеркнуть то положительное, что пьеса несет.

Я ужасно тороплюсь со стенограммой² — ждет вторая машина, чтобы забрать ее у меня, — поэтому не имею возможности подробнее поговорить о статье Баскакова, да и прочел ее второпях. Не лучше ли ее немного отложить, посоветоваться? Пьеса Леонова — сложное и своеобразное явление — и в лучших сторонах, и в недостатках.

Привет сердечный.

Ал. Фадеев.

¹ Статья критика Вл. Баскакова «Золотая карета» была напечатана в «Литературной газете» 4 октября 1955 года.

Более подробно об отношении А. А. Фадеева к пьесе Л. М. Леонова «Золотая карета» — см. его письмо к Л. М. Леонову (А. Фадеев. Собрание сочинений, т. 5, стр. 531—532).

² Речь идет о стенограмме доклада А. А. Фадеева «О насущных задачах советской литературы» с которым он выступил 27 августа 1955 года на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в вузах. Впоследствии этот доклад был переработан им в статью «Заметки о литературе», опубликованную в «Литературной газете» 20 — 29 сентября 1955 года.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

А. Турнов. Книга очерков.— **Н. Гей, В. Пискунов.** О новом романе В. Кожевникова — **А. Кондратович.** Мера всех мер.— **В. Жданов.** Добролюбовский сборник.— **А. Шаров.** Сказочник и сказка.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Д. Аллахвердян, Г. Герцович. Энциклопедия экономических знаний.— **В. Ольшанский.** Важная проблема.— **Наталья Ильина.** Сомнительная свежесть.— **Г. Иванов.** Это интересно многим.

Литература и искусство

КНИГА ОЧЕРКОВ

Мария Белкина. Человек и гора. Очерки. «Советский писатель». М. 1965. 264 стр.

«Район этот трудный для геолога. Здесь нет выхода коренных пород, богатства земли скрыты от глаз — «задернованы».

Слова эти, написанные Марией Белкиной о геологах, кажутся мне подходящими и для определения трудностей писательской работы.

Подлинные человеческие свойства тоже часто «задернованы» и не даются в руки нетерпеливому искателю. Человек, у которого за душой не наберется и на копейку, так и сует этот грошик вам в глаза, а тот, кто по-настоящему богат, порой хоронится в тени и не подпускает вас близко к себе — из скромности, по увлеченности своей работой, а то и еще по каким-либо причинам.

И часто, отчаявшись докопаться до подлинной сути своего героя, автор конструирует его облик по своим представлениям о том, каким он бы должен быть. Я помню, как в одном популярном иллюстрированном журнале фотографы, прежде чем снять людей, прихорашивали их и даже сужали им свои галстуки. Очеркисты порой поступают не менее находчиво.

В одном из ранних очерков Белкиной — «Бронзовая гезка» — рассказывается, как

женщина, дважды Герой Социалистического Труда, ворчит, проходя мимо своей высящейся в селе скульптуры: «Сколько денег в нее ухлопали-то! И совсем непохожа. А может, это так и надо, чтобы непохожа...»

Да нет, никому это не надо, и в этом еще раз убеждает писательница, рассказывая о хороших людях в своей книге «Человек и гора», куда вошли два очерка — «Человек и гора» и «В садах».

Не секрет, что во многих наших книгах люди-энтузиасты, своеобразные подвижники своего труда, выглядят как-то на одно лицо и, пожалуй, вместо того, чтобы заражать людей своим примером, выполняют едва ли не противоположную функцию.

В книге Белкиной, условно говоря, — два главных героя. Условно, потому что в обоих очерках, особенно в первом, существует богатый мир, населенный множеством людей со своими радостями и бедами, со сложными и часто драматическими взаимоотношениями. Белкина уважительно относится к людям, и горькая судьба оклеветанного в свое время Юрия Александровича или нелуговая жизнь хозяйки рудничной гостиницы становятся для нее не лишней

бытовой «красочкой», а поводом для серьезного раздумья, для предъявления к себе самой, к окружающим, ко всем недостаткам нашей жизни серьезного и справедливого счета. А как же иначе? Ведь дело идет о людях!

Итак, два главных героя — геолог Прусевич, открывший богатейшее месторождение, и энтомолог Петрушова, защитница крымских садов от вредителей. Оба энтузиасты, и оба — совершенно разные, не похожие друг на друга люди. Прусевич порой смахивает на Дон-Кихота своей отрешенностью от жизненных благ, может раздосадовать своим нежеланием вступать в открытую борьбу с людьми, являющимися или даже вредными для дела. Он как бы досадливо предоставляет им существовать, уверенный, что в жизни все равно подымается какая-то новая волна, которая снесет их прочь, а его собственные силы эффективней будет использовать в иной, профессиональной области.

«Ну, а я-то разве не борюсь?! — удивленно возражает он писательнице, упрекающей его в пассивности. — Да ведь я только всю жизнь и делаю, что борюсь!.. Но ведь главное-то за что бороться, во имя чего... Ну а тут это мельтешенье...»

И действительно, свою большую битву Прусевич выигрывает: добивается промышленной разработки Кня-Шалтырского месторождения и становится свидетелем того, как на месте заброшенного золотоискателями прииска возникает новый, все разрастающийся поселок.

Можно спорить о том, что, проявив Прусевич больше настойчивости в стычках с ничемным «Ванькой с дробилки» и его покровителями, ему удалось бы достичь большего, — но во всяком случае такой тип энтузиастов существует, и, чтобы проверить это, читателю не обязательно отправляться в тайгу, порой достаточно внимательно оглядеться вокруг.

Совсем иного склада человек — Нина Ивановна Петрушова. Ее страстная натура не удовлетворяется бесконечно трудной работой по охране садов от многообразных вредителей. Она «мешает работать» тем, кто подходит к своим обязанностям равно-

душно или имеет в виду лишь внешнюю, показную сторону дела.

Прусевич готов отстаивать молча то, что считает главным. Петрушова исповедует другой принцип, хотя вслух она его высказала лишь один раз и вроде бы в шутку: «Нападение — лучший способ обороны»...

В самое святое для нее воспоминание — о встрече в юности с академиком Н. И. Вавиловым (чей образ, кстати, очерчен в очерке с большой любовью) — вплетается нотка горечи: как же случилось, что мы не смогли уберечь, отстоять замечательного ученого?

«Во-от... если бы нам еще научиться меньше трудностей создавать, которые потом самим же и приходится преодолевать», — заметил как-то Прусевич. Услышь это Петрушова, она наверняка напустилась бы на своего «соседа по книжке»: так кто ж вам мешает? Не молчите, спорьте!

Мария Белкина нигде не сопоставляет эти характеры прямо, и, однако, книга ее заставит многих задуматься и о разных типах людей, и о том, какие черты необходимы нашему современнику, если он не намерен прожить в сторонке и лишь с готовностью присоединиться к тому, что без него решат другие.

Писательнице и раньше было свойственно уметь живо, верно, с юмором запечатлеть увиденное. В одном из очерков, собранных в предыдущей ее книге «Перекрестки», рассказывалось, как шофер чинит машину и украдкой смотрит на приглянувшуюся девушку: «Она движение делает — он опять голову под капот прячет, как птица под крыло». Но прежние ее очерки были несколько беглы, эскизны по сравнению с более глубокими и густыми красками новых работ, о которых идет речь. В последних чаще и колоритнее звучит народная речь, извлекательней и метче изобличаются бюрократизм, равнодушие, головоуятие. И сама писательница как бы обжилась среди своих героев и научилась глубже вникать в их дела и раздумья, научилась отыскивать в увиденном и пережитом нечто важное и необходимое для объяснения их сути, их личности.

А. ГУРКОВ.

О НОВОМ РОМАНЕ В. КОЖЕВНИКОВА

В. Кожевников. *Щит и меч. Роман. «Советский писатель». М. 1965. 1032 стр.*

«Летом 1940 года в Риге был убит советский гражданин, по национальности немец. Сотрудники латвийского уголовного розыска установили: убийство совершено из огнестрельного оружия...»

Итак, в самом начале нового романа В. Кожевникова «Щит и меч» раздается выстрел и действие начинает стремительно развиваться. Это и составляет, пожалуй, привилегию детективного жанра. Однако в романе Кожевникова выстрел должен дать толчок развитию характеров.

Последуем же за героем романа — советским разведчиком Александром Беловым — в большое и грудное странствие с берегов Даугавы на Вислу, в оккупированную Польшу, где он, презратившись в Иоганна Вайса, становится свидетелем многотрудной судьбы Варшавы, а затем в логово врага — Берлин. В фашистском тылу он «делает карьеру» от шофера вспомогательных войск до преуспевающего офицера службы безопасности, принимает участие в работе разведывательного центра, инспектирует концлагеря, с секретной миссией посещает Швецию и Швейцарию и наконец, войдя в доверие, исполняет поручения самых могущественных лиц гитлеровского рейха.

Перед глазами читателя — калейдоскоп событий, пестрое разнообразие жизненных впечатлений, подвиги бойцов невидимого фронта, которые в тылу врага, ежеминутно рискуя жизнью, выигрывали сражения, подчас не менее значительные, чем в открытом бою.

В романе о делах и подвигах советских разведчиков во время Великой Отечественной войны В. Кожевников обратился к яркому и значительному материалу. Ставшие легендой жизнь и судьба Абеля, Рихарда Зорге, Николая Кузнецова способны пробудить наших разведчиков подсаживает сложные психологические коллизии, острые конфликты, драматические поединки.

В противоположность Ю. Дольд-Михайлику, Л. Овалову, Н. Шпанову — В. Кожевников решил не ограничиваться событийной стороной героической профессии. Роман задуман и написан по-настоящему, чем книги названных авторов, не претендующие на художественную глубину и сложность.

В. Кожевников попытался объединить

черты детектива и психологического романа, достоверность документа и философичность. Он как бы говорит: «Нет жанров высоких и низких, первого и второго сорта — все хороши».

Как же удалось ему решить поставленную перед собой задачу?

В романе «Щит и меч» есть удачные сцены, живо написанные страницы. Динамичны «поединки» Белова-Вайса с нацистами Ландсдорфом, Вилли Шварцкопфом, Шелленбергом. В этих эпизодах он предстает разведчиком умным, изобретательным, обладающим поразительной выдержкой и находчивостью. За его поступками и действиями ощущаются реальная жизнь, трудные будни и драматизм героической профессии.

Герою Кожевникова предстоит пройти через жестокие испытания, которые лягут долгие годы, и остаться верным себе, своему делу, родине. Какие нужны нравственные силы, убежденность и преданность делу, чтобы выдержать все и выйти победителем!

Писатель смело берется за изображение глубоких человеческих чувств, сложных душевных движений. В романе говорится о психологии вживания разведчика в другое «я», о диалектике двух сознаний, о постоянной дуэли между долгом и чувством, о «неуличимом притворстве» и невольном саморазоблачении. Все это вещи серьезные, дающие простор для художественного исследования.

Попытаемся разобраться, удалось ли В. Кожевникову «поднять» рассказ о полной приключениях жизни разведчика до уровня серьезного психологического повествования, к которому он явно тяготеет.

Основная сюжетная линия романа связана с отношениями между советским разведчиком Иоганном Вайсом и молодым немцем по имени Генрих Шварцкопф, жителем Риги, который оказывается племянником высокопоставленного нациста Вилли Шварцкопфа. Читатель знакомится с этими героями на первой странице книги и расстается в тот момент, когда автор опускает занавес.

История этой дружбы-вражды полна удивительных драматических поворотов, непредвиденных встреч и превращений

Уже на первых страницах Генрих чуть ли не объясняется Вайсу в любви, хотя сам, чувствуя неожиданность порыва, внушенного ему автором, говорит с извиняющейся интонацией: «Я даже не могу понять: ведь знакомы мы всего несколько месяцев, а у меня такое ощущение, будто ты мой лучший друг».

Легко возникнув, их дружба так же легко расстраивается. «Генрих сообщил Вайсу, что уезжает в Берлин и, возможно, больше они не увидятся». Ни слова о былой дружбе. «Иоганна больно уколало пренебрежительное-сниходящий тон Генриха, та легкость, с которой его недавний друг (?) расстаётся с ним».

Совершенно необъяснимы после этого горячность и энтузиазм, с которыми Генрих заключает в объятия Вайса при их новой и необычайно эффектной встрече, когда Генрих в эсэсовском мундире, с выхваченным пистолетом в руках, готов затеять перестрелку с абверовцами, в числе которых находится Вайс. Не менее эффектна сцена, когда оскорбленный Генрихом Иоганн вызывает «друга» на своеобразную дуэль: предлагает партию в шахматы, ставкой в которой служит жизнь одного из них. Белов-Вайс ввязывается в эту игру, видимо, не без надежды на спасительное вмешательство писателя, иначе трудно было бы объяснить столь не оправданный для разведчика риск. Действительно, все кончается благополучно, и в конце концов Вайс в Берлине смог заняться перевоспитанием Генриха, в душе которого он обнаружил «крохотные, но обнадеживающие остатки совести».

Как видим, в отношениях Иоганна Вайса и Генриха Шварцкопфа эволюция характеров, сложность поведения подменены ошелмляющими неожиданностями и кричащими эффектами. К сожалению, вся история Иоганна Вайса тоже наполнена необъяснимыми психологическими превращениями, которые вытесняют подлинную сложность перевоплощения Александра Белова в гитлеровца Вайса: «Никогда он не предполагал, что самым трудным, мучительным в той миссии, которую он избрал, будет это опасное раздвоение сознания».

Автор неоднократно объясняет читателям: «Иоганн не имеет права самостоятельно распоряжаться своей жизнью, что бы им ни руководило». В другом месте: «Твоя жизнь теперь не будет принадлежать тебе. Это

не твоя жизнь, раз от нее может зависеть жизнь других. И если ты опрометчиво, недобдуманно пойдешь навстречу гибели, то погибнешь не только ты...» Но вопреки этим суждениям герой слишком часто ставит жизнь на карту или даже идет на очевидное саморазоблачение.

Однажды случилось следующее: из деревни, в которой окружен советский гарнизон, вдруг появился одиночный (у Кожевникова — «одинокий») танк. Как и следовало ожидать, он тут же был подбит «хорошо пристрелянными немецкими батареями».

Немецкие офицеры — майор Штейнглиц и капитан Дитрих исходят из естественного в данной обстановке предположения, что машина послана на прорыв, «чтобы получить приказ, как действовать гарнизону дальше». Проницательный Вайс не принимает этого объяснения. Он рассуждает иначе: раз послан бронированный сейф на гусеницах — значит, в нем должен находиться сверхсекретный документ и ему, советскому разведчику, следует уничтожить его, чтобы он не попал к немцам. Ради этого пакета, пренебрегая запретом, Иоганн пускается в рискованное путешествие под огнем. И то, что не удалось сделать полутора десяткам немецких солдат, многие из которых заплатились жизнью, удается ему.

В танке, конечно, оказывается пакет, и не только пакет, а еще в придачу живой танкист, который чуть ли не полночи прождал нашего героя лишь затем, чтобы получить от него указание об уничтожении документа и уходе из танка. Сам он, как видно, не мог об этом догадаться и сделать то, что повелевал воинский долг, да и простой здравый смысл.

Писатель, видимо, чувствует, как шатка основа, на которой держится вся сцена, и пытается усложнить ее глубокомысленными философско-психологическими раздумьями.

«Иоганн тоже боялся, но боялся не смерти: он боялся потерять жизнь, которая ему не принадлежит». Вайс, оказывается, опасался не за себя, а за самого дорогого ему человека. «Он дрожал за цельность этого человека и делал все, чтобы спасти его, уберечь от огромной опасности, которой подверг его Иоганн Вайс».

Подвиг в танке знаменует начало головокружительной карьеры Иоганна Вайса. Теперь он выходит на простор и начинает со-

бирать вокруг себя кадры разведчиков. Но читателя не оставляет впечатление некоторой легковесности и авантюризма в характере героя, мало вяжущееся с нашим представлением о трудной и героической работе разведчика.

Похоже, что Вайс не придает слишком серьезного значения признакам, по каким отобраны люди в гитлеровские разведшколы для работы в советском тылу. Стоит одному из них пренебрежительно отозваться о своем новом положении, как Иоганн берет его на заметку. А узнав через некоторое время, что тот же курсант подрался с бывшим уголовником, вступившись за честь своей жены, наш герой уверенной рукой прикрепляет к его учетной карточке зелененький квадратик: проверен.

Или случай с бывшим капо концлагеря по кличке «Гога». Едва Иоганн заметил, как при провокационных высказываниях начальника разведшколы «мертвые глаза Гоги на какое-то мгновение блеснули зло и насмешливо, а потом снова потускнели, умерли», он мысленно зачисляет его в свой актив. (Угадыванию по глазам в романе вообще повезло. С него начинается распознавание Вайсом другого советского разведчика — Алексея Зубова, скрывающегося под личиной надменного эсэсовца Хагена: «Следя за выражением глаз Хагена, Вайс заметил, что его зрачки — то расширяются, то сужаются, хотя освещение палаты не менялось. Значит, пустая болтовня с Вайсом чем-то возбуждает, волнует Хагена».)

Понимая, однако, что нельзя ограничиться лишь чтением в глазах, писатель присоединяет и другие доводы в пользу Гоги.

Читатель узнает о робкой попытке Гоги воспротивиться казни одного из узников концлагеря. Беда, однако, в том, что Вайсу-то ничего не известно об этом эпизоде и все его выводы по-прежнему основываются на выражении глаз.

В женской разведшколе Вайс наметил себе двух соратниц на том основании, что они отказались сожительствовать с немцами. Старого гравера Бабашкина, который фабрикует подложные документы для немецких диверсантов, он склоняет на свою сторону, вручив ему «полное гнева и презрения» письмо от дочери и дальнего родственника.

Порой кажется, что советские разведчики в книге действуют слишком уж импульсивно и протестушно. Так поступает Зубов, кото-

рый, пренебрегая элементарными правилами конспирации и внушениями Вайса, то и дело подвергает себя и товарищей смертельной опасности провала. Даже опытная разведчица Эльза самым неосторожным образом приходит на помощь связному и попадает в гестапо. Профессор Штутгоф, постоянно напоминая коллегам и подчиненным о бдительности, не соблюдает ее. Навивно ведет себя и сам Вайс — и в сцене похищения Эльзы, и когда он открывается Генриху Шварцкопфу.

Столь же необъяснимо доверчиво относятся к Вайсу и Зубову люди, которых они решили завербовать себе в помощники. Хотя книга пестрит предупреждениями о недоверии, разведничающем всех в гитлеровской Германии, о бесчисленных провокациях и изощреннейших методах работы гестапо, достаточно Иоганну сказать, что московский кинотеатр «Ударник» находится на улице Серафимовича, а Зубову проявить осведомленность в достижениях советского спорта или продемонстрировать свой почерк в стрельбе из автомата, как они завоевывают доверие сомневающихся; иных доказательств, что они советские разведчики, словно бы и не нужно.

В ряде случаев облегченно изображены и объективные условия опасной работы разведчиков. Легко «раскалываются» старый гитлеровец Папке и аристократ Дитрих. Задетые за живое, разбалтывают военную тайну немецкие летчики и танкисты, метеорологи и дипломаты. Гестаповцы выдают секреты абверовцев, а те в свою очередь готовы насолить гестаповцам. И это в условиях, о которых сам автор пишет: «В свое время державы-победительницы раскинули в Германии высококвалифицированную шпионскую сеть, возглавляемую резидентами, обладающими мировой славой. И все же рейхсверу удалось многое скрыть от их недреманного ока. Этим он был обязан блистательной системе сохранения военной тайны и оглично вымуштрованному личному составу, умеющему держать язык за зубами; каждый памятовал, что любая оплошность карается беспощадным приговором военного суда, мгновенно приводимым в исполнение».

Вся эта беллетризованная облегченность заметно снижает наше представление о работе Вайса как разведчика нового типа, разведчика-интеллектуала, добывающего сведения из самых неожиданных, часто

вполне легальных источников информации путем их сопоставления и анализа, разведчика-психолога, умеющего играть на трагических противоречиях и ущемленных страстях.

Зубов рядом с ним выглядит совсем уж беззаботным «практиком». Мир для него прост и ясен. Всю свою жизнь он игнорировал превратности судьбы: любая неудача с лихвой компенсировалась успехом.

Не успела начаться война, как Зубов, тяжело контуженный, попадает в окружение, теряет всех своих однополчан, расстрелянных гитлеровскими карателями. Но тут же начинается полоса везений. Убив полинейского, Зубов «переделался в его мундир, ознакомился с документами и, сев на велосипед, покатил по дороге, но не на восток, а на запад... Благодаря своей нагловатой общительности и самоуверенности он свободно передвигался в прифронтовом тылу»; вступая в разговоры с повстречавшимися ему немцами, он отправлял их поочередно в мир иной, а сам «ловко пользовался нарукавными повязками, снятыми им с убитых». Когда нарукавные повязки перестают помогать, на помощь Зубову приходит барон фон Ганденштейн.

И чем для Вайса был рейд к подбитому танку, сразу повысивший его акции, тем становится для Зубова бильярдный поединок в белостокском казино. «Барон располагал многими возможностями для того, чтобы мгновенно убрать на фронт младшего полицейского офицера. Но проигрыш! Это долг чести...» И барон по предложению Зубова оформляет его на должность начальника складов роты пропаганды.

Зубов (как и Вайс) выступает в романе в двух разных обликах, но эта разность такова, что кажется уже искусственной, придуманной. «Выхоленный, модно одетый красавчик», лошениый немецкий офицер, при виде которого женщины млеют, а генералы восхищаются его породой, который умеет поддерживать светский разговор и вернуть нечто ннцшеанское, — со своими он переходит на речь, уснащенную оборотами и фразами вроде: «сунули замуж», «барахольщица», «я же не супруг с вытекающими отсюда последствиями», «разработали планчик операции», «наловчился действовать аккуратно», «не на чем подковаться», «такая это, понимаешь, морока: овладевать техникой настоящего барина», «обеденным инструментом я овладел», «трепать», «путаться»,

«бытовой информации — с гулькин нос». В такую двойственность Зубова трудно поверить, даже учитывая нужды перевоплощения и конспирации.

С именем Зубова связан, кстати, главный романтический эпизод книги — безответная любовь советской разведчицы Эльзы к Зубову и ее жгучая ревность. Разжигая этот «костер чувств», писатель заставляет, однако, Эльзу подавить их во имя своеобразно понятых служебных обязанностей: Эльза сама приказывает любимому ухаживать для пользы дела за Бригиттой Вейнглинг.

Русский разведчик и прелестная вдова эсэсовского полковника в одном доме. Какая заманчивая ситуация! И писатель делает все возможное, чтобы подогреть угасающее ко второй половине книги внимание читателя. В. Кожевников соединяет трафаретный любовный треугольник и высокую тему перерождения человека, познавшего настоящее чувство. Бригитта из любовницы становится женой и другом Зубова, догадывается о его секретной миссии. Конечно, возможен и такой поворот, но трудный процесс ломки психологии женщины, полный напряженных раздумий и мучительных сомнений, представлен на уровне беллетристики невысокого сорта. С одной стороны, рассказывается о бесконечных муках ревности героини по поводу регулярных ночных отлучек Зубова (ухажавшего на секретные задания и диверсии), с другой — изображено предсмертное просветление Бригитты, которая говорит русские слова, поразившие Зубова: «Хорошо, спасибо, здравствуйте!»

Вся сцена написана так ненатурально, что не вызывает доверия. Вот как рассказывает Зубов о последних минутах любимой женщины: «Бригитта... — Зубов с трудом выговаривал слова. — Два дня была еще немного жива, а потом умерла. Ну, совсем умерла, понимаешь?»

Такое упрощенное изображение человеческой психологии плохо вяжется с авторскими комментариями, которые с полемическим запалом направлены против поверхностных наблюдателей и легкомысленных верхоялдов.

«Иоганн вспоминал свои студенческие годы, споры о Достоевском. Как он был наивен, когда самонадеянно утверждал, что копание в грязных сумерках подполья иска-

леченных душ бессмысленная сладостная пытка, и ничего более! Быть может, это имело какой-то смысл во времена Достоевского. В наших людях нет и не может быть ничего такого, что вызывало бы необходимость подобных способов проникать в их переживания и соболезовать им во имя их спасения.

А вот теперь он должен копаться в грязи человеческих душ, распознавать их, чтобы спасти, вырвать из цепких вражеских рук!»

Авторитет Достоевского привлекается, чтобы лишний раз сказать о неприемлемости наивных жизненных решений, плоских представлений о людях.

Однако в романе В. Кожевникова слишком часто возникает разрыв между декларациями о глубине нравственных коллизий, о сложности жизни и путей истории — с упрощенностью ситуаций и эпизодов, превращающих жизнь в набор счастливых случайностей и удивительных приключений.

В качестве же «философии истории» автор предлагает длинные рассуждения о всем известных и ясных вещах, напоминающие цитаты из популярных учебных пособий. Ограничимся только одним примером: «Разведчик — прежде всего исследователь; он должен видеть взаимосвязь частного и общего, уметь обобщать отдельные явления, чтобы предвидеть возможность наступления вытекающих из них событий. Всякая случайность связана с необходимостью, случайность — форма проявления необходимости. Поэтому так важно видеть связь и взаимодействие явлений. Без отдельного, единичного нет и не может быть общего. Всеобщее существует лишь благодаря единичному, через единичное. Но и единичное, отдельное — лишь часть общего и немислимо вне общего».

Персонажей романа легко загнипотизировать словами, и сами они вместе с автором любят повторять верные, но хорошо известные истины, которые, по их убеждению, объясняют все на свете.

В слове, как в зеркале, отражаются достоинства и недостатки художественного произведения. Торопливость и нетребовательность писателя к самому себе заметна и в языке романа.

Вот некоторые пейзажные зарисовки романа: «светящиеся кристаллы звезд», «скорлупа свежего наста» и «скорлупа льда», герой «готов был улыбаться комьям снега, что лежали на ветвях сосен, пронизанным

острой хвоей и поэтому похожим на белых ежей, вскарабкавшихся на деревья. Ему хотелось дотронуться до них ладонью, погладить их» (ежей?).

С ними соседствуют некоторые портретные характеристики. Об Эльзе сказано: «огромные, казалось, самосветящиеся глаза скрадывали белизну лба». Партизан Пташек «так умел владеть своим лицом, что скулы его обретали мощь бицепсов». У курсанта РОА Ньюки — «курносый зад, затянутый в бриджи», «фрейлин-ефрейтор с белыми, наподобие галифе, и мелкозавитыми волосами».

А вот примеры другого рода. Вайс укладывал наблюдения в «багаж своей памяти». «изучение топографии душ давало ему возможность увереннее передвигаться от человека к человеку». «Обоженный своей догадкой, Иоганн понял, что нельзя терять ни часа, но вместе с тем нельзя терять и голы».

Художник, как и всякий человек, ищущий новое, не застрахован от неудач. С этим надо считаться. Однако доброжелательное отношение к писателю предполагает также нелицеприятную прямоту оценок.

Не только уважение к писателю, но и к читателю заставило нас взяться за перо. Роман многим нравится, пользуется успехом. Иной читатель, утомившийся от нудных и серых книг, смотрит снисходительно на литературные недостатки романа, довольствуясь, видимо, тем, что книга «здорово закручена».

Конечно, проблема может идти рука об руку с интригой, серьезное с занимательным. Но попытку В. Кожевникова соединить рассказ о головоломных приключениях с глубоким психологическим анализом и философскими обобщениями едва ли можно считать удавшейся. Не потому, что это невозможно, как говорится, в принципе, а потому, что литературная нетребовательность и просчеты вкуса способны нанести непоправимый урон произведению любого рода или жанра.

Роману «ИЦит и меч» недостает художественного единства, единства стиля.

В результате книга, от которой можно было ожидать художественных открытий и высокого героического звучания, стала не более чем занимательным повествованием о приключениях разведчиков в тылу врага.

Н. ГЕЙ, В. ПИСКУНОВ.

МЕРА ВСЕХ МЕР

Григорий Бакланов. Карпухин. Повесть. «Литературная Россия», №№ 5, 6, 7, 1966.

Случилось непредумышленное убийство, хотя какое же это убийство? Жертва — Мишаков распил с приятелями на лужке пару бутылок и, расчувствовавшись, вдруг решил навестить родителей, благо они жили не так далеко от случайного места выпивки. Приятели отправились домой, Мишаков зашагал к деревеньке. Но начало темнеть, а ходу оставалось еще километра два, и когда впереди мелькнул свет машины, Мишаков заметался — может, воспользоваться попуткой? Раздумал и даже спустился с шоссе, но потом снова надумал и заторопился вверх по насыпи. В это время Карпухин уже вел машину по крутому изгибу виадукта, и когда несчастный Мишаков выскочил на шоссе и тут же, поскользнувшись, упал, Карпухин успел заметить мелькнувшее в луче лицо и нажать тормоз. Но избежать беды уже не мог.

Если уж искать виноватого, то скорее это сам Мишаков, но ведь и он не искал своей смерти. А Карпухин? Ну что мог сделать Карпухин, что, кроме горя, принес ему этот неизвестный человек, неожиданно выскочивший из темноты на асфальт?

Но судили Карпухина, и дали Карпухину срок, и немалый, как говорится. В виадукту ему было поставлено, что он был пьян за рулем, не то чтобы очень, но все-таки был подвыпивши, а это, по мнению обвинения, и явилось причиной тяжкого происшествия. И свидетели нашли, заявившие, что от Карпухина пахло вином. Правда, сами они были навеселе и странно, что могли учуять запах, но они задержали бежавшего Карпухина, а то, что он бежал, пытался скрыться, тоже было уликой, и существенной. Но суровее всего против Карпухина показывала сама его биография: он уже дважды был судим. За что? Да стоит ли задумываться над этим: две судимости просто так не дадут. Значит, и на этот раз виноват.

Так или приблизительно так думают в повести все — и местные газетчики, напечатавшие рядом с некрологом Мишакова гнезную статью «Лихача — к ответу!», и собравшиеся в зале суда жители районного городка, привлеченные туда больше желанием послушать процесс, нежели какими-либо сомнениями в «верном деле». Даже жена Карпухина и та не может противить-

ся общему мнению: после заключения Карпухин крепко пил, одно время дал зарок не пить, потому что боялся сорваться. Выходит, теперь сорвался...

В виновности Карпухина уверены все, кроме, может быть, молодого следователя Никонова, проявившего, однако, в этом деле не только неопытность — это было бы еще полбеды, но и малодушие, слабохарактерность — вот что обернулось бедой и несчастьем для Карпухина. И все в этом уверены, кроме читателей: почти с самого начала повести они знают, что Карпухин ни в чем не виновен.

И в этом известное своеобразие и отличие повести Григория Бакланова от многочисленных в последние годы произведений разного объема и рода, материал которых почерпнут из зала суда или комнаты следователя, — с бойко зазывными заголовками и ловко запутанной интригой, откровенно детективных или, напротив, с психологией, нравственным поучением. Книжеч и брошюр разных, но чем-то удивительно похожих одна на другую, хотя, надо признать, товар этот не залеживается на рынке и расходуется, как никакой другой, при больших, иногда фантастических тиражах изданий. И это тоже еще ждет своего исследователя, может быть, социолога, психолога, не только литератора: объяснять широкое распространение такого чтения тем, что оно занято, легко и доступно самому неразвитому уму — значит еще ничего не объяснить. Принцип тут много, и не самая последняя та, что литература эта — худо ли, хорошо ли — пытается понять и объяснить быт совсем не казовый и поступки далеко не образцовые — то, что в жизни мы встречаем не так уж редко, а на страницах печати даже всего в кратких заметках «Из зала суда» и «Происшествия», ютящихся обычно в самом нижнем углу последней газетной полосы. Жажда на такого рода литературу естественнее и здоровее, чем мы порой думаем, тем более что еще не так давно она оставалась почти совсем без утешения. И тем более важно, чтобы к такому материалу прикасалось не только на все готовое перо ремесленников, а то и самых вульгарных халтурщиков, но и писателей, серьезно и напряженно осмысливающих реальные жизненные процессы.

Повесть Бакланова ближе к судебному очерку — не криминалистическому, получившему особое распространение на Западе, а именно судебному, когда автора интересует не столько история преступления, сколько преступник как социальный, общественный тип и характер. Шерлоку Холмсу и его создателю нечего было бы мучиться в мултанском деле или деле Бенлиса, — процессы эти были созданы искусственно. Очерки же русских писателей о процессах по этим делам в свое время были захватывающим и волнующим чтением, и при этом чтением самым серьезным, позволявшим судить не только об обвиняемых и обвиняющих, но и о том, какие силы за ними стояли.

Говоря о близости к старому доброму судебному очерку, я не хочу, чтобы это было понято в смысле жанровом. Конечно, «Карпухин» не очерк, а повесть — небольшая, компактная, собранная и вместе с тем написанная как бы неспешно, неторопливо, без тяги к модной «динамичности» стиля. Я хочу лишь подчеркнуть реалистичность ее основы и желание писателя понять суть и глубину судебной истории. Бакланова интересует не столько само «дело» Карпухина, а то, как «дело» было создано и как человека засудили, и засудили крепко. Ошибка ли это, особенно нетерпимая в такой сфере деятельности, как суд, ибо такие ошибки дорого обходятся обществу, людям? Или что-то большее, указывающее на определенное явление?

Повесть отвечает на это внятно и четко, но ответ этот неоднозначен. Да, случай с Карпухиным не так уж ясен с первого взгляда, как это может показаться читателю, знающему в отличие от персонажей повести, что Карпухин не виноват. Но и не так темен этот случай, чтобы вовсе не найти истины и допустить ошибку, которая сама равна по своим последствиям преступлению, ошибку особого рода и свойства, доводящую много человека до той точки отчаяния, когда только и остается махнуть рукой: «Э-э, да что там, разве есть правда на свете? Нет ее!..»

Как раз это самое и происходит с Карпухиным. «Карпухин поднялся за загородкой, которая пока что символизировала то, что ждало его. Губы его двигались, словно улыbnуться хотели, но он молчал и только бледнел все сильнее с каждой минутой, отчего видна стала щетина на лице, выступившая за один день. Зал смотрел на него.

Так ничего и не сказав, он вдруг махнул рукой:

— Да ладно!..

И сел, уронив голову.

Суд удалился на совещание».

Кто же виноват в том, что человека довели до такой точки, откуда у него возникла и укрепилась немудрящая, но им-то самим проверенная философия: «Жизнь-то, она полосатая. В какую полосу попадешь. А мне везет: все через раз попадаю и все не в ту полосу. Это все равно, как не успел на зеленый свет проскочить, и тебе до конца уж у каждого светофора останавливаться. Только подъехал — стоп! Красный свет. А те идут в зеленой волне, им ветерок в стекла».

Так кто же отнял у Карпухина веру в справедливость?

На фронте это был начальник особого отдела, который видел, как кто-то завел колонну автомашин на гиблое открытое место, где их и разметало вражеским огнем, видел и счел первого попавшегося Карпухина виновным, не зная, что Карпухин выполнял ошибочный приказ старшего над собой начальника. Но в штрафной Карпухин скоро отвоёвался, заслужил прощение, да и в трибунале поняли, что он не был виноват. Сам начальник особого отдела приехал и извинился. Командир батальона сказал Карпухину, что за последнюю операцию в штрафной роте он награжден медалью «За отвагу».

Казалось бы, все, фронтовая история кончилась для Карпухина благополучно. Но командир батальона «сказать-то сказал, а проверить уже не успел: его на другой день убило. И мне тоже ни к чему. Знать бы, конечно, а то я в уверенности находился. А уж после войны, как стали меня опять судить, раскрыли бумаги, а там все мое прохождение записано. Я, было, туда-сюда, объясняю, как оно и что, а кто ж мне поверит? Вот и вам тоже рассказываю, а вы слушаете и, может, не верите мне, доказать мне все равно нечем».

«Ну что вы! — отвечает на этот рассказ Карпухина следователь Никонов. — Когда человек говорит правду, ему не верить нельзя».

Святые слова говорит Никонов, но как раз ему-то самому верить нельзя. Уже было встрепетулся Карпухин, забрезжила в нем надежда, что на этот раз поймут и поверят: не виноват он, не был он тогда, — но

так же быстро и сник. Очень скоро обнаружилось, что добрый порыв Никонова мало чего стоил, и вон он уже замечает в Карпухине «те неприятные черты, которых не замечал раньше». Перестроился. И подписывает Никонов обвинительное заключение без каких-либо угрызений совести: «Если мы ошиблись, суд нас поправит». Жестокая, если вдуматься, мысль, жутким холодом равнодушия к человеку везет от нее.

Именно Никонов, порывающийся делать добро, располагающий поначалу Карпухина к себе своей искренностью, участием, видимым желанием установить истину, но тут же пятящийся назад и после одной бессонной ночи уже успокоившийся, именно Никонов больше всего ударил по Карпухину и растоптал последние искорки веры в справедливость, еще теплившейся в душе измученного человека, жизнь которого вот уж действительно не задалась.

Может быть. Никонов всего лишь молодой, малоопытный следователь с характером не сильным, а скорее податливым? Вот он поверил Карпухину, и даже взволновался его печальной исповедью, и заготовил в уме убедительные слова в его защиту, которые он произнесет перед прокурором — красивые правильные слова, — но чуть ли не на следующее утро уже пасует перед безапелляционностью суждений прокурора, от его красивых правильных слов остается лишь эфир, облачко, и начинает изговариваться некрасивое и неправильное дело.

Но понять Никонова без силы, которая на него давит, воздействует и в конечном счете формирует, нельзя. Сила эта — Овсянников, прокурор. Уже первое знакомство с ним достаточно выразительно (кстати, Бакланов сразу же, как говорится, выкладывает в повести карты на стол и пишет полчаса подчеркнуто, с нажимом, чтобы у читателя с самого начала не оставалось сомнения, что за персонаж появился перед читателем. И это не производит впечатления нарочитости, напротив, воспринимается как прямота, откровенность, не позволяющая себе никакой хитрости с читателем; тоже старая добрая манера!).

«Овсянников не задумывался над тем, почему он, в сущности, неприветливо встречает людей, входивших к нему в кабинет, с первой минуты создавая не обстановку наибольшего благоприятствования для них, а как бы ставя преграду. Делалось это

инстинктивно, из чувства охранительного, а со временем стало привычкой, потому, быть может, что ни с чем хорошим люди к нему не шли. И когда человек входил, заранее уже волнуясь и робея, Овсянников воспринимал это как естественное состояние, в котором и должен в его присутствии находиться человек».

Овсянников не доверяет людям в силу установившейся с годами привычки. Но профессии, имеющие дело с судьбами людей, считаются особенно гуманными. Овсянников так и понимает свое прокурорское назначение. В предчувствии смертельной болезни, подающей знаки неожиданно вспыхивающей болью, худой, изможденный, он поднимается на суде, чтобы произнести свою, как он думает и уверен, последнюю речь, и в этот момент «аудиторией его был не только этот зал — он обращался к людям, потому что все, что он делал сейчас, он делал для людей... С той нравственной высоты, на которую он поднялся, он видел далеко и мог требовать самого большого, даже жертв, потому что сам жертвовал сейчас собою ради людей».

Что же это за нравственная высота, на которую поднялся Овсянников? Высший гуманизм и справедливость — ни больше, ни меньше. «Как я их понимаю», — добавляет, правда, Овсянников, но это так, ради приличия: он убежден, что так, как он понимает, понимают все. И Овсянников говорит действительно правильные, верные слова: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от законов его... Наш с вами высокий гуманизм — это гуманизм для всех, для общества в целом и потому для каждого его члена в отдельности... мы не отбрасываем его (Карпухина. — А. К.), а даем возможность задуматься и по истечении определенного срока вернуться в общество и восстановить те связи с людьми, которые сам он порвал».

Все вроде правильно, но почему же чем дальше мы слушаем прокурора, тем сильнее и сильнее растет в нас чувство протеста? Да потому, что перед высокопарным величием отвлеченных истин, где-то внизу, как у высокой глухой стены, потерялся живой, реальный Карпухин. По сути дела его нет и в речи прокурора. Захлебываясь страстными словами, Овсянников говорит, имея в виду «не столько уже этого Карпухина, как Карпухина вообще, собирательного...».

Так нравственная высота становится высотой абстрактных и рассудочных умозаключений, совсем не соответствующих духу и смыслу коммунистической морали, и от нее надобно решительно отсечь эпитет «нравственная». Впрочем, и высотой она тоже не останется. Потому что нравственно то, что истинно, то, что согласуется с правдой, правдой конкретной и не подвергаемой растяжению или сжатию в соответствии с абстрактными положениями. Приходится повторять: истина всегда конкретна, и жалкий, заранее осмеиваемый прокурором защитник, который, конечно же, будет «призывать нас к человечности», нам ближе, чем витающий в разреженных высотах холодных истин прокурор. «Высший» же гуманизм оборачивается, если хотите, самым пошлым эгоизмом: боль в боку волнует Овсянникова куда больше, чем судьба обвиненного им человека.

Но Овсянниковым хоть движут какие-то идеи, пусть воспринятые умом прямолинейным. В убежденности ему все-таки не откажешь. Но у такой несамостоятельной убежденности есть свое логическое продолжение. И оно выведено в повести в лице народного заседателя Постникова. Замечание одного из персонажей о том, что «только суд, то есть мы с вами, может признать человека виновным или снять с него обвинения», — она не способна взять в толк. «Она доверяла следователю. Она доверяла председателю суда. Она вообще доверяла тем лицам, которые заслуживают доверия, потому что недоверие оскорбительно и недостойно человека. И только тем, кто доверия не заслуживает, она не доверяла».

Это уже слепое орудие, с помощью которого можно наломать бог знает каких дров. Не случайно судьбе Сарычеву, человеку одних взглядов с Овсянниковым, Постникова ближе, чем рассуждающий о чем-то стран-

ном Владимиров. Что тут думать, когда дело ясное!

А дело совсем не ясное... В полной уверенности, что долг исполнен, как полагается, расходятся по домам те, кто свершил правосудие. А правосудие было попрано. «Как же так получилось, что все они, незлые люди, принесли в жертву такого же, как они, человека по фамилии Карпухин?» Это спрашивает самого себя Никонов, он чувствует себя самым виноватым, но как бы и эти его переживания не оказались летучими. Или он найдет в себе силы и мужество понять, «как же так получилось?»

Повесть, повторяю, отвечает внятно и четко: получилось из-за малодушия, отсутствия гражданского мужества у таких, как Никонов, из-за формального, чиновничьего подхода к человеку у таких, как Овсянников, из-за слепой исполнительности таких, как Постникова. И это свойство не следователя такого-то и прокурора такого-то. Они еще гнездятся в душах некоторых людей — и робость перед часто повторяемым суждением, и неразвитость гражданского сознания, и непривычка к самостоятельным размышлениям...

Вроде бы не злые люди... А ведь они совершили преступление. Там, где преступления не было, его создали. Оно возникло на почве равнодушия к человеку, не к тому абстрактному человеку вообще, который удобно вставляется в привычные словосочетания, а к конкретному горемычному Карпухину, которого надо было понять, разобраться в его беде — только и всего. Это и было бы гуманизмом, гуманизмом подлинно высшим, социалистическим, ничего общего не имеющим с псевдогуманизмом овсянниковых, высокомерно замечающих единственную меру всех мер в нашем обществе — человека.

Об этом твердо говорит в своей отличной повести Григорий Бакланов.

А. КОНДРАТОВИЧ.

★

ДОБРОЛЮБОВСКИЙ СБОРНИК

Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький. 1965. 366 стр.

Много книг и статей написано о Добролюбове, но все еще нельзя сказать, что его литературно-эстетические взгляды изучены достаточно глубоко и всесторонне. Есть немало вопросов, почти не тронутых

исследователями, есть и такие, которые до сих пор вызывают споры, полемику между ними. Вот, например: каково соотношение критического и публицистического начала в работах Добролюбова? Какова роль каж-

дого из них? Какое начало преобладает в его литературных анализах?

Мимо этих принципиально важных вопросов не прошли и авторы сборника, подготовленного кафедрами русской литературы и истории Горьковского университета имени Лобачевского. Но отвечают они на эти вопросы по-разному. Например, Е. Маймин (Псков) в работе «О некоторых особенностях стиля критических статей Добролюбова» исходит из убеждения, что Добролюбов по природе своей публицист, агитатор, лишь в силу необходимости вынужденный заниматься разборами литературных произведений, то есть критикой в собственном смысле слова. «Литературная критика у Добролюбова в известной мере является лишь иносказанием для злободневных публицистических суждений». Касаясь знаменитых публицистических отступлений в статьях Добролюбова, автор доказывает, что в них заключено «самое важное», то самое, во имя чего написана вся статья (речь идет о статье «Когда же придет настоящий день?»).

Если даже и есть в этих суждениях доля истины, то все-таки нельзя не признать, что они умалют роль Добролюбова как художественного критика, как литературного деятеля, влиявшего непосредственно и на литературный процесс, и на умы своих читателей. Да, сила его как публициста и агитатора была велика, но разве это мешало ему создавать глубоко профессиональные и эстетически тонкие разборы романов, пьес и повестей? Нужно ли отрывать одно от другого? Кстати, больше русские писатели, о которых писал Добролюбов, далеко не являясь его едичными мысленниками, тем не менее не раз отдавали должное его критическому таланту и мастерству. Гончаров, прочитав «Что такое обломовщина?», восхищался умением критика проникнуть в замысел и представления художника. «Да как же он, не художник, знает это?» — удивлялся автор «Обломова», глубоко удовлетворенный тем «эстетическим анализом», которому подверг Добролюбов его роман.

Все это довольно известно и довольно очевидно. Е. Маймин и сам ощущает уязвимость своей позиции, поскольку в конце статьи говорит о некоторой односторонности собственных выводов, основанных на предпочтении публицистического элемента в статьях Добролюбова. Но эти оговорки

не меняют сути дела. А суть дела в том, что, по мнению автора, Добролюбов основную свою задачу «видел не в критике, а в революционной агитации». Столь искусственное противопоставление все еще мешает уяснить подлинный смысл критической деятельности Добролюбова.

Рядом со статьей Е. Маймина в сборнике мы находим работы, авторы которых озабочены тем, чтобы углубить наше представление о Добролюбове как литературном критике, рассмотреть его критические статьи как некое единство различных элементов — жанровых и стилистических. Так, В. Кожин в статье «Теория литературного творчества в работах Добролюбова», выясняя принципы подхода критика к анализу литературных произведений, стремится опровергнуть давние упреки в адрес Добролюбова, будто бы он «игнорирует художественную природу литературы, относится к произведениям только с точки зрения отраженных в них жизненных фактов...»

Еще больше доводов и возражений, отводящих эти упреки, содержит обстоятельная работа М. Зельдовича (Харьков) «Проблема творческого метода писателя в критике Добролюбова». Автору удалось заново прочитать основные добролюбовские статьи с точки зрения изучения их общественно-эстетической проблематики — соотношение публицистичности с литературным анализом, принципы изображения человека (принципы типизации), вопрос о роли мировоззрения и т. д.

Углубляясь в изучение статьи «Когда же придет настоящий день?», автор выявляет те приемы, какие позволили критику определить объективное содержание романа как художественного целого. Добролюбовский анализ развивается в двух планах — это анализ художественного отражения жизни в романе и анализ самой отражаемой жизни, которая в конечном счете служит и средством оценки романа Тургенева, и формой утверждения революционно-демократического взгляда на русскую действительность. При этом особую роль в статье Добролюбова играет элемент публицистики, которую автор рассматривает как прямое продолжение литературного разбора. Если центральная проблема литературного анализа — проблема «нового героя» в романе, то центральная проблема добролюбовских публицистических отступлений — проблема «нового героя» в русской жизни, то есть

по сути дела проблема русской революции. Так две формы анализа — эстетическая и публицистическая — как бы переходят одна в другую, предвстая в тесном единстве.

Эстетических взглядов и критического мастерства Добролюбова касается и горьковский ученый Г. Краснов в статье «Проблема народного характера в эстетике Добролюбова». В ней привлекает широкий подход к теме, стремление опереться на свежие материалы в трактовке одного из важных моментов эстетики Добролюбова. Автор показывает, сколь существенны были для критика вопросы, связанные с изображением в литературе народного характера и народной жизни вообще. Недаром он едва ли не в каждой своей статье так или иначе возвращался к этим понятиям, связанным с его эстетическим идеалом, с его концепцией положительного героя.

В статье Г. Краснова интересны замечания, направленные против упрощенного толкования художественного метода писателей демократического лагеря. В некоторых работах недавнего времени делались попытки рассматривать произведения этих писателей как иллюстрации к идеям Чернышевского или как простое подражание, скажем, Некрасову. В одном научном издании тенденции этого рода выражены следующим образом: «Отвечая на требования, сформулированные в статье Чернышевского «Не начало ли перемены?», Решетников изображал без всяких прикрас положение крестьян». Автор справедливо указывает, что подобный подход к делу приводит к тому, что все писатели-шестидесятники лишаются индивидуальных черт и становятся похожими друг на друга.

В сборнике выделяется работа Ю. Левина (Ленинград), обстоятельно и свежо анализирующая полемику Добролюбова с Тургеневым в связи с его статьей «Гамлет и Дон-Кихот». Литературно-общественная борьба вокруг этой статьи, отношение к ней в лагере «Современника» прослежены автором едва ли не с исчерпывающей полнотой. То же можно сказать о работе историка В. Пугачева (г. Горький) «К вопросу о тактике Н. А. Добролюбова в годы первой революционной ситуации». Здесь дан исторический очерк борьбы демократии с либеральной идеологией в России; автор показывает, что в этой борьбе Добролюбов занял позицию еще более резкую и непримиримую, чем Чернышевский.

Среди работ, посвященных частным вопросам, заслуживает внимания статья В. Грехнева (г. Горький) «Творчество В. А. Соллогуба в оценке Добролюбова». Речь идет об одном из ранних выступлений Добролюбова (1857), которое ознаменовало собой начало борьбы критика против либерально-дворянской литературы. Рецензия на сочинения графа Соллогуба, как и многие другие рецензии Добролюбова, не подвергалась до сих пор специальному изучению.

Автор статьи, ознакомившись с ранней прозой Соллогуба, восполнил известный пробел в изучении добролюбовской рецензии. Он указал, что Добролюбов был не прав, обойдя молчанием элементы критики светского общества, заключенные в лучших повестях Соллогуба, когда он, ненадолго поддавшись веяниям времени, испытал воздействие «натуральной школы». Автор отметил также, что Добролюбов с излишним упорством рассматривал взгляды и творчество писателя как нечто постоянное, лишённое движения. С этим можно согласиться, однако этого недостаточно, чтобы понять смысл весьма сложной, многоплановой и к тому же написанной с оглядкой на цензуру рецензии Добролюбова. Некоторые выводы В. Грехнева покажутся весьма шаткими, если принять во внимание иронический тон рецензии и ее насквозь памфлетный характер. Многие в ней следует понимать не буквально, а иное — прямо наоборот. Это относится и к бесчисленным похвалам таланту беллетриста, и к замечаниям относительно постоянства его убеждений. Например: «Талант его так же блестящ и цветущ теперь, как прежде; деятельность не прерывалась, убеждения тверды по-прежнему...» — это сказано после убийственного, хотя и спокойного по тону разоблачения дворянско-монархических предрассудков и «кровных связей» Соллогуба со «светом», а также художественной беспомощности поздних его сочинений. Кроме того, многое в рецензии относится не столько к самому Соллогубу, сколько вообще к дворянскому либерализму, с которым воевал Добролюбов; имея в виду некоторых персонажей этого писателя, он критиковал ненавистный ему тип либерального фразера («...слова его никогда не сходятся с поступками»).

Рассуждая о рецензии Добролюбова, мы должны считаться не только с полемич-

ностью задания, стоявшего перед критиком, но и со всей сложностью литературно-политической обстановки, в которой писалась его рецензия. А идеализация творчества Соллогуба может только помешать уяснению значения одного из важных выступлений Добролюбова.

В добролюбовском сборнике есть и еще немало интересных материалов, затрагивающих малоработанные темы. Такова прежде всего работа Б. Егорова (Ленинград), озаглавленная «И. А. Пиотровский — ученик Чернышевского и Добролюбова». Здесь впервые собраны все имеющиеся сведения о забытом, рано погибшем литераторе-шестидесятнике, принадлежавшем к кругу «Современника». Добролюбовского окружения касается и Д. Балака (г. Горь-

кий) в работе, посвященной Б. И. Сциборскому, одному из близких друзей критика, его однокашнику по педагогическому институту, долгое время преподававшему в Нижнем Новгороде. По-своему любопытные воспоминания И. И. Давыдова, директора педагогического института, не скрывавшего своей ненависти к студенту Добролюбову, опубликованы С. Рейсером (Ленинград).

Сборник, выпущенный в Горьком, несомненно, займет свое место в литературе о Добролюбове. Эта большая и серьезная работа показывает, что вокруг Горьковского университета складывается сильный коллектив историков литературы, которым по плечу большие научные задачи.

В. ЖДАНОВ.

★

СКАЗОЧНИК И СКАЗКА

Владислав Ванчура. Кубула и Куба Кубикула. Повесть-сказка. Пересказ с чешского Д. Горбова. «Детская литература». М. 1965. 78 стр.

«Во времена шапок с ушами были жестокие зимы...» — так начинается сказка чешского классика Владислава Ванчуры «Кубула и Куба Кубикула». Прочтешь это — и перед тобой раскрывается мир, где все по-иному, таинственно преображено: следствия порой меняются местами с причинами, солнце светит горячо, молодое и зорко, будто все ему в диковинку.

Все преображено, но по строгим сказочным законам — именно так, чтобы добро и зло, ложь и правда — главнейшие нравственные понятия, составляющие душу человечества еще со времен, когда люди, зажигая первые костры и создавая первые мифы, стали согревать свою землю, — чтобы все эти понятия встали перед нашими глазами не заслоненные мелочами, во всей своей силе.

Главные нравственные понятия — о них приходится здесь говорить потому, что без этого сразу заблудишься в мире сказки. Мы иногда воспринимаем эти понятия, не ощущая чуда, заключенного в них, величайшего, быть может, чуда на земле за тысячелетнюю работу человеческого гения.

Сколько сменилось поколений, сколько бед и страданий претерпели люди и сколько одержали побед, пока в бесчисленных проявлениях неправды, обмана, корысти разглядели одно общее, основное понятие —

«ложь». И пока создали враждебные всякой двусмысленности великие слова — «п р а в д а», «д о б р о», «л ю б о в ь».

Слова эти — первые литературные произведения человека. Какой огромный, необъятный опыт заключен в каждом таком слове. Эти основные понятия создавались многовековым трудом, оправданным тем, что ведь творились они навечно. Нельзя не поражаться тому, что народы, обитающие так далеко друг от друга, разделенные не только океанами, но и совершенно разными укладами жизни, — все без исключения создали эти основные понятия, вложив в них кровно близкий смысл, хотя шли к ним совсем различными путями.

Эти понятия выдерживали самые жестокие испытания. Правду не раз пытались полменить ложью.

Словно предвидя эту опасность искажения понятий, без которых немислима настоящему человеческая, справедливая жизнь, даже самая борьба за такую справедливую жизнь, люди создали сказку. И тоже — не один какой-либо народ, а все без исключения народы, на всех разделенных океанами континентах. В сказке правда всегда выступает в чистой, не замутненной никакими привходящими, внешними обстоятельствами форме. Корыстный богач, и лжец, и человек, идущий к власти через

реки крови, никогда не становятся героями сказки, никогда, ни в какую эпоху, ни у одного народа, даже когда такие люди властвуют в трудном «несказочном» мире.

Она — сказка — адресована прежде всего детям и благодаря не одному этому, но и этому тоже — хотя бы частица каждого нового поколения, даже начинающего жизнь в эпохи господства кровавой жестокости и лжи, в эпохи инквизиции или гитлеризма, — вступает в сознательную борьбу за будущее, вооруженная знанием черного и белого, чувством справедливости.

Сказка проникает в душу ребенка, чтобы сохраниться навсегда, во всяком случае до той поры, пока человек остается человеком. Она смывает с главных понятий человеческой морали наносную ложь.

«Кубула и Куба Кубикула» — одна из таких сказок. В ней действуют дети, звери и люди, одаренные чистым детским взглядом на мир: медвежонок Кубула, вожатый медведя Куба Кубикула, маленькая, трогательно добрая дочка кузнеца Лизанька, ребята из поселков Грибы-Грибочки и Горшки-Поварешки. И действует, освещает все происходящее веселой мудростью, озорной шуткой живой народный чешский язык.

Пересказывать сказку трудно, да и зачем выманывать героев со страниц, где им так свободно, просторно и радостно живет. Но об одном действующем лице все-таки нужно сказать хотя бы несколько слов, настолько оно ново для всей мировой сказочной литературы. Я имею в виду Барбуху — медвежье страшилище.

Барбуха возникает из ничего, лишь только страх проникает в доброе и наивное сердце медвежонка, он ссыхается, тает, когда от солнечного света и дружеской шутки товарищей, а больше всего — от правды страхи рассеиваются, и он растет, когда в темноте, в одиночестве страх подчиняет себе слабые сердца. «Для нас тут нет ничего удивительного: мы ведь знаем, что страшилища питаются страхом», — пишет Ванчура. И не только такие безобидные страшилища, как Барбуха, но и бесконечно более опасные. Да, действительно «во времена шапок с ушами были жестокие зимы»; тут не просто волей сказочника следствие поменялось местами с причиной. Когда мир только начинает остывать, если не согреть его, не забить вовремя тревоги, может воца-

ряться убивающий все живое мороз, — как было уже не раз в истории. Могут воцариться страшилища не чета слабенькому медвежьему Барбухе с его тоненькими жалами и дымной шерсткой. А согреть мир в такие опасные переломные моменты можно только теплом своего сердца, своей кровью.

Владислав Ванчура всегда помнил об этом, и думы об этом, героическое участие в борьбе с фашизмом сообщили немеркнущую силу его творчеству.

В Освенциме, в день, когда наши танки, неся свободу, прорвались сквозь колючую проволоку, среди множества полумертвых узников этого проклятого лагеря я встретил одного актера и сказочника и услышал от него сказку о злом колдуне, который сделал так, что стрелки волшебных часов стали идти назад — в средние века, в эпоху Варфоломеевской ночи, пыток инквизиции. Они уже не пели свое вечное «тик-так», а громче и громче, как барабаны на плацу, отбивали звуки, похожие на воронье карканье: «карр-карр».

«Есть люди, — говорится в этой сказке, — которым дано уловить первое, неуверенное еще карканье, и предупредить человечество».

Таких людей вешают или сажают на электрический стул. Посылают за колючую проволоку. Сжигают в кремационных печах.

И есть другие люди, которым тоже дано услышать первое карканье. Но они молчат. Пусть лучше других травят, вешают, сажают на электрический стул, сжигают».

...Нет, сказка далеко не только простая забава. Когда часы идут назад, страх овладевает людьми, и на землю опускается жестокая стужа. И сказочникам в такие времена приходится особенно тяжело, потому что сказка служит добру, правде, справедливости...

Владислав Ванчура, замечательный чешский писатель, мужественный борец за свободу, был расстрелян фашистами, погиб, как в Польше был замучен и погиб другой великий сказочник — Януш Корчак.

Но и погибая, Ванчура знал, что страшилища питаются страхом. И если уничтожить этот страх в душах, они неизбежно будут побеждены человеком.

А. ШАРОВ.

Политика и наука

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Экономическая энциклопедия. Промышленность и строительство. «Советская энциклопедия». М. Том 1. 1962. 952 столбца. Том 2. 1964. 960 столбцов. Том 3. 1965. 960 столбцов.

Литература энциклопедического характера получила за годы советской власти большое развитие. Однако до последнего времени не было энциклопедии экономических знаний, потребность в которой становилась все более настоятельной. Сейчас этот пробел частично восполнен. Завершено издание капитального труда — трехтомной Экономической энциклопедии, охватывающей две важнейшие отрасли народного хозяйства — промышленность и строительство.

Это справочное пособие по вопросам конкретной экономики создано большим коллективом ученых-экономистов и практических работников. Объясняя свыше двух тысяч терминов, энциклопедия дает краткое изложение основных экономических понятий. Читатель, интересующийся развитием экономики и ее важнейших отраслей, почерпнет из энциклопедии систематизированные сведения по экономической теории, народнохозяйственному планированию и управлению, техническому прогрессу, размещению производительных сил, экономике и организации производства в промышленности и строительстве.

Многие статьи экономической энциклопедии приобретают особое значение в связи с Директивами по пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1966—1970 годы. Этот документ, принятый XXIII съездом КПСС, имеет огромное значение для дальнейшего развития нашей страны по пути к коммунизму.

Примечательной особенностью Директив является то, что они не только указывают основные цели нашего развития, но и намечают наиболее эффективные пути их достижения, действенные меры практической реализации основных положений плана.

Хотелось бы прежде всего отметить в энциклопедии серию статей о народнохозяйственном планировании, управлении, экономическом стимулировании производства. Материалы, содержащиеся в этих статьях, приобретают особое значение в связи с решениями сентябрьского (1965 года) Пленума ЦК КПСС. В них убедительно показано, что

достижение максимальных хозяйственных результатов при минимуме затрат требует строгого сочетания централизованного планового руководства с системой последовательного развития хозяйственного расчета предприятий и объединений.

В статье «Демократический централизм в хозяйственном строительстве», «Перспективные и текущие планы», в серии статей, посвященных системе балансов, и других убедительно показано, что централизованное плановое руководство народным хозяйством — важнейшее преимущество социализма, полностью себя оправдавшее. Однако характерная черта развития демократического централизма в управлении народным хозяйством в новых условиях — значительное сокращение функций центральных, а также республиканских органов в управлении предприятиями и объединениями.

В статьях энциклопедии подчеркивается, что народнохозяйственный план призван прежде всего выражать общегосударственные интересы. В нем должно найти отражение творческое сочетание инициативы и предложений местных органов с экономически обоснованными проектировками центра. Планирование — это не просто экономическая деятельность, а разработка социальных проблем, связанных с повышением уровня жизни народа. Это тем более важно подчеркнуть сейчас, имея в виду, что мероприятия по совершенствованию планирования, одобренные Пленумом ЦК КПСС, предусматривают повышение роли перспективных планов развития народного хозяйства страны. Основной формой планового руководства народным хозяйством должен стать пятилетний план с распределением важнейших задач по годам.

Вместо развернутого плана по большому кругу показателей до предприятий будут доводиться только главные плановые задания: объем реализованной продукции, основная номенклатура изделий, фонд заработной платы, объем централизованных капиталовложений и ввод в действие производственных мощностей и основных фондов, важнейшие задания по внедрению но-

вой техники, сумма прибыли и рентабельность, размер платежей в бюджет и ассигнований из бюджета, показатели материально-технического снабжения. Предприятия на основе этих главных заданий государственного плана сами будут разрабатывать свои планы по остальным показателям, в том числе и по таким, как численность персонала, производительность труда, себестоимость продукции.

Решить такую важнейшую задачу, как повышение технического уровня промышленности, быстрое внедрение в производство лучших достижений науки и техники, можно лишь при квалифицированном отраслевом управлении промышленностью, обеспечивающем единую техническую политику в каждой из ее отраслей. Пленум ЦК КПСС пришел к выводу, что в интересах дальнейшего успешного развития советской экономики управление промышленностью должно быть организовано по отраслевому принципу.

Значительное число статей энциклопедии посвящено проблемам экономики промышленности и ее отраслей. Наиболее обстоятельными среди них нам представляются «Промышленность СССР», «Структура промышленности СССР», «Классификация отраслей промышленности», а также статьи, характеризующие концентрацию и специализацию производства, основные фонды и т. д.

Одно из основных направлений борьбы за более высокую эффективность производства — существенное улучшение структуры народного хозяйства вообще и промышленности в частности. Практически эта задача заключается в повышении удельного веса таких отраслей, как химическая промышленность, машиностроение, энергетика.

Впервые в нашей научно-справочной литературе читатель получит обширные сведения об экономике отдельных отраслей промышленности. В энциклопедии содержится богатый фактический и нормативный материал по таким комплексным промышленным отраслям, как машиностроение, химическая, топливная, тяжелая, легкая промышленность, — всего в ней охарактеризовано около сорока отраслей промышленности. Приводятся также технико-экономические данные по специализированным отраслям (электротехника, химическое машиностроение, сельскохозяйственное машиностроение и другим), а также подробные

данные о состоянии, перспективах развития и технико-экономических показателях отдельных заводов различных типов производства («Автомобильная промышленность» и «Автомобильный завод» и т. д.). В статьях дан большой, тщательно обработанный фактический материал о динамике производства, технической оснащенности, технико-экономических показателях производства.

В статьях «Технический прогресс», «Автоматизация производства», «Механизация», «Электрификация», «Химизация народного хозяйства» и ряде других рассматриваются основные направления технического прогресса, вопросы экономической эффективности внедрения новой техники и капитальных вложений, экономического стимулирования технического прогресса.

Максимальное ускорение технического прогресса партия считает важнейшей экономической задачей. В. И. Ленин неоднократно указывал, что технический прогресс — это постоянная закономерность, присущая всем отраслям материального производства, в том числе и таким специфическим, как сельскохозяйственная. Еще в 1901 году, критикуя сторонников «закона убывающего плодородия», В. И. Ленин писал: «Технический прогресс — «временная» тенденция... Это совершенно все равно, что сказать: остановки поездов на станциях представляют из себя универсальный закон парового транспорта, а движение поездов между станциями — временная тенденция...»

Научно-технический прогресс вносит подлинный переворот в экономику, вызывает прежде всего необходимость коренного совершенствования планирования. Перспективный характер планирования органически вырастает из развития техники. «...Экономист, — говорил В. И. Ленин, — всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отстающим...» Практика показывает, что перспективный план должен прежде всего базироваться на научно обоснованной концепции развития, учитывающей возможности использования мировых достижений научно-технической мысли. Конкретные планы внедрения науки и техники становятся органической составной частью плана развития народного хозяйства.

В статьях энциклопедии показано, что главный источник роста производства — достижение высокой производительности труда. При освещении этой проблемы наряду

с теоретическими положениями показаны факторы и резервы роста производительности труда.

Читателю необходимо иметь в виду, что в свете решений сентябрьского (1965 года) Пленума ЦК КПСС некоторые положения, содержащиеся в статьях энциклопедии, устарели и нуждаются в уточнении или пересмотре. Это относится, в частности, к материалам о планировании, управлении и экономическом стимулировании производства. Так, в статьях «Планирование народного хозяйства», «Планирование промышленности СССР», «Перспективные и текущие планы» нет достаточно четкой постановки вопроса о необходимости повышения научного уровня государственного планирования экономики. Нуждаются в уточнениях и статьи трактующие о показателях оценки работы предприятий. В них речь идет о валовой и товарной продукции, нормативной стоимости обработки. Однако нет, например, характеристики такого показателя, как объем реализованной продукции, являющегося одним из основных показателей работы предприятия.

Энциклопедия не дает обстоятельной характеристики прибыли, рентабельности как важнейших показателей оценки работы предприятий. В статье «Рентабельность» указывается, что уровень (норма) рентабельности для отдельных предприятий характеризуется отношением прибыли к полной себестоимости реализуемой продукции. Новая же система стимулирования исходит из того, что предприятия будут заинтересованы в повышении рентабельности производства, то есть в росте размеров прибыли по отношению к производственным фондам, а не к себестоимости.

Статья «Основные фонды», к сожалению, не дает ответа на вопрос, почему в последние годы в ряде отраслей промышленности ухудшилось использование основных фондов, что привело к некоторому снижению размеров национального дохода на один рубль стоимости основных промышленно-производственных фондов. Известно ведь, что прирост продукции на один рубль капи-

тальных вложений с 1953 по 1963 год сократился в целом по машиностроению в 1,64 раза, в том числе в станкостроении — в 1,79 раза. В этой связи следовало бы обстоятельней показать важность увеличения выпуска продукции за счет резервов производственных мощностей.

Много места в энциклопедии уделено вопросам организации производства, рационального использования рабочей силы и рабочего времени, совершенствования систем заработной платы и материального стимулирования, подготовки и повышения квалификации работников промышленности и строительства. Эти вопросы рассматриваются, в частности, в статьях «Экономическое стимулирование производства», «Хозрасчет в промышленности», «Хозрасчет в строительстве» и других.

Труд составителей и авторов энциклопедии, несомненно, заслуживает положительной оценки. Они сделали большое и нужное дело. Издано ценное справочное пособие по экономике промышленности и строительства, которое поможет улучшить экономическую работу в различных отраслях производства и будет содействовать повышению уровня экономических знаний. Словник энциклопедии продуман основательно, однако нам представляется, что она выиграла бы, если бы в нее были включены такие статьи, как «Темпы роста промышленного производства», «Критерии», «Структура капитальных вложений»...

Фактически в этом издании объединено три круга проблем: экономика промышленности и ее отраслей, экономика строительства, а также вопросы политической экономии социализма. Оно, конечно, не может заменить энциклопедии по всем отраслям экономических знаний, однако, несомненно, сослужит хорошую службу всем, кто интересуется перспективами развития промышленности и строительства.

Д. АЛЛАХВЕРДЯН,
доктор экономических наук.

Г. ГЕРЦОВИЧ,
кандидат экономических наук.

ВАЖНАЯ ПРОБЛЕМА

**Личность и труд. Коллективная монография. «Мысль». М. 1965. 365 стр.
Труд и развитие личности. Сборник. Лениздат. 1965. 191 стр.**

О труде и личности рабочего при социализме написано немало книг и брошюр. При этом авторы многих таких книг следуют своеобразному штампу: сначала сообщают о преимуществах социалистического способа производства, затем напоминают слова Маркса о том, что личность — это совокупность общественных отношений, и далее чисто дедуктивным путем выводят характеристику нашего современника, подкрепляя сказанное «живым примером».

Подкрепим и мы наше утверждение ссылкой на книги последних лет. Так, в одной из них можно прочитать, что «чертами личности советского рабочего» являются «высокая идейность, коммунистическая сознательность, принципиальность, патриотизм, коллективизм, целеустремленность, инициативность, оптимизм, самокритичность, скромность, дисциплинированность, творческое отношение к труду и неукротимое стремление двигаться вперед». В другой работе, исходя из формулы «бытие определяет сознание», известный философ заканчивает рассуждение выводом: «Советский человек, при всех своих еще сохранившихся недостатках, на голову выше человека буржуазного мира».

Уместно в связи с этим привести замечание, высказанное В. И. Лениным по поводу тезисов доклада Преображенского XI съезду партии: «...Преобладают общие места. Это ни к чему. Повторять их так голо — вредно; вызовет тошноту, скуку, злобу против жвачки». В. И. Ленин призывал заменить политическую трескотню конкретным анализом положения дел.

Рецензируемые работы вызывают интерес прежде всего потому, что они построены именно на основе конкретного анализа. Впервые социологической лабораторией стало у нас предприятие: книга «Личность и труд» — результат изучения коллектива московского завода «Станкоинния». Впервые изучение социальных процессов внутри нашего общества (текучести рабочей силы, движения рационализаторов, профессиональной ориентации молодежи и т. д.) ставило сопоставлять поступки конкретных личностей, — в статьях ленинградского сборника фигурируют цифры: обследовано 1546.2665, 10 720 человек. От разговоров о рабо-

чем вообще авторы перешли к дифференцированному анализу, и сразу выяснилось, что помимо общих причин на развитие личности налагают отпечаток и «особые жизненные обстоятельства».

Общезвестно, что в СССР ликвидировано политическое неравенство женщин и мужчин, хотя, как пережиток капитализма, сохраняется еще бытовое неравенство. Публикуемые цифры позволяют судить о масштабах этого пережитка, о его влиянии на личность и о том, как он сказывается в народном хозяйстве. Исследование текучести рабочей силы в Ленинграде показало, например, что процент замужних женщин в этом «движении» вдвое превышает их долю в общем составе работающих. Из другого исследования видно, что женщины значительно чаще, чем мужчины (соотношение 10,6,4,9), вынуждены определяться на работу не по склонностям и не по специальности, а по «сложившимся обстоятельствам». Часто тот заработок, который мужчинам кажется недостаточным, устраивает значительную часть женщин, хотя и те и другие выполняют одинаковую работу. Мужчины и женщины заняты на производстве одинаковое число часов, однако домашний труд отнимает у женщин времени в два с лишним раза больше, чем у мужчин. Не случайно доля участия женщин в рационализаторском движении в несколько раз меньше того процента, который они составляют в общем числе работающих. И, разумеется, нельзя все это игнорировать, если всерьез проявлять заботу о всестороннем развитии каждой личности.

На сознание и поведение людей оказывают влияние многие факторы: технико-экономические, социальные, культурные и другие. Тщательно исследовать это влияние и внести практические рекомендации — дело прикладной социологии. Сборник «Труд и развитие личности» рассказывает о первых шагах в этом направлении. Его статьи отличает практическая направленность исследований.

В книге «Личность и труд» анализируются особенности различных профессий, разных сторон трудовой деятельности, прослеживается их влияние на психологические качества человека. Интересно, например,

рассказ о том, в каких видах труда и как вырабатываются у рабочего организаторские способности, умение планировать свою деятельность...

Авторы выступают против распространенного мнения, будто сам производительный труд автоматически решает все вопросы воспитания. Решающим фактором, определяющим формирование личности, является коллектив. Анализ отношений друг к другу семидесяти двух рабочих одного участка интересен как заявка на изучение всего многообразия реальных (формальных и неформальных) связей между людьми, как попытка наметить пути повышения сплоченности производственной группы. Глава, где рассматривается формирование коллективизма, напоминает работы А. С. Макаренко о нравственном воспитании человека в коллективе, через коллектив и для коллектива. Жаль только, что автор умалчивает о трудностях, не раскрывает всей сложности и противоречивости этого процесса.

В условиях передового современного предприятия перед рабочим открывается возможность развития и утверждения своей личности. Труд все более становится его потребностью. Однако жизнь может стать невыносимой, если человеку придется выполнять работу, не соответствующую его психофизиологической организации (результаты соответствующих исследований в обеих книгах приведены). Внедрение научной организации труда требует, в частности, изменения режимов некоторых работ (например, конвейерных) в соответствии с требованиями человеческого организма. С другой стороны, необходима система профессионального отбора и консультаций с тем, чтобы каждый работник занимал место, наиболее соответствующее его индивидуальным особенностям.

Отсутствие продуманной системы подбора, подготовки и распределения работников отмечают и экономисты, и социологи, и психологи. Так, В. В. Волзинская установила, что большая часть молодых рабочих по существу не выбирает профессию. Люди поступают туда, куда заставляют «обстоятельства». Юноши и девушки часто не имеют представления ни о характере предстоящего труда, ни о своих способностях. Ожидания, с которыми они вступают в жизнь, нередко вступают в противоречие с реальностью. Этот конфликт порождает неудовлетворенность профессией, безразличное к

ней отношение, поиски какого-то выхода. В результате падает трудовая активность: среди тех, кто не удовлетворен своей профессией, передовиков производства в два с половиной раза меньше, чем среди тех, кому она по душе.

У наиболее интересных работ — таких, как статья Л. С. Бляхмана, А. Г. Здравомыслова и О. И. Шкаратана в ленинградском сборнике или написанная В. Ф. Матвеевым глава в московской книге, — есть одна особенность. Авторы рассказывают не только о том, что они обнаружили, но и объясняют, как они получили факты и почему сделали именно такие выводы.

К сожалению, для некоторых других авторов элементарные правила научной работы остаются тайной за семью печатями. Приемы, которые недопустимы в любой «точной» науке, почему-то прощаются в социологии. Разве на основании того факта, что один снаряд угодил в цель, можно утверждать, что оружие хорошо пристреляно? Почему же психологи так часто, показав нам одного рабочего, рассказав об одном его поступке, заявляют, что этот случай «типичен», и считают свой тезис доказанным?

Математика давно вывела формулы, определяющие, какая часть совокупности должна быть исследована, чтобы выводы с достаточной вероятностью распространялись на весь процесс явлений. Это — вопрос о представительности, о «репрезентативности» обследуемого контингента. Авторы книги «Личность и труд» вспоминают это слово лишь в заключение, чтобы сказать, что «в данном исследовании проблема репрезентативности не стояла». Но ведь это значит, что коллектив не предъявил достаточной требовательности к каждому автору и не каждый из них положил в основу статьи достаточно убедительные факты. В самом деле, утверждение о разнообразии духовных интересов рабочих обосновывается тем, что «общее число книг, которые были перечислены как понравившиеся, составляет пятнадцать наименований». Но здесь автор по крайней мере сообщает, что им опрошено двести человек и что среди понравившихся книг произведения М. Горького, Н. Островского, Э. Золя... А на каком основании выведены проценты, представленные в таблицах главы «Трудовая направленность советского рабочего»? Где, сколь-

ко, каких людей опрашивали? По какому принципу отбирались эти люди? Каков был способ опроса? Не обосновав методики, нельзя требовать доверия к выводам. «В поле нашего зрения,— говорится в одной из глав,— были рабочие разных специальностей, возрастов, квалификации». Однако никаких цифр автор не приводит и, заменяя анализ отдельными примерами, делает широкие обобщения о рабочих завода: «отношение к труду как к необходимой жизненной потребности, осознание единства личных и общественных интересов в трудовой деятельности, высокоразвитый коллективизм и рабочая гордость». Вывод отрадный, но аргументировать его следовало основательней.

Методические недостатки книги «Личность и труд» соответствуют содержанию главы о методах исследования. Можно понять стремление К. К. Платонова отмежеваться от буржуазной психологии, но вряд ли только этими обстоятельствами объясняются его предостережения против «фетишизации математической обработки» и стремление противопоставить современным способам массового исследования так называемый «метод обобщения независимых характеристик».

Конечно, московская и ленинградская книги преследовали разные цели. Но там, где темы работ сопоставимы (техническое творчество рабочих, их отношение к труду и т. д.), исследования ленинградцев (Ю. А. Дмитриева, М. Я. Корнеева, А. А. Киссель) представляются нам более интересными. Организация массовых исследований, сочетание различных, порой весьма тонких, методик (включая эксперимент), наконец стремление применить достижения математики — все это позволяет ленинградцам делать выводы более обоснованно.

Разумеется, наука не сводится к методам исследования. Не менее ценный ее инструмент — понятия, категории, теории и гипотезы. И здесь обнаруживается существенный недостаток обеих рецензируемых книг.

В работе «Труд и развитие личности» собраны интересные факты. Выяснилось, например, что не удовлетворенные своей работой имеют более высокое образование, чем те, кто удовлетворен ею. Другое исследование установило, что среди «текущих» с одного места работы на другое две трети составляют лица со средним и неполным средним образованием. Однако эти данные не

соотнесены с другими найденными цифрами, не показано, при чем же тут вопрос о личности, которому посвящена книга.

Хочется в связи с этим горячо поддержать К. К. Платонова, когда в книге «Личность и труд» он ставит вопрос о реабилитации изъятых из советской психологии понятия «я» как важнейшего элемента структуры личности. В самом деле. Если мы слышим, что начальник цеха любит показать свое «я» — разве это не существенная характеристика его личности? А составлена эта характеристика весьма просто: с одной стороны — роль, которую выполняет этот человек (начальник), и с другой — его представления о самом себе («я»). Поэтому ряд психологов придерживается формулы: личность — это единство «я» и роли. Когда между «я» и ролью нет соответствия, внутри личности возникает конфликт.

Следуя этой концепции, можно бы было сказать, что чувство неудовлетворенности, о котором говорилось выше, — это отражение данного конфликта, а частая перемена мест работы — один из его результатов. Имело бы смысл проследить также, не являются ли пьянство, аморальное поведение следствием того же противоречия. С другой стороны — не является ли движение рационализаторов одним из тех средств, которые в определенных случаях помогают разрешению этого конфликта?

Авторы книги «Труд и развитие личности» доказали неправильность представлений, будто выбор профессии, перемена работы и т. д. определяется погоней за большим заработком. Но отвергая примитивное понимание материального стимулирования, они не объяснили понятие стимулирования социального.

Книга «Личность и труд» как будто бы не заслуживает упрека в эмпиризме: она начинается с теоретического раздела, да и в каждой главе содержится немало историко-психологических рассуждений. Однако теоретическая часть книги мало связана с содержанием конкретных исследований. Дается множество исторических справок, но сведения пересказываются без всяких теоретических выводов. Читатель узнает, какие хорошие люди есть на заводе «Станколинния» и сколько там членов ДОСААФ, но у него нет возможности обсудить вместе с психологом закономерности поведения личности в процессе коллективной деятельности людей.

И хотя в теоретическом разделе содержится немало заслуживающих внимания мыслей, вызывает большое сомнение сам замысел — объяснить личность, исходя из материалов, накопленных общей психологией при изучении отдельных сторон личности, психических процессов и функций. Думается, что к пониманию личности надо идти от социальной психологии — а она вовсе не сводится к изучению «социально обусловленных качеств» личности. И, конечно, теория должна вырастать из исследований и служить исследованиям. Иначе даже самые плодотворные идеи повисают в воздухе. Авторы-составители ленинградского сборника совершенно правильно пишут, что проблема «личность в груди» требует комплексного исследования учеными разных специальностей.

Рецензируемые книги — результат первых попыток ученых заглянуть в жизнь произ-

водственных коллективов, разобраться в поступках, из которых складывается эта жизнь, глубже проникнуть в тайну личности — и отсюда (от психологии, экономики, физиологии труда и социологии) подойти к ответу на вопросы, которые волнуют тех, кто занимается организацией труда в промышленности, ведет воспитательную работу, готовит кадры для предприятий или же просто работает на заводе и безразличен к формированию своей личности. Читатель охотно идет на такой разговор. Потребность в таких работах колоссальная. Тем большей должна быть забота о качестве книг.

У нас возникло новое направление в науке, и для поддержки его крайне важно иметь больше публикаций о фактах, о теориях и гипотезах, больше статистических материалов — больше хороших книг о конкретно-социологических исследованиях.

В. ОЛЬШАНСКИЙ.

★

СОМНИТЕЛЬНАЯ СВЕЖЕСТЬ

Д м и т р и й Ж у к о в. Переводчик, историк, поэт? Слово тебе, машина! «Советская Россия». М. 1965. 207 стр.

Популярно рассказывать о науке, знакомя читателя с новейшими достижениями, — дело благородное. К именам тех, кто занимается этим нужным делом, следует прибавить еще одно имя. Это имя Д. Жукова — переводчика и журналиста. В своей книге он хочет дать читателю представление о важной отрасли современной науки — машинном переводе.

Книга (тираж 50 тысяч) рассчитана на широкого читателя, с этой проблемой незнакомого. Он знает лишь, что существуют электронные машины и машины эти, управляемые людьми, смогут (или уже могут?) переводить с одного языка на другой. Но о том, как это делается, какова роль лингвистов и какова математиков, читатель имеет представления туманные, и рассеять этот туман должна книга Д. Жукова.

Язык книги доступен. Даже до чрезвычайности... Мысль читателя, не задерживаясь, скользит по знакомым, привычным словосочетаниям вроде: «стремительность нашего времени», «головокружительно быстрое развитие электронной техники», «живая плоть языка, медленно, но верно

меняющаяся», «заграничные шаманы от науки»... Тут и наука, которая «движется семимильными шагами», и многое тому подобное.

Но вот важное разъяснение: «Для того, чтобы машина работала, необходимо составить алгоритм — систему формальных правил, механическое выполнение которых приводит к бесспорному решению той или иной задачи. Сложный процесс может быть представлен в виде элементарных операций, которые выполняются электронной счетной машиной».

Итак, чтобы машина переводила, надо составить алгоритм. Составить его очень трудно. Все случаи морфологии и синтаксиса, точнейшим образом описанные, надо изложить в виде подробных правил. Это — работа лингвистов. Математикам же надлежит довести эти правила до ввода в машину.

Множество научных коллективов всего мира трудится над проблемой машинного перевода: «...в большинстве европейских государств, в США, Мексике, Японии, Китае и Израиле... В Москве проблемы ма-

шинного перевода изучают сотрудники Все-союзного института научной и технической информации (ВИНИТИ), Центрального научно-исследовательского института патентной информации (ЦНИИПИ), Математического института имени В. А. Стеклова и целого ряда других научных учреждений и учебных заведений. Несколько групп работает в Ленинграде, некоторые вопросы решаются в Киеве, Новосибирске, Ереване, Тбилиси, Горьком, Саратове, Ташкенте и других городах.

Удалось ли какому-нибудь из этих научных коллективов создать алгоритм для перевода с одного языка на другой? Видимо, до сих пор составлялись лишь опытные алгоритмы, ибо Д. Жуков пишет: «Но пора было подумать о создании такого алгоритма, с помощью которого машина могла бы осуществлять не опытный, а, если так можно выразиться, «промышленный» перевод. То есть она должна была стать рентабельной и переводить огромные массивы информации, заменяя сотни переводчиков...»

Речь, значит, идет о замене ручного труда автоматикой и о финансовой экономии, отсюда вытекающей. И вот книга нам сообщает, что из множества научных коллективов, к этому результату стремящихся, одному удалось добиться успеха...

«Первыми «промышленный», экономически выгодный алгоритм создали сотрудники лаборатории машинного перевода — Ю. Моторин, В. Павлов, Е. Николаев, Е. Княгинин, А. Богомолкин, Ю. Марчук и многие другие». «Алгоритм еще надо «доводить», совершенствовать. Главное, машина может переводить любой текст. Она заменяет сотню переводчиков» (стр. 120). «Главное, машина может переводить любой текст. Она уже заменяет сотни переводчиков» (стр. 127). «У нас уже есть алгоритм для перевода газетных и некоторых технических текстов. И он экономически выгоден» (стр. 125).

Читатель растерян... Он не может понять, сколько же все-таки переводчиков заменяет машина: одну сотню или несколько сотен? И любой текст она переводит или лишь некоторые тексты? Но эти неточности надо, видимо, отнести за счет авторского волнения. «Мучительные, порой, поиски увенчивались успехом, и теперь небывалый по сложности алгоритм должен «сказать свое слово...» (стр. 89).

Сколько ученых старалось, а создать алгоритм удалось лишь некой «лаборатории машинного перевода», как называет ее автор. Чем же объяснить ее успех? «...Целенаправленностью, упорством и самоотверженными усилиями ученых, поставивших перед собой четкую задачу — создать рабочий алгоритм перевода с английского языка на русский...» «Машинный перевод оказался делом не для слабовольных».

Кто же эти самоотверженные люди? Известны ли их имена в ученом мире?

Автор сообщает: «Моторин, Павлов и мы, несколько профессиональных переводчиков, привлеченных к работе в лаборатории, посещали собрания лингвистов и математиков, где велись ожесточенные споры о будущем машинного перевода, выслушивали различные точки зрения, взвешивали их, оценивали, сравнивали. Мы сами не принимали участия в этих дискуссиях...»

Итак, коллектив держался в тени, на конференциях не выступал. Быть может, сотрудники лаборатории делали научные публикации, делясь открытиями, которые привели к созданию «небывалого» алгоритма? И этого, видимо, не было, ибо Д. Жуков об этом ни слова не говорит.

Если любознательный читатель, не удовлетворяясь книгой Жукова, привлечет добавочные источники, то узнает он вот что.

Чтобы автоматизировать процесс перевода, нужно этот процесс познать. Как работает мозг переводчика? Что это значит: понять и передать другому? Таким образом, в теорию машинного перевода входит моделирование мыслительного процесса человека. В отличие от прежних опытов в автоматическом анализе языка последние работы лингвистов, занимающихся машинным переводом, направлены на выработку таких способов описания грамматики языка, которые в наименьшей мере отражали бы частные особенности отдельного языка, но все больше и больше приближались бы к своему рода универсальной грамматике. На пути ее создания и у нас, и за рубежом возникали новые идеи. Однако Д. Жуков ничего не пишет об этих идеях. Видимо, для создания «экономически выгодного» алгоритма они негодились. Каким-то своим, особым путем шли сотрудники лаборатории... Кто же эти люди?

Ю. Моторин человек еще молодой. «Успешно закончив Институт междуна-

ных отношений, он свободно владел английским языком и работал переводчиком». Затем «он поступил в техническое учебное заведение и стал изучать математику и применение счетных электронных машин».

Специально лингвистикой Ю. Моторин, как видим, не занимался, тем труднее было ему составлять алгоритм... Но Моторин «человек непреклонный. Не знаю, что у него бывало на душе, но в трудные минуты внешне он всегда оставался спокойным. Он уверенно разрешал сомнения и заражал своим неиссякаемым оптимизмом не только сотрудников лаборатории, но и колеблющееся «начальство».

«Вскоре к Моторину присоединился Виталий Павлов, спокойный, уверенный человек...»

Уверенностью, непреклонностью, оптимизмом веет от этих молодых людей, создавших небывалый алгоритм. Другим ученым этих качеств не хватало. Они спорили на конференциях, делали свои мелкие открытия, а главного-то не сделали, сотни переводчиков машиной не заменили. Почему же?

«Некоторые лингвисты (структуралисты) ударились в бесплодное теоретизирование». «Игнорируя конкретное устройство каждого языка, структуралисты игнорируют его богатства, его национальные особенности...» Далее автор обвиняет некоторых лингвистов в том, что «один из них, устрасясь практических трудностей и бросив подлинный машинный перевод, занимаются исследованием расстройств речи у психически ненормальных людей и каким-то образом привязывают это к кибернетике и лингвистике, другие, получив кандидатскую степень за «прожекты» машинного перевода, когда в нем разбирались немногие, продолжают заниматься прожектерством...»

Читателя приглашают посмеяться над горе-теоретиками и над теми, кто, отлынивая от настоящего дела, психами занимается — надо же!

«Некоторые лингвисты-структуралисты... заявляли, что они ставят себе задачу создать «основы основ» машинного перевода в... ближайшие десять лет».

А тут читателя приглашают гневаться. В самом деле! Эти структуралисты (кто они такие, между прочим?) намерены еще десять лет тратить государственные деньги на свои прожекты, не выдавая на-гора алгоритм. Не безобразие ли?

А кроме того, эти отлынивающие от «подлинного машинного перевода» лица «наперебой цитируют древних авторов и некоторых заграничных шаманов от науки». «Страсть их к наукообразным терминам всепожирающа». Тем не менее редакторам научных изданий это наукообразие почему-то нравится, и они ни за что не хотят печатать статьи практиков, написанные «ясным языком!» Эти одурманенные редакторы напоминают автору «англичанина, который всю ночь играл в прокуренном клубе, а под утро, выйдя на улицу, принохивается и спрашивает шофера такси: «Чем это так дурно пахнет?» — и с недоумением выслушивает ответ: «Свежим воздухом, сэр».

Мало этого. Бесплодно теоретизирующим удалось занять преподавательские посты. В Институте иностранных языков студентов отделения машинного перевода «обучают люди, ничем не отличившиеся в этой области и знакомые с ней только по статьям зарубежных структуралистов». И автор, стремясь оградить умы нашего юношества от дурманящего влияния структурализма, рекомендует в педагоги сотрудников лаборатории машинного перевода, ибо они, «...действительно добившиеся хороших результатов, могли бы обучать студентов современным методам работы...»

Знакомая расстановка сил: с одной стороны — положительные герои, с другой — отрицательные. Пусть они в этой книге носят маски ученых-лингвистов, но маски прозрачны. Налицо все приметы героев положительных — непреклонность, бодрость, сила воли, уверенность, неиссякаемый оптимизм, ясность мысли, а также склонность к практической деятельности... И налицо приметы персонажей отрицательных: кабинетное теоретизирование, уход от жизни (язык психов изучают), антинародность (не желают писать общедоступно!), игнорирование национальных особенностей языков и влечение к заграничным шаманам от науки...

Но стоит ли доверять автору? Что-то он много путает. Известного всем джинна из арабской сказки назвал «Джином», будто это имя собственное... Исказил фамилию изобретателя «переводной машины» (а пишет-то о машинном переводе!), трижды назвав Троянском Трояновским... И почему-то утверждает, что современному французскому непонятен язык Рабле, а англичанину — Шекспира. Но грамотному читателю известно, что во Франции общенациональный

язык сложился уже к XVI веку, и странно говорить о непонятности Рабле, писавшего в первой половине этого века. И Шекспир писал в то время, когда английский национальный язык, в общем, приобрел свой современный характер... Путаает автор! Ну, а знает ли он, журналист и переводчик, предмет, с которым взялся писать? Оказывается, знает.

В этой книге он выступает «и как лингвист» (см. аннотацию). Он говорит: «Мы, лингвисты, чертили десятки тысяч блоков...» Мало того. Он лично работал в лаборатории. «Нам было трудно поверить в то, что мы, именно мы, можем заставить какую-либо машину (и даже электронную и быстродействующую) делать переводы...»

И этого мало. В 1958 году в лабораторию машинного перевода пришла Е. Калинина. Кому же доверили руководить ее первыми шагами? Автору. «Мне поручили ввести ее в курс дела...» А чем должна была заниматься Калинина? Вот чем. «Ей предстояло превратить науку неточную в науку точную». Речь идет о создании точной лингвистики. Гигантская задача! Не мудрено, что Калинина растерялась. Тут дрогнули бы и академики. Не дрогнул лишь автор — и ввел Калинину в курс дела.

Значит, наш автор, несмотря на пристрастие его к готовым фразам и схемам, несмотря на легкомысленные неточности его, все же знает, о чем говорит. Сам принимал участие в создании небывалого алгоритма. Первого в мире «промышленного», «экономически выгодного», «рентабельного»!

Да, но почему все об этом молчат?! Любопытный читатель наводит справки и узнает, что ни один научный журнал не опубликовал сообщения об этом алгоритме. Молчит и президиум Академии наук. Быть может, это проски хитрых структуралистов? Это они утаивают от общественности крупное достижение науки, чтобы вольготнее было заниматься прожектерством?

Если любопытный читатель будет продолжать наводить справки, он узнает, что никто из лингвистов, занимающихся машинным переводом, не знает правил, составляющих новый алгоритм, и действительности такого алгоритма и рентабельности его не проверял... Значит, завесу, окутывающую это достижение, впервые приподнимает рука автора книги Д. Жукова. Погляди́м, что же там внутри?

«Нетрудно было бы формализовать латинский язык, подробно изученный и описанный, но не надо забывать, что это язык «мертвый», застывший». Нетрудно? Но ведь у этого языка сложный порядок слов, запутанный синтаксис. Разве трудности автоматизации только в том, что в язык приходят новые слова? И разве кто-нибудь уже пытался описывать латинский язык для потребностей машинного перевода?

Многие, многие примеры говорят о том, что у нашего автора, видимо, какое-то свое, свежее понимание того, что легко и что трудно, а также и того, что относится к лингвистике, а что к технике. А вдруг этот новый, опрокидывающий привычные представления взгляд и послужил причиной успеха лаборатории? Не тот ли это свежий воздух, от которого кружится голова у непривычных к нему?

«Ряд операторов позволяет согласовывать существительные с прилагательными и другими частями речи...»

Но из программы средней школы читатель помнит, что в русском языке прилагательные согласуются с существительными, но никак не наоборот. Видимо, группа Моторина смело отбросила этот долго бытовавший взгляд.

Д. Жуков утверждает, что «в традиционной грамматике основой слова «читал» так и будет «читал», а основой слова «читавший» — «читавш», то есть — часть слова, остающаяся после отбрасывания окончаний. В машинной грамматике берется более общая часть слова: «чита», к которой по необходимости можно прибавить и «чита-л» и «чита-вш-ий».

Зачем автору понадобилось исказить традиционную грамматику? Она никогда не считала основой «читал», а считала «чита» или «чит», рассматривая «л» как признак прошедшего времени. «Вш» (во втором слове) тоже в глагольную основу не входит, ибо это причастный суффикс...

Далее читатель узнает, что сотрудники лаборатории крепко призадумались над английским словом «table». «Мы знаем, что это неодушевленное существительное, а вот рода его мы знать не можем. Действительно, оно переводится на русский и как «стол», и как «таблица», и как «расписание». Сразу три рода. Значит, для дальнейшего грамматического анализа нам надо выяснить все возможные переводы этого слова».

Нет, свежим и не банальным подходом к делу эти размышления над словом «table» не объяснишь! Объяснить это можно лишь одним — автор путает лексику с грамматикой. Не в роде тут дело, а в многозначности английского слова. И не ставится в английском языке вопрос о роде. Вопрос этот встанет позже, при получении русского эквивалента.

«И тогда были составлены списки глаголов, управляющих определенными падежами существительных».

Но человечество давно догадалось о необходимости таких списков. Эти списки составлял еще индийский ученый Панини, живший в IV веке до нашей эры. А у античных грамматистов они входили в грамматику в качестве основных сведений о синтаксисе глагола...

Какие же открытия были сделаны на пути создания алгоритма? Вот какие. Взяв английскую фразу: «Last night I went to bed at ten o'clock», — сотрудники лаборатории усмотрели в ней две идиомы и занесли их в словарь вместо пяти слов. Автор ликуя добавляет: «Уже сейчас машина. встретив фразу: «How do you do!», переводит ее как «здравствуйте»... Но давно известно, что лексикализованные идиомы, функционирующие в языке как одно слово, так и вписываются в словарь автоматического перевода...

Вот, значит, что скрывалось позади заветы, приподнятой ветреной рукой автора... К какому же алгоритму могли эти открытия привести?

«Итак, английские слова расставлены в должном (русском) порядке, и, наконец, машина может, используя грамматическую информацию, накопленную при каждом слове, писать по-русски».

Но любознательный читатель полон сомнений. И, обратившись к специалистам, он узнает вот что. Поскольку нигде в книге не сказано о том, устанавливаются ли хоть какие-то связи между словами, можно смело предположить — речь идет о пословном зависимом переводе, без учета грамматической структуры языка. При синтезе русского текста расставляют слова, не производя грамматического анализа русской фразы. Делают, значит, вид, что грамматики обоих языков одинаковы, и достаточно найти по словарю перевод слова и подставить... Но такой алгоритм уже был, был десять лет назад, когда машинный перевод

делал первые шаги... Невозможно понять, почему этот алгоритм назван «промышленным»?

А еще любознательный читатель может узнать от специалистов, что перед учеными, занимающимися машинным переводом, есть два пути — теоретический и эмпирически-прикладной. Оба направления одинаково нужны, противопоставлять одно другому по меньшей мере странно.

А теперь уж по поводу «исследования расстройств речи у психически ненормальных людей». Еще много лет назад крупный советский лингвист академик Л. Щерба говорил о необходимости изучения афазии. Сопоставление «нормального» и «ненормального» в речевой деятельности человека помогает выявить существенные стороны языка, что необходимо для успешного построения программы машинного перевода. И другая сторона тут есть: помощь нейрофизиологам в выработке правильных методов лечения больных, пораженных расстройством речи.

Не правда ли, странно звучит приглашение Д. Жукова смеяться над теми, кто помогает лечить больных?

А на страницы второй части этой книги вновь твердой и уверенной поступью входят новые положительные герои. Их трое. Это новосибирские сотрудники Математического института Евринов, Устинов и Косарев. Автор восторженно сообщает, что им удалось с помощью машины дешифровать древнюю письменность майя.

Так ли? Наученный горьким опытом, читатель сразу же привлекает добавочные источники. Это статья крупнейшего в мире специалиста по языку майя Ю. В. Кнорозова, опубликованная в 1962 году. И хотя о ранних работах Кнорозова автор в своей книге упоминает, он ни об этой статье, ни о фундаментальном труде Кнорозова, вышедшем в 1964 году, не говорит ни слова. А между тем Кнорозов в этих трудах убедительно показывает, что так называемая машинная дешифровка не внесла ничего нового в разгадку письма майя и в той части, в которой она верна, лишь дублирует известные факты, описанные самим Кнорозовым. А в «оригинальных» результатах содержится множество элементарных ошибок.

Нет, не свежим воздухом веет от книги Д. Жукова. Веет от нее чем-то давно знакомым. Стремление, прикрываясь практи-

кой, результатов которой никто не проверял, набросить тень на людей, занимающихся наукой,— очень не ново. Такое уже бывало, бывало много раз.

Но время сейчас иное и читатель иной. Он не откликнется на приглашение изде-

ваться и гневаться, пока сам не разберется в вопросе. Читатель этот, наученный опытом, знает, что излишняя доверчивость в таких делах ни к чему доброму не приводит.

Наталья ИЛЬИНА.

★

ЭТО ИНТЕРЕСНО МНОГИМ

М. и Д. Сулержицкие. Краткий морской словарь для юношества. «Транспорт». М. 1965. 359 стр.

Величественна историческая летопись мореплавания. Звездами первой величины блистают в ней славные подвиги русских мореплавателей, которые своими замечательными открытиями в Тихом океане, в Арктике и Антарктиде внесли неоценимый вклад в сокровищницу мировых знаний и способствовали развитию экономических и культурных связей между народами.

Все ценное, что было достигнуто в прошлом передовыми русскими мореплавателями, талантливыми кораблестроителями и мастерами-умельцами, использовано и приумножено их благодарными потомками.

Море любят у нас не только моряки-профессионалы, навечно связавшие с ним свою жизнь, не только люди, еще готовящиеся посвятить себя этой профессии, но и множество школьников, студентов, рабочих, колхозников, служащих — людей совсем не морских профессий. При этом не только романтика увлекает их. Они хотят знать, как устроены различные суда, какими способами осуществляется судовождение...

Но, к сожалению, наша «морская литература» не столь обширна, как хотелось бы, и в ряде случаев содержит главным образом узкопрофессиональные сведения, рассчитанные на специалистов-моряков. Вот почему хочется всячески приветствовать выпуск «Краткого морского словаря для юношества». Эта книга, написанная страстными любителями и знатоками морского дела М. Н. и Д. Л. Сулержицкими и оформленная ими в содружестве с художниками П. Я. и П. П. Павлиновыми (под редакцией капитана дальнего плавания контр-адмирала Н. Г. Морозовского), содержит многочисленные сведения о море и морском деле в самом широком смысле этих слов. Из нее читатель узнает многое о различных судах, судостроении, торговом, промысловом и военно-морском флоте, о

судовождении на море и на реках. Словарь ознакомит его и с некоторыми вопросами из области географии, океанографии, мореходной астрономии и других дисциплин, непосредственно или косвенно связанных с морским делом.

Этот словарь — не простой перечень слов и терминов, которые с первого взгляда могут показаться сухими и скучными. Его ценность — в содержательном раскрытии морской терминологии, за которой вырисовывается удивительный и чудесный мир, многовековая история развития морского дела.

По страницам словаря можно проследить за эволюцией судостроения, познакомиться с устройствами первых незатейливых гребных и парусных судов, многомачтовых парусников со сложными системами парусного вооружения, с малыми и большими стальными судами, кораблями-гигантами, оснащенными паровыми машинами, паровыми и парогазовыми турбинами, двигателями внутреннего сгорания и электромоторами и наконец современными атомными энергетическими установками.

Общее знакомство с судами сочетается с объяснением названий, назначения и изготовления различных частей набора корпусов и механизмов судов. Рассказывается обо всем: от киля — основания судов до клотиков мачт.

Юноши и девушки, увлекающиеся парусным и гребным спортом, найдут в словаре сведения об устройстве шлюпок, яхт, спортивных судов и условиях плавания на них. И, уж конечно, читатель узнает о назначении тросов, блоков, гаков, скоб и других такелажных принадлежностей, узнает, почему, например, фраза: «Судно идет со скоростью 10 узлов в час» — неграмотна и следует говорить: «Судно идет со скоростью 10 узлов»...

Освещая главным образом все, что связано с торговым, промысловым и спортивным мореплаванием, словарь уделяет внимание и современным боевым кораблям военно-морского флота. Выявляется новая роль и значение атомных подводных лодок, надводных кораблей и торпедных катеров с ракетным оружием, плавающих баз и вспомогательных судов. Думается, однако, что утверждение авторов книги о том, что «авианосцы, в связи с развитием авиации и реактивного оружия, теряют свое былое значение» (стр. 31), несколько преждевременно. Главным обладателем авианосцев, как известно, являются американские военно-морские силы. И, несмотря на наличие там атомных подводных ракетоносцев, руководящие военные круги США отводят ударным авианосцам в будущей войне важную роль. Еще большее значение приобретают они в локальных войнах, которые американские агрессоры ведут в разных частях земного шара. Так, авианосцы седьмого флота, на борту каждого из которых находится до ста и более самолетов, в том числе вооруженных атомными бомбами, непрерывно находятся в юго-восточной части Тихого океана и бомбардировщики, взлетающие с этих авианосцев, обрушивают свой груз на мирное население Вьетнама.

Морской словарь дает понятие об основах судовождения в морях и океанах, о новых электронавигационных приборах, применяющихся для этого, и основах их устройства, о морских картах и подготовке судов к плаванию. Составители словаря уделили должное внимание и особенностям судовождения на реках.

Словарь знакомит также с терминологией, касающейся теории корабля и мореходной астрономии, организацией погрузки грузов на суда, с устройством плотин, водохранилищ и разных береговых сооружений в морских и речных портах.

Морской словарь для юношества написан со вкусом, хорошим, ясным языком, на научном уровне. Читается он легко. Это не просто словник, а небольшая общедоступная и увлекательная морская энциклопедия. От первого издания, вышедшего десять лет назад, новый словарь выгодно отличается не только увеличением количества слов и рисунков, но и главным образом своей современностью, раскрытием нового в морском деле, более точными формулировками ряда терминов.

В новом издании морского словаря добавлено около трехсот пятидесяти слов и до восьмидесяти рисунков. Вместе с тем некоторые термины, имеющие второстепенное значение, исключены. Современность словаря подтверждается объяснением таких слов и терминов, как: «атомоход», «батискаф и батисфера», «инерциальная навигационная система», «навигационные искусственные спутники Земли», «радиолокация», «гидролокация», «радионавигационные системы», и многие другие.

Более пятисот отлично выполненных рисунков значительно облегчают понимание ряда сложных для усвоения терминов, придают наглядность описаниям судов и кораблей, механизмов, приборов и разных устройств. Жаль, что только весьма незначительная часть рисунков выполнена в красках.

Морской словарь — интересное и полезное пособие по морскому делу для юношества, да и для взрослых граждан нашей морской страны, желающих повысить уровень своих общеморских познаний. Он будет полезен для тех, кто готовится посвятить себя морской и речной службе, стать капитанами судов и командирами кораблей, штурманами, морскими инженерами и другими морскими специалистами. Юноша, призывающийся на флот и познакомившийся с морским словарем, будет тверже чувствовать палубу корабля под ногами, быстрее освоится с морской обстановкой. Хорошим практическим пособием является словарь также для морских моделистов, яхтсменов, художников-маринистов.

Думаю, что и бывалому моряку-профессионалу полезно иметь под рукой такой словарь, чтобы лишний раз проверить по нему свою осведомленность в широком круге морских вопросов.

А сейчас несколько критических замечаний.

Вся история мореплавания и морского дела связана с людьми, которые создавали суда, приборы, механизмы, плавали на этих судах. И очень хорошо, что объяснения ряда слов связываются с именами талантливых русских флотоводцев, кораблестроителей, мореплавателей — И. Г. Бубнова, вице-адмирала С. О. Макарова, академика А. Н. Крылова и других. Но следовало бы такую линию сохранить и при изложении терминов, связанных с развитием морского дела в более близкие к нашему време-

ни годы. Ведь читателю небезынтересно узнать имена создателей атомного ледокола «Ленин», судов на подводных крыльях, современных отечественных танкеров, промысловых и других судов; он с интересом прочитал бы о Балтийском, Сормовском заводах и других известных предприятиях, где построены эти суда.

Давая в книге объяснения о ледоколах, освоении Северного Морского пути, нельзя, конечно, обходить имена капитанов Воронина, Белоусова и других.

А разве не интересно нашему юношеству, читая, скажем, объяснение термина «торпедный катер», узнать, что эти небольшие катера в Великой Отечественной войне потопили много вражеских судов? Может быть, даже следовало назвать некоторых особо отличившихся катерников, например, дважды Героя Советского Союза

А. О. Шабалина. Это относится и к некоторым подводникам и командирам надводных кораблей.

Досадно, что в новое издание морского словаря не вошли изображения прославленного крейсера «Аврора» и броненосца «Потемкин», а также опущен термин «морская гвардия».

Думается, что в таком обстоятельном словаре следовало поместить также таблицы военно-морских флагов нашего флота, флага торговых советских судов и судов других стран.

В заключение хочется еще раз поблагодарить авторов за полезное пособие для тех, кто интересуется морем, торговым, промысловым и военно-морским флотом — всем, что связано с мореплаванием.

Г. ИВАНОВ,

контр-адмирал в отставке.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ ИЛЬЧУ

Вот уже десять лет изо дня в день наблюдаю я за чувствами и переживаниями наших современников — советских людей и представителей почти всех народов нашей планеты — посетителей кремлевского Музея-квартиры и рабочего кабинета Владимира Ильича Ленина. Прошло много десятилетий с того дня, когда Владимир Ильич в последний раз переступил порог своей рабочей комнаты, но все здесь хранит следы его присутствия. Как бы много людей ни побывало тут — а об этом говорят записи в книге посетителей, — однако всем прийти сюда невозможно. Поэтому мне хочется рассказать читателям «Нового мира», хоть бы коротко, о личной библиотеке Владимира Ильича, о книгах, которые он сам снимал с полок, которые лежали на его рабочем столе и которые были присланы ему авторами с выражением своих горячих чувств и добрых пожеланий.

Для обозрения личная библиотека Владимира Ильича была открыта ровно год назад. С нею даже во время экскурсии познакомиться подробно тоже невозможно. А книги и в рабочем кабинете Владимира Ильича, и в квартире семьи Ульяновых занимают главенствующее место. Их более тридцати тысяч томов, они не только в кабинете, но и в каждой комнате и даже в коридорах.

В кабинете по бокам рабочего стола — две этажерки-вертушки, сделанные по собственным чертежам Владимира Ильича. На них материалы партийных съездов и конференций, большое количество словарей, справочная литература. Справочники на русском и иностранных языках, карты, атласы. множество книг размещаются и в шкафах вдоль стен кабинета.

Неподалеку от кабинета размещена личная библиотека, которой Ленин пользовал-

ся повседневно. Здесь собрано около пяти тысяч книг, классифицированных в восьми-десяти восьми разделах, существенно отличающихся от общепринятой классификации.

Чрезвычайно полно укомплектованы разделы философии, социологии, экономики, права, истории революционного движения в России и за рубежом. Здесь можно видеть, как в зеркале, всю лабораторию ленинской мысли, проследить, что интересовало Ленина в области политики и науки, литературы и искусства.

Рядом с разделом организации производства мы находим книги, освещающие женский вопрос, затем обширный отдел книг по военному искусству и литературу по вопросам быта.

Надо сказать, что количество книг, которыми пользовался Ленин, намного превышает то, что хранится сейчас в музее. Часть книг из личной библиотеки Владимира Ильича по его указанию периодически отсылалась в сельские библиотеки (например, в библиотеку совхоза «Горки»), в читальню Первого Дома Советов.

В настоящее время девятьсот книг из тех, которыми пользовался В. И. Ленин в 1918—1923 годах, находятся в библиотеке ИМЛ при ЦК КПСС, более тысячи — в библиотеке Горок.

В общей сложности личная библиотека Ленина насчитывает более девяти тысяч книг, брошюр, журналов и других печатных изданий.

В 1918 году Ленин составил первый список литературы для своей библиотеки.

Впоследствии Ленин получал обязательный экземпляр из Книжной палаты.

Владимир Ильич системагически просматривал списки всех советских и зарубежных изданий, делая отметки на тех экзем-

плярах, которые были необходимы ему для работы.

Комплектованием кремлевской библиотеки В. И. Ленина в основном занималась Ш. Н. Манучарьянц. Она рассказывала, как Владимир Ильич бережно относился к книгам, как внимательно следил за тем, чтобы книги, взятые им на квартиру, обязательно возвращались на место. А если кто-либо из товарищей или сотрудников брал книги из библиотеки или из кабинета Ленина, он всегда просил оставить записку для библиотекаря, говоря при этом: «Библиотекаряша у меня строгая».

В библиотеке имеются сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса — в том числе «Капитал» на немецком языке и в первом русском издании 1872 года. В кабинете хранится первое издание сочинений В. И. Ленина и многочисленные его отдельные произведения. Тут же находятся некоторые дореволюционные издания работ В. И. Ленина, чудом уцелевшие при многочисленных обысках и переездах. Здесь есть также многие первые издания работ В. И. Ленина на иностранных языках.

В раздел истории партии входят различные сборники, рассказывающие о партийной работе местных организаций, описание жизни и деятельности выдающихся деятелей партии. Привлекает внимание книга Б. Иванова «Яков Михайлович Свердлов. Его жизнь и деятельность. 1885—1919 гг.». На титульном листе этой книги — дарственная надпись: «Москва, 22 октября 1921 года. На добрую память от автора В. И. Ленину. Рабочий Б. Иванов — товарищ Свердлова по ссылке и работе».

Общезвестно, что Ленин уделял много внимания истории общественных отношений в России; для этого им был изучен огромный статистический архивный материал, масса исторических трудов о Русском государстве. По истории России в библиотеке Ленина насчитывается более двухсот книг, среди них — «Курс русской истории» (1918) и «История сословий в России» (1918) В. Ключевского и др. Многие книги по истории революционного движения в России — большая редкость. Среди них такие, как Петр Алексеев и Варлен, «Две речи» (1918), «Борцы за свободу» (Биографии революционеров, казненных Александра II, 1917).

В разделе, посвященном Октябрьской революции, хранится интересный фотоальбом

«История революции Туркестана». На переплете — дарственная надпись: «Великому творцу нового мира, вождю мирового пролетариата В. И. Ленину. 1917—1921 гг. От освобожденных мусульманских масс. Пролетарии Туркестана».

Ленин, давший глубокий анализ империализма как высшей стадии развития капитализма, великолепно ориентировался в вопросах международной политики. В разделе «Международная политика» представлены интереснейшие и редчайшие документы дипломатии тех лет: «Гаагская конференция. 1922 г.» (Собрание документов. М. 1922); «Генуэзская конференция» (Стенографический отчет. М. 1922) — на обложке этой книги рукою Владимира Ильича сделана надпись: «Экз. Ленина»; «Синяя книга» (Сборник тайных документов, извлеченных из архива бывш. Министерства иностранных дел. М. 1918). Среди этих книг — подаренная советским дипломатом И. Майским («Современная Монголия». Иркутск. 1920) с надписью: «В. И. Ленину от автора».

Большое место в библиотеке Ленина занимают книги по истории империалистической войны, гражданской войны, по военному делу. В библиотеке есть книги, в которых освещаются самые разнообразные вопросы: строительство социализма в нашей стране, жизнь за рубежом, организация промышленного производства и управления, сельское хозяйство, статистика, национальный вопрос, женский вопрос, организация труда, профдвижение у нас в стране, Профинтерн, Коминтерн, история международного рабочего движения, торговля, советское законодательство и многие другие.

В разделе художественной литературы наряду с произведениями русских классиков — Пушкина, Льва Толстого, Некрасова, Тургенева — мы видим сочинения Апухтина и Златовратского, Помяловского и Левитова.

Советская литература здесь представлена произведениями М. Горького, В. Маяковского, Д. Бедного, А. Безыменского, Н. Тихонова, А. Толстого, С. Есенина, И. Эренбурга и других.

Несколько сборников стихов Д. Бедного также были присланы Ленину с дарственными надписями автора. Один из них отпечатан на серой шершавой бумаге; на обложке заглавие: «Правда. С товарищами красноармейцами беседа по душам» (М. 1919). На титульном листе — размашистым

почерком: «Родному Ильичу». Здесь же на полочке «Песни прошлого» с теплыми словами автора: «Надежде Константиновне и Ильичу на память о прошлом и с уверенностью в будущем — с крепкой любовью. 1919.30.V».

Ленин всегда придавал огромное значение развитию национальной культуры народов нашей страны. Зная об этом, секретарь ВЦИК В. А. Аванесов подарил В. И. Ленину книгу «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. Под редакцией В. Брюсова» с надписью: «В. И. Ленину от комиссии по делам Армении. В. Аванесов».

Среди книг с посвящениями и дарственными надписями сохранилось много трудов советских и зарубежных писателей, общественных деятелей, крупнейших ученых, людей самых различных профессий.

Владимир Ильич хотел, чтобы об электрификации России было создано как можно больше хороших работ. Одну из таких книг он поручил написать Скворцову-Степанову, который, не считая себя специалистом в этой области, долго и упорно отказывался. Тем не менее Владимир Ильич, прекрасно зная Скворцова-Степанова как талантливого журналиста, настоял на том, чтобы книга была написана именно им. Вскоре Скворцов-Степанов прислал Владимиру Ильичу экземпляр своей книги со следующим посвящением:

«Дорогому Владимиру Ильичу Ленину-Ульянову автор, засаженный за работу в порядке беспощадного «принуждения» и неожиданно нашедший в ней свое «призвание».

Да здравствует такое «принуждение!» И. Степанов. 23/X-1921 г. 29.III.1922 г.».

Эта книга сейчас лежит на письменном столе Владимира Ильича в его комнате. Здесь же на столе — сборник статей К. А. Тимирязева. Ученый с мировым именем К. А. Тимирязев одним из первых стал на сторону советской власти. На титульном листе сборника написано: «Глубокоуважаемому Владимиру Ильичу от К. Тимирязева, считающего за счастье быть его современником и свидетелем его славной деятельности».

Владимир Ильич ответил Тимирязеву следующим проникновенным письмом: «Дорогой Климентий Аркадьевич! Большое спасибо Вам за Вашу книгу и добрые слова. Я был прямо в восторге, читая Ваши замечания против буржуазии и за Советскую

власть. Крепко, крепко жму Вашу руку и от всей души желаю Вам здоровья, здоровья и здоровья! Ваш В. Ульянов (Ленин)»¹.

Ленину дарят свои книги старый товариш Ленина по подпольной работе П. Н. Лепешинский и видный деятель революционного движения, один из строителей Красной Армии Н. И. Подвойский С горячей любовью и искренним уважением дарят Ленину свои труды металлосты Юзовки, труженики сибиряки Черемхова, рабочие московского завода «Динамо».

Ленин был тесно связан с учеными, ни одно важное научное изобретение или открытие не проходило мимо его внимания. Вот труд экономиста Е. Варги на немецком языке «Кризис капиталистического мирового хозяйства», 1921 год, с надписью: «Товарищу Ленину с особым уважением. Варга. Москва 17.V.1921». На «Основах позитивной эстетики» А. В. Луначарского надписано: «Дорогому Владимиру Ильичу работа, которую он, кажется, когда-то одобрил, с глубокой любовью. 10.III.1923 г. А. Луначарский».

Книг с дарственными надписями от А. В. Луначарского несколько. Здесь и драма «Освобожденный Дон-Кихот», подаренная Ленину с «просьбой найти время прочитать». И сборник статей по вопросам народного образования, озаглавленный «Проблемы народного образования». Обращаясь к Ленину, Луначарский пишет: «Дорогому Владимиру Ильичу с пожеланиями скорого выздоровления». С надписью, выражающей горячую любовь и уважение, дарит Луначарский свою книгу «Революционные силуэты».

Одна из последних книг, присланных Владимиру Ильичу, — скромный подарок от пионеров Замоскворечья: журнал «Барабан», а на обложке надпись, как клятва любимому вождю: «Дорогому Ильичу от пионеров Замоскворечья! 19.I.24 Мы идем на смену!»

Ленин читал исключительно быстро. Эта привычка выработалась у него давно. О манере чтения Владимира Ильича очень образно сказал один из близких друзей Ленина Глеб Максимилианович Кржижановский.

«...Его чтение тоже носило особый характер: живые, искрометные глаза быстро неслись по страницам книги или рукописи; эти глаза были действительно «всевидящими»: от них ничего не ускользало».. Читал Ленин обычно с карандашом в руке. «Если книга

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 380.

была его собственной, ильичевской принадлежности, он не стеснялся делать краткие карандашные пометки, метко бывшие в цель». Книг с пометками Ленина из его личной библиотеки насчитывается около пяти-сот, а вместе с журналами и газетами — около девяти-сот, все они хранятся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Наряду с огромным количеством литературы на русском языке Ленин успевал читать и просматривать огромное количество литературы на иностранных языках. Отдыхая, Ленин любил почитать какой-нибудь иностранный словарь. Недаром Мария Ильинична дарит Владимиру Ильичу в день пятидесятилетия немецко-русский словарь с теплой надписью: «Дорогому Володе от горячо любящей его Маняши. 23.IV.1920 г.». Этот словарь и сейчас лежит на письменном столе в комнате Владимира Ильича. Зная от болгарского коммуниста Кабакчиева, что Ленин просил достать словарь болгарского языка, Г. Димитров во время встречи с Лениным дарит Владимиру Ильичу болгаро-французский словарь с надписью: «Нашему любимому учителю и незаменимому вождю всемирной пролетарской революции товарищу Ленину (5.III — 1921 г.)». В кремлевской библиотеке Ленина специально выделена литература на иностранных языках. Два вместительных шкафа — книги на девятнадцати различных языках мира.

Ленин очень любил «Фауста» Гёте, читал его в оригинале, возил с собой томик в долгие годы эмиграции. Сейчас эта книга с многочисленными пометками Владимира Ильича на полях хранится в Институте марксизма-ленинизма.

В библиотеке Ленина хранится немало книг, присланных из-за границы от общественных и политических деятелей, писателей, от друзей-коммунистов. Вот, например, книги, подаренные Кларой Цеткин, которую связывала с Владимиром Ильичем и Н. К. Крупской многолетняя дружба, совместная борьба.

Даря свою книгу «Мы обвиняем! Материал о процессе социалистов-революционеров», она написала: «Двум лучшим борцам-коммунистам и людям: товарищу Ленину и товарищу Лениной-Крупской. С глубокой любовью и уважением Клара Цеткин».

В 1922 году Ленина посетил датский писатель Мартин Андерсен-Нексе. Он испытывал глубокое уважение к Ленину, восхищался его политической мудростью.

Писатель преподнес Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне свой роман «Пелле-завоеватель», изданный на английском языке, вероятно, поэтому он и дарственную надпись сделал на этом же языке:

«Товарищам Крупской и Владимиру Ульянову-Ленину с благодарностью и добрыми пожеланиями. Любящий Мартин Андерсен-Нексе (Москва. II.XI — 1922 г.)».

Большой интерес представляют книги о Советской России и о В. И. Ленине, написанные иностранными журналистами и опубликованные за границей. Среди них обращает на себя внимание брошюра английского журналиста Артура Ренсома «Шесть недель в Советской России», изданная в Англии в 1919 году. В 1923 году в Берлине вышла в свет биография В. И. Ленина на немецком языке, написанная Анри Гильбо. Автор был знаком с Лениным еще по Швейцарии. После победы Октябрьской революции встречался с Владимиром Ильичем много раз в Петрограде и Москве.

Посвящая В. И. Ленину свою книгу, автор пишет:

«Вам, дорогой Владимир Ильич, Вам, истинный великий товарищ, которого я знавал в годы неблагоприятной и безвестной борьбы, посвящаю я, в знак моего искреннего, неизменного преклонения, этот бесхитрый очерк вашей жизни, вашего труда и дела, столь прямых, простых и прекрасных. Берлин, январь, 1923 г. А. Г.».

Знакомясь с личной библиотекой Ленина, мы еще раз убеждаемся, насколько безграничен был круг интересов Ленина. Тем не менее книги, хранящиеся в кремлевской библиотеке В. И. Ленина, не дают, конечно, полного представления о всей прочитанной и просмотренной им литературе. Ленин постоянно обращался к фондам городских библиотек: заказывал книги из Румянцевского музея, пользовался личными библиотеками товарищей. И все же кремлевская библиотека Владимира Ильича рассказывает очень много о том, кто столько времени проводил у ее книжных полок.

Со времени открытия Музея-квартиры в Кремле В. И. Ленина его посетили зарубежные гости из ста стран. Здесь побывали представители Кубы и Чехословакии, Исландии и Марокко. Музей осматривали шахтеры Франции и парламентарии Цейлона, старейшие коммунисты Англии и комсомольцы Германии.

И, вероятно, многие честные люди, борю-

шиеся за мир и демократию, разделяют мысли, выраженные греческим общественным деятелем Костасом Варналисом, которому в августе 1959 года была вручена международная Ленинская премия:

«Русская история богата великими именами, столь великими, что даже одного из них было бы достаточно, чтобы прославить и самую славную нацию на земле. Но я осмелюсь назвать одно только имя. Это имя всегда на устах и в сердцах сотен миллио-

нов людей. Это имя Ленина, гениальнейшего народного вождя, стоящего на вершине всемирной истории. Он бесповоротно изменил ход развития мира к лучшему. И если сегодня за ним идет половина человечества, то недалек тот день, когда в силу исторической необходимости за ним пойдет и вторая половина».

К. Маштакова,
*научный сотрудник кабинета
и квартиры В. И. Ленина в Кремле.*

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

В прошлом году я с интересом прочитал напечатанную в вашем журнале статью Е. Поляковой, посвященную советскому историческому роману. Я порадовался, что создание писателями художественных исторических произведений сейчас уже никак не рассматривается как стремление уйти от решения современных проблем. Ведь когда писатель обращается к близкому или далекому прошлому, он также ищет ответа на вопросы, которые ставит перед ним именно настоящее.

Исторический романист, разумеется, имеет право на художественный вымысел как в большом, так и в малом, в области сюжета, фабулы, даже той обстановки, в которой действуют его герои. Если писатель возьмется просто иллюстрировать учебник истории, его произведение вряд ли будет художественным, сколько бы образovanности он ни показал. И разумеется, ценность исторического романа нельзя ставить в зависимость от того, насколько точно передана в нем обстановка эпохи.

Но художественный вымысел также должен иметь свои границы, чтобы историческое произведение не превратилось в произведение фантастическое. Писатель должен соблюдать известную меру, следить за общей правильностью своих положений в той части, в какой они приходят в соприкосновение с реальными историческими событиями. Он должен избегать анахронизмов и в исторической обстановке.

Я не литературный критик и не задаю здесь целью дать сколько-нибудь полный обзор произведений исторического жанра. Остановлюсь лишь на нескольких примерах.

В книге В. Иванова «Повести древних лет» ярко описаны варвары — варяги. Но зачем писателю понадобилось столкнуть этих варягов именно с Новгородом, которого еще не существовало в ту пору? Как известно, Новгород потому и назван Новым городом, что он возник только в X веке. Археологические раскопки показали, что более древних культурных слоев в Новгороде нет. Нет, стало быть, и знаменитых мостовых, неоднократно упоминаемых в повести — для исторического колорита, вероятно. Древнейший ярус их датируется серединой X века (точнее — 953 годом). Писатель, конечно, имеет полное право ввести в свою повесть в качестве действующего лица полулегендарного Рюрика (который, если верить летописному рассказу, умер в 879 году). Но вся ситуация с завоеванием варягами Новгорода лет на сто раньше, чем возник этот город, получилась крайне неубедительной.

А между тем правильное использование археологических и этнографических материалов может помочь писателю создать правдивые и убедительные исторические образы и ситуации, поместить своих героев в конкретную обстановку соответствующего времени, дать читателю почувствовать колорит эпохи.

Высоким образом такой правдивости может служить «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова. Здесь огромную роль сыграли чисто этнографические наблюдения поэта за окружавшей его народной жизнью, где и в его время сохранились еще пережитки очень давних обычаев.

Вспомним, как Кирибеевич рассказывает

царю о своей безответной любви к Алене Дмитриевне. Царь, выслушав это признание, предлагает своему любимцу посвататься к красавице. А далее следуют строки:

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич
Обманул тебя твой лукавый раб...

Чем же обманул царя Кирибеевич? Он не только не сказал царю прямо, что Алена Дмитриевна — замужняя. Он и описал ее царю, как девушку:

Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные.
По плечам бегут, извиваются...

Открытые волосы в то время могли быть только у девушек. Замужняя женщина должна была носить головной убор, совершенно скрывавший ее волосы от посторонних взглядов (во времена Лермонтова этог обычай еще сохранялся, главным образом в крестьянской среде). Выслушав Кирибеевича, царь, разумеется, подумал, что тот увидел и полюбил девушку, отсюда и его предложение быть сватом Кирибеевича.

Интересно, что М. Ю. Лермонтов, отлично осведомленный о старинных обычаях и нравах, использует и дальше в «Песне» характерные русские обычаи, благодаря чему чрезвычайно драматическая ситуация воспринимается читателем, как совершенно естественная, жизненная. Напомним мольбу Алены Дмитриевны

«Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам на поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой стороншке пропал без вести,
А меньшой мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное..»

Говорила так Алена Дмитриевна.
Горючьими слезами заливалась.

Она просит мужа о защите не столько потому, что она — его жена, сколько потому, что в ее собственном роде нет взрослого мужчины-защитника. И замужняя женщина, мать детей, называет себя сиротой, подчеркивая тем самым свою принадлежность к другому роду. Это, видимо, сознает и Степан Калашников и не считает возможным принять на себя в таком деле единоличное решение. Несмотря на поздний час, он вы-

зывает двух своих братьев и получает их согласие.

Лишь после этого мог состояться поединок.

Во всем этом ясно ощущаются отголоски древнего патриархально-родового строя (что было пережитком уже во времена Грозного), при котором жена принадлежит к другому, чем ее муж и дети, роду и находится прежде всего под защитой своих сородичей. И только если нет в ее роде взрослого мужчины-бойца, эта роль может перейти к ее мужу.

М. Ю. Лермонтов в каждом случае несколькими яркими штрихами дает читателю почувствовать глубокую историческую правдивость и общей ситуации, и каждой детали. Вспомним, например, как скупно и вместе с тем ярко обрисован дом Калашникова. Это типичный дом зажиточного горожанина, но не феодала, а торговца. Он «высокий» (очевидно, на подклете), выходит на улицу (а дом феодала в ту пору обязательно ставился в глубине двора и был отделен от улицы крепким частоколом и глухими стенами хозяйственных построек). Вход в горницу через сени; в горнице в красном углу стол, который к ужину должны были накрыть белой скатертью. В доме, кроме сеней и горницы, есть, видимо, еще какая-то комната, куда работница увела детей. Это мог быть обычный для той эпохи у зажиточных горожан (и сохранившийся в русской деревне до недавнего времени) дом, состоящий из сеней и двух жилых комнат.

Лермонтов может служить для нас образцом не только в отношении точности исторических деталей, но и в чувстве меры при их обрисовке. Например, о царском уборе с Грозного он говорит лишь, что тот «во златом венце». А ведь иногда писатель, желая соблюсти точность исторической обстановки, стремится описать во всех подробностях внешний вид и внутреннее убранство помещений, оружие, украшения и одежду главных и второстепенных действующих лиц и перегружает сознание читателя обилием несущественных для общего замысла своего произведения деталей.

Из советских писателей эта ошибка чаще других встречается в произведениях В Язвицкого. Пестрота и яркость придворных одежд не только не сообщает убедительности образу «господаря всея Руси», но в отдельные моменты даже как бы заслоняет этот образ.

Вспомним, как старательно убирал ненужные детали такой мастер исторического романа, как А. Н. Толстой. Например, в первом издании «Петра I» В. В. Голицын во время крымского похода выходил из шатра, «надев шлем и тканную золотыми грифами епанчу». При правке романа в 1944 году автор справедливо решил, что «грифы» только отвлекают внимание читателя, и исправил фразу: «надев шлем и епанчу».

Особого внимания требует от писателя описание древней одежды, вооружения и различных деталей изготовления древних предметов. Неточные представления писателя о древней одежде и вооружении могут привести — даже помимо его воли — к неточности при создании образов.

Так, в ранней поэме К. Симонова «Ледовое побоище» рать Новгородской земли состоит в значительной части из мужиков, которые идут против вооруженных до зубов немецких рыцарей, так сказать, «с голыми руками».

В рубахах стиранных нательных,
Тулупы на землю швырнув,
Они бросались в бой смертельный,
Широко ворот распахнув.

Так легче бить врага с размаху,
А коли надо умирать,
Так лучше белую рубаху
Своею кровью замарать.

Они с открытыми глазами
На немцев голой грудью шли,
До кости пальцы разрезая,
Склоняли копыя до земли.

Слов нет, образ мужика в белой рубахе, побеждающего без всякого оружия закованного в железо рыцаря с его длинным копьем и острым мечом, эффектен. Но ведь в действительности дело обстоит совсем не так. Основную военную силу Новгородской земли составляли в XIII веке полки городов — самого Новгорода и «пригородов» — других городов Новгородской земли. Воины (в большинстве горожане-ремесленники) были хорошо вооружены, имели кольчужные рубахи, металлические шлемы, щиты, копыя, боевые топоры. Городские полки были усилены еще княжеской дружиной, которая вооружалась не хуже. И даже крестьяне, которые привлекались в войско лишь в редких случаях, шли против немецких копий отнюдь не «голой грудью». Иначе невозможно была бы и славная победа на льду Чудского озера, где рыцарское войско было наголову разбито горожанами. Вооружение

русского войска в Ледовом побоище гораздо правильнее показано в фильме С. Эйзенштейна «Александр Невский», научным консультантом которого был А. В. Арциховский.

А иногда в нашей литературе крестьяне показаны вооруженными, так сказать, по последнему слову тогдашней техники, что также не могло иметь места.

Например, в поэме «Наша древняя столица», имеющей большое познавательное значение, Н. Кончаловская пишет:

А крестьяне между тем
С монастырских крепких стен
Путь в столицу защищали,
Метко били их пищали,
И частенько под Москвою
Закипал горячий бой.

Из контекста не ясно, о каком времени идет речь. Если о том грозном часе, когда было нашествие Багья, то тогда не было ни пищалей, ни, например, Новодевичьего монастыря, о котором тут же упоминается. Если же речь идет о монастырях XVI—XVII веков, то и тогда вряд ли монастырские крестьяне могли быть вооружены пищальми. Пищали — новое для того времени ручное огнестрельное оружие — появились на вооружении русского войска только в середине XVI века. Стрелять из них было не просто. Исследователи подчеркивают, что для этого требовались специальные навыки, длительная тренировка. Недаром тогда же было создано особое стрелецкое войско, и в течение долгого времени наряду с вооруженными пищальми стрельцами в русском войске были и лучники. Известно, что в окружавших Москву монастырях-фортах обычно и в мирное время расквартировывались отряды стрельцов. Думается, что в данном случае слово «пищаль» понадобилось скорее всего для рифмы.

В другом разделе той же книги («Что предметы старины рассказать тебе должны»), посвященном специально познавательной роли музейных экспонатов, также есть досадные неточности.

Серп зазубрен да искрошен,
Съеден ржавчиной времен,
А когда-то был хорошим,
Был когда-то острым он,—

пишет Н. Кончаловская. Но ведь и тогда, когда серп был «хорошим», и именно для того, чтобы он был хорошим, серп обязательно был зазубрен. Зазубрины на лезвии серпа делаются кузнецом специально для

того, чтобы серп лучше резал колосья. Страницей раньше древнерусские замки названы «грубо кованными», хотя известно, что они имели довольно сложную конструкцию и в их производстве главную роль играла нековка, а пайка. Об этих мелочах не стоило бы упоминать, если бы раздел, о котором идет речь, не был — с наилучшими намерениями — посвящен автором объяснению исторического значения больших и малых вещей. В Москве в 1480 году не было ни новых кирпичных стен Кремля, ни Грановитой палаты с ее Красным крыльцом, ни цветных изразцов с изображениями райских птиц.

Хочется обратить внимание и на то, что археологические материалы в сопоставлении с этнографическими наблюдениями могут помочь писателям не только в воспроизведении колорита эпохи или изображения производства и повседневного быта народа. Они могут открыть или по-новому осветить отдельные исторические события и даже портреты, что особенно важно для литературы.

Летописец повествует об убийстве в 1174 году князя Андрея Боголюбского представителем местной знати, с которыми он был очень суров; среди них были родственники известного по сказаниям боярина Кучки (Петр — Кучков зять — и Яким Кучкович), а также приближенный князя, ключник Аньбал. Этот ключник заблаговременно похитил из спальни князя меч, с которым Андрей никогда не расставался. Когда не удалось проникнуть к князю обманом, убийцы ворвались ночью в «ложницу» — спальню — и, как сказано в Ипатьевской летописи, «стали все рубить его саблями и мечами». Андрей оказывал отчаянное сопротивление, пока не упал в беспамятстве под их ударами. Одного из нападавших он даже подмял под себя и, возможно, убил. Нападавшие спешно покинули спальню, унося с собой вместо трупа Андрея тело своего товарища. Андрей же оставался лежать, но потом очнулся и начал стонать. Услышав стоны, убийцы вернулись, но князь уже ушел из спальни. «Он же подбеже под сени, налезше его ту и скончаша, и Петр же ему оття руку десную».

Впоследствии Андрей был объявлен мучеником (правда, канонизировали его лишь в XVIII веке) и останки князя были положены в каменном гробу в соборе. Там они и пребывали до самой революции.

В 1935 году останки были изъяты из гробницы и переданы Н. Н. Ворониным в рентгено-антропологическую лабораторию Государственного рентгенологического института (в Ленинграде), где были подвергнуты исследованию. При этом сотрудникам лаборатории не было сообщено, что им передается предполагаемый скелет Андрея Боголюбского. Лишь по окончании исследования результаты его были сопоставлены с описанием убийства и позволили во многом уточнить изложение летописи.

Прежде всего вызывало сомнение известие летописи об активном сопротивлении Андрея нападавшим. Андрею было в то время уже шестьдесят два—шестьдесят три года. Как мог старик, лишенный оружия, долго сопротивляться нескольким вооруженным людям, профессиональным воинам, и даже убить одного из них? Но исследование скелета показало, что князь был довольно молоджав, выражаясь нашим современным языком, «хорошо сохранился». Костяк (а очевидно, и мышцы) у него был как у пятидесяти-пятидесятипятилетнего. Он был выше среднего роста, крепкого сложения, тренирован в боях, которые вел еще с юности. О них говорят и следы старых ран на скелете. Старая болезнь позвоночника (некоторые позвонки срослись) не позволяла князю сгибать шею; волей-неволей он держал голову высоко поднятой. Исследователи думают, что эта особенность должна была немало раздражать окружающих, как лишний признак заносчивости. Изучение скелета позволило установить также некоторые особенности деятельности желез внутренней секреции, благодаря которым для Андрея были характерны «легкая возбудимость, живая фантазия, в то же время быстрая раздражимость и бурные реакции даже на незначительные раздражения». Внешний облик его в минуты гнева «создавал впечатление даже свирепости».

Надо ли при этом удивляться, что этот сильный еще, решительный, импульсивный человек мог быстро принять меры к защите и нагнать страх даже на убийц, ворвавшихся уже к нему в комнату? Не удивительно и то, что, как показалось исследование костей, только один удар саблей или мечом по левой ключице был нанесен Андрею человеком, стоящим спереди. Все остальные удары (многие из них оставили следы на костях, но были, вероятно, и очень серьезные раны, которые костей не задели) нанесены

сзади и сбоку. «Сбоку и сзади опытным бойцом был нанесен удар мечом по левому плечу... Этот удар, вызвавший значительное кровотечение и, несомненно, сделавший длительно небоеспособным Боголюбского, не удовлетворил нападавших. Были нанесены новые удары, несомненно, неодинаковым оружием — сравнительно легкий ошеломляющий удар сзади по затылку рубящим оружием (мечом или саблей) и, кроме того, тяжелое ранение, нанесенное сбоку колющим оружием (копьем), в лобную кость. Последнее ранение само по себе могло бы повлечь смерть. Затем посыпался целый ряд ударов мечом или саблей по человеку, лежавшему на правом боку. Рубили не только лежащего, но безусловно беззащитного человека, истекавшего кровью, рубили некоторое время, по-видимому, уже труп.

Этого, конечно, не бывает ни в единоборстве, ни в сражении. Это — нападение нескольких человек, вооруженных разным оружием, с определенной целью, не ранения... а убийства тут же на месте, во что бы то ни стало».

Таково заключение медиков Д. Г. Рохлина и В. С. Майковой-Строгановой, сделанное на основании рентгено-антропологического анализа костяка. Детали зверского убийства князя боярами встают перед нами здесь с такой яркостью, какая возможна, казалось бы, только для очевидца.

А по черепу этого скелета известный скульптор-антрополог М. М. Герасимов создал документальный портрет князя. Андрей, как оказалось, был похож на свою половецкую родню (ведь мать его была половецкая). У князя были выдающиеся скулы, слегка раскосые глаза, несколько волнистые волосы и борода.

Все эти данные позволили А. Кузьмину в исторической повести «У Золотых ворот» (Детгиз, 1958) дать не только правдивое описание гибели Андрея Боголюбского, но и в целом нарисовать запоминающийся, близкий к действительности образ этого князя без излишней парадности и идеализации. Вот как знакомит писатель читателя с одним из главных героев своей книги:

«Андрей Юрьевич сидел на лавке. Несколько дней подряд он ездил с отцом на охоту, а сегодня и ночью заснуть не пришлось. С отцом у него был неприятный разговор. Желтоватое, немного скуластое лицо Андрея выглядело утомленным, а карие рас-

косые глаза смотрели из-под высокого лба задумчиво и устало».

А вот другой писатель, Дм. Еремин, совсем по-иному воспринял тот же документальный материал. В своем романе «Кремлевский холм» («Художественная литература», 1964) он как будто бы стремился точно воссоздать историческую обстановку середины XII века. На это указывают не только цитаты из подлинных документов XII—XIII веков, обильно даваемые и в эпиграфах к каждой главе, и в самом тексте, но и полстрочные примечания, поясняющие непонятные слова, древние обычаи и т. п. Однако не ясно, зачем Дм. Еремину понадобилось при этом сознательно давать далекий от документального портрета образ Андрея Боголюбского.

«Она была широкобедрой, смуглой, скуластой, с плоским носом,— пишет автор о матери Андрея.— Но (!) сердце ее было добрым, и Юрий любил половецкую. Она родила ему дочь и трех сыновей — таких же смуглых, как мать, но схожих и с князем. Только старший сын Ростислав был в деда Аепу — вылитый половец: остроскулый, с черными, словно уголь, глазами и белым рядом сильных, волчьих зубов».

И далее Дм. Еремин не раз подчеркивает половецкие черты внешности отрицательного персонажа своей повести — Ростислава, заставляя Юрия «ненавидеть эти сильные половецкие скулы» сына. Андрей же представлен как статный кудрявый красавец.

Конечно, писатель волен создавать такой образ, какой видит своим мысленным зором. Но если он хотел воссоздать с максимальной близостью к подлиннику обстановку времени строительства Москвы в середине XII века, то вряд ли этому помогла идеализация образа Андрея и противопоставление его «монголоиду» Ростиславу даже по внешности.

Не все достоверно в повести Дм. Еремина и в отношении других деталей. Так, не применялись для валки леса в описываемое Дм. Ереминым время пилы. Вплоть до XVIII века даже доски делались без помощи пилы.

В этих кратких заметках мне хотелось лишь обратить внимание писателей на возможные способы использования археологических и этнографических материалов в художественной литературе. Конечно, такие способы гораздо более разнообразны, чем здесь показано. Но уже и то, о чем здесь говорилось, не оставляет сомнений, что пра-

вильное привлечение данных археологии и этнографии может помочь историческому романисту. Материалы археологических и этнографических исследований проникают в художественную литературу медленно. К сожалению, ученые еще недостаточно их популяризируют. Более широкая и доступная

публикация результатов исторических, археологических и этнографических исследований помогла бы дальнейшему контакту между историческими науками и художественной литературой.

М. Рабинович,
доктор исторических наук.

КОНФЛИКТ НЕ СОСТОЯЛСЯ...

Прочитал я недавно повесть Н. Сизова «Арбат и Селенга», напечатанную в сборнике повестей этого автора («Московский рабочий», 1966), и захотелось мне высказать свое мнение об этом произведении. Уж очень оно поразило меня своей литературной слабостью.

Речь в повести идет о московском научно-исследовательском институте, занимающемся механизацией лесоразработок в условиях Сибири. Институт как институт. Научно-исследовательская работа в нем ведется не то чтобы очень хорошо, но и не то чтобы вовсе плохо. Один из его работников (правда, отрицательный) даже убежден, что институт «на очереди к лауреатству».

Но вот привычный ритм жизни института нарушился. Случилось это после того, как парторг Шумилин побывал в Сибири и увидел, как ведут себя машины, сконструированные в институте, на практике. А ведут они себя так, что Шумилину «не раз пришлось краснеть». И тогда у него рождается дерзкая мысль — перебазировать институт туда, к людям, груд которых институт, собственно, и призван облегчать.

Возвратившись в Москву, Шумилин принимается за осуществление своей идеи. Однако директор института профессор Каштанов и его заместитель Дарьян не поддерживают парторга. Тут, казалось бы, и разгореться страстям, тут бы и столкнуться с обывательско-потребительскому отношению к жизни и настоящему, коммунистическому. Но страсти не разгорелись, столкновения не произошло. Чтобы исчерпать разговор о сюжете повести, добавим: разумеется, Шумилин победил, но победил в бою бескровном, не поломав ни одного копья. Победил, ибо согласно заранее ясной воле автора должен был победить.

Итак, конфликт не состоялся. Произошло это потому, что в повести нет главного — нет жизни, нет характеров. Вместо жизни — лишь внешнее подобие ее, вместо характе-

ров — умозрительная концентрация положительных и отрицательных начал.

Вот Шумилин. Положительный. Степень его положительности определяется исключительно авторской характеристикой, очень напоминающей обыкновенные служебные характеристики, с которыми любому читателю, безусловно, приходилось иметь дело в жизни. Мы узнаем, что еще в бытность свою студентом «был не глуп этот Шумилин, упрям и напорист: устраивал диспуты, организовывал студенческие отряды на целину».

Окончив аспирантуру, стал работать в институте. Здесь его оценили быстро, избрали парторгом. «Теперь он дни и ночи пропадал в цехах, в лабораториях, в отделах института... с упоением и даже с каким-то азартом решал одно дело, брался за другое, затевал третье». И стало обычным, что теперь «ни одно сколько-нибудь существенное дело не решалось в институте без совета Шумилина, без его мнения». Как это случилось? Вопрос праздный: читатель должен верить автору на слово. Значит, было что-то такое в Шумилине, если и Госкомитет ни с того ни с сего вдруг предложил ему пост руководителя научного института.

И в любви к Кате он ведет себя, как и подобает положительному герою: устраивает с любимой культпоходы в театры, кино, консерваторию. А когда однажды Катя не пришла к подъезду консерватории, Шумилин обижается, но не потому, что битый час «метался по» вестибюлю, выбегал на улицу». Он возмущен тем, что Катя смогла пропустить такой концерт...

В конце повести он окончательно убеждается, что положительной Катя не станет. Прежде чем проститься навсегда, он «с глухой внутренней болью» говорит Кате: «Правду говорят, что от любви до ненависти один шаг. Катя, дорогая... Не было у меня большей радости, чем ты, большей мечты, чем о тебе. Думал о тебе поминутно,

а сердце твое понял только сейчас. А я-то мечтал по жизни вместе идти». Сказав это, он почувствовал, что «сердце его стало успокаиваться, начало брать тот ритм, который нужен человеку для разумных поступков». А почувствовав это, ушел. Навсегда.

Вот этот-то образ по замыслу автора и должен воплощать в себе активное, наступательное начало. Но вся его активность заключается в том, что, встречаясь с Каштановым, выступающим против перевода института в Сибирь, Шумилин раздражается почерпнутыми из газетных статей монологами, доказывая, что морские приливы и отливы необходимо изучать, находясь возле морей и океанов, и что кости в Москву свозить не нужно, а нужно на месте перерабатывать их на клей.

Много хорошего узнает читатель из характеристики, составленной автором, и о Горелике, другом положительном герое повести. Оказывается, в отроческие годы Горелик служил в полках Буденного, потом «крепкие руки парня с Арбата обуздывали пороги Днепра, возводили бараки и заводские корпуса в Комсомольске-на-Амуре». Получив право на пенсию, «потребовал себе работу», потому что он не из тех, кто может удовлетвориться «одной рыбалкой и сражениями в домино». И назначили Горелика профсоюзным вожаком научного института. У него, как раньше у Шумилина, как-то само собой вышло, что институт для него «стал вторым домом». А в самом институте «так привыкли к своему профсоюзному вожаку, что другого человека в этой беспокойной должности и представить себе не могли».

Горелик, разумеется, идею Шумилина о перебазировании института в Сибирь поддерживал и однажды, прогуливаясь по Москве, даже попытался переубедить Каштанова: «Ну что ж, воевать придется — будем воевать. Ведь не за свое личное драться-то будем, а за государственное». На что Каштанов заявил: «И ты эти же слова долдонись. Повторяете вы их за Шумилиным, как попугай...»

А вот в изображении положительных супругов Кучеренко (в тексте фамилия супругов склоняется: Кучеренки, Кучеренок, Кучеренкам) автор пошел по новому для себя пути. Он предоставил возможность своим героям, так сказать, самораскрыться. Читатель воочию видит, как супруги на работе

то и дело принципиально ссорятся по служебным вопросам, а дома у них на стене висит большой лист бумаги, на котором четко и крупно написано: «О служебном — на службе». Видит читатель и трогательную гягу супругов к повышению культурного уровня: они самостоятельно изучают итальянский язык и ежедневно ровно два часа говорят только по-итальянски.

Справедливости ради следует сказать, что в данном случае новизна авторского приема себя не оправдала. Сцены, связанные с супругами Кучеренко, читаются с особенно явным чувством смущения за автора: в них предельно обнажается авторская художественная наивность. Впрочем, иной читатель может не согласиться со мной. Возможно, он испытал это чувство в связи с другими сценами: выбирать есть откуда.

У отрицательных героев — все отрицательное. Дарьян, например, меньше всего думает о делах института, модно одевается (положительный Шумилин ходит в «изрядно поношенном пиджаке»). Москву любит за МХАТ и рестораны, готов жениться на Кате только потому, что у нее «и движимого и недвижимого по горло». Шумилин обвиняет Дарьяна в том, что тот руководствуется «кодексом обывателя». Так оно и есть, и не будем говорить о Кате, Алле Яковлевне — жене Каштанова, о самом Каштанове. У них тоже на вооружении этот кодекс. Правда, Каштанов когда-то был очень положительным. Но, очевидно, с одной стороны, мешанка жена, с другой — такие угодливые сослуживцы, как Дарьян, сделали свое черное дело. Впрочем, это читательская догадка. Автор в объяснения не вступает, а констатирует: был таким, а стал этаким.

Отрицательные герои, которые, по замыслу автора, должны, так сказать, определять конфликт повести, бороться с Шумилиным, вступая в «борьбу», только портят дело. Собственно, они и не борются, а в течение всей повести мучительно пытаются понять, что же за человек Шумилин.

Алла Яковлевна «почти истерично» спрашивает: «Что вы за человек такой, Шумилин? Отказался от огромного поста, рвется в какую-то дыру, да еще и других за собой тянет. Объясните мне, что вы за человек?» «Ничего не понимаю», — признается Катя, добиваясь от Шумилина объяснения, почему он хочет, чтобы институт переехал в Сибирь.

«Но почему, почему отказался-то? Поче-

му?» — чуть не завопил Дарьян», узнав, что Шумилин отказался от поста директора соседнего института.

Было бы несправедливо упрекать автора в том, что он не стремился создать запоминающиеся образы. Заботясь о портретных характеристиках героев, об индивидуализации их речи, автор демонстрирует знакомство с тайнами писательского ремесла.

В самом деле: любой герой, даже самый эпизодический, наделен, например, портретной характеристикой. А в отношении главных героев и говорить не приходится. Каштанов — «грузный, низенького роста крепыш с седой, густой еще шевелюрой», Дарьян — «подтянутый брюнет, в кремовом, тонкой шерсти пиджаке и модных брюках без манжет», супруги Кучеренко — «оба одного возраста — каждому немного за сорок, оба рослые, медлительные, с мягким украинским выговором».

Правда, читатель не совсем понимает, почему тому же Каштанову да не быть человеком высокого роста, сумевшим сохранить стройность фигуры, а Дарьяну, например, не быть «неподтянутым шатенем»? Ведь к характеру героев данная портретная характеристика никакого отношения не имеет. Не уловит читатель и «мягкого украинского выговора» в речах Кучеренко. Ну, беда невелика: можно и на слово поверить автору. Раз пишет, что был у них такой выговор, значит был.

Речь героев индивидуализирована. Любимое слово Каштанова — «батенька»: «Позвольте, позвольте... Вы мне, батенька, прописные истины излагаете». Разумеется, без этого обращения профессор немудрено... У Трофимова (есть такой герой в повести) любимое выражение — «не иначе». Скажет что-нибудь Трофимов и обязательно добавит: «Не иначе».

Испытываешь чувство глубокой благодарности автору за такую индивидуализацию: дойдешь до «батеньки» и понимаешь — это Каштанов, встретишь «не иначе» — значит, Трофимов говорит. Правда, иногда автор лишает читателя этих ориентиров. Тот же Каштанов в повести говорит и так: «Скажите, паца какая! Дурной какой-то»... Это уже, пожалуй, не профессорская речь...

Герои повести много рассуждают. Поло-

жительные герои, конечно, высказывают положительные мысли, отрицательные — отрицательные. Вот, например, Шумилин говорит Дарьяну, разглагольствующему о своих правах:

«— Права... У нас, к сожалению, немало таких, которые хорошо помнят только о своих правах. Прав у нас много — это верно. Ну, а как быть с обязанностями? Они ведь тоже в Конституции записаны. Кто не работает, тот не ест. Как известно, это закон нашего общества».

Разговоры отрицательных героев гораздо беднее по содержанию:

«— Яков Борисович, вы уже здесь? Чудесно! Вы пунктуальны, как всегда».

— Алла Яковлевна, позвольте вашу ручку.

— Яков Борисович, объясните, почему вы так редко нас навещаете? Мы так скучаем без вас. Так скучаем!»

Следует отдать автору должное и вот в чем: он никогда не забывает сообщить, в каком положении находятся руки, плечи героев во время разговора, с какими оттенками в голосе они произносят то или иное слово. Разговаривая, герои то просто «машут руками», то «машут с досадой», то насмешливо, то удивленно ими «разводят», «всплескивают», «потрясают». Часто просто «пожимают плечами», а иногда «нервно ими передергивают». Одни слова герои «сдержанно и спокойно произносят», другие — «сухо выдавливают», третьи — «холодно, зло» или «с издевкой, зло» бросают. Иногда говорят «мягко, но довольно решительно», а иногда «с чуть смущенной улыбкой, но в то же время подчеркнуто весело».

Немало «художественных примет» и в речи самого автора: «дорога прихотливо вилась», «...асфальтовое шоссе, окаймленное гранитными бровками», «обида еще саднила сердце» и т. д.

В одной из сцен профессор Каштанов говорит Шумилину: «Я ушам своим не верю... Да неужели вы это серьезно?» Читая роман Н. Сизова, то и дело хочется спросить у автора словами Каштанова: «Да неужели вы это серьезно?»

П. Бойко,
учитель.

Днепропетровск.

КОРОТКО О КНИГАХ

ЧЕЛОВЕКУ, ДРУГУ, ВОЖДЮ. Сборник документов. 1918—1924 гг. Приволжское книжное издательство. Саратов. 1965. 103 стр.

«Москва, гражданину Ленину. Крестьяне Каменно-Сарминской волости Николаевского уезда радостно нынче справляли предпразднество годовщины твоей идеи освобождения от гнета пауков. Вам, первому виновнику [торжества], шлем все искренний привет, желаем бодрости и скорейшего выздоровления и клянемся жестоко отомстить за тебя, наш дорогой учитель».

Эта телеграмма, посланная В. И. Ленину в канун первой годовщины Октябрьской революции, — один из ста восьми документов, помещенных в сборнике, подготовленном к изданию работниками партийного архива Саратовского обкома КПСС и государственного архива Саратовской области. Многие телеграммы и письма, опубликованные в этой книжке, были посланы Ленину вскоре после злодейского покушения на него 30 августа 1918 года, а также во время его болезни в двадцать втором — двадцать четвертом годах.

«...Вы являетесь центром идей, освещающих и двигающих победоносное мировое шестилетнее рабочее-крестьянское революционное», — пишут Ленину участники митинга трудящихся города Саратова.

А какие теплые, идущие от самого сердца слова находят рабочие, крестьяне, учителя, студенты, когда, озабоченные состоянием здоровья Владимира Ильича, они обращаются к нему со словами приветия и пожеланиями скорейшего выздоровления. Делегаты съезда уполномоченных сельскохозяйственной кооперации Аткарского уезда просят Ленина «сбавить свои силы на благо революции». А студенты саратовского рабфака просто требуют этого. «Мы знаем и ценим твою работу, — пишут они, — знаем, что чуждостью линии и выдержанностью нашей партии мы обязаны тебе. Нам страшна твоя потеря, и мы требуем, чтобы ты берег свое здоровье для революции».

В письмах к Ленину трудящиеся делятся своими тревогами и радостями. Вот телеграмма железнодорожников. Они сообщают, что закончили ремонт затопленного бело-гвардейцами железнодорожного парома через Волгу в районе Увека. В ответной телеграмме комиссару Рязано-Уральской железной дороги В. И. Ленин писал: «Передайте

всем товарищам рабочим и служащим, самоотверженными усилиями которых в короткий срок поднят, отремонтирован и пущен в работу затопленный врагами рабочих и крестьян железнодорожный паром на Увеке, горячую благодарность за их труды, приближающие окончательную победу Советской власти».

Большой интерес также представляет помещенное в сборнике письмо В. И. Ленина Бакурской волостной организации РКП(б) в ответ на сообщения о контрреволюционных действиях в волости некоторых продработников.

Заключительная часть сборника — письма, телеграммы, резолюции собраний трудящихся в связи со смертью В. И. Ленина. В них — невыразимая боль тяжчайшей утраты, священная клятва выполнить заветы вождя.

Очевидно, сборник мог быть полнее, разнообразнее по характеру приведенных в нем документов. Думается, что обстоятельней могли бы быть комментарии. Но и то, что опубликовано в нем, представляет огромный интерес. Выпуск его саратовцами — несомненно, хороший пример для других местных издательств.

Б. Исаев.

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР. Дооктябрьский период. Библиография. «Наука». М. 1965. 703 стр.

Общерусский летописный свод «Повесть временных лет» — первый исторический труд на Руси — создавался в XI—XII веках. С тех пор идет спор о том, кто был его автором, и порой появляются статьи вроде той, которую в 1835 году М. П. Погодин поместил в «Библиотеке для чтения» под названием «Кто писал Несторову летопись?». И все же именно монах Нестор-летописец считается первым русским историком.

Летописи, исторические повести, хронографы, степенные книги запечатлевают зачатки отечественных исторических знаний. Идет неустанный накопление фактов, но попытка их осмысления и обобщения делается лишь в XVIII веке и знаменует появление в России исторической науки. За два столетия наука эта накопила многочисленные факты, разработала разнообразные концепции; в нее внесли свой вклад многие поколения исследователей.

Развитие исторических знаний в нашей стране до Октябрьской социалистической революции отражено в обширном библиографическом своде, подготовленном Государственной публичной исторической библиотекой совместно с научным советом по истории исторической науки Института истории Академии наук СССР (председатель редакционной коллегии — академик М. В. Нечкина).

Выход указателя, вобравшего в себя сведения обо всех работах по истории отечественной исторической науки дооктябрьского периода, — важное событие в культурной жизни нашей страны. Тут представлены как дореволюционная, так и советская литература, посвященная изучению отечественной и всемирной истории, а также археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин. В нем отражен вклад, внесенный в развитие отечественной истории декабристами, народниками, революционными демократами, марксистами. Собран большой материал о столкновениях различных школ и направлений, о борьбе прогрессивной исторической науки с реакционной.

Широко представлены труды и высказывания Маркса, Энгельса и Ленина, касающиеся ряда вопросов историографии русского и других народов СССР. Особое внимание уделено разработке исторических проблем в дореволюционной большевистской литературе. Из указателя можно также почерпнуть данные о работе, которую ведут в области истории научные учреждения и общества, высшие учебные заведения и музеи.

Интересно показана роль в разработке исторических проблем классиков художественной литературы — А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и других.

Самая обширная часть указателя отведена сведениям об отдельных историках. Здесь названы книги и статьи биографического характера, а также основные рецензии на труды историков.

Понятен интерес, с которым встречают это издание историки, библиографы, писатели и журналисты, а также все интересующиеся развитием общественной мысли и историческим прошлым нашей родины.

М. Маркова.

★

Б. С. ИТЕНБЕРГ. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. «Наука». М. 1965. 443 стр.

Революционное движение первой половины семидесятых годов прошлого века — очень важная и захватывающе интересная страница освободительного движения в России. До сих пор были широко известны лишь отдельные ее фрагменты (история одного-двух кружков и данные об отдельных деятелях той эпохи). Книга Б. С. Итенберга раскрывает перед читателем широкое полотно жизни революционного подполья

конца шестидесятых — первой половины семидесятых годов во всем многообразии и всей его сложности.

Автор подробно раскрывает историю «хождения в народ» — движения, охватившего тридцать семь губерний бывшей Российской империи. Он показал, как демократически настроенная молодежь в страстном порыве помочь угнетенному и обездоленному народу, бросая институты и университеты, шла «в народ», чтобы поднять крестьянство на борьбу за коренное переустройство всей социально-политической жизни страны. Как писал один из активных участников этого движения О. В. Аптекман, идти в народ — означало не только отдать народу свои силы, свои знания во имя и ради народной революции, это означало еще жить его радостями и страданиями, оставить высшие заведения, расстаться с родными и близкими, со всеми привычками и удобствами культурной жизни и, «стряхнувши все это с себя», погрузиться в самую гущу многострадальной народной жизни.

К концу 1874 года массовое движение «в народ» было в основном разгромлено, и началась жестокая расправа царского правительства с теми, кто посмел позвать народ к свободной жизни.

Восемнадцатого октября 1877 года после затянувшегося на четыре года следствия «о революционной пропаганде в империи» начался так называемый «процесс 193-х». Важным событием на суде, отмечает Б. С. Итенберг, стала речь И. Мышкина, в которой он ярко нарисовал картину тяжелого экономического положения народных масс и их политического бесправия.

Книга Б. С. Итенберга дает не только фактическую историю движения первой половины семидесятых годов, но раскрывает и процесс формирования идеологии его деятелей, показывает их идейные связи с революционерами эпохи падения крепостного права — Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, мучительные поиски правильной революционной теории и тактики, определяет значение и место «хождения в народ» в истории освободительной борьбы в России.

В. Захарина.

★

СЛОВО О ЗЕМЛЯКАХ. Сборник. «Удмуртия». Ижевск. 1965. 310 стр.

Небольшая республика Удмуртия. А сколько интересных людей — ученых, музыкантов, артистов взрастила земля ее!

Всему миру известен великий русский композитор Петр Ильич Чайковский, родившийся в Воткинске. Народные песни, природа нашего края на всю жизнь остались в памяти Петра Ильича.

А на севере Удмуртии на берегу реки Чепцы в городе Глазове в семье малоизвестного инженера Леонарда Книппера родилась дочь Ольга — будущая народная ар-

тистка СССР, имя которой вошло в историю советского театра.

В России и многих странах мира знали бесстрашного революционера, участника Парижской коммуны и восстания герцога-винцев против турецкого ига М. П. Сажина, известного под именем Армана Росса...

Далекая история возвращает нас ко времени Отечественной войны 1812 года. В ее летописи — широко известное имя Надежды Дуровой, «кавалерист-девицы», воинской храбростью которой восхищался М. И. Кутузов и о литературных дарованиях которой с похвалой отзывался А. С. Пушкин. Дорога ее к подвигам начиналась в нашем крае — в городе Сарепуле.

Это лишь часть имен, о которых рассказывается в сборнике «Слово о земляках». Читая книгу, встречаешься с активными участниками революционной борьбы в республике, с борцами за советскую власть и с нашими современниками — строителями коммунизма. Тепло рассказано в ней о сельской учительнице Вере Васильевне Толстой, отдавшей много сил обучению удмуртских детей, о профессоре Казанского университета Петре Ивановиче Кротове, исследователе природы Удмуртии, и других.

Не всегда удовлетворяют литературные достоинства, полнота, точность некоторых биографических зарисовок, но в целом это, безусловно, полезное издание, и следует пожелать авторскому коллективу и издательству успехов в работе над продолжением книги.

В. Сентемов.

Ижевск.

★

ЮРИЙ ОКЛЯНСКИЙ. Шумное захолустье. Из жизни двух писателей. Куйбышев. 1965. 235 стр.

Работа Ю. Оклянского почти целиком основана на материалах недавно найденного в Куйбышеве архива А. Н. Толстого. В этой небольшой книжке можно найти и рассказ о литературных поисках и находках, и любопытные подробности литературной жизни конца прошлого века, и новые черточки к портрету молодого Ленина, и упоминание о некоторых малоизвестных фактах из ранней литературной деятельности М. Горького.

Но главные здесь, конечно, А. Н. Толстой. Незначительные, казалось бы, подробности ранних лет жизни писателя, впервые отмеченные Ю. Оклянским, начинают перекликаться с теми или иными его образами, картинами его сочинений, помогая составить представление о процессе творчества писателя.

Книга Ю. Оклянского открывается рассказом о романической истории, истории не выдуманной, а происшедшей в действительности в Самаре в конце прошлого века. В центре громкого судебного процесса, взбудоражившего целую губернию, оказалась графиня А. Л. Толстая, мать будущего писателя, пренебрегшая насмешками обывателей и не остановившаяся ни перед чем

ради защиты своего живого чувства. Жизнь и характер этой замечательной женщины интересны во многих отношениях. Ю. Оклянский заново открывает в ней для нас незаслуженно забытую писательницу — А. Л. Бостром (свои произведения она подписывала фамилией нового мужа), первого друга, литературного учителя и даже соперника своего сына. Без рассказа о жизни А. Л. Бостром, пожалуй, не менее интересного, чем рассказ о самом А. Н. Толстом, многое в жизни и творчестве автора «Хождения по мукам» осталось бы непонятым или понятым неверно.

Целая глава работы Ю. Оклянского посвящена Я. Л. Тейтелю, интереснейшему человеку, которого Горький называл «веселым праведником». На знаменитых в свое время самарских «ассамблеях» у Тейтеля собирались писатели — М. Горький, Гарин-Михайловский, Чириков, Скиталец, Златовратский и другие. Несколько раз здесь бывал молодой помощник присяжного поверенного В. И. Ульянов. Из рассказа об этих «ассамблеях» мы узнаем пусть краткие, но все же важные, интересные и новые подробности жизни нескольких замечательных людей.

Работа Ю. Оклянского выходит, таким образом, за рамки краеведческого исследования местного значения. «Не будь найден в Куйбышеве архив А. Н. Толстого — наши представления о некоторых сторонах литературной жизни конца прошлого века были бы беднее», — справедливо отмечает автор.

Книжка Ю. Оклянского интересна, читается легко. И поэтому тем более досадно встречать в ней отголоски дурного литературного стиля вроде следующих: «Утонул в снегах отчий хутор Бострома Сосновка. Пригоршня домишек, нахлобучив белье шапки, отсыпается от летних трудов». Или: «...страницы... хранили трепетность и открытие минуты».

К сожалению, не все еще материалы архива А. Н. Толстого найдены в Куйбышеве. Исследователям творчества писателя предстоит новые поиски, новые находки, новые открытия.

М. Дунаев.

★

О. Б. ШПАРО. Освобождение Греции и Россия (1821—1829). «Мысль». М. 1965. 280 стр.

Ежегодно 25 марта в Греции отмечается большой национальный праздник — День независимости. В этот день в 1821 году по всей стране началась общенациональная революция, в результате которой Греция освободилась от многовекового господства султанской Турции.

О греческой революции 1821—1829 годов, о дружбе греческого и русского народов, особенно ярко проявившейся именно в те годы, когда решался вопрос — быть или не быть Греции независимым суверенным государством, рассказывает книга советского историка О. Шпаро. В ней убедительно разоблачаются концепции буржуазных

историков, которые, оправдывая политику беззащитного хозяйничанья западного капитала в современной Греции, утверждают, что своим освобождением в прошлом веке Греция была обязана не героизму и стойкости собственного народа, а дипломатической деятельности великих держав — прежде всего Англии и Франции, умаляют значение дружественных греко-русских отношений, явившихся в тот период немало важным фактором в становлении независимого греческого государства.

Некоторые события, описанные в книге О. Шпаро, происходили на русской земле. В Одессе и поныне бережно сохраняется дом, в котором в 1814 году три греческих патриота Дикеос, Скуфас и Ксантос основали тайное общество «Филики Гетерия», подготовившее греческую революцию. В книге описывается деятельность греческих революционеров накануне восстания и помощь, которую оказывали им передовые люди России. Глубоко анализируются социально-экономические предпосылки революции.

Автор рисует галерею деятелей революции, имена которых и ныне живут в памяти греков. Среди них — Александр Импиланти, Феодорос Колокотронис, Маркос Боцарис и другие. Изложено событий греческой революции дается в тесной связи с широким движением сочувствия и поддержки ее передовыми русскими писателями, поэтами, декабристами, прогрессивной молодежью. Автор приводит новые малоизвестные сведения, особенно об отношении к греческой революции трудового народа России, знакомит с произведениями народного искусства на сюжеты греческой революции. Много важных деталей узнает читатель из глав, рассказывающих, с каким энтузиазмом русские солдаты, матросы, офицеры, воодушевленные идеями национально-освободительной греческой революции, сражались в Наваринской битве 1827 года против турецко-египетского флота, а также в русско-турецкой войне 1828—1829 годов.

Книга О. Шпаро, представляющая собою серьезное научное исследование, читается легко и с большим интересом.

Г. Давняя.

★

ВЕН. ТИХОМИРОВ. Небо закрыто льдами. Документальная повесть о морях подледного атомохода, их плавании подо льдами Арктики к Северному полюсу. «Молодая гвардия». М. 1965. 110 стр.

Научно-техническая революция опрокидывает многие наши привычные представления. Еще недавно подводная лодка по существу была «ныряющей». Ведь запасов электроэнергии, заключенных в ее аккумуляторных батареях, хватало всего на несколько часов подводного хода. После этого она должна была всплывать на поверхность. А сейчас длительные плавания советских атомных подводных лодок подо льдами Северного Ледовитого океана ста-

ли делом обычным. Для моряков подводная лодка — боевая позиция, место учебы и службы, отдыха и развлечений — одним словом, дом родной. Как живут и учатся подводники на своих сказочных кораблях? На эти вопросы любознательный читатель найдет ответы в книге «Небо закрыто льдами».

Она написана журналистом, бывшим военным моряком, который многое повидал, хорошо знает подводную службу. Вот почему книга получилась интересной. Она построена на основе достоверных событий из жизни моряков подводного атомохода, их плавания подо льдами Арктики к Северному полюсу.

Книге предшествует краткое вступление, написанное одним из опытейших наших подводников, контр-адмиралом А. Петелиным, который за выполнение специального задания на подводных атомоходах в мирные дни получил звание Героя Советского Союза.

Ну, а какова жизнь подводников? Она, конечно, несравнима с жизнью на старых дизель-электрических лодках. Приведем только один пример. На атомоходе, о котором рассказывает автор, постоянно работает душ. Сменился с вахты — можешь освежиться. А ведь на старых лодках люди иногда даже не умывались: не хватало пресной воды. А чтобы читатель составил себе представление о размерах атомной подводной лодки, автор рассказывает, что на ней есть такие жилища кубрики, в которых команда собирается на просмотр кинофильмов, на лекции и собрания. Удобны спальные места. В кубриках — мягкий свет и чистый воздух. И все это на корабле, идущем на большой глубине подо льдом сурового океана.

Чем же занимаются здесь люди в часы, свободные от вахты?

«Порой наши кубрики, — пишет автор, — напоминали собой что-то вроде институтских аудиторий. На столах книги, конспекты... Споры то и дело разгораются; и вы послушайте, о чем идет разговор: о проблемах электроники, о новых открытиях в области радиолокации, об управлении термоядерными процессами. Научная конференция, да и только!»

Продолжительней стали походы, значительно увеличилось время пребывания под водой, а условия жизни подводника стали намного лучше.

С. Осокин,
капитан 2-го ранга.

★

ВЛ. САНГИ. Первый выстрел. Рассказы и повесть. «Советская Россия». М. 1965. 127 стр.

Владимир Санги — первый писатель небольшого четырехтысячного народа нивхов, несмотря на свою молодость, известен на родине, на Сахалине, как поэт, прозаик и неутомимый собиратель фольклора. О многогранности его дарования свидетельствуют вышедшие раньше «Нивхские легенды»,

сборник стихов «Соленые брызги», роман «Ложный гон». Новая книга «Первый выстрел» состоит из коротких рассказов и повести, написанных в последние годы.

Для искусных нивхских охотников, каким наверняка станет маленький смельчак Хаскун, первый меткий выстрел — зеха жизни (рассказ «Первый выстрел»). Небогата событиями эта история о восьмилетнем мальчонке, обрадовавшем полуголодных сородичей неожиданной помощью. Но рассказ о первых раздумьях, делах и открытиях подрастающего гражданина, полмечающего в годы войны и поблекшую яркость праздников, и слабость неутомимых прежде рук больной матери, и яростную удачу не поддающегося в любой игре «плену» Славки, — трогает своей бесхитростной простотой и естественностью.

Переломный момент в жизни Хаскуна пал на детство, а у «самого древнего жителя побережья» Полуна перемены произошли на склоне жизни. Неприметен на первый взгляд этот очень старинный человек с «морщинистым, как кора старой лиственницы, лицом». Вот у нерестилница всматривается он в золотистые икринки, и его, опытного рыбака, обжигает тревога: «Лосось может исчезнуть!» Тоска по настоящему делу побуждает его, к удивлению многих, стать «рыбнадзором», хотя «нивху-то никто не запрещает ловить рыбу на юколу». По старинке задабривая бога перед всяким поступком, прожив долгие годы в покорности вековым обычаям, старик теперь по-своему бунтует против них. Наконец-то он отыскал самое важное — путь, где «оставит после себя жизнь».

«Человек — он всегда людям нужен» — это убеждение не только мудрого сказителя Изгина, сохранившего потомкам своего удивительного друга — породистого лиса, и неутомимо, до последнего вздоха воюющего со старостью (повесть «Изгин»). В его словах — кредо любимых героев Санги, неприметных, порой обойденных удачей, но не отделяющих свою судьбу от народной.

Красочна, самобытна образность этой книги. Ее истоки — в народных глубинах. «Желания, как больные птицы, не улетали далеко», тревога «стала стучать в виски с настойчивостью дятла...» — такой строй образов характеризует нивхов, с детства общающихся с природой.

Не все одинаково удачно в книге молодого писателя. Рядом с такими фигурами, как старики Полун, Изгин, чьи характеры показаны в развитии, образ старушки Киркук, исполненной суеверий («Гостя из Ларво»), — только неоконченный этюд. А юный Пларгун, герой рассказа «Первый снег», ищущий в любви забвения от страха перед жестокостью таежных законов, что мало свойственно нивху охотнику, человечески не очень значителен.

Но не эти отдельные неудачи определяют характер интересной, проникнутой народным мироощущением книги Санги.

Е. Левитан.

ОЛЕГ КУВАЕВ. Чудаки живут на востоке. Повести и рассказы. «Молодая гвардия». М. 1965. 288 стр.

Редко бывает так, чтобы к первому выступлению молодого литератора нельзя было отнести упрека в недостаточной определенности творческого почерка, собственного писательского стиля. Олег Куваев увлекается и «рубленным» слогом, и несколько манерным остроумием диалогов, и условно-романтической лексикой, о чем можно судить хотя бы по заголовкам его рассказов («Берег принцессы Люськи», «С тех пор как плавал старый Ной» и другие).

Но чувствуется, что подражательность преходяща у автора, к стати говоря, по профессии геолога, и что у него начинает прорезываться голос вдумчивого и чуткого рассказчика.

В повести «Зажгите костры в океане» сборы геологической партии в дальний маршрут через тундру, перелет на Чукотку сначала выглядят занимательными туристскими приключениями. Однако при первой же переправе через экзотическую речку чуть-чуть не утонул молодой рабочий экспедиции Валька, и дальше обстоятельство складывается достаточно серьезно.

Продолжать ли поиски минерала миридолита или вернуться на базу, когда после разных злоключений выяснилось, что запас продовольствия иссякает? Геологи не представляют себе иного выхода, как только идти вперед. Решение принято ими вполне самостоятельно, так как «диалектически продуманный» пункт инструкции в подобных случаях отдаст право выбора «на усмотрение» членов экспедиции.

На «усмотрение» молодых людей, переставших воображать себя «модернизированными кочевниками», остаются и другие вопросы, возникающие в совместном быту, во взаимоотношениях друг с другом.

Как быть, если не геологам, а энтузиасту разведки подсобнику Вальке принадлежит приоритет открытия искомого минерала на вершинке, забракованной было для поисков начальником партии Виктором?

Виктор принимает как должное, что официально первооткрывателем будет признан все-таки он. Во мнении молодого начальника партии о Вальке проявляется жесткая логика очень благополучных людей. С ней не дает согласиться другим геологам чувство справедливости.

За плечами у Вальки детдом, ремесленное, пять классов. На вопрос: «Кем будешь?» — он отвечает: «Как есть — работягой». Ребята отсылают его из отряда учиться в техникум. Вряд ли, однако, исключительно удачный для парнишки исход может снять поставленный автором вопрос об отношениях между «интеллектуальной прослойкой» и такими «работягами», как Валька.

Вкус к труду — качество в высшей степени ценное для Олега Куваева. Собственно говоря, многие вещи его сборника представляют собой описания насыщенных и напря-

женных рабочих будней, какими являются для автора и длинные перегоны на байдарке по рекам и на собаках по тундре, и ежедневные полеты для замеров на северных площадках, и постройка самодельного плота на «необитаемом острове». Легковесное же отношение к работе, восприятие дела неконкретно, «вообще» он попытался высмеять в юмористической повести о чудаках-прожектерах, оторванных от реальности («Чудаки живут на востоке»). Повесть эта, правда, не вполне удалась, но и в ней автор верен своей основной мысли.

Как бы ни было важно найти ценную руду, дороже всего, по мысли Олега Куваева, уважение к трудовому человеку, к его способностям и достоинству.

М. Рубинчик.

★

ТОЛСТОЙ-РЕДАКТОР. Публикация редакторских работ Л. Н. Толстого. «Книга». М. 1965. 328 стр.

В своей знаменитой статье «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» Л. Толстой высказал мудрые мысли о способах изучения и освоения сокровищ родного языка, о выразительности мужицкой речи, о народной основе поэтического слова. Сам Л. Толстой шел за словами в народ, входил непосредственно в быт мужиков и усваивал богатейшую лексику, образный склад речи. В редакционной деятельности Л. Н. Толстого, так же как и в его собственных творениях, удивительно сказались это чувство красоты родного языка.

Вот перед нами сборник. В нем тринадцать (из более чем ста) художественных произведений, отредактированных Л. Толстым. Это рассказы, сказки, басни, легенды, драма, переложения из Диккенса, Гюго. Здесь всюду и во всем глубокая народная основа — в мирозерцании, сюжетах, стилистике. Блещет, переливается красками живая, сильная речь с шутками, прибаутками, неслыханными досель афоризмами. И так как в самом материале содержалось как раз то важное, что, по мысли Л. Толстого, было необходимо для народа, и во всем чувствовалась большая искренность, он и решил поэтому доставить произведения до той прекрасной техники, без которой нет совершенного искусства. «Надо, чтоб все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно», — требовал он от произведений, предназначенных для «огромного большинства человечества — трудового, кормящего всех нас народа».

Первым идет рассказ о грустной доле крестьянки, записанный Т. А. Кузминской и частично самим Л. Толстым в Ясной Поляне со слов Анисьи Тюриной из села Кочаки. Редактор бережно сохранил образность, пластичность рассказа Анисьи, легкую, свободную речь, в том же стиле вносил от себя, шлифовал фразы. «Бабыя доля» — озаглавил Толстой этот рассказ, превратив его в подлинно художественный, с широким обобщением.

Редактор улучшил даже такого словолюба, как Н. С. Лесков. После правки его рассказа «Под праздник обидели» сильнее стал диалог, больше деталей, подчеркивающих достоверность, заметнее психологическая окрашенность.

Ювелирно обработана басня «Блоха и муха». Она начиналась: «Жили-были, забыл в каком царстве, блоха и муха. И повстречались они». А когда прикоснулся к тексту Л. Толстой, получилось вот что: «Повстречались раз блоха с мухой. Блоха идет из деревни, а муха из города. Поглядела блоха на муху и не признала сразу. Живот подтянут, ноги длинные стали и вся сухая. Подивилась и муха на блоху: сплющилась вся, как засушинка, и горбатая стала».

Особенно примечательна правка новеллы В. Гюго «Бедные люди» в прозаическом переводе В. Микулич. Л. Толстой освободил перевод от сентиментальности, риторики. Он как бы вошел в хижину бедных, но очень добрых людей, сделал все реальнее.

К. А. Федин заметил: «Когда я следил за карандашом Толстого, у меня билось сердце. С необыкновенной наглядностью обнажился в этой редакторской правке весь Толстой-художник...»

Замечательная эта книга. Здесь студия высшей стилистики, особенно необходимой нам сейчас, когда нередко художественное слово бледнеет, утрачивает смысловое значение, эмоциональный ореол. Читатель найдет в книге толковую статью неумоимого исследователя рукописного наследства Л. Толстого — Э. Е. Зайденшур «Уроки Толстого-редактора». Она же осуществила общую редакцию книги. Квалифицированно, со знанием дела подготовили публикацию рукописей научные сотрудники Государственного музея Л. Н. Толстого — М. Н. Бойко, О. А. Голиненко, З. Н. Иванова, И. А. Покровская, Б. М. Шумова. К сборнику приложен составленный И. А. Покровской список произведений, отредактированных в разные годы Л. Н. Толстым. Все это войдет в научный обиход и существенно обогатит наши представления о великом писателе земли русской, чародее народного слова.

Ф. Бирюков.

★

А. ОБРАЗЦОВА. Драматургический метод Бернарда Шоу. «Наука». М. 1965. 314 стр.

Читатель не найдет в этой монографии традиционного хронологического рассказа о жизни и творчестве драматурга. Автор строит свое исследование вокруг нескольких существенных проблем, обозначенных уже в названиях глав: «Драматический конфликт», «Характеры», «Парадокс», «Природа жанра».

Книга носит боевой, полемический характер; особенно остро полемизирует автор с утверждениями о несценности пьес Б. Шоу, о том, что его драмы устарели. Убедительно доказывая, что лучшие драмы

Шоу актуальны не только для времени их написания, но и для последующих времен. А. Образцова обращается за иллюстрациями для своих положений к самым различным пьесам Шоу, в том числе и к тем, что нередко забываются нашей критикой: «Андрокл и лев», «Аннаинска — большевистская императрица», «Шестеро из Кале», «Женева» и другие.

Драматургию Шоу А. Образцова рассматривает в контексте мировой драмы. Интересны в различных главах сопоставления Шоу и Ибсен, Шоу и Гауптман, Шоу и Чехов, Шоу и Горький, Шоу и Пиранделло. Намечена и большая проблема «Шоу и театр XX века», которая в целом еще ждет своего освещения.

Книга А. Образцовой написана живо. Особенно удалась в этом отношении третья глава, в которой говорится о природе парадокса в драматургии Шоу. Множеством примеров подтверждается мысль об эффективности этого излюбленного оружия великого сатирика. Говоря о трагическом парадоксе поздних пьес Шоу, автор пишет о гротеске, справедливо полагая, что гротеск Шоу порожден стремлением к большой художественной правде. Так прокладывается «мостик» к четвертой главе — к вопросу о жанровом своеобразии пьес Шоу. А. Образцова говорит о сочетании трагического и комического у Шоу, об исторических пьесах драматурга, о жанре политической притчи.

Отдельные положения А. Образцовой остры, неожиданны и вызывают желание возразить. Но вряд ли автор этого интересного труда рассчитывал на беспорочность всех своих суждений о «парадоксальном беллетристе» Бернарде Шоу. Книга заставляет думать, с иным соглашаться, с иным спорить — и в этом ее успех.

М. Соколянский.

Одесса.

★

И. А. ТЕРТЕРЯН. Бразильский роман XX века. «Наука». М. 1965. 230 стр.

Читателю этой книги передается увлеченность исследовательницы: перед ним не только новый художественный мир, но и яркие, привлекательные, порой контрастные фигуры его творцов.

Лима Баррето. Едкий сатирик, дебютировавший смелой книгой о газетных нравах. И грустный лирик, поэт городской окраины. У этого романиста, ученика Свифта и Достоевского, были широкие планы: он хотел сочетать историю и фантазию, лирику и сатиру. Но жизнь его оборвалась рано; прошли десятилетия, прежде чем Лиму оценили по-настоящему.

Эуклидес да Кунья. Инженер, журналист, он видел своими глазами, как правительственные войска громили крестьянскую республику Канудос в выжженной степи —

сертанах. Да Кунья обвинил общество, бросившее пушки против скотоводов-вакейро. Для него повстанцы, слитые с потрескавшейся, покрытой колючками землей, — это «худые, голодные титаны». «Сертаны» да Куньи (1902) были открытием народного характера.

Традицию книги да Куньи развили писатели Северо-Востока. Именно там, в самых отсталых, аграрных штатах Бразилии, в тридцатые годы сложилась национальная школа романа. Ей посвящена вторая часть исследования И. Тертерян. И опять перед нами несхожие творческие индивидуальности.

Грасиано Рамос. Писатель-демократ, он смело вводит в роман разговорную речь, видит образец в языке крестьянина-метиса (кабокло). Но он и тонкий психолог. И. А. Тертерян анализирует переведенный у нас роман «Иссушенные жизни»; в сознании батрака, темного, безъязыкого, как бы объединяется то, что гнет природу и его самого: засуха — и полицейский...

Жоржи Амаду писатель иного склада. Его «Жубнаба» — современный фольклорный роман: точно, подробно описан народный быт, в самой гуще которого — герой легенды, чернокожий Уленшиггел, открытый чужому горю и радости. Это неожиданное сочетание трезвости и мечты, правды реальности и правды фольклора органично для Амаду: в нем обаяние его недавних повестей «Старые моряки», горячо принятых у нас.

Исследовательница говорит и о других романистах (жаль, что слишком бегло, когда изложение доходит до наших дней). Но нигде она не упускает из виду основных линий литературного развития, его внутренней динамики, его особенностей. И. Тертерян стремится показать, что у бразильского романа есть свое лицо.

Правда, она склонна представлять этот роман как единственный в своем роде. В развитых литературах Запада, говорится в книге, господствовал утонченный психологический анализ. А бразильских писателей интересовал скорее представитель массы, чем индивидуализированный характер, и можно удивляться, что они были так ненасытно жадны до материи, до бытовых деталей.

Все же это не так удивительно, если вспомнить, что в те же тридцатые годы самой влиятельной на Западе школой прозы был североамериканский реализм (из его мастеров Стейнбек достаточно близок бразильцам — и в «Гроздьях гнева» и в «Жемчужине»). А в послевоенном искусстве Запада был неореализм: такие фильмы, как «Дорога надежды» и «Нет мира под оливами», тоже сродни бразильскому роману. Поэтому Жоржи Амаду, популярный на всех континентах, воспринимается не как экзотика, а в контексте всего мирового искусства.

М. Ландор.

Г. КРЫЖИЦКИЙ. Мамонт Дальский. «Искусство». Л.—М. 1965. 190 стр.

В небольшой комнате мебелированного дома «Пале-Рояль», что на Пушкинской улице в Петербурге, сидят два человека. Один — премьер Александринского театра, известный всей столице актер, а другой, помоложе, — начинающий певец с сильным голосом.

Известный актер наставляет молодого: «Не бери горлом. Все вы оперные басы — дубы порядочные. Следи за дыханием. Думай о сути образа. Певцов много, а среди них настоящих актеров мало. Работай, больше работай, и ты будешь великим певцом и великим актером». Происходило это в середине 1890-х годов. Часто впоследствии начинающий певец Ф. И. Шаляпин с благодарностью вспоминал эти уроки Мамонта Викторовича Дальского.

Мамонт Дальский — человек могучего темперамента, увлекающийся, неуравновешенный, порой просто бешабашный, на сцене был ярок, эффектен, живописен. Бурная жизнь Дальского рождала вокруг его имени множество слухов, сплетен, легенд. И получилось так, что эти легенды заслужили творческий облик Дальского.

В 1965 году исполнилось сто лет со дня рождения актера. Издательство «Искусство» выпустило к этой дате книгу Г. К. Крыжицкого — первую серьезную работу о Дальском. В поле зрения автора — житейская и актерская судьба Дальского. Автор уточняет ряд важных моментов биографии актера, развенчивает многие легенды, ходившие вокруг его имени. Главная внутренняя тема Дальского — тема бунта, протеста, несогласия с существующими нормами жизни — отчетливо проступает в книге. Автор рассказывает о сценических созданиях прославленного трагика (Гамлет, Отелло, Рюи Блаз, Кин и другие). Дальский выступал не только в трагедиях и романтических драмах, он воплощал образы Островского, Достоевского, Горького.

Современник Дальского, знаменитый французский трагик Мунэ-Сюлли бросил как-то крылатую фразу: «Еще ни разу сюртук не осквернил моего тела на сцене». В театральном гардеробе Дальского наряду с античной тогой, королевской мантией, плащом и богатым камзолом была серая поддевка Парфена Рогожина из инсценировки «Идиота». «Весь облик Дальского, — вспоминал Ю. М. Юрьев, — в серой поддежке, отороченной черной мерлушкой, в высоких сапогах, — сам он курчавый, «черномазый», с загадочными, сверкающими, огненными глазами, с «неделикатною» усмешкою на бледном лице, с размашистой, вызывающей, ни с чем не считающейся повадкой — как нельзя более сочетался с мрачной таинственностью рогожинского дома».

Но если историческая часть в основном удалась автору книги, то теоретическая выглядит слабее. Одна из основных проблем, которая непременно должна встать перед

каждым, кто берется говорить о Дальском, — проблема романтизма в сценическом искусстве, в частности в Александринском театре. В Малом театре конца XIX века романтизм был органичным явлением, на александринской сцене он предстал в своем внешнем, костюмно-театральном варианте. Автор совсем обошел вопрос о сущности романтизма Дальского, и поэтому конфликт актера с Александринским театром из творческого плана переведен в личный. Недостаточно плазана и художественная эволюция Дальского.

Работа написана живым языком, хотя иногда этот живой язык переходит в разговорный, содержащий сомнительные сравнения («Между исполнителем и образом, как говорили в старину, не просунешь иголку», «Для начала Дальский разделал, что называется, под орех большинство исполнителей Гамлета...»).

Небольшого, «портативного» формата книга выпущена с интересными иллюстрациями.

А. Альтшуллер.

Ленинград.

★

АЛЬ-ДЖАХИЗ. Книга о скупых. Перевод с арабского. «Наука». М. 1965. 288 стр.

Арабская классическая литература (VII—XV веков) дала немало выдающихся поэтов и прозаиков, чьи произведения вполне заслуживают того, чтобы войти в золотой фонд мировой литературы. К таким авторам принадлежит и аль-Джахиз (775—868), один из основоположников арабской художественной прозы.

«Книга о скупых» — лучшее произведение аль-Джахиза. Она создавалась автором в своеобразной обстановке большого средневекового города, крупнейшего порта Ирака — Басры, куда приходили корабли, груженные товарами Индии, Китая, Шейлона, Южной Аравии и других стран. Богатели басрийские купцы, наживались менялы и ростовщики, все речке становились контрасты в жизненном уровне разных слоев населения. Все это вызвало протест лучших представителей народа, среди которых были и ученые, и философы, и литераторы. Тогда-то и появилась «Книга о скупых» — сатирическое произведение, в котором высмеивалась скупость и алчность богачей.

Книга состоит из коротких живых и занимательных рассказов. Мотивы некоторых из них перешли затем в другие литературы Востока, например, рассказы о Ходже Насреддине. Стилль «Книги о скупых» отличается отточенностью и остротой — недаром аль-Джахиз считался в свое время непревзойденным мастером остроумия. Переводчик книги (профессор Х. К. Баранов) чрезвычайно удачно передал основные стилистические особенности автора, сохранив его своеобразный юмор.

Предисловие к переводу, написанное также Х. К. Барановым, знакомит читателя с тем временем, когда жил и творил аль-Джа-

хиз, с его творческой биографией. На фоне исторических событий здесь вкратце прослеживается эволюция арабской философской мысли в VIII—IX веках и отмечается появление нового, прогрессивного течения в арабской философии, связанного с именем аль-Джахиза.

Читатель с интересом познакомится с «Книгой о скупых» — этим колоритным образом культурного наследия арабского народа.

Б. Шидфар.

★

КУРТ РЮКМАН. Сенсация: убийство! Перевод с немецкого. «Прогресс». М. 1965. 349 стр.

В книге немецкого публициста Курта Рюкмана рассказывается о десяти политических убийствах, совершенных в наше время. При этом в каждом случае автор показывает, куда ведут следы преступления, чью волю выполняли непосредственные исполнители, кто был вдохновителем и организатором убийства.

Большое место отведено событиям в странах, освобождающихся от колониальной зависимости. Для достижения своих коварных целей империалистические державы прибегают к услугам наемных убийц. Так они расправились с вождями народов Конго и Камеруна Патрисом Лумумбой и доктором Мумие, с премьер-министром Цейлона Соломоном Бандаранайке.

В главе «Убийство на диком Западе» Рюкман подвергает обстоятельному критическому разбору официальную версию убийства президента Кеннеди и оценивает выстрелы в Далласе как заговор тех, кто мечтал, чтобы после смерти Кеннеди в Вашингтон въехал человек, «верный принципам старой Америки», как их понимают ультраправые элементы из числа наиболее реакционной части империалистической буржуазии США.

Собранный в книге фактический материал проливает свет на обстоятельства, связанные с убийством по заданию западногерманской шпионской организации Гелена главаря украинских буржуазных националистов Степана Бандеры.

Упоминаемый автором один из героев «Трехгрошовой оперы» Брехта бизнесмен Пичэм говорил: «Уж я-то решительный противник убийства! Какое отвратительное варварство! Но бизнес делает его неизбежным». Эти слова продолжают оставаться справедливыми для современной реакции, не гнушающейся самыми отвратительными приемами и средствами в политической борьбе.

Разоблачению этих приемов и посвящена книга Курта Рюкмана.

Ю. Улановский.

★

В. В. ШЕВОРОШКИН. Исследования по дешифровке карийских надписей. «Наука». М. 1965. 359 стр.

Представления о прошлом человечества далеко не полны, они изобилуют белыми

пятнами. В иных случаях это объясняется отсутствием источников, в других — тем обстоятельством, что дошедшие до нас из глубокой древности письменные источники составлены на неизвестных нам языках и остаются лишь немymi свидетелями далекого прошлого. Добиться, чтобы эти свидетели заговорили, — одна из почетных, но весьма трудных задач, стоящих перед учеными. К немым свидетелям событий глубокой древности относятся и немногочисленные, довольно короткие надписи на карийском языке. Как расшифровать их?

К решению этой проблемы одним из первых подошел вплотную молодой советский ученый В. В. Шеворошкин. Однако сам он указывает, что на его исследованиях сказались трудности, связанные с недостатком материала. «Если только не будут найдены новые значительные по объему карийские надписи, — пишет он, — ученым едва ли удастся адекватно перевести карийские тексты за некоторым небольшим исключением».

Несмотря на это, книга В. В. Шеворошкина представляет, несомненно, ценный вклад в науку. Она написана на высоком научном уровне с применением самых строгих методов лингвистического исследования.

Автор детально анализирует опыт дешифровки, накопленный всеми его предшественниками. Сравнение прежних результатов с результатами, полученными В. В. Шеворошкиным, показывает, насколько дальше ушел вперед молодой советский ученый. Он сумел дать если не переводы, то ряд интерпретаций нескольких текстов, основываясь на весьма солидных аргументах. Установлена принадлежность карийского языка к группе хетто-лувийских языков. Исследование вариантов карийского алфавита и ряд других соображений позволили автору написать весьма интересную главу о некоторых вопросах доистории Малой Азии в свете материалов карийских надписей. Несмотря на гипотетический характер некоторых положений, эта глава представляет серьезный интерес.

Книга В. В. Шеворошкина заинтересует не только лингвистов и историков, но и всех тех, чье внимание привлекают неразрешенные проблемы древней истории.

Проф. М. Коростовцев,
доктор исторических наук.

★

Ю. С. МУСАБЕКОВ. Марселен Берто. 1827—1907. «Наука». М. 1965. 231 стр.

В октябре 1927 года весь культурный мир отмечал столетие со дня рождения корифея науки, великого французского химика Марселена Берто. В столицу Франции прибыли представители из шестидесяти стран мира. Советскую делегацию, в состав которой входили выдающиеся химики Курнаков, Ипатьев, Коновалов, Тищенко, Зелинский, Арбузов, возглавил народный комиссар просвещения РСФСР А. В. Луначарский.

Редко кто из ученых удаивался таких почестей, какие выпали на долю М. Бергло. Немало написано о его жизни и деятельности на французском и других языках. Но, к сожалению, до сих пор о Бергло не было ни одного монографического исследования. Задачу создать его взял на себя советский ученый профессор Ярославского химико-технологического института Ю. С. Мусабекев. Его труд — серьезный вклад в мировую литературу о М. Бергло. Использование широкого круга источников, в том числе архивных, позволило автору установить ряд неизвестных в литературе фактов, дать новую трактовку отдельных сторон творчества М. Бергло.

Книгу отличает широта замысла, стремление раскрыть все многообразие научной деятельности французского ученого. Ю. С. Мусабекев отказался от традиционной манеры, присущей биографическому жанру, — дать жизнеописание Бергло «единым потоком». Именно многогранность творчества ученого-энциклопедиста подсказала другую структуру книги. Из первой главы читатель узнает об основных событиях долгой и плодотворной жизни великого химика, оставившего потомству около шестидесяти книг и около трех тысяч брошюр и статей. Остальное содержание книги Мусабекева в основном посвящено обобщенной характеристике этих трудов. В специальных главах рассмотрены работы Бергло по различным отраслям химии. Впервые в мировой литературе дан подробный анализ его философских взглядов. Особый интерес советского читателя привлекает глава о связях М. Бергло с русскими учеными: Бутлеровым, Менделеевым, Тимирязевым, Марковниковым, Лугининым, С. Ковалевской и другими.

Труд советского ученого, написанный живо и доступно, дает яркое и всестороннее представление о Марселене Бергло — ученом-химике, историке науки, философе, общественном деятеле, воспитателе молодежи.

А. Черняк.

★

ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ. *Амазонка глазами москвича. «Молодая гвардия». М. 1965. 254 стр.*

Сразу же привлекает к себе внимание название книги: до сих пор мы узнавали о великой реке Южной Америки из книг зарубежных авторов. На этот раз она показана нам такой, какой увидел ее наш земляк, советский журналист.

Известный бразильский писатель Жоржи Амаду так говорит об авторе: «Немногие советские люди и, может быть, вообще иностранцы знают так хорошо Бразилию, как Игнатъев». И, читая книгу, убеждаешься в этом. Автор знает о тропиках не понаслышке: вместе с добытчиками алмазов — гаримпейрос он промывал породу, вместе с собирателями каучука — серингейрос добывал «слезы» гевети... Под проливным дождем

Игнатъев пробирался через непроходимые джунгли, отбиваясь от полчищ москитов. Он встречался с многими людьми этого далекого, во многом еще таинственного края. Видел, как ловят бразильских черепах, как ловят рыбу стрелами, ел крокодилье мясо. Наконец он гостил у индейцев — там, куда вообще редко проникал белый человек.

Трудно, конечно, представить себе Южную Америку без экзотики, и она, бесспорно, присутствует в книге. Но это в ней не основное. Олега Игнатъева прежде всего привлекают труженики, населяющие джунгли, те три с половиной миллиона человек, которые живут в бассейне Амазонки, — собиратели каучука и добытчики алмазов, рыбаки, охотники. И пишет он о них тепло, проникновенно, с доброй улыбкой и горячим сочувствием. Описав поистине каторжные условия труда на алмазных приисках, автор говорит: «И не высматривайте здесь какой-то романтики или экзотики. Нет их и в помине... Гаримпейрос в рваных парусиновых штанах и опорках на босу ногу есть, вечно голодные дети, что роятся в песке на берегу реки Арагуаи, есть, а романтики или экзотики и нет в этом далеком уголке бассейна реки Амазонки». А в другом месте он приводит такой факт: на весь район бассейна реки приходится всего двадцать восемь врачей (один врач более чем на сто тысяч человек)...

Хорошим дополнением к тексту служат фотографии автора.

А. Глухов.

★

В. НЕГОВСКИЙ, Н. УМАНЕЦ. *Рассказ о побежденной смерти. Политиздат. М. 1965. 144 стр.*

«Рассказ о побежденной смерти» — это очередной рапорт с переднего края науки, правдивая, взволнованная информация о трудной борьбе с преждевременной смертью. И рассказ этот ведется «со смыслом». В противоположность религии, стремящейся сохранить свою власть и влияние, пользующейся нерешенностью многих проблем, связанных с грозным и неотвратимым финалом жизни, — наука предлагает знание, действие, надежду. Оказывается, смерть можно предотвратить. Более того — можно восстановить жизнь. И об этом мы узнаем из первоисточника: один из авторов этой книги — выдающийся новатор медицины профессор В. А. Неговский. Создатель и руководитель лаборатории по оживлению организмов, ученый, так много сделавший для спасения жизни в почти безнадежных случаях, он не нуждается в рекомендациях и похвалах.

Авторы, описывая длительный путь поисков, неудач и временных успехов, показывают, что возвращение человека к жизни — отнюдь не чудодейство, а счастливый плод прогресса науки.

Медицина, принявшая на вооружение лучшие образцы современной техники, опирающаяся на замечательные достижения

физиологии, химии, физики и математики, настойчиво ищет и совершенствует методы реаминации (возвращения к жизни). Все это интересно и поучительно.

Но кроме содержания есть, как известно, форма. А она в этой книге весьма далека от совершенства. Мы, очевидно, не должны упрекать в этом профессора Неговского: он свое дело знает. Но «Рассказ...» написан им совместно с журналистом Н. Н. Умашем, которому, надо полагать, и принадлежит «литературная обработка» материала. Погоня за привлекательностью привела на ненужный путь «расцвечивания» и псевдолитературной «красивости». Вот несколько наглядных образцов.

На фронте «обильно льется кровь». «Смерть витает над окопами». «Дикая коза, красивое животное с гордо поднятой изящной головкой». «Глаза мертвой собаки — тусклые изумруды — очень красивы, кажется, что она просто спит с открытыми глазами». «Сердце работает так же слабо, как тлеет фитиль керосинки, когда керосин подходит к концу». Сердце — «мотор организма», «центральный мотор». Первый вздох «слаб, как огонек свечи на сквозняке». Смерть «длительное время днем и ночью складывается над изголовьем оживленного, выбирая момент, когда можно будет наброситься на него и взять реванш».

Из-за этих и подобных им штампов страдает содержание. Многие интересные и полезные сведения буквально тонут в погоке ненужных слов.

С. Михайлов.

★

А. М. ГУСЕВ. *Климат и погода. Можно ли влиять на климат и погоду.* «Наука». М. 1966. 123 стр.

По поводу погоды и ее прогнозов у нас охотно острят, сочиняют анекдоты. Упреки в адрес метеорологов и синоптиков, конечно, не случайны: они вызваны несовершенством прогнозов. Но вместе с тем ошибки синоптиков часто преувеличиваются. Объясняется это особенностью нашей памяти: фиксировать внимание прежде всего на тех событиях, которые идут вразрез с нашими желаниями и планами. Если объективно изо дня в день проверять, как оправдываются прогнозы погоды, то окажется, утверждает автор этой книги, что в среднем они верны не менее чем в семидесяти пяти случаях из ста. Однако он отнюдь не склонен преуменьшать отставание метеорологии.

Перед читателем раскрывается невероятная сложность процессов, протекающих в атмосфере и зависящих от большого числа факторов земного и внеземного происхождения. Шаг за шагом прослеживается тайна «кухни» погоды, рассматриваются законы, управляющие атмосферными процессами. Небольшие, но насыщенные многими познавательными сведениями разделы посвящены Солнцу как источнику тепла, распределению температуры воздуха, давлению

атмосферы, ветру, воздушным массам, теплообмену, влагообмену, движениям в атмосфере.

Интересен рассказ о накопленных человеком приметах погоды, связанных с поведением животных, насекомых, рыб... Известно, например, что, изучая поведение животных, приобретших за миллионы лет эволюции способность улавливать многие сигналы природы, люди научились моделировать эти способности и конструировать высокочувствительные приборы. В нашей стране создано так называемое «ухо медузы», предсказывающее шторм. Делаются попытки моделировать свойства животных, улавливающих сигналы приближающегося землетрясения. Но современные научные методы прогноза основываются прежде всего на метеорологических наблюдениях, накопившихся в течение многих лет. В книжке рассказано о синоптическом прогнозе погоды. По международному соглашению, около двадцати тысяч метеорологических станций, расположенных в различных районах земного шара, в определенные сроки проводят наблюдения и немедленно передают их в соответствующие центры. Карта погоды на территории СССР и соседних стран бывает готова через полтора-два часа после наблюдений.

Значительная часть книжки посвящена проблемам управления климатом и погодой, воздействию человека на метеорологические процессы. Известны некоторые успешные эксперименты по рассеиванию облачности над аэродромами (для обеспечения посадки и взлетов самолетов), а также над теми участками, где в период затмений Солнца ведутся наблюдения. Найдены ряд способов увеличения осадков в засушливых областях. В Советском Союзе, Италии, Франции, Швейцарии разработаны методы предотвращения града. В книжке рассматриваются заманчивые предложения преобразования природы в различных зонах земного шара с целью смягчить климат, повысить среднегодовую температуру, влажность, увеличить осадки.

С. Смуглый.

★

А. Ф. ХОРОШЕВ. *Это от тебя зависит, человек. Советы врача.* Лениздат. 1965. 294 стр.

Умеете ли вы оказывать первую медицинскую помощь человеку? Знаете ли, что надо предпринимать при ожогах, отморожениях, переломах костей, отравлениях? Ведь подобные случаи не так уж редки в жизни, но как часто мы оказываемся неспособными проделать самые примитивные процедуры, которые иной раз могут спасти человеку жизнь. Правда, этому учат в многочисленных кружках, на всевозможных курсах. Но могут быть пути еще более простые, каждому доступные, позволяющие иметь необходимого советчика всегда рядом с собой. Хотите убедиться? Приобретите книгу А. Хорошева. Это своеобразная карманная

энциклопедия здоровья. Она содержит практические и очень ясные советы врача.

Книга напоминает читателю, как важно уметь беречь здоровье, заботиться о своих силах, не расходовать их зря, а, напротив, укреплять их и умножать. Естественный инстинкт жизни, заложенный в каждом из нас,— стремление дольше жить, не старея. Автор убедительно, на ряде житейских примеров, показывает, что неправильный режим жизни превращает человека в старика уже к четвертому десятку лет его жизни, в то время как разумный режим меньше старит человека, перешагнувшего через рубежи седьмого, восьмого, а иногда даже и девятого десятка.

Надо учиться правильно работать и разумно отдыхать. А как часто люди сокращают свою жизнь перееданием, спиртными

напитками и курением. Значение физической гигиены известно всем. А знаете ли вы, что существует еще и психогигиена, то есть гигиена нервной системы? Помните старинную народную поговорку: «Злась — мы стареем, а улыбаясь и смеясь — молодеем».

Автор не побоялся затронуть сугубо интимные вопросы. Он приподнимает завесу над супружеской жизнью, вскрывает в таковой форме наиболее частые причины размолвок и неполадок и отсюда выводит свои профилактические советы по формированию прочного брака и счастливой семьи.

Книга А. Ф. Хорошева учит, как сберечь здоровье и продлить жизнь.

Л. Сухаревский,
доктор медицинских наук.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ПОЛИТЗДАТ

- Г. Голиков, Г. Мухина.** Во главе Великого Октября (Март 1917 г.— 1920 г.) 152 стр. Цена 17 к.
- Н. Думова.** Секретарь МК (Повесть о В. М. Загорском). 120 стр. Цена 12 к.
- Г. Калинин.** Огни над Окой. 96 стр. Цена 11 к.
- В. Карпинский.** Владимир Ильич Ленин — вождь — товарищ — человек. 64 стр. Цена 10 к.
- Н. Карташов.** НОТ — дело партийное. 52 стр. Цена 6 к.
- Т. Колесниченко, М. Зенович.** Гром над Родезией. 104 стр. Цена 14 к.
- Н. К. Крупская.** Вопросы коммунистического воспитания молодежи. 64 стр. Цена 8 к.
- Б. Кун.** О Венгерской Советской Республике. Избранные статьи и речи. 544 стр. Цена 95 к.
- Ю. Львов, А. Эпштейн.** След на земле. Документальная повесть. 80 стр. Цена 11 к.
- Е. Маринский.** Внизу — передний край. Документальная повесть. 256 стр. Цена 39 к.
- И. Милевский.** Партия большевиков в годы мировой империалистической войны. Вторая революция в России (1914 г.— февраль 1917 г.). 88 стр. Цена 10 к.
- Наш народный парламент.** Справочник. 184 стр. Цена 24 к.
- На новых дорогах...** Очерки. 160 стр. Цена 20 к.
- Е. Онфурьев.** Встречи с Лениным (Воспоминания делегата Пражской партийной конференции). 40 стр. Цена 6 к.
- П. Степовой.** От околицы до околицы. Очерки. 160 стр. Цена 19 к.
- М. И. Ульянова.** О Ленине. 128 стр. Цена 21 к.

«МЫСЛЬ»

- Б. Бородин.** Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне. 1937—1941. 200 стр. Цена 78 к.
- Г. Вельц.** Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. Перевод с немецкого. 359 стр. Цена 1 р. 16 к.
- Ф. Калининцев.** Советское законодательство в период строительства коммунизма. 102 стр. Цена 15 к.
- Классовая борьба в развитых капиталистических странах.** Сборник статей. 224 стр. Цена 80 к.
- В. Козловский.** Развитие В. И. Лениным марксистского учения о противоречиях. 319 стр. Цена 1 р. 12 к.
- Международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение.** Выпуск 1. 182 стр. Цена 31 к.
- М. Мухтасипов.** Советские профсоюзы в борьбе за международное единство рабочего класса (1918—1939 гг.). 110 стр. Цена 17 к.
- А. Румянцев.** О категориях и законах политической экономики коммунистической формации. 422 стр. Цена 1 р. 62 к.
- М. Санов.** Сочетание материальных и моральных стимулов в развитии производства. 68 стр. Цена 10 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

- Г. Агбасаде.** Случай в Карадаге. Повести. Перевод с азербайджанского. 264 стр. Цена 36 к.
- А. Белинков.** Юрий Тынянов. 636 стр. Цена 1 р. 10 к.
- Л. Вольтинский.** Дорога к новой земле. Невыдуманные рассказы. Путевые заметки. 372 стр. Цена 51 к.
- А. Горобова.** Звезды зреют на яблонях. Очерки и рассказы. 308 стр. Цена 47 к.
- И. Гофф.** Не верь зеркалам. Рассказы и повесть. 160 стр. Цена 26 к.
- А. Григорьев.** Стихотворения и поэмы. 410 стр. («Библиотека поэта»). Цена 49 к.
- Дела и думы.** Шестнадцать писателей рассказывают о наших современниках. 456 стр. Цена 73 к.
- С. Журахович.** Киевские ночи. Роман. Перевод с украинского. 456 стр. Цена 57 к.
- А. Коптелов.** Возгорится пламя. Роман. 384 стр. Цена 81 к.
- А. Кушнер.** Ночной дозор. Стихи. 124 стр. Цена 15 к.
- Д. Лучанинов.** Подъем. Повести. Рассказы. 344 стр. Цена 58 к.
- М. Нагнибеда.** Вечерние костры. Стихи. Перевод с украинского. 108 стр. Цена 21 к.
- В. Петелин.** Гуманизм Шолохова. 496 стр. Цена 94 к.
- В. Поздышев.** День как день. Рассказы. 208 стр. Цена 30 к.
- В. Селиванов.** Свадебные колокола. Повесть. 292 стр. Цена 42 к.
- М. Слонимский.** Книга воспоминаний. 248 стр. Цена 50 к.
- Л. Щипахина.** Личное дело. Стихи. 64 стр. Цена 12 к.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

- М. Джалиль.** Избранное. Перевод с татарского. 256 стр. Цена 55 к.
- Лирика древнего Египта.** Перевод с египетского. 159 стр. Цена 1 р. 15 к.
- Обнаженные ритмы.** Негритянские мотивы в поэзии Латинской Америки. Перевод с испанского и португальского. 220 стр. Цена 35 к.
- А. Письменный.** В маленьком городе. Роман. Поход к Босфору. Повесть. Рассказы. 592 стр. Цена 1 р. 10 к.
- Т. Щепкина-Куперник.** Разрозненные страницы. 311 стр. Цена 60 к.
- Х. Эрнандес.** Мартин Фьерро. Поэма. Перевод с испанского. 142 стр. Цена 18 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

- Бригантина.** Сборник рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. 332 стр. Цена 93 к.
- Л. Инфельд.** Эварист Галуа — избранник богов. Перевод с английского. 352 стр. («Жизнь замечательных людей»). Цена 1 р. 8 к.
- З. Канониди.** Крикетный мяч. Рассказы. 208 стр. Цена 21 к.
- В. Лазарев.** Семь цветов надежды. Лирика. 96 стр. Цена 10 к.

М. Львов. Избранная лирика. 32 стр. Цена 5 к.

А. Нурпеисов. Сумерки. Роман. Перевод с казахского. Кн. 1. 256 стр. Цена 51 к.

Ю. Рыхтэу. Айвангу. Роман. 296 стр. Цена 61 к.

В. Тельпугов. Можайский лед. Рассказы. 256 стр. Цена 54 к.

Г. Штоль. Шлимман («Мечта о Трое»). Перевод с немецкого. 432 стр. («Жизнь замечательных людей»). Цена 1 р. 26 к.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

М. Андреева, Л. Антонова, О. Дмитриева. Рассказы о трех искусствах. 239 стр. Цена 65 к.

В. Бахревский. Пулисангинское ущелье. Рассказы. 96 стр. Цена 25 к.

Р. Блум. Земля янтарная. Книга о Латвии. Перевод с латышского. 160 стр. Цена 31 к.

А. Варшавский, К. Поничева. Великие еретики. Очерки. 224 стр. Цена 44 к.

Верной дорогой. Рассказы, стихи, воспоминания. 240 стр. Цена 41 к.

Ф. Вигдороза. Минуты тишины. 54 стр. Цена 7 к.

С. Дангулов. Тропа. Рассказы о Ленине. 231 стр. Цена 66 к.

Детская литература. 1965. Сборник литературно-критических статей. 246 стр. Цена 68 к.

В. Дроздов, Ю. Капусто. Война на хуторах или Юность Феди Панько. Повесть. 192 стр. Цена 42 к.

Н. Думбадзе. Я вижу солнце. Повесть. Перевод с грузинского. 189 стр. Цена 38 к.

Б. Камов. Партизанской тропой Гайдара. Рассказ-поиск. 259 стр. Цена 87 к.

Г. Кублицкий. Иностранец в Нью-Йорке. 239 стр. Цена 82 к.

И. Носов. Незнайка на Луне. Роман-сказка. 523 стр. Цена 89 к.

М. Поповский. Пять дней одной жизни. Повесть. 335 стр. Цена 67 к.

Д. Трунов. Орлиный край. Книга о Дагестане. 151 стр. Цена 31 к.

В. Фалорский. Рассказы художника-гравера. 103 стр. Цена 72 к.

Н. Хохлов. Прыжок импалы. Письма из Африки. 191 стр. Цена 86 к.

«МИР»

А. Азимов. Путь марсиан. Рассказы. Перевод с английского. 422 стр. Цена 90 к.

Э. Гельгорн, Д. Льюфборроу. Эмоции и эмоциональные расстройства. Нейрофизиологическое исследование. Перевод с английского. 672 стр. Цена 2 р. 64 к.

Оптическая обработка информации. Перевод с английского. 377 стр. Цена 1 р. 53 к.

Л. Столаров. Обучение с помощью машин. Перевод с английского. 373 стр. Цена 1 р. 49 к.

«НАУКА»

Автоматизация в лингвистике. Сборник статей. Переводы с английского, французского, немецкого и чешского. 158 стр. Цена 63 к.

Астрономический ежегодник СССР на 1969 г. 674 стр. Цена 6 р. 81 к.

М. Волков. Промышленность Англии. Экономические проблемы послевоенной перестройки. 231 стр. Цена 92 к.

Ч. Галленкамп. Майя. Загадка исчезнувшей цивилизации. Перевод с английского. 215 стр. Цена 1 р.

Горький и русская литература начала XX века (Горьковские чтения. 1964—1965). 399 стр. Цена 1 р. 75 к.

Ю. Данилин. Поэты Парижской Коммуны. 477 стр. Цена 2 р. 32 к.

Древнеиндийские афоризмы. 96 стр. Цена 17 к.

Исследования мышления в советской психологии. Сборник статей. 476 стр. Цена 1 р. 73 к.

В. Кожевников и Р. Поповкина. Современный Лаос. Справочник. 239 стр. Цена 1 р. 2 к.

А. Кунаркин. Чарльз Чаплин и его фильмы. 246 стр. Цена 85 к.

С. Лехази. Путевые заметки. Перевод с армянского. 322 стр. Цена 1 р. 15 к.

В. Милокова. Дипломатия рванда (Внешняя политика ФРГ в Европе). 299 стр. Цена 1 р. 20 к.

Население земного шара. Справочник по странам. 374 стр. Цена 1 р. 50 к.

А. Нудельман. Советские экспедиции в Антарктику. 1961—1963 гг. 272 стр. Цена 1 р. 34 к.

А. Паннекук. История астрономии. Перевод с английского. 592 стр. Цена 2 р. 86 к.

А. Попов. Географические названия (Введение в топонимику). 181 стр. Цена 26 к.

Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917. Сборник статей. 410 стр. Цена 1 р. 81 к.

Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период. 600 стр. Цена 2 р. 52 к.

Сказки народов Дагестана. Переводы. 319 стр. Цена 1 р. 16 к.

Строительство коммунизма и мировой революционный процесс. 538 стр. Цена 2 р. 45 к.

Александр Евгеньевич Ферсман. Жизнь и деятельность. Сборник статей и воспоминаний. 478 стр. Цена 1 р. 68 к.

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ЯРОСЛАВЛЬ)

И. Пуришев, И. Ковалев. Углич. Путеводитель. 168 стр. Цена 24 к.

М. Рапов. Каменные сказы. Сокровища древней русской архитектуры Ярославской области. 236 стр. Цена 1 р. 61 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**

Редакционная коллегия:

И. И. Виноградов, А. Г. Дементьев (зам. главного редактора), **Б. Г. Закс** (ответственный секретарь), **А. И. Кондратович** (зам. главного редактора), **В. Я. Лакшин, А. М. Марьямов, В. В. Овечкин, И. А. Сац, К. А. Федин**

Редакция: Малый Путинковский пер., д. 1/2. Тел. К 9-81-77.
Почтовый адрес: Москва, К-6. пл. Пушкина, д. 5.

Сдано в набор 5/III 1966 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 29/IV 1966 г.
А 13516. Формат бумаги 70 × 108^{1/16}, 9 бум. л. (24,66 усл. п. л.) Зак. 633. Тираж 148.000.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 70 коп.

70636